

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Глинка Г.	Орлов А. С.
Нестор Летописец	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Владимир Мономах	Даль В. И.	Потебня А. А.
Русская Правда	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Нил Сорский	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иосиф Волоцкий	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Иван Грозный	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Стоглав	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Домострой	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Соборное Уложение	Забылин М.	Сахаров И. П.
Азадовский М. К.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Аничков Е. В.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Антоновский М. И.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Анучин Д. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Афанасьев А. Н.	Киреевский П. В.	Токарев С. А.
Барсов Е. В.	Коринфский А. А.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Костомаров Н. И.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Кулиш П. А.	Флоринский Т. Д.
Богданович А. Е.	Ламанский В. И.	Худяков И. А.
Бодянский О. М.	Максимов С. В.	Чулков М. Д.
Болотов А. Т.	Максимович М. А.	Шангина И. И.
Будилович А. С.	Мельников П. И.	Шейн П. В.
Бурцев А. Е.	Метлинский А. Л.	Шергин Б. В.
Буслаев Ф. И.	Миллер В. Ф.	Ядринцев Н. М.
Веселовский А. Н.	Миллер О. Ф.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Надеждин Н. И.	Якушкин П. И.
Гильфердинг А. Ф.	Нидерле Л.	

МЭКЕНЗИ УОЛЛЭС

**ТРАДИЦИИ И БЫТ
РОССИИ ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦА**

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2016**

УДК 395
ББК 63.5
У 63

Мэкензи Уоллэс

Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2016. — 800 с.

После полуторавекового перерыва Институт русской цивилизации переиздает ставшую большой редкостью книгу Мэкензи Уоллэса (1841–1919), посвященную изучению традиций и быта России. В Англии книга с 1877 года выдержала 10 изданий.

Глубоко сознаваемые автором различия между теоретической и исторической возможностью при рассмотрении выгод свободного и самостоятельного национального развития страны делают выводы Мэкензи во многом созвучными с идеями великой книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

Значение содержащихся в книге сведений о России велико, их использовали в своих работах многие исследователи. В частности, Чарльз Дарвин, прочитав ее, высказывал очень верные мысли о России, отмечая хорошие качества русского народа, прочил ему светлую будущность.

ISBN 978-5-4261-0146-3

© Институт русской цивилизации, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте 1870 г. я прибыл впервые в Петербург. Я имел в виду провести в России только несколько месяцев, но неожиданно нашёл такое множество предметов для изучения, что прожил почти шесть лет – до декабря 1875 года. Во время этого периода я проводил зимы большую часть в Петербурге, Москве и Ярославле, а летние месяцы употреблял обыкновенно на путешествия внутри страны, чтобы собирать сведения от местных чиновников, помещиков, купцов, духовных и крестьян. С тех пор я поддерживал постоянную переписку со многими русскими друзьями, что дало мне возможность следить за последними событиями в России.

Из большой массы материалов, собранных мною в течение этих шести лет относительно прошедшей истории и настоящего положения России, я воспользовался в настоящем сочинении только теми, которые казались мне наиболее интересными для большинства публики. Более подробныя изследования о сельской общине, о разных системах земледелия, об истории освобождения крестьян, о современном экономическом положении крестьянского сословия, о финансовой системе, о народном образовании, о новых умственных движениях и т. п. я надеюсь издать впоследствии в особом томе.

Если моя книга не лишена некоторых заслуг, то оне должны быть приписаны главным образом содействию, щедро оказанному мне многими русскими. Если бы я захотел поместить здесь список всех этих лиц, то он занял бы

много страниц. Я должен поэтому ограничиться упоминанием лишь некоторых из них, которым я считаю себя особенно обязанным. Весьма важныя услуги оказал мне г. Капустин, учёный и дельный директор юридического лица в Ярославле, а также г. Балкашин и другие члены этого преемственного института; затем назову г. Чаславскаго, который путешествовал со мною два лета, А. Н. Гончарова, сопровождавшего меня в поездке по Самарской губернии, и наконец, покойнаго г. Эдуарда Моргана. Ещё я должен выразить мою глубокую благодарность г-же Новиковой, рождённой Киреевой, за помощь, оказанную мне ею в моём стремлении лично познакомиться с лучшими практически людьми на разных поприщах, и Е. И. Якушкину, любезно предоставившему мне свои обширныя познания о русском крестьянстве. О покойных И. А. Милютине и Самарине, о недавно умершем князе Черкасском, а равно и о г. Кошелеве, помогавшим мне в изучении вопроса об освобождении крестьян, я говорил в главе об этом предмете. Остальным русским знакомым, помогавшим мне в добывании материалов и оказавшим мне любезную предупредительность во всех отношениях, я должен выразить мою благодарность коллективно. Многие взгляды и мнения этих друзей и знакомых я должен был отвергнуть; но я всегда делал это лишь после тщательнаго обсуждения, и вообще я постоянно стремился к тому, чтобы составлять свои мнения по возможности безпристрастно.

В заключение не могу не испросить себе снисхождения любезнаго читателя. Предмет моей книги так обширен и разносторонен, что нелегко выбрать вопросы наиболее существеннаго значения и изложить их так, чтобы читатель получил общее понятие о стране и народе. К некоторым опущенным здесь вопросам я надеюсь ещё вернуться в недалёком будущем.

Мэкензи Уоллэс

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ

Железные дороги. — Вмешательство государства. — Водяные сообщения. — Русский «Grand tour». — Волга. — Казань. — Жигулёвские горы. — Финны и Татары. — Дон. — Трудности пароходства. — Неудобства. — Гостиницы. — Замечательные нравы. — Грунтовые дороги. — Мосты. — Подача писем. — Дорожные принадлежности. — Путешествие зимою. — Отморожение. — Неприятные приключения. — Сцена на почтовой станции

Путешествие по России теперь, конечно, не то, что было прежде. В течение последнего двадцатипятилетия выстроена обширная сеть железных дорог, и теперь можно проехать в комфортабельных вагонах первого класса из Берлина в Петербург или Москву, а оттуда в Одессу, Севастополь, к низовьям Волги или даже до подошвы Кавказа. И надо сказать, что дороги эти вообще устроены довольно удобно. Вагоны положительно лучше, чем в Англии; они отапливаются зимою маленькими печами, какия мы видим иногда на пароходах, и имеют двойные окна и двойные двери, — необходимая предосторожность в стране, где термометр часто опускается до 30° ниже нуля. Поезды двигаются, правда, не особенно скоро, — по крайней мере, по понятиям англичан и американцев, — но надо принять во внимание, что русский человек редко спешит и охотно пользуется частыми случаями поесть и попить. В России время *не* деньги, — иначе почти все русские обладали бы значительным запасом капитала. Кстати, заметим здесь мимоходом, что в

России люди с большим запасом наличных денег составляют довольно редкое исключение.

Железнодорожные общества, перевозя пассажиров со скоростью лишь 15–30 вёрст в час, исполняют, по крайней мере, то, что обещают; но в одном отношении они не совсем исполняют своих обязательств. Путешественник берёт билет в известный город, и к концу пути он часто находит лишь станцию, окружённую полями. К своему разочарованию он узнает, что город и станция, носящая его имя, не одно и то же и что железная дорога на несколько вёрст не исполнила своего обещания, по крайней мере, не так, как он думал. Можно, в самом деле, сказать, что железные дороги в России вообще минуют города, – точно погонщики верблюдов в некоторых местах Востока. С первого раза это кажется странным. Можно легко себе представить, что бедуин так привязан к шатрам и к своему кочующему образу жизни, что избегает городов, как тюрем, – но инженеры и железнодорожные строители обыкновенно не так боятся каменных построек. Я думаю поэтому, что причина этого явления лежит в том, что земля в черте города и по близости его относительно дорога, а так как железные дороги здесь не знают благодетельного влияния здоровой конкуренции, то они позволяют себе смотреть на удобства путешественников как на дело второстепенной важности.

Справедливость требует указать, что в одном известном случае инженеры и строители были тут не причём. От Петербурга до Москвы локомотив на расстоянии более 400 вёрст бежит точно ворона летит, то есть совершенно прямо, не поворачивая ни вправо, ни влево. Пятнадцать часов пассажир курьерского поезда видит перед собою только лес и болото, и редко глаз его останавливается на человеческом жилище. Только раз он видит вдали нечто вроде города; это Тверь, случайно лежащий вблизи этой прямой линии. – Отчего же эта железная дорога построена так необыкновенно? – Да просто оттого, что такова была воля царя. Во вре-

мя приготовления к постройке дороги император Николай узнал, что лица, заведующая этим делом (между ними и министр путей сообщения), руководствуются не столько техническими, сколько личными соображениями, и он решился по-царски разрубить этот гордиев узел. Когда министр представил ему карту с намерением разъяснить предлагаемое направление, Император взял линейку, провёл прямую линию от одного конечного пункта к другому и тоном, не допускающим возражения, сказал: «Так вы построите эту линию». Так она и была построена.

Прежде об этом случае говорили втихомолку, как об иллюстрации вредного правления автократии. Но в новейшее время общественное мнение, по-видимому, изменилось и многие хотят видеть в этом проявлении царской воли акт дальнозоркой политики. Так как значительно большая часть товаров и пассажиров перевозится во всю линию, то и нужно было по возможности сократить её и затем строить боковые линии к городам, лежащим вправо и влево. Кроме политических соображений, можно привести в пользу этого мнения ещё многое другое.

При утверждении проектируемой железной дороги в России всегда требуется отзыв военных властей, и мнение это имеет большое влияние на окончательное решение. Вследствие этого в карте русских железных дорог специалист-тактик найдёт много такого, что непонятно обыкновенному наблюдателю. Это факт, который показала и последняя русско-турецкая война. Россия теперь не та, какую она была во время Крымской кампании, когда войска и обозы передвигались на сотни вёрст самым первобытным способом. Тогда в России было железных дорог около 750 вёрст, а теперь она имеет более 11 тыс. вёрст, и ежегодно строятся новые линии.

Водяные сообщения так же значительно улучшены за последнее время. По всем большим рекам теперь ходят довольно хорошие пароходы. К несчастью, только климатиче-

ския условия здесь весьма неблагоприятны для судоходства. В течение почти 6-ти месяцев в году реки покрыты льдом, а в остальное время года судоходство также встречает разные затруднения. Когда лёд и снег тают, реки выступают из берегов и затопляют низко лежащая места и многия села, но затем вода скоро спадает и в середине лета крупные пароходы с большим трудом отыскивают себе путь среди песчаных мелей. Только Нева, царица северных рек, всегда имеет воды вдоволь.

Кроме Невы, путешественники посещают обыкновенно Волгу и Дон, составляющие часть русского «Grand tour». Иностранцы, не ограничивающиеся посещением Петербурга и Москвы, отправляются обыкновенно по железной дороге в Нижний Новгород, чтобы видеть большую ярмарку, и затем садятся на какой-нибудь Волжский пароход. Освоившись с фактом, что Россия вообще не богата красивыми видами, можно найти поездку по Волге довольно привлекательною. Левый берег ея низменный, как берег Рейна ниже Кёльна, но правый берег высок, местами усеян лесом и не лишён живописных мест. Утром второго дня пароход достигает Казани, некогда столицы независимаго татарскаго ханства. Число татарских жителей и теперь здесь довольно значительно. Несколько мечетей, украшенных небольшими минаретами и расположенных в нижней части города, свидетельствуют о живучести здесь ислама, несмотря на то, что ханство уже более 300 лет присоединено к России. В целом, однако, город имеет более европейский, чем азиатский характер.

Путешественник, отправляющийся в Казань в надежде «бросить взгляд на Восток», сильно разочаруется, если только он не принадлежит к тем одарённым богатою фантазиею туристам, которые повсюду открывают то, что желают видеть, особенно если это может послужить впоследствии интересным материалом для «путевых впечатлений». И все-таки надо сказать, что Казань – самый инте-

ресный город на этом пути. Он имеет если не восточный, то все-таки своеобразный характер, между тем как другие города – Симбирск, Самара, Саратов – так же мало интересны, как и большая часть русских губернских городов.

Вероятно на третий день пути, рано утром, на горизонте покажется нечто похожее на цепь гор. Для избежания разочарования считаю нужным тут же заявить, что в этой части страны нет вообще ничего, что бы действительно заслуживало названия «горы». Ближайшая цепь гор в этом направлении есть Кавказ, который начинается, однако, в отдалении нескольких сот вёрст и, следовательно, не может быть виден с парохода. Упомянутые же возвышения представляют лишь цепь холмов, носящих название Жигулёвских гор. В Западной Европе они едва ли обратили бы на себя много внимания, но «в царстве слепых, как говорится, одноглазый есть уже король», и в такой равнине, как восточная Россия, эти холмы имеют большое значение. Не представляя ничего величественного, склоны этих гор, покрытые густым лесом и доходящие до водяного берега, производят, однако, значительное впечатление, особенно когда они покрыты нежным цветом ранней весны или густою лиственностью осени.

Отдавая полную дань уважения взглядам моих патриотических русских друзей, я должен, однако, высказать, что в целом виды Волги не вознаграждают потери времени, труда и расходов, каких требует поездка от Нижняго в Царицын. Кое-где попадаются красивые места, но их немного. Палуба парохода часто представляет больший интерес, чем берега реки. Здесь попадаются замечательные спутники. Большинство пассажиров – русские крестьяне, всегда склонные поболтать, без всякаго формального знакомства, и охотно рассказывающие новому знакомому простую историю своей жизни. Я часто проводил, таким образом, много часов приятно и с пользою и всегда убеждался, что крестьянин, при полуфатали-

стическом смирении, отличается добродушием, простым здравым смыслом и не чужд стремления узнать что-либо о чужих странах; вследствие этого он не только рассказывает своё, но и ставит вопросы, которые хотя и кажутся иногда детскими, но большую часть попадают в цель. Между пассажирами попадают обыкновенно и представители живущих здесь финских племён; для этнологов, изучающих физиономию, они может быть интересны; но они гораздо менее общительны, чем русские. Природа, кажется, создала этих людей молчаливыми и угрюмыми, а условия жизни сделали их боязливыми и недоверчивыми. Татарин, напротив, почти всегда разговорчив и весел. Большую часть он ходебщик или вообще мелкий торговец. Узел, на который он опирается, представляет его склад товаров, состоящий обыкновенно из печатных материй и пёстрых платков. Сам он носит широкий грязный халат и меховую шапку, даже когда температура доходит до 30° в тени. Хитрая подвижность его маленьких острых глаз представляет резкую противоположность с мрачным, безжизненным выражением глаз сидящего рядом с ним финского крестьянина. Он может многое рассказать о Петербурге, Москве, иногда и об Астрахани, – но, как истый торговец, он очень неохотно говорит о тайнах своего промысла. К закату солнца он удаляется с своими товарищами в какой-нибудь скромный угол палубы, чтобы совершить вечернюю молитву. Тут собираются все добрые махомедане, поглаживают себе бороды, становятся на колени на маленьких ковриках и падают ниц, все в один темп, точно совершают какую-то экзерцицию под командою строгого унтер-офицера.

Если путешествие совершается в конце сентября, когда купцы возвращаются с нижегородской ярмарки, то этнологу представляется ещё более богатый материал для изучения. Он найдёт тогда на пароходе не только представителей финской и татарской рас, но и армян, черкесов, персиян, бухар-

цев и других восточных людей, представляющих пёстрое, живописное, но малопривлекательное общество.

Как бы, однако, велико ни было этнологическое разнообразие на пароходе, путешественник, вероятно, найдёт, что четыре дня езды по Волге совершенно достаточно для его практических и эстетических целей, и, вместо того чтобы ехать далее до Астрахани, он предпочтёт остановить пароход в Царицыне. Здесь он найдёт железную дорогу, вёрст пятьдесят, соединяющую Волгу с Доном. Я говорю железную дорогу, но не поезд, потому что поезда отправляются только два раза в неделю, и путешественнику приходится иногда ждать поезда целых 3 дня. Благоразумные и нервные люди предпочитают поэтому отправляться простым путем, потому что Волго-Донская железная дорога, если не ошибаюсь, имеет честь пользоваться самою дурною славой в Европе. Но может быть и здесь применимо положение, что чорт не так страшен, как его малюют. Странные толчки и таинственный свист, конечно, могут испугать нервных людей, но человек с здоровыми нервами останется спокоен. Потому что поезд едет так медленно, что, если бы он и сошёл с рельсов, это было бы только маленьким приключением, и даже от столкновения поездов едва ли можно опасаться серьёзных последствий.

Спустя несколько времени после прихода полунедельного поезда в Калач, отправляется пароход в Ростов. Пароходство по Дону более затруднительно, чем по Волге, потому что река эта очень мелка и пароход часто попадает на песчанья мели, которые постоянно переходят с одного места на другое. В этих случаях пароход иногда сдвигается обратным ходом машины, но нередко бывает и так, что этой силы недостаточно и требуется помощь. В виду этого капитан всегда предоставляет свободный проезд на пароходе известному числу здоровых казаков под условием оказания помощи, и, когда пароход сел, капитан приказывает этим казакам спрыгнуть в воду и стащить его канатом. Такая

работа не может считаться приятною, тем более что бедные казаки не имеют возможности после этого переменить платье, и, однако же, такое приказание капитана всегда исполняется безпрекословно. Казаки, очевидно, не знают ни простуды, ни ревматизма.

В лучших географических руководствах Дон считается одной из главных рек Европы; длина и ширина его действительно дают ему на это право, но глубина его во многих местах находится в смешном несоответствии к длине и ширине. Я помню, как однажды капитан плоскодонного парохода замедлил ход своего судна, чтоб не наехать на верховаго, проезжавшаго через реку. Помню и другой, не менее характеричный случай. Один казак хотел сойти в таком месте, где не было пристани, и когда ему сообщили, что его невозможно высадить на берег, он преспокойно соскочил с парохода и пошёл пешком к берегу. Такой простой способ схода с корабля нельзя, однако, рекомендовать лицам, не имеющим точных сведений о песчаных мелях и пробоинах.

Славный народ эти казаки, помогающие стаскивать пароход с мели, и они вполне заслуживают предоставляемый им свободный проезд. Как эти, так и более богатые из них, которые могут позволить себе купить билет, – приятные и интересные спутники. Многие из них могут из собственного опыта и без прикрас рассказать трогательные эпизоды дикой военной жизни, а которые постарше сумеют прибавить к этому и любопытные, неоглашённые в печати, случаи из Крымской кампании. В минуты общительного настроения они, пожалуй, сообщат вам и кое-какия тайны о своей первобытной комиссариатской системе, – о чем я буду иметь случай говорить ниже. Во всяком случае, путешественник, владеющий языком, проведёт время в беседе с ними с большею пользою и приятностью, чем углубившись в малоинтересные виды, мимо которых он проезжает.

К сожалению, на этих Донских пароходах имеется ещё большое число других бесплатных пассажиров, ко-

торые не ограничиваются палубой, а проникают в каюты и не дают спать пассажирам с чувствительной кожей. Я не настолько знаком с естественными науками, чтобы решить – принадлежат ли эти ловкие и кровожадные паразиты к той самой породе, которые повсюду наказывают людей за нечистоту, но могу утверждать, что они совершают то же дело и притом с весьма похвальной энергиею. Так как я сам, к счастью, пощажен был от их неделикатного внимания и вовсе не страдаю энтомологическою любознательностью, то я мог бы и не заметить их присутствия, но мне постоянно напоминали о них другие, менее счастливые пассажиры, и жалобы их странным образом получили официальное подтверждение.

К концу нашего путешествия я попросил капитана дозволить мне переночевать на пароходе, и я заметил, что он принял мою просьбу с такою предупредительною готовностью, которая не совсем соответствовала его обыкновенному обращению. На другой день это обстоятельство объяснилось. Когда я стал благодарить его за это дозволение, он прервал меня добродушною улыбкою и стал уверять, что он, напротив, мне очень обязан. «Вы знаете, – сказал он, – стараясь принять более серьёзный вид, у меня на пароходе здесь масса лёгкой кавалерии, и, когда я ночью один, она соединёнными силами нападает на меня одного; когда же я имею товарища, сила этой кавалерии разбивается. Вы видите, что вы безсознательно совершили геройский подвиг и очень обязали меня». Если допустить, как я склонен думать, что это было с его стороны только остроумный способ скрыть своё гостеприимство, то надо признаться, что это было оригинально придумано и что такой тонкой вежливости можно бы ожидать разве от испанского гидальго, а уж никак не от капитана Донского парохода.

На некоторых пароходах Азовского моря удобство и покой спальной каюты нарушаются ещё более предосудительными посетителями; я говорю о крысах. Во время

одной небольшой поездки, совершенной мною на пароходе «Керчь», эти неприятные гости сделались до того докучными в нижних частях судна, что дамы получили позволение спать в палубной зале. После такой меры, нам, злополучным мужчинам, приходилось испытывать сугубое внимание со стороны наших мучителей. Однажды рано утром, лёжа на своей койке, я был разбужен ощущением чего-то пробежавшего по мне; тут я придумал следующий способ возмездия. Мне казалось, что в случае повторения визита я смогу, уловив удобную минуту, швырнуть крысу об потолок с такою силою, чтоб раздробить ей череп. Случай привести мой план в исполнение представился очень скоро. Знаменательное колебание маленькой завесы около койки показало, что она служит чем-то вроде штурмовой лестницы. Я лежал совершенно спокойно, столь же заинтересованный этою затеей, как бы я с ружьём в руках поджидал крупную дичь. Крыса забралась на мою постель и заняла позицию на ноге моей, как будто зная о моём замысле и готовясь с честью сыграть свою роль в задуманном опыте. В мгновение ока она была подброшена вверх. Послышался резкий удар о потолок и затем глухое падение об пол. Но как велико было нанесённое ей повреждение – этого я не мог узнать, так как жертва обладала ещё достаточною силою и присутствием духа, чтобы спастись бегством; при этом один господин на другой стороне каюты, пробуждённый шумом, протестовал против повторения опыта, заметив, что, хотя он и готов взять на себя свою долю незваных гостей, он, однако же, вовсе не желает иметь в своей койке дело ещё с чужими крысами.

Заявлять в таких случаях жалобы по начальству совершенно бесполезно. Встретив капитана на палубе, я рассказал ему о случившемся и громко выразил неудовольствие на то, что пассажиров подвергают таким испытаниям. Капитан терпеливо меня выслушал и затем хладнокровно, не обращая никакого внимания на мои жалобы, ответил: «О, я

сегодня утром ещё лучше сделал, – я дал крысе залезть под простыню и задушил её».

Железные дороги и пароходы, даже когда их устройство оставляет ещё желать многого, всегда производит благодетельный переворот в деле содержания гостиниц; но этот переворот по необходимости совершается лишь постепенно. Нужно, чтобы иностранные содержатели гостиниц поселились в стране и показали пример; затем надо возвести подходящие здания, подготовить прислугу и, главное, необходимо, чтобы туземные путешественники оказывали склонность усвоить себе нравы цивилизованного общества. В России этот переворот пока в движении и отнюдь ещё не завершён. Города, в которых наиболее стекается иностранцев, Петербург, Москва, Одесса, обладают уже гостиницами, могущими выдержать сравнение с западноевропейскими; некоторые из более важных губернских городов также могут доставить в этом отношении кое-какие удобства; но все-таки остаётся ещё многое сделать для того, чтобы западный европеец мог путешествовать с комфортом даже по главным путям. Чистота и опрятность, первое и самое существенное условие комфорта, – как мы понимаем это выражение, – все ещё принадлежат к редкостям и их зачастую нельзя получить ни за какие деньги.

Даже в хороших гостиницах, когда оне чисто русского пошиба, встречаются известные особенности, хотя сами по себе и не предосудительные, но, тем не менее, поражающие иностранца. Так, когда вы желаете остановиться в такой гостинице, хозяин покажет вам несколько комнат и назначит соответственные цены. Выбрав удобное помещение, вы хорошо сделаете, экономии ради, если предложите содержателю гостиницы значительно меньше, чем он просит, и обыкновенно окажется, если только вы имеете способность торговаться, что комнаты могут быть наняты за более дешёвую цену, чем какую с вас первоначально потребовали. Необходимо также позаботиться, чтобы в отношении подроб-

ностей состоявшейся между вами сделки не оставалось ни малейшего недоразумения. Вы, быть может, полагаете, что при найме дрожки само собою подразумевается и лошадь, и точно так же наём комнаты включает в себе и постель с необходимыми принадлежностями. Но подобное предположение не всегда оправдывается. Хозяин, пожалуй, даст вам постель без особенной платы, но если он ещё не испорчен иностранными понятиями, то он, наверное, не снабдит вас добровольно простынями, одеялами и полотенцами. Напротив, он предположит, что вы все эти вещи возите с собою, а если нет, то должны платить за те, которые берёте у него.

Этот давнишний обычай выработал у некоторых русских особенного рода брезгливость, которая нам, иностранцам, совершенно чужда. Они крайне неохотно пользуются такими простынями, одеялами и полотенцами, которые в известном смысле составляют общественное достояние, точно так, как мы бы не согласились надевать платье, бывшее уже в употреблении у других. И это чувство может быть развито так же у людей нерусских. Я с своей стороны сознаюсь, что ощущал некоторое неприятное чувство, возвратившись в этом отношении к обычаям так называемой цивилизованной Европы. Эта брезгливость не есть, очевидно, качество врождённое, а есть результат условий, с какими мы свыклись, и легко поэтому может принять формы весьма примечательные.

Неудобство возить с собою эти необходимые спальня принадлежности отнюдь не так велико, как может показаться с первого взгляда. В России спальни в холодную погоду всегда отапливаются, так что совершенно достаточно одного лёгкого одеяла, могущаго в то же время служить дорожным пледом, между тем как простыни, подушки и полотенца занимают в чемодане очень мало места. Самый громоздкий предмет – это подушка, ибо так называемая воздушная подушка всегда имеет неприятный запах и потому неудобны; но русские свыклись с этим затруднением.

В прежнее время, – как и теперь ещё в тех местностях, где нет ни железных дорог, ни шоссе, – путешественники ездили в экипажах без рессор, в которых куча подушек всякого рода была необходима для избежания поранений и вывихов. На железных дорогах, за исключением разве пресловутой Волго-Донской линии, качка и толчки не настолько убийственны, чтобы подобное противодействующее средство было нужно; но и в неконсервативной России обычаи переживают вызвавшие их условия, и на каждой железнодорожной станции можно видеть мужчин и женщин, тащающих с собой свои подушки, точно так, как мы носим с собою свои пледы и шляпные коробки. Настоящий русский купец, любящий комфорт и чтущий предание, будет путешествовать без чемодана, но подушку он считает в дороге насущно-необходимую статьёй.

Но возвратимся к гостинице. Покончив переговоры с хозяином, вы заметите, если у вас нет с собой слуги, что половой готовится исполнять обязанности камердинера. Не удивляйтесь его чрезмерному служебному усердию, исходящему, по-видимому, из предположения, что вы на три четверти парализованы. Прежде, бывало, каждый русский дворянин имел при себе собственного слугу и никогда не думал делать сам то, что может как-нибудь быть сделано для него другим. Далее, вы заметите, что в комнате нет колокольчика и что нет никаких средств сношения механическим путём с нижним этажом. Это потому, что слуга должен был всегда находиться поблизости, и гораздо ведь легче кликнуть, чем подняться на ноги и дёрнуть звонок. В доброе старое время все это было совершенно естественно. Русский дворянин располагал обыкновенно избытком крепостных дворовых людей, – почему же, следовательно, одному или двум из них не сопутствовать своему барину, когда его милость предпринимал путешествие! Лишний человек в тарантасе не требовал особых расходов и, напротив, значительно уменьшал неизбежные в дороге неудоб-

ства. Но времена переменялись. Императорским указом 1861 года крепостные были освобождены от прежней зависимости. Свободной прислуге нужно платить жалованье, а на железных дорогах и пароходах полагаются для слуг особые билеты. Нынешнее поколение должно поэтому довольствоваться более умеренным количеством прислуги и приучаться делать собственными руками много такого, что прежде делалось крепостными. Тем не менее нельзя же требовать от человека, выросшего в других условиях, чтоб он одевался без посторонней помощи, а потому половой остаётся в комнате, чтобы действовать в качестве камердинера. Случается, что вам ещё и другим образом напоминают о живучести старого порядка; так, вы можете, например, рано утром услышать раздающийся по коридору приказ: «Петруша! Петруша, стакан воды!» – и это таким зычным голосом, который способен разбудить мёртвых.

Когда туалет кончен и вы заказываете чай, – в России заказывают всегда чай, – то вас спрашивают, имеете ли вы свой чай и сахар. Если вы путешественник опытный, то будете в состоянии отвечать утвердительно, ибо хороший чай можно получать лишь в некоторых известных лавках, но никогда в гостиницах. Приносят самовар, и вы делаете себе чай по своему вкусу. Место чашки занимает стакан, причём можно сколько угодно обжигать себе концы пальцев. Если в вашей дорожной корзине имеется что-либо съедобное или напиток какой, то можете смело доставать все это тут же, ибо половаго нисколько не огорчит и не изумит, что вы мало потребляете собственно из гостиницы. Двадцать или двадцать пять копеек, уплачиваемых за самовар с прибором, освобождают вас от всяких других взимаемых обыкновенно в гостиницах поборов.

Эти и подобные остатки старых обычаев теперь быстро вымирают и через несколько времени отойдут, без сомнения, в область прошедшего, так что их придётся подбирать в отдалённых углах и отмечать для истории культуры; но теперь

ещё эта старина удерживается в лучших гостиницах даже таких городов, которые не безызвестны в Западной Европе.

Многие из этих старинных обычаев, в особенности старинный способ путешествия, могут ещё в большой части страны быть изучены во всей их первобытной чистоте. Хотя построение железных дорог было в последние двадцать лет ведено вперёд с большою энергией, но паровой конь ещё не перешагнул через Урал, да и по сю сторону его есть ещё громадные пространства, – из коих иная обширнее Великобритании, – где вековая тишина не нарушалась ещё резким свистом локомотива и дороги сохранились в своём первобытном виде. Даже в центральной России можно проехать сотни вёрст и не встречать ничего, что напомнило бы нам имя Макадама*.

Если верить народному слуху, то где-то в горной Шотландии, близ шлагбаума, есть большой камень, на котором значится следующее двустишие:

Если б ты путь этот видел, прежде чем сделан он был,
Ты б, горе руки подняв, имя «Веда» благословил.

Каждый образованный человек при чтении этой странной надписи скажет себе, конечно, что выражение «путь прежде чем он был сделан» есть логическое противоречие, но я часто во время моих странствий по России думал, что выражение это, хотя логически неправильное, должно было бы, однако, быть допущено ради простаго удобства. Дело в том, что, как сказал бы француз, «есть дороги и дороги», то есть дороги бывают разные, деланные и неделанные, искусственные и естественные. В России же почти все дороги относятся к разряду неделанных, естественных и отличаются такими консервативными свойствами, что оне в настоящую минуту представляют совершенно тот же вид, что и несколько столетий тому на-

* Джон Лаудон Макадам (англ. John Loudon McAdam; 21 сентября 1756 – 26 ноября 1836) – шотландский инженер-дорожник, который разработал технологию строительства дорог с щебёночным покрытием.

зад. Для людей с пылким воображением дороги эти, следовательно, имеют то, что называется «исторической прелестью». Единственно заметная перемена, происходящая в них в течение ряда поколений, состоит в перемещении колеи. Когда последняя становится настолько глубокою, что переднее колесо почти совсем в неё уходит, то оказывается необходимым проложить новую колею, вправо или влево от прежней, и так как дороги обыкновенно обладают шириною чрезмерною, то осуществление этой операции не встречает препятствий. Каким образом заполняются старые следы, – этого я объяснить не могу; но так как я никогда и нигде в стране не видел человеческого существа, занятого исправлением дорог, то думаю, что благодетельная природа устраивает это дело как-нибудь без помощи человеческого труда, посредством ли почвенных наслоений, или посредством другого космического действия, ближе известного специалистам по части физики.

На дорогах время от времени встречаются мосты, и здесь опять я нашёл в России ключ к тайнам ирландской фразеологии. Так, несколько лет тому назад один ирландский член парламента заявил в палате общин, что церковь есть «мост, разъединяющий обе половины ирландского народа». Так как мосты обыкновенно скорее соединяют, чем разъединяют, то это сравнение вызвало общий смех. Если бы достопочтенные члены палаты, хохотавшие тогда, много путешествовали по России, то они значительно умерили бы своё весёлое настроение, ибо в этой стране мосты зачастую действительно служат скорее помехой, чем связывающим звеном, и переехать реку по мосту часто отзывается тем, что в обыденной жизни называется «искушать Бога». Осторожный ямщик обыкновенно даст предпочтение воде, если брод оказывается не в очень далёком расстоянии, хотя при этом он и его человеческий груз бываюот вынуждены, чтобы не замочить ног, принимать не совсем изящныя позы, которыя могли бы служить

отличным материалом для каррикатур. Но это маленькое неудобство, хотя иногда сопряжённое с порчею багажа, ничто в сравнении с опасностью езды по мосту.

Не желая без нужды напрягать чувства читателя, я воздерживаюсь от описания разных неприятных случаев, кончающихся синяками и переломами костей, и расскажу только вкратце, как совершается благополучная переправа.

Если возможно приблизиться к мосту, не попав в грязь по колена, то лучше, во избежание опасности, перейти пешком на другую сторону и там дожидать экипаж; если же это невозможно, то не мешает предварительно исследовать положение дела. На ваш вопрос, все ли благополучно, ямщик почти всегда ответит: «Ничего, барин, проедем». Вы обращаете внимание на подгнивший обыкновенно вид сооружения и указываете в особенности на огромные отверстия, способные легко проглотить пол лошади; но флегматический возница успокоивает вас словами: «Небось, Бог поможет». Вы, пожалуй, возымеете некоторое сомнение насчёт того, вмешается ли Провидение в наш безбожный век, в этом именно случае в нашу пользу; но ваш ямщик, у которого более веры или фатализма, не даёт вам времени решить эту задачу. Поспешно перекрестившись, он забирает вожжи, размахивает в воздухе своим маленьким кнутом и с гиком и криком пускает своих лошадей. При этом нет недостатка в сильных ощущениях. Сначала едешь немного под гору, потом лошади быстро пробираются по глубокой трясине, покрывающей и значительную часть моста, а затем следует ужасающий толчок, когда экипаж со стуком взбирается по первым доскам; тут плохо укреплённые поперечные балки издают зловещий гул и скрип, между тем как опытные, умные животные бережно и осмотрительно отыскивают себе дорогу посреди опасных щелей и отверстий; под конец, новый страшный толчок, и вы вновь попадаете в трясину, и наконец, достигаете твёрдаго материка, – с таким же, конечно, приятным чувством, какое должен испытывать

молодой офицер, переживший первую кавалерийскую атаку на действительной войне.

Понятно, что здесь, как и в других случаях, привычка порождает равнодушие. Переправившись через сотню другую подобных мостов без каких-либо неприятных случайностей, вы приучитесь быть столь же хладнокровными и беспечными, как и ваш ямщик.

Читателя, слыхавшаго о громадных преобразованиях, совершённых в последнее время в России, естественно должно удивлять, что дороги находятся ещё в столь плачевном состоянии. Но для этого, как и для всего на свете, имеются свои вполне удовлетворительные основания. Страна все ещё населена сравнительно скудно, и во многих местностях трудно или положительно невозможно добыть в достаточном количестве камень вообще, и в особенности твёрдый, пригодный для мощения дорог. К тому же и дороги, раз построенные, трудно содержать в исправности благодаря суровости климата.

Поездку по местности, где ещё нет железных дорог, можно совершить разными способами. В прежние годы, когда время ещё менее ценилось, чем теперь, многие помещики ездили на собственных лошадях и в одном или нескольких обширных и тяжёлых экипажах возили с собою все, в чем только нуждались по степени своего развития; а потребности эти были иногда очень значительны. Вельможа, например, прошедший большую часть своей жизни в роскоши придворных сфер, конечно, брал с собою все переносные элементы цивилизации. В его багаж входили поэтому и дорожные постели, скатерти, серебряная и кухонная посуда и французский повар. Комиссионеры ездили вперёд, чтобы приготовить на станциях все необходимое для его превосходительства. Бедный владелец нескольких десятков крестьян, естественно, обходился без этого комиссариата и довольствовался тем, что можно было разместить во всех углах его единственного тарантаса.

Но как бы лошади ни были здоровы и выносливы, на длинном пути им приходится давать корм и отдых. Вследствие этого езда на собственных лошадях совершается медленно и потому выходит из употребления. Люди, сколько-нибудь ценящие своё время, предпочитают поэтому ехать на почтовых.

Являясь на почтовую станцию за лошадьми, вы не должны спешить, иначе вашему терпению предстоит большое испытание. Когда, наконец, лошади поданы, они часто имеют вид самых жалких кляч, но вы хорошо сделаете, если не выскажете своего неудовольствия, потому что, употребляя какие-либо резкия выражения, вы рискуете оказаться потом клеветником. Мне случилось видеть закладки с такими лошадьми, которыми пренебрёг бы самый простой лондонский лавочник и которые едва сохранили форму лошадей, и всё-таки они исполняли свою обязанность весьма удовлетворительно; погоняемые только голосом ямщика, они делали от 12 до 14 вёрст в час. Работа этих худых, жалких четвероногих иногда, действительно, бывает изумительна, если только ими управляет хороший ямщик. Такой ямщик, с маленьким кнутиком в руке, употребляет его весьма редко, разве махнёт им горизонтально по воздуху. Он погоняет лошадей только словами и говорит с ними как с равными, — то поощряя их ласкательными словами, то раздражаясь ругательствами. В одну минуту они у него «милые голубчики», а в следующую минуту они уже превращаются у него в «собаки проклятыя». Насколько животныя понимают и ценят эту странную смесь нежности и ругательств, трудно сказать, но не подлежит сомнению, что это производит на них замечательное и сильное действие.

Всякий предпринимающий такую поездку на почтовых должен быть здорового и мускулистаго сложения и с крепкими нервами, чтобы выдержать постоянное качанье и толчки; кроме того, он должен быть привычен к трудностям и неудобствам, неминуемым при путешествии в этой

стране. Если вы хотите поспать на почтовой станции, то не найдёте ничего более мягкого, как твёрдый деревянный диван, и можете разве иногда добиться у почтосодержателя связку сена, – это, конечно, мягче, но ещё более неприятно, чем на голом полу. Иногда и простаго деревянного дивана не получишь, потому что обыкновенно на почтовых станциях имеется для путешественников только одна комната с двумя диванами – редко более, – и эти диваны могут быть уже заняты другими. Если вы получили такой диван, и вам удалось уснуть, то вы не должны удивляться, если ночью вас разбудят другие путешественники, которые заходят сюда посидеть, пока им переменят лошадей. Эти путешественники иногда заказывают себе самовар, пьют чай, разговаривают, смеются. Курят и развлекаются, не обращая ни малейшего внимания на спящего. Затем здесь имеются ещё другие непрошенные гости, о которых я уже говорил при описании Донских пароходов. Прошу извинения читателя, что ещё раз касаюсь этого неприятного предмета; с эстетической точки зрения я, конечно, делаю ошибку; но что же делать? Я положил себе за правило описать путешествие по России так, как оно есть, а всякое описание, которое не отвело бы должного места мучениям этого рода, грешило бы против правды, точно так, как нельзя говорить о поездке по Альпам, не упоминая о глетчерах*.

Впрочем, я удержусь от подробностей и ограничусь только одним указанием для пользы будущих путешественников. Так как самозащита в этом отношении представляется делом довольно многосложным, то нужно различать между воюющими и нейтральными и не нарушать простаго принципа международного права, по которому нейтральные должны быть оставляемы в покое. Эти нейтральные могут быть и существа весьма отвратительныя,

---

* Ледник – масса льда преимущественно атмосферного происхождения, испытывающая вязкопластическое течение под действием силы тяжести и принявшая форму потока, системы потоков, купола или плавучей плиты.

но это не оправдывает убийства. Если вы, например, просыпаясь, заметите на вашей подушке несколько черных или красных тараканов, то воздержитесь от убийства, чтобы не проливать кровь бесполезно, потому что, хотя эти существа и подступают очень дерзко, они никому не причинят телесного вреда.

Во многих провинциальных городах частные квартиры для приезжающих ещё хуже почтовых станций. Описать нечистоты и неудобства некоторых комнат, в которых мне приходилось переночевать, я не берусь и думаю, что даже весьма талантливый писатель для воспроизводства этого предмета невольно воззвал бы к музе натуралистической школы.

Для путешествия в малопосещаемых местах необходимо также знание языка. Обыкновенно принимают, что с французским и немецким языками можно ехать в России повсюду. По отношению к большим городам и главнейшим соединительным линиям это так, но вне этих мест мнение это оказывается неверным. Русский человек от природы вовсе не обладает большим талантом к языкам, чем западноевропейец. Образованные русские люди действительно часто говорят свободно на одном или даже на двух иностранных языках, но крестьянин знает только свой язык, а здесь с крестьянином-то и приходится иметь дело. А чтобы объясняться с крестьянином, надобно порядочно владеть языком и быть более посвящённым, чем это нужно для чтения книг. Хотя здесь мало провинциализмов и все классы народа употребляют те же слова, — за исключением иностранных, употребляемых только высшими классами, — крестьянин все-таки выражается гораздо более лаконично и своеобразно, чем образованные русские.

Путешествие зимою в некоторых отношениях приятнее, чем летом, потому что снег и мороз — прекрасные строители дорог. Когда снег лежит равномерно, дорога образуется превосходная; никаких толчков, ни качки, а ровное, гладкое движение, точно лодка по тихой воде; лошади

бегут, как будто и не чувствуют саней, в которые они запряжены. К несчастью, такое состояние продолжается недолго. Дорога скоро прорезывается, и образуются глубокие выбоины. Каким образом образуются эти углубления – я никогда не мог понять, хотя мне неоднократно объясняли это люди, вообразившие, что понимают это явление. Но какова бы ни была тому причина, верно то, что образуются маленькие холмы и долины, и сани по такой дороге поднимаются и опускаются, точно лодка в бурном море, с тою чувствительною разницей, что лодка опускается в мягкую жидкость, между тем как сани падают на твёрдую, неэластичную землю. Можно себе представить, какое происходит при этом качание и какие получаются при этом толчки.

Путешествие зимою имеет ещё некоторые неудобства. Пока нет ветра, даже сильный холод не неприятен; но когда начинает дуть сильный северный ветер и термометр опустится далеко ниже нуля, тогда езда в открытых санях становится весьма неприятною, причём носы могут быть отморожены без ведома их хозяев, лишённых возможности вовремя принять предупредительные меры. Но почему же не ездить в таких случаях в закрытых санях? – А по той простой причине, что их не имеется, да если бы и можно было их достать, то лучше не пользоваться ими, так как закрытые сани укачивают до морской болезни. Кроме того, если сани опрокидываются, то гораздо приятнее полететь на чистый холодный снег, чем быть погребённому под грудю различного багажа.

При зимних поездках в этой холодной полосе необходимо запастись тёплыми шубами. Англичанин в таком случае легко может оказаться неблагоприятным и слишком понадеяться на свою способность выносить холод. В некотором отношении эта самоуверенность оправдывается тем, что англичанин часто не зябнет в обыкновенном тёплом пальто, в то время как его русские знакомые находят необходимым кутаться в тёплые шубы; но иногда эта

самоуверенность заходит слишком далеко, и за нею следует строгое наказание. Расскажу в виде предупреждения следующий случай.

Однажды зимою 1870–71 гг. я выехал из Новгорода, намереваясь посетить некоторых знакомых в кавалерийских казармах за десять вёрст от города. Так как солнце ярко светило и расстояние было невелико, то я заблагоразсудил, что лёгкая шуба и башлык будут достаточны против холода, и пренебрёг предостережением одного русского знакомого, пришедшего ко мне в то время, как я собирался. Путь наш лежал вдоль реки, как раз против ветра, к северу. Зимний северный ветер всегда и всюду злой враг для лица; но пусть читатель представит себе, что может быть, когда при этом термометр стоит на 20° ниже нуля, – или лучше пусть он не представляет себе этого, так как этого нельзя себе представить, не испытавши. Конечно, мне следовало вернуться, по крайней мере, тогда, когда я почувствовал, что кровообращение у меня слабеет; но я не хотел сознаться в своём безразсудстве приятелю, который ехал со мною. Проехав три четверти пути, мы встретили бабу, сильно махавшую руками и кричавшую нам что-то. Я не слышал, что она говорила, но приятель мой обернулся ко мне и озабоченно воскликнул: «Господи! Вы отморозили себе нос!» Я с некоторым безпокойством дотронулся рукою до носу, чтобы удостовериться, лишился ли я всего моего органа обоняния или части его. Но он не только не исчез и не убавился в объёме, но стал даже больше, чем был, и в то же время сделался твёрдым и нечувствительным, как кусок дерева.

– Вы можете ещё спасти его, – сказал мой спутник, – если сейчас же встанете и хорошенько разотрёте его снегом.

Я тотчас же выскочил, но был так слаб, что почти не мог тереть. Шуба моя распахнулась, холод точно прошёл у меня до самого сердца, и я упал без чувств.

Долго ли я пролежал без чувств, я не знаю. Когда я очнулся, я лежал в незнакомой комнате, окружённый офицера-

ми, и первые слова, услышанные мною, были следующие: «Он теперь вне опасности, но с ним сделается горячка».

Эти слова были произнесены, как я потом узнал, очень знающим врачом. Однако предсказание его не исполнилось. Обещанная горячка не наступила. Дурные последствия ограничились тем, что моя правая рука не сгибалась в продолжение нескольких дней, а нос свой я должен был скрывать от посторонних взоров недели две.

Если этот случай даёт мне право выводить общия заключения, то я скажу, что смерть от замерзания – смерть лёгкая, но что процесс воскрешения есть процесс очень тяжёлый, – такой тяжёлый, что больному извинительно сожаление, зачем это люди не допустили временное безчувственное состояние перейти в «сон, не знающий пробуждения».

Между царствием зимы и лета бывает всегда короткий промежуток, в который езда по русским дорогам совершенно невозможна. Горе тому несчастному смертному, которому необходимо ехать в дальнюю дорогу вскоре после того, как растает зимний снег, или, ещё хуже, в начале зимы, когда осенняя грязь окаменеет от мороза и ещё не покроется снегом!

Во всякое время года однообразие путешествия всегда прерывается каким-нибудь непредвиденным обстоятельством, более или менее неприятного свойства. Сломается ось, или слетит колесо, или нельзя достать лошадей. В пример могущих случиться более серьёзных приключений я сделаю здесь выписку из моего дневника.

Рано утром мы приехали в Майкоп, маленький городишко в начале одной долины, простирающейся к Главному Кавказскому хребту. Приехав на почтовую станцию, мы тотчас же приказали запретить лошадей, чтобы ехать на следующую станцию, но получили лаконический ответ: «Лошадей нет».

- Когда же оне будут?
- Завтра!

Такой ответ мы приняли за неуместную насмешку и велели подать себе книгу, в которую по правилам должны вписываться выдающиеся лошади, из чего легко вычислить, когда может быть ближайший черед. Вычисление показало нам, что мы можем получить лошадей в четыре часа после обеда, и потому мы стали показывать смотрителю различные бумаги, подписанные министром внутренних дел и другими влиятельными особами, и советовали ему не нарушать почтовых правил.

Бумаги, доказывавшие, что мы пользовались особенным покровительством властей, вообще приносили нам большую пользу при сношениях с злокозненными станционными смотрителями; но этот станционный смотритель был человек особенного типа. Это был казак, геркулесовского телосложения, с большой круглой, как шар, головою, короткими щетинистыми волосами, густыми бровями, громадными висячими усами, с наглым видом и выражением лица, ясно доказывавшим, что он имел скверные замашки. Хотя день был ещё ранний, но он очевидно уже успел проглотить значительную долю спиртных напитков, и все его поступки ясно показывали, что он «не смирен во хмелю». Кинув поверхностный взор на документы, как бы в доказательство того, что он мог бы прочесть их, если бы захотел, он бросил их на стол и, засунув свои гигантские лапы в обширные карманы штанов, заметил медленно, но решительно, голосом самого низкого баса: «Завтра утром вы получите лошадей».

Мой спутник был русский, человек нервного, раздражительного характера, в совершенстве владевший бранными словами, которыми так богат русский язык; а мучитель наш был человек, способный вывести из себя какого угодно стойка философа. Предоставляю читателю вообразить себе то, что из этого вышло. Хотя спутник мой, как показывали ямщики, вёл себя «по-генеральски», однако слова его не имели практического результата, и мы нако-

нец решили написать обо всем в жалобную книгу и нанять лошадей где-нибудь в другом месте.

Когда мы уже думали, что преодолели все препятствия, и хотели уже ехать, мы встретили новое, неожиданное затруднение. Когда Геркулес увидел, что мы достали лошадей помимо его, он предложил нам одну из его телег и заявил, что не выпустит нас, пока мы не согласимся уничтожить написанную нами против него жалобу. Мы отказались исполнить это, и вследствие этого началась с новой силой словесная война.

Видя, что слова ежеминутно могут обратиться в нечто более серьезное, я отвёл своего приятеля в сторону и убеждал его, что благоразумие в таких случаях важнее всего. Я говорил ему, что револьвер может быть пущен в дело только в крайности, а рукопашной в настоящем случае необходимо избегать во что бы то ни стало. Противник наш очевидно не был боксёром, и будь он человеком обыкновенных размеров, несколько боксов могли бы служить некоторым развлечением; но при настоящих обстоятельствах каждый из нас напоминал Давида перед Голиафом. В маленькой комнате Голиаф легко мог справиться со своим противником, и в таком случае должно было случиться нечто, могущее вызвать судебное следствие, которое окончится фразой: «последовала немедленная смерть от сильного удара». Кроме того, в распоряжении у нашего противника был целый отряд ямщиков и работников, и он мог подавить нас численностью. Очевидно, мы были слабейшей стороной, и нам следовало показать, как людям, почитающим закон, уважение к местным учреждениям. В силу таких разсуждений мы решились обратиться к начальнику полиции, находившемуся в это время в городе.

Мы порешили, что спутник мой останется стеречь багаж, а я отправлюсь отыскивать полицию. В ту минуту как я уже уходил, приятель мой попросил меня оставить ему револьвер. Я возражал против этого, потому что боялся, что он

в горячности может пустить его в ход; но он уверил меня, что будет избегать всяких споров до моего возвращения, и я уступил. Скоро пришлось мне раскаяться в этом. Возвратясь с своих поисков, я застал целую толпу около станции, громко кричащую, из чего я ясно увидал, что решительная битва происходит или произошла во время моего отсутствия. Со страхом бросился я в комнату. Дым и запах пороху показывали, что артиллерия была в действии и что теперь наступила мёртвая тишина. Когда глаза мои несколько освоились в дымном полумраке, я разглядел целую грудку мебели и вещей на полу, но, к счастью, между развалинами не лежало человека. В одном углу комнаты стоял Голиаф с двумя помощниками по обе стороны, а в другом мой приятель, уже обезоруженный. Очевидно, в эту минуту было перемирие.

В несколько минут собрались все местные власти. Стол был поставлен на ноги, свеча зажжена, в дверях стояли на карауле два вооружённых казака, и предварительное следствие началось. Начальник полиции сидел за столом и быстро строчил на бумаге большого формата. Следствие показало, что из моего револьвера было сделано два выстрела, и две пули были найдены в стене. Все присутствовавшие при битве, и многие другие, только слышавшие выстрелы, были тщательно опрошены, и выслушано множество жалоб с той и с другой стороны. Не раз произносились роковые слова «покушение на убийство», и приятель мой обвинялся в нападении, хотя он с своей стороны заявлял противное. Дело принимало мрачный оборот. Нам представлялась перспектива просидеть в этом жалком городишке дни и недели, пока ненасытный демон формальностей не будет вполне удовлетворён. А потом? – я боялся и думать об этом вопросе.

Когда дело начало принимать мрачный характер, обстоятельства вдруг совершенно изменились неожиданным образом, и *deus ex machine* явился как раз кстати, точно мы были действующими лицами в каком-нибудь сенсационном романе. Вдруг послышался стук колёс и топот ко-

пыт, и через несколько минут в комнату вошёл судебный следователь. Он случайно проезжал мимо и остановился, чтобы переменить лошадей. Вместо остановки в несколько минут он нашёл тут целую кучу работы. К счастью для нас, он оказался человеком, подходящим к случаю. Не в пример другим русским чиновникам, он не любил тянуть дело, и с помощью нескольких папирос он разъяснил все дело очень скоро. Тут, объяснил он, нет покушения на убийство или чего-нибудь подобного. На приятеля моего напали станционный смотритель и его двое сподручных, не имеющих вовсе права быть в комнате для приезжающих, и он выстрелил из револьвера, чтобы испугать нападающих и призвать кого-нибудь к себе на помощь.

Даниил! Даниил! – думал я про себя, услышав такое объяснение. Я удивился не разумности этого решения, так как оно было просто подтверждением того, что действительно случилось, но удивился факту, что человек-юрист и, кроме того, русский чиновник мог взглянуть на дело так верно и с таким здравым смыслом!

Ещё до полуночи мы были свободными людьми и быстро катили при лунном свете на следующую станцию под конвоем вооружённого с ног до головы кавказского казака; но мысль, что мы могли быть задержаны на несколько недель в этом жалком городишке, как кошмар долго преследовала нас.

ГЛАВА ВТОРАЯ В СЕВЕРНЫХ ЛЕСАХ

Взгляд на Россию с высоты птичьего полёта. — Северные леса. — Цель моего путешествия. — Переговоры. — Дорога. — Село. — Крестьянский дом. — Паровая баня. — Странный обычай. — Приезд

Объехав какую-либо страну, можно описать её различным образом; самый простой и самый обыкновенный способ состоит в том, чтобы дать читателю хронологический отчёт путешествия, и это, пожалуй, самый лучший метод, если путешествие продолжалось не более нескольких недель. Но если остаёшься в стране несколько лет, тогда этот метод становится неприменимым. Если бы я в настоящем случае захотел воспользоваться им, то я скоро истощил бы терпение читателя. Я должен был бы отвести его в отдалённую деревню и заставить его ждать там, пока я научился русскому языку. Потом ему пришлось бы следовать за мною в провинциальный город и провести несколько месяцев в присутственных местах, пока я старался исследовать тайны местного самоуправления. Затем ему пришлось бы просидеть со мною два года в большой библиотеке, где я изучал историю и литературу страны и т.д. Даже самые переезды оказались бы утомительными для читателя, как и для меня, потому что мне приходилось проехать многие десятки вёрст, причём самый ревностный собиратель сведений мог бы записать разве имена почтовых станций.

Я должен поэтому отказаться от строго хронологического разсказа и ограничиться описанием наиболее замечатель-

ных предметов и приключений. Познания, извлеченные из книг, помогут мне в объяснении того, что я видел и слышал.

Вместо того, чтобы начать описанием Петербурга, как это обыкновенно делают, я предпочитаю оставить пока характеристику столицы и прямо углубиться в северную лесистую область. Если бы можно было с высоты птичьего полёта бросить взгляд на Россию, то заметили бы, что страна разделяется на две совершенно различные по характеру части. Северная половина состоит большею частью из лесов и болот, обладает обилием вод в форме рек, озёр и топей, между которыми часто попадаются полосы обработанной земли. Южная половина представляет, так сказать, обратную сторону медали, а именно громадное пространство богатой земли, кое-где усеянной клочками песку или лесу. Воображаемая волнистая линия, разделяющая обе половины, начинается на западе приблизительно у 50-го градуса и идёт почти в северо-восточном направлении до Уральских гор около 56-го градуса северной широты.

Первая поездка моя в северной области и дни добровольной ссылки вполне свежо сохранились в моей памяти. Причина, побудившая меня к этому путешествию, была следующая: несколько месяцев пребывания в Петербурге вполне убедили меня, что русский язык принадлежит к тем предметам, которые можно усвоить себе только практикой и что даже человек допотопной долготы жизни может прожить здесь весь век и не научиться свободно говорить на местном языке, – особенно если он имеет несчастье владеть французским и немецким языками. Только с извозчиками приходится говорить на местном языке, но для этого достаточен весьма незначительный запас слов; а именно числительные имена, да ещё слова: пошёл, направо, налево, стой!

Когда я ещё обдумывал, как бы мне выбраться из области западноевропейских языков, один из моих друзей сделал мне предложение отправиться в его имение, Новгородской губернии, где я должен был найти умного и любезного

священника, совершенно свободного от всяких лингвистических познаний. Я немедленно принял это предложение и, прибыв в одно утро на маленькую станцию Московской железной дороги, попытался объяснить одному крестьянину в тулупе, что желаю отправиться в село Ивановка, где жил мой будущий учитель. В то время я говорил ещё очень ломанным русским языком, приблизительно так, как, по общепринятому мнению, испанские коровы говорят по-французски. Я мог только сказать: «Ивановка, лошади! Можете?» Вопросительный знак был выражен одновременным поднятием голоса и бровей. «Ивановка?» – переспросил крестьянин. В России, как и в других странах, крестьянин в разговоре с чужими охотно повторяет поставленные вопросы, очевидно, чтобы выиграть время.

– Ивановка, – ответил я.

– Ну?

– Ну!

После некоторого размышления крестьянин кивнул головой и сказал несколько слов, которых я не понял, но которые я истолковал себе в том смысле, что он склонен принять предложение относительно доставления меня на место моего назначения.

– Рублей сколько?

Крестьянин стянул брови и задумался; мой вопрос, очевидно, вызвал у него сложный математический расчёт. Но понемногу сосредоточенное внимание его перешло в выражение, какое принимают дети, когда они хотят ласками добиться отмены родительского решения. Затем последовал поток сладких слов, которых я совсем не понял.

– Сколько же, – повторил я.

– Десять, – сказал крестьянин нерешительно и как бы извиняясь в своём запрашивании.

– Десять! – воскликнул я недовольным тоном. – Два довольно! И при этом я знаком руки дал ему заметить, что я не таков, чтобы меня легко можно было обмануть, и напра-

вился обратно к станционному дому. Когда я достиг двора, я услышал слова: «Господин, восемь!», но я и это предложение оставил без внимания.

Я не стану утомлять читателя подробным отчётом о дальнейших переговорах, а скажу только, что эти переговоры велись с обеих сторон с величайшею дипломатическою осторожностью, точно речь шла о какой-нибудь провинции или военной контрибуции. Крестьянин три раза отъезжал и три раза вернулся. С каждым разом требования его уменьшались, а я понемногу прибавлял что-либо к своему предложению. Наконец, когда я стал побаиваться, что он действительно уехал, предоставив меня моей судьбе, он вернулся в комнату и взял мой багаж, давая тем знать, что последнее моё предложение принято.

Условленная сумма, четыре рубля, при обыкновенных условиях была более чем достаточна, – так как расстояние было всего около 20-ти вёрст, – но я вскоре убедился, что обстоятельства не были обыкновенные, и я стал понимать значение прижимок и ужимок, которые приводили меня в отчаяние во время переговоров. Дело в том, что здесь перед тем в течение нескольких дней лил сильный дождь и то, что прежде было дорогою, теперь могло быть названо так не без поэтической вольности. Во многих местах она превращалась или в реку, или в болото, и, по крайней мере, во время первой половины пути она постоянно напоминала мне то состояние мироздания, когда вода ещё не была отделена от суши. В те минуты, когда трудная забота о сохранении своего равновесия и об удержании вещей оставляла меня в покое, я думал о постройке такой повозки-ладьи, которую возил бы быстроногий гиппопотам или другое животное, одинаково привычное к воде и к суше. В целом проект этот казался мне тогда столь же полезным и удобоисполнимым, как идея Фурье – заставить китов вести корабли.

К счастью для нас, обе тощия, маленькие лошади добросовестно исполняли свою обязанность; оне смело

входили в воду и с удивительной ловкостью выкарабкивались из грязи. Телега, однако, не так молчаливо переносила свои невзгоды; она сильно кряхтела и в самых трудных местах угрожала совершенным распадением. Но хозяин ее хорошо знал ее состояние и способности и не обращал внимания на ее зловещая угрозы. Только раз мы потеряли колесо, но и оно вскоре было вытащено из грязи и восстановлено на своём месте.

Лошади ехали так хорошо, что когда мы около полудни прибыли в какую-то деревню, то я не мог отказать им в корме и отдыхе, тем более что и мои собственные мысли также не чужды были этих предметов.

Деревня эта, как и большая часть деревень этого края, состояла из двух длинных рядов деревянных домиков. Промежуток между этими рядами составлял дорогу, — если можно называть дорогой глубокий слой грязи. Все дома были обращены на дорогу, некоторые имели даже нечто вроде архитектурных украшений из простых палок. Между домами, в одной с ними линии, были большие деревянные ворота и высокие деревянные заборы, отделявшие дворы от дороги. Наши лошади сами свернули в один из этих дворов недалеко от конца деревни.

— Корчма? — спросил я.

Извозчик отрицательно кивнул головой и сказал несколько слов, в которых я разобрал слово «друг». Очевидно, в деревне не было корчмы и мой крестьянин остановился в доме своего друга.

На одной стороне двора стоял навес, где находились грубые земледельческие орудия, которые могли разве дать понятие о земледелии древних арийцев. На другой стороне помещался жилой дом и сарай. Оба последних строения были построены из почти цилиндрических, горизонтально положенных брусьев.

Два самые сильные человеческие побуждения, голод и любопытство, заставили меня, не дожидаясь приглашения,

войти в дом. Первая комната была пуста, но я заметил низенькую дверь в стене налево и вступил в главную комнату. Так как представившаяся сцена была для меня нова, то я обратил внимание на все главные предметы. В стене предомно были два маленьких квадратные окна, выходившие на улицу, а в углу направо, ближе к потолку, чем к полу, была укреплена треугольная доска, на которой стоял образ. Перед образом висела маленькая лампадка. Левый угол, у дверей, занят был громадной печкой, сложенной из кирпича и окрашенной белой краской. От верхнего конца печки до стены направо лежала громадная настилка из досок, 6–8 футов ширины. Это так называемая *палати*, как я потом узнал, и служат местом для спанья. Мебель состояла из одной длинной деревянной лавки, укрепленной у стены, из большого соснового стола и нескольких деревянных стульев.

Когда я спокойно осматривал эти предметы, я услышал шорох на печке и, взглянув туда, заметил человеческое лицо с светло-русой бородой. Явление это немало удивило меня, потому что в комнате было душно жарко, и я едва мог допустить, чтобы какое-либо существо, кроме разве саламандры или негра, могло жить в этом положении. Я напряг свои глаза, чтобы убедиться, не был ли я жертвой обмана, и в ответ на мой взгляд голова кивнула мне и произнесла обычное приветствие.

Я медленно ответил на приветствие и ждал, что-то будет.

– Болен, очень болен, – вздохнула голова.

И не удивительно, подумал я, если бы я был на твоём месте, я бы так же заболел.

– Жарко, очень жарко? – произнёс я вопросительно.

– Ничего.

Этот ответ ещё более удивил меня, когда я тут же заметил, что тело этого человека было завёрнуто в тулуп!

Прожив долгое время в России, я перестал удивляться таким случаям, потому что вскоре убедился, что русский крестьянин необыкновенно спокойно переносит как чрез-

мерный жар, так и сильный холод. Если кучеру, например, нужно отвести своих господ в театр или на вечер, то ему и в голову не приходит уехать домой и вернуться к определённом часу; он терпеливо сидит себе на козлах целые часы и, несмотря на необыкновенный холод, спокойно засыпает, как лаццарони в полдень в Неаполе. В этом отношении он имеет большое родство с северным медведем, который, однако, не имеет способности переносить так же легко сильнейшие жары. Русский крестьянин даже любит высокую температуру и не пропускает случая согреться хорошенько. Он также восхищается резким переходом из одной крайности в другую, что особенно доказывается странным обычаем, который я считаю излишним рассказать.

Читатель должен знать, что еженедельная паровая баня играет в жизни руссаго крестьянина весьма важную роль. Эта баня имеет даже некоторым образом религиозное значение, потому что истинно православный крестьянин не решится вступить в церковь, не очистив себя предварительно физически и морально в бане. Обыкновенно это очищение совершается в субботу после обеда, и затем всякая нечистота тщательно избегается до выхода из церкви в воскресенье утром. Многие деревни имеют общественные бани, весьма просто устроенные, в других местах – не знаю, как далеко распространяется этот обычай, – вместо бань служат большие печи в домах, в которых пекут и хлеб. Во всех этих случаях операция доводится до крайних степеней, так что человек, не привыкший к этому с детства, не в состоянии этого выдержать. Я только раз попробовал проделать этот эксперимент, и, когда я сообщил своему банщику, что чувствую головокружение и почти задыхаюсь, он громко разсмеялся и сказал, что процесс только начался. Но самое изумительное, – для чего я собственно и сделал это отступление, – это то, что крестьяне зимою часто выбегают из бани и бросаются в снег! Этим объясняется весьма употребительная русская поговорка: что русскому здорово, то немцу смерть.

Холодная вода и горячий пар часто употребляются как средства очистительные. Древний языческий обычай замаскирования себя в известные времена года, – как это совершается с согласия церкви в римско-католических странах во время карнавала, – все ещё существует, но его ещё связывают несколько с злым духом. Замаскирующийся находится в известной степени под влиянием злого духа и рискует своей душой. Чтобы освободиться от такой опасности, он может очиститься тем, что окунётся в воду в крещение, по возможности сейчас же после водосвятия. Я сам видел в Ярославле, как двое молодых крестьян счастливо проделали такой геройский поступок и, несмотря на полицию, которая, как говорят, не дозволяет этого, ушли себе поздорову, хотя температура была ниже нуля. Насколько этот замечательный обычай действительно имеет очищающее влияние – мы предоставляем судить теологам; обыкновенный же смертный не без основания допустит, что такой способ искупления должен произвести несколько устрашающее действие. Всякий, предвидящий необходимость такого тяжёлого наказания, нелегко решится на переодевание. Так, по крайней мере, оно, вероятно, было в добрые старья времена; в наше же испорченное время боязнь нечистой силы между русскими крестьянами, как и повсюду, значительно упала. Иной молодой крестьянин теперь, не задумываясь, переодевается на святках и затем присутствует при водосвятии так же спокойно, как всякий другой зритель. По-видимому, судьбе угодно, чтобы злой дух, как и противник его папа, постепенно терял свою мирскую власть.

Однако я совсем оставил моего новаго знакомаго на печке. Но, в действительности, я очень внимательно следил за каждым словом его длиннаго рассказа. Так как я понимал едва пять процентов из употреблённых им слов, то о сути его рассказа я мог только догадываться, но тон и движения его дозволили мне заключить, что он описывал мне случаи и симптомы своей болезни. И, должно быть, это была

весьма серьёзная болезнь, потому что только самое сильное физическое страдание может вызвать стоны у русского крестьянина. Прежде чем рассказ был окончен, в комнату вошла женщина, по-видимому, жена больного. Я дал ей понять, что я очень голоден и желал бы знать, что она может мне дать. После продолжительного объяснения я понял, что могу получить яйца, чёрный хлеб и масло; мы разделили труд: хозяйка взялась поставить самовар, а я должен был сам изготовить себе яйца по своему вкусу.

Через несколько минут закуска была готова, и хотя оказалась не очень вкусною, но зато очень кстати. Чай и сахар я, конечно, имел с собою; яйца были не совсем свежи; чёрный хлеб с примесью песку можно было есть по легкому усвоимому методу жеванья, состоящему в том, чтобы избегать соприкасания челюстей, дабы песок не хрустел между зубами. Только масло оказалось совершенно неудачным; и, хотя хозяйка очень рекомендовала его, я все-таки не мог им пользоваться по очень простой причине, а именно, что не было возможности оставаться с ним в одной комнате. Зато молоко, поданное мне в глиняной посуде, оказалось очень вкусным.

Яйца, чёрный хлеб, молоко и чай составляли обыкновенную пищу мою во время путешествия по северу России; иногда находил я и картофель, что давало мне возможность внести некоторое разнообразие в мой меню. Любимейшие предметы местной кухни суть: щи, огурцы и квас; но путешественнику, не привыкшему к этим предметам, ничего этого рекомендовать нельзя.

Остальную часть пути мы проехали несколько скорее, так как дорога стала значительно лучше, хотя была усеяна пнями, причинявшими нам сильные толчки. Из разговора с извозчиком я узнал, что в лесу, через который мы ехали, водятся волки, медведи и олени.

Солнце давно уже село, когда мы достигли места моего назначения, и к великой досаде моей дом священника оказался уже запёртым. Я, конечно, не мог думать о том,

чтобы разбудить его преподобие и с скудным запасом слов попытаться объяснить ему цель моего посещения. Но с другой стороны, вблизи не было никакого места, где бы можно было остановиться. Когда я спросил извозчика, что делать, он подумал несколько и указал мне на большой дом вдали, откуда ещё виднелся свет; это был дом помещика, посоветовавшего мне предпринять это путешествие, и здесь, после короткого объяснения, я был радушно принят.

Я намеревался жить в доме священника, но после короткого объяснения с ним на следующий день я убедился, что это невозможно. Первые возражения, что я найду в его скромном хозяйстве слишком скудную пищу и т. п., были мною устранены уверением, что я, как опытный путешественник, привык к простой пище и всегда могу примениться к обычаям народа, среди которого живу. Но было и более существенное затруднение. Семейство священника, как это обыкновенно бывает, значительно возросло в последние годы, а дом не увеличивался соответственным образом. Естественным последствием этого было то, что в доме не было не только свободной комнаты, но и свободной кровати. Маленькая комната, прежде предназначавшаяся для гостей, была теперь занята старшей дочерью, возвратившеюся из «школы для девиц духовнаго звания», где она прожила два года. При этих обстоятельствах мне ничего более не оставалось, как воспользоваться любезным предложением управляющего моего друга – поместиться в одной из многочисленных комнат господскаго дома. Такое устройство, уверяли меня, нисколько не помешает моим занятиям, так как священник живёт очень близко и я могу проводить у него столько времени, сколько мне будет угодно.

Теперь прошу позволения читателя представить ему моего достопочтеннаго учителя и некоторых других лиц, с которыми я познакомился во время моей добровольной ссылки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОБРОВОЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ивановка. — История села.— Управляющий имением. — Славянский и тевтонский характер. — Взгляд немца на освобождение крестьян. — Мировые суды. — Новая школа моралистов. — Русский язык. — Способность русских к языкам. — Мой учитель. — Куча новых известий

Село по имени Ивановка, в котором я намеревался провести несколько месяцев, было живописнее многих других сел северной лесной области. Крестьянские избы, тянувшиеся вдоль прямой улицы, правда, не производили особенного впечатления, а большая церковь с колокольной безобразного стиля Renaissance и с пятью грушевидными куполами, торчащими из светло-зелёной крыши, сама по себе вовсе не была красива. Но на некотором отдалении, и в особенности в сумерки, вся местность могла бы служить хорошеньким сюжетом для картины. С места, которое непременно выбрал бы пейзажист, открывался на первом плане луг с сонной речкой посреди. Вправо, на некотором возвышении, виднелся полузакрытый тёмно-зелеными елями барский дом, большое клеткообразное, выбеленное здание с террасой и площадкой, которая могла быть обращена в цветник. Влево тянулась деревня, с избами, составлявшими вместе с церковью красивую группу, а немного дальше в этом же направлении шла дорога, обсаженная берёзами. С левой стороны лежали поля, окружённые сосновым лесом. Если бы зритель мог подняться на несколь-

ко сот футов над землёю, то он увидел бы, что и по ту сторону села были поля и что весь этот обработанный под поля оазис лежал посреди леса, который тянулся во все стороны, насколько мог видеть глаз.

Историю села можно рассказать в нескольких словах. В былые времена все это имение, вместе с деревней и крестьянами, принадлежало монастырю, но когда в 1864 году Екатерина II отобрала церковные земли, то это имение перешло в казну. Через несколько лет императрица подарила имение, с крестьянами и со всеми угодьями, одному старому генералу, отличившемуся в Турецкой кампании. С этого времени имением владели К. Между 1820 и 1840 годами церковь и господский дом были выстроены отцом нынешняго помещика, любителем сельского хозяйства, посвящавшим большую часть времени на устройство своего хозяйства. Сын же его предпочитал петербургскую жизнь деревенской, служил в каком-то министерстве, страстно любил французский театр и другие продукты городской культуры и предоставлял управление своим имением немцу управляющему, Карлу Карловичу, с которым я познакомлю читателей.

В деревенских летописях не было вписано никаких особенных событий, за исключением дурных урожаев, падежей скота и опустошительных пожаров, с незапамятных времён периодически посещавших крестьян. Если хорошие урожаи и случались, то они скоро забывались населением. Существовавшие у крестьян старая поверья хотя становятся более редкими, но тем не менее не искореняются. Лешаго, например, видели несколько раз, а домовой во многих домах шалил до тех пор, пока его не умилостивили.

Но пора представить мне главных лиц маленькой общины. Главное лицо – **facile princeps**, как сказал бы латинист, – был Карл Карлович, управляющий.

Может быть, мне сначала следует объяснить, каким образом Карл Шмидт, сын зажиточнаго крестьянина прус-

ской деревни Шенгаузен, превратился в Карла Карловича, главное лицо русской деревни Ивановки.

Лет двадцать тому назад многие из русских землевладельцев почувствовали необходимость улучшить первобытный, традиционный способ земледелия и стали искать немецких управляющих для своих поместий. В числе этих помещиков находился тоже владетель Ивановки. Через какого-то своего приятеля в Берлине ему удалось нанять за умеренную плату молодого человека, только что окончившего курс в одной из германских земледельческих школ – в Гогенгеймской, если не ошибаюсь. Молодой человек приехал в Россию просто Карлом Шмидтом, но вскоре превратился в Карла Карловича, не по своему собственному желанию, а в силу русского обычкновения. В России друг друга называют не по фамилии, а по имени и по отчеству.

Тотчас после приезда молодой Шмидт ревностно принялся за преобразование поместья и улучшение системы земледелия. Привезённые когда-то прежде плуги, бороны и другия орудия были извлечены из забвения, в котором находились несколько лет, и обработка полей по новой системе началась. Попытка вести хозяйство на научных основаниях не совсем удалась, так как крепостных крестьян нельзя было приучить работать как обученных немецких земледельцев. Несмотря на выговоры, угрозы и наказания, они продолжали работать тихо, равнодушно, вяло, и случалось, что ломали новые инструменты по небрежности, а может быть, и по более преступным побуждениям. Карл Карлович по природе не был жесткосердным человеком, но он строго исполнял то, что считал своим долгом, и строго взыскивал, когда приказания его не исполнялись в точности, что казалось русскому крестьянину бесполезным педантством. Крепостные крестьяне не выказывали ему открытаго неповиновения и всегда были покорны и послушны, но своей небрежностью и своим глупым пассивным сопротивлением постоянно разстроивали

его планы. Таким образом, родилась безмолвная борьба и тлеющая под пеплом обоюдная вражда, часто возникавшая при столкновении русских с немцами. Крепостные инстинктивно стремились к добрым старым временам, когда они находились под грубым и поистине патриархальным управлением своего помещика, которому помогал бурмистр или управляющий, взятый из их же среды. Хотя бурмистр в сношениях с ними не всегда поступал честно и барин нередко в сердцах жестоко наказывал их, но бурмистр не пытался изменять их старых обычаев и смотрел на многие их грешки сквозь пальцы, а помещик всегда готов был помочь им в нужде и обращался с ними обыкновенно ласково, как гласит старая русская пословица: «Где гнев, там и милость». Карл Карлович, напротив того, был олицетворением строгаго, непреклоннаго закона. Как слепой гнев, так и сострадательная доброта были чужды его системе управления. Если он питал какая-нибудь чувства к крепостным, то это были чувства постоянного презрения. Слово «дурак» постоянно было у него на языке, а если какая-нибудь работа была хорошо сделана, то он относился к этому как к должному и никогда не высказывал ни благодарности, ни одобрения.

Когда в 1859 году стало известным, что крестьяне будут освобождены, Карл Карлович втихомолку предсказывал, что страна неизбежно погибнет. Он по опыту знал, что крестьяне ленивы и беспечны, даже живя под опекою барина и вечно имея перед глазами плеть. Что же будет с ними без этой опеки и благодетельнаго принуждения? Будущее представлялось в ужасном виде почтенному управляющему, душою преданному интересам своего хозяина, и его опасения ещё более усилились и омрачились, когда он узнал, что крестьянам по закону дана будет в собственность земля, которой они владели до сих пор и что составляло половину всей обработанной земли. Такое постановление, по его мнению, было опасно и неизвинительно нарушало священные пра-

ва собственности, что сильно пахло коммунизмом, и будет иметь только один практический результат: освобожденные крестьяне будут жить обработкою своей собственной земли и ни в каком случае не захотят работать на своего прежнего барина. В первые месяцы вслед за объявлением манифеста об освобождении крестьян многое подтверждало его опасения. Крестьяне были недовольны дарованными им правами и уклонялись от исполнения наложенных на них новым законом обязанностей. Тщетно старался управляющий выговорами, обещаниями и угрозами принудить их исполнить необходимые полевые работы; он показывал им параграф закона, в силу которого они обязаны были повиноваться и работать по-прежнему до нового положения. На все его требования они отвечали, что более не обязаны работать на прежнего барина; и ему, наконец, пришлось обратиться к властям. Это несколько подействовало, но в этот год полевые работы были исполнены хуже, чем обыкновенно, и вследствие этого пострадал урожай.

С этого времени дела постепенно пошли лучше. Крестьяне увидели, что они не могли прокормиться отошедшей им землёю и заплатить подати, и вследствие этого они согласились обрабатывать за умеренное вознаграждение поля своего помещика. «Последние два года, – говорил мне с искренним самодовольствием Карл Карлович, – я мог, покрыв все расходы, посылать небольшие суммы молодому барину в Петербург. Конечно, посылал я немного, но все-таки это доказывает, что дела идут лучше, хотя очень немногим. Крестьян свобода не улучшила. Они работают теперь меньше, а пьют больше, чем во время рабства, и скажите вы им только слово, они уйдут и вовсе не станут у вас работать». Тут Карл Карлыч вознаградил себя за свою сдержанность в присутствии рабочих, высказав целый поток грозных эпитетов, каким только мог снабдить его смешанный язык его настоящей и приёмной родины. «Но лень и пьянство не единственные их недостатки. Они пускают

свой скот на наши поля и никогда не пропускают случая украсть дров из господского леса».

– Но для таких случаев у вас ведь существуют теперь мировые судьи, – решился я заметить.

– Мировые судьи!.. – Тут Карл Карлыч сказал такое выражение, которое ясно доказывало, что он не был безусловным поклонником новых судебных порядков. – Что толку обращаться к судьям? Ближайший судья живёт за шесть вёрст, и, когда я отправляюсь к нему, он, очевидно, старается, чтобы я как можно более потерял времени. У меня всегда пропадает почти целый день, и, в конце концов, оказывается, что я потерял время напрасно. Судьи всегда стараются оправдать крестьян, а если им случается обвинить, то дело этим не кончается. Тут у нас вечно снуют приказные, – по большей части писцы, за взяточничество выгнанные со службы, – и они-то постоянно научают крестьян подавать на апелляцию. Крестьянин знает, что решение справедливо, но он охотно убеждается, что, апеллируя в мировой съезд, он получает другой билет в лотерею и может ещё выиграть. Вследствие этого он уполномочивает негодного писца подать за него на апелляцию, и я получаю приглашение явиться в съезд в указанный день. До уездного города, как вам известно, добрых тридцать пять вёрст, я встаю рано и приезжаю в одиннадцать часов, как назначено в повестке. Толпа мужиков стоит около подъезда суда, но сторож – единственное присутствующее официальное лицо. Я спрашиваю его, когда будет разбираться моё дело, и получаю лаконический ответ: «Почём я знаю?» Через полчаса является секретарь. Я повторяю свой вопрос и получаю тот же самый ответ. Проходит ещё полчаса, и в тарантасе подъезжает один из судей. Он может быть разговорчивый человек и уверяет меня, что присутствие скоро начнётся: «Сейчас! Сейчас!» Не верьте тому, что скажет вам словарь о значении этого слова. Словарь скажет вам, что слово это означает немедленно, но это вздор. В устах

русского оно значит «через час», «на будущей неделе», «через год или два», «никогда» – по большей части «никогда». Как многия другия русския слова, слово «сейчас» может быть понято лишь после долгаго опыта. Подъезжает второй судья и, наконец, третий. По закону трёх судей достаточно, но этим господам надо сначала выкурить по несколько папирос да поговорить о местных новостях, прежде чем начать заниматься. Наконец они занимают места на небольшом возвышении в конце комнаты, за столом, покрытым зелёным сукном, и присутствие начинается. Моё дело стоит в реестре довольно далеко, секретарь с злорадством замечает моё нетерпение, и до разбора моего дела судьи удаляются ещё раз, чтобы закусить и покурить. Мне приходится развлекаться, слушая другия дела, и могу вас уверить, что многия из них весьма занимательны. Стены той комнаты должны быть совершенно пропитаны ложными присягами, и многие свидетели тут же заражаются. Может быть, когда-нибудь в другой раз я вам расскажу кое-какия из интересных дел, которыя мне привелось там слышать. Наконец начинается моё дело. Оно ясно как день, но каналья каверзник тут с длинной приготовленной речью. В руках он держит небольшой том закона и цитирует параграфы, в которых никакой человеческий смысл не найдёт отношения к моему делу. Будет ли прежнее решение утверждено или отвергнуто, во всяком случае я потерял ещё день и волновался от нетерпения более, чем следовало. Впрочем, может случиться нечто ещё худшее, что я знаю по опыту. Однажды у меня в деле было какое-то упущение формальности: кто-то нечаянно отворил дверь комнаты для совещания суда, в то время как писалось решение, или нечто в этом роде, и каналья крючок обратился в Сенат как верховный кассационный суд. Все дело шло о нескольких рублях, но разбиралось в Петербурге, и потом было снова передано другому отделению суда. Теперь я заплатил за урок и к суду более не прибегаю.

– Следовательно, вы подвергаетесь всевозможным прижимкам?

– Не так, как вы думаете. Теперь я произвожу расправу по-своему. Если поймаю крестьянскую лошадь или корову у себя на поле, я запираю её и заставляю крестьянина заплатить за неё штраф.

– Разве не опасно, – спросил я, – самому произвольно расправляться? Я слышал, что русское правосудие относится крайне строго к тому, что ваши немецкие юристы называют «самоуправством».

– Это правда! В России гораздо лучше спокойно позволить себя обобрать, чем употребить насилие против вора. Это не так хлопотливо и, в сущности, не так невыгодно. Если же вы не позволите, то вы можете очутиться в одно прекрасное утро в тюрьме! Надо вам знать, что многие из молодых судей принадлежат к новой школе моралистов.

– Это что такое? Я не слыхал ни о каком новом открытии в сфере спекулятивной этики.

– Говоря по правде, я не принадлежу к числу посвящённых и могу сказать вам только то, что слышал. Сколько мне известно, представители новой доктрины говорят преимущественно о гуманности и человеческом достоинстве. Вы понимаете значение этих слов?

– Человечность, или скорее человеколюбие, и человеческое достоинство, – отвечал я, очень довольный, что могу привести доказательство моих успехов в учении.

– Тут опять-таки ваш лексикон и ваш священник могут ввести вас в заблуждение. Эти выражения в устах руссакого имеют гораздо большее значение, чем для нас, и те, которые употребляют их, вообще питают особенную нежность ко всякого рода преступникам. В тёмные времена, кончившиеся весьма недавно, преступники считались дурными, опасными людьми; но в последнее время это оказалось неверным. Один молодой помещик, который

живёт тут неподалеку, уверял меня, что они и есть настоящие протестанты и самые могущественные социальные реформаторы! Они практически протестуют против тех несовершенств социального строя, невольною жертвою которых они являются. Слабый, безхарактерный человек спокойно влачит эти цепи; смелый, великодушный, сильный человек, напротив того, разрывает оковы и другим помогает делать то же самое. Остроумное оправдание всевозможных мошенничеств, не правда ли?

– Конечно, такая теория может увлечь очень далеко и легко может привести к весьма неприятным заключениям, но я не уверен, что, взяв её теоретически, в ней нет известной доли правды. Она, во всяком случае, способствует развитию любви к ближнему, которую мы должны питать ко всем людям. Но, может быть, к числу всех людей не следует причислять мытарей и преступников.

Услыхав эти слова, Карл Карлыч повернул ко мне голову, и каждая черта его честного немецкого лица выражала самое неподдельное удивление. «Разве и вы тоже нигилист?» – спросил он, лишь только мог выговорить слово.

– Я, право, не знаю, что такое нигилист, но могу вас уверить, что я не принадлежу ни к каким «истам». Что такое нигилист?

– Если вы проживёте долго в России, то вы и без меня узнаете, что такое нигилист. Как я уже говорил, я вовсе не боюсь крестьянских жалоб на меня в суд. Они очень хорошо знают, что если слишком надоедят мне, то я могу заморить голодом их скот.

– Да, если вы изловите его на полях, – заметил я, не обратив внимания на то, какой странный оборот он придал разговору.

– Я могу заморить и без этого. Надо вам знать, что по положению об освобождении крестьяне получили пахотную землю, но не получили пастбищ. Таким образом, они у меня в руках.

Замечания Карла Карлыча о людях и вещах всегда интересовали меня, так как он был тонкий наблюдатель и часто делал забавные замечания, не лишённые юмора. Но я скоро убедился, что мнения его не следовало принимать безусловно. Его суровый, непреклонный тевтонский характер часто мешал ему судить беспристрастно. Он не любил окружавших его людей и учреждений и вследствие этого не вникал в глубь вещей. Внешние пятна и недостатки он видел ясно, но не знал тайных, глубоко коренившихся причин их. Он считал всякого русского способным на все дурное; и его познания оказались вовсе не так обширны, как я сначала предполагал. Хотя в России он прожил пятнадцать лет, но очень мало знал жизнь крестьян вне того маленького кружка, с которым непосредственно были связаны его собственные интересы и интересы его хозяина. Об общинной организации, о домашней жизни, о религиозных верованиях и обрядах в крестьянстве, о занятиях тех крестьян, которые ежегодно уходили из деревень на заработок, — обо всем этом и тому подобном он знал весьма мало, да и то, что знал, было неверно. Чтобы узнать все это, я решился обратиться лучше к священнику или к самим крестьянам. Но для этого мне надо было понимать и самому свободно говорить на простонародном языке, а я был ещё очень слаб в этом отношении.

Даже человеку с природными способностями к иностранным языкам, изучение русского языка ни в каком случае не покажется лёгким. Хотя русский язык, как и английский, принадлежит к арийским языкам, с лёгкой примесью татарских слов, — как, например, *башлык*, *колтак*, *арбуз* и т. д., — но в нём попадаются звуки, незнакомые слуху западного европейца и трудные для произношения; а корни их хотя и происходят по большей части от одинаковых корней с языками греко-латинскими и германскими, но узнать их вообще очень трудно. В виде примера возьмите русское слово *отец*. Как ни странно покажется это с первого раза, но это слово только переименованное наше слово *father*, немецкое *Vater* и

французское *re*. Слог *eu* есть обыкновенное русское окончание, обозначающее активно-действующее, соответствующее английскому и немецкому окончанию *eg*, как мы видим в таких словах как – *купец*, *пловец* и многих других. Корень *от* есть искажённая форма *вот*, как мы видим в слове *отчина*, которое очень часто пишется *вотчина*. *Вот* есть тот же самый корень, как немецкое *vat* и английское *fath*. *Quod erat demonstrandum*. Всё это очень просто и доказывает основное сходство или, лучше сказать, общность происхождения славянских и германских языков; но скоро приходится убеждаться, что этимологическое сходство, так тщательно отыскиваемое, мало приносит пользы при изучении иностранного языка. Кроме того, грамматические формы и обороты русского языка совершенно особенные и представляют массу неправильностей. Для примера мы можем взять будущее время глагола. Русский глагол имеет обыкновенно простое и многократное будущее время. Последнее всегда образуется вспомогательным глаголом с неопределённым наклонением, как и в английском языке, но простое будущее время составляется различно и не имеет правил, так что будущее время каждого глагола надо просто выучить наизусть. Во многих глаголах оно образуется прибавлением предлога вначале, но нельзя определить правилом, какой следует употребить предлог. Так, например, *иду* будет *пойду*, *пишу* будет *напишу*, *пью* будет *выпью* и так далее.

Правильное ударение слов так же трудно усваивается, как и произношение. В этом отношении русский язык похож на греческий; и никогда нельзя определить на каком слоге должно быть ударение. Но русский язык труднее греческого по двум причинам: во-первых, русские не имеют обыкновения печатать книги с обозначением ударений; а во-вторых, никто до сих пор не мог установить точных правил для перемещения ударений при различных изменениях одного и того же слова. Для доказательства последней особенности достаточно одного примера. В слове *рука́* ударение на

последнем слоге, а в винительном падеже, *руку*, ударение переходит на первый слог. Но из этого, однако же, вовсе не следует, чтобы подобное перемещение происходило во всех однородных словах. Например, слово *беда*, как и многия другия, сохраняет ударение на последнем слоге.

Эти и тому подобныя трудности, перечислять которыя бесполезно, можно преодолеть только после долгих упражнений в языке. Хотя трудности эти значительны, но их не должен пугаться человек, привыкший к изучению иностранных языков. Ухо и язык постепенно привыкают к особенностям склонений и ударений, а практика делает то же самое, что и абстрактныя правила. Правда, иностранец, как бы свободно он ни говорил, никогда не будет принят за русскаго. В длинном разговоре он непременно выдаст себя. Но в этом нет ничего удивительнаго. То же самое можно сказать и о русских, говорящих по-английски. Я говорил со многими русскими, превосходно говорящими по-английски, но никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь из них говорил как англичанин, за исключением тех, кто учился говорить с детства.

Обыкновенно предполагают, что русские от природы имеют особенную способность к языкам. Говорят, что русский язык так труден, что им нет труда выучивать другие языки. Это общее мнение, мне кажется, требует объяснения. Нет сомнения, что образованные русские знают языки лучше других образованных классов Западной Европы, так как все они говорят по-французски, а многие и по-английски, и по-немецки. Но вопрос заключается в том: происходит ли это от какой-нибудь физиологической особенности или от других причин. Не отрицая существования какой-нибудь физиологической особенности, я полагаю, что другия причины тут значительно влияют. Каждый русский, имеющий притязание считаться «образованным», должен говорить хотя на одном иностранном языке; и вследствие этого дети высших сословий учатся всегда в детстве французскому языку. Во многих семействах вы встретите няньку нем-

ку, француза учителя и гувернантку англичанку, и таким образом дети с раннего детства приучаются к этим трём языкам. Кроме того, русский язык очень богат по звукам, и в нём заключаются почти все звуки западноевропейских языков. Но некоторых мягких звуков в нём не имеется, и их русские редко произносят правильно. В пример я могу привести короткую гласную в слове «but» и длинную гласную в слове «all». **Даже русские, говорящие по-английски с изумительной правильностью, вводят в эти слова изменённое о, что очень неприятно режет ухо англичанину.** Как пример грамматической трудности я могу ещё указать, что весьма немногие русские усвоили себе тонкое различие между was (бывал) и has been (был).

Может быть, тут можно применить теорию Дарвина и предположить, что русское дворянство, приобретая в течение многих поколений познания в иностранных языках, постепенно развило наследственные способности к языкам.

Многие обстоятельства облегчили мои старания выучиться, во время моей добровольной ссылки, языку настолько, чтобы быть в состоянии свободно говорить с крестьянами. Во-первых, мой учитель священник был приятный, добродушный и разговорчивый человек, с восторгом рассказывавший мне бесконечные истории, совершенно не обращая внимания на то, понимают и ценят ли их. Даже когда он бывал один, он постоянно шептал что-то воображаемому слушателю. Если бы какой-нибудь незнакомец его встретил, то мог бы предположить, что он разговаривает с невидимыми духами, хотя его коренастая мощная фигура и красное лицо далеко не соответствовали такому предположению, и никто из мужчин, женщин и детей, живущих на десять вёрст кругом, не впал бы в такую ошибку. Все соседи знали, что батюшка, как его обыкновенно звали, человек слишком прозаический и практический, чтобы думать о вещах неземных, но он просто был страшный болтун и, не находя слушателей, создавал их в своём воображении.

Такая отличительная черта его характера принесла мне большую пользу. Несмотря на то, что некоторое время я понимал весьма мало из того, что он говорил, и нередко некие статьи вставлял да и нет, он все-таки продолжал говорить. Подобно всем болтливым людям, он постоянно повторялся; но я не возстаивал против этого, так как такая привычка – весьма в обществе порицаемая – была мне крайне выгодна, и я, выслушав уже раз или два какую-нибудь историю, потом гораздо лучше усваивал все выражения.

Во-вторых, по счастливому случаю, в Ивановке не было развлечений, так что я мог учиться весь день и весь вечер. Моим главным развлечением служили прогулки с Карлом Карловичем по полям, но и этим скромным удовольствием я не всегда мог пользоваться, так как после дождя далее террасы нельзя было выходить и грязь мешала гулять. Более возбуждающим развлечением было собирание грибов, но в этом отношении мои услуги оказывались бесполезными, потому что я не умел отличать годные грибы от поганок. Таким образом мы жили вдали от шума мирскаго. Нередко проходила неделя, дней десять, и мы не получали никаких известий извне. Ближайшая почтовая станция была на станции железной дороги, с которой мы не имели правильных сообщений. Письма и газеты лежали в конторе до тех пор, пока за ними не посылали, и приносились к нам только, когда кто-нибудь из соседей проезжал мимо.

Один такой большой приём хорошо остался у меня в памяти. Долее обыкновеннаго не являлось добровольных почтальонов, и такая проволочка казалась нам тем более тягостной, что в то время происходила прусско-французская война. Наконец мне принесли большую пачку газет. Горя нетерпением узнать, не происходило ли какой-нибудь большой битвы, я начал просматривать последний № газет и тотчас же наткнулся на статью, озаглавленную: «Последняя известия: Император в Вильгельмсгёге!!!». Крупный шрифт, которым было напечатано заглавие, и три восклицательных

знака ясно показывали, что статья эта важная. Я с жадностью принялся её читать, но жестоко ошибся. Какой это был император? Император Российский или Австрийский, так как императора Германского в то время ещё не было. Но нет! Это был, вероятно, император Французов. Каким же образом Наполеон попал в Вильгельмсгёге? Французы, должно быть, прорвали укрепления на Рейне и двинулись в Германию. Опять нет! Читая далее, я увидел, что это предположение неверно. Оказалось, что император был окружён немцами и взят в плен! Чтобы разгадать эту загадку, мне пришлось обратиться к предыдущим номерам, из которых я узнал все о постоянных немецких победах, о Седанском деле и о других великих событиях того достопамятного времени. Человек, привыкший принимать последние известия гомеопатическими дозами, помещаемыми в ежедневных газетах, вряд ли поймет впечатление, произведённое на меня тогда этими известиями.

Вследствие полезной болтливости моего учителя и возможности употреблять все своё время на изучение языка, я сделал такие успехи, что через несколько недель мог понимать многое из того, что говорилось, и сам мог кое-как выражаться. При разговоре мне очень помогала особенная способность догадываться, которой русские обладают в высшей степени. Если иностранцу удаётся выразить четвертую часть мысли, то русский крестьянин обыкновенно остальные три четверти дополнит своим собственным соображением.

Чем больше я начинал понимать, тем меня более и более интересовали мои продолжительные разговоры с священником. Сначала его замечания и рассказы имели для меня просто физиологический интерес, но постепенно я увидел, что в его разговоре заключается много дельного и интересного, как о нем самом, так и о том сословии, к которому он принадлежал, — и что подобных сведений не найдёшь в грамматических примерах. Некоторыми из этих сведений я теперь намерен поделиться с читателем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕРЕВЕНСКИЙ СВЯЩЕННИК

Фамилии священников. — Белое и чёрное духовенство. — Почему народ не уважает деревенских священников. — История белого духовенства. — Деревенский священник и протестантский пастор. — В каком отношении религиозен русский народ. — Духовенство и народное образование. — Преобразования в духовенстве

При формальном представлении обыкновенно называют более или менее внятно имена обоих представляемых друг другу лиц. В настоящем случае обстоятельства заставляют меня уклониться от этого общепринятого обыкновения. Дело в том, что я не знаю, как зовут лиц, которых я желаю представить друг другу! Читатель, конечно знающий свою фамилию, охотно извинит часть моего незнания, но за то он полагает, что я знаю фамилию человека, с которым я знаком и с которым беседовал в продолжение нескольких месяцев. Но как это ни странно, а я не знаю его фамилии. В продолжение всей моей жизни в Ивановке я никогда не слышал, чтобы его называли иначе как Батюшка. А между тем «батюшка» вовсе не есть имя. Это просто уменьшительное от слова отец, и так называют всех деревенских священников. *Юшка* есть обыкновенное уменьшительное окончание, а корень *бат*, очевидно, тот же самый, что в латинском «*patet*».

Хотя мне не привелось знать фамилию батюшки, но все-таки я могу сообщить относительно ее два курьёзных факта: эту фамилию он в детстве не носил и это не была фамилия его отца.

Читатель, догадливость которого неестественно развилась от чтения массы сенсационных романов, непременно выведет заключение, что батюшка какое-нибудь таинственное лицо, не похожее на то, каким он выдавал себя, или же незаконный сын какого-нибудь значительного лица, или же человек высокого происхождения, совершивший какое-нибудь большое преступление и теперь ищущий забвения и очищения в скромной обязанности деревенского священника. Позвольте мне тотчас же разочаровать вас. Батюшка был законным сыном обыкновенного деревенского священника, который жил вёрст за двадцать, и несколько поколений все его предки, как со стороны отца, так и со стороны матери, принадлежали к духовному званию. Из этого следует, что он был левит чистейшей воды и левит по характеру. Хотя он по опыту знал нечто о слабости плоти, но никогда не совершал тяжкого преступления и потому не имел причины скрывать своё происхождение. Курьёзные вышеупомянутые факты происходили просто вследствие особенного обычая, существующаго в русском духовенстве. В силу этого обыкновения, мальчик при поступлении в семинарию получал от архиерея новую фамилию. Фамилию Богословскаго, или Боголюбова, или что-нибудь в этом роде. Иногда мальчика называли по месту его рождения или по чему-нибудь другому, смотря по желанию архиерея. Я знаю один случай, когда архиерей выбрал для фамилии два иностранных слова. Он хотел назвать мальчика Великосельским по месту его рождения «Великое Село», но так как в семинарии оказался уже один Великосельский, то он, будучи в этот день в весёлом расположении духа, назвал новичка Грандвилажеским – слово, которое может совершенно сбить с толку какого-нибудь будущего филолога.

Мой почтенный учитель был высокий, сильный мужчина на лет сорока, с густой тёмной бородой и длинными блестящими волосами, падавшими на его плечи. Верхняя часть его костюма состояла из трёх предметов – из грязно-коричневой

рясы из грубой материи, наглухо застёгнутой у шеи и спускающейся до ног, из шляпы с широкими полями и больших тяжёлых сапогов. Что же касается его исподняго платья, то я не пытался узнавать его. Жизнь его шла безмятежно. В раннем детстве он был послан в семинарию в губернский город и вышел из нея, кончив курс с хорошими отметками. «Семинария того времени, – говорил он мне, рассказывая о том времени своей жизни, – была не то, что теперь. Теперь преподаватели говорят о гуманизме и мальчики сочли бы оскорблением человеческого достоинства, если бы кого-нибудь из них высекли. Но они вовсе не считают унижением человеческого достоинства быть пьяными и ходить в такие места, в которые я никогда не ходил. Меня секли очень часто, и я не думаю, чтобы я стал от этого хуже; и хотя я никогда не слушал педагогики, о которой теперь так много толкуют, но прочту по латыни лучше любого из них».

– Когда моё ученье окончилось, – говорил батюшка, продолжая простую историю своей жизни, – архиерей нашёл мне жену, и я сменил ея отца, бывшего тогда уже стариком. Таким образом, я сделался священником в Ивановке и живу с тех пор здесь. Жизнь моя тяжёлая, так как приход велик, а мой участок земли не плодороден, но, слава Богу, я здоров и силён и изворачиваюсь кое-как.

– Вы сказали, что архиерей нашёл вам жену, – заметил я. – Я полагаю, что он очень расположен к вам.

– Вовсе нет. Архиерей делает то же самое для всех семинаристов, которые хотят быть рукоположенными; это главная часть его пастырских обязанностей.

– В самом деле? – с удивлением воскликнул я. – Это называется слишком далеко заходить в отеческих заботах. К чему это его преосвященство вмешивается в дела, вовсе его не касающиеся?

– Да эти дела очень его касаются. Он естественный покровитель вдов и сирот, в особенности духовенства его

епархии. Когда деревенский священник умирает, что станет с его женою и дочерьми?

Не понимая ясно точного значения этого последнего замечания, я решил заметить, что священники должны копить в виду будущих нужд.

– Легко сказать! – отвечал батюшка. – “Скоро сказка сказывается да не скоро дело делается” – гласит старая поговорка. Как нам копить? И не откладывая ничего, мы едва концы с концами сводим.

– Ну, в таком случае вдова и дочери должны работать и существовать трудом.

– Позвольте, что же оне могут работать? – спросил батюшка и остановился в ожидании ответа. Но видя, что я возражать ему не намерен, он продолжал: «Даже дом и земля принадлежат не им, а новому священнику».

– Если бы такое положение было описано в романе, – сказал я, – я мог бы предсказать, что случилось бы. Автор заставил бы новаго священника влюбиться и жениться на одной из дочерей, и тогда вся семья и тёща жили бы счастливо как прежде.

– Точно так же устраивает дело и архиерей. То, что романист делает с бездушными куклами своего воображения, то же самое и архиерей делает с живыми существами из плоти и крови. Как человек практический он не может оставить дела на произвол судьбы. Кроме того, ему надо устроить все до посвящения молодого человека, так как по правилам Церкви брак не может быть совершён после церемонии посвящения. Если свадьба устроена прежде, чем место очистится, то старый священник может умереть с покойною совестью, что семья его пристроена.

– Хорошо, батюшка, вы объяснили это дело очень убедительно, но в этом сравнении, однако же, есть две погрешности. Романист может заставить молодых людей влюбиться друг в друга и счастливо жить с тёщей, но ведь

это – несмотря на все уважение к архиерею – не во власти его преосвященства.

– Не знаю, – проговорил батюшка, избегая возражения, – бывают ли браки по любви счастливее; что же касается до тётчи, то в каждой крестьянской семье – так было, по крайней мере, до освобождения крестьян – попадают и свекровь, и несколько невесток.

– И в крестьянских семьях царствует мир?

– Это зависит от главы семейства. Если он человек строгий, то может держать баб в повиновении. – Это замечание было сделано энергическим тоном с очевидным намерением убедить меня, что сам батюшка человек строгий, но я не приписывал этому большого значения, потому что нередко замечал, что загнанные мужья обыкновенно говорят таким образом, когда жены их не слышат. Хотя я вовсе не был убеждён, что такая система пристраивать вдов и сирот духовенства посредством подобных браков хороша, но я решился не высказывать своего мнения, пока не узнаю что-нибудь поподробнее.

Через неделю или через две мне представился случай получить об этом предмете дальнейших сведения. Однажды утром, придя в дом батюшки, я застал у него знакомого – священника из деревни вёрст за пятнадцать от Ивановки. Не успели мы высказать обычных замечаний о погоде и об урожае, как к крыльцу подъехал мужик в телеге и сообщил, что в соседней деревне умирает старик и желает причаститься. Вследствие этого батюшка принуждён был оставить нас, и мы с его приятелем решили пойти потихоньку по тому направлению, куда он поехал, чтобы встретить его, когда он поедет домой. Поля уже были выжаты, так что мы, выйдя из деревни, пошли напрямик. Затем мы вошли в сосновый лес, и ещё не доходя до лесу, мне удалось навести разговор на браки священников.

– Я очень много думал об этом предмете, – сказал я, – и мне очень хотелось бы знать ваше мнение об этой системе.

Мой новый знакомый был высокий, худой, черно-волосый мужчина, с суровым выражением на бледном лице – очевидно, один из тех несчастных смертных, которые предназначены природой смотреть на все с пессимистической точки зрения и указывать ближним на тёмные стороны жизни. Поэтому-то я нисколько не был удивлён, когда он ответил глухим, решительным тоном: «Дурная, очень дурная!»

Эти слова были произнесены так, что не оставляли ни малейшего сомнения относительно мнения священника, но мне хотелось знать, на чем было основано это мнение, тем более что в его голосе мне послышался оттенок личного неудовольствия. Я придумал соответствующий ответ.

– Я так и думал; но в тех спорах, которые я имел, я всегда находился в невыгодном положении, так как в доказательство своего мнения не мог привести никаких фактов.

– Можете поздравить себя, что не могли привести фактов из своего собственного опыта. Тёща в доме никак не способствует домашнему счастью. Я не знаю, как бывает у вас в стране, но у нас это так.

Я поспешил уверить его, что это правило существует не в одной России.

– Это мне близко известно, – продолжал он. – Моя тёща жила со мною несколько лет, и я принуждён был, наконец, настоять, чтобы она переехала к другому зятю.

– Вы поступили довольно эгоистично относительно вашего свояка, – сказал я про себя и потом прибавил вслух: Я надеюсь, что этим вы прекратили все неприятности.

– Не совсем. Теперь дела мои идут гораздо хуже, чем прежде. Я условился платить ей по три рубля в месяц и аккуратно исполнял своё обязательство, но недавно ей показалось, что этого мало, и она подала жалобу архиерею.

На прошлой неделе я ездил к нему оправдываться, и так как у меня не было денег, чтобы сунуть чиновникам кон-систики, то оправдаться я не мог. Тёща моя насаждала на меня разного вздора, и на меня наложили шестинедель-ное запрещение!

– И какое же следствие этого запрещения?

– А следствие то, что я не могу отправлять обычных треб. Это страшно несправедливо, – прибавил он с него-дованием, – и неприятно. Подумайте, какая неприятности и неудобства.

Подумав о неприятностях и неудобствах, каким под-вергнулись прихожане вследствие безсовестности старой тётки, я проникся сочувствием к негодованию моего нова-го знакомаго. Но сочувствие моё, однако же, охладилось, когда я увидел, что ошибаюсь и что священник смотрит на это совсем с другой точки зрения.

– Как видите, – сказал он, – это самое несчастное время года. Крестьяне собрали хлеб и могут уделить от своих избытков. Теперь начались пиры и свадьбы, кроме обыкновенных похорон и крестин. Во всяком случае, я от этого потеряю более ста рублей.

Признаюсь, мне было несколько противно слышать, что священник говорил о своих священных обязанностях как о какой-то торговле и рассуждал о запрещении, как рассуждал бы гробовщик о санитарных мерах. Я удивился не тому, что он смотрел на это дело с пекуньярной точки зрения, – я настолько уже был в летах и знал, что священ-ники далеко не нечувствительны к денежным делам, – а тому, что он прямо высказывал своё мнение иностранцу, нисколько не подозревая, что неприлично говорить таким образом. Это обстоятельство показалось мне весьма ха-рактеристичным, но я удержался от всяких замечаний, чтобы не прекратить его откровенности. Желая поощрить его, я показал, что заинтересован его разговором гораздо более, чем был в действительности, и спросил, как, по его

мнению, можно помочь такому неудовлетворительному положению дел.

– Помочь можно только одним, – сказал он с поспешностью, показавшею мне, что он часто говорил уже об этом предмете, – а именно: свободой и гласностью. Мы не дети, а между тем во всем зависим от благочинного; и...

– Прошу извинения, что это за благочинный?

– Благочинный – это епархиальный священник, который находится в прямых отношениях с губернской консисторией и которому поручен надзор за всеми священниками его епархии. Он действует заодно с консисторией, набитой чиновниками-взяточниками. Архиерей, какой бы добрый и хороший человек он ни был, всегда делает, что хотят его подчинённые. Кроме того, архиереи и настоятели монастырей, занимающие высшие места, все принадлежат к чёрному духовенству – то есть все они монахи – и, следовательно, не могут понять наших нужд. Как же им, людям, не имеющим права, по правилам Церкви, жениться, понять положение приходского священника, которому приходится содержать семью и бороться со всевозможными домашними нуждами? Они берут лучшие места себе, а нам оставляют тяжёлую работу. Монастыри очень богаты, а мы, как видите, бедны. Может быть, вы слышали, что приходские священники вымогают от крестьян деньги – отказываясь крестить или хоронить, пока не получают значительную сумму. Это совершенно верно, но кто же в этом виноват? Священнику нужно жить и содержать целую семью, и себе представить не можете, каким унижениям он подвергается, чтобы получить скудное подаяние. Я знаю это по опыту. Совершая обход, я вижу, как крестьяне дрожат над каждой горстью ржи и над каждым яйцом. Мне приводилось слышать их насмешки уходя, и я знаю, что они говорят нечто вроде того, что «священник дерёт с живаго и с мёртваго». Многие из них запирают двери, как будто их нет дома, и даже не стесняются говорить громко, пока я тут.

– Вы удивляете меня, – сказал я в ответ на последнюю часть его длинной речи, – я всегда слышал, что русские очень религиозный народ, по крайней мере низшие классы.

– Они действительно религиозны, но народ беден и обременён налогами. Они придают большое значение богослужениям и в точности исполняют посты, составляющие в совокупности около полугода, но очень мало чувствуют уважения к священникам, таким же бедным, как они сами.

– Но я все-таки хорошенько не понимаю, каким образом предлагаете вы изменить этот порядок вещей.

– Свободой и гласностью, как я уже говорил. – Почтенный человек точно наизусть выучил эту формулу. – Прежде всего, надо, чтобы узнались наши нужды. В некоторых губерниях это хотели сделать посредством губернских съездов духовенства, но консистории всегда упорно возставали против этого, так как члены их боятся гласности более всего на свете. Но для того, чтобы приобрести гласность, нам надо пользоваться большей свободой.

За этим следовала длинная речь о свободе и гласности, которая мне показалась очень неясной. Насколько я мог понять, все аргументы его вертелись в тесном круге. Свобода была необходима для гласности, а гласность для свободы, а практический их результат должен был заключаться в том, чтобы духовенство получало более высокое жалованье и пользовалось большим уважением народа. Мы только что начали вдаваться в разсуждение о предмете, когда наш разговор был прерван стуком крестьянской телеги. Через несколько минут появился наш друг и разговор принял другой оборот.

С этого времени я много говорил об этом предмете с компетентными людьми, и все соглашались, что настоящее положение духовенства в высшей степени неудовлетворительно и что деревенский священник редко пользуется уважением своих прихожан. В полуофициальной записке, случайно попавшей мне в руки, когда я собирал совершен-

но другой матерьял, говорится следующее: «Народ не уважает духовенства, преследует его насмешками и упрёками и считает его обузой. Почти во всех юмористических народных рассказах священник, или жена его, или работник всегда представлены в смешном виде. Народ не любит духовенства и прибегает к нему только по нужде, а не по внутреннему стремлению... Почему же народ не уважает духовенства? Потому что оно образует отдельную касту; потому что, получив превратное воспитание, оно не вносит в народную жизнь учения о Боге, а ограничивается мёртвыми формами внешних обрядов, которых само оно не соблюдает; потому что само духовенство показывает неуважение к религии и делает из богослужения выгодную торговлю. Может ли народ уважать духовенство, слыша, как один священник ворует деньги из-под подушки умирающего, в то время как исповедует его, как другого с позором выгнали из публичного дома, как третий окрестил собаку, как четвёртого во время богослужения дьякон вытащил за волосы из алтаря? Может ли народ уважать священников, посещающих кабаки, пишущих ложные доносы, дерущихся с палками в руках и ругающих друг друга скверными словами в алтаре? Можно было бы наполнить подобными примерами несколько страниц – с указанием времени и места – не переступая границ Нижегородской губернии. Может ли народ уважать духовенство, когда оно забыло правду и решениями консисторий руководит не закон, а личное расположение и подкуп, что лишает его всякой правдивости? Если мы к этому прибавим ложные свидетельства, выдаваемые тем, кто не желает говеть, незаконные вымогательства от староверов, превращение алтаря в источник дохода, отдачу церковей в приданое священниковым дочерям и тому подобная вещи, то вопрос, может ли народ уважать духовенство, не потребует ответа».

Так как всё это написано православным русским, известным своим обширным и близким знакомством с рус-

ской провинциальной жизнью, и было адресовано к одному очень высокопоставленному лицу, то мы можем быть уверены, что оно заключает в себе много правды. Но читатель, однако же, не должен думать, что все русские священники похожи на вышеописанных. Многие из них честные, почтенные, благомыслящие люди, добросовестно исполняющие свои скромные обязанности и усиленно работающие для доставления воспитания своим детям. Если они менее учены, менее воспитаны и развиты, чем римско-католические священники, зато они гораздо менее их фанатичны и более их толерантны к другим религиям.

Как хорошие, так и дурные качества русского духовенства настоящего времени легко объясняются его прошедшей историей и некоторыми особенностями национального характера.

История русского белаго духовенства – то есть приходских священников, отличающихся от монахов, которых называют черным духовенством, – довольно странная. В былые времена духовенство выходило из всех классов населения и свободно избиралось прихожанами. Человек, выбранный народом, представлялся архиерею, и, если последний находил его достойным занять это место, он тотчас же посвящался. Но этот обычай скоро вышел из употребления. Архиереи, видя, что представляемые лица зачастую оказывались неграмотными мужиками, постепенно присваивали себе право назначать священников с согласия или без согласия прихожан, и выбор их обыкновенно падал на сыновей священников, наиболее способных для священнического сана. Учреждение архиерейских школ, потом названных семинариями, в которых воспитывались сыновья священников, привело, конечно, с течением времени к совершенному изгнанию других классов. В то же время правительство действовало в том же направлении. Пётр Великий проводил принцип, что каждый подданный должен каким бы то ни было образом служить го-

сударству: дворяне – офицерами в армии или во флоте или чиновниками в гражданской службе; духовенство – служителями Церкви; а низший класс – солдатами, матросами или просто плательщиками податей. Из этих трёх классов на долю духовенства досталась легчайшая тяжесть, и многие дворяне и крестьяне охотно перешли бы в их сословие. Но такого рода переходов правительство не допускало, и вследствие этого духовенство было законным образом ограждено от вторжения в его пределы. Таким образом, соединёнными силами духовенства и гражданской администрации духовенство сделалось отдельным классом или кастой, которому и по закону, и в сущности сделалось невозможным слиться с другими классами населения.

Один тот факт, что духовенство стало особенной кастой, с особым характером, особыми привычками и особыми идеалами, должен был иметь дурное влияние на духовенство; но это было ещё не все. Каста страшно увеличилась от естественного процесса нарождения, так что стала превышать количество имеющихся мест; число священников и дьяконов скоро превысило спрос; и несоразмерность между предложением и спросом увеличивалась с каждым годом. Вследствие этого образовался духовный пролетариат и, как всякий пролетариат, потянулся к большим городам. Тщетно правительство издавало указы, запрещающие духовенству покидать места его жительства, и обращалось с послушниками как с беглыми и бродягами; тщетно несколько государей подряд старались убавить их количество, массами забирая их в солдаты. В Москве, в Петербурге и в других больших городах постоянно слышался возглас: «Идут!» Каждое утро в Московский Кремль приходила их целая толпа, и все они ждали, чтобы их наняли совершить какое-нибудь богослужение в часовнях богатых дворян, и тут происходил торг между священниками и лакеями, посланными для найма их, торг, ничем не отличавшийся от торга на базаре между барышником и скупой

хозяйкой. «Слушай, – говорит священник лакею, слишком сбивавшему цену, – если не дашь семидесяти копеек, так сейчас откушу, и тогда уж конец». И действительно он этим положил бы конец, потому что по правилам Церкви священник не может служить обедни не натошак. Но такой ультиматум мог произвести действие только на деревенскую прислугу, недавно явившуюся в город. Ловкий же лакей, опытный в подобных делах, смеялся над подобной угрозой и холодно отвечал: «Откусывай, батюшка, вашего брата тут довольно». Подобныя курьёзные сцены мне рассказывали старые люди, уверяющие, что они сами видели их.

Положение духовенства, оставшагося в деревнях, было не лучше. Те из священников, которым посчастливилось найти места, избавились, по крайней мере, от страха терпеть крайнюю нужду; но положение их было вовсе незавидное. Они не пользовались уважением крестьян и тем менее дворянства. Если церковь находилась не на казённой земле, а в имении помещика, то, в сущности, они находились во власти помещика – почти в одинаковой степени с крепостными; и иногда власть эта выражалась самым оскорбительным и позорным образом. Я, например, слышал об одном священнике, который был спущен в колодезь в холодный зимний день для потехи помещика и его гостей – грубых самодуров, и о другом священнике, котораго посадили в бочку и скатили с берега в реку за то, что он, проходя мимо помещичьяго дома, не снял шляпы.

Указывая на эти случаи, я вовсе не хочу сказать, что они могут служить характеристикой отношений, обыкновенно существующих между помещиками и деревенскими священниками, так как я почти уверен, что жестокий произвол не был в числе обыкновенных пороков русских помещиков. Но я привёл эти случаи для того, чтобы показать, как грубый помещик – а надо сознаться, что грубых людей в этом классе было немало, – мог обращаться со священником, не слишком опасаясь быть привлечённым к ответствен-

ности за своё поведение. Конечно, такое обращение в глазах закона было оскорблением; но в те времена закон был очень близорук и совершенно зажмуривал глаза, когда обидчик был влиятельным помещиком, а жертва – простой деревенский поп. Если бы эти происшествия достигнули до слуха императора Николая, он, вероятно, приказал бы примерно наказать виновного, но, как говорит русская пословица, «до Бога высоко, а до царя далеко!» Деревенскому священнику, таким образом оскорблённому, оставалось мало надежды на удовлетворение, и если он был человек благоразумный, то он и не добивался правосудия, так как за всякую неприятность, полученную помещиком от духовной власти, он, конечно, косвенным путём отплатил бы ему с лихвою.

Сыновья священников, которым не удавалось получить места, находились в ещё худшем положении. Многие из них служили писцами или мелкими чиновниками в присутственных местах и вымогательствами и взяточничеством добавляли своё скудное содержание. Тем же, которым не удавалось получить и такое скромное положение, оставалось только спастись от голодной смерти менее законными путями, и они нередко кончали жизнь свою тюрьмою или Сибирью.

Говоря о теперешнем русском духовенстве, не следует забывать, какую оно прошло суровую школу; кроме того, нужно принять в соображение дух, веками господствовавший в восточной Церкви, – я подразумеваю сильное стремление как духовного, так и гражданского сословия придавать необыкновенное значение церковным обрядам. Простой народ всюду и всегда склонен смотреть на религию как на ряд таинственных обрядов, имеющих сокровенную силу предупреждать бедствия в этой жизни и подготавливать блаженство в будущей. Русского крестьянина нельзя исключить из этого общего правила, а Русская Церковь не сделала всего того, что могла бы сделать для изменения такого мнения и для более тесного соединения религии с обыденной

нравственностью. Вследствие этого теперь ещё возможны следующие случаи. Разбойник убивает и грабит проезжаго, но отказывается съесть кусок говядины, который находит в телеге, потому что день был постный! Мужик готовился ограбить молодого *attaché* австрийского посольства в Петербурге и при этом убил свою жертву, но, перед тем как отправиться на преступление, он входит в церковь и просит святых благословить его предприятие! Один вор, грабя церковь, не может вынуть драгоценные камни из иконы и даёт обет святому, которого просит помочь ему, что поставит ему рублёвую свечку!

Все это, конечно, исключения, но они показывают стремление в более мягких формах слишком обыкновенное между русским народом, – стремление смотреть на религию как на собрание обрядов, имеющих скорее чудодейственное, чем духовное значение. Бедная женщина, опускающаяся на колени перед религиозной процессией, для того чтобы над ее головой пронесли икону, и богатый купец, приглашающий к себе в дом известную икону, довольно ярко обрисовывают подобное стремление.

Народ говорит: «каков поп, таков и приход», но точно также можно бы сказать: «каков приход, таков и поп». Большая часть священников, как и большая часть вообще людей, ограничивается исполнением того, чего от них требуют, и на характер их в некотором роде влияют идеи и взгляды их прихожан. Это станет более ясным, если мы сравним русского священника с протестантским пастором.

По понятиям протестанта деревенский священник должен быть человек почтенный, примерного поведения и некоторым образом развитой и воспитанный. Он обязан объяснять каждую неделю своим слушателям простыми выразительными словами великия христианския истины и убеждать своих прихожан идти по пути правды. Кроме того, он утешает страждущих, помогает нуждающимся, советами поддерживает тех, кто сомневается, и увещевает

совратившихся с пути истинного. Таким народ представляет себе пастора, и почти все пасторы осуществляют этот идеал, по крайней мере по внешности. Русскому же священнику прихожане не предъявляют подобного идеала. От него требуется только, чтобы он не нарушал некоторых церковных постановлений и в точности отправлял обряды и церемонии, предписанные Церковью. Если он исполняет это без вымогательства денег, прихожане его будут совершенно довольны. Он редко говорит проповеди и поучения и вовсе не старается приобрести влияние на своих прихожан. Мне рассказывали о существовании русских священников, приближающихся к описанному мною идеалу протестантского священника, но мне не случилось их видеть, и я решаюсь утверждать, что подобных священников сравнительно очень немного.

При вышесделанном сравнении я упустил из виду нечто весьма существенное. Протестантское духовенство способствовало во всех странах народному образованию. Причину этого найти не трудно. Чтобы быть хорошим протестантом, надо «читать Писание», а для этого надо уметь читать. По понятиям же русских можно быть очень хорошим православным и не читая Писания, и потому первоначальное обучение не имеет в глазах православного священника того значения, какое оно имеет в глазах протестантского пастора.

Надо сказать, что русский народ в некотором отношении религиозен. Он постоянно ходит в церковь по воскресеньям и по праздникам, крестится несколько раз, проходя мимо церкви или иконы, говеет в указанное время, не ест скоромного не только по пятницам и по средам, но и в продолжение весняного и других больших постов, иногда ходит на богомолье к святым местам, одним словом, в точности исполняет все обряды, которые считает необходимыми для спасения души. Но этим религиозность русских и ограничивается. Обыкновенно они совсем не знают ре-

лигиозных доктрин и мало знакомы или почти не знакомы с Священным Писанием. Однажды священник спросил у одного мужика, может ли он назвать трёх лиц Троицы, и тот, ни минуты не задумавшись, отвечал: «Как же, Батюшка, этого не знать? Разумеется, это Спаситель, Божья Матерь и Николай Чудотворец!» Этот ответ достаточно ясно рисует теологические познания большей части крестьян. Этот анекдот всем известен и так часто повторяется, что, может быть, он и выдуман, но это не клевета. О теологии или о том, что протестанты называют «внутренней религиозной жизнью», русский мужик понятия не имеет. Ему совершенно достаточно внешних церковных обрядов, и он питает безусловное детское доверие в спасительное действие тех обрядов, которые он исполняет. Если он в детстве крещён, если он в точности держал все посты, говел каждый год и только что исповедовался и причащался, он совершенно спокойно чувствует приближение смерти. Его нисколько не терзают сомнения в правоте его веры и его действий, и он не боится, что прошлая жизнь его может лишить его вечного блаженства. Подобно человеку на погибающем корабле, надевшему спасительный аппарат, он чувствует себя совершенно покойным. Нисколько не боясь будущего и мало жалея настоящего и прошедшего, он спокойно ждёт суда Божия и умирает с смирением, которому мог бы позавидовать философ-стоик.

Если русские священники мало способствовали народному образованию, то, по крайней мере, они никогда намеренно не сопротивлялись ему. Они не находят, подобно своим католическим братьям, что «немножко учения вещь опасная», и не боятся, что вера пострадает от учения. Действительно замечательно, что Русская Церковь с полным равнодушием взирает на различные умственные движения, которые теперь так серьёзно беспокоят стольких мыслящих христиан в Западной Европе. Причину этого я, может быть, попытаюсь объяснить когда-нибудь

впоследствии. Это предмет трудный и несколькими словами его не разъяснишь.

Хотя неудовлетворительное положение приходских священников вообще признается образованными классами, но весьма немногие серьёзно думают о средствах к улучшению его. Во время реформенной горячки, господствовавшей в начале нынешняго царствования, на духовныя дела было обращено мало внимания; а теперь, когда буря прошла и наступила апатия, об них думают ещё того менее. Дело в том, что образованные русские мало интересуются делами Церкви, а многие из них настолько «передовые», что смотрят на религию во всех ея проявлениях как на старинный предрасудок, которому надо дать спокойно умереть. Правительство, впрочем, кое-что сделало для улучшения положения приходскаго духовенства. Многия из ограничений, вследствие которых духовенство было отдельной кастой, теперь уничтожены, и сотни сыновей священников служат теперь в гражданской администрации, в судебном ведомстве, профессорами университетов и в разных промышленных учреждениях. В добавок к этому теперь делаются попытки уменьшить число приходов и тем увеличить доход священника. Я полагаю, что эти перемены будут иметь хорошие результаты, но пройдет ещё много лет, прежде чем изменится дух, господствующий в духовенстве.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВРАЧЕБНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Неожиданная болезнь. — Деревенский врач. — Сибирская язва. — Мои уроки. — Русские историки. — Русский раздражитель Диккенса. — Бывший крепостной слуга. — Медицина и знахарство. — Остатки идолопоклонства. — Суеверие крестьян. — Глупые слухи. — Таинственное посещение Святой Варвары. — Холера на пароходе. — Госпитали. — Дома для умалишённых. — Между сумасшедшими

При перечислении вещей, необходимых для путешествия в малопосещаемых местностях России, я забыл упомянуть об одном важном условии: путешественник должен запастись хорошим здоровьем и в случае болезни уметь обойтись без медицинского пособия. Это я узнал по опыту во время моего пребывания в Ивановке.

Человек, вообще пользовавшийся здоровьем и привыкший к мысли, что он не подвержен обыкновенным страданиям людским, конечно, чувствует себя обиженным — точно кто-нибудь нанёс ему оскорбление, — если вдруг оказывается больным. Сначала он не верит факту и насколько возможно не обращает внимания на неприятные симптомы.

Нечто подобное ощутил и я, пробуждённый однажды утром от странных симптомов, до тех пор мне неизвестных. Не желая сознаться, что я могу быть болен, я встал и хотел по обыкновению одеться, но скоро увидел, что не могу стоять на ногах. Отрицать факт было нечего; я был не только болен, но болезнь моя превосходила мои силы

в диагностике; и так как симптомы быстро усиливались в продолжение всего этого дня и следующей ночи, то я принуждён был принять унижительное решение и обратиться за медицинским пособием. На вопрос мой, есть ли по соседству доктор, старый слуга отвечал: «Настоящего-то доктора нет, но в деревне есть фельдшер».

– Что это такое фельдшер?

– Фельдшер это... это фельдшер.

– Это я уже знаю, но мне хотелось бы знать, что вы подразумеваете под этим словом. Кто этот фельдшер?

– Это старый солдат, который перевязывает раны и даёт лекарства.

Такое определение вовсе не расположило меня в пользу таинственного лица, но так как другого ничего не оставалось делать, то я послал за ним, несмотря на упорное сопротивление старого слуги, который, очевидно, не верил в фельдшеров.

Через полчаса ко мне вошёл высокий, широкоплечий мужчина и остановился посреди комнаты в положении, которое принимают солдаты, когда им командуют слово: «смирно!». Его чисто выбритый подбородок, длинные усы и коротко обстриженные волосы подтверждали одно показание старого слуги: он, несомненно, был старым солдатом.

– Вы фельдшер, – сказал я, употребляя слово, только что присоединённое к моему словарю.

– Точно так, ваше благородие!

Эти слова, обыкновенная утвердительная форма, употребляемая солдатами при разговоре с офицерами, были произнесены громким, металлическим, монотонным голосом, точно автомат говорил с другим автоматом на расстоянии двадцати ярдов. Лишь только слова были произнесены, рот машины судорожно зажался, а голова, на минуту повернувшаяся ко мне, приняла своё прежнее положение, точно раздалась команда: «глаза прямо!»

– В таком случае потрудитесь сесть тут, и я расскажу вам, что со мною. Услыхав это, фигура сделала три шага вперёд, повернула направо кругом и села на край стула, сохраняя прежнюю вытяжку, насколько позволяло сидячее положение. Когда симптомы были тщательно описаны, он нахмурил брови и после некоторого размышления заметил: «Я могу дать вам приём...», – тут последовало длинное слово, которого я не понял.

– Я вовсе не хочу, чтобы вы дали мне приём чего-нибудь, пока я не узнаю, что со мною, и извините меня, но мне кажется, что и вы находитесь в таком же положении.

Заметив на лице его выражение оскорблённого достоинства, я прибавил в виде смягчающего средства: «Очевидно, у меня что-нибудь особенное, так что если бы призвать первого губернского доктора, то и он бы встал в тупик, как и мы».

Смягчающее средство, очевидно, оказало своё действие.

– Так, сударь, говоря по правде, – сказал он более человеческим голосом, – я не понимаю, что с вами.

– Верно, и поэтому-то, я полагаю, нам лучше предоставить лечение природе и не вмешиваться в её действие.

– Может быть, это будет лучше.

– Несомненно. А теперь, раз что я принуждён лежать тут навзничь и скучать, мне хотелось бы побеседовать с вами. Я надеюсь, вы не спешите?

– Нисколько. Помощник мой знает, где я, и пошлёт за мною, если понадобится.

– Так у вас есть и помощник?

– Да, очень смышлённый молодой человек, который учился два года в фельдшерской школе и теперь приехал сюда ко мне в помощники и для того, чтобы немного напрактиковаться. Это новая мода. Я никогда не был в подобной школе, а выучился всему, служа в госпитале. В моё время, кажется, и не было таких школ. Школа, в которой учился мой помощник, открыта земством.

– Земство, кажется, это новая местная администрация?

– Точно так. А без помощника я обойтись не мог, – продолжал мой новый знакомец, постепенно теряя свою напуганность и являясь тем, чем он в действительности был: добрым и разговорчивым человеком. – Мне часто приходится ездить в другие деревни, и сюда приходит ежедневно множество народа. Сначала у меня было очень мало работы, потому что народ принимал меня за чиновника и думал, что я буду заставлять его дорого платить за то, что даю; но теперь он знает, что платы я не требую, и приходит толпами. И все, что я им даю, – хотя иногда я не совсем хорошо понимаю болезнь – кажется, помогает им. Я думаю, что вера помогает столько же, сколько и лекарство.

– У меня на родине, – заметил я, – существует целая партия врачей, признающая пользу такого принципа. Они дают своим пациентам две-три пилюльки, не более булавочной головки, или несколько капель безвкусной жидкости, и иногда лечением своим производят чудеса.

– Ну, такая система нам не годится. Русский мужик не станет верить, если ему дать глотать такие пустяки. Он верит только, когда лекарство противное и его много. Такое уж его мнение о лекарстве, и он думает, чем он больше станет его принимать, тем скорее выздоровеет. Если я желаю дать мужику несколько приёмов, то за каждым приёмом велю приходиться отдельно, потому что хорошо знаю, что если не сделаю так, то он, вероятно, проглотит все, лишь только уйдёт от меня. Но ведь здесь нет серьёзных болезней, таких какия я видал на Шексне. Вы были на Шексне?

– Нет ещё, но намерен побывать там.

Шексна – это река, впадающая в Волгу и образующая часть большой системы водяного сообщения, соединяющего Волгу с Невой.

– Когда вы будете там, вы увидите много болезней. В жаркое лето, когда приходит множество барж, там всегда

начинается или тиф, или чёрная оспа, или сибирская язва, или что-нибудь в этом роде. Забавная болезнь эта сибирская язва. Точно ли она явилась из Сибири – это один Бог знает. Когда она начинается, то лошади валяются дюжинами, и иногда она делается и у людей, хотя, в сущности, это не людская болезнь. Говорят, будто болезнь переносят мухи с павших лошадей на людей. Сначала появляется прыщ с темными краями. Если его вовремя вырезать, человек выздоровеет, если же нет, то умрёт. Иногда бывает там и холера.

Какая прелестная страна, подумал я, для молодого врача, желающего делать открытия в науке! Реестр болезней, обычных в этой благословенной местности, очевидно, ещё не был закончен, но был внезапно прекращён приходом помощника, сообщившего, что фельдшера требуют.

Первое свидание с фельдшером вообще было удовлетворительно. Он не оказал мне никакой медицинской помощи, но дал мне возможность приятно провести целый час и дал мне те сведения, которых я желал иметь. Мои последующие свидания с ним тоже доставили мне удовольствие. Он был по природе умный, наблюдательный человек, видевший свет и умевший передать все, им виденное. К несчастью, лежачее положение мешало мне в то время записать все, что он мне говорил тогда интересного. Его посещение, как посещение Карла Карловича и священника, любезно проводивших большую часть времени со мною, помогли мне приятно провести несколько часов, которые иначе пришлось бы мне проскучать.

В промежутках времени, когда я оставался один, я занимался чтением – иногда русской истории, а иногда беллетристических вещей. Читал я Историю Карамзина, которого можно назвать русским Ливием. Она очень интересовала меня фактами, но бесила риторическим слогом, каким была написана. Впоследствии, когда я прочёл восемнадцать томов гигантского труда Соловьёва, который

можно назвать просто громадным собранием драгоценного, но необработанного матерьяла, я стал менее строго относиться к образным описаниям и витиеватому слогу его знаменитого предшественника. Первым прочитанным мною беллетристическим произведением было собрание рассказов Григоровича, которое автор подарил мне перед моим отъездом из Петербурга. Эти рассказы из русской деревенской жизни были написаны, как автор впоследствии сказал мне, под влиянием Диккенса. Множество шуточек и острот, так неприятно действовавших в последних произведениях Диккенса, я без труда узнал в русской переделке. Несмотря на это, я нашёл книгу весьма занимательной и приобрёл из нея несколько новых сведений о русской жизни крестьян, которых я, конечно, впоследствии проверил.

Один из этих рассказов произвёл на меня глубокое впечатление, и теперь, спустя более шести лет, я могу легко припомнить главные эпизоды. Рассказ начинается описанием деревни поздней осенью. Перед тем шёл дождь, и дорога была покрыта большим слоем чёрной грязи. Старуха – мелкая помещица – сидит дома, с знакомым, пьёт чай и гадает на картах. Занятие это вдруг прерывается приходом служанки, которая заявляет, что она нашла старика, очевидно очень больного, который лежит там на улице. Старуха идёт посмотреть незванного гостя и, как женщина сердобольная, готова перенести его в более удобное место, чтобы полечить его; но знакомый её шепчет ей, что это может быть бродяга, и тем парализует великодушный порыв. Когда оказывается, что подозрение это имеет основание и что у старика нет паспорта, старуха начинает беспокоиться. Воображение рисует ей ужасные последствия, могущая произойти, если полиция откроет, что она приютила бродягу. Все её небольшое состояние может погибнуть от этого. А если вдруг старик умрёт у нея в доме или на дворе! О последствиях в подобном случае даже страшно подумать. Она не только лишилась бы всего, что имеет, но и

может попасть в тюрьму. В виду такой опасности старуха не только забывает своё сердоболие, но делается неумолимой. Старик, несмотря на смертельную болезнь, должен был тотчас же уйти из усадьбы. Зная очень хорошо, что нигде не найдёт убежища, он удаляется в холодную, тёмную, бурную ночь, и на следующее утро недалеко от деревни находят мёртвое тело.

Отчего этот рассказ, в литературном отношении вовсе не замечательный, произвёл на меня такое впечатление, я объяснить не умею. Может быть, это было потому, что в то время я сам был болен и представлял себе, как ужасно быть выгнанным на грязную дорогу в холодную, сырую октябрьскую ночь. Кроме того, в этом рассказе меня интересовало описание страха, какой внушала полиция в царствование Николая. Гениальные уловки, которые она употребляла для вымогательства денег, сделались предметом многих сатирических очерков, написанных в одно время с вышеупомянутым рассказом. Один из этих очерков, прочитанных мною вскоре потом, тоже остался у меня в памяти. Насколько я помню, содержание было такого рода:

Чиновник уездной полиции, проезжая по просёлочной дороге, находит мёртвое тело. Очень довольный такой счастливой находкой, он едет в ближайшую деревню и объявляет крестьянам, что против них будут приняты самые строгия законныя меры для отыскания убийцы. Крестьяне, конечно, испуганы и подносят ему значительную сумму для того, чтобы он замаял дело. Обыкновенный полицейский чиновник был бы очень доволен получкой, но этот чиновник был необыкновенный и сильно нуждался в деньгах, вследствие чего ему приходит блестящая мысль повторить эту проделку. Он берёт мёртвое тело к себе в тарантас и через несколько часов объявляет крестьянам другой деревни, отстоящей за несколько вёрст, что кто-нибудь из них виновен в убийстве и что он намерен произвести строгое следствие. Крестьяне, конечно,

платят ему щедро, только бы избавиться от следствия, а плут чиновник, поощрённый успехом, повторяет свою проделку во многих деревнях до тех пор, пока не собрал значительной суммы.

В начале нынешняго царствования писалось множество рассказов и очерков подобнаго рода, но теперь публика утомилась подобной литературой и авторы сатирических произведений берут иные сюжеты.

Когда я не чувствовал расположения к чтению и моих обыкновенных посетителей у меня не было, я проводил иногда часок-другой в беседе со старым слугою, ходившим за мною. Антон, несомненно, был старик, но, сколько было ему лет, я никак не мог узнать, или он не знал сам, или по какой-нибудь причине не желал сообщить этого мне. На вид ему было лет шестьдесят, но из его слов я заключил, что ему около семидесяти, хотя на голове у него не было ни единого седаго волоса. Кто был его отец, он не знал, но мать его была крепостная и некоторое время исправляла должность горничной при барыне, а после смерти своей госпожи была возведена в не совсем определённое положение присматривающей за хозяйством. Это повышение произошло или в конце прошлаго столетия, или в начале нынешняго. Антон в своё время тоже был повышен. Он начал службу в доме в качестве помощника мальчика, набивающаго трубки, и от этой скромной должности он постепенно дослужился до положения дворецкаго. Все это время он, конечно, был крепостным, как была и мать его до него, но как человек недалёкаго ума он никогда не сознавал этого факта и никогда не представлял себе возможности сделаться чем-нибудь другим, а не тем, чем он был в действительности. Барин его был баринном, а он был Антоном, обязанным повиноваться своему барину или, по крайней мере, скрывать своё неповиновение. Таким взглядом на вещи он руководился долгие годы, и, подобно тому, как философы относятся к основным фактам и аксиомам,

он принимал его без разсуждения. Вследствие таких простых принципов он вёл спокойную жизнь и не тревожился никакими сомнениями до 1861 года, когда так называемая воля дошла до Ивановки. Сам он не ходил в церковь послушать, как батюшка читал барский манифест, но барин его, возвратясь от обедни, позвал его к себе и сказал: «Антон, теперь ты свободен, но царь велит вам по-старому служить нам ещё два года».

На это поразительное известие Антон холодно ответил: «Слушаю-с» – и без дальнейших разсуждений отправился подавать завтракать своему барину. Но то, что ему привелось видеть и слышать в первыя же недели, сильно поколебало его прежний взгляд на людей и порядок вещей. Я полагаю, что именно с этого времени, должно быть, лицо его приняло обычное ему выражение недоумения.

Прежде всего, его возмутило поведение дворовых. Почти всю холостую прислугу точно вдруг обуяла особенная брачная мания. Причина этого заключалась в новом законе, дающем позволение освобождённым крепостным жениться, на ком они хотят, без позволения барина, и почти все холостые поспешили воспользоваться вновь приобретённой ими привилегией, хотя большая часть из них едва набрала денег на уплату священнику. Затем наступили беспорядки между крестьянами, смерть старого барина и переезд семейства его сначала в Петербург, а потом в Германию. Голова Антона никогда не отличалась крепостью, а все эти великия события ещё более расшатали её. Когда по прошествии двух лет Карл Карлович объявил ему, что теперь он может идти куда ему угодно, он отвечал, смотря на него с неподдельным удивлением: «Да куда же мне идти?» Ему никогда не приходила в голову мысль о возможности быть вынужденным зарабатывать свой хлеб каким-нибудь другим образом, и он просил Карла Карловича позволить ему остаться на прежнем месте. Это позволение охотно было ему дано, так как Антон был честный,

верный слуга, искренно преданный дому, а потому решено было давать ему небольшое жалованье и оставить его на месте не то дворецкого, не то главного пса.

Если бы Антон действительно сделался собакой, то вряд ли он спал бы больше, чем спал теперь. Его способность спать и его дремота, в то время когда он воображал, что не спит, были его главными отличительными чертами. Во внимание к его годам и любви к спокойствию я по возможности старался мало беспокоить его, но и небольшие услуги, которые я от него требовал, он сумел гениальным образом сократить. Время и труд, необходимые для перехода пространства между его комнатой и моей, могли, по его мнению, быть употреблены с большей пользой, и вследствие этого он перенёс свою постель в маленькую прихожую к самой моей двери и поселился там. Если сильный храп может служить достаточным доказательством, что храпящий спит, то я могу утвердительно сказать, что Антон посвящал три четверти своего времени на сон и большую часть четвертой на зевание и издавание разных гортанных звуков. Сначала это средство надоедало мне, но я терпеливо переносил его и впоследствии был вознаграждён, так как во время своей болезни я находил весьма удобным иметь прислугу под боком. Я должен отдать Антону справедливость, что он служил мне, несмотря на свою сонливость, по-своему хорошо. Он, по-видимому, обладал способностью слышать даже во время сна и обыкновенно являлся ко мне в комнату не вполне ещё продрав глаза.

В течение своей долгой жизни Антон не успел составить себе обширных мнений, но усвоил или привил себе несколько убеждений большею частью совершенно консервативного характера. Он был убеждён, между прочим, что фельдшера – бесполезные и даже вредные члены общества. Он постоянно убеждал меня не иметь дела с фельдшером, приходившим ко мне, и не раз советовал мне обратиться к старухе по имени Маша, жившей за не-

сколько вёрст в деревне. Маша была то, что в России называется знахаркой – то есть полуколдуньей, полULEкаркой, – и вела свои дела с сильной примесью плутовства. По мнению Антона, она травами и заговорами производила чудесные исцеления, чуть что не воскрешала мёртвых, и даже о последнем чуде он сдержанно умалчивал.

Мысль подвергнуться лечению травами и чарами старухи, вероятно даже, мало знакомой с их свойствами, вовсе не представлялась мне привлекательной, и я не раз положительно отказывался прибегнуть к таким средствам. Но после некоторого размышления мне пришло в голову, что свидание со старой колдуньей доставит мне удовольствие, и мне явилась великолепная мысль! Я решил устроить встречу между фельдшером и знахаркой, которые, вероятно, жили друг с другом как кошка с собакой, и дать им погрызться передо мною ради пользы науки и моего развлечения. Дурная склонность, проявляющаяся в наш просвещённый век в боях быков и петухов, в кулачных боях, кажется, до сих пор не искоренилась вполне из человеческого характера.

Чем более думал я о своём намерении, тем более радовался своей блестящей мысли. Но, увы! В несовершенном мире великолепные мысли наши редко осуществляются, и в настоящем случае мне суждено было разочароваться. Почувствовала ли колдунья о предстоящей опасности, или действиями её руководило профессиональное чувство достоинства и известная профессиональная гордость? На это я не могу дать положительного ответа, но достоверно то, что её не могли уговорить прийти ко мне, и я был лишён ожидаемого удовольствия. Но мне удалось косвенно узнать кое-что о старой колдунье. Она пользовалась между своими соседями глубоким уважением, основанным на неясном, необъяснимом страхе, и ей приписывали несколько замечательных исцелений. В лечении сифилитических болезней, страшно распростра-

нённых между русскими крестьянами, она пользовалась наибольшим успехом, и я не сомневаюсь, судя по слышанным мною описаниям, что колдовство её в этих случаях было меркуриального свойства. Спустя некоторое время я видел одну из её жертв. Удалось ли старухе уничтожить сифилитический яд, сказать я не могу, но, во всяком случае, ей удалось совершенно уничтожить зубы своего пациента. Каким образом подобные женщины получают меркурий и каким образом могли они открыть его врачебные свойства объяснить я не умею. Точно так же мне непонятно, каким образом они узнали особенные свойства спорыньи, которую часто употребляют с непозволительною целью, известной всем занимающимся судебной медициной.

Знахарка и фельдшер представляют собою два различных периода в истории медицинской науки – волшебный и научный. У русского крестьянина осталось ещё много поверий, принадлежащих к первому периоду. Большая часть крестьян готова при обыкновенных обстоятельствах прибегать к научным средствам лечения, но лишь только начинается сильная эпидемия и научные медицинские средства оказываются недостаточными, старая вера пробуждается, и народ начинает прибегать к волшебным обрядам и заклинаниям. Из этих обрядов некоторые весьма любопытны. Вот, например, обряд, выполненный в деревне, близ которой мне случилось жить летом 1871 года. В уезде начала свирепствовать холера. В указанной деревне ещё не было ни одного случая, но жители боялись, что страшная гостья появится, и для предотвращения опасности прибегнули к следующему средству. В полночь, когда предполагалось, что все мужское население спит, все девушки вышли в ночных туалетах согласно условию за черту деревни и пошли процессией. Во главе шла девушка с иконой. За нею другие девушки тащили соху на длинной верёвке. В таком порядке процессия обошла всю деревню, и все в душе уверовали, что холера не переступит

волшебной черты, обведённой кругом. Многие из мужиков, вероятно, знали или, по крайней мере, подозревали, что происходило, но благоразумно не выходили за двери, зная очень хорошо, что любопытный, пойманный во время этой мистической церемонии, жестоко будет избит принявшими участие в ней.

Этот обычай остался, несомненно, от старых языческих поверий. Применение же к нему образа есть уже нововведение, рисующее любопытное смешение язычества с христианством, часто встречающееся в России, смешение, о котором я ещё буду говорить после.

Иногда во время эпидемии паника принимает более опасный характер. Народ начинает подозревать, что это дело докторов или что злые люди отравили колодцы, и верить не хочет, что его собственное пренебрежение к самым обыкновенным санитарным предосторожностям вполне объясняет появление болезни. Мне известен один случай, когда с одним странствующим фотографом жестоко обошлись вследствие такого подозрения; а раз в Петербурге во время царствования Николая произошёл настоящий бунт. Возбуждённая толпа, как говорят, уже выбросила нескольких докторов из окон гошпиталя, когда явился Император без всякой свиты в открытой коляске и одним своим присутствием и громовым голосом прекратил бунт.

О невежественном легковерии русскаго крестьянина я могу рассказать много любопытнаго. Самые бессмысленные слухи поселяют иногда безпокойства в целые уезды. Всего чаще распространяется слух о наборе девушек. Во время бракосочетания герцога Эдинбургскаго слух этот был особенно силен. Говорили, что в Англию будет послано на красном корабле множество молодых девушек. Что станут делать с русскими девушками, когда они приедут на место своего назначения, я никак не мог узнать. Может быть, народ смешивал королеву Викторию с королём Дагомеи, или, может быть, воображал, что ан-

гличане примут странную военную организацию этого властителя, или, может быть, это делается потому, как говорил мне один мужик, что в Англии мало женщин. Это ложное объяснение могло бы быть опровергнуто одним землевладельцем, который сообщил мне однажды, что третья часть всего населения Британских островов состоит из несчастных дев, осуждённых на безбрачие вследствие бедности мужского населения.

Самый любопытный случай легковерия, сообщённый мне крестьянкой из вышеупомянутой деревни, следующий. Однажды зимою около заката солнца одна крестьянская семья была поражена появлением странной посетительницы – в избу вошла женщина, одетая Святой Варварой, как её обыкновенно рисуют на образах. Все присутствующие были сильно поражены её появлением, но она сказала им тихим нежным голосом, чтобы они были спокойны, потому что она Святая Варвара и явилась к ним в награду за их благочестие. Награжденный хозяин не отличался благочестием, но не счёл нужным исправить ошибку святой посетительницы и просил её садиться. Она с готовностью приняла это приглашение и повела благочестивый разговор. Между тем весть о появлении её разнеслась как пожар, и все жители, как этой деревни, так и соседних, за версту собрались в избу и кругом избы. Был ли в числе любопытных священник, я не знаю. Многие из пришедших не могли слышать, что говорилось в избе, но они надеялись, что святая перед своим исчезновением выйдет к ним. Надежды их осуществились. Около полуночи таинственная посетительница объявила, что она отправится и приведёт с собою Николая Чудотворца, и велела всем ждать их, не трогаясь с места. Толпа почтительно перед нею разступилась, и она исчезла во мраке. Все, затаив дыхание, ждали появления Святителя Николая, любимого святого русских крестьян. Но проходили часы, а он не появлялся. Наконец, с рассветом менее верующие начали расходиться по

домам, и крестьяне, пришедшие из соседних деревень, к ужасу своему увидели, что во время их отсутствия у них были украдены лошади! Они тотчас же подняли страшный гам, и крестьяне начали всюду искать мнимую Святую Варвару и ея сообщников, но не могли найти украденной собственности. «И поделом им дуракам!» – прибавила рассказчица, не попавшаяся впросак только потому, что её в то время не было в деревне.

Не мешает прибавить, что русские крестьяне, в некоторых отношениях весьма легковверные и, подобно другим народам, легко поддающиеся панике, вовсе не пугливы при настоящей опасности. Всякий, кто видел их во время пожара, охотно поверит этому. Я с своей стороны имел случай наблюдать их во время опасности не военного свойства и восхищался их хладнокровием. Даже эпидемии пугают их только тогда, когда оне достигают известной степени. Я имел один раз случай наблюдать это на большом волжском пароходе. Это было в один очень жаркий день ранней осенью 1872 года. Так как всем было известно, что всюду свирепствовала сильная азиатская холера, то осторожные люди остерегались и не ели сырых овощей; но русский крестьянин вообще осторожностью не отличается, и я заметил, что народ ел страшное количество свежих огурцов и арбузов. Такая неосторожность скоро была наказана. Я отказываюсь от описания последовавшей за этим сцены, но могу только сказать, что забелевавшим товарищи оказывали помощь, какая была в их силах. Если бы не случилось ничего непредвиденного, то мы приехали бы на следующее утро в Казань и могли бы отправить больных в городскую больницу, но в реке было мало воды, и нам пришлось встать на ночь на якорь, а на следующее утро мы пошли и сели на мель. Тут нам пришлось спокойно ждать до тех пор, пока не появится другой пароход. Все это время не было и тени паники, и когда маленький пароход подошёл к нам, то не произошло ни малейшего

смятения и поспешности сойти с заражённого парохода, хотя всем было очевидно, что из пассажиров может быть взято очень небольшое число. Пассажиры, находившиеся около сходни, спокойно сходили на маленький пароход, а те, которые были менее счастливы, спокойно остались ждать до проезда следующего парохода.

Старое поверье, что болезнь может быть излечена колдовством или чем-нибудь подобным, быстро исчезает. Земство сильно способствовало этому, дав народу возможность получать более хорошую медицинскую помощь. Во всех, или почти во всех городах, существуют гошпитали весьма удовлетворительные или, по крайней мере, они кажутся удовлетворительными неспециалисту. Во многих из них к доктору ежедневно является целая толпа крестьян, которые приходят из ближних и дальних мест, чтобы просить совета и получить лекарства. Кроме того, во многих губерниях имеются фельдшера в больших деревнях, а доктора постоянно объезжают их. Доктора вообще люди образованные и много работают за небольшое вознаграждение.

О сумасшедших домах, обыкновенно присоединённых к большим гошпиталиям, я не могу сказать много хорошаго. Некоторые из них, например большой центральный сумасшедший дом около Казани, правда, так хороши, что лучшаго нечего и желать, но есть и очень дурно устроенные и страшно переполненные. Один или два из домов, мною осмотренных, управляются чересчур патриархально, как может показать следующий случай.

Я осматривал большой гошпиталь и пробыл там так долго, что стало совсем темно, когда я перешёл в прилегающее к нему отделение для умалишённых. Не видя свету в окнах, я предложил сопровождавшему меня инспектору отложить наше посещение до следующего утра, но он уверил меня, что по правилам свечи должны быть потушены гораздо позднее и, следовательно, нам нет причины не зайти. Если нам войти не мешали правила, то мешала боль-

шая дверь, которую мы никак не могли отворить и стуком своим не могли обратить внимания сторожа. Наконец, после долгаго звона, стука и крика послышался изнутри голос, спрашивавший нас, кто мы такие и что нам нужно. Краткий ответ моего спутника, не отличавшийся любезностью и вежливостью, имел последствием, что запор скрипнул, дверь отворилась с поразительной быстротою, и мы увидели перед собою старика с длинными растрепанными волосами, принадлежавшаго, судя по наружности, к сумасшедшим, который нам кланялся и шептал извинения. Пройдя по длинному темному коридору, мы вошли в ещё более темную комнату, и дверь за нами затворилась и защелкнулась на замок. Когда ключ повернулся в ржавом замке, в комнате раздался громкий крик отчаяния. Потом послышался стон, потом визг и затем различные звуки, для определения которых язык слишком беден и которые все вместе составили страшную дисгармонию, уместную разве только в Дантовом аде. Объяснить себе причину этого гвалта я никак не мог. Глаз мой постепенно привык к темноте, и я увидел белыя фигуры, блуждающия взад и вперёд по комнате. Потом я почувствовал, что подле меня что-то стоит, и около самага плеча увидел глаза и длинные растрёпанные волосы. С другого бока, тоже совсем близко, было что-то похожее на женский ночной чепчик. Хотя я человек не пугливый, но все-таки ощущал неприятное чувство. Быть запертым в темной комнате с множеством безпокойных сумасшедших – положение вовсе не приятное. Долго ли продолжалось моё заключение, я не знаю, вероятно, не более двух или трёх минут, но мне показалось это очень долго. Наконец был зажжён огонь, и все дело объяснилось. Сторожа, не ожидая посещения инспектора в такой поздний час, потушили свечи и ушли спать гораздо ранее обыкновеннаго. Отворявшаяся дверь разбудила одного несчастнаго обитателя этой комнаты, и его истерическое рыдание разбудило всех других.

Под влиянием приютов, гошпиталей и тому подобных заведений старья понятия о болезнях, как я уже говорил, постепенно вымирают, хотя знахарки до сих пор находят практику. Тот факт, что знахарка и фельдшер действуют рядом, весьма характеристичен для русской цивилизации, которая является странным смешением продуктов различных периодов. Кто займётся этим предметом, тот часто будет поражён не менее какого-нибудь естествоиспытателя, который нечаянно наткнулся бы на допотопного мегатериона, растущего рядом с новейшим растением. Он найдёт самые первобытные учреждения наряду с последними продуктами французского доктринарианизма и самое детское суеверие рядом с крайне передовым свободомыслием. В одну минуту он переносится в самое далёкое прошлое, а в другую он неожиданно может очутиться на пути, ведущем, по-видимому, в неизвестное будущее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ СТАРАГО ТИПА

Иван Петров. — Его прошедшее. — Артели. — Устройство крестьянского хозяйства. — Перевес хозяйственных соображений над родственными. — Крестьянские браки. — Преимущества жизни большими семьями. — Неудобства такой системы. — Разделение семей и последствия его

Болезнь моя имела один хороший результат. Она свела меня с фельдшером, а через него, после моего выздоровления, я познакомился с многими крестьянами в деревне. Из крестьян интереснее других был старик по имени Иван Петров.

Ивану, должно быть, было около шестидесяти лет, но он был ещё бодр и силен и славился тем, что мог выкосить в известное время более сена, чем кто-либо в деревне. Голова его могла бы служить отличной моделью для художника. Как все вообще русские крестьяне, он носил волосы с пробором посреди — обычай, вероятно заимствованный из подражания рисункам на образах. Его длинная русая борода с лёгкой проседью придавала ему почтенный вид, которому, однако, не соответствовали бегающие глаза — трудно сказать, лукавые или плутоватые. Как в своём лёгком летнем костюме, так и в теплом тулупе или в длинном блестящем тёмно-синем двубортном кафтане, который он надевал в праздники и в воскресенья, — он всегда имел вид сытого, почтенного, зажиточного члена общества. При не-

поколебимом покое и полном отсутствии приниженности или грубости в его обращении, он обладал глубоко вкоренившимся чувством собственного достоинства. Всякий при виде его непременно пришёл бы к заключению, что он деревенский староста, но в действительности он был простым крестьянином, как и сосед его, бедный Захар Лешков, никогда не пропускавший случая выпить, который вечно был в долгах и в тисках и вообще пользовался весьма сомнительной репутацией. Правда, несколько лет тому назад Иван был старостой. Когда мир выбрал его вопреки его желанию, он спокойно сказал: «Хорошо, ребята, я отслужу свои три года»; а в конце этого срока, когда мир хотел опять его выбрать, он твёрдо отвечал: «Нет, ребята, я отслужил свой срок. Теперь очередь когонибудь помоложе и у кого побольше времени. Вон Пётр Алексеев славный честный малый, вы можете выбрать его». И мир выбрал указанного крестьянина, но Иван, оставшись простым крестьянином, имел все-таки больше влияния на деревенские дела, чем полдюжины других мужиков взятых вместе. Никакое серьёзное дело не решалось без его совета, и даже раз случилось, что мирскую сходку отложили потому, что в это время ему случилось быть в Петербурге.

Иностранец, случайно встретившись с Иваном, ни на минуту не заподозрил бы, что этот высокий мужчина с спокойной повелительной наружностью был большую часть своей жизни крепостным. А между тем он был крепостным крестьянином от рождения до сорока лет, и крестьянином не казённым, а помещичьим, и помещик его постоянно жил в деревне. Сорок лет своей жизни он зависел от произвола барина, имевшего право сечь его, когда угодно, как угодно и сколько угодно. Но в действительности он никогда не подвергался телесному наказанию, так как помещик, которому он принадлежал, несмотря на свою строгость, был барин справедливый и разумный.

Открытое и умное лицо Ивана обратило на себя внимание его барина, и вследствие этого было решено выучить его какому-нибудь мастерству. Для этого его отправили в Москву, и там его выучили плотничьему делу. Через четыре года ученья он мог не только зарабатывать себе хлеб, но помогал семье вносить подати и платить ежегодно своему барину оброк – сначала в десять, потом в двадцать, потом в тридцать и, наконец, в течение нескольких лет перед самым освобождением в 1861 году по семидесяти рублей, то есть по семидесяти рублей ассигнациями, или около двадцати «рублей серебром», как обыкновенно называют бумажные рубли. За этот ежегодный взнос он мог свободно работать и ходить куда ему угодно, и много лет он постоянно пользовался этим правом. Мне никогда не удалось получить от него точный отчёт о его переходах, но из случайных его замечаний я мог заключить, что он исходил большую часть Европейской России. Очевидно, что в молодости своей он был тем, что называется «ловкий малый», и ни в каком случае не ограничивался одним ремеслом, выученным им в четыре года. Раз он помог сплавить плот из Ветлуги в Астрахань, расстояние в две тысячи вёрст. В другой раз он был в Архангельске и в Онеге, на берегах Белого моря. Петербург и Москва были ему хорошо знакомы, и наконец, он был даже в Одессе. Точный характер его занятий во время этих странствований я никак определить не мог, так как, несмотря на его откровенность, он был необыкновенно скрытен во всем, что касалось торговых дел. На все мои вопросы о его занятиях он уклончиво отвечал: «лесным делом», – из чего я мог заключить, что он преимущественно занимался лесной торговлей. Действительно, в то время, когда я познакомился с ним, он хотя и не был уже настоящим торговцем, но всем было известно, что он скупал в соседстве всякий клочок леса, если мог приобрести его выгодно. Скрытности же относительно торговых дел

он, вероятно, выучился от настоящих дельцов, которые о своих делах постоянно умалчивают.

В продолжение всей своей бродяжнической жизни Иван никогда не прекращал своих сношений с своей родиной и земляками. Будучи лет двадцати он провёл несколько месяцев дома, принимая участие в полевых работах, и женился на крепкой здоровой молодой девушке, которую ему выбрала его мать за её добрый характер и физическую силу. По мнению Ивановой матери, красота есть излишняя роскошь, которой могут пользоваться только дворяне и богатые купцы, а для людей простых это вещь второстепенная – до такой степени второстепенная, что её можно совершенно упустить из виду. Жена Иванова держалась того же мнения. Она никогда не была сама хорошенькой, – говорила она, – но была доброй женой своему мужу. Он никогда не жаловался на её недостаток красоты и никогда не заглядывался на хорошеньких. Говоря это, она всегда сначала наклонялась вперёд, а потом выпрямлялась, и, наконец, для подкрепления своих слов она кивала в сторону. В таких случаях глаза Ивана сверкали сильнее обыкновенного, и он лукаво спрашивал её, почём она знает: ведь он не всегда же бывал дома. Иван дразнил, таким образом, свою жену и постоянно называл её старым «пугалом» или чем-нибудь вроде этого.

Может быть, в поддразнивании Ивана было более значения, чем жена его желала понимать, так как в первые годы их брака они очень мало видели друг друга. Через несколько дней после свадьбы, когда, по нашим понятиям, медовый месяц должен бы быть на своей крайней высоте, Иван отправился в Москву на несколько месяцев, оставив молодую жену свою на попечение своего отца и матери. Молодой жене это нисколько не показалось тяжким, так как многия из её подруг испытали то же самое, и, по понятиям крестьян, в этом не было ничего неестественного. Действительно, можно сказать вообще, что в

русских крестьянских браках романтизма или сентиментальности весьма мало. Жена берётся как помощница или, говоря попросту, как работница, а не как подруга жизни, а свекровь не даёт ей времени на бесполезные сожаления или на бесплодные мечты.

Со временем, когда отец стал стареться и слабеть, Иван стал приходить на родину чаще и на более продолжительное время; когда же старик совсем, наконец, не мог работать, Иван поселился в деревне навсегда и взял на себя управление хозяйством. Между тем его собственные дети подросли. Когда я познакомился с его семьёй, она состояла – кроме двух дочерей, давно вышедших замуж и живущих с родными мужей, – из Ивана и его жены, двух сыновей, трёх невесток и бесконечно и часто изменяющегося количества внучат. Вследствие набора, в который был взят младший сын вскоре после его брака, в семье было три невестки и только два сына. Два же оставшихся сына проводили очень мало времени дома. Один был плотник, а другой каменщик, и оба ходили по России за поисками работы, как делал их отец в молодые года. Но между ними была только одна разница. Отец выказывал всегда склонность к торговым операциям более чем к своему ремеслу, и вследствие этого он обыкновенно и жил, и переезжал один. Сыновья же, напротив того, посвятили себя своему ремеслу и в рабочее время всегда примыкали к артелям.

Артель, в различных своих видах, учреждение курьёзное. Артели, к которым принадлежали сыновья Ивана, были временными переходными обществами рабочих, которые в течение лета жили вместе, ели вместе, работали вместе и по окончании каждой работы делили между собою барыши. Эта первобытная форма учреждения теперь встречается не часто. Здесь, как и всюду, капитал дал себя почувствовать и разстроил равенство, существующее между членами вышеупомянутой рабочей артели. Вместо того чтобы составлять временные артели, рабочие теперь

обыкновенно заключают условие с подрядчиком, имеющим небольшой капитал, и от него получают определённое месячное жалованье. Вследствие такого порядка риск не так значителен, но прибыли меньше, и случайный барыш идёт в карман подрядчика в вознаграждение за те убытки, которые он мог бы понести. В этих случаях существуют только артели для покупки и изготовления харчей, да и это подрядчик нередко берёт на себя.

В некоторых больших городах существуют артели гораздо более сложные – постоянные ассоциации с большим капиталом и с денежной ответственностью за действия отдельных членов. Из таких артелей самая замечательная биржевая артель. Эти артельщики имеют неограниченную возможность воровать, получая зачастую поручения отправлять значительные суммы. Но банкирам опасаться нечего, так как они знают, что за всякий ущерб отвечает артель. Неисправности случаются очень редко или почти никогда, и это вовсе не так удивительно, как многие полагают. Артель, отвечая за своих членов, конечно, очень осторожна в выборе их, и вновь принятый артельщик подвергается тщательному наблюдению не только со стороны назначенных управителей артели, но со стороны всех артельщиков, имеющих возможность наблюдать за ним. Если он начинает тратить слишком много денег или пренебрегать своими обязанностями, – хотя бы хозяева его об этом ещё ничего не знали, – подозрение сейчас является между его товарищами и начинается исследование, обыкновенно кончающееся исключением его из артели, если подозрения окажутся основательными. Взаимная ответственность, разумеется, создаёт самую действительную систему наблюдения друг за другом. Не мешало бы, может быть, и нашим хозяевам, вечно жалующимся на беспечность и нечестность своих рабочих, извлечь практическую пользу из этого принципа.

Из двух сыновей Ивана плотник приходил домой только случайно и в неопределённое время; другой же, напротив

того, проводил большую часть зимы дома, так как в России зимою дома строить невозможно. Оба они большую часть своих заработков отдавали в общую семейную кассу, над которой отец пользовался безконтрольной властью. Когда он хотел произвести какие-нибудь значительные расходы, он всегда советовался об этом с своими сыновьями; но так как Иван был человек умный и пользовался уважением и доверием своей семьи, то никогда не встречал положительного протеста. Все полевые работы он исполнял с помощью своих невесток; только в страдное время он нанимал себе в помощь одного или двух работников.

Дом Ивана мог служить хорошим образцом русской крестьянской семьи старого типа. До освобождения крестьян в 1861 году таких семейств с тремя поколениями было много. Все члены, молодые и старые, жили патриархальным образом вместе, под властью главы дома, которого обыкновенно называли хозяином или, в некоторых местностях, большаком. Вообще хозяином считался дед, а если его не было, то старший брат, но это правило не всегда в точности исполнялось. Если, например, дед лишался сил от старости или старший брат, по беспорядочной жизни или по другим причинам, оказывался неспособным, то место главы дома занимал кто-нибудь другой из семьи – хотя бы даже женщина, – если она хорошая хозяйка и имеет влияние на семью. Отношения между главою дома и другими членами зависели от привычек и личного характера и вследствие этого были неодинаковыми в разных семействах. Если большак был человек умный, твёрдаго энергического характера, как мой друг Иван, то в доме, несомненно, господствовала дисциплина, не распространявшаяся, может быть, на женские языки, часто отказывавшие в повиновении даже своим владетельницам. Часто бывало, впрочем, что большак оказывался непригодным, и в таких случаях в доме не прекращались брань и ссоры. Ссоры, конечно, заводились всегда женщинами семьи –

факт, который не может показаться странным, если принять в соображение, как должно быть трудно нескольким невесткам жить вместе, с детьми и свекровью, в тесной крестьянской избе. Любимым мотивом народных песен служат жалобы молодой жены о том, что свекровь сваливает всю тяжёлую работу ей на плечи.

Дом со всеми службами, скот, земледельческие орудия, хлеб и другие продукты, деньги, получаемые от продажи этих продуктов, – одним словом, дом со всем, что в нем заключается, есть общая собственность семьи. Таким образом, никто из семьи ничего не продаёт и не покупает, даже сам большак – если только он не пользуется необыкновенным уважением – без особенного и точного согласия других взрослых членов семьи, и все приобретённые деньги остаются в общую кассу. Если кто-нибудь из сыновей уходил из дому на заработок, то он должен был приносить или присылать домой все, что он зарабатывает, за исключением того, что употребит на еду, квартиру и другие необходимые издержки; а если его понятия о необходимых издержках были слишком обширны, то, возвратясь, ему приходилось выслушивать суровые выговоры. Во время его отсутствия, которое может длиться год или даже несколько лет, его жена и дети по-прежнему оставались в доме, а зарабатываемые им деньги, вероятно, употреблялись на уплату податей.

Таким образом, крестьянская семья старого типа есть первобытная земледельческая ассоциация, члены которой владеют всем сообща, и замечательно, что крестьянин смотрит на свой дом скорее как на артель, чем как на семью. Это доказывается обычной терминологией и порядком наследия. Глава дома не носит названия, соответствующего названию «*paterfamilias*», а его зовут, как уже сказано выше, «хозяином», как зовут и земледельца-арендатора, и лавочника или промышленника, что вовсе не соответствует мысли о кровном родстве.

Порядок наследования точно также основан на этом же принципе. Когда семья разделяется, степени кровного родства не принимаются в соображение при разделе имущества. Все совершеннолетние наследники-мужчины получают по равной части. Незаконные или приёмные сыновья, если они принимали участие в работе, имеют те же права, как и сыновья, родившиеся в законном браке. Замужняя дочери, напротив того, – как принадлежащая к семьям мужа, – и сыновья, до раздела семьи отделившиеся от дому, исключаются из наследства. Говоря строго, тут наследства никакого не бывает, за исключением разве одежды и вещей вроде этого. Дом и все хозяйственное обзаведение принадлежит не хозяину, а семейной общине, и, следовательно, со смертью хозяина и при распадении семьи члены ея не наследуют, а просто берут себе то, чем владели сообща. Таким образом, строго говоря, тут нет наследства, а просто разделение имущества между членами семьи. Писанный закон о наследии, основанный на понятии о личной собственности, совершенно не известен в крестьянстве и вовсе не применим к их образу жизни. Таким образом, большой и весьма важный отдел свода законов остался мёртвой буквой для четырёх пятых населения!

Такие преобладающие практически-хозяйственные взгляды видны точно также и при заключении браков в больших семьях.

Русское крестьянство – класс во всех отношениях крайне практичный в своих взглядах и привычках и совершенно неспособный на какие-нибудь возвышенные, мечтательные чувства. В характере руссаго крестьянина вовсе нет элемента Германна и Доротеи, и потому ему вовсе не знакомы чувства и романтические мысли, предшествующия обыкновенно браку. Этот факт могут засвидетельствовать все изучавшие русское крестьянство, и даже писателям, пробовавшим идеализировать крестьянскую жизнь, редко удавалось придать сентиментальный отте-

нок их рассказу. Эти общия замечания я вставляю здесь в скобках для того, чтобы читатель мог яснее понять то, что я скажу ему о крестьянских браках.

Для первобытной системы земледелия, обыкновенно употребляемой в России, естественная земледельческая единица – если только можно так выразиться – должна состоять из мужчины, женщины и лошади. Вследствие этого лишь только мальчик делается способным к работе, его снабжают двумя принадлежностями, необходимыми для земледельческой единицы. Приобретение лошади, купленной или замороженной, лежит на обязанности главы семейства; приобретение же жены для юноши лежит на обязанности большухи. И в том и в другом случае главные соображения при выборе одни и те же. Благоразумные хозяева не пленяются блестящими лошадьми или красивыми невестами; они ищут не красоты, а физической силы и способности к работе. Когда юноше минет восемнадцать лет, ему говорят, что он должен жениться, и лишь только он даёт своё согласие, с родителями невесты начинаются переговоры. В больших деревнях переговоры эти иногда принимает на себя какая-нибудь старуха, называемая свахой, занимающаяся специально такого рода переговорами; но дело часто устраивается непосредственно через друзей обеих семей. При этом надо только смотреть, чтобы не было законного препятствия к браку, а этих препятствий избежать не всегда легко в маленькой деревне, жители которой давно уже между собою переженились. По русскому церковному закону не только браки между двоюродными братьями считаются незаконными, но и свойство считается кровным родством, – то есть тёща и свекровь, и невестка, и золовка считаются матерями и сёстрами, и даже такое фиктивное родство как кумовство тоже признано законом. Если все предварительные переговоры удачны, брак совершается и молодой привозит свою молодую домой, в ту семью, членом которой он состоит. Она не приносит с

собой никакого состояния, кроме простого приданого, но приносит здоровыя руки и ими обогащает принявшую её семью. Конечно, случается, – так как человеческая натура везде одинакова, – что молодой крестьянин влюбляется в кого-нибудь из своих прежних подруг детства и его небольшой роман счастливо кончается перед алтарём; но такие случаи очень редки, и вообще можно сказать, что браки русских крестьян устраиваются скорее по хозяйственным, чем по сентиментальным соображениям.

Обычай жить большими семьями положительно включает в себе экономическия удобства. Всем нам известна нравоучительная басня, где старик, умирая, доказывает своим сыновьям на пуке розог все преимущества жизни вместе и обоюдной помощи. В обыкновенное время обычный расход на семью в десять человек значительно будет менее расхода на две семьи по пяти человек каждая, а когда придёт «чёрный день», то временную невзгоду большая семья вынесет легче, чем маленькая. Это принципы мировые; но в жизни русскаго крестьянина они имеют особенно важное значение. У каждого взрослого крестьянина, как я объясню после, есть своя доля в общинной земле, но этой доли недостаточно, чтобы занять все его время и всю его рабочую силу. Муж с женою легко могут обработать два надела, – по крайней мере, в тех губерниях, где земли не очень много. Поэтому, если семья состоит из двух женатых мужиков, один из них легко может отправиться на заработок, а другой с своей женой и невесткой могут обработать оба надела. Если же, напротив того, семья состоит только из одной четы с их детьми, то мужу или придётся остаться в деревне и с трудом найти работу на все время, или же уйти на заработок, предоставив полевья работы своей жене, и без того достаточно занятой домашним хозяйством.

Во время крепостнаго права помещики ясно видели как эти, так и другия удобства и заставляли своих кре-

стьян жить большими семьями. Семья не могла делиться без согласия помещика, а согласие это достать было трудно, разве только семья разрасталась до страшных размеров и постоянно ссорилась. В брачных делах крепостных тоже большинство помещиков принимало на себя систематический надзор, не вследствие мелочных пустых причин, а потому, что с ними были связаны их материальные интересы. Помещик, например, не позволял дочери своего крепостного выходить за крепостного другого помещика, – потому что этим он лишался работницы, – если не получал за это вознаграждения. Вознаграждение могло быть денежное, или же дело устраивалось на принципе взаимности, то есть помещик жениха давал позволение одной из своих крепостных выйти за крестьянина того помещика, которому принадлежала невеста.

Как ни выгоден с экономической точки зрения обычай жить большими семьями, но в нем есть много теоретических и практических неудобств.

Возможность семьям, связанным кровным родством или браком, дружно жить вместе есть одна из тех социальных аксиом, которая всеми принимается, но в которую, однако, никто не верит. Все мы знаем по собственному опыту или по опыту других, что дружеские отношения двух семейств могут быть сильно поколеблены от слишком близкого соседства. Жить в одной и той же улице неблагоприятно; жить в соседних домах положительно опасно; а жить под одной кровлей, конечно, пагубно для дружбы. С обеих сторон могут быть отличные намерения, первоначальное устройство может пройти при уверениях в вечной дружбе, взгляды могут оказаться совершенно одинаковыми, но ни сходство воззрений, ни добрые намерения, ни дружба не устоят при постоянных столкновениях и обоюдных замечаниях. Пусть же читатель представит себе, что русские крестьяне, хотя и одетые в бараний мех, все-таки такие же люди, как мы. Хотя часто об них упо-

минают как об абстрактах – как о числах в статистических таблицах или точках на диаграмме, – но, в сущности, у них те же органы, чувства, привязанности, страсти. Если они едят не вполне то же самое, что мы, то все-таки их могут поражать те же самые оружия, они хворают теми же болезнями и излечиваются теми же самыми средствами и могут раздражаться от тех же самых причин. А те, которые живут в больших семьях, подвергаются таким испытаниям, какия нам и в голову не приходят. Семейства не только живут в одном доме вместе, но почти все вещи у них общия. Каждый член работает не для себя, а для дома, и все, что выработает, идёт в общую кассу. Такой порядок ведёт к чему-нибудь из двух: или в семье происходят постоянные раздоры, или в ней господствует домашний гнёт, более ужасный, чем рабство.

Вследствие этого естественно, что вместе с помещичьим правом, уничтоженным в 1861 г., распалась большая часть крестьянских семей. Произвол хозяина основывался и поддерживался произволом помещика, и поэтому, конечно, оба рухнули вместе. Такие семьи, как семья нашего друга Ивана, сохранились случайно, потому что глава дома пользовался значительным нравственным влиянием на других членов.

Эта перемена, несомненно, вредно повлияла на материальное благосостояние крестьянства, но, вероятно, значительно улучшила семейный быт и дала хорошие нравственные результаты. В настоящее время дурные последствия виднее других. Каждый женатый крестьянин стремится иметь свой собственный дом, и многие из них, для того чтобы покрыть известные расходы, принуждены делать долги. Это очень серьёзное дело. Если бы даже крестьяне могли получить денег на пять, на шесть процентов, положение кредиторов было бы скверное; но теперь оно гораздо хуже, потому что деревенские заимодавцы вовсе не считают большими процентами двадцать и двадцать

пять. Вследствие этого крестьянину, делающему долг, тяжело платить проценты в сроки, а если же с ним случается какая-нибудь беда, если, например, урожай не хорош или лошадь у него украдут, то он, вероятно, безнадежно запутается в долгах. Мне приводилось видеть мужиков, не особенно предающихся пьянству или другим пагубным порокам, но совершенно обнищавших. К счастью для таких несостоятельных должников, закон относится к ним весьма снисходительно: их дом, их полоса земли, земледельческие орудия, лошадь – одним словом, все, что им необходимо для существования, не подлежит описи. Община, однако, может подвергнуть их телесному наказанию, если они не платят податей; да и во многих других отношениях положение крестьянина, только законом оберегаемого от нищеты, ничуть не завидно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРЕСТЬЯНИН СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЙ

Общинная земля. — Система земледелия. — Храмовые праздники. — Пост. — Зимняя занятая. — Ежегодная отлучка. — Домашняя промышленность. — Влияние капитала и крупные предприятия. — Государственные крестьяне. — Дворовые и крепостные. — Обязанности крепостных. — История цивилизации Бокля. — Шалашный народ. — Далёкий север

Ивановка может быть взята как хороший образец деревень северной полосы России, и краткое описание её жителей даст довольно верное понятие вообще о крестьянине северных губерний.

Почти все женское население и половина мужского обыкновенно заняты обработкою общинной земли, занимающей до двух тысяч десятин песчаной почвы. Удобная часть этой земли делится на три больших поля, из которых каждое нарезано на длинные узкие полосы. Первое поле оставляется под озимое, то есть под рожь, составляющую в виде чёрного хлеба главную пищу крестьянина. Второе идёт под овёс для лошадей, под гречу, любимую пищу русских. Третье поле отдыхает, и на нём летом пасётся скот.

Все крестьяне в этой части России делят пахотную землю, таким образом, на три поля. Такое трёхпольное хозяйство в высшей степени просто. Поле, засеянное в нынешнем году озимую рожью, на следующий год засеивается яровыми, а на третий год отдыхает. Перед засевом озимого

его немного удобряют. Каждой семье принадлежит в двух засеянных полях по одной или более длинной полосе, на которых они разделены.

Крестьянин обыкновенно ведёт жизнь простого земледельца, живущего в стране, где продолжительная и суровая зима. Полевая работа начинается в апреле, лишь только сойдёт снег. Природа спала в течение нескольких месяцев. Пробудившись от долгого сна и сбросив с себя белое покрывало, она старается вознаградить потерянное время. Лишь только сойдёт снег, как начинает уже показываться молодая травка, и вслед за этим начинают распускаться кусты и деревья. Быстрота перехода от зимы к весне поражает обитателя более умеренного климата.

В Егорьев день (23 апреля) в первый раз выгоняют скотину на поле, и священник кропит её святой водой. Крестьянский скот никогда не бывает слишком жирен, но к этому времени года на него просто жалко смотреть. В продолжение всей зимы он стоит запертым в маленьких душных хлевах и кормится исключительно соломой; тут же, выпущенный из заключения, он является тенью того, чем был прежде. Все коровы худы, слабы, многия хромают, а многия не могут даже подняться без посторонней помощи.

Между тем крестьяне нетерпеливо ждут начала полевых работ. При первой возможности они начинают пахать и готовить землю под яровое, что берёт у них время почти до конца мая. Потом начинается вывозка навоза и приготовление поля под озимое, что длится до Петрова дня (29 июня), когда обыкновенно начинается покос. После покоса следует жатва, самое страдное время года. С половины июля, преимущественно с Ильина дня (20 июля), когда святой начинает кататься по небу в огненной колеснице, — как крестьяне объясняют гром, обыкновенный в это время года, — до конца августа крестьянин может работать и день, и ночь, и все-таки ему будет мало времени для всей работы. В несколько более чем в месяц ему надо выжать и

убрать рожь, овёс и все, что он сеял весной и предыдущей осенью, и посеять хлеб на следующий год. К довершению всего случается так, что рожь и овёс поспевают в одно время, и положение крестьянина становится ещё более затруднительным.

Будет ли лето благоприятное или нет, но крестьянину в это время всегда приходится тяжело, так как ему трудно приобрести нужное число работников и он работает только с помощью своей жены и семьи; впрочем, в это время года он может понасиловать себя, так как имеет в виду скоро отдохнуть и приобрести продовольствие с избытком. В конце сентября полевые работы кончаются, и с первого октября начинаются пожинки и затем целый ряд храмовых праздников.

Для празднования храмового праздника по настоящему православному обычаю необходимо предварительно приготовить большое количество браги – нечто вроде домашнего пива – и напечь кучу пирогов. К празднику покупается постное масло и немалое количество водки. К этому времени избу чистят, полы, столы и лавки моют и скребут. Вечером накануне праздника, в то время как пекутся пироги, перед иконой, в углу избы теплится лампадка и приезжают один или два человека гостей издалека, чтобы на другой день пировать весь день.

На следующее утро праздник начинается длинной обедней в церкви, которую слушает вся деревня, одетая по-праздничному, кроме старых и молодых хозяек, приготовляющих обед. В полдень в каждой избе подан обед для семьи и знакомых гостей. Обыкновенная еда крестьянина весьма проста, и мясо он употребляет очень редко – не из склонности к растительной пище, но только потому, что говядина, баранина и свинина слишком дороги; в праздник же, особенно в храмовой праздник, на стол всегда выставляется множество кушаньев. В доме зажиточного крестьянина подаются не только жирные щи и каша, но и свинина,

баранина и даже говядина. Брага подаётся в безпредельном количестве, но и водкой обносят несколько раз. Когда обед кончен, все встают сразу и, обернувшись к иконе, в угол, несколько раз крестятся и кланяются. Потом говорят хозяину: «Спасибо за хлеб за соль», на что хозяин отвечает: «Не обезсудьте, просим милости садиться», – или иногда он отвечает прибауткой: «Садитесь, чтобы куры неслись, цыплята и пчелы велись». Все опять садятся, и гостей ещё раз обносят водкой.

После обеда кто уходит, кто остаётся поговорить с знакомыми, кто идёт поспать в тёмный уголок, а тот, кто хочет повеселиться, идёт туда, где поёт, играет и веселится молодежь. Когда солнце спускается к горизонту, почтенные, пожилые гости отправляются по домам, но многие остаются ужинать; а с наступлением вечера водка все более и более начинает действовать. Из домов все чаще и чаще слышатся споры, и большая часть населения и гостей является на улице в более или менее бессознательном состоянии. На улице они лежат спокойно до тех пор, пока менее пьяные приятели не поднимут их или пока не проснутся следующим утром.

Вообще же деревенский праздник в России представляет одно из самых печальных зрелищ, какия я когда-либо видел. Такие праздники служат новым доказательством того, – что, увы, в новых доказательствах не нуждается, – что северные народы, умеющие так хорошо работать, совершенно не умеют веселиться! Во Франции, в Италии народное празднество представляет приятное зрелище, заставляющее нас сожалеть, что в жизни мало праздников. Не только утром, но и вечером после длинного дня, на каждом лице вы видите ясное, весёлое выражение, и гул весёлого смеха несётся из толпы. В северных странах, напротив того, народ не умеет веселиться беззаботно и разумно и ищет выхода в пьянстве, так что при виде народного праздника является сожаление, что существуют праздники.

Если бы русский крестьянин мог всегда есть так хорошо и сытно, как в это время года, то ему не на что было бы жаловаться; но этого нет. Постепенно после жатвы пища ухудшается качеством и уменьшается количеством. Кроме того, в продолжение большей части года церковным уставом крестьянину запрещается есть многое из того, что он имеет.

В южных климатах, где создались и впервые стали выполняться эти правила, они, может быть, были полезны не только в религиозном, но и в санитарном отношении. Имея в изобилии плоды и овощи, жители делают, может быть, очень хорошо, что иногда воздерживаются от животной пищи. Но в местностях северной и средней полосы России влияние постов совершенно иное. Русский крестьянин не может иметь вдоволь мясной пищи. Кислая капуста и огурцы – единственные его овощи, а всякие другие плоды для него – немыслимая роскошь. При таких обстоятельствах неупотребление молока и яиц в их различных видах в течение нескольких месяцев в году кажется мирянам излишним аскетизмом. Если бы церковь направила свою материнскую заботливость на питье крестьян, а не на еду, она оказала бы благодетельное влияние на их материальное и нравственное благосостояние. А теперь русский крестьянин постится в течение семи недель весной, около двух или трёх недель в июне, от начала ноября до Рождества и по средам и пятницам в продолжение всего года*.

С поженок до следующей весны обрабатывать землю нельзя, потому что она тверда как железо и покрыта толстым слоем снега. Вследствие этого мужикам, остающимся в деревнях, работы очень мало и они могут большую часть времени лежать на печи, если только не знают какого-нибудь ремесла, которым могут заниматься дома. Прежде многие из них занимались перевозкою хлеба в торговые города иногда за несколько сот вёрст расстояния;

---

* Автор пропустил Успенский пост с 1 по 15 августа.

но теперь такого рода занятие уменьшилось вследствие развития железных дорог.

Другое зимнее занятие, теперь исчезающее, заключалось в краже леса. По крестьянским понятиям в этом ничего не было преступного или даже предосудительного, так как Господь посадил и орошал деревья, и вследствие этого леса, в сущности, были ничьи. Так думали крестьяне; но землевладельцы и чиновники государственных имуществ имели совсем другое понятие о собственности и потому принимали меры против кражи. Для успешного окончания предприятия выбиралась ночь с сильной вьюгой, которая бы замела всякий след, и в такую ночь операция производилась сообща с успехом. В тёмное время дерево срубалось, очищалось от сучьев, привозилось в деревню, перепиливалось на дрова, а с восходом солнца деятели спокойно спали на печи, точно всю ночь провели дома. В последние годы мировым судам было много дела вследствие такого превратного понятия о собственности.

Для женского населения деревни зима – время рабчее, так как в пять зимних месяцев женщине надо все спрясть и соткать.

Во многих деревнях северной полосы скуку длинных зимних вечеров несколько разнообразит так называемая беседа. Но беседа не есть разговор, как означает это слово, а собрание женщин для работы. В некоторых деревнях устраивается не менее трёх бесед, начинающихся с закатом солнца: одна для детей, другая для молодых девушек и третья для женщин. Каждая из бесед носит на себе свой особенный характер. На первой беседе дети работают и веселятся под надзором старухи, которая поправляет свечу и смотрит за порядком. Девочки прядут лён самым первобытным способом, без самопрялки, а мальчики, вообще менее прилежные, делают лапти или плетут корзинки. Это занятие не мешает им разговаривать, делать иногда неудачные попытки петь хором и иногда заводить ссоры,

требующия энергического вмешательства старухи, сидящей у свечи. Чтобы забавить свою шумную толпу, она иногда рассказывает им в сотый раз какую-нибудь удивительную историю, ничего не теряющую от повторения, и все слушают со вниманием, как-будто рассказа этого никогда не слыхивали прежде. Вторая беседа устраивается в другом доме, для девушек и молодых людей постарше. Тут работницы, конечно, посolidнее: ссорятся менее, поют складнее, и присмотра за ними не надо. Многие, однако же, думают, что какой-нибудь надзор был бы очень не лишним, так как на этих беседах происходит сильное любезничанье, и если верить деревенским сплетням, то в мыслях, словах и действиях большой сдержанности не соблюдается. Насколько эти слухи верны, сказать я не могу, так как присутствие чужого действует на беседующих как присутствие строгого надзирателя. На третьей беседе внешния приличия, по крайней мере, всегда соблюдаются. Тут работают замужния женщины и толкуют о своих домашних делах, оживляя иногда свою беседу деревенскими сплетнями.

Такова жизнь, которую ведут крестьяне-землепашцы; но многие мужики или временно, или постоянно живут в городах. Вероятно, большинство крестьян в этой части России приобретало средства существования в какой-нибудь другой части страны. Многие из отсутствующих проводят регулярно часть года дома, другие же приходят домой только случайно и редко. Но они ни в каком случае не прекращают своих сношений с родной деревней. Работник, отправляющийся на заработок в далёкий город, никогда не берёт с собой жены и семью, и даже человек, сделавшийся богатым купцом в Москве или Петербурге, остаётся членом деревенской общины и платит подати, хотя не пользуется выгодами такого положения. Раз, я помню, я спросил одного подобного богача, владельца нескольких больших домов в Петербурге, отчего он не освободится от всяких отноше-

ний к своей деревне, с которой у него нет уже общих интересов. Он отвечал: «Хорошо быть свободным, и от деревни мне теперь более ничего не надо; но там живёт мой старик отец, там похоронена моя мать, и я люблю бывать иногда у себя в деревне. Кроме того, у меня есть дети, а наше дело торговое. Почём знать, не будут ли мои дети когда-нибудь очень довольны иметь долю в общей земле».

В силу таких неземледельческих занятий у каждого уезда есть своя специальность. Ярославская губерния, например, поставляет половых для трактиров, тогда как лучшие отели в Петербурге держат прислугу из татар Касимова, известных трезвостью и честностью. Часть Костромской губернии известна своими плотниками и печниками, а другая часть ея, как я узнал к немалому своему удивлению, посылает ежегодно в Сибирь – не в виде арестантов, а свободными рабочими – массу портных и скорняков. В разговоре с мальчиками, в качестве учеников ходившими с партией рабочих, один быстроглазый паренёк лет шестнадцати сообщил мне, что он ходил уже в Сибирь два раза и намерен ходить туда постоянно. «И вы всегда приносите домой кучу денег?» – спросил я. – «Ничего, – весело и с чувством гордости и самодовольствия отвечал паренёк, – последний год я принёс домой три рубля!» В ту минуту ответ этот был для меня некстати, так как я только что спорил с своим спутником о том, можно ли назвать русскаго крестьянина трудолюбивым, а ответ мальчика дал противнику в руки оружие против меня. – «Слышите, – с торжеством сказал он, – русский крестьянин ходит в Сибирь и обратно за три рубля! Найдёте ли вы англичанина, который стал бы работать за такую цену?»

Часто крестьяне находят промышленныя занятия и не покидая дома, так как многия ремёсла, не требующия сложных машин, производятся в деревнях крестьянами и их домашними. Холсты, деревянная посуда, проволочныя изделия, горшки, кожи, рогожи и множество тому по-

добных предметов производятся в громадном количестве. Есть не только целые деревни, но целые уезды, занимающиеся каким-нибудь одним ремеслом. Во Владимирской губернии, например, целая куча деревень живёт писанием икон; в одной местности около Нижняго восемнадцать деревень заняты производством топоров; около Павлова, в той же губернии, восемьдесят деревень занимаются деланием ножей; а в местности Улома, на границе Новгородской и Тверской губерний, двести деревень живут производством гвоздей.

Эти домашняя производства существуют давно и служили богатым источником доходов в вознаграждение за бедность почвы. Но в настоящее время эти производства находятся в печальном положении. Они принадлежат к первому периоду экономического развития, который теперь в России идёт быстро к своему концу. Бывало, глава дома покупал сырой материал и продавал изготовленные вещи с умеренным барышом на базарах или на годовой Нижегородской ярмарке. Эта первобытная система теперь положительно исчезает. Большие фабрики по западноевропейскому образцу быстро разрастаются, и ручному труду без помощи машин трудно бороться с ними. Кроме того, базары и ярмарки, на которых производители и потребители вели свои дела без посредничества, постепенно заменяются постоянными складами и всевозможными посредниками, облегчающими отношения между производителями и потребителями. Одним словом, на сцену вышли капитал и крупные предприятия и произвели переворот в старой методе производства и торговли. Многие из тех, кто прежде работал дома для себя, принуждены теперь поступить на большие фабрики и работать за определённое недельное или месячное жалованье; и почти все, до сих пор работавшие дома, получают теперь сырой материал в кредит и поставляют оптовым торговцам сфабрикованные предметы по определённой цене.

Эта важная перемена должна очень радовать политико-экономов старого закала. По их понятиям, это гигантский шаг по должному пути, который приведёт к выгоде обеих заинтересованных сторон. Производитель правильно получает теперь сырой материал и правильно сдаёт свои произведения, а время и труд, которые он тратил прежде на поиски покупателей, он может употребить на более производительную работу. Появление посредников между производителем и потребителем – важный шаг к тому разделению и к той специализации труда, без которых невозможны крупная промышленность и торговые предприятия. Потребителю не надо ходить в известный день в отдалённую местность, чтобы найти то, что ему нужно, и он может купить все, что ему нужно, в постоянных складах. Кроме того, производство значительно повысилось, а цены на готовые товары пропорционально понизились.

Все это, кажется, довольно ясно в теории, и всякий, кто дорожит душевным спокойствием, охотно разделяет такой взгляд на вещи, не вдаваясь в сущность дела; но несчастный путешественник, принужденный убеждаться своими собственными глазами и своей логикой, найдёт несколько затруднительным обратить объективный факт в формулу *à priori*. Я далёк от сомнения в мудрости политико-экономов, но не могу удержаться от замечания, что из трёх вышеупомянутых классов – производителей, посредников и потребителей – два класса не видят и не ценят выгод, приписываемых им. Производители жалуются, что при новой системе они работают более, а приобретают менее, а потребители жалуются, что приобретаемые предметы ниже по качеству. Посредники же, берущие себе, по общему мнению, львиную долю, одни только довольны новым порядком. Как бы там ни было, но достоверно только одно, что большие фабрики не способствовали к материальному или нравственному благосостоянию того населения, между которым оне устроены. Нигде нет тако-

го пьянства, таких болезней, безнравственности и нищеты, как в фабричных уездах.

Прошу читателя не думать, что, делая этот вывод, я хочу порицать новейший дух предприимчивости или ходатайствовать за возврат к первобытному варварству. Все великия перемены производят смесь хорошаго и дурного, и вначале обыкновенно выдаётся все дурное. Россия находится в настоящую минуту в переходном положении, и новый порядок вещей ещё не вполне организован. Вообще, кругом фабрик не устроено порядочных помещений для рабочих и в маленьких мастерских не обращено внимания на санитарныя условия. Так, например, в Новгородской губернии в 1870 году была спичечная фабрика, где все рабочие обыкновенно работали в помещении, наполненном фосфорным запахом, и естественным следствием этого было то, что рабочие страдали болезнями челюстей и другими. Подобныя же несовершенства мы видим и в торговом мире. Так как многия отрасли промышленности и торговли находятся ещё в состоянии детства, то нередко случается, что какой-нибудь предприимчивый купец практически приобретает монополию и безжалостно пользуется своим влиянием. Немало промышленных деревень попали вследствие этого совершенно в руки кулаков, как называются эти монополисты. Давая деньги в долг, кулак приобретает над целой кучей деревень почти такую же безграничную власть, как была власть помещика во времена крепостничества.

Для уничтожения власти кулаков часто делаются попытки устроить ассоциации. Всего чаще прибегают к той форме ассоциации, которую рекомендовал Шульце Делич и которая имела такой успех в Германии. Трудно сказать, какой будет конечный результат этого движения, но я могу удостоверить, что некоторыя из этих ассоциаций идут очень успешно.

Во время всех моих переездов в России я никогда не терял из виду своей главной цели, а именно, собирания ма-

териалов для истории освобождения крестьян – великой реформы, которая всегда казалась мне одним из самых интересных событий новейшей истории. Естественно поэтому, что я собирал в северной полосе, сколько мог, сведений относительно жизни крестьян и их отношений к помещику во время крепостного состояния, и я полагаю, что кое-какие из этих сведений заинтересуют читателей.

Как в этой полосе России, так и в других громадная часть земли – может быть половина – принадлежала государству. У крестьян, живших на этих землях, помещика не было, и они управлялись особым составом чиновников. В некотором отношении они были крепостные, так как не имели права менять своё место жительства, но на деле пользовались большой свободой. Заплатив немного за паспорт, они могли уходить на неопределённое время из своих деревень, и, пока они правильно платили подати, они не подвергались опасности быть потревоженными. Многие из них хотя официально и были приписаны к своим деревням, но постоянно жили в городах, и некоторые из них приобретали большие состояния.

Из другой половины земли большая часть принадлежала богатым дворянам, редко или никогда не посещавшим свои поместья и предоставлявшим управление их или самим крестьянам, или управляющему, действовавшему по инструкциям. В таких поместьях положение крестьян было одинаково с положением казённых крестьян. У них была общинная земля, которую они делили по своему усмотрению, а остальной пахотной землёй пользовались за известную плату.

Но некоторые помещики жили в своих поместьях и для себя обрабатывали землю, и в таких поместьях положение крестьян было несколько иное. Значительная часть из них, может быть десятая часть, были, собственно говоря, не крепостными крестьянами, а дворовыми рабами, исполнявшими обязанности кучеров, конюхов, садовников,

егерей, поваров, лакеев и т. п. Их жены и дочери служили няньками, служанками, горничными и швеями. Если помещик устраивал частный театр или оркестр, актёры и музыканты выбирались из дворовых. Эти дворовые жили в господском доме или около него, не имели земли, а если и имели, то какой-нибудь клочок под огородом, и их кормил и одевал помещик. Число их обыкновенно превышало имевшуюся работу, и вследствие этого они обладали значительной долей лени и небрежно и лениво исполняли своё дело. С другой стороны, они часто искренно были привязаны к своим господам и иногда на деле доказывали свою верность и привязанность. Вот один из многих примеров, на которые я могу указать. Одна старуха няня, барыня которой опасно заболела, дала обещание пойти в случае её выздоровления на богомолье в Киев, а потом в Соловецкий монастырь на острове Белого моря. Больная оправилась, и старуха, исполняя своё обещание, прошла пешком более двух тысяч вёрст!

Этот класс крепостных крестьян я назвал «дворовыми рабами» потому, что не мог подобрать подходящего выражения; но я должен предупредить читателя, чтобы он не употреблял этого названия при русском. В этом отношении русские очень обидчивы. «Крепостное состояние, – говорят они, – совсем не то, что рабство, а рабства в России никогда не существовало!»

Это заявление, которое мне часто приводилось слышать от образованных русских, не может быть принято безапелляционно. Первая часть его совершенно справедлива, а вторая совершенно неверна. В старья времена рабство существовало в России точно также как и в других странах. Нельзя прочесть несколько страниц старых русских хроник не натываясь на указания о рабах; и я очень хорошо помню – хотя в настоящую минуту не могу указать ни главы, ни страницы, – что существовал русский князь, такой храбрый и счастливый в войнах, что во время его

царствования раба можно было купить за несколько копеек. Каким образом исчезло постепенно различие между крепостными и рабами и как последнее выражение вышло из употребления, разбирать мне тут незачем, но я должен сказать в интересах истины, что вышеупомянутый класс крепостных, хотя официально и вообще назывался дворовыми людьми, но, в сущности, был дворовыми рабами. До самого начала настоящего столетия в русских газетах попадались такого рода объявления (я беру эти сведения преимущественно из «Московских Ведомостей» 1801 г.): «Продаются три кучера хорошо обученных и красивых и две девушки, одна восемнадцати, другая пятнадцати лет, обе красивые и приученные ко всяким рукодельям. В том же доме продаются два парикмахера: один, двадцати одного года, умеет читать, писать, играть на музыкальных инструментах и может быть егерем; другой умеет причёсывать дам и мужчин. В том же доме продаются фортепиано и органы». Немного дальше предлагают продать за излишеством отличного писца, закройщика и лакея. В одном случае рабы и скот точно нарочно были помещены рядом, как в следующем объявлении: «В этом доме можно купить кучера и голландскую стельную корову». Из этих и тому подобных объявлений ясно видно, что в то время существовал целый класс рабопромышленников.

Гуманный император Александр I запретил печатать подобные объявления, но не уничтожил причин появления их; преемник его, император Николай, так же не принял энергических мер против этого. Таким образом, до начала нынешнего царствования продажа продолжалась в более или менее изменённой форме. Люди средних лет мне часто рассказывали, что в юности своей они знавали помещиков, которые обыкновенно отдавали молодых дворовых обучаться ремеслу для того, чтобы потом дороже продать их или отдать в наём. От таких-то помещиков сцена приобретала большую часть своих лучших актёров.

Совсем иное было положение так называемых крепостных крестьян. Они жили в деревне, имели свои собственные дома и огороды, пахали общинную землю для себя, пользовались своего рода самоуправлением, о котором я сейчас буду говорить, и редко продавались, разве только вместе с частью поместья. Они, конечно, могли быть проданы другому помещику и переведены в его поместье, но такая продажа случалась весьма редко. Обыкновенные отношения, существовавшие между крепостными и их помещиком, можно объяснить одним или двумя примерами. Возьмём сперва Ивановку.

Хотя барский дом стоял, как я уже сказал, у самой деревни, но господская земля была тщательно отделена от общинной, что образовывало как бы два отдельных владения. Помещик, царивший в Ивановке в продолжение последних годов крепостного права, зорко следил за своими интересами и постоянно желал увеличить свои доходы, но в то же время он был справедливый и умный человек, неспособный на вымогательства и на жестокость. Хотя благосостояние его крепостных было близко его сердцу, но он редко вмешивался и их домашние или общественные дела, потому что был уверен, что вообще люди, и в особенности русские крестьяне, сами всего лучше могут распорядиться своими делами. Впрочем, он не всегда оставался верен логическим последствиям этого принципа, так как не был особенным доктринёром. Так, например, он требовал, чтобы у него спрашивали совета при выборах старосты или при решении какого-нибудь важного дела, и, когда, по его мнению, ему нужно было вмешаться, он обыкновенно показывал крестьянам, что мог бы быть диктатором, если бы захотел. Но это были исключительные случаи. При обыкновенном ходе дел он относился к общине как к уважаемому арендатору или как к доверенному управляющему. Взамен той земли, которую он давал крестьянам и которую они разделяли между собою, он требовал от них работы; но он никогда не

определял, какие рабочие должны быть к нему присланы или какую работу он им даст.

Обязанность эта регулировалась таким образом. Тягло, или рабочая единица, состояло из мужика, бабы и лошади, и каждое тягло обязано было работать для помещика по три дня в неделю. Если в семье было два тягла, то одно из них могло работать для помещика шесть дней и тем освобождало другое тягло от его обязанности. Таким образом, одна часть большой семьи могла постоянно работать для дому, а другая часть исполняла все обязательства к помещику. Те же крестьяне, которые могли уходить и работать по городам, вносили баранов, цыплят, яйца, холст и известную сумму денег.

Неподалёку от Ивановки было поместье, управляемое во времена крепостничества совсем на других принципах. Помещик точно также заботился о благосостоянии своих крепостных, потому что знал, что с их благосостоянием были связаны его доходы, но не верил в принцип возможности крестьянам управлять своими собственными делами. «Русский мужик, – говорил он обыкновенно, – дитя, глупое, неразумное, необузданное дитя, которое неизбежно должно погибнуть, если за ним не смотреть хорошенько». В силу такого принципа помещик не только руководил общиной, но и домашней жизнью своих крестьян. Он не только постоянно назначал старосту и решал все дела, касающиеся общинного благосостояния, но в то же время устраивал браки, решал, кому отправляться в город искать работы и кому оставаться дома, часто ходил осматривать крестьянские дома, запрещал хозяевам продавать хлеб без его позволения и различными другими способами приводил в исполнение систему тщательного надзора. Вследствие такого отеческаго надзора он получал замечательно большой доход с своего поместья, хотя его поля были никак не плодороднее или лучше обработаны полей его соседей. Прибавочный доход он получал не с земли, а от крестьян. Близко зная домаш-

ния дела каждой семьи, он мог наваливать на них тяжесть, не наложив лишнего волоска, от которого, как говорят, может переломиться спина верблюда. И все его уловки скорее говорили о его изобретательности, чем о его гуманности. Так, например, если он узнавал каким-нибудь образом, что семья накопила немного денег, он предлагал выдать одну из дочерей за такого человека, за которого он знал, что отец отдать не пожелает, или выражал своё намерение отдать одного из сыновей в рекруты. Во всяком случае, он знал очень хорошо, что ему внесут денег, только бы откупиться от угрожающей опасности.

Все помещики, жившие в своих поместьях, более или менее приближались к этим двум типам; но в северной полосе последний тип встречался довольно редко. Вследствие ли более частаго отсутствия помещиков, или вследствие давнишнего обычая крестьян ходить по России, в города, на заработки, – крестьяне северной полосы энергичнее, умнее, независимее и, следовательно, менее кротки и уступчивы, чем крестьяне плодородных средних губерний. Кроме того, они образованнее. Большая часть из них умеет читать и писать, и между ними можно даже встретить людей, жаждущих познаний. Я несколько раз встречал в этой полосе крестьян, у которых было кое-какое собрание книг, и два раза в таких собраниях я, к немалому своему удивлению, нашёл «Историю цивилизации» Бокля в русском переводе!

Каким образом, могут спросить меня, такого рода произведение могло оказаться в таком месте? Если читатель извинит мне маленькое отступление, то я объясню ему этот факт.

В начале нынешнего царствования между русским образованным классом было любопытное интеллектуальное движение, о котором я поговорю подробнее потом. Движение это принимало различные формы, из которых две формы особенно выдавались, а именно: стремление к энциклопедическим познаниям и попытки облечь всякое

знание в научную форму. На людей такого направления великое произведение Бокля имело, конечно, чарующее влияние. С первого взгляда оно, по-видимому, сводит разнородные, сложные факты истории человечества к нескольким простым принципам и хаос превращает в порядок. Вследствие этого оно имело громадный успех. В течение немногих лет разошлось четыре самостоятельных перевода – так, по крайней мере, я слышал от людей достоверных. Все читали или, по крайней мере, говорили, что читали, замечательную книгу, и многие воображали, что автор – величайший гений настоящего поколения. В первые годы моего пребывания в России я редко слышал какой-нибудь серьёзный разговор без того, чтобы не упоминалось имени Бокля; и знакомые мои даже постоянно уверяли, что ему удалось создать гениальную историческую науку, основанную на индуктивном методе. Тщетно доказывал я, что Бокль только сделал несколько указаний в своей вступительной главе на то, каким образом должна быть построена такая наука, и что сам он не сделал серьёзных попыток применить рекомендованный им метод. Мои возражения почти не имели успеха: вера в Бокля слишком глубоко вкоренилась, и вырвать её было нелегко. В книгах, в журнальных статьях, в газетах, на лекциях имя Бокля постоянно цитировалось, иногда даже без малейшей надобности, и дешёвые переводы его сочинения разошлись в страшном количестве. После этого не мудрено, что эта книга забрела даже в две деревни Ярославской губернии.

Предприимчивый, самоуверенный и независимый дух, часто попадающийся между крестьянами северной полосы, встречается уже в молодом поколении. Часто видел я в этой части России мальчиков, напоминающих скорее юных американцев, чем юных русских. Один из этих мальчиков хорошо остался у меня в памяти. Я ждал на почтовой станции, пока перепрягали лошадей, когда он явился передо мною в полушубке, в меховой шапке и в гро-

маднейших сапогах; росту в нем было не более трёх футов и восьми дюймов, и лет ему было не более двенадцати; но на жизнь он уже смотрел как на серьёзную обязанность, принимал повелительный вид и нахмурил свои невинные брови, как будто бы на его крошечных плечах лежали заботы о целом государстве. Хотя он служил ямщиком, но закладывание лошадей он должен был предоставить более взрослым ямщикам, а сам тщательно наблюдал за ними, чтобы все было сделано толком. Отодвинув один из своих громадных сапогов вперёд и вытянувшись во весь свой крошечный рост, он внимательно следил за закладкой, как будто его маленький рост не был причиною его бездеятельности. Когда все было готово, он взобрался на козлы и по знаку станционного смотрителя, с отеческой гордостью смотревшаго на все движения маленького феномена, мы тронулись с места с быстротою, редко встречаемою при почтовой езде. Он издавал какой-то особенный звук – среднее между шиканьем и свистом, который, по видимому, производил магическое действие на лошадей, и это понуканье он употреблял через каждые несколько минут. Дорога была выбита, и на каждом толчке он взлетал на воздух, но всегда попадал на старое место и ни на минуту не потерял ни присутствия духа, ни равновесия. Проехав эту станцию, я увидел, что мы ехали по четырнадцати вёрст в час.

К несчастью, такие энергические, предприимчивые люди идут часто неправильным путём. Не только целые деревни, но и целые уезды приобретают иногда дурную репутацию за воровство, фальшивую монету и тому подобныя дела. На народном языке говорят, что в таких местах «народ шалит». Но я должен, однако, заметить по своему опыту, что эти так называемыя шалости сильно преувеличиваются. Хотя я ездил сотни вёрст ночью по пустым дорогам, на меня никогда не нападали и меня никогда не задевали. Раз, точно, проезжая ночью на тарантасе, я увидел, про-

снувшись, что ямщик наклонился ко мне и засунул руку в мой карман; но это приключение окончилось без серьёзных последствий. Когда я поймал засунутую руку и спросил у ямщика, что это значит, он отвечал заискивающим тихим голосом, что ночь холодна и ему хотелось погреть руку; а когда я посоветовал ему греть руки в своих собственных карманах, а не в моих, то он обещал, что впредь будет поступать по моему совету. Не раз, правда, мне казалось, что мне грозит опасность подвергнуться нападению, но всегда опасения мои оказывались неосновательными, и иногда происшествие кончалось скорее смехом, чем трагически. В пример приведу следующий случай.

Я ехал с одним моим знакомым русским по местности, находящейся к востоку от реки Ветлуги, – местности лесистой и болотистой с изредка попадавшимися обработанными полями. Местность эта преимущественно населена черемисами – финским племенем; но по берегу реки попадаются русские деревни, про которые говорили, что народ их пошаливает. Когда мы собирались выехать из Козмодемьянска, города на правом берегу Волги, к нам пришёл в гости чиновник уездной полиции, который рисовал нам черными красками привычки и нравственность или, лучше сказать, безнравственность народа, с которым мы желали познакомиться. Он рассказывал с жаром, мелодраматически махая руками, о своих страшных столкновениях и избавлении в деревнях, куда мы собирались ехать, и, прощаясь, настоятельно советовал нам не ездить по ночам, постоянно смотреть в оба и держать револьвер наготове. Действие его рассказа, подобно многим печатным рассказам, значительно убавилось от старания рассказчика постоянно выставлять на вид, что ни в России, ни в другой стране не бывало чиновника, который бы выказал столько старания, энергии и отваги при отправлении своей обязанности, как наш почтеннейший гость. Но мы все-таки не оставили без внимания его совета – смотреть в оба.

Несмотря на наше намерение быть осторожными, мы приехали в деревню, где предполагали переночевать, когда было уже темно, и сначала мы думали, что нам придётся ночевать под открытым небом. Жители все уже легли спать и не соглашались пустить к себе незнакомых проезжающих. Наконец одна женщина, более гостеприимная, чем ее соседи, согласилась пустить нас переночевать в сени, и мы с радостью приняли это предложение. Приятель мой, не забывший страшных рассказов полицейского чиновника в Козмодемьянске, тщательно исследовал местность и объявил, что сени хотя и густо населены, но в них нет других двуногих кроме нас. Но вследствие отверстия, бывшего на потолке, он полагал, что нам следует быть на карауле в течение ночи по очереди, и сам вызвался сторожить первым. С этим я тотчас же согласился. Когда мы тщательно закрыли окна самым остроумно придуманным способом, я дал ему мой револьвер для самозащиты или для того, чтобы поднять шум, смотря по обстоятельствам, и лёг спать. Предосторожности наши были не бесполезны. Прежде всего, делались попытки отворить дверь с улицы, потом толкались в дверь из комнаты, и наконец, кто-то пытался отворить окно. Все эти поползновения были вовремя остановлены, и я заснул, но вскоре внезапно проснулся, потому что кто-то крепко схватил меня за руку. Так как огонь между тем был погашен, то я видеть ничего не мог, но инстинктивно вскочил и старался освободить свою руку от невидимого злодея. Тщетно! Он ещё сильнее ухватил мою руку, и я споткнулся об чемодан, лежавший на полу. Это быстрое движение открыло нам, кто был злодей, потому что вызвало хлопанье крыльев и отчаянное кудахтанье. Не успел приятель мой зажечь спичку, как таинственное нападение совершенно уже объяснилось. Предполагаемый ночной грабитель и убийца был просто миролюбивой курицей, которая пожелала отдохнуть на моей руке и, находя положение своё не совсем удобным,

цеплялась все сильнее и сильнее в то, что она принимала за нашеств.

Хотя я ещё не бывал на крайнем севере России, но, тем не менее, могу сообщить о жизни крестьян той местности то, что почерпнул из разных источников.

Если провести волнообразную линию к востоку от пункта, взятого немного севернее Петербурга, то между этой линией и Северным морем останется пространство, во многих отношениях отличающееся от остальной России. Климат во всей этой местности крайне суровый. Почти полгода земля покрыта густым снегом, а реки льдом. Большая часть этого места покрыта лесами: сосновыми, еловыми, лиственницей и берёзой, или же громадными болотами. Пахотной землёй или пастбищами занято только 1½ процента всего пространства. Население очень редко: приходится немного более одной души на квадратную версту, и оно скопляется преимущественно около берегов рек. Крестьяне живут рыболовством, охотой, рубкой и сплавкой леса, производством смолы и угля, скотоводством, а на крайнем севере оленеводством.

Это их главные занятия, при которых они, однако же, не оставляют и земледелия. Лето у них короткое, но они извлекают из него наибольшую пользу особым способом земледелия, который, хотя может показаться странным и бессмысленным английскому фермеру, весьма применим к особым местным условиям. Крестьянин, конечно, понятия не имеет о земледельческой химии; но как он, так и отец его заметили, что, когда жгёшь лес на поле и мешаешь золу с землёю, бывает хороший урожай. Его система земледелия основана на этом единственном принципе. Когда наступает весна и на деревьях начинают появляться листья, целая толпа рабочих идёт с топорами на какое-нибудь место леса, заранее назначенное. Там они начинают расчищать лес. Это вовсе не легко, потому что рубить и валить лес – дело трудное, но оно идёт гораздо

скорее, чем можно было ожидать, так как рабочие – люди к этому делу привыкшие и действуют топором с невероятной быстротой. Кроме того, они, как говорят, при этой работе прибегают к помощи огня. Свалив все деревья, большие и маленькие, они возвращаются домой и не думают больше о срубленном месте до самой осени. Осенью они опять приходят, очищают деревья от сучьев, выбирают деревья, годные на постройки и на дрова, а остальное сваливают в кучи. Деревья для постройки и для дров они увозят к себе на лошадях по первому же снегу, а кучи остаются до следующей весны, когда они раскладываются длинными полосами и зажигаются. Огонь показывается сначала в нескольких местах, а потом при помощи сена и щепок быстро распространяется по всем направлениям, пока не сливается и не образует такого гигантского костра, какой не может быть в густонаселенных местностях. Когда огонь кончит своё дело, то все место покрыто золой, и, пройдя по земле сохой, крестьяне её засевают.

На поле, приготовленное таким оригинальным способом, сеют ячмень, рожь или лён; и урожай, почти всегда хороший, доходит иногда до баснословных размеров. Ячмень и рожь, в обыкновенные года родящиеся сам-шесть, доходит при особенно благоприятных обстоятельствах до сам-тридцати. Но плодородие продолжается недолго. Если почва тоща и камениста, то на таких местах более двух посевов не растёт; если же она изрядна, то с такого места можно иметь сносные жатвы в продолжение пяти-шести лет сряду. Во многих странах это был бы страшно дорогой способ обработки земли, так как лес – вещь слишком дорогая для того, чтобы его употреблять с такою целью; но в этой северной полосе леса тянутся безпредельно, и в местностях, где нет сплавных рек, чтобы сплавить лес, деревья просто валяются от старости. При таких обстоятельствах эта система вполне рациональна, но надо согласиться, что она,

по отношению к применённой работе, не приносит больших выгод, а в плохой год и вовсе не окупается.

Другие источники дохода не богаче этого. С ружьём и с небольшим запасом провизии крестьянин блуждает по непроходимым лесам и нередко возвращается через несколько дней домой с лёгким ягдташем или осенью отправляется на какое-нибудь отдалённое озеро и через пять-шесть недель возвращается только с своими крючками и удочками. Иногда он ищет счастья в морском рыболовстве. Для этого он отправляется в феврале, вероятно пешком, в Кемь, на берегу Белого моря, или в более отдалённую Колу, на небольшой речке, впадающей в Северный океан. Там, вместе с тремя-четырьмя товарищами, он садится на рыболовное судно и едет вдоль Мурманского берега или же на берег Шпицбергена. Его заработок зависит от удачи ловли, так как риск при ловле общий, но, во всяком случае, велик он быть не может, потому что три четверти привозимой на берег рыбы принадлежит хозяину лодки и сетей. Из вырученной суммы он привозит домой небольшую долю, так как соблазняется зачастую ромом, чаем и другими хорошими вещами, весьма дорогими в северных странах. Если же улов хорош и он устоит против искушения, он может скопить 100 рублей и прожить на них всю зиму; но если улов не хорош, то в конце его он может оказаться не только с пустыми карманами, но даже в долгу у судохозяина. Если у него есть лошадь, то долг этот он может уплатить перевозкою вяленой рыбы в Каргополь, в Петербург или на другие рынки.

Может быть, для лучшего понимания крестьянской жизни этой полосы мне следует представить бюджет одной семьи, случайно попавшийся мне в руки. Семья состояла из пяти человек: из двух взрослых мужчин, одного мальчика и двух женщин. Год вообще можно было назвать хорошим, потому что, хотя рыбный улов был не особенно богатый,

но зато урожай был лучше обыкновенного и дал семье продовольствия на пять месяцев. Вот этот бюджет:

ПРИХОД

Продано 100 пар куропаток и другой дичи по 15 к. за пару.....	15 р. – к.
Продано 200 фунт. икры по 7 1/2 к. за фунт.....	15 р. – к.
–”– ...сушёной рыбы.....	7 р. 50 к.
–”– ...сельдей и другой морской рыбы.....	20 р. – к.
Разные доходы (может быть за рубку леса и т.п.	16 р. 50 к.
	<hr/>
	74 р.

РАСХОД

Прикуплено ржаной муки.....	42 р. – к.
Подати.....	14 р. – к.
Платье и сапоги.....	15 р. – к.
Рыболовные снаряды, порох, дробь и пр.	3 р. – к.
	<hr/>
	74 р.

Такой бюджет может считаться только вероятным, но, может быть, он пригодится читателю, желающему иметь понятие о жизни крестьянина большей части северной полосы России.

Здесь, на далёком севере, лучше сохранились старинные сказания: народные песни, сказки и эпические отрывки; но я не намерен браться за этот отдел, так как читатель может легко найти все, что ему надо знать об этом предмете, в прелестной книге Рамбо и в интересных, добросовестных трудах г. Ральстона, известного в России*.

---

* Rambaud. «La Russie». Paris, 1876.

Ralston. «The Songs of the Russian people». London, 1872 и «Russian Folk-Tales». London, 1873.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МИР ИЛИ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Социальное и политическое значение мира. — Параллель между миром и семьёй. — Теория общинной системы. — Практические отступления от теории. — Сельская сходка. — Члены-женщины. — Выборы. — Раздел общинной земли

Когда я получил ясное понятие о крестьянской семье и собрал некоторые сведения относительно привычек и занятий крестьян, я обратил своё внимание на управление деревни. Этот предмет особенно занимал меня потому, что я слышал, что мир есть одно из оригинальнейших русских учреждений. За несколько лет до своей поездки в Россию я читал знаменитое сочинение Гакстгаузена, впервые познакомившее Западную Европу с особенностями русской сельской системы, и во время моего пребывания в Петербурге я часто слышал от умных образованных русских, что сельская община могла бы служить примером практического разрешения многих трудных социальных задач, над которыми западные философы и государственные люди давно напрасно работают. «Западные народы, — приходилось мне безпрестанно слышать, — стоят теперь на пути к политической и социальной анархии, и Англия пользуется незавидным преимуществом первенства на этом пути. Естественное увеличение народонаселения и переход земель от мелких владельцев к крупным создали опасный постоянно возрастающий пролетариат — громадную неорганизованную массу людей без родины,

почти без крова, без всякой собственности, без какого-либо интереса к существующим учреждениям. Часть их едва существует как полевые работники и живёт гораздо хуже всяких крепостных. Другие же навсегда оторваны от почвы и живут в больших городах, где имеют неверный заработок промышленным трудом или увеличивают собою число преступников. В Англии у вас уже нет более крестьян в настоящем смысле слова, и, если не будут в скором времени приняты радикальные меры, вы никогда не будете в состоянии создать крестьян, так как люди, так долго подвергавшиеся вредному влиянию городской жизни, физически и нравственно не способны сделаться землепашцами. До сих пор Англия, вследствие своего географического положения, своей политической свободы и своих громадных складов угля и железа, пользовалась совершенно исключительным положением в промышленном мире. Не боясь соперничества, она провозгласила свободу торговли и затопила свет своими произведениями, безсовестно пользуясь своим громадным флотом и всеми имеющимися в её власти средствами, чтобы устранить всякое препятствие, мешающее потоку, пущенному из Манчестера и Бирмингама. Таким образом кормится голодный пролетариат Англии. Но промышленное первенство Англии приходит к концу. Народы увидали коварство принципов свободной торговли и начинают сами фабриковать для своих потребностей вместо того, чтобы платить Англии страшные деньги за её фабрикации. Скоро английские товары не будут находить сбыта на иностранных рынках, – и как тогда будет кормиться голодный пролетариат? Во всяком случае, Англия производит хлеба далеко недостаточно для потребности населения, так что даже если урожай необыкновенно хорош, то все-таки со всех сторон света к ней привозится пшеница. До сих пор за хлеб уплачивалось товарами, ежегодно вывозимыми из Англии, но чем же будет уплачиваться, когда на товары эти не будет более

спроса на иностранных рынках? И что будет тогда делать голодный пролетариат?»

Часто рисовали мне эту мрачную картину Англии, и почти всякий раз я слышал уверение, что Россия спасена от такого ужасного бедствия сельской общиной – учреждением, которое, несмотря на его простоту и неисчислимую полезность, западные европейцы, по-видимому, не способны понять и оценить.

Читатель теперь легко поймёт, с каким интересом я принялся за изучение этого удивительного учреждения и с какой энергией стал собирать сведения. Учреждение, которое могло бы благоприятно разрешить самую трудную задачу будущего, не встретишь каждый день даже в России, особенно богатой материалами для изучения социальной науки.

Когда я приехал в Ивановку, мои знания учреждений были весьма смутные и поверхностные, заимствованные от людей, любящих общия места и риторические фигуры более серьёзного изучения предмета. Я знал, что главное лицо в деревне есть сельский староста и что все важные общинные дела решались сельской сходкой. Далее я знал, что земля кругом села принадлежала общине и периодически разделялась между крестьянами таким образом, чтобы каждый рабочий крестьянин получал долю, достаточную или почти достаточную для его содержания. За исключением этих элементарных познаний я почти ничего не знал.

Мои первые попытки расширить мои познания не были очень удачны. В надежде, что друг мой Иван будет в состоянии помочь мне, и, зная, что община в простонародье называлась миром, я предложил ему прямо следующий простой вопрос: «Что такое мир?».

Ивана нелегко было смутить, но тут он посмотрел на меня в недоумении и несколько растерялся. Когда я стал пытаться объяснить ему мой вопрос, он просто нахмурил брови и почесал в затылке. К чесанью затылка русские

крестьяне прибегают как к методу возбуждения мозговой деятельности; но в настоящем случае он не имел практического результата. Несмотря на все усилия, Иван мог только выговорить: «Как вам сказать?».

Не трудно было видеть, что принял совершенно неверный метод расспрашивания, и, подумав немного, я понял всю нелепость своего вопроса. Я потребовал от необразованного человека философского определения вместо того, чтобы получить от него материал в виде конкретных фактов и составить из них себе определение. Эти конкретные факты Иван и желал сообщить, и мог сообщить; и лишь только я прибегнул к рациональному способу расспросов, я получил массу самых интересных сведений. Как эти сведения, так и выводы, которые я сделал из постоянных разговоров и из чтения, я намерен передать теперь читателю своими собственными словами.

Крестьянская семья старого покроя, как мы уже видели, есть нечто вроде первобытной ассоциации, в которой все члены владеют почти всем сообща. Деревню можно назвать такой же первобытной ассоциацией в большем размере.

Между этими двумя социальными единицами есть много общего. У обеих существуют общие интересы и общая ответственность. В обеих для руководства поставлен глава, в некотором роде управляющий внутренними делами и представитель перед внешним миром; в одном случае такое лицо называется хозяином, а в другом – старостой, и власть обоих ограничена: одного взрослыми членами семьи, другого – главами семейств. В обоих случаях дело касается известного общего имущества: в одном – дома со всем хозяйством, а в другом – пашен и лугов. И тут, и там на них лежит известная одинаковая ответственность: в одном – за все долги, в другом – за все подати и общинные обязательства. И обе эти единицы в некотором роде ограждены против обыкновенных законных последствий несостоятельности, так как у семьи нельзя взять дома или

необходимых земледельческих орудий, а у общины безпкойные кредиторы не могут взять земли.

Но с другой стороны между ними есть много пунктов совершенно несходных. Община, конечно, гораздо больше семьи, и обоюдные отношения между членами далеко не находятся в такой тесной связи. Члены семьи работают все вместе, и те из них, которые зарабатывают деньги на стороне, обязаны приносить их в общую кассу; тогда как члены общины работают самостоятельно и платят в общую кассу только известную определённую сумму.

Из этих кратких замечаний читатель тотчас же увидит, что русская деревня вовсе не похожа на деревню в нашем смысле слова и что поселяне связаны между собою цепями, совершенно неизвестными английскому сельскому населению. Семье, живущей в английской деревне, нет никакой причины интересоваться делами своего соседа. Изолирование отдельных семейств может быть не вполне хорошо, так как человек, как существо общественное, должен интересоваться тем, что делается вокруг него, и эта социальная обязанность в некотором роде выполняется слабым полем с большей ревностью, чем нужно для общего благосостояния; но семьи могут жить много лет в одной деревне несколько не заботясь об общих интересах. До тех пор пока Джонсы не нарушили общественного порядка, как, например, не испортили дороги или не произвели в своём доме пожара, сосед их Браун, вероятно, несколько не интересовался их делами и не имел повода вмешиваться в них. Джонс может быть пьяницей и безнадёжным шалопаем и может в одну прекрасную ночь потихоньку переехать со всей своей семьёй и исчезнуть навеки, но все это не коснётся интересов Брауна, если только Браун не имел к нему более близких отношений, чем просто отношения соседа. Между семьями же русской деревни такие отношения невозможны. Главы семейств часто встречаются и советуется между собою на сельских сходках, и еже-

дневные занятия зависят от общего решения. Они не могут начать косить сено или пахать поле, пока мир этого не решит. Если какой-нибудь крестьянин начинает запивать или делать что-нибудь, вследствие чего станет неспособным к уплате повинностей, каждая семья в деревне имеет право жаловаться, не только в интересах общественной нравственности, но по эгоистическим причинам, так как все семьи сообща отвечают за его подати. По той же самой причине ни один крестьянин не может уйти из деревни без согласия мира; а это согласие не даётся до тех пор, пока проситель не даст положительного удостоверения, что будет исполнять как свои настоящие, так и будущие обязанности. Если крестьянин желает уйти на короткое время куда-нибудь на заработки, он должен взять письменное позволение, которое служит ему паспортом в его отсутствие, и может быть во всякое время призван сельским приговором. На самом деле крестьянина почти никогда не вызывают до тех пор, пока он правильно вносит свои подати – в том числе и плату за паспорт; но иногда мир пользуется своим правом вызова для вымогательства денег с отсутствующаго. Если миру делается известным, например, что отсутствующий крестьянин получает хорошее жалованье в одном из городов, он вдруг может получить формальный приказ вернуться на родину, и в то же время частным образом его уведомляют, что известной суммой он может откупиться. Деньги, приобретённые таким образом, мир употребляет на общие потребности. Часто ли употребляется такой способ вымогательства со стороны мира, сказать я не могу, но подозреваю, что это делается нередко, так как раз или два, как мне лично известно, петербургская полиция делала распоряжение не высылать крестьян на родину до тех пор, пока не будет представлено доказательств, что вызывают их действительно за делом.

Чтобы понять систему русской сельской жизни, читатель не должен терять из виду следующих двух важных

фактов: пахотная земля и выгон принадлежат не отдельным семьям, но общине, и все крестьяне, вместе и отдельно, отвечают за сумму, которую община должна вносить ежегодно в казну.

Во всех государствах теория управления и администрации значительно разнится от действительного применения их. Но нигде разница эта не так велика, как в России, и ни в одном русском учреждении она не так велика, как в сельской общине. Вследствие этого необходимо знать и теорию, и применение ея; и надо начать с теории, так как она проще применения. Разсмотрев теорию, легче будет понять отклонения, которые сделались необходимыми вследствие особенных местных условий.

По теории все мужики по всей империи внесены в списки, служащие основанием для прямых налогов. Эти списки ревизуются в неопределенные промежутки времени, и все мужчины, существующие во время ревизии, начиная от новорожденного ребёнка и кончая столетним старцем, вносятся в списки. В каждой деревне есть такого рода список, и она платит в казну ежегодные подати по числу имён, внесенных в список, или, как обыкновенно говорят, по числу ревизских душ. В промежутки между ревизиями чиновники министерства финансов не обращают внимания ни на нарождение, ни на вымирание. Деревня, имевшая сто душ во время ревизии, через несколько лет может иметь гораздо более или гораздо менее этого, но должна платить подати за сто душ до тех пор, пока по всей империи не будет произведено новой ревизии.

Теперь в России, в сельском населении, плата податей нераздельно сопряжена с пользованием землёй. Каждый крестьянин, платящий подати, имеет долю в пахотной и выгонной земле деревни. Если в ревизском сельском списке внесено сто имён, то общинная доля разделяется на сто долей, и каждая «ревизская душа» получает свою долю за вносимую ею подать.

Читатель, проследивший за моим объяснением, может, конечно, заключить из него, что подати, которые платят крестьяне, есть, в сущности, нечто вроде арендной платы за землю, которой они пользуются. Это только так кажется и только так объясняют, а в сущности это не так. Когда человек арендует какой-нибудь клочок земли, то он арендует его по собственному желанию и заключает добровольный контракт с землевладельцем; но русский крестьянин обязан платить подати, желает ли он пользоваться землёю или нет. Теория же, что подати есть арендная плата за землю, не выдерживает ни малейшей критики. Даже теория, что подати есть нечто вроде поземельного налога, вовсе неверна. При всякой мало-мальски разумной системе поземельных налогов ежегодная плата должна хоть сколько-нибудь соответствовать количеству и качеству употребляемой земли; но в России может случиться так, что крестьяне одной деревни имеют по шести десятин, а крестьяне соседней по семи, а подати платят одинаковые. Дело в том, что это подати личные и наложены согласно с количеством душ мужского пола. Каждая деревня вносит в казну ежегодно определённую сумму по числу своих ревизских душ и разделяет землю между крестьянами по своему благоусмотрению.

Каким же образом мир делит землю? На этот вопрос трудно дать положительный, определённый ответ, потому что каждая деревня действует по своему усмотрению. Некоторые деревни точно придерживаются теории. Они разделяют свою землю во время ревизии на доли по числу ревизских душ и дают на каждую семью столько полос, сколько в ней ревизских душ. С административной точки зрения эта система наипростейшая. Подушный список указывает, каким количеством земли будет пользоваться каждая семья, и это разделение изменяется только ревизиями через неопределённый срок времени. С 1719 года было всего десять ревизий, таким образом, они происходили через пятнадцать лет – срок, который никак нельзя считать кратким. С дру-

гой же стороны в этой системе есть серьёзные погрешности. Ревизские списки указывают только на численную силу семейств, а численная сила часто вовсе не соответствует рабочей силе. Предположим, например, что в двух семействах во время ревизии было по пяти мужских душ. В силу такого порядка эти семьи получают одинаковые доли земли, но, в сущности, может случиться, что в одной семье отец ещё в полной силе и четыре взрослых сына, а в другой – вдова с пятью мальчиками. Потребности и рабочая сила этих двух семейств, конечно, далеко не одинаковы; и, если вышеупомянутая система разделения была бы применена, крестьянин с четырьмя сыновьями и с добрым количеством внучат, верно, нашёл бы, что у него слишком мало земли, а вдова с своими пятью мальчиками нашла бы черезчур затруднительным обрабатывать пять полос, данных ей, и совершенно невозможным платить соответствующие подати, так как не следует забывать, что общественные налоги разделены соответственно с землёю.

Но отчего же, могут сказать мне, вдове не взять пяти тягол и не отдать лишняго в аренду другим? Плата за аренду могла бы дать ей возможность уплатить подати и воспитывать свою семью.

Это может спросить человек, знакомый только с сельским бытом Англии, где земли мало и где она приносит всегда доходу более чем нужно для уплаты податей. Но в России приобретение полосы бывает часто не выгодой, а обузой. В некоторых деревнях земля так бедна и её так много, что нельзя найти на неё охотника. Так, например, во многих деревнях в Смоленской губернии проезжающий может видеть заброшенные полосы. В других деревнях почва и стоила бы обработки, но низкая арендная плата не покрывает податей и налогов.

Во избежание неудобств такой простой системы некоторые деревни разделяют землю не по числу ревизских душ, а согласно с рабочей силой каждой семьи. Таким об-

разом, при вышеприведённом примере вдова получит, может быть, два надела, а семья с пятью работниками получит семь или восемь. Со времени распада больших семейств такая неравномерность, о которой я говорил, конечно, будет встречаться очень редко; но теперь все-таки бывают значительные неравномерности, доказывающие несостоятельность системы раздела по ревизским спискам.

Если даже разделение было и хорошо, и правильно во время ревизии, то оно непременно должно измениться с естественным увеличением населения. Смертность и народение совершенно изменяют через несколько лет относительную рабочую силу различных семейств. Сыновья вдовы могут вырасти и сделаться взрослыми, в то время как два, три взрослых члена другой семьи могут быть унесены эпидемией. Таким образом, задолго до новой ревизии разделение земли может оказаться далеко не соответствующим потребностям и силам различных семейств деревень. Чтобы исправить это, прибегают к различным способам. Некоторые деревни передают полосы от одной семьи к другой, смотря по обстоятельствам, другие же от времени до времени разделяют между ревизиями землю вновь.

Каждая деревня сама по своему усмотрению решает, какую ей принять систему разделения. В этом отношении деревни пользуются полнейшей автономией, и ни одному кретьянину в голову не придёт протестовать против такого разделения, решённого миром. Высшие власти не только не вмешиваются в разделение общественной земли, но пребывают в полнейшем неведении, какая система принята деревнями. Хотя русская администрация питает настоящую страсть к симметрически разставленным статистическим таблицам, – многие из которых составлены исключительно по материалу, доставленному тёмными, недобросовестными мелкими чиновниками, – но до сих пор не было сделано попыток для собрания статистических цифр, которые бы бросили свет на этот важный пред-

мет. Несмотря на систематические и упорные старания со стороны бюрократии тщательно руководить всеми мелочами народной жизни, сельские общины, обнимающие собой пять шестых всего населения, во многих отношениях остаются совершенно вне ее влияния и даже вне ее кругозора. Но читателю нечего этому удивляться. Он в своё время увидит, что Россия – страна парадоксов, и, кроме того, он услышит ещё такие вещи, которые следовало бы обнародовать при звуках труб.

Русское сельское самоуправление не походит на управление европейским государством с бесконечным множеством написанных параграфов для руководства правительства. О таких написанных правах в русской деревне и понятия не имеют. Сельское управление состоит из целого ряда ненаписанных правил, которые постепенно установились и менялись под влиянием вечно изменявшейся практической необходимости. Были ли когда-нибудь определены обоюдные отношения сельского старосты и мира, не знают ни старосты, ни крестьяне, а между тем каждый крестьянин знает как бы по инстинкту, что эти власти могут делать, чего нет. Община есть фактически живое учреждение, постоянная жизненная сила которого избавляет его от необходимости держаться писаных законов.

В демократическом же характере общины сомнения и быть не может. Старосты являются только исполнительной властью. Действительная же власть заключается в «мире», членами которого состоят все главы семейств.

Простое делопроизводство, или, лучше сказать, отсутствие всякого формального производства на мирских сходках, вполне выказывает главный, практический характер учреждения. Сходки происходят под открытым небом, так как в деревне нет зданий, – за исключением церкви, где могут происходить только религиозные церемонии, – которые могли бы вместить всех членов сходки; и сходки постоянно собираются по праздничным или по воскресным

дням, когда крестьяне не работают. Какая-нибудь площадка, большая и не очень грязная, служит форумом. Прения бывают очень оживленные, но поползновения говорить речи замечаются очень редко. Если бы какой-нибудь член из молодых вздумал показать ораторския наклонности, его наверно бы безцеремонно остановил кто-нибудь из стариков, не расположенных к красноречию. Сходка подходит на толпу народа, случайно собравшагося и толкующаго маленькими группами о местных интересах. Постепенно какая-нибудь кучка в два, в три человека, имеющих более влияния, чем другие, привлекает к себе других, и разговор делается общим. Зараз говорят два и более человека и перебивают друг друга безцеремонными, вовсе не парламентскими выражениями, и разговор через несколько минут превращается в смутный, непонятный гам, который, как раз в ту минуту, когда зритель начинает думать, что он обратится в свалку, внезапно прекращается, или же взрыв хохота показывает, что кому-нибудь удалось высказать сильный *argumentum ad hominem* или какое-нибудь остроумное личное замечание. Во всяком случае, бояться, чтобы разговор кончился свалкой, – нечего. Нет в свете человека более добродушнаго и миролюбиваго, как русский крестьянин. В трезвом виде они никогда не дерутся, и даже под влиянием алкоголя они скорее склонны к излишней нежности, чем к ссорам. Если два мужика отправляются вместе выпить, то через несколько минут, вероятно, они, хотя до этого случая, может быть, никогда не знали друг друга, станут выражать друг другу свою привязанность и подтверждать слова свои нежными объятиями.

Теоретически говоря, сельский староста есть председатель сельскаго парламента, хотя председатель этот не сидит, а точно также толкается в толпе, как и прочие крестьяне. Староста официально является первым лицом на сходке и носит знаки своего достоинства в виде небольшой медали, надетой на шею на тоненькой медной цепочке. Но

обязанности его в высшей степени легки. В обязанности его вовсе не лежит прерывать прения. Если он обзывает какого-нибудь почтенного крестьянина дураком или прерывает оратора словом «молчи», то это он делает не в силу особенных прав, но просто вследствие привилегии, освящённой временем, которой могут пользоваться все присутствующие, и точно также безнаказанно обращаться с ним самим. Действительно, можно сказать вообще, что разговор и ход прений не подчинены никаким строгим правилам. Староста выступает вперёд только, когда надо собрать результаты решения. В таких случаях он несколько отделяется от толпы и говорит: «Ну, православные, решаете так?». А толпа на это отвечает: «Ладно! Ладно!».

Общественные меры обыкновенно решаются такого рода возгласами; но иногда бывает такое положительное разногласие, что трудно сказать, на чьей из двух сторон перевес. В таких случаях староста велит одной стороне стать направо, а другой – налево. После этого обе стороны сосчитываются, и меньшинство подчиняется, так как никому и в голову не приходит открыто возстать против воли мира.

Лет пятьдесят тому назад была сделана попытка регулировать писаными правилами делопроизводство на сельских сходках государственных крестьян и, между прочим, была введена баллотировка шарами, но это нововведение не привилось. Крестьянам не понравился этот новый способ, и они в насмешку называют его «игрой в шарики».

В северных губерниях, где значительная часть мужского населения уходит на заработки, в толпе обыкновенно замечается несколько женщин-крестьянок. Эти женщины, за отсутствием или смертью своих мужей, являются на сходку как главы семейств. Как глава дома женщина имеет право быть на сходке, и ея права принимать участие в прениях никто не оспаривает. О делах, касающихся общего благосостояния деревни, оне говорят редко, и если решаются высказать в таких случаях мнение, то не могут

разсчитывать обратить внимание на свои слова, так как русский крестьянин вовсе не проникнут новейшими доктринами о равноправности женщин и мнение своё о женском уме выражает следующей поговоркой: «хоть волос долог, да ум короток». У русских есть пословица, гласящая, что в семи бабах только одна душа, а народ ещё менее любезно говорит, что у бабы вовсе нет души, а только один пар. Вследствие этого женщина, как женщина, не пользуется большим значением. Женщина же, которая стоит во главе своего дома, может говорить обо все вопросах, непосредственно касающихся её дома. Если, например, будет предложено увеличить или уменьшить её полосу земли и долю податей, ей позволят высказаться об этом свободно и даже осыпать упрёками её противников-мужчин. Конечно, она рискует вследствие этого выслушать не совсем любезные замечания; но за все полученные ею замечания она отплачивает с лихвою, делая намёки на домашние дела тех, кто нападает на неё. И, если доводы и намёки не действуют, она прибегает к патетическому воззванию, сопровождаемому потоком слёз, – методу убеждения, вовсе не действующему на русского крестьянина.

Крестьянская сходка служит верным отражением хороших и дурных качеств сельского населения. Решения её отличаются практическим смыслом, но иногда отклоняются от истинного пути под дурным влиянием, преимущественно вследствие пьянства. Пример такого факта случился во время моего пребывания в Ивановке. На сходке разбирался вопрос: позволить ли устроить в селе кабак. Купец из уездного города хотел устроить кабак и обязывался платить миру каждый год положенную сумму за необходимое дозволение. Наиболее достойные и почтенные крестьяне, подкреплённые всем женским населением, сильно противились такому проекту, зная очень хорошо, что кабак, конечно, поведёт к разорению многих домов; но предприимчивый торговец сильными аргумен-

тами соблазнил большую часть крестьян и успел вызвать решение в свою пользу.

Сходка обсуждает все предметы, касающиеся общественного благосостояния, но так как они никогда не были установлены законом и апеллировать против решения нельзя, то компетентность ее весьма растяжима. Сходка определяет время, когда начать покос и когда начать пахать поле под озимое; она решает, какие принимать меры против неаккуратных плательщиков податей, можно ли допустить новаго члена в общину и позволить ли старому переменить местожительство; мир даёт или не даёт позволение возводить новыя постройки на общественной земле; он совершает и подписывает все контракты общины с одним из ее членов или с кем-нибудь посторонним; он вмешивается, если считает нужным, в домашния дела кого-нибудь из крестьян; выбирает старосту, – также сборщика податей и сторожа, где существуют такая должности, – и общественного пастуха; но главное, он разделяет и раздаёт крестьянам по своему усмотрению общественную землю.

Читатель может вывести из всего этого, что выборы бывают шумные и оживленные. Но на деле это не так. Выборы происходят довольно спокойно по той простой причине, что обыкновенно никто не желает быть выбранным. Однажды, говорят, одному крестьянину, провинившемуся в чем-то, было объявлено мировым посредником – о мировых посредниках я буду говорить впоследствии, – что он лишается права отправлять общественныя должности, и крестьянин вместо того, чтобы пожалеть о потере своих прав, отвесил низкий поклон и поблагодарил за только что полученные им привилегии. Этот анекдот, может быть, и выдуман, но он ясно показывает тот несомненный факт, что русский крестьянин смотрит на общественную должность как на обузу, а не как на честь. В маленьких сельских общинах люди не сгорают честолюбием, тем более что привилегия носить бронзовую медаль, вовсе не внушающую

уважения, и жалование в несколько рублей не вознаграждают за беспокойство, хлопоты и ответственность, лежащая на сельском старосте. Вследствие этого выборы происходят всегда вяло и ничуть не интересны. Следующее описание может служить разъяснением.

Выборы происходят в воскресный день после обеда. Крестьяне и крестьянки являются в праздничных платьях, и яркие цвета женских платьев вместе с ярким солнцем несколько оживляют картину, обыкновенно серую и однообразную. Медленно собирается толпа на площадку перед церковью. Туда являются представители всей деревни. По краям виднеются белоголовые мальчишки, – одни лежат или стоят на траве и с любопытством смотрят на народ, другие бегают кругом и играют в пятнашки. Около мальчишек стоит кучка молоденьких девушек и втихомолку хихикает. Забавляет их парень лет семнадцати, очевидно деревенский остряк, стоящий между ними с гармонией в руках и вполголоса сообщающий им, что его выберут в старосты и что тогда он потешит всю деревню. Когда которая-нибудь из девушек захохочет громче, чем следует, пожилые женщины, стоящие тут же, оборачиваются и бранятся; и одна из них, выступив вперёд, повелительным тоном приказывает смеявшейся девушке тотчас же идти домой, если она не умеет вести себя. Она удаляется в смущении, а весёлый парень, возбудивший смех, обращает в новую шутку это происшествие. Между тем прения начались. Большинство крестьян уже говорят или смотрят на маленькую кучку, стоящую поодаль. Тут только речь идёт действительно о деле. Женщина со слезами на глазах объясняет, непрерывно повторяя слово «мой старик» – в настоящее время староста, – что он очень болен и не может отправлять своей обязанности.

– Но ведь он ещё и года не прослужил и, может быть, выздоровеет, – замечает один мужик, очевидно младший из кучки.

– Почём знать, – всхлипывая, отвечает женщина. – На все воля Божья; но я не думаю, чтобы он когда-нибудь встал на ноги. Фершель четыре раза приходил смотреть его, и сам дохтур был раз и сказал, что его надо положить в больницу.

– Так зачем же не положили его туда?

– Да как же положишь-то? Кто же повезёт-то его? Ведь он не младенец. Больница-то за сорок вёрст. Если положить его на телегу, так он умрёт, не проехав и версты. Да и кто их знает, что они там делают с тем, кто лежит в больнице?

В этом последнем вопросе заключалась истинная причина, почему распоряжение доктора не было исполнено.

– Ну, хорошо, довольно, молчи, – говорит какой-то крестьянин с седой бородой женщине; и потом, обратившись к другим мужикам, замечает. – Тут делать нечего. На днях здесь будет становой и опять разругается, если мы не выберем нового старосты. Кого же станем выбирать?

Лишь только вопрос этот появился, как многие крестьяне опускают глаза вниз или стараются каким-нибудь образом не быть замеченными, для того чтобы имя их не было произнесено. После минуты или двух молчания седобородый крестьянин говорит:

– Вот Алексей Иванов ещё не служил!

– Да, да, Алексей Иванов, – восклицает несколько голосов, вероятно крестьян, которые боятся быть выбранными.

Алексей начинает сильно протестовать. Он не может сказать, что он болен, потому что его полное, здоровое лицо ясно покажет, что он лжёт, но он находит множество других причин, по которым он не может быть выбранным, и просит избавить его. Но протесту его не внемлют, и выборы идут своим чередом. Новый сельский староста избран.

Раздел общинной земли гораздо важнее выборов. Каждому хозяину дела нет, как идут выборы, только бы сам он не был выбран. Он безразлично может согласиться на Алексея, Ивана или Николая, потому что староста име-

ет мало влияния на общественные дела. Но он не может быть пассивным, равнодушным зрителем, когда дело идёт о разделе и раздаче земли, так как материальное благосостояние каждого дома в сильной степени зависит от количества земли и от налогов, сопряжённых с этим.

В южных губерниях, где почва плодородна и подати не превышают нормальной арендной платы, процесс разделения и раздачи земли сравнительно прост. Там каждый мужик желает получить как можно более земли, и вследствие этого каждый дом требует всю землю, на которую он имеет право, то есть столько полос, сколько у него значится ревизских душ по последним сказкам. Сходке поэтому не предстоит разрешать трудные вопросы. Сельские ревизские сказки определяют количество полос, на которых должна быть разделена общинная земля, и количество полос, следуемых каждому дому. Единственное затруднение заключается в том, какому дому достанутся какие полосы, и это затруднение разрешается бросанием жеребьев. Конечно, может встретиться разногласие относительно того, когда следует приступить к новому разделу, но этот вопрос решается большинством голосов на сходке.

Во многих деревнях северных губерний разделение и раздача полос происходит не так. Тут почва бывает часто очень неплодородна, и подати превышают арендную плату, вследствие чего крестьяне стараются получить как можно меньше земли. В подобных случаях происходят такие сцены.

Ивана спрашивают, сколько полос он желает взять, и тот отвечает тихим голосом, с разстановкой:

– У меня два сына, да я сам, так я возьму три полосы или менее, если вы позволите.

– Менее, – восклицает крестьянин средних лет, который, не будучи старостой, пользуется влиянием и руководит сходкой, – пустяки ты говоришь. Твои два сына уже в

летах и могут быть тебе помощниками, а как скоро ты их женишь, так ещё будут у тебя две работницы!

– Мой старший сын, – объясняет Иван, – всегда работает в Москве, а другой часто уходит на лето.

– Да ведь оба они присылают или приносят деньги, а когда женятся, так жены их останутся с тобой.

– Бог весть, что ещё будет, – отвечает Иван, пройдя молчанием первую половину замечания, – почём знать, женятся ли они?

– Тебе не трудно женить их!

– Этого я не могу. Теперь времена переменялись. Молодёжь поступает по своему разуму, а когда женятся, так захотят обзавестись своим домом. Три полосы взять мне будет тяжело!

– Нет, нет. Если они захотят отделиться от тебя, так ведь и земли от тебя возьмут. Тебе надо взять четыре полосы. Старухи вон с малыми детьми не могут брать столько полос, сколько у них душ.

– Он мужик богатый, – говорит голос из толпы, – наложи на него на пять душ!

– На пять душ я не могу, ей-Богу не могу!

– Ну, ладно, так бери на четыре, – говорит влиятельный крестьянин Ивану; и потом, обращаясь к толпе, спрашивает. – Так будет ладно, что ли?

– Четыре, четыре, – отвечает толпа – и вопрос решён.

Затем наступает черед одной из вышеупомянутых старух. Муж её постоянно болен, и у неё три мальчика, из которых только один может уже исполнять полевые работы. Если бы в основание раздела был взят список ревизских душ, то ей бы досталось четыре полосы, но платить подати за четыре души она не была бы в состоянии. Следовательно, ей нужно получить менее этого надела. Когда её спрашивают, сколько наделов она возьмёт, она отвечает, опустив глаза:

– Как решит мир, так и будет.

– Ну, так бери три.

– Что ты, батюшка, – кричит баба, вдруг сбросив с себя покорный вид. – Слышите, православные? Они хотят навалить на меня три души! Да слыханное ли это дело? С самого Петрова дня муж у меня лежмя лежит, точно порченный, ничто ему не помогает. Он на ногах не держится, все равно что умер бы, только хлеб ест!

– Пустяки ты говоришь, – говорит сосед, – на прошлой неделе он был в кабаке.

– А ты, – отвечает баба, переходя на другой предмет разговора, – что ты-то делал в последний храмовой праздник? Разве не ты напился и бил свою жену до тех пор, пока она своими криками не созвала всей деревни? Это было ещё в прошлое воскресенье... тьфу!

– Слушай, – говорит старик, прерывая поток ея брани. – Тебе надо взять, по крайней мере, две с половиною. Если не можешь обработать сама, так возьми кого-нибудь себе на помощь.

– Как же это можно? Где же мне взять денег на наём работника? – спрашивает женщина, завывая и заливаясь слезами. – Пожалейте же, православные, бедных сироток! Бог вас не оставит... и т. д., и т. д.

Не стану утомлять более читателя дальнейшим описанием подобных сцен, всегда длинных и иногда очень бурных. Все присутствующие на сходке глубоко заинтересованы, так как раздел земли можно назвать самым важным событием русской крестьянской жизни, и его нельзя сделать без бесконечных толков и прений. Решив, сколько полос получит каждая семья, задача их возбуждает новые затруднения. Семьи, которые хорошо удобряли свою землю, стараются получить опять те же самые полосы, и мир уважает их желания, насколько они не идут вразрез с новым разделом; но случается часто, что частные интересы не совпадают с общественными, и в таких случаях частные интересы приносятся в жертву общественным в такой степени, что этому не подчинился бы ни один англи-

чанин. Но это не ведёт ни к каким серьёзным последствиям. Крестьяне привыкли действовать заодно, и уступать ради общего благосостояния, и, безусловно, подчиняться воле мира. Я знаю много случаев, когда крестьяне оказывали неповиновение полиции, начальнику уезда и даже начальнику губернии, но никогда не слыхивал, чтобы кто-нибудь из крестьян открыто возстал против мира.

Несколько выше я постоянно говорил о полосах общественной земли. В предупреждение недоразумения мне следует подробнее объяснить это выражение. Полоса вовсе не обозначает просто полосу или клочок земли; напротив того, в ней всегда заключается по четыре или даже более кусков земли. Тут мы встречаем опять большую разницу между русской деревней и деревнями Западной Европы.

Общинная земля в России бывает трёх родов: земля, на которой выстроена деревня, пахотная земля и луга или сенокосы. На первой каждая семья имеет дом и огород, что составляет наследственное имущество каждой семьи, которое никогда не подвергается разделу. Земля обоих других родов постоянно переделяется, но на основании различных принципов.

Вся общинная земля сначала разделяется на три поля, как необходимо для трёхпольного хозяйства, и каждое поле делится на столько длинных полос, сколько в деревне считается тягл, по возможности полос равных по размеру и по качеству. Иногда оказывается необходимым разделить поле на несколько частей, вследствие неравномерности качества почвы, и потом уж делить каждую из этих частей на требуемое количество полос. Таким образом, во всяком случае, каждое тягло получает по полосе в каждом поле, а когда оказывается необходимым ещё подразделение полей, каждое тягло получает свою долю в каждой части поля. Эта сложная процедура разделения или подразделения совершается самими крестьянами при помощи аршина, и точность разделения поистине поразительна.

Луг, оставляемый под покос, разделяется точно также на полосы, как и пахотная земля. Но тут раздел и раздача совершаются не через известное число лет, а ежегодно. Каждый год, в известный день, выбранный миром, крестьяне идут толпою на луга и разделяют их на известное число частей. Затем бросаются жребии, и каждая семья тотчас же начинает косить доставшуюся ей часть луга. В некоторых волостях луг косится всеми крестьянами вместе и сено потом разделяется по количеству семейств; но это делается не часто.

Так как общинная земля представляет в некотором роде одну большую ферму, то при обработке ее необходимо соблюдать известные общия правила. Каждое семейство может сеять все, что ему вздумается, но вся деревня обязана подчиняться принятой системе раздела. Точно также никакая семья не может осенью начать пахать ранее других, потому что она этим нарушит права других крестьян, выгоняющих на паровое поле скот.

Конечно, нельзя не удивляться, что такая первобытная система земледелия могла дожить до девятнадцатого века, и ещё более удивительно, что многие умные люди считают учреждение, котораго она является главной частью, идеалом будущего социального и политического строя. Объяснение этих фактов составляет интересную часть русской социальной истории.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КАК СОХРАНИЛАСЬ ОБЩИНА И ЧТО ОНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДЛЯ БУДУЩАГО

Широкая реформы в начале нынешняго царствования. — Протест против принципа laissez faire. — Боязнь пролетариата. — Сравнение между русским и английским законодательством. — Пылкая ожидания. — Дурные последствия общинной системы. — Будущность общины. — Пролетариат в городах. — Временность настоящаго положения вещей

Читателю, вероятно, известно, что несколько лет тому назад в России совершился целый ряд широких реформ. Кроме освобождения крестьян, была создана новая система местного самоуправления, и при тогдашней реформенной горячке удивительно, каким образом такое оригинальное первобытное учреждение, как сельская община, могла устоять против бюрократического вихря. Это странное явление я хочу теперь объяснить, частью потому, что оно само по себе интересно, частью потому, что это может бросить некоторый свет на своеобразныя воззрения русскаго образованнаго класса настоящаго времени.

Когда в 1857 году стало очевидным, что крестьяне будут освобождены, явилось предположение, что сельская община будет совершенно уничтожена или, по крайней мере, радикально изменена. В это время многие русские были восторженными поклонниками английских учреждений и вместе с сторонниками старой школы экономистов дума-

ли, что Англия приобрела своё торговое и промышленное первенство принятием принципа индивидуальной свободы и безграничной конкуренции, или, по определению французских писателей, принципа «laissez faire, laissez passer». Этот принцип никак не совместим с сельской общиной, которая принуждает крестьянина владеть землёю и не дозволяет предприимчивому мужику производить покупок земли у своего менее предприимчиваго соседа и вообще в значительной степени связывает свободу действий каждого крестьянина. Вследствие этого думали, что сельская община, как несовместимая с прогрессом, будет отменена нововводимым режимом свободы.

Как только эти мысли появились в печати, они вызвали громкий протест. Протестовавшие разделялись на две определённые группы. С одной стороны стояли так называемые славянофилы, небольшая кучка преданных родине высокообразованных москвичей, склонных восхищаться всем чисто русским и постоянно отказывавшихся преклонить колена перед каким бы то ни было умным западным учреждениям. Эти господа указывали своим соотечественникам в специальном органе, который они основали, что община – отличное и исключительно русское учреждение, умиротворявшее в прошлом дурное влияние крепостничества и предназначенное в будущем доставить несомненные выгоды освобожденным крестьянам. Другая партия думала совершенно иначе. Она нисколько не сочувствовала народным особенностям и не уважала заплесневелую старину. В глазах последователей этой партии община, как специфически русское или славянское учреждение, не имела никакого значения. Будучи космополитами по своим воззрениям и совершенно свободными от всякаго археологического пристрастия, они смотрели на это учреждение с чисто утилитарной точки зрения и соглашались с славянофилами, что сохранение общины будет иметь благодетель-

ное влияние на материальное и нравственное благосостояние крестьянства.

Ради удобства необходимо назвать эту последнюю партию каким-нибудь особенным именем; но сознаюсь, что я затрудняюсь в выборе названия. Я не желаю назвать этих господ социалистами, потому что с этим названием невольно соединяется понятие о каких-то петролейщиках. Во избежание подобных недоразумений я назову их сторонниками «Современника», органа, в котором они выражали свои воззрения.

Славянофилы и сторонники «Современника», несмотря на разногласия во многих вещах, стремились к одной цели и вследствие этого работали заодно. Они очень ловко ратовали за то, что общинное владение землёю имеет гораздо бóльшия преимущества и соединено с гораздо меньшими неудобствами, чем вообще предполагают. Но они не ограничивались непосредственными практическими выгодами, мало интересными для обыкновенного читателя. Значение сельской общины, говорили они, заключается не в настоящем, а в будущем. Имея у себя общинное владение, Россия обладает верным предохранительным средством против величайшего зла западноевропейской социальной организации – пролетариата. В этом славянофилы могли поддерживать их своим любимым припевом о гнилости социальных условий Западной Европы; а их временные союзники хотя и не верили в непогрешимость их предсказаний, но не имели пока причин противоречить им. Пролетариат скоро сделался чем-то вроде пугала для образованных классов, а читающая публика пришла к убеждению, что общинные учреждения должны быть сохранены для того, чтобы избавить Россию от этого чудовища.

Боязнь того, что носит смутное название пролетариата, часто встречается в России, и я часто старался точно разузнать, что подразумевается под этим определением. Но я не могу сказать, чтобы мои старания имели всегда

успех. Чудовище это, по-видимому, так же неопределённо и призрачно, как скорбные тени, поставленные Мильтоном во вратах ада. То оно является нашим старым врагом, пауперизмом, а приблизившись ближе, усматриваешь, что оно принимает колоссальные размеры и включает всех не имеющих земли. При более тщательном наблюдении оно так же неясно, как и следует быть пугалу, и эта-то неясность немало способствовала его успеху.

Влияние, которое имела во время освобождения крестьян мысль о пролетариате на общественное мнение и на законодательство, факт весьма замечательный и достойный внимания, так как он в некотором отношении выясняет различие между русскими и англичанами.

Англичане вообще слишком заняты многосторонними делами настоящего для того, чтобы заглядывать в будущее. Конечно, англичане с отвращением смотрят на правило: «Après nous le deluge!»* и с презрением отнеслись бы ко всякому, проповедующему это правило, а между тем они часто действуют так, как будто бы сочувствовали этому безбожному изречению. Если внимание англичанина обращают на интересы будущих поколений, то он объявляет: «На сегодня достаточно, так и горе с плеч», и называет мечтателем всякого, кто старается отвлечь его внимание от ближайшего настоящего. Смелый пророк, который с уверенностью пророчит близкое истощение наших каменноугольных копей или точно указывает на предстоящее народное бедствие, может обратить на себя внимание; но стоит только англичанам узнать, что беда эта не грозит разразиться в настоящее время, так они тотчас же начинают толковать, что будущия поколения должны сами о себе заботиться и что не может же настоящее поколение нести

---

* *Après nous le déluge* (франц., *Апре ну ле делюж*) — буквально: «после нас потоп», то есть после нашей смерти погибай хоть весь мир; это выражение принадлежит маркизе Помпадур и было в первый раз употреблено ею при получении Людовиком XV глубоко поразившего его известия о неудачном сражении при Росбахе.

тягости за будущее. Если англичанам приходится составлять законы, то они это делают осторожно и остаются совершенно довольны каким-нибудь скромным, простым средством, сообразным со здравым смыслом, не заботясь о том, соответствует ли это средство научным теориям.

В России мы встречаемся с противоположной крайностью. В России реформаторы шли не по пути практических политиков, но увлекались школой политической спекуляции. Вследствие этого, лишь только они начинали разсматривать какое-нибудь самое простое дело по отношению к законодательству, из этого тотчас же возникал «вопрос», который переходил в область политической и социальной науки. В то время как Западная Европа в продолжение веков шла по непроложенному пути, русские, по крайней мере с начала последнего столетия, постоянно исследовали свою страну с помощью чужого опыта и двигались гигантскими шагами согласно с новейшими политическими теориями. Люди, увлечённые по этому пути, не могут удовлетворяться простыми средствами, которые только отстраняют бедствие данной минуты. Они хотят «вырвать зло с корнем» и постановить законы, как для себя, так и для будущих поколений.

Это стремление было особенно сильно в начале нынешнего царствования. Образованные классы были глубоко убеждены, что система прошлого царствования была ошибочна и что для страны наступила новая и более светлая эра. По их мнению, надо было подвергнуть реформе все и перестроить на совершенно новых началах все социальное и политическое здание.

Представим себе положение человека, практически не знакомого с архитектурой и внезапно принуждённого выстроить большой дом, в котором были бы все новейшие применения удобств. Что бы он прежде всего сделал? Вероятно, он прежде всего начал бы изучать последние сочинения об архитектуре и строительном искусстве и, узнав глав-

ные основания, постепенно перешёл бы к подробностям. Это именно и сделали русские, когда им пришлось пере-страивать политическое и социальное здание. Они с жаром стали изучать самых новейших английских, французских и немецких писателей о социальной и политической науке, и тут-то они и познакомились с пролетариатом.

Люди, читающие путешествия, но никогда не остав-лявшие собственной страны, весьма склонны смотреть в увеличительное стекло на нужды и опасности нецивилизо-ванной жизни. Они читают о диких племенах, о разбойни-ках, о хищных зверях, о ядовитых змеях, о смертельных ли-хорадках и тому подобных вещах и только дивятся, как это люди могут неделю прожить среди таких опасностей. Но потом, случайно посетив эти страны, они находят, к своему удивлению, что хотя описания и не преувеличены, однако же жить при таких обстоятельствах можно гораздо лучше, чем они предполагали. Русские, читавшие про пролетариат, похожи на людей, которые, сидя у себя дома, читают путе-шествия. Они получили преувеличенные понятия и стали бояться пролетариата гораздо сильнее, чем мы, живущие по-среди его. Конечно, легко может быть, что взгляд их на это дело гораздо вернее нашего, и когда-нибудь мы, как люди, живущие на вулкане, грубо будем пробуждены от своего мнимого спокойствия. Но это совершенно другой вопрос. Я вовсе не желаю оправдывать наше обычное невнимание к социальным опасностям, но только хочу объяснить, поче-му русские, мало знакомые или вовсе практически не зна-комые с пауперизмом, принимают такие тщательные меры предосторожности против него.

Но каким образом это сохранение общинных учреж-дений может привести к страстно желанной цели и есть ли вероятие, что эти меры будут иметь успех?

Все, изучавшие тайны социологии, обыкновенно приходят к тому заключению, что пролетариат образо-вался преимущественно вследствие того, что крестьяне и

мелкие землевладельцы лишаются земли, и что предупредить или, по крайней мере, замедлить его развитие можно какой-нибудь системой законодательства, которая обеспечила бы владение землёю за крестьянами и не допускала бы обезземеления их. Теперь я могу утвердительно сказать, что ни одно учреждение в мире не достигает так этой цели, как русская общинная система. В настоящее время около половины всей пахотной земли империи вследствие этого предоставлено крестьянам и не может быть приобретено крупными землевладельцами или капиталистами, и каждый крестьянин, просто вследствие своего появления на свет, приобретает совершенно неприкосновенное право на долю в земле. Если я сказал, что крестьяне образуют пять шестых всего населения и что крестьянину чрезвычайно трудно – при обыкновенных условиях даже невозможно – прервать свои отношения к сельской общине, то становятся совершенно ясным, что пролетариат в России совершенно невозможен, если только теория социальных философов верна. Если настоящие пламенные надежды исполнятся на деле, то русские могут справедливо испытывать патриотическую гордость и действительно могут претендовать, что они успешно разрешили самую важную и самую трудную социальную задачу.

Но есть ли какие-нибудь действительные шансы, чтобы эти ожидания исполнились?

Конечно, это вопрос трудный, но не неразрешимый. Хотя предсказывать что-нибудь всегда опасно, но, тем не менее, в настоящее время часто встречаются факты, на основании которых можно делать, по крайней мере, предположения в будущем. Если бы такой проект остался в голове кабинетного философа или в недрах какой-нибудь школы философов, то очень может быть, что к нему отнеслись бы как к гениальному проекту утописта-мечтателя; но нельзя так легко относиться к идее, облечённой уже в законную форму. Как ни скептически смотрим мы на все-

возможныя мировыя средства, но все-таки принуждены внимательно изучать такой гигантский шаг социальной науки, от успеха котораго в большой степени зависит материальное и нравственное благосостояние сорока миллионов человек!

Если бы Россия оставалась чисто земледельческой страной, то сельская община, я полагаю, предупредила бы образование пролетариата на будущее время, как предупредила его целыми веками в прошлом. Периодический раздел общинной земли обеспечил бы за каждым человеком частичку земли, и если население стало бы слишком густо, то бедствие, могущее произойти от слишком мелкаго разделения земли, могло бы быть устранено правильным выселением в отдалённые, мало населённые губернии. Но мне кажется, что одна часть новаго законодательства, работавшая с целью сохранения общины, в сущности, нанесла серьёзный удар принципам учреждения. Законом 1861 года каждая община получила право выкупить землю и сделаться полной ея владетельницей. Это совершается посредством ежегодных взносов в продолжение около пятидесяти лет, и каждая семья участвует в этой плате, смотря по тому, каким количеством земли она владеет. Теперь вопрос заключается в том: захотят ли те крестьяне, которые платили за известное определённое количество земли, добровольно подчиниться переделу, причём они получают земли меньше, чем та часть, за которую они платили? Не думаю. Выкуп, или, говоря другими словами, приобретение земли, уже в значительной степени изменил понятия крестьян об общинной собственности, и надо заметить, что в тех деревнях, которые прибегли к выкупной операции, передел земли совершается очень редко или совершенно исчез. Этот знаменательный факт, по-видимому, остался совершенно незамеченным.

Многие думают, что главная опасность, грозящая общине, заключается совершенно в другом. Крестьяне, как

говорят, скоро увидят, что ближайшая дурная последствия общинной системы далеко превосходят ее будущая выгоды. Первое условие всякого земледельческого прогресса зависит от способа земледелия, при котором земледелец мог бы быть уверен, что он не будет вдруг прогнан и спокойно будет пользоваться плодами всяких сделанных им улучшений; второе условие зависит от свободы земледельца обрабатывать землю как он хочет, причём его не следует стеснять чем-либо, лишь бы он не истощал почвы. Ни одно из этих условий не выполняется общинной системой. Передел земли может быть произведён во всякое время сельским приговором, и каждый крестьянин обязан обрабатывать землю по той системе, которую изберёт мир. Кроме того, крестьянин не получает одного большого куска земли, а несколько полос в разных полях. По понятиям европейца о земледелии это очень дурная система обработки земли. Можно себе представить положение фермера, который бы увидел, что на ферме, только что им арендованной, земля находится не в одном месте, а клочками, в разных местах, далеко от фермы, что он будет подчинён воле собственника, должен сеять, что тому угодно, и не имеет права начинать покос или начинать пахать озимое поле без согласия всех своих соседей! Впрочем, из этого ещё не следует, чтобы эта система была совершенно негодна в стране, где экономические и социальные условия совершенно не похожи на условия, известные нам.

Вопрос, насколько действительно общинная система мешает успехам земледелия в России, с жаром обсуживается в настоящее время. Я отказываюсь обсуждать этот вопрос, потому что мне пришлось бы привести такую массу технических подробностей, которая тотчас же бы истощила терпение читателя. Достаточно вкратце сказать, что препятствия существуют, но они вовсе не так значительны, как обыкновенно предполагают. Если говорить, что община мешает крестьянину принять рациональную

систему хозяйства, то можно, значит, точно также сказать, что отсутствие университетов в долинах краснокожих мешает им отличаться в области классической филологии. Дело в том, что крестьяне и не начинали помышлять о чем-нибудь похожем на рациональное хозяйство, и те из них, у которых есть собственная земля вне общинной, никогда не вводят никаких улучшений. Сторонники этого учреждения объявляют, что всякое препятствие, действительно существующее, может быть легко устранено законодательством и что всякое возражение против этой системы может быть устранено преобразованием общины в земледельческую ассоциацию, при которой все работали бы сообща, а разделялись бы продукты, а не земля. Люди, одарённые даром предвидения, уверяют, что это преобразование непременно и будет, и рисуют блестящими красками будущность общины. Вот образец таких предсказаний:

«Крестьяне усвоят себе земледельческую науку и станут такими просвещёнными, что всегда будут готовы предпринять сообща необходимые улучшения. Они не станут более истощать почву продажей зерна, но будут продавать только некоторые технические продукты, не содержащие в себе минеральных веществ. Для этой цели общины будут иметь винокурные, крахмальные и т. п. заводы, а почва вследствие этого будет сохранять своё первобытное плодородие. Недостаток земли, неизбежный при увеличивающемся населении, будет пополняться улучшенными методами земледелия. Если китаец, ничего не понимающий в естественной истории, мог чисто империческим методом улучшить земледелие до такой степени, что целая семья может кормиться несколькими квадратными саженьями земли, то почему же европейцу не сделать того же самого с помощью химии, ботанической физиологии и других естественных наук?»

Это последнее заключение, несомненно, известное всем, кто читал произведения коммунистической школы,

должно напомнить нам, что мы унеслись в слишком далёкое будущее. Вернёмся же.

Даже если мы согласимся, что община действительно может остановить появление земледельческого пролетариата, то все-таки вопрос этим ещё не разрешается. Россия надеется сделаться великой промышленной и торговой страной, и её городское население быстро увеличивается. Следовательно, нам надо ещё разобрать, как община влияет на городской пролетариат. По официальным статистическим сведениям, в собственной России горожане составляют 8% всего населения, в то время как цифра вообще живущих в городах доходит до 10%, или, говоря другими словами, в городах обыкновенно живёт около миллиона с четвертью крестьян. Так называют статистические таблицы, но эти цифры, вероятно, ещё значительно ниже действительных. Гораздо большее число крестьян, записанных в сельские общины, проживает обыкновенно в городах значительную часть года.

Крестьяне, обыкновенно живущие в городах, образуют особенный класс, совершенно неизвестный в Англии. В Западной Европе большие промышленные центры оторвали от почвы и стянули в город большую долю сельского населения. Люди, поддавшиеся этому чарующему влиянию, прервали всякия отношения с своими родными деревнями, сделались неспособными на полевую работу и быстро обратились в ремесленников и фабричных рабочих. В России такое превращение не могло бы совершиться так легко. Крестьянин может работать большую часть своей жизни в городах, но этим он не прерывает своих отношений с родной деревней. Он, несмотря ни на что, остаётся членом общины, имеет полосу в общественной земле и платит поземельные подати. Во время его жизни в городе его жена и семья остаются дома, и поэтому он сам рано или поздно возвращается домой. Таким образом, в России создан целый класс какой-то помеси – полукрестьян, по-

луремесленников, – и образование городского пролетариата значительно отсрочилось.

На существование такого смешанного класса обыкновенно указывается как на благодетельный результат общинных учреждений. Ремесленники и фабричные, говорят нам, имеют вследствие этого всегда дом, куда они могут уйти, когда лишатся работы или лишатся сил от старости, и дети их воспитываются в деревне, вместо того чтобы расти под растлевающим влиянием переполненного города. Одним словом, вследствие этого умного учреждения у каждого простого работника есть свой небольшой капитал и усадьба.

При настоящем переходном состоянии русского общества, это своеобразное учреждение в то же время естественно и удобно; но при его преимуществах в нем есть серьёзные недостатки. Неестественная разлука ремесленника с женой и семьёю ведёт к очень нежелательным результатам, о которых писать тут неудобно, но которые очень хорошо известны людям, знакомым с подробностями жизни крестьян северных губерний. Да каковы бы ни были преимущества и недостатки этого учреждения, оно навсегда сохраниться не может. В настоящее время туземная промышленность находится в детстве. Огражденная тарифом от иностранной интервенции и слишком ничтожная по количеству, чтобы произвести конкуренцию между собою, существующия фабрики могут давать своим хозяевам большой доход без особенных усилий. Фабриканты вследствие этого могут позволять себе небольшие вольности, совершенно немислимыя, если бы цены на мануфактурный товар могли быть понижены живой конкуренцией. Спросите у ланкаширскаго фабриканта, может ли он позволить громадной части своих рабочих уходить ежегодно в Корнвалис или Кезнес косить сено или засеять несколько акров хлебом! Если Россия сделает большой промышленный шаг вперёд, то фабриканты Иванова и

Шуи будут когда-нибудь поставлены в такие же тиски, в какие поставлены теперь брадфордские и манчестерские фабриканты. Теперь же некоторые из крупных фабрикантов дают более высокую плату тем рабочим, которые соглашаются работать круглый год, и уже слышатся толки, что мелкие фабрики, получавшие несколько лет тому назад значительные барыши, разорены крупными фабриками, имеющими возможность производить товары по более низкой цене. Таким образом, движение началось и его нельзя остановить абстрактными теориями. Подобная же перемена должна произойти очень скоро и среди ремесленников. Постоянное стремление новейшей промышленности и тайна её успеха заключается в постоянно усиливающемся разделении труда; а как же можно применить этот принцип, если ремесленники хотят в то же время быть земледельцами?

Таким образом, теория, что фабричные рабочие и ремесленники долго останутся ещё земледельцами и сохранят при этом свой полукрестьянский оттенок, идёт вразрыв с здравым смыслом и опытом. Но не могут ли они оставаться членами сельской общины и вследствие этого вместе с своими богатыми хозяевами пользоваться преимуществами землевладельцев? Эта мысль кажется очень соблазнительной для лиц, удовлетворяющихся поверхностными взглядами, но она не выдерживает тщательной критики. Нечего и говорить, что каждому рабочему очень желательно иметь свой собственный дом; но может ли дом быть назван приютом, если он находится за несколько сот вёрст от того места, где рабочий принуждён жить? В этом случае он несёт всю тяжесть семейной жизни, не пользуясь её преимуществами. Такие условия не совпадают также с интересами земледелия. Может ли земледелие идти вперёд или даже идти сносно, если оно оставляется на руках женщин и детей? По многим причинам не желательно, чтобы связь, существующая между

фабричными рабочими или ремесленниками и деревней, была вдруг порвана. Около больших фабрик нет настоящих помещений для семейств рабочих, а земледелие в том виде, в каком оно ведётся теперь, может идти успешно, даже если хозяин и не живёт дома. Но на эту систему следует смотреть как на временную, а разъединение больших семейств – факт, о котором я уже говорил, – всё более и более затрудняет применение ея.

Хотя можно положительно сказать, что рано или поздно община подвергнется сильным изменениям, но трудно предсказать, какая формы она окончательно примет. Может быть, все особенности ея исчезнут и от нея останется только местное самоуправление; но с другой стороны она, может быть, сама преобразуется в силу новейших требований, не теряя своего настоящего основного характера, и таким образом осуществит пылкия надежды своих сторонников. Лёгкость, с какой она до сих пор применялась к обстоятельствам, и выказанная ею сильная живучесть, по-видимому, оправдывают эти ожидания; но высказывать уверенность ещё слишком рано. Только время разрешит эту задачу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ФИНСКИЯ И ТАТАРСКИЯ ДЕРЕВНИ

Финское племя. — Финския деревни. — Различныя степени обрусения. — Финския женщины. — Религия финнов. — Способ «заклинания» духа. — Странное смешение христианства с идолопоклонством. — Обращение финнов. — Татарская деревня. — Понятие русскаго мужика о магометанстве. — Взгляд магометан на христианство. — Пропаганда. — Русский колонист. — Переселение народов в далёком прошлом

Разговаривая однажды с одним землевладельцем, жившим недалеко от Ивановки, я случайно узнал, что по соседству есть несколько деревень, жители которых не говорили и не понимали по-русски, а говорили на своём особенном языке. С необдуманной поспешностью, достойной истаго этнолога, я тотчас же предположил, что это должны быть остатки какой-нибудь туземной расы.

— **Des aborigènes!** — **вскричал я, не найдя сразу подходящего русского слова** и зная, что знакомый мой понимает по-французски. — Несомненно, остатки какого-нибудь племени, жившаго в стране и теперь быстро исчезающего. Есть ли здесь какое-нибудь общество покровительства аборигенам?

Знакомый мой, очевидно, с трудом мог себе представить, что такое общество для покровительства аборигенам, и прямо решился сказать, что ничего подобного в России нет. Услыхав, что такое общество может оказать значительные услуги, покровительствуя слабому племени против более сильного и собирая важные материалы для новой науки

социальной эмбриологии, он был совершенно поражён. О новой науке он никогда не слыхивал, а что касается до покровительства, то, по его мнению, жители этих деревень вполне могут защищать себя сами.

– Я желал бы изобрести, – прибавил он, лукаво улыбаясь, – общество для покровительства всем мужикам; но я совершенно уверен, что власти не дозволят этого.

Моё этнологическое любопытство было сильно возбуждено, и я пытался пробудить подобные же чувства в моём знакомом, объясняя ему, что у нас под руками целое поле открытий, которые могут обезсмертить счастливых исследователей; но усилия мои были тщетны. Знакомый мой был зажиточный, разленившийся человек флегматического характера, помышлявший более о комфорте, чем о бессмертии в земном смысле слова. На моё предложение ехать сейчас же на исследование, он спокойно отвечал, что это далеко, что дороги грязны и что там узнавать нам нечего, что пора уже приступить к закуске, то есть выпить рюмку водки, закусить икрой, селёдкой, маринованными рыбками или чем-нибудь подобным для возбуждения аппетита. К чему нам жертвовать хорошим обедом и послеобеденным отдыхом для подобного рода экспедиции? Что деревни, о которых идёт речь, такие же, как и все другие деревни, и обитатели их живут во всех отношениях точно так же, как и русские соседи. Если бы у них и были какая-нибудь тайные особенности, то они, наверное, не открыли бы их иностранцу, так как они вообще молчаливы, мрачны, суровы и несообщительны. Все, что можно узнать о них, уверял мой знакомый, может быть рассказано в нескольких словах. Они принадлежат к финскому племени, называющемуся корелами, и переселены на настоящее место жительства в сравнительно недавнее время. На мой вопрос, каким образом, когда и кем они переселены сюда, знакомый мой сообщил мне, что сделал это Иван Грозный.

Хотя в то время я очень плохо знал русскую историю, но имел серьёзные причины подозревать, что последнее заявление было просто выдуманно для удовлетворения моего любопытства, и вследствие этого решился не принимать его без проверки. Результаты показали мне, как осторожен должен быть путешественник, слушая объяснения «развитых, знающих местных жителей». При дальнейшем исследовании я узнал, что не только история об Иване Грозном была выдумкой, изобретённой или моим приятелем, или народным воображением, всегда связывающим предания с героическими именами, но и что моя первая теория была совершенно верна. Эти финны оказываются действительно остатками туземцев или, по крайней мере, самыми старинными обитателями губернии. Русские крестьяне, составляющие теперь большую массу населения, – пришельцы.

Я давно интересовался тем, что немцы называют переселением народов, то есть их передвижениями во время постепенного распада Римской Империи, и мне часто казалось, что известнейшие авторитеты, так старательно изучавшие этот предмет, редко или даже никогда не брали на себя труда исследовать сущность этого процесса. Недостаточно знать, что раса или племя распространило свои владения или переменило своё географическое положение; надо в то же время узнать, вытеснило ли, уничтожило ли или поглотило оно прежних обитателей и каким образом вытеснение, уничтожение и поглощение совершилось. Из этих трёх процессов поглощение по всем вероятностям совершалось всего чаще, и мне кажется, что на севере России процесс этот легко можно изучить. Тысячу лет тому назад весь север России был населён финскими племенами, а в настоящее время большая часть его занята крестьянами, говорящими по-московски, исповедующими православную веру, наружно ни чем не отличающимися и могущими показаться невнимательному наблюдателю чистыми русскими.

При этом мы не имеем причин предполагать, что прежние обитатели были вытеснены или истреблены или что они постепенно вымерли от прикосновения с цивилизацией и пороками более высокой расы. История не указывает на такие полные переселения, как переселение калмыков, ни на опустошительную войну; а статистика говорит, что между остатками этих первобытных племён население увеличивается одинаково быстро, как и между русскими крестьянами*. Из этих фактов я заключил, что финские туземцы просто были поглощены славянскими пришельцами.

Это предположение с тех пор совершенно подтвердилось наблюдением. Во время моих странствий по северным губерниям я видел деревни в различных степенях обрусения. В одной из таких деревень все было совершенно финское: цвет кожи обитателей красно-оливковый, выдающиеся скулы, вкось разрезанные глаза, и в особенности костюм; все женщины и очень многие мужчины не понимали по-русски, и на каждого приезжавшего к ним русского они смотрели как на иностранца. В другой деревне было уже несколько русских обитателей, а остальные уже лишились своего чисто финского колорита: многие из мужчин не носили уже старомодного своего платья и свободно говорили по-русски, на русского посетителя не смотрели уже недружелюбно. В третьей деревне финский тип был ещё слабее: все мужчины говорили по-русски и почти все женщины понимали русский язык; старомодный костюм у мужчин совершенно исчез, и у женщин тоже быстро исчезал, и браки между русскими и финнами были не редкостью. В четвертой деревне браки с русскими вполне сделали своё дело: прежний финский тип замечался только в некоторых особенностях физиономии и выговора.

Обрусение заметно точно также в способе постройки домов и в системе земледелия, из чего ясно видно, что фин-

---

* Попов. *Зыряне и зырянский край*. Москва, 1874 г.; и Черемшанский. *Описание Оренбургской губернии*. Уфа, 1859 г.

ския племена получили свою первоначальную цивилизацию не от славян. Но откуда же она взялась? Была ли она получена от какой-нибудь другой расы или развилась в них самих? На эти вопросы я теперь не смею отвечать; но надеюсь, что после дальнейших путешествий и исследований я буду в состоянии бросить некоторый свет на этот предмет.

Один позитивный поэт – или, лучше сказать, позитивист, писавший стихи, – сочинил однажды воззвание к прекрасному полу, начинавшееся, если только память не изменяет мне, такими словами:

«Pourquoi, o femmes, restez-vous en arrière?»*

С этим вопросом можно бы обратиться и к женщинам этих финских деревень. Подобно своим сёстрам во Франции, оне гораздо консервативнее мужчин и гораздо упорнее сопротивляются русскому влиянию. С другой стороны, как женщины вообще, начав меняться, они меняются гораздо быстрее. Это заметно в особенности в costume, имеющем гораздо более значения, чем вообще предполагают учёные этнологи. Мужчины постепенно принимают русскую одежду; женщины же принимают её сразу. Стоит только одной женщине сделать себе яркий русский наряд, чтобы все остальные женщины в деревне почувствовали зависть и старались бы сшить себе также русские наряды. Я помню, как мне однажды случилось приехать в деревню как раз во время такого критического момента. Перед тем, проезжая по деревням, я тщетно пытался купить женский наряд, и тут я снова сделал попытку. На этот раз результат оказался совершенно иной. Через несколько минут после того, как я высказал своё желание приобрести костюм, дом, в котором я остановился, был осаждён целой толпой женщин с разными принадлежностями женского туалета в руках. Я вышел в толпу, чтобы сделать выбор; но желание приобрести покупателя было так велико, что меня бук-

---

* Почему, о женщины, вы так отстаёте? (франц.)

важно стиснули. Женщины кричали: «купи! купи!», дрались между собою, чтобы пробраться ко мне, и приставали не меньше толпы итальянских нищих, так что мне пришлось, наконец, скрыться в дом, чтобы не дать разорвать своё платье в клочки. Но и тут я ещё не был в безопасности, потому что женщины преследовали меня по пятам, и чтобы избавиться от нашествия, пришлось прибегнуть к добродушному насилию.

В особенности интересно наблюдать это изменение национальности в сфере религиозных понятий. Финны оставались язычниками ещё долго после того, как русские стали христианами; в настоящее же время все население, от восточной границы Финляндии до Уральскаго хребта, официально считается исповедующим православную веру. Способ, каким образом это изменение религии совершилось, достоин внимания.

Старинная религия финских племён, насколько мы можем судить по оставшимся отрывкам, носила на себе, как и сам народ, вполне практический, прозаический характер. Их теология состояла не из абстрактных догматов, но только из простых предписаний для обеспечения материального благосостояния. Даже и теперь в местностях не совсем обрусевших молитвы их представляют не что иное, как просьбы о хорошем урожае, о размножении скота и т. п., и произносятся оне тоном детской простоты, непривычным для нашего слуха. Они вовсе и не пытаются высказывать желания свои с мистической торжественностью, но просят просто и прямо, чтобы Бог помог вызреть грече и счастливо телиться корове, чтобы Он сохранял лошадей их от кражи и чтобы Он помог им приобрести денег на уплату податей. Их религиозныя церемонии, насколько я мог узнать, не имеют тайнаго, мистическаго значения, а выражаются по большей части магическими обрядами для отстранения влияния злых духов или для освобождения себя от незваных посещений умерших

родственников. Ради последней причины многие из финнов, даже официально считающиеся христианами, отправляются в известное время на кладбища, кладут множество приготовленных кушаньев на надгробные плиты своих недавно умерших родственников и просят усопших принять эту еду и не возвращаться в свои старые дома, где присутствие их вовсе не желательно. Хотя пища съедается ночью деревенскими собаками, а не голодными привидениями, но этот обычай, по всеобщему мнению, может удержать усопших от ночных странствований и пуганий живых. Если правда, как я склонен верить, что первоначально надгробные плиты накладывались для того, чтобы удержать покойников в могилах, то нельзя не согласиться, что финский способ удерживать усопших гуманнее способа других племён. Может быть у финнов в их первоначальной родине – «dans le berceau de la race»*, как говорят французские этнологи, – камни были трудно добываемы, и к обычаю кормления усопших пришлось прибегнуть как к исходному средству. Решение этого вопроса надо предоставить тем, кто с большею достоверностью знает, где была первоначальная родина финнов.

Мирные столкновения финской расы с русской естественно вели к любопытному смешению двух религий. Русские переняли много обычаев от финнов, а финны переняли ещё больше от русских. Когда Юмала и другие финские боги не исполняют того, что от них просят, то их поклонники, естественно, обращаются к Божией Матери и к «русскому Богу» и просят покровительства или помощи от них. Если их традиционные магические обряды оказываются недостаточными для устранения дурного влияния, то они естественно пробуют осенить себя крестным знаменем, как осеняют себя русские в минуту опасности. Всё это кажется странным нам, учившим ещё с детства, что религия совсем не то, что заклинанья, чары и колдов-

---

* В колыбели гонки (франц.)

ство, и что из всех различных религий в мире есть только одна истинная, а другия все ложныя. Но мы должны помнить, что финны воспитывались совершенно иначе. Они не отличают религию от волшебных обрядов, и их никогда не учили, что другия религии менее истинны, чем их религия. Они считают лучшей ту религию, которая обладает более действительными заклинаньями, и не усматривают причин, почему бы не прибавить этих заклинаний к менее сильной религии. Боги их не ревнивы и вовсе не требуют монополии поклонения; и, во всяком случае, не могут сильно повредить тем, кто отдал себя под покровительство более сильного божества.

Такой первобытный образ мыслей производит часто странное смешение христианства и язычества. Таким образом, например, чувашские крестьяне во время жатвы молятся сначала своим богам, а потом святому чудотворцу Николаю, любимому святому русских крестьян. Это двойное поклонение нередко поощряется йомзами, – класс людей, соответствующий врачам краснокожих индейцев, – и в таких случаях молитвы возносятся в высшей степени запросто. Вот образец, приведенный г. Золотницким, занимавшимся языком и обычаями этого интереснаго народа: «Смотри же ты Микола-Бог! Может быть, сосед мой Максимка что-нибудь наговорил тебе на меня или станет ябедничать, так ты его не слушай: я ему ничего худого не сделал и зла не желаю; сам он негодяй, хвастун и коштан (кляузник); он тебя не почитает, а только лицемерит, а я, вот, тебе от души свечу поставил»*. Иногда встречаются случаи ещё более поразительнаго смешения обеих религий. Так, один черемис, выздоровевший после тяжкой болезни, принёс в жертву «Казанской Божьей Матери» жеребёнка!

Хотя финския верования перешли в некоторой степени в русское крестьянство, но русская вера взяла перевес. Помимо несомненнаго превосходства христианства над

---

* Золотницкий. Чувашско-русский словарь, стр. 167.

всякими языческими религиями, это легко объясняется ещё и тем, что у финнов нет организованного духовенства, и потому они никогда не оказывают систематического сопротивления новой вере; у русских же, напротив того, есть правильная иерархия, тесно связанная с гражданской администрацией. В больших сёлах выстроены христианские церкви, и некоторые из полицейских чиновников наперерыв с духовенством стараются обращать народ. Кроме того, в этом же направлении действовали другия влияния. Если русский станет исповедывать финские предрассудки, он подвергнется неприятным последствиям в этой жизни, если же, напротив того, финн примет христианство, земные последствия такого обращения принесут ему выгоду. Многие из финнов совершенно безсознательно делались христианами. Духовные власти были чрезвычайно к ним снисходительны. Они нисколько не настаивали на религиозных познаниях и только требовали, чтобы они приняли крещение. Так как обращенные не могли понять духовного значения обряда, то обыкновенно не сопротивлялись, в особенности если крещение совершалось летом. Если им за крещение дают небольшое вознаграждение, то они готовы повторять этот обряд несколько раз. Главное возражение к принятию христианской религии заключалось в продолжительных и строгих постах, предписываемых греческою православною церковью; но это затруднение было обойдено уверенностью, что их можно не строго исполнять. Сначала в некоторых местностях явилось поверье, что иконы сообщали русским священникам о тех, кто не соблюдал постов; но опыт постепенно опровергнул эту теорию. Однако же более осторожные из обращенных все-таки из предосторожности повертывали икону лицом к стене, когда подавалась запрещенная еда.

Это постепенное обращение финских племен произошло без всякаго умственного переворота в головах обращенных, но привело к весьма важным последствиям.

Общность религии дала возможность соединяться браками с русскими, а браки весьма быстро привели к слиянию двух рас.

Если сравнить финскую деревню в какой бы то ни было степени обрусения с татарской деревней, обитатели которой магометане, то нельзя не поразиться контрастом. В татарской деревне, несмотря на присутствие многих русских, нет слияния двух рас. Религия поставила между ними непреодолимую преграду. В восточных и северо-восточных губерниях европейской России есть множество деревень в продолжение нескольких поколений полутатарских, полурусских, и слияние двух национальностей ещё до сих пор не началось. С одного конца стоит церковь, а с другого – мечеть. А все это составляет одну общину, с одной сельской сходкой и одним старостой; в общественном же смысле в нем два различных общества, с различными обычаями и различным образом жизни. Татарин может выучиться говорить по-русски, но вследствие этого не обрусееет. Не следует, однако же, предполагать, что обе расы питают друг к другу фанатическую ненависть. Напротив того, оне живут в полном согласии, выбирают в старосты иногда руссаго, иногда татарина и обсуждают общинныя дела на сельских сходках, не касаясь дел религии. Я знаю одно село, где обоюдное согласие доходило до того, что когда христиане задумали чинить свою церковь, то магометане помогали им возить для этого лес. Все это доказывает, что при мало-мальски сносном управлении, которое не оказывает предпочтения одной расе в ущерб другой, магометане-татары и христиане-славяне могут мирно жить друг с другом.

Отсутствие фанатизма и того прозелитскаго рвення, которое является главным источником религиозной ненависти, можно объяснить особенными взглядами этих крестьян на религию. По их понятиям религия и национальность до такой степени тесно связаны, что почти со-

впадают. Русский, так сказать, по рождению христианин, а татарин – магометанин, и в этих деревнях никому в голову не приходит нарушить такой закон природы. У меня был однажды любопытный разговор об этом предмете с русским крестьянином, жившим некоторое время между татарами. На мой вопрос, что за народ татары, он лаконически отвечал, – «Ничего». Когда же я просил объясниться поопределеннее, он сказал, что народ хороший.

– А что у них за вера? – продолжал я.

– Вера хорошая, – быстро отвечал он.

– Лучше молоканской веры?

– Конечно лучше молоканской веры.

– Право, – воскликнул я, стараясь скрыть своё удивление при таком странном суждении. – Разве молokane дурной народ?

– Ничуть. Молокане народ хороший и честный.

– Так отчего же вы считаете веру их хуже магометанской?

– Да как вам сказать? – Крестьянин тут остановился, как бы собираясь с мыслями, и потом тихо продолжал. – Вот видите, татары получили религию свою от Бога, как получили и цвет кожи, а молokane русские и сами выдумали свою веру!

Этот странный ответ вряд ли требует объяснения. Как было бы безразсудно пытаться переменить цвет кожи татар, так же безразсудно требовать, чтобы они переменяли свою религию. Кроме того, такая попытка была бы неизвинительным вмешательством в определение Провидения, так как, по мнению крестьян, Господь даровал магометанство татарам точно также, как даровал православную веру русским.

Духовныя власти формально не придерживаются этой оригинальной теории, но всегда действуют сообразно с нею. Между магометанскими подданными России мало официальной пропаганды, что очень хорошо, так как энер-

гическая пропаганда привела бы только к возбуждению существующей и глубоко таящейся в характере обеих рас вражды и действительно никого бы не обратила. Татары не могут принять христианство безсознательно, как приняли его финны. Их религия не есть грубое, простое идолопоклонство, без теологии в схоластическом смысле слова, но есть учение о едином Боге, такое же исключительное, как и христианство. Начните говорить с умным человеком, не имеющем понятия ни о какой более высокой религии, чем грубое язычество, и если вы хорошо его знаете и умеете извлечь пользу из этого знания, то вы непременно заинтересуете его трогательной историей и учением Христа. А в неиспорченных софизмом душах от интереса и симпатии до обращения только один шаг. Испытайте тот же самый метод с магометанином, и вы скоро увидите, что все ваши попытки бесплодны. У него есть и теология, и свой пророк, и он не видит причины менять их на то, что вы предлагаете. Может быть, даже он более или менее откровенно покажет вам, что жалеет вас за ваше невежество, и удивится, что вы не могли двинуться вперёд от христианства к магометанству. По его мнению, – я предполагаю, что он человек образованный, – Моисей и Христос были великими пророками в своё время, и вследствие этого он привык чтить их память; но он глубоко убеждён, что если они соответствовали своему времени, то все-таки Магомет опередил их, как по нашему мнению христианство опередило иудейство. Гордясь своими познаниями, он будет считать вас непрозревшим многобожником и, может быть, даже скажет вам, что у тех православных христиан, с которыми он сталкивался, – три бога и ещё много богов, называемых святыми, что они поклоняются иконам и что праздники свои они празднуют тем, что напиваются. Тщетно будете вы объяснять ему, что святые и иконы не есть главная сущность христианства и что привычка напиваться не имеет религиозного значения. В этих пунктах

он, может быть, ещё уступит вам, но учение о Троице всегда останется для него роковым камнем преткновения. «У вас, христиан, явился великий пророк, – скажет он вам, – но вы обоготворили его, и теперь вы объявляете, что он равен Аллаху. Мы далеки от этого. Есть только один Бог и Магомет его пророк».

Правительство не всегда держалось религиозного невмешательства. Вскоре после завоевания Казанского ханства, в шестнадцатом столетии, Московские цари пытались обратить новых подданных из магометанства в христианство. Средства употреблялись при этом частью духовныя, частью административныя; но полицейская власть, по видимому, играла более важную роль, чем духовенство. Таким образом было крещено известное число татар; но властям пришлось сознаться, что вновь обращённые «безстыдно держат многие скверные татарские обычаи, а христианской веры не держат и не навыкают». Когда духовныя убеждения не действовали, правительство приказало своим чиновникам: «чтобы тех новокрещён, которые не станут слушать поучения митрополита и не будут крепко держать христианской веры, смирать, сажать в тюрьму, в железа и цепи, и таким образом от татарской веры отучить и отстращать». Эти энергические меры оказались также недействительными, как и увещания; и Екатерина II приняла новый метод, в высшей степени характеристичный для ея системы администрации. От новообращённых, – которые не умели ни читать, ни писать, – повелено было императорским указом отобрать письменное обещание, чтобы они «всемерно оставили свои иноверческие заблуждения и чтоб не имели с некрещёнными никакого сообщения и удалились от них, а содержали бы твёрдо и непоколебимо христианскую веру и ея догматы»*, – о которых, надо прибавить, они не имели ни малейшаго понятия. Детская вера в магическое действие гербовой бумаги тут

---

* Указ Казанской духовной консистории 1778 года.

не оправдалась. Так называемые «крещённые татары» и поныне далеки от христианства, как были в шестнадцатом столетии. Они не могут открыто исповедывать магометанство, так как люди, когда-либо официально принятые национальной церковью, не могут выйти из нея, не подвергая себя строгой ответственности и наказанию по уголовному закону; но, тем не менее, они положительно отказываются от христианства. По этому поводу я нашёл замечательную полуофициальную статью в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1872 год. Автор находит удивительным, что «длинный ряд явных отпадений крещёных татар в магометанство совпадает с началом духовных мер, принятых к утверждению их в христианстве. Была, следовательно, какая-то сторонняя причина, вызвавшая эти отпадения в такое именно время, когда всего естественнее было бы ожидать противного». Наивность, с какой указывается на этот факт, восхитительна. Таинственную причину, смутно указанную, найти не трудно. До тех пор, пока правительство требовало только, чтобы предполагаемые обращённые значились христианами в официальных списках, официальных отпадений не происходило; но лишь только начались активные меры для утверждения обращённых, в мусульманском населении проявился дух враждебности и фанатизма и заставил людей, записанных христианами, возстать против пропаганды.

Можно положительно сказать, что христиане не поддадутся исламу и точно также настоящие мусульмане — христианству; но между теми и другими живут племена, или части племён, представляющая плодородное поле для миссионерской деятельности. На этом поприще татары выказывают гораздо больше деятельности, чем русские, и пользуются преимуществом перед своими соперниками. Племена на северо-востоке России гораздо легче выучиваются по-татарски, чем по-русски, и по своему географическому положению и образу жизни они гораздо менее

соприкасаются с русскими, чем с татарами. Вследствие этого целыя деревни черемисов и вотяков, официально принадлежащих к греческой православной церкви, открыто объявили себя магометанами; и самыя замечательныя обращения увековечиваются народными песнями, которыя распеваются и старым и малым. Против такой пропаганды православныя духовныя власти действовали очень мало или совсем не действовали. Хотя закон строго относится к лицам, отпадающим от православной церкви, и ещё строже к совратителям*, но он редко приводится в исполнение. Как духовныя, так и светскія власти православной церкви вообще очень терпимы там, где дело не касается политических вопросов. Приходскіе священники обращают внимание на отпадение, только если вследствие этого убавляются их доходы, что очень легко обойти отпадающим, внося небольшую ежегодную дань. Если эта мера предосторожности принята, то целыя деревни могут быть обращены в ислам, и высшее духовенство и знать об этом не будет.

Будет ли когда-нибудь обойдена образованием преграда, разделяющая христиан и мусульман в России и в других местах, — я не решаюсь предсказывать, но могу заметить, что до сих пор распространение образования между татарами скорее возбуждало в них фанатизм. Если мы припомним, что теологическое образование всегда поражает нетерпимость и что татарское образование исключительно теологическое, то нисколько не удивимся, что вообще религиозный фанатизм татарина всегда соответствует степени его умственного развития. Неграмотный татарин, не испорченный так называемой учёностью и знающий свою религию лишь настолько, чтобы исполнять простыя предписания пророка, относится мирно, добродушно и гостеприимно ко всем; но учёный татарин, которому насаждали, что христианин «*кяфир*» (неверный) и

---

* Уложение о наказаниях, § 184.

мюширик (многобожник), презираем Аллахом и осуждён на вечное наказание, так же нетерпим и фанатичен, как большая часть изуверов римских католиков и кальвинистов. Такие фанатики иногда встречаются в восточных губерниях, но их очень немного, и они мало влияют на массу. Из своего собственного опыта я могу засвидетельствовать, что в продолжение всех своих странствований я не встречал такого добродушного и гостеприимного приёма, как у необразованных мусульманских башкир. И тут ислам явился сильной преградой против обрусения.

Хотя у языческих финских племён такой преграды не существует, но дело обрусения, как я уже говорил, и по отношению к ним далеко не окончено. Не только целых деревень, но даже целых уездов не коснулось русское влияние. Это частью можно объяснить географическими условиями. В местностях с тощей почвой и не перерезанных судоходными реками русских поселенцев или мало, или вовсе нет, и вследствие этого финны сохранили там в неприкосновенности свой язык и свои обычаи; тогда как в местностях, представляющих более удобств для колонизации, русское население многочисленнее и финны не так отстали. Надо, однако же, сознаться, что географические условия не вполне объясняют эти факты. Различныя племена, поставленные в совершенно одинаковыя условия, неодинаково восприимчивы к чужому влиянию. Мордва, например, гораздо менее консервативна, чем чувашаи. Это я часто замечал, и мои впечатления были подтверждены людьми, имевшими более случаев для наблюдения. В настоящее время мы можем приписать это каким-нибудь известным этнологическим особенностям, но будущия исследования когда-нибудь дадут более удовлетворительное объяснение. Наблюдения, сделанныя мною, по-видимому, бросают некоторый свет на этот предмет. У чувашей сохранились некоторые обычаи, по-видимому указывающие, что прежде они если не были магометанами, то, во всяком

случае, находились под влиянием ислама, в то время как мы не имеем никаких причин предполагать, что мордва когда-либо прошла через эту школу.

Отсутствие религиозного фанатизма очень облегчила русскую колонизацию в северной полосе, и в особенности ему способствовало миролюбивое настроение русского крестьянина. Русский крестьянин точно создан для мирной, земледельческой колонизации. Среди нецивилизованных племён он добродушен, вынослив, миролюбив, способен терпеть крайний недостаток и отлично умеет принаравливаться к обстоятельствам. У него в характере вовсе нет высокомерного сознания личного и национального превосходства и непреодолимого стремления к господству, которое часто превращает преклоняющихся перед законом, свободолюбивых британцев в жестоких тиранов, когда они приходят в соприкосновение с более слабой расой. У него нет желания управлять, и он вовсе не хочет обратить туземцев в дровосеков и водовозов. Он желает только получить несколько десятин земли, которых он мог бы сам обрабатывать; и, пока он может спокойно работать, он не станет тревожить своих соседей. Будь поселена на финской земле англо-саксонская раса, она, вероятно, уже завладела бы землёю и обратила бы туземцев в земледельческих рабочих. Русские поселенцы удовлетворились самым скромным и самым безобидным образом действий; они мирно поселились между туземным населением и очень быстро слились с ним. Во многих уездах в жилах так называемых русских течёт, может быть, более финской, чем славянской крови.

Меня, однако же, могут спросить, какое все это имеет отношение к вышеупомянутым переселениям народов в далёкия времена? Больше, чем можно предположить с первого взгляда. Некоторые из так называемых переселений были вовсе не переселениями в обыкновенном смысле слова, а скорее постепенными переходами, вроде кото-

рых происходили и происходят теперь в северной России. Ярославская губерния тысячу лет тому назад была населена финнами, а теперь в ней живёт народ, вообще считающийся самыми чистыми славянами. Совершенно ошибочно было бы предполагать, что финны переселились из этой местности в более отдалённые губернии, где они находятся до сих пор. В действительности, они прежде занимали всю северную полосу России, и в Ярославской губернии они были поглощены двигавшимися славянами. На западе славяне, можно сказать, в некотором роде отступили, так как в прежние времена они занимали всю северную Германию до самой Эльбы. Но что в настоящем случае означает слово «отступить»? Оно означает просто, что славяне постепенно онемечились и затем были поглощены тевтонской расой. Некоторые племена, действительно, прошли часть Европы, как кочующие племена, и, может быть, пытались изгнать или уничтожить настоящих владельцев земли. Этот род переселения точно также можно изучить в России. Но предмета этого я коснусь тогда, когда речь пойдёт о южных губерниях.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГОРОДА И ТОРГОВОЕ СОСЛОВИЕ

Новгород. — Общий характер русских городов. — Общество в русских городах. — Почему городской элемент в России так незначителен. — История русских городских учреждений. — Безуспешные попытки создать среднее сословие. — Купцы, мещане и ремесленники. — Городская дума. — Богатый купец. — Его дом. — Его склонность к тщеславию. — Его понятие об аристократизме. — Ордена. — Невежество и нечестность торгового сословия. — Признаки перемены

Деревенская жизнь в России довольно приятна летом и зимою, но между летом и зимою есть промежуточный период в несколько недель, когда дождь и грязь обращают деревенский дом в нечто вроде тюрьмы. Чтобы избегнуть такого заключения, я решил уехать из Ивановки в начале октября и избрал Новгород своей главной квартирой на несколько следующих месяцев.

Для выбора Новгорода у меня было несколько причин. В Петербург или Москву ехать я не хотел, потому что предвидел, что в обоих этих городах я встречу помеху своим занятиям. В провинциальном же городе я буду иметь гораздо более возможности сталкиваться с людьми, которые не говорят свободно на каком-нибудь западном языке, и, кроме того, мне представится более случаев изучить губернскую администрацию. Из всех больших городов Новгород был ближайшим, и он во многих отношениях интереснее других. Он имеет свою историю, более древнюю, чем история Петербурга или даже Москвы, и до сих пор в нем сохрани-

лись почтенные исторические памятники. Хотя теперь он спустился до города третьего разряда, стал просто тенью своего прежнего величия, но все-таки он имеет ещё 18 тысяч жителей, и в нем находится центральное управление губернии, названной его именем.

Вёрст за сто двадцать от Петербурга московская железная дорога пересекает Волхов, быструю, грязную реку, соединяющую Ильменское озеро с Ладожским. В этом пункте пересечения я сел на небольшой пароход и проехал по реке вёрст семьдесят. Переезд этот был скучный, так как берега плоски и однообразны и пароход делал не более девяти узлов (15 вёрст) в час. К закату солнца на горизонте показался Новгород. В сумерках город кажется положительно живописным. На западном берегу реки стоит кремль, слегка возвышенное место, окружённое высокой кирпичной стеной, из-за которой выглядывают острые куполы собора. На противоположном берегу лежит большая часть города, вид которого приятно разнообразят зелёные крыши и грушевидные куполы нескольких церквей. Там и сям виднеется кое-какая зелень, указывая на существование садов. Через реку, между кремлём и главным городом, перекинут длинный каменный мост, в то время полузакрытый высоким временным деревянным мостом, исправлявшим обязанность старого моста. Многие утверждали, что временный мост сделается постоянным, потому что он доставлял порядочный доход чиновникам, на обязанности которых лежал его ремонт; но не знаю, осуществилось ли это безжалостное предсказание.

Лица, желающие наслаждаться впечатлением при виде декораций, никогда не должны ходить за кулисы. Точно также тот, кто желает сохранить иллюзию, что русские города живописны, никогда не должен входить в них, а довольствоваться зрелищем их издали. Прогулка по улицам неизбежно уничтожает всякую иллюзию и вполне доказывает, что неправильность при неопрятности никак не может быть, безусловно, живописной.

Как ни величественны русские города издали, при ближайшем рассмотрении обыкновенно оказывается, что они не более как видоизмененные деревни. Если они не имеют положительно сельского вида, то, во всяком случае, походят на предместья. Улицы широки и прямы и плохо вымощены или совсем не вымощены. Тротуары не считаются необходимостью. Дома или деревянные, или каменные, но большей частью одноэтажные и отделяются один от другого большими дворами. Многие из них даже не снисходят до того, чтобы повернуться фасадами на улицу. Вид города вообще производит впечатление, что большинство граждан приехало из деревень и привезло с собой свои дома. Лавок с товарами, красиво уложенными в окне для соблазна прохожих, очень мало или вовсе нет. Если вы вздумаете купить себе что-нибудь, то должны отправиться в гостиный двор, который состоит из длинного ряда симметрических, низеньких, полумрачных лавок с колоннадой спереди. В этом месте по преимуществу собираются купцы, но тут не видно ни того движения, ни той деятельности, которая мы привыкли соединять с торговой жизнью. Лавочники стоят у своих дверей или прогуливаются около лавок в ожидании покупателей. Судя по незначительному числу последних, можно сказать, что если совершается продажа, то, должно быть, берётся громаднейший процент. В других частях города вид уединения и запустения поражает ещё более. На большой площади или около бульвара, – если по счастью в городе таковой окажется, – коровы или лошади спокойно пасутся, нисколько не стесняясь странностью своего присутствия. Да, впрочем, чего же бы оне стеснялись, когда этим не смущается ни полиция, ни жители. Ночью улицы вовсе не освещаются или освещаются несколькими масляными лампами, от которых темнота становится ещё заметнее, так что благоразумные граждане, возвращаясь поздно ночью, несут в руках фонари. Несколько лет тому назад один почтенный член думы в Москве возставал против

проекта освещения газом города Москвы и утверждал, что тот, кто желает выходить по ночам из дому, может брать с собой фонарь. Возражение это встретило отпор, и Москва была освещена газовыми фонарями; но очень немногие из губернских городов последовали примеру старой столицы.

Это описание не касается Петербурга и Одессы, которые не могут быть приняты в соображение, так как они носят на себе более иностранный характер. Истые русские города, – а Москву можно включить в число их, – имеют полудеревенский вид или вид таких отдалённых предметов большого города, которые не находятся под властью городского начальства.

Незначительность числа городов в России не менее замечательна, чем их деревенский вид. Я употребляю здесь слово город в народном, а не в официальном его смысле. В официальном отношении город означает кучку домов, имеющих известныя административныя учреждения, и вследствие этого городом иногда называют какую-нибудь жалкую деревушку. Мы оставим поэтому в стороне официальный список городов, а обратимся лучше к статистике народонаселения. По моему мнению, городом не стоит называть то местечко, где нет 10 тысяч жителей. Если держаться этого мнения, то в Европейской России, в тесном смысле слова, – за исключением Финляндии, Остзейских провинций, Литвы, Польши и Кавказа, которые могут называться Россиею в политическом, но не в социальном смысле слова, – всего 127 городов. Из них только в двадцати пяти более 25 тысяч жителей, и в одиннадцати более 50 тысяч жителей*.

Эти факты вполне доказывают, что в России, сравнительно с Западной Европой, городской элемент в населении относительно мал; и это заключение выведено

* Петербург 668 тыс.; Москва 602 тыс.; Одесса 121 тыс.; Кишинев 104 тыс.; Саратов 93 тыс.; Казань 79 тыс.; Киев 71 тыс.; Николаев 68 тыс.; Харьков 60 тыс.; Тула 58 тыс.; Бердичев 52 тыс.

NB. Все эти цифры значительно возросли.

на основании статистических цифр. В России городской элемент составляет только десятую часть всего народонаселения, тогда как в Великобритании более чем половина населения живёт в городах. Серьёзная попытка доискаться до причин этого, конечно, выказала бы какая-нибудь поразительная причина из прошедшей истории и настоящего положения Российской Империи. Такую попытку я делал сам и теперь могу поделиться небольшими результатами моих исследований.

Прежде всего, причина заключается в том, что Россия не так густо населена, как Западная Европа. К востоку у нея никогда не было естественной границы, но всегда шли громадные пространства плодородной, девственной почвы, представляющая соблазнительное поле для переселения; и крестьяне всегда выказывали готовность пользоваться своим географическим положением. Вместо того чтобы улучшать свою первобытную систему земледелия, которая требует громадного пространства и быстро истощает почву, они всегда находили и более удобным, и более выгодным переселяться и захватывать девственную землю к востоку. Вследствие этого территория, — иногда при помощи правительства, а иногда и вопреки его желанию, — постоянно расширялась и достигла, наконец, до Берингова пролива и до северных склонов Гималая. Маленький круг около устья Днепра разросся в громадную империю, в сорок раз больше Франции, и на всем этом страшном пространстве всего 80 миллионов жителей. Как ни плодovitа русская раса, но ея сила размножения не могла бороться с силою территориального расширения, и вследствие этого страна мало населена. В Европейской России, взятой целиком, народонаселения приходится всего по 14 человек на квадратную версту, в то время как в Великобритании на такое же пространство приходится по 114 душ. Даже в самых населённых местностях северной части чернозёмной полосы приходится всего по сорока человек на квадрат-

ную версту. Народ, имеющий столько земли и возможность существовать земледелием, нелегко посвящает себя промышленности и неохотно переселяется в города.

Вторая причина, мешавшая образованию городов, заключалась в рабстве. Крепостничество и связанная с нею административная система сковывали естественное движение населения. Дворяне обыкновенно жили в своих поместьях и обучали нескольких человек крепостных делать для них почти все, что им было нужно; а крестьяне, которые желали бы поселиться в городе как ремесленники, не могли делать этого потому, что были прикреплены к почве. Это-то и создало те любопытные сельские промышленности, о которых я уже говорил.

Малочисленность русских городов частью объясняется этими двумя причинами. Обилие земли мешало развитию промышленности, а незначительность промышленности не давала ей скопляться в городах. Но это объяснение очевидно не полно. Те же самые причины существовали в средние века в центральной Европе, но, несмотря на это, города разцветали и играли важную роль в социальной и политической истории Германии. В этих городах собирались купцы и ремесленники и образовывали отдельный класс, отличавшийся от дворян, с одной стороны, и от окружавшего крестьянства – с другой особыми занятиями, особенными целями, особенной интеллектуальной внешностью и особенным нравственным кодексом. Почему же, несмотря на обе вышеупомянутые причины, в России не создались такие значительные города и такое ремесленное сословие?

Чтобы вполне разобрать этот вопрос, надо разъяснить некоторые неясные пункты средней истории. Здесь я могу только ограничиться своим личным воззрением.

В центральной Европе во все продолжение средних веков происходила постоянная борьба между различными факторами, из которых состояло общество, и важнейшие города были в некотором роде продуктом этой борьбы. Ка-

ким бы образом города первоначально не образовались, достоверно, что они сохранялись и питались соперничеством между государями, феодальным дворянством и церковью; и лица, желавшие жить торговлей или промышленностью, принуждены были поселяться в них, для того чтобы пользоваться их покровительством и правосудием. В России никогда не было подобной политической борьбы. Лишь только московские великие князья сбросили в XVI столетии татарское иго и сделались царями всей России, власть их сделалась неограниченной и неоспоримой. Царствуя самодержавно, они устраивали страну по своему усмотрению. Сначала политика их была благоприятна развитию городов. Увидав, что торговые и промышленные классы могут быть хорошими источниками дохода, они отделили их от крестьянского сословия, дали им исключительное право торговли, лишили других сословия возможности конкурировать с ними и освободили их от власти помещиков. Если бы они продолжали вести эту политику рациональным путём, они создали бы богатое сословие граждан; но они действовали с чисто восточной близорукостью и уничтожали своё собственное дело. Забывая, при своём желании нажиться, о благосостоянии своих подданных, они налагали страшно тяжелые подати на городское сословие и обращались с городским населением как с рабами. Самые богатые купцы были принуждены служить сборщиками податей часто на далёком расстоянии от своего места жительства*, и ремесленники призывались ежегодно в Москву, чтобы безвозмездно работать на царей. Кроме того, податная система была положительно нехороша, и чиновники местной администрации, не получавшие жалованья и на деле не подвергавшиеся контролю, были безжалостны в своих вымогательствах. Одним словом, цари пользовались своей властью так неразумно и чрезмерно, что промышленное и торговое население, вместо того чтобы искать покрови-

---

* Например, купцы из Ярославля посылались в Астрахань собирать подати.

тельства в городах, бежало из них, чтобы избежать гнёта. Наконец это выселение из городов приняло такие размеры, что для прекращения его стали необходимы административные и законодательные меры, и городское население было закреплено в городах, как сельское было прикреплено к земле. Убегавшие были возвращаемы обратно, как беглые, а те, которые пытались бежать вторично, подвергались наказанию плетьюми и ссылкой в Сибирь.

В начале прошлаго столетия началась новая эра в истории городов и городского населения. Пётр Великий заметил во время путешествия своего по Западной Европе, что народное богатство и благосостояние основывается преимущественно на предприимчивом, образованном среднем сословии, и приписал бедность своего народа отсутствию такого сословия. Нельзя ли создать такое сословие в России? Пётр, не колеблясь, порешил, что можно, и тотчас же принялся создавать его прямым путём. Иностранные ремесленники были привезены в его империю, и иностранные купцы получили приглашение завести торговлю с его подданными; молодые русские были отправлены за границу обучаться полезным ремёслам; были сделаны попытки распространить полезные знания посредством перевода иностранных книг и учреждения школ; всякаго рода торговля поощрялась, и организовались различные промышленныя предприятия. В то же время администрация городов была совершенно преобразована по образцу старых вольных городов Германии. Вместо старой организации, которая была слегка изменённой формой сельской общины, они получили немецкия городския учреждения с бургомистрами, городскими советниками, судами, торговыми гильдиями, цехами для ремесленников и с безконечным списком инструкций, касающихся развития торговли и промышленности, постройки госпиталей, санитарных предосторожностей, учреждения школ, судопроизводства, организации полиции и т. п. вещей.

Екатерина II следовала тому же направлению. Если она сделала менее для развития торговли и промышленности, то она зато сделала более по части законодательства и писания красноречивых манифестов. Изучая историю, она узнала, как сама она говорит в одном из своих манифестов, что с самых отдалённых времён память о строителях городов точно также чтится, как и память о законодателях, и мы видим, что даже герои, прославившиеся своими победами, надеялись постройкою городов обезсмертить своё имя. Так как главной целью её жизни было обеспечить за своим именем бессмертие, то она действовала по историческим примерам и создала 216 городов в короткий двадцатитрёхлетний промежуток. Это, по-видимому, было великим делом, но оно не удовлетворило её честолюбия. Она не только изучала историю, но в то же время была горячей поклонницей модной политической философии своего времени. Эта философия обращала большое внимание на третье сословие (*tiers-état*), которое приобретало тогда во Франции большое политическое значение, и Екатерина предполагала, что, создав дворянство по образцу французского, она может создать и буржуазию. Для этого она изменила городскую организацию, созданную её великим предшественником, и даровала всем городам императорскую хартию. Эта хартия оставалась без существенных изменений до начала нынешняго царствования.

Старания создать богатое, развитое третье сословие не имели большого успеха. Их влияние замечалось всегда более в официальных бумагах, чем в действительной жизни. Большая часть населения оставалась рабами, прикреплёнными к земле, в то время как дворяне, — то есть все те, которые имели какое-нибудь образование, — брались в военную и гражданскую службу. Лица, посылаемые за границу учиться полезным ремёслам, выучивались мало и мало извлекали пользы из приобретённых знаний. Возвращаясь на родину, они весьма скоро делались жертва-

ми снотворного влияния окружавшей их среды. Постройка городов имела мало практических результатов. Легко было создать известное число городов в официальном смысле слова. Для преобразования деревни в город нужно было только приготовить избу или дом для уездного суда, другое помещение для полицейского управления, третье для тюрьмы и так далее. В назначенный день губернский чиновник приезжал из губернского города, собирал чиновников, назначенных на службу в новопостроенных или в приготовленных присутственных местах, приказывал священнику отслужить молебствие, делал распоряжение о написании акта и затем объявлял город «открытым». Для этого требовалось очень мало творческой силы, но не так легко было создать в населении дух торговых и промышленных предприятий. Этого нельзя было сделать императорским указом.

Точно также было трудно воодушевить новосозданные городские учреждения, не выросшие из традиций и обычаев народа. На Западе эти учреждения образовались постепенно в продолжение веков в силу действительных, глубоко прочувствованных практических потребностей. В России же они были приняты с целью создать потребности, которых ещё не чувствовались. Пусть читатель представит себе английское министерство торговли раздающим владельцам рыбацких лодок точные предписания, касающиеся трактатов навигации, и подробные инструкции о выветривании корабельных кают, и тогда он будет иметь понятие, какое впечатление производило законодательство Петра на города. Должностные лица, назначенные против воли, совершенно терялись от такой сложной процедуры и не понимали массы указов, которыми им предписывались их различные обязанности, и грозились самым беспощадным наказанием в случае неповиновения или невнимания. Но вскоре стало известно, что угрозы вовсе не были так страшны, как сначала казались, и все городские власти, обязан-

няя защищать и просвещать граждан, «забыли страх перед Богом и Царём» и стали притеснять граждан так безсовестно, что оказалось необходимым поставить их под надзор правительственных чиновников.

Главный результат попыток Петра и Екатерины создать буржуазию выразился в том, что жители городов были разделены более систематично на категории для взимания податей и что подати были увеличены. Все те части новой администрации, которая прямо не относились к фискальным интересам правительства, не имели внутренней жизни или самостоятельной деятельности. Дело в том, что система, насильно навязанная народу, не имела никакой побудительной силы, кроме императорской воли. Если бы не было этой побудительной силы и гражданам предоставили самим управлять своими городскими делами, то система эта немедленно бы распалась. Думы, бургомистры, гильдии, советники и все остальные безжизненные призраки, вызванные к жизни императорским указом, в один миг превратились бы в ничто. Этот факт представляет нам одну из самых характеристичных черт русского исторического развития в сравнении с развитием Западной Европы. На Западе монархии приходилось бороться с городскими учреждениями, чтобы не дать им сделаться слишком могущественными; в России же монархии пришлось бороться с ними, чтобы не допустить их до самоубийства или до смерти от истощения.

По законодательству Екатерины, сохранившему силу до настоящего царствования и до сих пор существующему в главных пунктах, города бывают трёх родов: 1) губернские города, то есть главные города губерний, в которых сосредоточены различные присутственные места губернской администрации; 2) уездные города, где находится администрация уездов, на которых губерния разделена, и 3) заштатные города, не имеющие особенного значения в территориальной администрации.

Во всех этих городах городское управление одинаково. Оставляя в стороне всех лиц, живущих в городе и в сущности принадлежащих к дворянству, духовенству или мелкому чиновничеству, мы можем сказать, что городское население состоит из трёх групп: из купцов, из граждан в более тесном смысле слова, то есть из мещан, и из цеховых. Эти категории не наследственные сословия, как дворянство, духовенство и крестьянство. Дворянин может сделаться купцом, или человек один год может быть мещанином, другой год цеховым, а третий год купцом, если он меняет свои занятия и платит известные подати. Но в данную минуту категории образуют отдельные корпорации, каждую с своей организацией, своими привилегиями и обязанностями.

Из этих трёх категорий первое место занимает купечество. Оно составляется преимущественно из мещан и крестьян. Всякий, желающий заниматься торговлей, должен записаться в одну из трёх гильдий сообразно сумме его капитала и характеру операций, к которым он хочет приступить, и лишь только он внёс необходимую плату, он официально становится купцом. А как только он перестаёт вносить плату, он перестаёт быть купцом в законном смысле слова и возвращается к тому сословию, к которому первоначально принадлежал. Есть несколько семейств, члены которых в продолжение многих поколений принадлежали к купеческому сословию, и закон говорит о какой-то бархатной книге, в которую должны быть вписаны их имена; но в действительности они не составляют отдельного сословия и лишаются своего привилегированного положения, лишь только перестают платить гильдию.

Ремесленники составляют связующее звено между городским населением и крестьянами, так как крестьяне часто записываются в торговые сословия или цехи, не прерывая своих отношений к сельским общинам, к которым они принадлежат. Каждая промышленность или ремесло

образует цех, во главе которого находится старшина и два помощника, избранные членами; все цехи вместе образуют корпорацию под управлением выбранного ремесленного головы и совета, состоящего из старшин различных цехов. На обязанности этого совета и его председателя лежит заведывание всеми делами цехов и наблюдение за исполнением различных предписаний, касающихся хозяев, подёнщиков и подмастерьев.

Неописанный ещё класс, состоящий из людей, записанных постоянными жителями городов, но не принадлежащих ни к какой гильдии или цеху, носит название мещан. Подобно двум другим сословиям, мещане образуют отдельную корпорацию с старшиной и правлением.

О численном отношении этих трёх классов можно составить себе понятие из следующих цифр. В Европейской России купеческого сословия, включая жён и детей, до 466 тыс. человек, мещан около 4 033 тыс. и ремесленников около 260 тыс.

Соединительным звеном между этими тремя категориями является городская дума, центральное и высшее ведомство городского управления, с городским головой. Несколько лет тому назад дума подверглась совершенному преобразованию в силу новейших теорий городского управления; и теперь все домовладельцы, к какому бы классу общества они не принадлежали, могут принимать участие в делах и служить в думе. Вследствие этого во многих городах городскими головами теперь служат дворяне; но нельзя сказать, чтобы дух учреждения радикально изменился. Очень немногие желают быть выбранными, и выбранные выказывают весьма мало рвения в отправлении своей обязанности. В городской петербургской думе недавно было высказано предложение, для обеспечения присутствия достаточного числа голосов, налагать штраф, взыскание за неявку! Этот факт красноречиво говорит за недостаток жизненной силы этих учреждений. Если такой

случай возможен в столице, то легко себе представить, что делается в провинциальных городах.

Развитие торговли и промышленности, конечно, обогатило торговые классы, но не очень изменило их образ жизни. Несмотря на новые условия, они во многих отношениях консервативны. Разбогатец, русский купец строит себе хороший дом или покупает и отделяет вновь дом какого-нибудь разорившагося дворянина и не жалеет денег на паркет, громадные зеркала, малахитовые столы, рояли лучших мастеров и другую самую дорогую обстановку. Иногда, в особенности по случаю свадьбы или смерти кого-нибудь из семейства, он даёт роскошные обеды и тратит громадные деньги на гигантскую стерлядь, отличную осетрину, заграничные фрукты, шампанское и всякие другие дорогие деликатесы. Но все эти случайные громадные затраты ничуть не нарушают течения его обычной жизни. Войдя в эти богато убранные комнаты, вы тотчас же можете заметить, что весь этот блеск заведён не для ежедневного употребления. Вы увидите строгую симметрию и странную пустоту, несомненно свидетельствующую, что первоначальное устройство мебельщика никогда не изменялось и не пополнялось. Дело в том, что обыкновенно большая часть дома посещается только в торжественных случаях. Хозяин и семья его живут внизу, в маленьких грязных комнатах, меблированных совершенно иначе и более для них подходящим образом. В обыкновенное время парадные комнаты заперты и красивая мебель покрыта чехлами. Если вы вздумаете сделать визит приличия после какого-нибудь бала, на который вы были приглашены, вам нелегко будет попасть в парадную дверь. Вы можете стучать и звонить несколько раз, и к вам, вероятно, придёт кто-нибудь кругом, из заднего крыльца и спросит у вас, что вам угодно. Потом вы опять будете ждать и, наконец, услышите шаги из комнат. Крюк снимется, дверь распахнётся и вас введут в роскошную гостиную. По стене

параллельно с окнами, наверное, стоит диван и перед ним овальный стол. С обеих сторон стола под прямым углом от дивана стоят по три кресла. Другие стулья симметрически разставлены кругом комнаты. Через несколько минут является и хозяин в своём длиннополом двубортном кафтане и ярко вычищенных высоких сапогах. Волоса его прибраны посередине, и к бороде его не прикасалась ни бритва, ни ножницы. После обычных приветствий приносятся в виде прохладительного стаканы с чаем с ломтиками лимона и с вареньем или даже бутылка с шампанским. Вам нечего надеяться видеть женских членов семейства, если только вы не короткий знакомый, так как у купцов осталось ещё нечто от женского затворничества, существовавшего в высших классах допетровских времён. Сам хозяин может быть очень умный, но совершенно необразованный и положительно молчаливый человек. О погоде и урожае он будет говорить довольно бойко, но не выкажет желания идти далее этих предметов. Вы, может быть, хотели бы поговорить с ним о предмете, с которым он наиболее знаком, – о торговле, которой он сам занимается; но если вы попытаетесь, то не много соберёте сведений, и очень может быть, что натолкнётесь на происшествие, случившееся однажды с моим путевым товарищем, русским, посланным двумя учёными обществами для собирания сведений о хлебной торговле. Когда он пришёл к одному купцу, который обещал помочь ему в его изследованиях, он был гостеприимно принят; но когда завёл разговор о хлебной торговле того уезда, купец вдруг перебил его и предложил ему рассказать историю. История была такая.

Однажды у одного богатого помещика был сын, страшно избалованный ребёнок. Раз он говорит своему отцу, что хочет, чтобы все малолетние крепостные пришли к крыльцу петь песни. После некоторых возражений позволение было дано, и ребяташки собралась; но только что они начали петь, как мальчик выскочил и прогнал их.

Когда купец окончил свой, по-видимому, безцельный рассказ, который он рассказывал и долго, и подробно, он остановился, налил на блюдечко чаю, выпил его и потом спросил:

– Что, вы думаете, была за причина такого странного поступка?

Мой приятель отвечал, что не может разгадать такую загадку.

– Хорошо, – сказал купец, с лукавой улыбкой глядя на него, – причины не было, и мальчик только мог сказать: «Пошли вон, я отхотел».

Нельзя было не понять цели рассказа; приятель мой понял намёк и ушёл.

Стремление русского купца к тщеславию совершенно особаго рода: оно не похоже ни на английское snobbery, ни на американский shoddyism. Он может жить в роскошных комнатах, давать богатые обеды, держать рысаков и носить дорогие меха; или может тратить свои богатства, по-царски жертвуя на церкви, монастыри или богоугодные заведения, но при всем этом он никогда не высказывает желания быть не тем, чем он есть. Он обыкновенно носит платье, указывающее на его социальное положение, не пытается приобрести изящные манеры или изысканные вкусы и никогда не добивается чести быть принятым в то, что в России называется «обществом». Не желая казаться иным, чем он есть, он держит себя совершенно свободно, иногда даже с некоторым достоинством, представляющим приятную противоположность с напыщенными манерами тех мелких дворян, которые имеют претензию на высшее образование и стараются принять внешние формы французской культуры. На своих больших обедах, правда, купец любит, чтобы между гостями у него были «генералы», то есть лица официальные, и в особенности генералы с лентами; но он никогда не мечтает стать с ними на короткую ногу или получить от них приглашение. Обе стороны отлично понимают, что ничего подобного быть не может.

Приглашение делается и принимается по совершенно различным мотивам. Купец имеет удовольствие видеть за своим столом людей в чинах и чувствует, что от этого уважение, которым он пользуется между своими, значительно увеличивается. Если ему удаётся пригласить к себе трёх генералов, он этим самым одерживает победу над соперником, у которого было приглашено всего два генерала. Генерал же, с своей стороны, получает превосходный обед, и взамен той чести, которую он оказывает, он приобретает некоторое право обращаться с подпиской на общественные дела или благотворительные учреждения.

Конечно, это право ограничивается безмолвным соглашением, но в некоторых случаях о нем заходит речь. Я знаю один случай, когда было заключено правильное соглашение. Один московский магнат был приглашён купцом на обед и согласился приехать в полной форме, со всеми орденами, на том условии, что купец подпишет известную сумму на богоугодное заведение, которым он особенно интересовался. Говорят, будто подобные условия заключаются иногда не в пользу благотворительных учреждений, но в пользу лица, принимающего приглашение. Я не думаю, чтобы нашлось много официальных лиц, которые согласились бы служить за столом чем-то вроде декорации; но то, что это случается, можно доказать следующим известным мне происшествием. Один богатый купец города Т. пригласил однажды местного губернатора почтить своим присутствием какое-то семейное торжество и прибавил, что он почёл бы за особенную честь, если бы его приглашение приняла губернаторша. Относительно последнего желания его превосходительство сделал несколько возражений и, наконец, дал понять просителю, что его превосходительство не может приехать, потому что у нея нет такого бархатного платья, которое могло бы соперничать с платьями многих приглашённых купеческих жён. Через два дня после этого разговора губернатор получил от неизвестного лица кусок

наилучшего бархата, какой только можно было получить в Москве, и жена его могла, таким образом, присутствовать на празднестве к обоюдному удовольствию обеих сторон.

Замечательно, что купцы не признают иной аристократии, кроме чиновной. Многие купцы охотно дадут рублей полтора за присутствие «действительного статскаго советника», который, может быть, никогда не слыхивал о своих предках, но который может показать ленту; и вместе с тем гроша не дадут за присутствие не увешанного орденами, не чиновнаго князя, хотя бы он мог возвести свою родословную до самага Рюрика. О таком князе они сказали бы: «Кто его знает?» Действительный же статский советник, – кто бы ни были его отец и дед, – пользуется несомненными знаками царской милости, которая, по мнению купца, неизмеримо важнее всяких прав или притязаний, основанных на потомственных титулах или на длинной родословной.

Знаков царской власти купцы добиваются и сами. Конечно, они не мечтают о ленте, – это превосходит их желания, – но употребляют все свои силы, чтобы получить ордена меньшей степени, которые даются купечеству. Для этой цели они всего чаще подписываются на какое-нибудь благотворительное учреждение и иногда заключают формальную сделку. Я знаю один случай, когда таким образом был выговорен известнаго рода орден. Этот случай до такой степени хорошо обрисовывает торговый характер этих сделок, что я решаюсь передать его, как мне передавало его одно официальное лицо. Купец подписал на одно благотворительное общество значительную сумму денег под непременною условием, что взамен этого ему дадут орден св. Владимира. Но вместо желаемаго ордена, который казался слишком значительным для подписанной суммы, ему дали орден Станислава; жертвователю был недоволен этим и просил возвратить ему его деньги. Просьбу его исполнили, и купец получил крест Станислава даром.

Такая торговля орденами, подобно черезчур большому количеству бумажных денег, произвела, конечно, падение их действительной цены. Золотые медали, прежде столь желаемые и носимые с гордостью на красной ленте на шее, теперь уже мало ценятся. Точно также и необыкновенное почтение к официальным лицам значительно уменьшилось. Двадцать лет тому назад провинциальные купцы друг перед другом старались угощать всякого сановника, посещавшего их город, а теперь они скорее избегают такой разорительной и бесполезной чести. Если же они принимают эту честь, то исполняют долг гостеприимства самым щедрым образом. Живя в купеческом доме с одним официальным лицом, я с трудом мог иногда получить что-нибудь попроще стерляди, лососины и шампанского.

На купеческом сословии, по всеобщему мнению, лежат два пятна – его невежество и нечестность. Относительно первого не может быть и спора. Большинство купцов не получило даже первоначального образования. Многие из них не умеют ни читать, ни писать и принуждены считать в уме или же прибегать к необыкновенным иероглифам, понятным только им одним. Другие умеют разбирать календари и святцы, подписать с грехом пополам своё имя, делать простыя арифметическия вычисления с помощью употребительнаго в России небольшого инструмента, называемаго счётами и похожаго на «абака» древних римлян. Только немногие постигли тайну правильного ведения книг, и очень немногие могут претендовать на образованность. Но все-таки в этом отношении заметна перемена к лучшему. Теперь некоторые богатые купцы дают своим детям лучшее образование, какое только можно получить, и некоторые из молодых купцов говорят на одном или двух иностранных языках и могут быть, пожалуй, названы образованными людьми. К несчастью, многие из них отказываются от занятий своих отцов и ищут отличий на другом поприще. Таким образом, торговый класс постоянно теряет лучшие силы.

Относительно же нечестности, как говорят, столь обыкновенной в торговом классе, трудно составить точное суждение. Нет сомнения, что в торговых делах совершается множество нечестных вещей, но надо согласиться, что в подобном вопросе иностранец легко может судить слишком строго. Мы склонны делать сравнения с нашей торговой нравственностью, забывая, что торговля в России только вылупляется из первобытного состояния, при котором совершенно неизвестны определенные цены и умеренные проценты. И натываясь на положительную нечестность, она кажется нам особенно противной, потому что плутовство, при этом употребляемое, более первобытно и неловко, чем то, к которому мы привыкли. Обвешивание и обмеривание, вовсе не редкая в России, скорее приводят нас в негодование, чем те ловкие методы обмана, которые употребляются в Европе и многими считаются законными. Кроме того, иностранцы, отправляющиеся в Россию для спекуляций, нисколько не зная ни характера, ни обычаев, ни языка народа, положительно сами напрашиваются на обман и могут скорее винить себя, а не народ, пользующийся их незнанием и неопытностью. Как все это, так и многое в этом же роде очень могло бы смягчить строгое суждение, обыкновенно произносимое иностранными купцами о русской торговой нравственности; но эти суждения подобными аргументами не изменяются. Нечестность и мошенничество, существующие между купцами, вполне признаются самими купцами. Во всех нравственных вопросах низший класс в России очень снисходителен в своих суждениях и, подобно американцу, склонен восхищаться тем, что по сю сторону океана зовётся «a smart man», хотя эта ловкость часто не лишена нечестности; тем не менее народный класс в России прямо заявляет, что торговый класс безсовестен и нечестен. В России существует народная пьеса, в которой главным действующим лицом является чорт, который надувает всякого сорта людей, но, в конце концов, сам обманут ловким русским

купцом. Когда эту пьесу дают в балаганах в Петербурге, публика обыкновенно бывает довольна ея моралью. Если бы эту пьесу давали в южных городах у берегов Чёрного моря, то её пришлось бы значительно изменить, потому что там, в сравнении с евреями, греками и армянами, русский купец кажется честным. Относительно греков и армян трудно сказать, которой из двух национальностей отдать пальму первенства; но, по-видимому, сыны Израиля превзошли и тех и других. «Как ведут дела евреи, – говорил мне один русский купец в тех местах, – я понять не могу. Они скупают пшеницу по деревням по 11 рублей за четверть, перевозят на свой счёт на берег и продают её поставщикам по 10 рублей! И при этом имеют барыш! Говорят, что русский купец хитёр, но тут наш брат ничего не поделает».

Если могу вообще высказать мнение относительно русской торговой нравственности, то я сказал бы, что торговля в России ведётся почти на основании тех же принципов, как в Англии торговля лошадьми. Человек, желающий купить или продать, должен полагаться на своё собственное знание и ловкость, и в случае неудачной сделки или обмана он должен винить себя. Английские коммерсанты, приезжая в Россию, редко понимают это, и если знают в теории, то часто, вследствие своего незнания языка, законов и обычаев народа, не могут применить свои теоретические познания. Вследствие этого они, прежде всего, раздражаются безконечными укоризнами против господствующей безчестности, но мало-помалу, заплатив за опыт, они приспособляются к обстоятельствам, берут большие барыши, чтобы уравновесить неудачные долги, и, если у них есть энергия, природный ум и капитал, они обыкновенно получают хороший барыш. Но старая раса английских купцов быстро вымирает, и я опасуюсь, что подрастающее поколение не будет иметь такого успеха. Времена переменялись. Теперь уже нельзя делать крупныя состояния старым лёгким способом. Условия изменяются с каждым годом, и конкуренция

усиливается. Чтобы предвидеть, понять и извлечь пользу из этих перемен, надо знать страну лучше, чем знает её старая школа, а мне кажется, что молодое поколение знает её ещё менее, чем его предшественники. Если в этом отношении не последует никакой перемены, то надо думать, что немецкие купцы, получающие вообще гораздо лучшее коммерческое образование и гораздо ближе знакомые с своей приёмной родиной, скоро вытеснят своих британских соперников. Говорят, что уже теперь многия отрасли торговли, бывшая прежде в руках англичан, перешли в их руки.

Не следует, однако же, предполагать, что неудовлетворительная организация русского торгового мира есть результат какой-нибудь радикальной особенности русского характера. Всем новым странам приходится переживать подобное положение вещей, но в России уже заметны симптомы, предвещающие перемену к лучшему. В настоящее время, это правда, широкия постройки железных дорог, быстрое развитие банков и ограниченная ответственность компаний открыли новое, широкое поле для всякаго рода торгового обмана; но с другой стороны, теперь в каждом большом городе есть известное число купцов, которые ведут торговлю по западноевропейскому образцу и по опыту знают, что честность есть лучшая политика. Успех таких купцов, без сомнения, заставит многих следовать их примеру. Старый кастовый и рутинный дух, так долго господствовавший в торговом классе, быстро исчезает, и немало дворян меняют теперь деревенскую жизнь и государственную службу на промышленныя и торговыя предприятия. Этим путём образуется зерно богатой, образованной буржуазии, которую Екатерина желала создать законодательством; но нужно ещё много лет, для того чтобы этот класс приобрёл такое социальное и политическое значение, чтобы называться средним сословием. Этот предмет интересно было бы разобрать, но я уже и без того слишком отделился от своей исходной точки. Поэтому вернёмся к Новгороду.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Восточная половина города. — Кремль. — Старая легенда. — Вооружённые Руссы. — Норманны. — Народная воля в Новгороде. — Князь и народное собрание. — Распри и междоусобия. — Торговая республика, завоёванная Московскими царями. — Иван Грозный. — Настоящее положение города. — Провинциальное общество. — Картёжная игра. — Толстые журналы. — «Вечная тишина»

В той части Новгорода, которая лежит на восточном берегу реки, нет ничего достопримечательного. Как в большей части русских городов, улицы здесь прямая, широкая и дурно вымощенная и идут все параллельно или перпендикулярно одна к другой. С одного конца моста начинается торговая площадь, окаймлённая с одной стороны ратушей, а с другой стороны губернаторским домом и домом воинского начальника. Единственными несколько замечательными зданиями можно назвать множество церквей, большей частью небольшие и не представляющие ни малейшего интереса для человека, изучающего архитектуру. Во всяком случае, эта часть города совершенно не живописна и совсем не интересна. Учёный археолог, может быть, открыл бы здесь какая-нибудь следы далёкого прошлого, но обыкновенному путешественнику тут нечем интересоваться.

Пройдя же через мост на другую сторону реки, мы тотчас же находим нечто, существующее в весьма немногих русских городах, именно кремль, или цитадель. Это довольно обширное и несколько возвышенное место, об-

несённое высокими кирпичными стенами и частью оставшимся рвом. В те времена, когда не существовало тяжёлой артиллерии, эти стены должны были представлять сильную преграду для всякой осадной силы, но оне давно потеряли всякое военное значение и теперь являются только историческим памятником. Проехав в ворота насупротив моста, въезжаем на большую площадь. Направо стоит собор – небольшая очень почитаемая церковь, не отличающаяся архитектурными красотами, – и неправильная кучка домов, консистория и помещение архиерея. Слева тянутся длинная симметрическая здания губернских присутственных мест и судебных учреждений. Посредине между этими зданиями и собором, в центре большой площади, стоит колоссальный памятник, состоящий из массивнаго круглаго каменнаго пьедестала и громаднаго шара, на котором помещено множество эмблематических и исторических фигур. Этот любопытный памятник, достоинство котораго заключается в его оригинальном рисунке, был воздвигнут в 1862 году в память тысячелетия России, и им как бы изображается история России вообще и история Новгорода в частности в последняя тысячу лет. Он поставлен тут потому, что Новгород старше всех русских городов, и потому, что в этой местности случилось событие, которое вообще признается как начало Русскаго Государства. Это событие описывается в древних летописях так:

«В то время, когда южные славяне платили дань хозарам, новгородские славяне терпели от набегов варягов. Варяги брали дань с новгородских славян и с финнов; потом побеждённые племена, соединив свои силы, изгнали иноземцев. Но между славянами возникли сильныя междоусобныя распри; племена возставали одно против другого. Тогда, для восстановления порядка и безопасности, они решились призвать князей из чужой земли. В 862 году славянские послы поехали за море к варяжскому племени, называвшемуся руссами, и сказали: «Земля наша велика и

обильна, но порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами». Три брата приняли это предложение и пришли с своей вооружённой ратью. Старший из них, Рюрик, основался в Новгороде; второй, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. От этого земля наша называется Русью. Через два года братья Рюрика умерли. Он один остался княжить над Новгородской областью и поручил своим людям управление других больших городов».

Эта простая легенда послужила предметом продолжительных учёных споров, и историки упорно препирались о важном вопросе: кто были эти вооружённые руссы? Долгое время преобладало мнение, что это были норманны из Скандинавии. Славянофилы приняли эту легенду буквально в этом смысле и построили на ней остроумную теорию русской истории. «Народы запада, – говорят они, – были побеждены неприятелями, которые завладели их страной и создали феодальную систему для своих собственных интересов; вследствие этого история Западной Европы представляет длинный рассказ о кровавых расприх между победителями и побеждёнными, и старая вражда до сих пор живёт в политической борьбе партий различных социальных классов. Русские же славяне, напротив того, не были побеждены, но добровольно пригласили иноземного князя придти и княжить над ними; вследствие этого все социальное и политическое развитие России было существенно миролюбивое, и русскому народу совсем неизвестны социальные касты или феодализм». Хотя эта теория представляет много лестного для патриотического самолюбия, но, тем не менее, она была не совсем по душе крайним патриотам, которым не нравилась мысль, что порядок в их стране был первоначально введён людьми тевтонского племени. Они предпочитали теорию, что Рюрик и его товарищи были славяне с берегов Балтийского моря. В настоящее же время, по-видимому, преобладает общее мнение, что эта история – пустая выдумка летописцев-монахов.

Хотя я сам употребил на исследование этого вопроса более времени и труда, чем предмет этого заслуживает, тем не менее, я не имею намерения пригласить читателя проследить со мною эти скучные споры. Довольно сказать, что после тщательного обсуждения, при всем моём уважении к новейшим историкам, я все-таки склонен принять старую теорию и считать скандинавских норманнов в некотором роде основателями Русского Государства. Из других источников нам известно, что в девятом столетии из Скандинавии происходило сильное выселение. Жаждающие добычи и воодушевлённые духом предприимчивости, норманны плавали в своих открытых лёгких лодках вдоль берегов Германии, Франции, Испании, Греции и Малой Азии, грабя прибрежные города и деревни и проникая по рекам вовнутрь страны. Вначале они были просто мародёрами и проявляли всюду такую алчность и жестокость, что их начали считать таким же бедствием, как эпидемии и голод, и верующие даже сделали прибавку к молитве в литии: «Избави нас, Господи, от злобы и хитрости норманнов». Но в половине означенного столетия движение норманнов изменило свой характер. Набеги сделались военными нашествиями, и неприятель стал помышлять о завоевании стран, в которых сначала грабил, «*ut acquirant sibi spoliando regna quibus possent vivere rase perpetua*»*. Начальники приняли христианство, поженились на дочерях или сёстрах царствовавших князей и получали завоёванные земли в виде жалованных земель. Вследствие этого появились нормандския княжества в Нидерландах, во Франции, в Италии и в Сицилии; и норманны, быстро слившись с населением, вскоре обнаружили политический талант в такой же степени, как прежде проявили беззаветную и разрушительную храбрость.

Действительно, странно было бы, если бы эти искатели приключений, пробиравшиеся в Малую Азию и к берегам Северной Америки, просмотрели Россию, которая, так

---

* Приобрести и зачистить (разрушить) царства, понуждая их к миру (лат.)

сказать, находилась у них под боком. Волхов, протекающий через Новгород, составляет часть большого водяного пути, представляющего непрерывное водяное сообщение между Балтийским и Черным морями, и нам известно, что спустя некоторое время скандинавы этим путём ездили в Константинополь. Перемена, происшедшая в скандинавском движении, ясно указана в русских летописях: сначала варяги явились как сборщики дани и произвели такое неудовольствие в народе, что были изгнаны, а потом они явились правителями и поселились в стране. Можно, пожалуй, сомневаться, точно ли они явились по приглашению; но то обстоятельство, что они приняли язык, религию и обычаи своей приёмной родины, не опровергает предположения, что это были норманны, – напротив того, оно ещё более подтверждает эту гипотезу, так как норманны всюду действовали таким образом. На севере Франции они приняли и французский язык, и религию, и сына и наследника знаменитого Ролло нередко упрекали в том, что он более француз, чем норманн*.

Тем не менее трудно решить, насколько легенда эта верна, хотя не подлежит ни малейшему сомнению, что событие, описываемое более или менее точно, имело значительное влияние на русскую историю. С этого времени началось быстрое расширение русских славян – движение, продолжающееся и поныне. К северу, к востоку и к югу образовались новые княжества, которыми управляли князья, все выдававшие себя за потомков Рюрика; и до конца шестнадцатого столетия никто, не принадлежавший к этому великому роду, не пытался учредить в России независимого государства.

Через шесть столетий после так называемого призвания Рюрика началась странная и своеобразная история города на Волхове. Он быстро завоевал соседних финских племена и разросся в могущественное независимое государство с территорией, идущей от Финского залива, а к северу

---

* Strinholm, «Die Vikergerzüge» (Гамбург, 1839) 1, стр. 135.

до Белаго моря. В то же время торговое значение его увеличивалось, и он сделался аванпостом Ганзейского союза. В этом деле потомки Рюрика играли значительную роль, но они всегда были подчинены народной воле. Политическая свобода и торговое благоденствие шли рука об руку. Каким способом Рюрик устроил и сохранял порядок, мы не знаем, но знаем, что потомки его в Новгороде пользовались только таким авторитетом, какой угодно было народу дать им. Верховная власть была не в руках князя, а в руках народного собрания, созываемого на площадь звоном большого колокола. Это собрание составляло законы, как для князя, так и для народа, заключало союзы с иностранными державами, объявляло войну и заключало мир, налагало подати, набирало войска и не только избирало начальников, но и судило и смещало их по своему усмотрению. Князь был немного более чем наёмный военачальник и председатель судебного управления. Вступая в должность, он торжественно присягал, что будет верно соблюдать старые законы и обычаи, и если не исполнял своей присяги, то мог быть уверен, что его сместят и прогонят. У народа была старая рифмованная поговорка: «Коли худ князь, так и в грязь!» – и он обыкновенно действовал в этом духе. Обязанность управлять этими грубыми, упрямыми гражданами была действительно так неприятна, что многие князья отказывались от нея, а другие, взявшись за нее, добровольно отрекались спустя некоторое время и уходили. Но эти частые смещения и отречения, – в течение одного столетия переменялось тридцать князей, – не изменяли на долгое время существующаго порядка вещей. Потомков Рюрика было очень много, и на вакантное место всегда являлось много кандидатов. Городская республика продолжала разрастаться и богатеть, и в тринадцатом, и в четырнадцатом столетии она гордо именвала себя «Господином Великим Новгородом».

Тут обстоятельства переменялись, как все изменяется в жизни. К востоку создано княжество Московское – не

старая богатая городская республика, а молодое сильное государство, управляемое целым поколением сильных, энергических, честолюбивых и беззастенчивых князей, которые, освободив страну от татарского ига, постепенно присоединяли, и честными, и нечестными путями, соседняя княжества к своим владениям. В то же время и точно таким же образом литовские князья на западе соединили несколько маленьких княжеств и образовали могущественное независимое государство. Таким образом, Новгород оказался между двумя могущественными неприязненными соседями. Будь у него сильное правительство, он мог бы удержаться против таких соперников и успешно сохранить свою независимость, но сила его уже была подточена междуособными распрями. Политическая свобода привела к анархии. Постоянно, на той большой площади, где стоит теперь народный памятник, и на торговой площади, по другую сторону реки, происходили беспорядки и кровавые сцены, и много раз на мосту происходили битвы между двумя враждующими партиями. Иногда схватки происходили между враждующими семействами, а иногда и между городской аристократией, желавшей присвоить исключительно себе политическую власть, и простым народом, который с своей стороны хотел иметь большую долю в управлении. Таким образом, государство, страдавшее внутренними раздорами, долго не могло держаться против неприязненных действий сильных соседей. Ловкой дипломатией можно было только отсрочить роковой день, и немного нужно было политического предвидения, чтобы предсказать, что рано или поздно Новгород должен сделаться литовским или московским. Знатные семейства клонились на сторону литовцев, а народная партия и духовенство ждало помощи от Москвы, и великие московские князья взяли, наконец, верх.

Варварский способ, каким великие князья присоединили страны, ясно показывает, как они были проникнуты духом татарской власти. Тысячи семейств были перевезены

в Москву, а их места заняли семейства из Москвы; и, когда, несмотря на это, старый дух возродился, Иван Грозный решил применить метод истребления, который он уже удачно применял при подавлении власти своих дворян. Прийдя с большой армией, против которой борьба была невозможна, он огнём и мечом опустошил страну, и в продолжение пятинедельного своего пребывания в городе он убивал жителей с такой страшной жестокостью, какой никогда не проявляли даже восточные деспоты. Если бы эти старья стены могли говорить, какая страшная история оне рассказали бы! Но и в летописях сохранилось достаточно, чтобы дать нам понятие о том страшном времени.

Монахи и священники были подвергнуты страшному татарскому наказанию, именуемому правезом и состоящему в том, что жертву привязывают к столбу и ежедневно бьют до тех пор, пока за неё не внесут выкуп в известную сумму. Купцы и чиновники подвергались пытке огнём и потом бросались с моста в реку вместе с своими жёнами и детьми. Если кому-нибудь из них удавалось выплыть, то солдаты, разъезжавшие в лодках, доканчивали тех, кто не погиб от падения. В настоящее время как раз под мостом слышится лёгкое журчанье, не дающее воде замерзнуть зимою, и по народному поверью, журчанье это производят души людей, погибших в то время. Об убитых в деревнях сведений нет, но в одном городе, как говорят, было убито более 60 тыс. человек – страшная гекатомба на алтаре народного единства и самодержавной власти.

Этой трагической сценой, совершившейся в 1570 г., заканчивается история Новгорода как независимаго государства. Его действительная независимость давно перестала существовать, а теперь была потушена последняя искра старого духа. Цари не могли допустить и тени политической независимости в своих владениях. Гордая городская республика низошла до уровня самых обыкновенных провинциальных городов, и с того времени она никогда не

проявляла никаких признаков возрождения своего прежнего торгового величия.

В старья времена, когда множество ганзейских купцов ежегодно посещало город и когда торговая площадь, мост и кремль были часто театром страшных политических распрей, Новгород был городом интересным; но теперь слава его кончилась, и по своим средствам он даже не первоклассный город. Киев, Казань и другие города, находящиеся в большем отдалении от столицы, в таких плодородных местностях, что помещики могут обрабатывать свою землю, можно, пожалуй, назвать, в своём роде, маленькими пулу-независимыми центрами цивилизации. В них есть и театр, и библиотека, по два, по три клуба и множество больших домов, принадлежащих богатым землевладельцам, которые летом живут в своих поместьях, а на зимние месяцы переезжают в город. Эти землевладельцы вместе с чиновниками образуют многочисленное общество, и зимою там нередко даются обеды, балы и другия общественныя увеселения. В Новгороде общество гораздо ограниченнее. В нем нет, как в Казани, Киеве и Харькове, университета и нет домов, принадлежащих богатым дворянам. Несколько помещиков, живущих в своих усадьбах и имеющих возможность жить часть года в городе, предпочитают проводить зиму в Петербурге. Общество, вследствие этого, состоит исключительно из чиновников и офицеров, стоящих на постое в городе или в ближайшем соседстве. Из всех лиц, с которыми я познакомился, я могу указать только на двух лиц, не занимавших официального положения. Один из них был доктор в отставке, который пробовал обрабатывать землю по научным принципам, но, кажется, бросил эту попытку и переселился куда-то. А другой был польский епископ, скомпрометированный в восстании 1863 года и живший в Новгороде под надзором полиции. Относительно последнего нельзя было сказать, что он принадлежал к местному обществу; хотя он иногда появлялся на нецеремонных еженедельных вечерах

губернатора, где все без исключения относились к нему с очевидным уважением, но это не мешало ему, однако же, чувствовать своё ложное положение, и вследствие этого он редко или никогда не появлялся в других домах.

В обществе такого города, как Новгород, несомненно, должно быть немало людей образованных и приятных, но оно неблестяще и не интересно. Хотя оно постоянно меняется вследствие системы частых перемещений чиновников из одного города в другой, но оно упорно сохраняет, несмотря на приливы свежей крови, свой главный скучный характер. Новый чиновник, приехав, делает визиты всем местным властям и на несколько дней производит в обществе сенсацию. При появлении его в обществе с ним очень много говорят, а в его отсутствие много говорят о нем. Его биография постоянно рассказывается, и его достоинства и недостатки обсуждаются. Если он женат и привёз свою жену с собой, поле для разговоров и пересуд становится гораздо обширнее. В первое своё появление в обществе «мадам» привлекает все взоры. Ея лицо, фигура, волосы, платье, драгоценные вещи тщательно замечаются и служат предметом разговора. Может быть, она привезла с собой из столицы или из-за границы новомодные платья. Лишь только это оказывается верным, она делается предметом особенного любопытства всех дам и зависти тех особ, которые считают личным для себя оскорблением, когда замечают на ком-нибудь туалет более красивый и новомодный, чем у них. Манеры ея тоже тщательно замечаются. Если она мила и любезна в обращении, она пользуется благосклонностью, если она молчалива и холодна, её называют гордой и самоуверенной. Во всяком случае, она может быть уверена, что подружится с кем-нибудь из старожилок, и на несколько недель обе дамы неразлучны, пока какое-нибудь неосторожное слово или действие не разстроит новорожденную дружбу, и закадычные друзья не сделаются заклятыми врагами. Волею или неволею и мужья замешиваются в ссору. В высшей степени неприятная

черты характера открываются друг у друга враждующими сторонами и служат предметом враждебных пересуд. Потом вражда затихает, и общественное внимание обращается на какую-нибудь новую подобную же ссору. Госпожа А. удивляется, что знакомая ей господин и госпожа Б. могут проигрывать так много каждый вечер в карты, и высказывает подозрение, что они входят в долги или морят голодом себя и своих детей; по ее мнению, они лучше не давали бы вечеров и не отравляли бы ужином своих гостей. Закадычный друг, которому это говорится, передает это косвенно или прямо госпоже Б., и госпожа Б. за это отплачивает. Тут возникает новая ссора, которая служит новым предметом разговора. Если не выходит ссоры, то, наверное, выходит нечто вроде скандала. Хотя русское провинциальное общество не отличается чопорностью по части нравственности и скорее клонится в сторону полной распущенности, но оно все-таки не может совершенно пренебрегать приличиями. У госпожи С. постоянно множество поклонников, против чего и говорить нечего, пока муж ее на это не жалуется; но она, право, слишком уже безсовестно выказывает своё предпочтение господину Х. на балах и вечерах. Есть там и госпожа Д. с большими томными глазами. Как может она оставаться в городе после того, что муж ее был убит на дуэли своим товарищем офицером! Хотя, по-видимому, ссора произошла из-за карт, но всем известно, что, в сущности, причиной смертельной дуэли была она. И так далее, и так далее. За недостатком серьёзных интересов общество, конечно, обращает особенное внимание на частные дела друг друга; и ссоры, сплетни и скандалы помогают мирным гражданам убивать своё время, с которым они не знают куда деваться.

Как ни занимательно такое препровождение времени, но оно не может, однако, убить все свободное время. Перед обедом мужчины занимаются своей службой, в то время как дамы ездят по магазинам и делают визиты, а остальное время употребляют на свои хозяйственные дела и на детей; но

все эти занятия кончаются к четырём часам, и весь долгий вечер остаётся не занятым. Час или полтора часа после обеденного времени употребляется на отдых, а в семь вечера надо же найти какое-нибудь положительное занятие. Так как нельзя же употребить весь вечер на разговоры об обыкновенных событиях дня, то его обыкновенно проводят за карточной игрой, которая доходит до размеров, совершенно неизвестных в Западной Европе. Целые часы русские мужчины и женщины могут сидеть в натопленной комнате, полной табачного дыма, в пускании которого принимают иногда участие и дамы, и молча играть в преферанс или ералаш. Лица, по какому-нибудь случаю принуждённые сидеть одни, забавляются пасьянсом, любопытной игрой, где не требуется партнёра. В преферансе и ералаше выигрыш обыкновенно ничтожен, но игра длится так долго, что в это время можно было бы проиграть двести или триста фунтов стерлингов. Мужчины нередко играют по восьми, по девяти часов сряду. На еженедельных клубных обедах, прежде ещё, чем успеют подать кофе, все присутствующие нетерпеливо направляются в карточную комнату и сидят там спокойно от пяти часов до часу и до двух ночи! Когда мне приводилось спрашивать у своих знакомых, зачем они убивали столько времени на такое непроизводительное занятие, они всегда отвечали мне почти одно и то же: «Да что же нам делать? Целый день мы читаем и пишем официальные бумаги, а вечером хотим уж отдохнуть. При встрече друг с другом нам говорить уже не о чем, так как мы читаем только газеты и ничего более. Всего лучше сесть за карты, за которыми можно провести время приятно, не имея необходимости говорить».

Кроме газет немногие читают и ежемесячные журналы, в которых помещаются много серьёзных статей по историческим и общественным вопросам, части одного или двух романов, критические статьи и длинные обзоры внутренней и иностранной политики по образцу статей, появляющихся обыкновенно в «*Revue des deux mondes*». Некоторые из

этих журналов ведутся очень хорошо и дают своим читателям большое количество сведений; но я заметил, что листки более серьёзных отделов часто остаются неразрезанными. Перевод романов Эмиля Зола или Уилки Коллинза находит гораздо более читателей, чем статья какого-нибудь историка или политико-эконома. Что же касается книг, то их, кажется, очень мало читают, и в продолжение всего времени, прожитаго мною в Новгороде, я не заметил ни одной книжной лавки, и когда мне нужны были книги, то приходилось выписывать их из Петербурга. Местная администрация, правда, составила проект устроить музей и библиотеку для чтения, но я не уверен, осуществился ли этот проект. Из всех великолепных проектов, составляемых в России, весьма немногие осуществляются, и они часто недолговечны. Русские теоретически знакомы с потребностями самой передовой цивилизации и всегда готовы приступить к исполнению великолепных планов, соответствующих их теоретическим познаниям; но очень немногие из них действительно и постоянно чувствуют эту потребность, и вследствие этого учреждения, вызванные искусственно для удовлетворения этой потребности, скоро начинают вянуть и умирают. В губернских городах лавки с гастрономическими предметами процветают, лавок же с пищей для ума и вовсе не оказывается. Факты эти говорят сами за себя.

В начале декабря обычная монотонность новгородской жизни несколько оживляется ежегодным земским собранием, которое заседает ежедневно в продолжение двух, трёх недель и обсуждает хозяйственные потребности губернии. В это время многие из землевладельцев, обыкновенно живущих в своих поместьях или в Петербурге, съезжаются в город и немного оживляют обыкновенное общество; но с наступлением Рождества депутаты разъезжаются и город снова погружается в свою вечную тишину, которую один русский поэт назвал главною характеристической чертой русской провинциальной жизни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЧИНОВНИКИ

Чиновники в Новгороде, за исключением вице-губернатора, содействуют мне в моих занятиях. — Новая администрация, созданная Петром Великим, и развитие ее при его наследниках. — Взгляд славянофила на правительство. — Краткое описание правительственной системы. — Чиновники. — Официальные титулы и их действительное значение. — Что сделало правительство для России в прошедшем. — Недостатки. — Бюрократические средства. — Сложный формализм делопроизводства. — Жандармерия. — Мои личные отношения к этой области управления; арест и освобождение. — Сильное и здоровое общественное мнение как единственное средство против дурного управления. — Применение этого принципа в России в последнее время

Я поселился на зиму в Новгороде, как я уже сказал, отчасти для того, чтобы иметь возможность изучить губернскую администрацию; поэтому я при первом удобном случае сообщил о своём намерении губернатору и вице-губернатору. Оба они, равно как и некоторые другие чиновники, немедленно обещали мне своё возможное содействие, и я уже поздравлял себя удачным выбором; но первая попытка воспользоваться этими обещаниями значительно охладила мои сангвинические надежды. Когда я однажды вечером у вице-губернатора заговорил об этом предмете и напомнил ему о его любезном предложении, я нашёл, что он между тем, подобно купцу, о котором я говорил в прежних главах, одумался. Вместо ответа на

мой простой вопрос он пристально посмотрел на меня, как будто желая открыть во мне тайное или злое намерение, принял важный официальный вид и сообщил мне, что, так как министр не уполномочил меня на эти исследования, то он не может содействовать мне в этом и никак не позволит мне просмотреть архивы.

Такое разочарование не помешало мне, однако, обратиться к губернатору и другим чиновникам, и к великой радости моей я нашёл, что они не опасались помогать мне. Губернатор охотно объяснил мне механизм губернской администрации и указал сочинения, из которых я мог почерпнуть необходимые для меня теоретические и исторические познания, а второстепенные чиновники посвящали меня в тайны их отделов. Наконец и вице-губернатор последовал примеру своих товарищей, но я вежливо отклонил его услуги. Впоследствии я имел много случаев пополнить приобретённые таким образом элементарные познания посредством наблюдений и изучения, и я хочу теперь сообщить читателю некоторые общие результаты, к которым я пришёл.

Колоссальная административная машина, соединяющая различные части обширной империи и обеспечивающая им известный общественный порядок и спокойствие, создалась постепенно, целым рядом поколений, но можно сказать, что план и первое устройство её принадлежит Петру Великому. До него страна управлялась грубым первобытным способом. Великие князья Московские, подчиняя себе своих соперников и присоединяя к себе соседние княжества, положили только основание к большому единому государству, но они не пытались создать симметрическое политическое здание. Они были скорее ловкие, практические политики, чем систематические государственные люди, и они никогда не думали о введении единства и симметрии в своём управлении. Они щадили и развивали старья учреждения, насколько это соответствовало их

самодержавной власти, и делали только такие изменения, какие требовались необходимостью. А эти необходимые изменения чаще были местные, чем общегосударственные. Частные указы, инструкции отдельным чиновникам и грамоты известным общинам или землевладельцам были гораздо чаще, чем общие законодательные меры. Словом, Московские цари следовали случайной политике обстоятельств, немилосердно разрушая все, что представляло для них временное неудобство, и мало заботясь о том, что не входило в их кругозор. Поэтому администрация их представляла не только местные особенности, но и пёстрое соединение различных систем в одной и той же области – смесь учреждений, принадлежащих различным эпохам, подобно флоту, состоящему из трёхвёсельных, трёхпалубных и панцирных судов.

Такая неправильная система, или лучше отсутствие системы, не могла, конечно, удовлетворить логический ум Петра Великого, бывшего во всю свою жизнь строгим доктринером. Он решился поэтому заменить все это симметрическою бюрократическою машиной, построенной по новейшим принципам политической науки. Едва ли нужно прибавить, что такой величественный проект, столь чуждый преданиям и нравам народа, нелегко было осуществить. Представьте себе человека, который без технических познаний, без опытных рабочих, без хороших инструментов, и, не имея лучшего материала, как мягкий, ломкий песчаный камень, берётся выстроить дворец на болоте! Благоразумным людям такое предприятие покажется бессмысленным, – а между тем, надо признать, что проект Петра едва ли был удобоисполнимее. Он не имел достаточных технических познаний, не имел нужного материала, ни твёрдой почвы, на чем строить. Со своею обыкновенною титаническою энергией он уничтожил старое здание, но его попытки к возведению новаго здания были почти рядом неудач. В его многочисленных указах он оставил

нам графическую характеристику своих усилий, и поучительно и тяжело видеть, как великий работник неутомимо трудился над поставленной себе задачей. Его инструменты постоянно ломаются у него под руками; фундамент постоянно осаждается; нижние ряды камней трещат под тяжестью верхних. Целый отдел оказывается несоответствующим, и он немилосердно опрокидывается или разваливается сам собою. И, несмотря на это, строитель продолжает своё дело с постоянством и энергиею, невольно вызывающими наше удивление. При этом он открыто признаёт свои ошибки, терпеливо отыскивает средства к их исправлению, никогда не произносит слова разочарования и никогда не сомневается в конечном успехе. Но, наконец, приходит смерть и похищает могущественного работника среди неоконченной работы; на долю его наследников выпадает задача продолжать великое творение.

Наследники Петра не обладали его гением и энергиею, но они вынуждены были силою обстоятельств принять его планы. Возвращение к старому господству воевод сделалось невозможным. По мере того как самодержавная власть мало-помалу воспринимала западные взгляды, она всё более и более чувствовала необходимость создать надёжное орудие для осуществления своей политики и поэтому стремилась к централизации управления и приведению его в систему.

Некоторую аналогию этого преобразования мы находим в истории французского управления от времени Филиппа Красиваго до Людовика XIV. В обоих государствах мы видим, как центральная власть всё более и более подчиняет своему контролю местные административные органы и, наконец, создаёт полную централизованную бюрократическую организацию. Но под этим внешним сходством есть и глубокая разница. Французские короли должны были побороть суверенные и ленные права в разных частях государства, а затем они легко нашли нуж-

ный материал для возведения бюрократического здания. Русские государи, напротив, не имели таких противодействующих сил, но им было крайне трудно найти годных чиновников между своими необразованными и недисциплинированными подданными. В течение многих поколений средняя и высшая школы в России основывались и поддерживались почти исключительно для того, чтобы готовить чиновников для государственной службы.

Таким образом, администрация была преобразована в смысле более близком к западноевропейскому идеалу; но многие серьёзно сомневаются в том, сделалась ли она от этого более соответствующею практическим потребностям народа, для которого была создана. Об этом предмете один известный славянофил высказал мне несколько замечаний, которые я считаю нужным передать. «Вы заметили, – сказал он, – что до весьма недавнего времени в России было много официального хищничества и злоупотреблений всякого рода, что суды были притонами несправедливости, что народ часто совершал клятвопреступления и тому подобное; и надо признаться, что все это и теперь не совсем ещё исчезло. Но что же это доказывает? Что русский народ в моральном отношении ниже немецкого? Нисколько! Оно показывает только, что навязанная ему немецкая система управления не соответствует его природе. Если заставить мальчика во время роста носить тесные сапоги, он, вероятно, разорвёт их, и отвратительные дыры, без сомнения, произведут неблагоприятное впечатление на проходящего, но лучше, конечно, чтобы лопались сапоги, чем уродовать ноги. Русский же народ принуждён был носить не только тесные сапоги, но и узкую куртку, а так как он был молод и силен, то он и разорвал их. Мелкие педантические немцы не могут ни понять, ни удовлетворить широкую славянскую натуру».

Русское правительство в своём настоящем виде представляет с первого взгляда весьма величественное

здание. Во главе его стоит Император – Самодержавный Монарх, как выразился Пётр Великий, который никому на земле не должен давать отчёта в своих действиях, но имеет силу и власть управлять своими государствами и землями как христианский государь по собственной воле и усмотрению. Затем следует Государственный совет, Комитет министров и Сенат, которые представляют законодательную, административную и судебную власти. Хотя на Государственный совет по закону возложены весьма важные функции, – как, например, рассмотрение и обсуждение годового бюджета, решение вопросов о войне и мире и т. п., но, тем не менее, он имеет только совещательный характер, и решение зависит только от воли Императора. Комитет министров не есть министерство в нашем смысле слова. Министры непосредственно и лично ответственны перед Императором, поэтому Комитет министров не имеет ни общей ответственности, ни общей власти. Что касается Сената, то он потерял своё высокое положение; первоначально ему принадлежала высшая власть во время отсутствия или несовершеннолетия государя и он должен был иметь контролирующее влияние на все части управления, но теперь деятельность его ограничена одними судебными делами и он почти не более как высший апелляционный суд.

За этими тремя учреждениями следуют Министерства, числом десять*. Они представляют центральные пункты, где стекаются различные отрасли управления страны и через которые императорская воля распространяется во все части государства.

Для административных целей Европейская Россия, – за исключением Польши, Остзейских провинций, Финлян-

---

* Министерства эти суть: 1) Внутренних дел, 2) Путей сообщения, 3) Государственных имуществ, 4) Финансов, 5) Юстиции, 6) Народного просвещения, 7) Военное, 8) Морское, 9) Иностранных дел, 10) Двора.

На одной линии с министерствами стоят Государственный контроль и Управление государственным коннозаводством.

дии и Кавказа, имеющих своё особое управление*, – разделена на 46 губерний, из которых каждая разделяется на уезды. По пространству каждая губерния средним числом равняется Португальскому королевству, но некоторые из них не более Бельгии, а другие превосходят её в 25 раз. Народонаселение, однако, не соответствует обширности пространства. В самой большой губернии, именно в Архангельской, имеется менее 300 тыс. жителей, между тем как в некоторых меньших губерниях число жителей доходит до 2-х миллионов и более. Уезды точно также весьма различны по величине. Некоторые из них меньше Оксфордшайра или Бокинггема, а другие больше всей Великобритании.

В каждой губернии имеется губернатор, при котором состоит вице-губернатор и небольшой совет. По законам Екатерины II, отчасти ещё сохранившимся в силе, губернатор называется «правителем провинции», и на него было возложено так много сложных обязанностей, что для того, чтобы найти соответственных людей на эти места, действительно необходимо было осуществить план великой императрицы, создать посредством воспитания «новый род людей». До весьма недавнего времени губернаторы понимали название «правителя» в самом буквальном смысле и управляли совершенно по своему произволу, распространяя своё влияние и на гражданские и уголовные суды. Эта обширная и не совсем определенная власть теперь значительно урезана, частью законом, частью расширившеюся гласностью и улучшением средств сообщения. Все судебные дела совершенно изъяты из ведения губернатора, а некоторые другие из его прежних функций перешли к земству, о котором я буду говорить подробнее ниже. Кроме того, все текущие дела нормируются все увеличивающеюся массой предписаний в форме императорских указов и министерских циркуляров, а если случайно попадает что-либо непредвиденное в этих инструкциях, то губернатор обращается к

---

* Особенности в управлении Польши быстро отменяются.

министру за разъяснением по почте или по телеграфу. Даже в сфере своей законной власти губернаторы теперь соотносятся в некоторой степени с общественным мнением и не чужды некотораго благодетельнаго страха перед случайными газетными корреспондентами. Таким образом, люди, которых сатирики прежде описывали как «маленьких сатрапов», теперь низведены на степень подчинённых чиновников. Я положительно могу сказать, что многие из них (вероятно большинство) – честные прямые люди, которые, может быть, не обладают необыкновенными способностями к управлению, но исполняют свои обязанности добросовестно по своему разумению. Господин Лерхе, занимавший должность губернатора в Новгороде во время моего пребывания там, был, во всяком случае, человек почтенный, добросовестный и интеллигентный, приобрётший себе уважение и любовь всех классов общества. Если есть ещё где-либо представители старых «сатрапов», то их следует искать в отдалённых азиатских губерниях.

Независимо от губернатора, подчинённого министру внутренних дел, есть и представители других министерств, из которых каждый имеет свою канцелярию с известным числом помощников, секретарей и писцов.

Чтобы содержать в действии эту обширную и сложную бюрократическую машину, необходимо иметь большую, хорошо вышколенную армию чиновников. Армия эта взята по преимуществу из рядов дворянства и духовенства и составляет особый класс общества. Так как чин играет в России важную роль не только в официальном мире, но до некоторой степени и в общественной жизни, то считаю излишним объяснить его значение.

Все должности, гражданския и военныя, разделены на 14 классов или рангов по схеме, изобретённой Петром Великим, и каждому классу или рангу присвоено особое название. Так как повышения в чине должны производиться только по личным заслугам, то всякий, вступающий в

государственную службу, какое бы общественное положение он ни занимал, должен бы начать с низшаго класса (четырнадцатого). Аттестат о получении высшаго образования освобождает его, однако, от необходимости пройти низшие классы; или же он может получить высший чин по воле Императора; но по общему правилу каждый должен начинать с низших классов и пробывать в каждом классе известное число лет. Чин определяет и правоспособность на занятие известных мест, то есть необходимо обладать известным чином для получения известного места; но сам по себе чин не обозначает определённой должности; а между тем названия этих рангов способны ввести в недоумение иностранца.

Иностранцу необходимо иметь это в виду, когда он встречает на карточках русских туристов такие громкие титулы, как, например, «Conseiller de Cour», «Conseiller d'Etat», «Conseiller privé de S. M. l'Empereur de toutes les Russies». Было бы совершенно несправедливо предположить, что эти титулы употребляются с намерением ввести кого-либо в заблуждение, но с другой стороны не подлежит сомнению, что они действительно иногда вводят в заблуждение. Я никогда не забуду выражения крайнего разочарования на лице одного американца, который пригласил к обеду одного «Conseiller de Cour», предполагая, что его гость занимает место при Дворе, и вдруг случайно открыл, что он имеет дело с незначительным чиновником какой-то канцелярии. Вероятно, и другие испытали что-либо подобное. Неосторожный иностранец, слышавший, что в России есть высокое учреждение под названием Государственного совета (Conseil d'Etat), естественно предполагает, что всякий Conseiller d'Etat есть член этого почтенного собрания, а встречаясь с «Son Excellence le Conseiller privé», – особенно если ещё при этом прибавлено слово «actuel», – он, наверное, предполагает, что имеет дело с действительным членом русского Тайного Совета. Если ещё к титулу при-

бавлены слова «de S. M. l'Empereur de toutes les Russies», то воображению иностранца открывается обширное поле. В действительности эти титулы далеко не так важны, как кажется. Так называемый Надворный советник (Conseiller de Cour) обыкновенно не имеет ничего общего со Двором. Статский советник (Conseiller d'Etat) настолько далёк от того, чтобы быть действительным членом Государственного совета, что даже не может сделаться им, пока не получит высшего чина. А что касается тайного советника, то достаточно сказать, что «Тайный Совет», весьма нелюбимый во время своего существования, теперь уже более ста лет вовсе не существует. Объяснение этих аномалий лежит в том обстоятельстве, что русские чины, подобно немецким титулам, – Hofrath, Staatsrath, Geheimrath, от которых они и заимствованы, обозначают не действительную должность, а просто официальный ранг. Прежде назначение на должность всегда зависело от чина, а теперь существует тенденция изменить этот порядок и сделать чин зависимым от действительной должности.

Читатели практического образа мыслей, обращающие больше внимания на результаты, чем на формы и формальности, вероятно, не потребуют от меня дальнейшего описания русской бюрократии, а пожелают узнать, как она действует на практике. Что она сделала для России в прошедшем и что она делает в настоящем?

В настоящее время, когда выгоды свободного и самостоятельного национального развития вполне признаны, централизованная бюрократия повсюду потеряла свой кредит. В России это нерасположение особенно сильно, потому что оно имеет здесь более чем теоретическое основание. Но прежде чем произнести приговор над этой системой, надо принять во внимание, что она имеет, по крайней мере, историческое оправдание, и при нашей любви к конституционной свободе и местному самоуправлению мы не должны забывать различия между теоретическою и исто-

рическую возможность. То, что философу представляется абстрактно как лучшая форма правления, может быть во все неприменимо в известных конкретных случаях. Можно смело утверждать, что без строгого централистического управления Россия никогда не могла бы сделаться великою европейскою державою. Ещё относительно недавно земли, вошедшие в состав Русского Государства, представляли конгломерат независимых или полунезависимых политических единиц, которые обладали в одинаковой степени как центростремительною, так и центробежною силою, и даже теперь они далеко ещё не представляют вполне однородного государственного целого. В некотором отношении государство это более похоже на Британскую Индию, чем на европейское государство, и кто знает, что сделалось бы с Индией, если б там не было твёрдой, объединяющей силы правительства? Только самодержавная власть и центральная система управления создала Россию, спасала её от раздробления и политического падения и обезпечила ей, наконец, место между европейскими народами введением западной цивилизации. Теоретически, может быть, было бы лучше, если бы разнородные единицы постепенно объединялись сами собой и европейская цивилизация была бы принята всеми классами населения добровольно, но исторически такое явление было невозможно.

Признавая, таким образом, необходимость строгого централистического управления, сперва для создания, а потом для сохранения национальной независимости, мы не должны оставить без внимания и некоторые дурные последствия этой необходимости. Стремясь к осуществлению планов, которым народ не сочувствовал и которые он мало понимал, правительство естественно как бы отделялось от народа; оно всегда смотрело на своих подданных как на несовершеннолетних, не способных понимать его политические планы и весьма мало компетентных управлять своими местными делами. Понятно, что чиновники действовали в

том же духе. Руководствуясь только указаниями и одобрением своего начальства, они систематически обращались с теми, которыми они управляли, как с завоёванной и подчинённой расой. Таким образом, государство сделалось абстрактным существом, имеющим совершенно другие интересы, чем люди, его составляющие, и повсюду, где только предполагается государственный интерес, частные интересы немилосердно приносятся ему в жертву.

Если принять в соображение, что трудности централистического правления находятся всегда в прямом отношении к объёму и территориальному разнообразию управляемой страны, то легко понять, как тихо и несовершенно должна действовать административная машина в России. Все громадное пространство от Ледовитого океана до Каспийского моря и от берегов Балтийского моря до границ Небесной Империи управляется из Петербурга. Истый бюрократ чувствует сильный страх перед формальной ответственностью и обыкновенно старается избегнуть ее, передавая все бумаги, представляемые ему его чиновниками, далее, к высшим властям. Вследствие этого дела, пущенные в ход административной машиной, начинают подниматься вверх и вероятно когда-нибудь достигнут кабинета министра. Таким образом, министерства наводнены бумагами из всех концов империи, часто самого пустого содержания, и высшие сановники, обладай они даже глазами Аргуса и руками Бриарея, не могли бы добросовестно исполнять лежащих на них обязанностей. В действительности же русские высшие администраторы нисколько не напоминают ни Аргуса, ни Бриарея.

Рядом с неизбежным злом от чрезмерной централизации Россия много терпела от продажности и взяточничества чиновников. Когда Пётр однажды решился вешать каждого, кто украдёт хотя бы на стоимость верёвки, его генерал-прокурор откровенно сказал ему, что если его величество исполнит это намерение, то чиновников совсем

не останется. «Мы все воруют, – прибавил достойный савонник, – единственная разница заключается в том, что некоторые из нас воруют в более крупных размерах и более открыто, чем другие». С тех пор как были произнесены эти слова, прошло более полутора столетия, и во все это время Россия постоянно шла вперёд во многих отношениях, но до начала нынешняго царствования в нравственном характере администрации мало произошло перемен. Старшая половина настоящаго поколения помнит ещё то время, когда она могла без особеннаго преувеличения повторить признание петровскаго генерал-прокурора.

Чтобы правильно оценить это гнусное явление, мы должны отличить два рода продажности. С одной стороны, установился обычай брать «благодарность» за оказанныя услуги, а с другой стороны – положительная безчестность разнаго рода. Хотя не всегда легко провести резкую черту между этими двумя категориями, но различие совершенно ясно признавалось нравственным сознанием времени, и многие чиновники, постоянно пользовавшиеся «безгрешными доходами», как иногда называлась благодарность, очень оскорбились бы, если бы их назвали безчестными людьми. Такие доходы брались всеми и оправдывались в некотором роде скудостью чиновничьяго жалованья. В некоторых департаментах была установленная такса. Откупщики, например, постоянно платили определённую сумму каждому чиновнику, начиная от губернатора до городского, согласно его чину. Я знаю один случай, когда чиновник, получив больше денег, чем было положено, добросовестно возвратил излишек! Другие, более скверные грехи встречались не так часто, но все-таки были в ужасающем количестве. Многие из высших чиновников и должностных лиц получали, как известно, большие доходы, которые ни в каком случае нельзя было назвать «безгрешными», и все-таки они сохраняли своё положение и принимались в обществе с полным уважением. Этот неопровержимый

факт вполне объясняет нам нравственную атмосферу чиновничьяго мира того времени.

Государи всегда знали об этих беззакониях и все более или менее старались искоренить их, но результаты этих стараний были незначительны. При централистическом бюрократическом управлении, где каждый чиновник в известной степени отвечает за грехи своих подчинённых, всегда очень трудно придать суду служащего, потому что он, наверное, находился под покровительством своего начальника, и так как начальники обыкновенно сами не безгрешны, то виновный может считать себя обеспеченным от суда и наказания. Частое наказание чиновников может, как полагали, умалить общественное уважение к правительству и погубить социальную дисциплину, необходимую для общественного спокойствия. Вследствие этого служебныя преступления по возможности не оглашались. Кроме того, как ни странно это покажется, правительство, основанное на власти одного лица, несмотря на случайныя проявления строгости, не бывает так систематически и постоянно строго, как власть, основанная на свободном общественном мнении. Если случаются преступления по службе в высших сферах, то правительство поступает совершенно снисходительно. Если уж необходимо принести жертву правосудию, то жертвоприношение совершается по возможности менее сурово, и знатные преступники не осуждаются на голодную смерть в пустыне, – пустынею бывает обыкновенно Париж или Баден-Баден. Этот факт покажется странным тем, кто соединяет понятие о самодержавии с наполеоновскими тюрьмами и сибирскими рудниками, но объяснить его нетрудно. Никакой человек, не исключая и государей, не может до такой степени облачиться в латы своего официального положения, чтобы сделаться совершенно недоступным личному влиянию.

Отдавая справедливость бюрократическим реформаторам в России, надо сказать, что они предпочитали лечению

предупредительные меры. Не прибегая ни к какому Драконовскому законодательству, они верили в систему хорошего контроля и сложного формального делопроизводства. При рассмотрении сложных формальностей и запутанной системы, которой контролируется администрация, сначала кажется, что административные преступления и быть не могут. По-видимому, всякое действие каждого чиновника предусмотрено и всякое отклонение от узкого пути чести тщательно предупреждено. Может быть, некоторые читатели не имеют понятия о формальностях делопроизводства при строго централизованном бюрократизме, поэтому я позволю себе привести пример для объяснения.

В доме генерал-губернатора одна из печей нуждается в починке. Обыкновенный смертный может предположить, что человеку в звании генерал-губернатора можно бы поверить, что он добросовестно истратит несколько рублей, и потому его превосходительство тотчас же велит сделать поправку и уплату записать в мелкие расходы. Бюрократическому пониманию этот случай является совершенно в ином свете. Всякая случайности должны быть тщательно предусмотрены. Так как генерал-губернатор может быть подвержен мании делать бесполезные переделки, то необходимость этой починки должна быть проверена, и так как мудрость и честность скорее присущи комиссии из нескольких человек, чем одному лицу, то это дело поручается комиссии. Вследствие этого комиссия из трёх или четырёх человек удостоверяет, что починка необходима. Такое удостоверение представляет уже некоторую гарантию, но этого ещё недостаточно. Комиссия составлена из простых смертных, способных ошибаться и могущих находиться под влиянием генерал-губернатора. Поэтому благоразумие требует, чтобы решение комиссии было утверждено прокурором, непосредственно подчинённым министру юстиции. Когда это двойное решение получено, печку осматривает архитектор и составляет смету. Но дать **carte blanche архитектору опас-**

но, и потому смета пересматривается и утверждается сначала вышеупомянутой комиссией, а потом прокурором. Когда все эти формальности тщательно совершены, – на что требуется шестнадцать дней и десять листов бумаги, – его превосходительство извещают, что предполагаемая поправка будет стоить 2 рубля 40 копеек. Но и тут формальности ещё не прекращаются, так как правительство должно быть уверено, что архитектор, составлявший смету и наблюдавший за починкой, не выкажет нерадения. Вследствие этого на приём работы посылается другой архитектор, и его отчёт, подобно смете, требует утверждения комиссии и прокурора. Вся переписка длится дней тридцать и требует не менее тридцати листов бумаги! Если лицо, требующее поправку, не генерал-губернатор, а простой смертный, то трудно даже сказать, сколько может тянуться такое дело.

Можно, конечно, предполагать, что этот круговой и сложный метод, с его отношениями, внесениями в шнуровую книгу и мелочами делопроизводства должен предупредить воровство; но это заключение à priori совершенно опровергается опытом. Каждое новое гениальное измышление порождает только ещё более гениальный способ обойти его. Система не мешает тем, кто хочет воровать, а на честных чиновников она влияет пагубно, давая им чувствовать, что правительство не имеет к ним доверия. Кроме того, она приучает всех чиновников, как честных, так и нечестных, к систематическому подлогу. Так как даже самым крайним педантам, – а надо заметить, что педантство весьма редко между русскими, – невозможно добросовестно исполнить все предписываемые формальности, то явилось обыкновение соблюдать их только на бумаге. Чиновники свидетельствуют вещи, в которых они и не думали удостоверяться, а секретари пишут подложные протоколы заседаний, которых вовсе не бывало! Таким образом, в вышеупомянутом случае поправка в действительности началась и кончилась гораздо ранее, чем архитектор получил

официальное приказание начать работу. Комедия, тем не менее, серьёзно разыгралась до самого конца, так что ревизующий потом бумаги нашёл бы, что все было сделано в совершенном порядке.

Кажется, лучшее средство предупредить служебные беспорядки было изобретено императором Николаем. Убедившись, что он постоянно и систематически подвергается обману со стороны обыкновенных чиновников, он образовал корпус офицеров с хорошим окладом жалованья под названием жандармов, которые были разосланы по всей стране и получили приказание доносить непосредственно его величеству все, что найдут достойным внимания. По бюрократическим понятиям это было отличное средство, и Император был уверен, что эти официальные соглядатаи, не имеющие ни малейшего интереса скрывать истину, будут все знать и будут в состоянии уничтожить все служебные злоупотребления. В действительности же это учреждение не принесло хороших результатов и в некотором отношении имело даже пагубное влияние. Хотя эти офицеры были люди избранные и обеспеченные хорошим жалованьем, но все они были более или менее пропитаны господствующим духом. Они не могли не чувствовать, что на них смотрят как на шпионов и доносчиков, – сознание довольно унижительное и мало способствующее развитию чувства самоуважения, на котором преимущественно основывается справедливость, – и потому усилия их принесли мало пользы. Они, в сущности, находились в том же положении, в каком находился петровский генерал-прокурор, и при своём добродушии, как отличительной черте русскаго характера, им не хотелось губить людей, ничуть не худших, чем большинство их товарищей. Кроме того, по принятому кодексу официальной нравственности, нарушение дисциплины считалось гораздо более сильным преступлением, чем безчестность, политическая же преступления считались ещё ужаснее всего. Вследствие этого жандармы закрывали гла-

за на преобладающие злоупотребления, по их мнению, неизлечимые и обращали внимание на действительные или воображаемые политические проступки. Лихоимство и взяточничество оставались незамеченными, а неосторожное слово или глупая шутка на счёт правительства нередко раздувались в дело государственной измены.

Это учреждение существует до сих пор и имеет по представителю в каждом значительном городе. Оно служит как бы прибавлением к обыкновенной полиции и применяется всегда к делам, требующим тайну. К несчастью, оно не связано теми законными ограничениями, которые обеспечивают жителей против произвола.

Мои отношения к этой отрасли администрации были несколько оригинальны. После своего опыта с новгородским вице-губернатором я решился поставить себя вне всякого подозрения и для этого обратился к шефу жандармов с просьбой выдать мне какую-нибудь официальную бумагу, которая могла бы удостоверить всех чиновников, с которыми я буду иметь дело, что у меня нет незаконных намерений. Просьба моя была исполнена, и мне вручили требуемый документ; но я скоро увидел, что, стараясь уйти от Сциллы, я попал в Харибду. Устраняя официальное подозрение, я невольно возбудил подозрение совершенно другого рода. Бумага, доказывавшая, что я пользуюсь покровительством правительства, во многих возбуждала подозрение, что я агент тайной полиции, и сильно мешала мне в собирании сведений из частных источников. Так как частные источники были для меня гораздо важнее официальных, то я не стал просить возобновления покровительственной бумаги, а продолжал поездку как обыкновенный путешественник. Некоторое время мне не было причины сожалеть об этом решении. Я имел основание думать, что за мною следили, и письма мои иногда разпечатывались на почте, но дальнейших неудобств я не испытал. Но, наконец, когда я почти забыл историю о Сцилле и Харибде,

я однажды ночью неожиданно наскочил на Сциллу и к немалому моему удивлению оказался формально арестованным! Приключение это случилось таким образом.

Летом 1872 года мне представилась возможность посетить Австрию и Сербию, и после непродолжительного отсутствия я вернулся в Россию через Молдавию. Подъехав к Пруту, образуемому в тех местах границу, я застал там гражданского офицера, на обязанности которого лежал пересмотр паспортов всех проезжающих. Хотя паспорт у меня был совершенно в порядке и был визирован британским и русским консулами в Галаце, но офицер подверг меня допросу относительно моей прошлой жизни, настоящих занятий и будущих намерений. Услыхав, что я более двух лет на свой собственный счёт путешествовал по России и собирал различные сведения, он выразил недоверие и даже некоторое сомнение, точно ли я британский подданный; но когда показания мои подтвердил мой спутник, знакомый русский, у которого были бумаги, внушающие уважение, он пометил мой паспорт и позволил нам ехать. Осмотр нашего багажа таможенным чиновником кончился весьма скоро, и мы по пути в соседнюю деревню, где намеревались переночевать, очень радовались, что на некоторое время отделились от всякого сношения с официальным миром. Но в этом отношении мы рассчитывали без хозяина. Ровно в двенадцать часов ночи я был пробуждён сильным стуком в дверь и после довольно продолжительных переговоров, во время которых было предложено даже силою ворваться в комнату, я отдёрнул задвижку. Офицер, пометивший мой паспорт, вошёл и сказал ровным официальным тоном: «Я должен просить вас остаться здесь на сутки».

Немало удивившись такому заявлению, я попытался спросить о причине такого странного требования.

– Я исполняю долг службы, – лаконически ответил он.

– Может быть; тем не менее по зрелом обсуждении вы должны согласиться, что дело это касается и меня. К край-

нему моему сожалению, я не могу удовлетворить вашему требованию и должен уехать с восходом солнца.

– Вы не уедете. Позвольте мне ваш паспорт.

– Если я не буду задержан силой, то уеду в четыре часа; а так как до отъезда я желал бы немного поспать, то прошу вас тотчас же удалиться. Вы имели право остановить меня на границе, но не имели права являться и беспокоить меня таким образом, и я непременно пожалуюсь на вас. Паспорта своего я не дам никому, кроме действительного полицейского чиновника.

Тут последовало длинное разсуждение о правах, привилегиях и общем характере жандармов, в продолжение которых противник мой постепенно оставлял свой диктаторский тон и старался убедить меня, что уважаемое учреждение, к которому он принадлежит, есть обыкновенная отрасль администрации. Я должен сказать, что, несмотря на очевидное раздражение, он ни на минуту не переступил пределов вежливости и, по-видимому, не вполне был убеждён в правоте своего насилия со мною. Видя, что он не может убедить меня отдать ему паспорт, он ушёл, и я снова лёг спать, но через полчаса меня опять потревожили. На этот раз ко мне вошёл обыкновенный полицейский и потребовал мои бумаги. На вопрос мой о причинах такого требования он очень вежливо, извиняясь, отвечал, что причин не знает, но получил приказание арестовать меня и должен повиноваться. Я вручил ему свой паспорт под условием, что он даст мне расписку и мне позволят телеграфировать в Британское посольство в Петербург.

Рано поутру я телеграфировал посланнику и целый день прождал ответа. Мне позволили гулять по деревне и ближайшим окрестностям, но я мало пользовался этим позволением. Население всей деревни состояло исключительно из евреев, а евреи в этой части света обладают необыкновенною способностью распространять новости. Рано утром в деревне не было ни мужчины, ни женщины,

ни ребёнка, которые не слышали бы о моём аресте и, по естественному любопытству, не желали бы видеть злоумышленника, схваченного полицией. Служить зрелищем в виде злодея нет никакого удовольствия, и поэтому я предпочитал сидеть у себя в комнате, где в обществе своего спутника, весьма любезно оставшагося со мною и отпускаявшего шуточки на счёт знаменитой свободы британских подданных, я провёл время довольно весело. Самая неприятная сторона дела заключалась в неизвестности, сколько дней, недель или месяцев я буду задержан, и относительно этого вопроса полицейский не смел даже высказывать своего мнения.

Освобождение наступило скорее, чем я ожидал. На следующий день, – то есть через тридцать шесть часов после ночного посещения, – полицейский чиновник принёс мой паспорт и в то же время телеграмму из посольства, которая уведомляла меня, что центральные власти сделали распоряжение о моём освобождении. Когда впоследствии я упорно требовал объяснения этому нецеремонному обращению, которому я подвергся, министр иностранных дел объяснил мне, что около этого времени лицо одной со мной фамилии должно было ехать через границу с массой фальшивых денег и что я был арестован по ошибке. Я должен признаться, что это, хотя и официальное объяснение, далеко не удовлетворило меня, но я принуждён был ограничиться им и впоследствии никогда не имел более причин к подобным жалобам.

Из всего, что я видел и слышал о корпусе жандармов, я мог заключить, что большая часть офицеров – люди вежливые и образованные, старающиеся по возможности мягко исполнять свои неприятные обязанности. Но надо сказать, что вообще на них смотрят с подозрением и неудовольствием даже скромные люди, боящиеся всякой революционной пропаганды, открытие и уничтожение которой лежит на обязанности жандармов.

Но вернёмся к своему предмету. Ни жандармское управление, ни гениальный формализм делопроизводства не убавили взяточничества, нечестности и других пороков чиновников. Попытка помочь этому злу децентрализацией и общественными выборами тоже не имела успеха. Начиная со времён Екатерины II и до начала настоящего царствования сельская полиция и судьи всех губерний и уездов избирались местным населением, и история этих учреждений, пользовавшихся ещё худшей славой, чем всякая императорская администрация, может служить отвратительным эпизодом для лиц, защищающих магическую силу местного самоуправления при каких бы то ни было обстоятельствах.

Единственного действительного контроля над служебными злоупотреблениями можно достигнуть только отдав администрацию на суд общественного мнения. Это в России вполне доказано. Все попытки императоров в продолжение многих поколений уничтожить злоупотребления тщательным чиновничьим надзором оказывались совершенно безуспешными. Даже железная воля и страшная энергия Николая не могли исполнить этой задачи. Но когда после крымской войны пробудилось общественное мнение и царь призвал народ к содействию, упорное, глубоко вкоренившееся зло заметно стало исчезать. На некоторое время продажность и взяточничество стали совершенно неизвестны и с тех пор никогда не достигали уже своих прежних размеров.

В настоящее время администрацию нельзя назвать безгрешною, но сравнительно она чище, чем была в прежние периоды своей истории*. Хотя общественное мнение не имеет теперь такой силы, какую имело несколько лет тому назад, но оно всё-таки настолько сильно, что может удержать злоупотребления, которые во времена Николая и его предшественников были так обыкновенны, что не обращали на себя внимания. Впоследствии я ещё поговорю об этом предмете.

---

* Единственные чиновники, до сих пор пользующиеся положительно дурной репутацией, — это инженеры и лесничие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НОВОЕ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Благоприятная возможность изучать земство. — Русская самооценка. — Парламентская форма земства. — Уездное собрание. — Дворяне и бывшие крепостные. — Губернское собрание. — Главные члены. — Характер различных земств. — Начало и цель учреждения. — Необыкновенные ожидания. — Что земство сделало? — Почему в нем нет жизни? — Британский и русский методы создавать учреждения. — Характеристичный случай. — Будущность учреждения

Вскоре после прибытия моего в Новгород я познакомился с одним господином, который был мне представлен как «председатель губернской земской управы», и, найдя в нем человека любезного и общительного, я попросил его снабдить меня некоторыми сведениями об учреждении, главным представителем которого он был. Он с большой готовностью вызвался быть моим ментором в том, что касается земства, тотчас же познакомил меня с своими товарищами и пригласил меня приходить к нему в управу когда мне угодно. Этим приглашением я вполне воспользовался. Сначала посещения мои были церемонны, редки и непродолжительны, но, когда я увидел, что знакомый мой и товарищи его действительно желают посвятить меня во все подробности земской администрации и даже поставили мне для занятий отдельный стол, я стал ходить постоянно и проводил в управе ежедневно по нескольку часов, изучая текущие дела и записывая интересные данные по статистическим и другим сведениям,

получаемым членами, как будто бы я был тоже членом. Когда они отпраплялись осматривать госпиталь, дом умалишённых, учительскую семинарию или какое-нибудь другое земское заведение, они постоянно приглашали меня с собой и никогда не старались скрыть от меня недостатки, которые им случалось открывать.

Я указываю на эти факты потому, что они отлично рисуют полную готовность русских предоставить всякую возможность иностранцу, серьёзно желающему изучить их страну. Они полагают, что они долго были непоняты и систематически оклеветаны иностранцами, и сильно желают уничтожить все ложные взгляды на их страну. К их чести надо сказать, что в них мало, или даже вовсе нет, ложного патриотизма, пытающегося скрыть народные недостатки; оценивая себя и свои учреждения, они скорее слишком строги, чем снисходительны. Во времена Николая лица, желавшие быть в хороших отношениях с правительством, громко говорили, что они живут в счастливейшей стране, в целом мире наилучше управляемой; но этот пустой официальный оптимизм давно уже вышел из моды. В продолжение шести лет, проведённых мною в России, я встречал всюду полную готовность помогать мне в собирании сведений и очень редко замечал привычку бросать пыль в глаза иностранцам, о которой так много говорили некоторые писатели.

Земство есть своего рода местное управление, как бы дополняющее деятельность сельских общин и соответствующее тем высшим потребностям, каким не могут удовлетворять отдельные общины. На нём лежат общественные обязанности исправлять дороги и мосты, доставлять средства для переездов сельской полиции и других чиновников, избирать мировых судей, заботиться о первоначальном образовании и санитарных мерах, наблюдать за положением урожаев и принимать меры против угрожающего голода — одним словом, в известных точно определённых границах

исполнять все, что необходимо для материального и нравственного благосостояния населения. Это учреждение по своей форме чисто парламентское, то есть оно состоит из депутатского собрания, которое избирается не менее чем раз в год, и из постоянной управы, избранной собранием из своих членов. Если собрание считать местным парламентом, то управа соответствует министерству. В силу этой аналогии приятеля моего, председателя, иногда в шутку называли первым министром. Раз в три года депутаты избираются в известной определённой пропорции землевладельцами, сельскими властями и городским населением. В каждой губернии и в каждом уезде, на которых губерния разделена, имеется такое собрание и такая управа.

Вскоре после моего приезда в Новгород я имел случай присутствовать на уездном собрании. В бальном зале дворянского клуба я увидел за длинным столом, покрытым зелёным сукном, тридцать или сорок сидевших кругом мужчин. Перед каждым членом лежало несколько листов бумаги для заметок, а перед председателем – уездным предводителем дворянства – стоял небольшой колокольчик, которым он сильно звонил в начале заседания и всякий раз, когда призывал к молчанию. По правую руку председателя сидели члены управы, перед которыми лежали целые груды писанных и печатных документов, из которых они читали длинные и скучные отчёты, пока большинство собрания не стало зевать и один или двое из членов совсем заснули. По окончании каждого из этих отчётов председатель звонил в колокольчик, вероятно для того, чтобы разбудить спящих, и спрашивал, не желает ли кто сделать каких-нибудь замечания относительно того, что было прочитано. Обыкновенно делались замечания, и нередко начинались прения. Если мнения положительно не сходились, голоса отбирались кругом на листе бумаги или простым методом, чтобы лица, одобряющие мнение, встали, а не одобряющие остались на местах.

В этом собрании меня все более удивляло то, что оно состояло из дворян и из крестьян, – последних было положительное большинство, – и что между этими двумя классами не заметно было и следа антагонизма. Землевладельцы и их бывшие крепостные находились тут на совершенно равной ноге. Прения всегда производились дворянами, но и члены крестьяне нередко вставали, чтобы говорить, и замечания их, всегда ясные, практические и точно определенные, постоянно выслушивались с почтительным вниманием всеми присутствующими. Вместо яраго антагонизма, котораго можно было бы ожидать, соображаясь с составом собрания, в нем слишком много единодушия – факт, ясно показывающий, что большинство членов не очень интересуется представляемыми им бумагами.

Это собрание происходило в сентябре месяце. В начале декабря съезжается губернское собрание, и в продолжение трёх недель я ежедневно присутствовал на заседаниях его. По общему характеру и делопроизводству оно близко подходит на уездное собрание. Главная особенность губернскаго собрания заключается в том, что члены его избираются не первоначальными избирателями, но собраниями десяти уездов, составляющих губернию, и что оно рассматривает дела, касающиеся более чем одного уезда. Кроме того, депутатов-крестьян здесь очень немного, что сильно меня удивило, так как я знал, что по закону члены-крестьяне уездных собраний могут быть избираемы наравне с другими классами. Объясняется это тем, что уездныя собрания выбирают своими представителями в губернское собрание наиболее деятельных членов своих, и потому выбор обыкновенно падает на помещиков. Крестьяне не протестуют против такого порядка вещей, так как поездка на губернский собрания сопряжена с издержками, а жалованье депутатам положительно запрещено законом.

Чтобы дать читателю понятие об элементах, составляющих собрание, я познакомлю его с некоторыми членами.

Большую часть их можно описать несколькими словами. Это люди самые обыкновенные, в молодости служившие или в военной службе, или в гражданской, и потом, выйдя в отставку, уехали в свои поместья, где занимаются хозяйством, от которого получают небольшой доход. Некоторые из них к своим поземельным доходам прибавляют жалованье, служа мировыми судьями. Немногих из них можно описать подробнее.

Вот, например, сидит красивый, старый генерал в мундире с Георгиевским крестом в петлице, который даёт-ся только за храбрость на поле битвы. Это князь С..., внук одного из величайших людей России. Он занимал важный пост в администрации, никогда не запятнал своего имени никаким безчестным или неблаговидным поступком и большую часть своей жизни провёл при дворе. Хотя он не знаком близко с текущими делами и иногда слишком ясно выказывает утомление, но в спорных вопросах он всегда стоит на стороне правой, и когда приподнимается с своего места, то всегда говорит ясно по-военному.

Высокий худощавый мужчина, уже порядочно пожилой, который сидит слева, это князь В... . Имя его тоже историческое, но он более всего любил личную независимость, и вследствие этого он всегда держался вдали от администрации и двора. Свободное время он употреблял на науку и написал несколько очень хороших сочинений о политической и социальной науке. Энтузиаст и вместе с тем разумный аболиционист во времена освобождения крестьян, он с тех пор постоянно старался об улучшении положения крестьян, ратуя за распространение первоначального образования, устройство сельских кредитных обществ в деревнях, сохранение общинных учреждений и многочисленных реформы в финансовой системе. Оба эти лица, как говорят, великодушно дали своим крестьянам земли более, чем было определено положением об освобождении. В собрании князь В... говорит очень часто, и его всегда внимательно

слушают; во всех важных комитетах он является руководящим членом. Хотя он ярый защитник земских учреждений, но держится того мнения, что деятельность их должна быть сравнительно ограничена, и вследствие этого он расходится во взглядах с некоторыми из своих товарищей, готовых броситься на отважные, если даже не фантастические планы для развития естественных средств губернии. Сосед его г. П., один из самых умных и энергичных членов собрания. Он председатель управы в одном из уездов, где он основал несколько народных школ и учредил несколько сельских ссудных касс по образцу обществ, которые в Германии известны под названием Шульце Делича. Г. С., сидящий рядом с ним, несколько лет был мировым посредником между помещиками и крестьянами, потом членом земской уездной управы, а теперь директор одного банка в Петербурге.

Справа и слева от председателя – губернского предводителя дворянства – сидят члены управы. Длинный отчёт читает приятель мой «первый министр», начавший свою карьеру кавалерийским офицером, и после нескольких лет военной службы удалившийся к себе в имение; он очень умный и хороший делец и человек значительного литературного образования. Товарищ, помогающий ему читать отчёт, купец и директор городского банка. Его сосед тоже купец и в некотором отношении самый замечательный человек в зале. Хотя он родился в крепостном состоянии и человек ещё средних лет, но он занимает важное место в русском торговом мире. Слухи носят, что он положил основание своему состоянию, скупив однажды медную посуду в деревне, мимо которой проезжал, отправляясь в Петербург с телятами, от продажи которых он надеялся получить кое-какую прибыль. В продолжение нескольких лет он составил себе громадное состояние, но предусмотрительные люди думают, что он слишком любит смелые предприятия, и предсказывают, что он кончит свою жизнь таким же бедняком, каким и начал.

Все эти люди принадлежат, так сказать, к прогрессивной партии, которая поддерживает все предложения «либеральные» и в особенности все меры, могущия улучшить положение крестьян. Их главным противником является маленький человек с коротко обстриженной, шарообразной головой и небольшими проницательными глазами, которого можно назвать предводителем оппозиции. Этот человек протестует против многих предложений на том основании, что губерния и без того уже отягощена налогами и что расходы поэтому должны быть убавлены по возможности. В уездном собрании он проповедует свои воззрения с большим успехом, так как там большею частью заседают крестьяне, и он умеет говорить простым языком, пересыпая свою речь поговорками, что влияет гораздо сильнее на сельское население, чем научные принципы и логические выводы; но тут, в губернском собрании, сторонников у него немного и он ограничивается политикой протеста.

Новгородское земство пользуется, – или пользовалось в то время, – репутацией одного из самых развитых и энергических земств, и надо сказать, что в собрании 1870 г. совещания велись совершенно деловым, удовлетворительным образом. Отчёты были тщательно просмотрены, и каждая статья годового бюджета тщательно оценена. Во многих губерниях, которых я потом посетил, я нашёл, что дела велись совершенно иначе: заседания с необходимым числом голосов весьма редко собирались, а когда начинались прения, то они велись как пустая формальность и кончались весьма скоро. Характер собрания зависит, конечно, от того, в какой степени оно интересуется местными общественными делами. В некоторых уездах такой интерес к общественным делам довольно значителен, а в других этот интерес почти равняется нулю.

Читатель, может быть, подумает, что земство, подобно сельской общине, создавалось постепенно веками и представляет в настоящем виде остаток старой свободы,

противостоявший централистическим тенденциям самодержавной власти. В действительности, это совсем не так. Земство – учреждение новое, созданное самодержавною властью в прошлом десятилетии и представляющее новейшую попытку облегчить обязанности администрации и исправить некоторые злоупотребления посредством своего рода местного самоуправления.

Назначенная в 1849 году Комиссия о губернских и уездных учреждениях выработала закон, который был обнародован в январе 1864 года и вызвал необыкновенные надежды. В то время большая часть русских образованных классов оценивала всевозможные учреждения простым, удобным способом. Они считали аксиомой, что достоинство учреждения всегда должно соответствовать его либеральному и демократическому характеру. Вопрос же в том, как оно применимо к существующим условиям и народному характеру и не будет ли оно, хотя само по себе прекрасное, слишком обременительно сравнительно с достигаемой целью, не принимался во внимание. Всякое учреждение, основанное на выборном начале, непременно встречалось хорошо, а земство удовлетворяло всем этим требованиям.

Надежды, возбужденные земством, были различного рода. Люди, интересующиеся более политическими, чем экономическими успехами, видели в новом учреждении основу для широкой народной свободы. Если в Англии местное самоуправление, несмотря на свой аристократический характер, создало и охраняло политическую свободу, как это доказали многие немецкие учёные, то тем более должно ожидать этого от учреждения более либерального и демократического. В Англии никогда не было провинциальных парламентов и местное управление всегда оставалось в руках крупных землевладельцев; между тем в России всякий уезд будет иметь избирательное собрание, в котором крестьянину предоставлены те же права, что и

помещику. Люди же, привыкшие заботиться более об экономических, чем о политических интересах, надеялись, что земство скоро даст стране хорошия дороги, прочные мосты, множество народных школ, хорошо устроенные госпитали и все другия принадлежности цивилизации; что земледелие поднимется, торговля и промышленность разовьются и положение крестьян улучшится. Они надеялись, что беспечная апатия провинциальной жизни и наследственное равнодушие к общественным делам исчезнут; и в виду таких перемен предусмотрительныя матери брали своих детей в собрания для того, чтобы с детских лет приучить их интересоваться общественным благосостоянием.

Вряд ли надо говорить, что эти необыкновенныя надежды не сбылись. Правительство и не думало давать новому учреждению политическое значение и вскоре показало, что оно не позволит собраниям никакой политической агитации. Когда оказалось, что петербургское земство хотело играть политическую роль, собрание его было закрыто по высочайшему повелению, и некоторыя выдающиеся члены даже должны были на время оставить столицу.

Даже в своей ограниченной законом сфере деятельности земство не выполнило того, что от него ожидали. Страна не покрылась сетью хороших шоссейных дорог, и мосты далеко не сделались безопасными; народных школ до сих пор очень мало, а госпитали весьма редки. Для развития торговли и промышленности сделано мало или почти что ничего, и деревни остались в том положении, в каком были и прежде. Между тем местные налоги увеличивались с ужасающей быстротой; и из всего этого многие выводят такое мнение, что земство – учреждение ничего не стоящее, которое только увеличивает налоги, не принося соответствующей пользы стране*.

---

* Общая сумма налогов тридцати губерний возросла в течение трех лет от 5 186, 802 руб. до 14 569, 567 рублей.

Если мы меркою своего суждения об учреждении возьмём вышеупомянутыя чрезмерныя надежды, то мы, пожалуй, найдём такое заключение правильным, но оно только скажет нам, что земство не наделало чудес. Россия гораздо беднее и гораздо менее населена, чем более развитые народы, которых она берет себе в образец. Предполагать, что она сразу административными реформами могла бы создать себе все преимущества, которыми пользуются эти более развитые народы, было бы также безразсудно, как воображать, что бедняк может выстроить себе дворец, потому что получил от богатого соседа необходимые архитектурные планы. Не года, а поколения пройдут прежде, чем Россия примет вид Германии, Франции или Англии. Превращение может ускориться или замедлиться благоприятными обстоятельствами, но не сделается сразу, даже если при законодательстве употреблена будет мудрость всех философов и государственных людей Европы.

Земство, однако же, сделало гораздо больше, чем предполагает большинство его порицателей. Прежде всего, оно довольно хорошо выполняет свои ежедневныя обязанности и весьма мало повинно в вымогательствах и взяточничестве. Во-вторых, оно много улучшило состояние госпиталей, приютов и других благотворительных учреждений и сделало очень многое, принимая во внимание имеющиеся у него ограниченные средства, для народного образования, основав народныя школы и несколько семинарий для приготовления народных учителей. Я имел возможность близко познакомиться с учительской семинарией около Новгорода и могу только с высшей похвалой отзываться о ней и о директоре ея, бароне Косинском. В-третьих, земство создало новую и более справедливую систему налогов, причём землевладельцы и домохозяева несут свою долю общественных тягостей. Наконец оно создало систему взаимнаго страхования от огня для крестьян – чрезвычайно полезное учреждение для такой стра-

ны как Россия, где большинство крестьян живёт в деревянных домах и пожары весьма часты*.

Несмотря на эти важные результаты, надо признаться, что земство находится теперь в несколько критическом положении. Оно не пользуется более общественным доверием и выказывает несомненные признаки утомления. Факт этот признан всеми, и почти все компетентные люди смотрят одинаково на причины такого явления. Правительство, как они говорят, в минуту энтузиазма составило проект дать народу местное самоуправление, но потом стеснило юное учреждение. Собрания были принуждены взять себе в председатели предводителей дворянства. При обложении пошлиной торговли и промышленности был положен предел, и таким образом торговый класс потерял всякий интерес в делах земства. Гласность, данная вначале, потом была уменьшена тем, что губернаторы получили право запрещать обнародование протоколов и других бумаг. Эти ограничения, говорят они, лишили земство силы.

Вышеприведённое объяснение вполне согласуется с русскими понятиями и образом мыслей. Когда что-нибудь в России не идёт на лад, то обыкновенно склонны винить

---

* В 1868 году общие доходы земств тридцати губерний, заключающих в себе пространство в шесть раз большее Великобритании и Ирландии, доходили только до 15 млн. рублей. Сумма эта была разделена следующим образом:

	Руб.	Проц.
1. Дома для полиции и других чиновников	669 719	4,6
2. Постой для войск	118 080	0,8
3. На переезды полиции и других чиновников	2 485 973	17,0
4. Расходы администрации собственно по крестьянским делам	2 160 258	14,9
5. Мировые суды	1 925 388	13,2
6. Дороги и мосты	1 906 777	13,1
7. Санитарные меры (врачи, госпитали и пр.)	1 204 162	8,3
8. Народное образование	738 859	5,1
9. Уплата долгов и разные расходы	562 991	3,8
10. Расходы по земской администрации	2 797 360	19,2
	<hr/> 14 569 567	<hr/> 100,0

во всем правительстве и помощи ждут от Петербурга. Так как правительство стремится наложить на все свой контроль, то такая тенденция естественна, но это не совсем верно относительно земства. Если несомненно, что свобода действий земства ограничена, то точно так же несомненно, что учреждение, так легко поддающееся, не имеет в себе самом достаточной жизненной силы. По моему мнению, причина настоящего утомления и апатии земства лежит гораздо глубже, и искать её надо в одной из особенностей русской жизни. Это можно объяснить, сделав краткое сравнение британского и русского метода создания новых учреждений.

Британская политическая жизнь отличается тем, что учреждения англичан возникли из действительных практических потребностей, резко чувствуемых большей частью населения. Осторожные и консервативные во всем, что касается общественного благосостояния, англичане смотрят на всякую перемену как на необходимое зло и отсрочивают тяжёлый день насколько возможно, хотя убеждены, что когда-нибудь он должен наступить. Вследствие этого административные нужды англичан всегда опережают возможность удовлетворить им, и лишь только они удовлетворяются, англичане ревностно пользуются этой возможностью. Британский метод удовлетворения этих нужд так же своеобразен. Вместо того, чтобы прибегать к *tabula rasa* и начинать с короля, они утилизируют до последней крайности все, что имеют, и прибавляют только крайне необходимое. Говоря метафорически, они исправляют и расширяют своё политическое здание соответственно их образу жизни, не обращая большого внимания на абстрактные принципы или на какия-нибудь случайности далёкого будущего. Здание может выйти эстетическим уродом, не принадлежащим ни к какому известному архитектурному стилю и выстроенным без всяких принципов, признанных философскими критиками искусства, но оно

будет применимо к английским потребностям, и каждый уголок, верно, будет употреблён с пользой.

Политическая история России за последние два века была совершенно не такая. Её можно положительно называть сериями революций, мирно произведённых самодержавной властью. Каждый молодой энергический монарх старался создать новую эпоху, совершенно преобразовывая администрацию на основаниях самых лучших современных политико-экономических принципов. Учреждения не создавались постепенно из народных потребностей, но избирались бюрократическими теоретиками для удовлетворения потребностей, которых народ ещё не сознавал. Вследствие этого административная машина мало или вовсе не заимствовала побудительной силы от народа и постоянно поддерживалась в движении только энергиею центрального правительства. При таких обстоятельствах неудивительно, что постоянные попытки правительства облегчить тяжесть централизованной администрации посредством органов местного самоуправления положительно не имели успеха.

Правда, что земство представляет более шансов на успех, чем что-либо из прежних учреждений. Большая часть дворян почувствовала необходимость улучшить администрацию, и народ интересуется общественными делами сильнее, чем в прежния времена. Вследствие этого в начале явился период энтузиазма, во время котораго делались большия приготовления к будущей деятельности, и немало было действительно выполнено. Учреждение носило на себе прелесть новизны, и члены чувствовали, что на них обращены взоры публики. Некоторое время все шло очень хорошо, и земство так было довольно своей собственной деятельностью, что в сатирических статьях оно сравнивалось с Нарциссом, который любит себя своим отражением в луже. Но, когда прелесть новизны прошла и публика обратила своё внимание на другие предметы, судорожная энер-

гия улетучилась и многие из самых деятельных членов стали искать более выгодных занятий. Такие занятия найти было не трудно, так как в то время был необыкновенный запрос на способных, энергических, образованных людей. Многие отрасли гражданской службы преобразовывались, и железные дороги, банки и компании на акциях быстро учреждались. Земству трудно было конкурировать с ними. Оно не могло, подобно казённому ведомству, давать пенсии, ордена, надежды на повышения и не могло платить такого большего жалованья, как торговые и промышленные компании. Вследствие всего этого качество личного состава управ понизилось в то же самое время, как убавился общественный интерес к учреждению.

На эти факты необходимо указать, потому что они влияли на появление апатии, которой земство теперь страдает. Но это не главная причина. Апатия появилась между депутатами и в публике, точно так же как и в управах. Главная причина заключается в том, что очень немногие действительно чувствуют потребность того, что земство призвано сделать. Возьмём, например, вопрос первой необходимости. Необходимость хороших путей для развития народных богатств есть принцип хорошо известный каждому русскому, имеющему претензию на образование, но весьма немногие из просвещённых депутатов, говорящие об этом принципе, чувствуют необходимость в хороших путях для своих уездов в такой же степени, как они чувствуют необходимость составить партию в карты. Одна потребность теоретическая, а другая практическая. Только когда землевладелец выучится тщательно вести книги и увидит, что деньги, истраченные на дороги, с лихвою возвращаются уменьшением издержек на перевозку кладей, тогда, и только тогда, комиссии по устройству дорог начнут энергически действовать. То же самое замечание *mutatis mutandis* можно применить ко всем другим отраслям самоуправления.

Чтобы обрисовать главный непрактический характер учреждений, я расскажу об одном случае, которого мне привелось быть свидетелем в одной уездной управе. Когда в заседании поднят был вопрос о народных школах, один влиятельный член встал и предложил ввести во всем уезде обязательную систему обучения. Странно сказать, что это предложение чуть было не прошло, хотя все присутствующие знали, – или, по крайней мере, могли знать, если бы потрудились спросить, – что для этого пришлось бы увеличить существовавшее число школ в двадцать раз и что местные налоги были и без того очень велики. Чтобы сохранить свою репутацию либерала, почтенный член предложил принять обязательную систему, но не употреблять ни денежных штрафов, ни наказаний, ни каких-либо других принудительных мер. Но каким образом может быть система обязательной без принудительных мер, он не счёл нужным объяснить. Чтобы отстранить это затруднение, один из его сторонников заявил, что крестьяне, которые не станут посылать своих детей в школу, должны быть лишены права на общественные сельские должности, но это предложение вызвало только общий смех, потому что многие депутаты очень хорошо знали, что крестьяне будут считать это предполагаемое наказание драгоценной привилегией. И в то время как разсуждалось о необходимости ввести идеальную систему обязательного обучения, улица перед окнами комнаты была покрыта слоем грязи в два фута глубины! Другия улицы были в таком же положении; и многие члены приезжали всегда поздно, потому что пешком приходить не было никакой возможности, а в городе имелся только один извозчик. У многих членов были, к счастью, свои собственные экипажи, но и переезд был нелёгок. Однажды на главной улице тарантас одного из членов опрокинулся, и сам он упал в грязь.

Я мог бы описать многие мелкие недостатки земства в его настоящем положении, но не желаю строго порицать

юное учреждение, воодушевлённое добрыми намерениями и заблуждающееся главным образом по неопытности. При всех его недостатках и заблуждениях, оно неизмеримо лучше всех учреждений, которых оно заменило. Если мы сравним земство с прежними попытками создать местное самоуправление, то надо согласиться, что русские сделали большие успехи в своём политическом образовании. Какое будет будущее земства, я предсказывать не берусь. Я готов верить, что оно переживёт своё настоящее летаргическое состояние и постепенно приобретёт новую жизненную силу, когда народ все более и более будет чувствовать потребность в тех вещах, которыми оно будет заниматься. Но, с другой стороны, оно может умереть от истощения или его может стереть новый прилив реформы, прежде чем оно успеет глубоко пустить корни. Кто-то совершенно справедливо сказал, что время не уважает дела, возникшего без его участия, и нигде это изречение так часто не сбывалось, как в России, где учреждения растут как тыквы и исчезают быстро, не оставляя после себя и следа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ПОМЕЩИКИ СТАРОЙ ШКОЛЫ

Русское гостеприимство. — Помещичий дом. — Описание его владельца. — Его жизнь. — Прошлое и настоящее. — Зимние вечера. — Книги. — Сношение с внешним миром. — Крымская кампания и освобождение крестьян. — Помещик пьяница и кутила. — Старый генерал и его жена. — Имянины. — Легендарное чудовище. — Судья в отставке. — Ловкий писец. — Общественная снисходительность. — Причины деморализации

Из всех стран, по которым я путешествовал, конечно, России надо отдать пальму первенства во всем, что касается гостеприимства. Каждую весну я получал множество приглашений от землевладельцев с разных концов России, — гораздо более чем я мог принять, — и большую часть лета я обыкновенно проводил в переездах из одной помещицкой усадьбы в другую. Я не имею намерения просить читателя сопровождать меня в моих странствованиях, так как они, хотя и были приятны на деле, могут быть скучны в описании, но желаю дать ему некоторое понятие о русских помещиках и поэтому выберу для описания несколько типических экземпляров из этого класса.

Между русскими землевладельцами есть люди всяких состояний и образования, начиная от богатого магната, окружённого изысканной роскошью западноевропейской цивилизации, и кончая бедным, плохо одетым, необразованным владельцем нескольких десятин, едва обеспечивающих его существование. Возьмём сперва несколько примеров средней руки.

В одной из губерний средней полосы по берегу тихой извивающейся речки стоит неправильная кучка деревянных домов – старых, невыкрашенных, почерневших от времени и покрытых высокими, крутыми, обросшими мохом, тесовыми кровлями. Главное строение – длинный одноэтажный жилой дом, обращённый прямо на улицу. Перед домом лежит большой, грязный двор, а позади его – такой же большой тенистый сад, в котором искусство слабо борется с природой. По другую сторону двора, как раз против двери, или скорее против дверей, так как их две, стоят конюшни, сеновал и амбар, и около конца дома дальнейшего от дороги находятся два небольших домика, в одном из которых помещается кухня, а в другом – людская. За ними виднеются сквозь ряд лип ещё кучка почерневших от времени деревянных строений в ещё более ветхом состоянии. Это скотный двор.

В расположении этих строений, правда, нет большой симметрии, но, тем не менее, существует некоторый порядок и смысл в кажущемся хаосе. Все строения, не имеющие печей, выстроены на значительном расстоянии от жилаго дома и кухни, которые скорее могут подвергнуться пожару, а кухня стоит отдельно потому, что запах кушаньев, в которых входит постное масло, не совсем приятен даже для людей с нечувствительными нервами. В плане дома тоже видно известное соображение. Тщательное разделение полов, бывшее характеристической чертой старого русского общества, давно уже исчезло, но влияние его ещё заметно в домах, выстроенных по старому образцу. Описываемый мною дом именно старого образца, и поэтому он состоит из трёх отделений – с одного конца мужская, с другого женская, а в середине нейтральная территория, состоящая из столовой и гостиной. Такое распределение имеет своё удобство и объясняет тот факт, что у дома два подъезда. С задней стороны есть ещё третья дверь, которая ведёт из нейтральной части на большую террасу, выходящую в сад.

Тут живёт уже много лет Иван Иванович К..., дворянин старого закала, человек в своём роде очень достойный. Глядя на него, как он сидит в своём удобном кресле, в широком халате нараспашку, с длинной трубкой в руках, мы сразу можем несколько определить его характер. Природа одарила его широкими костями и широкими плечами и, очевидно, предназначала его быть человеком значительной мускульной силы, но он сумел разрушить эти благодетельные задатки, и теперь у него более жира, чем мускулов. Его коротко обстриженная голова кругла как шар, а черты лица крупные и грубые, но грубость их смягчена выражением спокойного довольства и невозмутимаго добродушия, иногда выражающегося широкой улыбкой. Лицо его принадлежит к лицам, которым никакой искусный гримёр не придал бы выражения беспокойства и озабоченности, да такое выражение ему и не шло бы. Как все другие смертные, он ощущает иногда небольшое неудовольствие, и в таких случаях его маленькие серые глаза сверкают, а лицо его покрывается яркой краской, грозящей апоплексией; но неудача никогда не могла настолько побороть его, чтобы заставить понять значение слов заботы и беспокойства. О борьбе, разочаровании, надежде и всех других чувствах, придающих драматический интерес жизни, он знает немного понаслышке, но не по собственному опыту. Он действительно жил всегда вдали от борьбы за существование, которая, по мнению новейших философов, есть закон природы.

Лет около шестидесяти тому назад Иван Иванович родился в том самом доме, где он теперь живёт. Первоначально он учился у приходского священника, а потом его обучал сын дьякона, учившийся в духовной семинарии, но так плохо, что не мог сдать окончательного экзамена. Оба эти учителя обходились с ним крайне снисходительно и позволяли ему учиться столько, сколько ему самому заблагоразсудится. Отец его желал, чтобы он учился побольше, но мать боялась, что ученье повредит его здо-

ровью, и давала ему по несколько праздников в неделю. Вследствие этого успехи его были не особенно быстрые, и он весьма мало был знаком с элементарными правилами арифметики, когда однажды отец его объявил, что ему уже восемнадцать лет и что поэтому он должен сейчас же поступить на службу. Но куда? У Ивана от природы не было склонности ни к какому роду деятельности. Проект о поступлении его юнкером в один кавалерийский полк, командиром которого был старый приятель его отца, вовсе не нравился ему. Он не чувствовал склонности к военной службе и положительно не желал держать экзамена. Делая вид, что уступает непреклонной воле отца, он просил мать воспротивиться этому плану.

Затруднение, в котором находился Иван, заключалось в следующем: в угождение отцу он желал поступить на службу и приобрести чин, который желает иметь каждый русский дворянин, и в то же время, в угоду матери и по своим собственным наклонностям, он желал остаться дома и продолжать свою беззаботную жизнь. Случайно захвативший к ним предводитель дворянства вывел его из затруднения, предложив записать его секретарём дворянской опеки, заведывающей именными малолетних. Все обязанности этой службы могли быть исполнены наёмным секретарём, а номинальный чиновник периодически получал повышения, как действительно служащий. Это как раз соответствовало желаниям Ивана. Он охотно принял предложение и в течение семи лет без всяких с своей стороны усилий достиг чина «коллежского секретаря», соответствующего военному чину штабс-капитана. Чтобы идти выше, ему надо было искать место, на которое он не мог уже исполнять свои обязанности через другого, и поэтому он решился ограничиться лаврами, так легко ему доставшимися, и выйти в отставку.

Вслед за прекращением его служебной жизни началась его брачная жизнь. Ещё до получения отставки он в одно

прекрасное утро очутился на пути к женитьбе. Тут тоже с его стороны не было сделано никаких усилий. Поток истинной любви, который, как говорят, никогда не льётся спокойно для обыкновенных смертных, прошёл для него тихо и гладко. Ему не пришлось даже делать предложение. Все дело было устроено его родителями, выбравшими в жены своему сыну единственную дочь своего ближайшего соседа. Молодой девушке было всего шестнадцать лет, и она не отличалась красотой, талантами или чем-нибудь особенным, но она обладала одним весьма важным качеством, — она была дочерью человека, поместье которого граничило с их поместьем, и отец мог дать за нею в приданое известный клочок земли, который им давно хотелось приобщить к своему имению. Переговоры такого деликатного характера были поручены одной старой даме, известной своими дипломатическими способностями в такого рода делах, и миссию свою она исполнила с таким успехом, что через несколько недель предварительные переговоры были уже окончены и назначен день свадьбы. Таким образом Иван Иванович приобрёл себе жену так же легко, как приобрёл себе чин коллежского секретаря.

Хотя молодой скорее получил, чем взял себе жену, и ни на минуту не воображал себя влюблённым, тем не менее, он не имел причины сожалеть о сделанном для него выборе. По характеру и по воспитанию Марья Петровна была подходящей женою для такого человека, как Иван Иванович. Она выросла дома в обществе нянек и горничных и ничему другому не училась, кроме того, чему можно было выучиться у сельского священника и у «мамзели», занимавшей положение среднее между горничной и гувернанткой. Первыми событиями в её жизни были: объявление ей, что она выходит замуж, и приготовления к свадьбе. Всю свою жизнь потом она вспоминала о том восторге, какой доставило ей приготовление приданого, и помнила весь список закупленных вещей. Первые годы её брачной жиз-

ни не были счастливы, потому что свекровь обращалась с нею как с капризным ребёнком, которого надо было часто бранить и распекать; но она с примерным терпением переносила это распеканье и в своё время сделалась сама госпожею и самовластной правительницей всех домашних дел. С этой поры она вела активную, безмятежную жизнь. Между нею и ея мужем существует взаимная привязанность, какая может быть при их флегматических характерах после тридцатилетней брачной жизни. Она употребляет все свои силы, чтобы удовлетворить его простым материальным потребностям, – интеллектуальных потребностей у него нет, – и всеми средствами доставить ему удобства. Вследствие такого тщательного попечения, он обабился, как выражается сам. Его страсть к охоте и стрельбе пропала, он реже и реже ездит по соседям и с каждым годом все более и более проводит время в своём удобном кресле.

Обыденная жизнь этой достойной четы в высшей степени правильна и однообразна, но изменяется только с переменою времени года. Летом Иван Иванович встаёт часов в семь и одевается с помощью своего лакея в весьма простой костюм, состоящий из полинялаго застёгнутого наглухо халата. Не имея никаких особенных занятий, он садится у открытого окна и смотрит во двор. Когда проходит кто-либо из прислуги, он останавливает его каким-нибудь вопросом, потом или приказывает что-нибудь, или бранит, смотря по обстоятельствам. В девять часов подают чай, и он отправляется в столовую – длинную узкую комнату с простым деревянным полом, меблированную только столом и стульями в более или менее ветхом состоянии. Тут он застаёт свою жену перед самоваром. Через несколько минут являются дети, целуют руки своему папе и садятся кругом стола. Так как эта утренняя еда состоит только из хлеба и чая, то она продолжается недолго, и все расходятся к своим различным занятиям. Глава дома начинает свой дневной труд тем, что садится у открытого

окна и берет трубку, набитую мальчиком, специально заведывающим трубками барина. Выкурив две или три трубки и достаточно насладившись безмолвным созерцанием, он выходит с намерением осмотреть конюшню и скотный двор, но обыкновенно, дойдя до половины двора, он находит жар нестерпимым и возвращается к своему прежнему положению у открытого окна. Тут он спокойно сидит до тех пор, пока солнце не обойдет кругом и терраса с другой стороны дома не станет в тени, тогда он переносит кресло своё туда и сидит там до самага обеда.

Марья Петровна проводит утро более деятельным образом. Лишь только чай со стола убирается, она идет в кладовую, достает провизию, заказывает кушанье и выдает повару необходимый материал с точными объяснениями, как все должно быть приготовлено. Остальную часть утра она посвящает другим хозяйственным обязанностям.

В час подают обедать, и Иван Иванович для возбуждения аппетита пропускает залпом рюмку домашней горькой. Обед есть великое событие дня. Еды много, и она хорошаго качества, но грибы, лук и жир играют слишком большую роль в обеде, и весь он приготовлен без особеннаго соблюдения правил кухонной гигиены. Многие из кушаньев, конечно, поставили бы в тупик какого-нибудь хвораго британца, но они, по-видимому, не производят дурнаго действия на русские организмы, не ослабленные городской жизнью, нервным возбуждением или умственным трудом.

Не успеют снять со стола последнее кушанье, как дом погружается в мёртвую тишину. Это время послеобеденнаго отдыха. Дети уходят в сад, а все другие члены семейства погружаются в дремоту, совершенно естественную после тяжёлага обеда в жаркий летний день. Иван Иванович уходит к себе в комнату, откуда мухи тщательно изгоняются мальчиком, приставленным к трубкам. Марья Петровна дремлет в кресле в гостинной, прикрыв лицо носовым платком. Прислуга храпит по коридорам, чердакам или сенова-

лам, и даже старая дворовая собака в углу двора вытягивается во всю длину в тени своей конуры.

Часа через два весь дом постепенно пробуждается. Двери начинают скрипеть; имена различной прислуги выкрикиваются на все тоны, начиная от баса до фальцета, и по двору слышатся шаги. Вскоре из кухни появляется лакей с огромным самоваром в руках, который пыхтит точно маленький локомотив. Семейство собирается для чая. В России, как и везде, сон после тяжёлого обеда производит жажду, так что чай или какое-нибудь другое питье очень кстати. После этого подают лакомства – плоды или лесные ягоды, или огурцы с мёдом, или что-нибудь в этом роде, и затем семейство снова расходится. Иван Иванович едет в поле на беговых дрожках, а Марью Петровну, вероятно, посетит попадья, главная сплетница по всей окрестности. В уезде скандалы не часты, но все, что случается, тщательно собирается попадье́й и разделяется между знакомыми с полным великодушием.

Вечером нередко во двор приходит маленькая кучка крестьян и спрашивает барина. Барин появляется в дверях и находит обыкновенно, что они пришли просить милости. В ответ на его вопрос: «Ну, ребята, что вам надо?» – они рассказывают своё дело неясно и нетвердо, так как многие говорят зараз; поэтому ему приходится спрашивать и переспрашивать, чтобы понять то, что им нужно. Если он говорит им, что не может исполнить просьбы, они, вероятно, не внемлют первому отказу, а попытаются просьбами поколебать его решение. Выступая вперёд и низко кланяясь, кто-нибудь из кучки начинает полупочтительным, полуфамильярным льстивым тоном, – «Батюшка, Иван Иванович, будь милостив; ты отец наш, мы твои дети»... и т. д. Иван Иванович слушает добродушно и снова объясняет, что не может сделать того, о чем они просят; но они все-таки продолжают надеяться выиграть своё дело просьбами и продолжают просить до тех пор, пока терпение его исчерпается

и он отеческим тоном говорит им: «Ну, довольно, довольно, вы дураки, все вы дураки! Нечего толковать, этого нельзя». И с этими словами он уходит в комнаты, чтобы прекратить всякие дальнейшие разговоры.

Каждый вечер обыкновенно происходит разговор с управляющим. Исполненная работа и программа на следующий день всегда обсуживается очень долго, и много времени употребляется на разговоры о том, какова будет погода на следующие дни. Относительно этого последнего пункта тщательно выслушивается также мнение календаря, предсказаниям которого вполне доверяют, хотя прошлый опыт часто показывал, что, безусловно, доверять им нельзя. Разговоры продолжаются пока не докладывают об ужине, и вслед за ужином, который есть краткое повторение обеда, все расходится на ночь.

Таким образом проходят дни, недели, месяцы в доме Ивана Ивановича, и отклонения от обыкновенной программы бывают очень редки. Погода, конечно, производит некоторые лёгкие изменения. В холодное время двери и окна запираются, и после сильных дождей кто не хочет вязнуть в грязи остаётся дома или в саду. В длинные зимние вечера семейство собирается в гостинную и всякий убивает время как знает. Иван Иванович курит свою длинную трубку и размышляет или слушает шарманку, на которой играет кто-нибудь из детей. Марья Петровна вяжет чулок. Старая тётка, проживающая обыкновенно с ними зиму, раскладывает пасианс и иногда загадывает что-нибудь о будущем. Ея любимыя предсказания обыкновенно состоят в том, что приедет какой-то гость или составится какой-то брак, и она определяет даже, приедет ли гость или гостья и цвет волос жениха; но далее этого искусство ея не идёт, и она не может дальнейшими подробностями удовлетворить любопытству молодых девушек.

Книги и газеты редко являются в гостинную, но для желающих читать имеется книжный шкаф с различными

литературными произведениями, дающими понятие о литературных вкусах семьи в продолжение нескольких поколений. Самая старая книга была куплена дедом Ивана Ивановича – человеком, который, как гласит семейное предание, пользовался доверием Екатерины Великой. Хотя новейшие историки совершенно оставили его без внимания, но, очевидно, он имел некоторые претензии на образование. Он сделал свой портрет, написанный иностранным художником с значительным дарованием, – портрет до сих пор висит в гостиной, – и купил несколько вещей из севрского фарфора, остатки которых стоят на комод в углу и представляют странную противоположность с грубой доморощенной мебелью и неопрятным видом комнаты. Между книгами, на которых написано его имя, есть трагедии Сумарокова, воображающего себя «русским Вольтером», забавные комедии Фон-Визина, из коих некоторые ещё держатся на сцене; высокопарные оды царедворца Державина; две или три книги, заключающие в себе франк-масонскую мистическую мудрость, разъяснённую Шварцем или Новиковым; русские переводы Ричардсоновых «Памелы», «Сера Чарльса Грандисона» и «Клариссы Гарлау»; «Новая Элоиза» Руссо в русском переводе и три или четыре тома Вольтера в оригинале. Из книг, приобретённых несколько позднее, есть переводы из Анны Радклиф, первых романов Вальтер-Скотта и Дюкре Дюмениля, рассказы которого «Лолот и Фанфан» и «Виктор» пользовались когда-то большой репутацией. На этом пункте литературные вкусы семейства, по-видимому, вымерли, потому что представителями последующей литературы являются только басни Крылова, руководство сельского хозяйства, домашний лечебник и несколько календарей. Но затем являются признаки возрождения, и на нижней полке стоят последние издания Пушкина, Лермонтова и Гоголя и несколько произведений современных писателей.

Иногда однообразие зимы прерывается посещением соседей и поездкой к ним или более решительно – поездкою на несколько дней в губернский город. В последнем случае Марья Петровна проводит почти все время в магазинах и привозит домой кучу разных покупок. Осмотр их собравшейся семьёй составляет важное домашнее событие, совершенно отстраняющее на задний план случайные появления торговцев и разнощиков. Потом наступают праздники Рождества и Святой и случаются происшествия менее приятного качества. Иногда нападёт столько снегу, что необходимо прокладывать дорогу в кухню и конюшни; или во двор забегут волки и подерутся с дворовыми собаками, или приходит известие, что в соседней деревне на дороге найден был замёрзший пьяница.

Вообще же семья живёт уединённой жизнью, но соединяется с внешним миром одной нитью. Двое из сыновей служат офицерами в армии и иногда пишут домой матери и сёстрам. Весь небольшой запас сентиментальности Марьи Петровны отдаётся этим двум молодым людям. Она целыми часами может говорить о них всякому, кому угодно её слушать, и она сотни раз рассказывала попадье каждый пустой случай из их жизни. Хотя они никогда не давали ей поводов к беспокойству, но она живёт в постоянном страхе, что с ними может случиться какое-нибудь бедствие. Более всего она боится, что их могут отправить в кампанию или что они влюбятся в актрис. Война и актрисы действительно являются двумя пугалами в её жизни, и всякий раз, как она увидит дурной сон, она просит священника отслужить молебен за сохранение её отсутствующих детей. Иногда она решается высказать свой страх мужу и просит его написать им; но он считает очень серьёзной работой писанье письма и всегда уклончиво отвечает: «Ладно, ладно, подумаем об этом».

Во время Крымской кампании Иван Иванович, – хотя сыновья его ещё не были в армии, – несколько пробудился

от своей обычной летаргии и читал сухие официальные отчёты, печатавшиеся в газетах. Он был несколько удивлён, что не одерживалось великих побед и что армия не двинулась прямо на Константинополь. О причинах он никогда не размышлял. Кто-то из соседей сказал ему, что армия находится в дезорганизации и вся система оказалась негодной. Очень может быть, говорил он, но он ничего не понимает в военных и политических делах. Несомненно, все кончится благополучно. Действительно, всё кончилось, и он снова перестал читать газеты; но вскоре затем его стали беспокоить гораздо более тревожные слухи, чем слухи о войне. Начали поговаривать о крестьянском вопросе и громко заявлять, что крестьяне должны быть освобождены. В первый раз в жизни Иван Иванович пожелал объяснения. Услышав, что один из его соседей, человек почтенный, гуманный, сторонник строгой дисциплины, говорил в таком роде, он отвёл его в сторону и спросил, что все это значит. Сосед объяснил, что старый порядок вещей оказался несостоятельным и потому его надо уничтожить, что наступает новая эпоха, что все будет преобразовано и что Император, согласно тайному пункту трактата, заключённого с союзными державами, намеревается дать конституцию!

Иван Иванович слушал сначала молча, потом нетерпеливым движением прервал говорившаго и сказал: «Полно дурачиться! Скажи мне, Василий Петрович, серьёзно, что ты об этом думаешь».

Когда же Василий Петрович стал уверять, что он говорит серьёзно, друг его посмотрел на него с сожалением и заметил отходя: «Так и ты тоже с ума спятил!»

Мнения, высказанные Василием Петровичем, котормя апатичный и благоразумный друг его счёл признаком болезни, вполне выражали образ мыслей многих русских дворян того времени и не были лишены основания. Мысль о тайных условиях Парижского трактата была чистым вымыслом, но совершенно верно было то, что страна вступа-

ла в эпоху великих реформ, в которых главное место занимал вопрос об освобождении крестьян. В этом убедился скоро даже скептический Иван Иванович. Император формально объявил московскому дворянству, что существующий порядок вещей не может долго продолжаться, и пригласил помещиков обсудить, каким образом может быть улучшено положение крестьян. Составились губернские комитеты для приготовления определённых проектов, и мало-помалу стало ясно, что освобождение крестьян действительно готовилось.

Иван Иванович несколько беспокоился при мысли о потере власти над своими крестьянами. Хотя он никогда не был жестоким барином, но не жалел розог, когда находил их нужными, и берёзовые прутья считал необходимым орудием русской системы земледелия. Одно время он утешался мыслью, что крестьяне не птицы небесныя, что, во всяком случае, им нужно будет питаться и одеваться и что они готовы будут служить у него полевыми работниками; но, когда он узнал, что они получают в свою собственность большую долю усадьбы, надежды его лопнули и он стал сильно побаиваться, что разорится окончательно.

Эти мрачные предчувствия, однако же, не исполнились. Крестьяне его были освобождены и получили около половины земли, но за полученный надел они платят ему ежегодно значительную сумму и всегда являются готовыми обрабатывать за известное вознаграждение его поля. Ежегодный расход теперь значительно увеличился, но цена на хлеб поднялась, и это почти уравнивает ежегодный добавочный расход. Управление именем не так патриархально, многое, что прежде делалось по обычаю и безмолвному соглашению, теперь определено точным соглашением на чисто коммерческих началах; денег гораздо более расходуется, но гораздо больше и получается; в руках барина стало меньше власти, но и ответственность его пропорционально уменьшилась. Несмотря на все эти пере-

мены, Ивану Ивановичу трудно было бы, однако, решить: стал ли он богаче или беднее. У него стало меньше лошадей и меньше прислуги, но все-таки гораздо более чем ему нужно, и его образ жизни нисколько не изменился. Марья Петровна жалуется, что крестьяне ей не приносят более яиц, кур и домашнего холста, и всё стало вдвое дороже, чем было прежде, но, тем не менее, кладовая ея полна и обилие господствует в доме по-прежнему.

У Ивана Ивановича, конечно, нет никаких выдающихся достоинств. Сделать из него героя положительно было бы невозможно, даже если бы биографию его составлял его родной сын. Силачи, несомненно, почувствовали бы к нему презрение, а деятельные и энергические люди осудили бы его за лень и апатию. Но, с другой стороны, у него нет и дурных качеств. Пороки его пассивного, отрицательного свойства. Он уважаемый, если не примечательный, член общества и может назваться человеком почтенным в сравнении со многими из его соседей, воспитанных при таких же условиях. Возьмём, например, его младшего брата Дмитрия, который живёт недалеко от него.

Дмитрий Иванович, подобно своему брату Ивану, имел от природы положительное отвращение к продолжительным умственным занятиям, но, как человек с хорошими способностями, он не боялся юнкерского экзамена, в особенности когда он мог рассчитывать на протекцию полковника, — и вследствие этого поступил в армейский полк. В его полку было много таких же, как он, весёлых молодых офицеров, всегда готовых разогнать монотонность полковой жизни небольшими шумными пирушками, и между ними он легко приобрёл репутацию отличного малого. На попойках он не уступал никому и во всех шумных кутежах играл главную роль. Вследствие всего этого товарищи очень любили его, и некоторое время все шло благополучно. Сам полковник в юности своей проделал немало шалостей и потому по возможности смотрел сквозь пальцы на шумные попойки

своих офицеров. Но через несколько лет полк вдруг изменил свой характер. Слухи дошли до столицы, и император Николай назначил полковым командиром немца строгой дисциплины, который желал сделать из полка нечто вроде машины, работающей с правильностью хронометра. Эта перемена пришлось вовсе не по вкусу и нравам Дмитрия Ивановича. Он никак не мог помириться с новыми порядками и, получив чин поручика, вышел в отставку, чтобы наслаждаться свободной деревенской жизнью. Вскоре после этого отец его умер и он получил имение в двести душ. Он не женился и не обабился подобно своему брату, но сделал хуже. В своём маленьком государстве, – каковым, в сущности, было русское поместье в доброе старое время, – он был господином всего и давал полную волю своему необузданному нраву, своей страсти к охоте, своей любви к пьянству и разгулу. Многие из его безумных проказ долго останутся в народной памяти, но здесь об них не место рассказывать.

Теперь Дмитрий Иванович человек пожилой, но до сих пор ведёт безалаберную жизнь. Дом его походит на беспорядочный, дурной кабак. Полы грязные, мебель разорвана и поломана, прислуга ленивая, неряшливая и оборванная. Собаки разных пород и размеров бегают по комнатам и коридорам. Барин, если не спит, всегда более или менее пьян. Обыкновенно у него бывают один или два человека в гостях – людей одного с ним разбора, – и дни и ночи проходят в пьянстве и картёжной игре. Когда он не может иметь свою обычную весёлую компанию, он посылает за одним или двумя мелкими помещиками, живущими поблизости, людьми, которые по закону считаются дворянами, но так бедны, что мало чем отличаются от крестьян. Когда же обыкновенные средства оказываются недействительными, он прибегает к насилию и приказывает своим слугам остановить первых попавшихся проезжающих, кто бы они ни были, и привести их к нему убеждением или силою, смотря по обстоятельствам. Проезжающим может быть недосуг или

вовсе не желательно принять такое грубое приглашение, но все их извинения, сопротивления и оговорки напрасны. С тарантаса их снимается колесо или прячется какая-нибудь необходимая часть сбруи, и они могут считать себя счастливыми, если им удастся уехать на следующее утро*.

Во времена крепостного права дворовым приходилось много терпеть от своего капризного, вспыльчиваго барина. Они подвергались постоянно брани и нередко телесным наказаниям. Кроме того, барин постоянно грозил им, что «забреет лоб», то есть отдаст в рекруты, и эту угрозу ему случалось приводить в исполнение, несмотря на просьбы и плач родственников. А между тем странно даже сказать, почти все они остались у него служить добровольно после освобождения и, вероятно, останутся, пока кредиторы не выгонят его из дому или пока он не умрёт от удара. Что тогда будет с ними – сказать трудно, так как они приобрели уже привычки, делающие их неспособными к какому-либо другому образу жизни.

По справедливости к русским землевладельцам я должен сказать, что класс помещиков, представляемый Дмитрием Ивановичем, теперь очень немногочислен и постоянно уменьшается. Он был естественным результатом крепостничества и общественного застоя, положения общества с весьма незначительными законными и нравственными ограничениями и ничтожными побуждениями к честной деятельности.

Из других землевладельцев уезда более других известен Николай Петрович Б..., старый военный генерал в отставке. Он, как Иван Иванович, принадлежит к старой школе; но их можно скорее противопоставлять друг другу, чем сравнивать. Различие в их образе жизни и характере от-

---

* Такое обыкновение, к счастью, теперь очень редко, но ещё встречается в отдалённых местах. Случай такого рода был с одним моим знакомым в 1871 г. Его задержал два дня против воли человек, которого он прежде никогда не видывал, и ему, наконец, удалось выбраться от своего хозяина-тирана, подкупив его прислугу.

ражается на их внешности. Иван Иванович, как нам известно, человек полный, медленный во всех своих движениях и любит сидеть в полудремоте в своём кресле или бродить по дому в широком халате. Генерал, напротив того, худой, вытянувшийся, мускулистый человек, одетый постоянно в застёгнутом доверху военном сюртуке. Постоянно серьёзное лицо его кажется ещё серьёзнее от подстриженных усов, напоминающих сапожную щётку. Когда он ходит взад и вперёд по комнате, насупив брови и глядя в пол, он имеет вид человека, обдумывающего вещи первой важности, но людям близко его знающим известно, что это оптический обман, жертвою которого он в некотором роде делается сам. Он неповинен в глубоком, сосредоточенном мышлении. Хотя он страшно хмурит брови, но по природе он человек отнюдь не сердитый. Если бы он провёл всю свою жизнь в деревне, он, вероятно, был бы таким же добряком и флегматиком, как Иван Иванович, но он пожелал служить и приобрёл военную выправку, которая в прежние времена считалась необходимой для офицера. Манеры, усвоенные им сначала для формы, в силу привычки сделались его второй натурой, и в тридцать лет он был уже офицером примерной выправки того времени: строгий сторонник дисциплины и безукоризненный формалист, обращавший внимание исключительно на ученье и другия военныя обязанности. Вследствие этого он быстро шёл вперёд и достиг цели своего юношескаго честолюбия – генеральскаго чина. После этого он решился оставить службу и уехать к себе в имение. Многия соображения заставили его решиться на это. Ему было уже шестьдесят лет, и он имел мало шансов на дальнейшее повышение. Он наслаждался титулом превосходительнаго, чего так долго ждал, и когда надевал мундир, то грудь его была покрыта медалями и орденами. Со смерти его отца доходы с его имения постоянно убавлялись, и говорили, что его лучший лес быстро исчезал. Жена его не любила деревенской жизни и предпочла бы жить в

Москве или Петербурге, но они нашли, что при своём незначительном доходе они не могут жить в большом городе так, как подобает их положению.

Генерал решился ввести порядок в своём имении и сделаться сельским хозяином; но небольшой опыт убедил его, что его новые обязанности труднее, чем заведывание полком. Управление своим имением он давно передал управляющему, бывшему прежде его крепостным, а сам он довольствуется тем, что считает главным – наблюдением. Хотя он желает сделать многое, но не находит поприща для своей деятельности и потому проводит время почти так же, как проводит его Иван Иванович, с одною только разницею, что он играет в карты, когда находит случай, и постоянно читает «Русский Инвалид». Получив текущие номера газеты, он садится и читает их с начала до конца. Его интересует всего более отдел назначений, отставок и наград. Прочитав, что кто-нибудь из его старых товарищей назначен в свиту Его Величества или получил ленту, он хмурит брови более обыкновенного и готов сожалеть о том, что вышел в отставку. Если бы он выжидал спокойно, может быть, и ему выпал бы счастливый жребий. Эта мысль преследует его, и весь остальной день он бывает мрачнее обыкновенного. Жена его замечает перемену и знает причину ея, но у нея слишком много здравого смысла и такта, чтобы намекнуть об этом предмете.

Анна Александровна, так зовут жену, весёлая дама лет пятидесяти, вовсе не похожая на жену Ивана Ивановича. Она привыкла к многочисленному обществу, к обедам, вечерам, прогулкам, картам и ко всем другим увеселениям полковой жизни. К домашнему хозяйству она не чувствует склонности. Ея кулинарные познания крайне ограничены, и она понятия не имеет о том, как варят варенья, делают наливки и другия угощения, хотя Марья Петровна, считающаяся большим знатоком в этих делах, много раз предлагала дать ей несколько рецептов. Словом, дела по хозяйству

кажутся ей обременительными, и она по возможности предоставляет их экономке. Младшие дети ея тоже надоедают ей, и потому она предоставляет надзор за ними няньке и гувернантке. Хотя она находит деревенскую жизнь очень скучной, но, обладая спокойным философским темпераментом, по-видимому соответствующим ея полноте, она без ропота подчиняется судьбе и старается развеять неизбежное однообразие, выезжая в гости и сама принимая гостей. Соседи на двадцать вёрст кругом с небольшими исключениями более или менее люди типа Ивана Ивановича и Марьи Петровны – люди положительно деревенские по манерам и понятиям; но их общество все-таки лучше полного одиночества, и наконец, они обладают превосходным качеством, а именно готовностью играть в карты сколько часов угодно. Кроме этого Анна Александровна наслаждается сознанием, что между ними она лицо значительное и неоспоримо авторитетное во всех вопросах о вкусе и моде и чувствует особенное расположение к тем, кто часто называет ее «ваше превосходительство».

Главные празднества бывают в именины генерала и его супруги, то есть в дни св. Николая и св. Анны. В эти дни все соседи являются с поздравлением и, конечно, остаются к обеду. После обеда пожилые гости садятся за карты, а молодёжь устраивает танцы. Празднество особенно удаётся, когда на это время приезжает старший сын и привозит с собой двух-трёх товарищей. Он служит уже несколько лет в армии и стоит на пути сделаться генералом подобно своему отцу*. Один из его товарищей, как полагают, скоро сделает предложение Ольге Николаевне, второй дочери, молодой девушке с светлыми волосами и бледным лицом, вечно скучающей и удручённой. Она и старшая сестра ея, девушка такого же темперамента, воспитывались в одном

---

* В России генералов гораздо более чем в других странах. Несколько лет тому назад в Москве жила старуха, у которой было десять сыновей, и все генералы! Чин генерала можно получить как в военной, так и в гражданской службе.

из больших институтов, устроенных правительством для дочерей лиц, послуживших своей родине. Окончив теперь своё образование, оне живут дома, горюют об отсутствии образованного общества и убивают время спокойно и важно, занимаясь музыкой, вышиванием и лёгким чтением.

На этих именинах почти наверное можно встретить несколько интересных типов старой школы. Более других гостей бросается в глаза высокий полный пожилой мужчина в потёртом сюртуке, набегающим складками в талии. Его густые брови почти прикрывают маленькие сонные глаза, а густые усы частью прикрывают большой рот, сильно указывающий на чувственные склонности. Волоса его обстрижены так коротко, что трудно определить, какого бы они были цвету, если бы он отрастил их. Он всегда приезжает в своём тарантасе, как раз к закуске, – которую подают перед самым обедом для возбуждения аппетита, – в коротких словах поздравляет хозяина и хозяйку, лаконочески здоровается с знакомыми, съедает сытный обед и тотчас садится за карточный стол, за которым сидит молча, пока есть кто-нибудь, желающий играть с ним. Но с Андреем Васильевичем играть не любят, так как общество его неприятно и ему всегда удаётся отправиться домой с набитым кошельком.

Андрей Васильевич известный человек в околотке. Он служит предметом целого ряда легендарных рассказов, и именем его, как говорят, няньки часто пугают капризных детей. Всякий, желающий посетить уезд Х..., может видеть это чудовище во плоти. Насколько верны рассказываемые о нём истории, я не знаю, но достоверно, что они имеют основание. В молодости своей он служил некоторое время в армии, и даже в то время, когда за строгость можно было получать награды, он был известен своей жестокостью к подчинённым. Но карьера его вдруг оборвалась, когда он был ещё в чине капитана. Каким-то образом скомпрометированный, он нашёл нужным подать в отставку и уехать к себе в имение. Тут он устроил свой дом скорее на магоме-

танский, чем на христианский лад, и распоряжался с своими дворовыми и крестьянами, как привык распоряжаться с солдатами – жестоким образом прибегая к телесному наказанию. Жена его не смела протестовать против магометанских порядков, а каждый крестьянин, противившийся им, тотчас же сдавался в рекруты или отправлялся в Сибирь по требованию барина*. Наконец его жестокость и самоуправство довели крестьян до бунта. Однажды ночью дом его был окружён и подожжён; но ему удалось как-то избавиться от подготовленной ему участи, и он беспощадно наказал всех принимавших участие в бунте. Это был жестокий урок ему, но он не подействовал на него. Приняв предосторожности против подобного нападения, он продолжал тиранствовать до тех пор, пока крестьяне не были освобождены в 1861 году.

Павел Трофимович, тоже постоянно приезжающий засвидетельствовать своё почтение и поздравить генерала и генеральшу, – человек совершенно другого рода. Приятно перевести взор свой от грубаго, морщинистаго, сердитаго лица сказочнаго чудовища на нежное, кроткое, весёлое лицо этого человека, постоянно привыкшаго смотреть на вещи с светлой стороны, вследствие чего и лицо его приняло ясное выражение. «Какое доброе, весёлое, честное лицо!» – невольно восклицаешь при виде его. Это верно: но не следует судить по лицу о человеке. Он весел несомненно, и мало найдётся людей более его способных устраивать удовольствия и пользоваться ими. Добрым назвать его тоже можно, если брать это слово в смысле добродушия, потому что он никогда не обижается и всегда готов сделать какое-нибудь доброе дело, если его можно сделать не безпокая себя. Что же касается до его честности, то она требует некоторых

---

* Если помещик считал какого-нибудь своего крепостнаго непокорным, то он мог по закону отправить его в Сибирь без суда, заплатив за его пересылку. Прибыв на место, такие крестьяне получали землю и жили свободными поселенцами с единственным ограничением, что они не могли уходить из той местности, где были поселены.

объяснений. Безукоризненной репутация его, конечно, быть не может, потому что он много лет был судьёю в уездном суде, и суд, в котором он заседал, ничем не отличался от других судов этого рода. Чтобы быть судьёю в таких судах, уничтоженных лет десять тому назад, и оставаться в то же время честным человеком, надо было иметь необыкновенную нравственную стойкость. Павел Трофимович не был Катонем – и не удержался. Он никогда не изучал законов и не имел претензии на большие юридические познания. Всякому, имеющему уши, он прямо говорил, что понимает гораздо более толку в понтёрах да в сеттерах, чем в законных формальностях. Но именье у него было очень маленькое, и он не мог отказаться от жалованья. Хотя жалованье он получал самое незначительное, но действительные доходы были порядочные, так как в те дни ни один благоразумный человек не пытался начинать тяжбы, не задарив чиновников. Обе стороны платили секретарю, на обязанности которого лежало рассмотреть дело и доложить его судьям, и секретарь давал часть своей получки своему начальству. Павел Трофимович вовсе не был дурным судьёй. Известно было, что он покровительствовал вдовам и сиротам против лиц, желавших притеснять их, и никакие деньги противной стороны не заставили бы его постановить несправедливое решение против друга, предварительно объяснившего ему своё дело; но не зная ни дела, ни тяжущихся сторон, он охотно подписывал решение, подготовленное секретарём, и спокойно клал в карман свою часть дохода, не чувствуя ни малейшего угрызения совести. Он знал, что все судьи поступают так, и не имел претензии быть лучше других.

Когда Павел Трофимович играет в карты в доме генерала или где-нибудь в другом месте, за одним столом с ним обыкновенно сидит безобидный, чисто выбритый человек с черными глазами и татарским типом. Это Алексей Петрович Т... . Действительно ли в нем течёт частью татарская кровь – сказать трудно, так как достоверно, что одно или

два поколения его предков были православными христианами. Отец его был бедным военным доктором в постоянно переходившем полку, а сам он с ранних лет поступил в писцы в какую-то уездную канцелярию. Тогда он был очень беден и с трудом существовал на жалкое жалование, какое получал; но он был ловкий, умный юноша и скоро открыл, что писцу представляется немало возможности вымогать деньги от невежественной толпы. Этой возможностью он пользовался с большим умением и стал известен как самый ловкий взяточник в уезде. Положение его было, однако, такое подначальное, что он никогда не сделался бы богатым, если бы не напал на счастливую мысль, вполне ему удавшуюся. Узнав, что один незначительный помещик приехал с своей единственной дочерью в город на несколько недель, он занял комнату в той же гостинице, где жили приезжие, и, познакомившись с ними, он вдруг опасно заболел. Чувствуя приближение своего последняго часа, он послал за священником, открыл ему, что он скопил большое состояние и пожелал сделать завещание. В завещании он распределил большия суммы всем своим родственникам и завещал значительную сумму приходской церкви. Все это он просил хранить в тайне до его смерти, но сосед его, старый помещик с дочерью, был призван подписаться свидетелем. Когда все это было сделано, он не умер, а быстро стал поправляться и, наконец, склонил старика, узнавшего его тайну, отдать ему руку дочери. Дочь не была против того, чтобы выйти замуж за человека с таким богатством, и свадьба скоро состоялась. Вскоре затем отец умер, вероятно не узнав сыгранной с ним штуки, и Алексей Петрович сделался действительным владельцем очень хорошенькаго именица. С переменою положения он совершенно переменял свои принципы или свой образ действий. Теперь он во всех делах щепетильно честен. Правда, он отдаёт в долг деньги на 10–15 процентов, но в здешних местах это не считается слишком высоким процентом, и все говорят, что он никогда без особенной

надобности не поступает жестоко с своими должниками. В уездной управе он играет видную роль. И хотя редко говорит на земских собраниях, но он очень полезный человек во всех комиссиях и постоянно отличается своим здравым смыслом и большими практическими познаниями.

Читателю, может быть, покажется странным, что такой почтенный человек, как генерал, принимает у себя такое пёстрое общество, не чуждое людей положительно запятнанной репутации; но в этом отношении генерал не составляет исключения. В русском обществе часто можно встретить людей, известных своей явной безчестностью, и видеть, что люди сами по себе весьма порядочные находятся с ними в дружеских отношениях. Эта общественная снисходительность, это нравственное послабление, или как бы там ни называли это иначе, есть результат различных причин. Многие совместные влияния понизили нравственное знамя дворянства. Прежде, когда дворянин жил в своём поместье, он мог безнаказанно играть роль маленького тирана и свободно исполнять свои законные и незаконные прихоти, не заботясь о законных или нравственных ограничениях. Я вовсе не хочу утверждать, что все помещики злоупотребляли своей властью, но хочу сказать, что люди не могут пользоваться такой неограниченной властью над своими окружающими, не развратившись от этого более или менее. Дворянин, поступая на службу, не избегал известных ограничений, – напротив того, положение его скорее походило на положение крепостного, – но он дышал атмосферой взяточничества и плутовства, далёкой от нравственной чистоты и честности. Если бы чиновник отказывался от общения с лицами, запятнанными общими пороками, то он оказался бы совершенно одиноким и был бы осмеян как новый Дон Кихот. Прибавьте к этому, что все классы русского населения отличаются добрым, несколько апатичным характером, вследствие чего они очень снисходительны к своим ближним и не всегда умеют различать между прощением частной вины

и оправданием преступлений против общества. Принимая все это в соображение, мы легко поймём, что во времена крепостничества и дурного управления человек мог быть виновен в очень предосудительных проступках, не рискуя быть изгнанным за это из общества.

Когда в начале нынешняго царствования крепостное право было уничтожено и администрация подверглась радикальным реформам, вдруг возродилось сильное, здоровое общественное мнение. Некоторое время общество бредило добродетельным негодованием против господствующих злоупотреблений и выставляло на позор выдающихся преступников. Действие этого порыва чувствуется и донныне, так что многое, что прошло бы незамеченным тридцать лет тому назад, теперь клеймится общественным позором; но сила нравственного негодования уже уменьшилась, и теперь заметны несомненные симптомы того, что часть прежней апатии снова возвращается. Всякий хорошо знающий характер и прошлую историю русскаго народа, мог бы предсказать это. Россия идёт по пути прогресса не тем спокойным, постепенным, прозаическим шагом, к которому мы привыкли, но порывами несвязных, безумных усилий, после которых, естественно, наступает период временнаго истощения.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ПОМЕЩИКИ НОВОЙ ШКОЛЫ

Русский petit-maitre. — Его дом и обстановка. — Неудачные попытки улучшить земледелие и жизнь крепостных. — Сравнение. — Либеральный чиновник. — Его идея о прогрессе. — Мировой судья. — Его мнение о русской литературе, чиновниках и петиметрах. — Его предполагаемый и действительный характер. — Крайний радикал. — Беспорядки в университете. — Административная высылка. — Способность России к политическим и социальным преобразованиям. — Свитский сановник у себя в деревне

В том уезде, где жил Николай Петрович, землевладельцы, как я уже сказал, были люди по большей части старой школы, положительно деревенские по своим манерам и понятиям. Исключений было очень немного, и между исключениями самый заметный Виктор Александрович Л... Подъезжая к его дому, сейчас можно видеть, что он отличается от большинства своих соседей. Ворота выкрашены и хорошо ходят на петлях, забор совершенно цел, небольшая аллея, ведущая к подъезду, выметена и чиста, а в саду заметно, что здесь обращается более внимания на цветы, чем на овощи. Дом деревянный и небольшой, но имеет некоторые архитектурные претензии в виде большого псевдодорического деревянного портика, прикрывающего три четверти фасада. Внутри дома всюду замечается влияние западной цивилизации. Виктор Александрович никак не богаче Ивана Ивановича, но комнаты его убраны с гораздо большею роскошью. Мебель у него гораздо более лёгкая,

удобная и не такая разваливающаяся. Вместо пустой, жалко мебелированной гостиной, с старинной шарманкой, играющей всего шесть мотивов, мы видим изящную гостинную с роялем одного из лучших мастеров и множеством предметов иностранного изделия, в том числе маленький вызолоченный столик и два сосуда из настоящего старого камня (wedgewood). Прислуга опрятна и одета по-европейски. Хозяин тоже имеет совершенно другой вид. Он обращает большое внимание на свой туалет; надевает халат только рано поутру, а в течение всего дня носит изящный застёгнутый сюртук. Он не терпит любимых его дедом турецких трубок и курит обыкновенно папиросы. С женою и дочерьми он всегда говорит по-французски и называет их французскими и английскими именами. Но всего более обрисовывает различие между старым и новым стилем «*le cabinet de monsieur*». В кабинете Ивана Ивановича меблировка состоит из широкого дивана, служащего в то же время и кроватью, из нескольких сосновых стульев, длинного ряда трубок и неуклюжого соснового стола, на котором обыкновенно навалены грязные бумаги, старая поломанная чернильница, перо и календарь. Кабинет Виктора Александровича имеет совершенно иной вид. Он маленький, но уютный и изящный. Главная меблировка заключается в письменном столе с чернильницей, с пресс-папье, разрезалками и другими тому подобными вещами и в большом книжном шкапе, стоящем в другом углу комнаты. Собрание книг у него замечательно не по количеству томов или по редкости изданий, а по разнообразию предметов. История, искусство, поэзия, драма, политическая экономия, земледелие имеют в равной доле своих представителей. Некоторые сочинения на русском языке, некоторые на немецком, множество на французском и несколько книг на итальянском. Это собрание даёт понятие о прежней жизни и настоящих занятиях хозяина.

Отец Виктора Александровича был помещик, сделавший хорошую карьеру в гражданской службе и желавший,

чтобы сын его следовал той же профессии. Для этой цели Виктор сначала был тщательно подготовлен дома и потом послан в Московский университет, где он пробыл четыре года студентом на юридическом факультете. Из университета он поступил в министерство внутренних дел в Петербурге, но не почувствовал склонности к монотонной рутине чиновничьей жизни и очень скоро вышел в отставку. Со смертью отца он сделался владельцем имения, в которое он и уехал, надеясь найти там для себя занятия более подходящая, чем писание официальных бумаг.

В Московском университете он слушал лекции знаменитого Грановского и читал массу всякой всячины. Главным результатом его занятий было приобретение нескольких плохо переваренных общих принципов и каких-то смутных, великодушных, гуманных стремлений. При этом умственном капитале он надеялся повести полезную жизнь в деревне. Поправив и обмобилировав дом, он принялся за улучшение имения. Во время своего несистематического чтения он наткнулся на какое-то описание английского и тосканского сельского хозяйства и увидел из него, какая чудеса может сделать рациональная система хозяйства. Почему же России не последовать примеру Англии и Тосканы? Хорошим дренажем, обильным удобрением, хорошими плугами и посевом искусственных трав урожаем можно удешевить, а введением земледельческих орудий можно значительно уменьшить ручную работу. Все это казалось так просто, как сумма в арифметике, и Виктор Александрович «*more scolarium rei familiaris ignarus*»*, ни минуты не колеблясь, отдал свои наличные деньги за английские молотилку, плуги, бороны и другия орудия новаго образца.

Прибытие этих орудий было настоящим событием, о котором долго помнилось. Крестьяне внимательно разсматривали их, удивлялись, но ничего не говорили. Когда барин объяснил им всю выгоду новых орудий, они продолжали

---

* Студенты лучше осведомлены о семье (лат.)

молчать. Только один старик, глядя на молотилку, заметил в сторону, но громко: «хитрый народ эти немцы!»*. Когда же у них спросили их мнение, они смутно отвечали: «Почём мы знаем? Должно быть хорошо». Но когда барин ушёл и стал объяснять своей жене и француженке-гувернантке, что главное препятствие прогресса в России заключается в апатическом равнодушии и консервативном духе крестьян, они стали свободнее выражать своё мнение. «Все это, может быть, хорошо для немцев, но не для нас. Как наши маленькие лошадки потянут такие большие плуги и бороны? А молотилка эта и вовсе не годится». Дальнейшие исследования и размышления подтверждали это первое впечатление, и было единогласно решено, что не будет толку от новых хитрых изобретений.

Эти предсказания оказались вскоре совершенно основательными. Плуги и бороны были слишком тяжелы для маленьких крестьянских лошадей, а молотилка изломалась в первый же раз, как её пустили в ход. Для приобретения более лёгких орудий или более сильных лошадей не было наличных денег, а для поправки молотилки не нашлось механика на полтораста вёрст кругом. Одним словом, опыт был полной неудачей и новые орудия были отложены в сторону.

В продолжение нескольких недель после этого происшествия Виктор Александрович был сильно разочарован и более обыкновенного говорил об апатии и грубости крестьян. Его вера в непреложность науки сильно поколебалась, и его благодетельные стремления были на некоторое время отложены в сторону. Но такое затмение веры было не надолго. Постепенно он пришёл в своё прежнее настроение и начал строить новые планы. Читая некоторые сочинения о политической экономии, он увидел, что система общинного владения действует пагубно на плодородие почвы и

---

* Русский крестьянин понимает под словом немец всех обитателей Западной Европы. Остальное человечество состоит из православных, бурсурман и поляков.

что свободный труд всегда производительнее крепостного. Просвещённый этими принципами, он понял, почему крестьянство в России так бедно и каким способом положение его может быть улучшено. Общинную землю следует разделить на участки по тяглам, и крепостные, вместо того чтобы работать на помещика, должны платить известную сумму в год. Выгоды от такой перемены он усматривал совершенно ясно, как усматривал прежде выгоды от английских земледельческих орудий, и решился сделать опыт на своём собственном имении.

Прежде всего, он созвал самых умных и влиятельных из своих крестьян и стал объяснять им свой план; но попытки его объяснить оказались безуспешными. Даже относительно самых обыденных дел он не умел выражаться простым, местным наречием, понятным крестьянам, а говоря об абстрактных предметах, он, конечно, не мог быть понят своими необразованными слушателями. Крестьяне внимательно слушали, но ничего не понимали. Он мог говорить им точно так же, как часто говаривал в обществе другого рода о сравнительном превосходстве итальянской и немецкой музыки. При второй попытке он имел несколько более успеха. Крестьяне поняли, что он хотел уничтожить «мир» и поставить их «на оброк». К немалому его удивлению, план этот не встретил сочувствия. Относительно оброка крестьяне не очень возражали, хотя предпочитали остаться в прежнем положении; предложение же его уничтожить «мир» положительно удивило и поразило их. Они приняли его, как принял бы капитан корабля предложение учёного дурака провертеть дыру на дне корабля, для того чтобы корабль шёл скорее. Хотя они ничего не говорили, но настолько-то он был умён, чтобы видеть, что они будут серьёзно пассивно сопротивляться, и так как действовать деспотически он не желал, то и бросил это дело. Таким образом разрушилось и второе благое намерение. Многие другие планы его подверглись той же участи, и Виктор Александрович начал

понимать, как трудно делать добро людям, в особенности если эти люди русские крестьяне.

В сущности, вина была менее на стороне крестьян, чем на стороне их барина. Виктор Александрович был человек вовсе не глупый. Напротив, он был человек довольно способный. Мало кто мог так хорошо схватить новую идею и составить план для ее осуществления и мало кто мог с большей ловкостью играть абстрактными принципами. Но он не умел сладить с конкретными фактами. Принципы, приобретенные им в университете и чтением без всякой системы, были слишком смутны и абстрактны для практической пользы. Он изучал абстрактную науку, не приобретая технических познаний в мелочах, и, когда он вступил в практику жизни, с ним случилось то же, что случилось с каким-нибудь студентом, по учебникам изучившим механику, которого привели бы вдруг в мастерскую и приказали ему сделать машину. Тут была только одна разница: Виктору Александровичу никто ничего не приказывал делать. Добровольно, без всякой видимой необходимости, он вздумал работать инструментами, которые не умел держать в руках. Это-то всего более поражало крестьян. К чему он трудится над новыми планами, когда мог бы жить с удобством и без этого? В некоторых его планах они усматривали желание увеличить свои доходы, но в других не могли открыть никаких побудительных причин. В последнем случае они объясняли его действия чистым капризом и причисляли их к категории тех глупых затей, которым предавались иногда весёлые помещики.

В последние годы крепостного права было немало помещиков, похожих на Виктора Александровича, – людей желавших, но не умевших сделать что-либо хорошее. Во время отмены крепостного права большинство этих людей приняло активное участие в великом деле и оказало значительную услугу своей родине. Виктор Александрович действовал иначе. Сначала он горячо симпатизировал

предложенному освобождению крестьян и написал несколько статей о преимуществе свободного труда, но, когда правительство взяло это дело в свои руки, он объявил, что чиновники обманули и унизили дворянство, и перешёл в оппозицию. Перед выходом манифеста он уехал за границу и в течение трёх лет путешествовал по Германии, Франции и Италии. Вскоре после возвращения он женился на хорошенькой, милой молодой девушке, дочери одного видного чиновника в Петербурге, и с этого времени он живёт у себя в имении.

Несмотря на своё образование и развитие, Виктор Александрович проводит время точно так же празднично, как и люди старой школы. Он встаёт поздно, и вместо того, чтобы сидеть у открытого окна и смотреть на двор, он перелистывает какую-нибудь книгу или журнал. Вместо того чтобы обедать в полдень и ужинать в девять часов, он завтракает в двенадцать и обедает в пять. Он проводит менее времени на сидение на террасе и на ходьбу взад и вперёд, заложив за спину руки, так как он может разнообразить операцию убивания времени, написав какое-нибудь письмо или постояв за стулом жены, когда та играет что-нибудь из Моцарта или Бетговена. Но эти изменения касаются мелочей. Существенная разница между жизнью Виктора Александровича и Ивана Ивановича заключается разве в том, что первый никогда не ездит в поле смотреть на работу и никогда не беспокоится ни о последствиях погоды, ни об урожае и тому подобных вещах. Он совершенно представляет управление своим имением управляющему и отправляет к нему всех крестьян, являющихся с жалобами и просьбами. Хотя он принимает глубокий интерес в крестьянине как безличной абстрактной единице и любит размышлять о конкретных примерах его ума в сочинениях некоторых народных писателей, но не любит вступать в прямые сношения с крестьянами во плоти. Когда он говорит с ними, он всегда дурно себя чувствует и страдает от запаха полушуб-

ков. Иван Иванович же всегда готов говорить с крестьянами и давать им здорové, практические советы или делать им строгие выговоры; и в прежния времена, в минуты гнева, он не прочь был в подкрепление своих доводов пустить в ход кулаки. Виктор Александрович, напротив того, никогда не мог бы высказать какого-нибудь совета, кроме смутных общих мест; что же касается до действия кулаками, он с испугом отстранился бы от этого не только из уважения к гуманным принципам, но и по мотивам, принадлежащим к области эстетических чувств.

Это различие между ними имеет важное влияние на их денежные дела. Управляющие и того и другого обворовывают своих господ, но управляющий Ивана Ивановича ворует с трудом и весьма ограниченно, тогда как управляющий Виктора Александровича ворует правильно и методически и барыши свои считает не копейками, а рублями. Хотя оба имения почти одинаковой величины и стоимости, но приносят весьма различный доход. Простой, практический человек имеет гораздо более дохода, чем его эlegantный, хорошо образованный сосед, и в то же время тратит гораздо менее. Последствия этого если и незаметны теперь, то скоро будут совершенно ясны. Иван Иванович, несомненно, оставит своим детям незаложенное поместье и известный капитал. А детей Виктора Александровича ожидает в будущем совершенно другое. Он уже начал закладывать своё имение и рубить лес, и в конце года у него всегда оказывается дефицит. Трудно предсказать, что станет с его женою и детьми, когда имение его будет продано за долги. Он мало думал об этой возможности, и, когда она приходит ему в голову, он утешает себя мыслью, что до наступления краха он получит состояние в наследство от богатого бездетнаго дяди. Он очень хорошо знает, – или мог бы знать, если бы потрудился подумать, – что этот расчёт основан только на возможности. Дядя может ещё жениться и иметь детей, или назначить своим наследникам какого-нибудь другаго племянника, или

даже просто сам может прожить и пользоваться своим состоянием ещё лет тридцать. Надежда, таким образом, очень неверна; но Виктор Александрович, подобно всем непредусмотрительным людям, любит предполагать, что где-нибудь за сценой есть благодетельный *Deus ex machine*, который, несомненно, явится, когда следует, и чудесным образом спасёт его от естественных последствий его глупости.

Помещики старой школы ведут одну и ту же однообразную, монотонную жизнь год за годом с весьма небольшими изменениями. Виктор Александрович, напротив, чувствует потребность периодически возвращаться к «образованному обществу» и вследствие этого каждую зиму проводит несколько недель в Петербурге. В летние месяцы он пользуется обществом своего брата, – *un home tout à fait civilisé**, – живущаго в своём поместье за несколько вёрст.

Этот брат, Владимир Александрович, воспитывался в школе правоведения в С.-Петербурге и шёл весьма быстро по службе. Он занимает теперь видное место в одном из министерств и сделан уже «камергером двора Его Величества». Он заметный человек в высших административных кружках и, как полагают, будет когда-нибудь министром. Хотя он сторонник просвещённых взглядов и открытый либерал, тем не менее он умеет жить в ладу с людьми, считающими себя консерваторами. Этому способствует его мягкое, елейное обращение. Если вы выразите ему какое-нибудь мнение, он начнёт всегда с того, что найдёт вас правым; и если кончит тем, что найдёт вас неправым, то все-таки даст вам почувствовать, что заблуждение ваше не только извинительно, но в некотором роде делает честь вашей умственной прозорливости или сердечной доброте. Несмотря на свой либерализм, он решительный монархист и считает, что в России время для конституции ещё не наступило. Он признает, что настоящий порядок вещей имеет свои недостатки. Но думает, что в целом этот порядок дей-

---

* Человека вполне цивилизованного (франц.)

ствовал хорошо и мог бы быть ещё лучше, если бы сменить кое-каких высших сановников и назначить на их место более энергических людей. Подобно всем истым петербургским чиновникам, он сильно верит в чудесную силу указов и министерских циркуляров и полагает, что национальный прогресс заключается в умножении этих документов и централизации администрации. Эстетическое образование он считает лучшим добавочным средством прогресса и может с известным красноречием говорить о благотворном влиянии искусств. С своей стороны он хорошо знаком с французскими и английскими классиками и в особенности поклоняется Маколею, которого считает не только великим писателем, но и великим государственным человеком. Из беллетристов он отдаёт пальму первенства Джоржу Эллиоту и говорит о беллетристах своей родины и вообще обо всей русской литературе в самых презрительных выражениях.

Совершенно иначе думает о русской литературе Александр Иванович Н..., бывший прежде мировым посредником по крестьянским делам, а теперь мировой судья. Между этими двумя лицами часто происходят споры об этом предмете. Поклонник Маколея объявляет, что в России, собственно говоря, нет никакой литературы и что произведения русских авторов представляют только слабый отголосок литературы Западной Европы. «Подражателей, – обыкновенно говорит он, – искусных подражателей мы произвели в изобилии. Но где же у нас человек самостоятельного гения? Что такое наш знаменитый поэт Жуковский? Переводчик. Что такое Пушкин? Талантливый питомец романтической школы. Что такое Лермонтов? Слабый подражатель Байрона. Что такое Гоголь?...»

Тут Александр Иванович непременно прерывает его. Он готов пожертвовать всей псевдоклассической и романтической поэзией и даже всей русской литературой до 1840 года, но не позволит говорить неуважительно о Гоголе, который основал около этого времени русскую реали-

стическую школу. «Гоголь, – говорит он, – был великим и самостоятельным гением. Гоголь не только создал новый род литературы, но в то же время переделал читающую публику и создал новую эру в умственном развитии народа. Своими юмористическими, сатирическими рассказами он изгнал метафизические мечтания и глупую романтическую восторженность, бывшую тогда в моде, и научил людей видеть свою страну такой, как она есть во всём её ужасном безобразии. С его помощью молодое поколение увидело всю гниль чиновничества и мелочность, глупость, нечестность и ничтожество помещиков, над которыми он преимущественно смеялся. Сознание недостатков вызвало потребность реформ. От насмешек над помещиками оставался только один шаг к презрению их, а когда мы научились презирать помещиков, мы, естественно, стали симпатизировать крепостным. Таким образом, освобождение крестьян было подготовлено литературой; и когда пришлось решать великий вопрос, литература дала удовлетворительный ответ».

Относительно этого предмета Александр Иванович стоит твёрдо на своём и всегда с жаром говорит о нём. Он довольно близко знаком с умственным течением, начавшимся около 1840 г. и окончившимся великими реформами настоящего царствования, потому что жил в нем и принимал известное активное участие. Он ещё помнит впечатление, произведённое появлением знаменитого гоголевского описания провинциальной жизни. Он помнит, как через несколько лет спустя он поступил в Московский университет и слушал блестящие исторические лекции Грановского. В то время литературное общество Москвы разделялось на два враждебных лагеря – на славянофилов и западников. Славянофилы желали развить самостоятельную народную культуру на основании народных понятий и православия, а западники стремились принять и привить умственные сокровища Западной Европы. Он симпатизировал западникам и считал Белинского, стоявшего во главе их, величай-

шим человеком того времени. Он мало занимался учёными сочинениями, но с напряжённым интересом читал все лучшие журналы и постепенно пришёл к тому убеждению, что искусство должно служить не для искусства, но для пользы социального прогресса. Это убеждение поддерживалось чтением некоторых из первых произведений Жорж Занда, которые показались ему чем-то вроде откровения. Социальные вопросы вполне овладели им, и все другое казалось ему несущественным. Затем наступили в Западной Европе волнения 1848 года – время безумных надежд и безграничных ожиданий, за которым последовала сильная реакция, когда цензура запрещала всякий намёк на какие-либо политические или социальные вопросы. Этот период времени Александр Иванович провёл в деревне, управляя своим имением и терпеливо выжидая более светлых дней. И, когда после Крымской кампании наступила заря этих светлых дней, он с энтузиазмом бросился в новое движение и в различных журналах ратовал за освобождение крестьян. Манифест об освобождении крестьян был объявлен в 1861 г., и вскоре после этого он был назначен мировым посредником в том уезде, где он проживал. На обязанности этих посредников лежало приведение в исполнение закона об освобождении крестьян и посредничество между помещиками и крестьянами. Это дело было ему вполне по душе, и он исполнял его с таким безпристрастием и толком, что ни в одном из имений, где он был посредником, не было серьёзных споров и недоразумений. В 1867 г. он был избран земским собранием в мировые судьи и исполняет свои новые обязанности с таким же умением. В то же время он гласный земского собрания и принимает живой интерес во всех местных делах.

Хотя он иногда бывает у важнаго петербургскаго чиновника, когда этот последний делает честь уезду своим присутствием, но он не питает к нему чувств приязни или уважения. Напротив того, он называет его ходячим олице-

творением бюрократии и считает бюрократию большим злом для России. «Эти чиновники, – говорит он в минуты раздражения, – живущие в Петербурге и заправляющие делами, так же мало знают Россию, как Китай. Они живут в мире официальных бумаг и вовсе не знают истинных нужд и интересов народа. Если все требуемые формальности в точности исполнены, они совершенно довольны. Народ может умирать от голода, только бы факт этот не появился в официальных отчётах. Сами они бессильны сделать что-нибудь хорошее, но могут не допускать до этого других, и они с завистью относятся ко всякой частной инициативе. Как, например, поступали они с земством? Земство действительно хорошее учреждение и могло бы сделать много хорошего, если бы было оставлено в покое, но лишь только оно начинало показывать хотя немного независимой энергии, чиновники тотчас же подрезывали ему крылья и душили его. Относительно печати они поступали точно так же. Они боятся печати, потому что более всего на свете боятся здравого общественного мнения. Все нарушающее обычную рутину пугает их. Россия не пойдёт вперёд, пока ею будут управлять такие чиновники».

Любезному братцу крупного чиновника тоже достаётся от либерального мирового судьи. Он хотя и не чиновник, но нечто столь же нехорошее – он барич, то есть изнеженный, капризный, испорченный ребёнок, жизнь которого проходит в изящной неге и тонком фразёрстве. Несмотря на его великодушные намерения, ему никогда не удавалось сделать что-либо полезное себе или другим. Когда начался крестьянский вопрос и дела было много, он уехал за границу и либеральничал в Париже и Баден-Бадене. Хотя он читает или говорит, что читает сельскохозяйственные книги и всегда готов пуститься в разсуждение о лучших средствах против истощения почвы, но он смыслит в земледелии менее всякого крестьянского мальчика двенадцати лет, и когда он едет в поле, то не может отличить ржи от овса. Вместо

того, чтобы болтать о немецкой и итальянской музыке, ему лучше бы выучиться немного практическому сельскому хозяйству да смотреть за своим имением.

Мировой посредник, так охотно порицающий своих соседей, сам тоже подвергается порицаниям. Некоторые зажиточные старые помещики считают его человеком опасным и могут даже повторить некоторые употребленные им выражения, доказывающие, что понятия его о собственности несколько шатки. Многие считают его ярким либералом и даже республиканцем. В своих судебных приговорах он часто, как говорят, склоняется на сторону крестьян против помещиков. Кроме того, он всегда уговаривает крестьян соседних деревень устраивать школы и высказывает странные понятия о лучшем методе обучения детей. Эти и тому подобные факты заставляют многих предполагать, что он заражён слишком передовыми идеями, и один старый помещик обыкновенно называет его не то в шутку, не то серьёзно – «наш друг коммунист». Весьма вероятно, что на следующих выборах в мировые судьи его забаллотируют. Во всяком случае, будет сделана попытка помешать его избранию.

В действительности, Александр Иванович не имеет в себе ничего коммунистического. Хотя он громко говорит против чиновничьего духа или бюрократизма и является горячим сторонником самоуправления, но он менее чем кто-либо мог бы принять участие в революционном движении. Он чувствует некоторую нежную склонность к крестьянам и всегда готов отстаивать их интересы, но он слишком много сталкивался с крестьянами, чтобы признать верными идеальные описания, в которых грешат некоторые популярные писатели, и можно положительно сказать, что обвинение, будто он пристрастно поддерживает сторону крестьян против помещиков, совершенно неосновательно. В сущности, Александр Иванович человек спокойный, добрый, способный на великодушный энтузиазм, недовольный существую-

щим порядком вещей, но далеко не мечтатель и не революционер, как утверждают некоторые из его соседей.

Я не могу этого утвердительно сказать о младшем брате его, Николае Ивановиче, живущем у него. Николай Иванович – высокий, худощавый мужчина лет за тридцать с изнуренным желчным лицом и длинными черными волосами – очевидно, человек раздражительного, нервного темперамента. Он говорит скоро и резко и машет руками более, чем принято между русскими. Любимой темой его разговора, или лучше сказать его речи, так как он чаще ораторствует, чем говорит, служит печальное положение страны и недостатки правительства. В числе многих причин его недовольства правительством есть одна или две личного свойства. В 1861 году он был студентом Петербургского университета. В то время было сильное возбуждение умов по всей России и в особенности в столице. Крестьяне только что были освобождены, и предпринимались другие важные реформы. В молодежи – отчасти и между старшими – господствовало убеждение, что старый порядок управления пришёл к концу и Россия будет преобразована по самым передовым принципам политической и социальной науки. Студенты желали освобождения от академических властей и учреждения своего рода университетского самоуправления. Они в особенности желали иметь право сходок для обсуждения своих общих дел. Власти не хотели допустить этого и издали правила, воспрещавшие сходки и стремившиеся уменьшить число студентов. Это показалось грубым оскорблением нового духа времени. Сходки, несмотря на запрещение, собирались, сначала в аудиториях, а потом на дворе университета, и на этих сходках говорились горячие речи мужчинами и женщинами. Раз даже студенты отправились длинною процессией по главным улицам к дому попечителя. В Петербурге никогда подобного зрелища не видывали, и боязливые люди испугались точно призрака революции. Наконец начальство приняло энергические

меры; около 300 студентов было арестовано, и из них 32 человека были исключены из университета.

В числе исключенных был и Николай Иванович. Все надежды его сделаться когда-нибудь профессором разлетелись, и ему пришлось искать другой профессии. Литературная карьера представлялась ему наиболее привлекательной и подходящей. Она могла удовлетворить его честолюбию сделаться общественным деятелем и дать ему возможность нападать на своих преследователей. Он уже прежде писал иногда статьи в один из руководящих журналов, а теперь сделался постоянным сотрудником его. Его запас положительных знаний был невелик, но писать он умел бойко и умел убедить своих читателей, что запас его политической мудрости безграничен, но что цензурные условия мешают ему писать. Кроме того, он умел высказывать резкия, сатирические вещи о властях в такой форме, что даже цензор не мог найти достаточных причин для запрещения. Статьи, написанные в этом духе, должны были иметь в то время успех, и статьи его действительно имели успех. Он сделался известным человеком в литературе, и некоторое время все шло благополучно. Но мало-помалу он стал менее осторожен, тогда как власти стали бдительнее. В руки полиции попало несколько экземпляров какой-то рьяной прокламации, и она приписала эту прокламацию тому кружку, к которому он принадлежал. С этого времени над ним был учреждён строгий надзор, и однажды ночью он был разбужен и отправлен в крепость.

С человеком арестованным таким образом за действительное или воображаемое политическое преступление поступают двояким образом. Его или судят обыкновенным судом, или его высылают административным порядком. В первом случае, если вина доказана, он может быть приговорён к заключению на известный срок, или же, в случае более сильного преступления, может быть сослан в Сибирь на определённый срок или пожизненно. Административным

же порядком его просто без суда высылают в какой-нибудь отдалённый город, где он и должен жить под надзором полиции до дальнейшего распоряжения. Николай Иванович был сослан административным порядком, потому что власти, несмотря на своё убеждение, что он человек опасный, не могли найти достаточных улик для того, чтобы отдать его под суд. Пять лет прожил он в уездном городе около Белого моря, и затем ему без всяких объяснений дали знать, что он может уехать и поселиться где ему угодно за исключением Петербурга и Москвы.

С этого времени он живёт с своим братом и проводит время в жалобах на свои несчастия и оплакивает свои разбитыя мечты. Он не потерял своего красноречия, доставившего ему эфемерную литературную славу, и целый час может говорить о политических и социальных вопросах со всяким желающим слушать его. Но следить за его речью очень трудно, а удержать её в памяти совершенно невозможно. Речь его можно назвать политической метафизикой. Хотя он говорит, что не терпит метафизиков, но сам он по своему образу мыслей чистый метафизик. Он живёт в мире абстрактных понятий, при которых едва замечает конкретные факты, и аргументы его всегда представляют своего рода умное фокусничанье с двусмысленными условными терминами, как аристократия, буржуазия, монархия и тому подобное. К конкретным фактам он приходит не непосредственно наблюдением, а дедукцией от общих принципов, так что его факты ни в коем случае не могут противоречить его теориям. Далее у него есть известные аксиомы, которые подразумеваются само собою и на которых основываются его доказательства; так, например, всё, что может быть названо «либеральным», должно быть хорошо во всякое время и при всяких обстоятельствах.

В массе смутных понятий, которые возможно облечь в ясно определённую форму, у него есть несколько идей, может быть не совсем верных, но по крайней мере понятных.

К числу последних принадлежит его убеждение, что Россия имела недавно возможность опередить всю Европу на пути прогресса и добровольно отказалась от этой возможности. Она могла бы, по его мнению, во время освобождения крестьян принять все самые передовые принципы политической и социальной науки и совершенно преобразовать политический и социальный строй согласно с ними. Другия нации не могли бы поступить так, потому что они стары и дряхлы, пропитаны закоснелыми родовыми предразсудками и обладают, к несчастью, аристократией и буржуазией. Россия же молода, не знает социальных каст и не пропитана закоснелыми предразсудками. Народ похож на глину, из которой можно лепить всякую форму, какую наука найдёт наилучшей. Правительство начало производить превосходный социальный опыт, но остановилось на полпути. Может быть, впоследствии оно будет смелее.

В этой мысли есть своя доля правды. Россия может произвести такие политические и социальные реформы, которые могут быть пагубными для более тонко организованных государств. Она уже не раз успешно производила подобные реформы без всяких серьёзных беспорядков и впредь также может производить их, лишь бы только была сохранена автократическая власть и народ бы остался политически пассивным. Это важное условие Николай Иванович пропускает без внимания. Как «либерал», он рьяный сторонник парламентских учреждений. Конституция представляется ему чем-то вроде всемогущаго фетиша. Напрасно станете вы объяснять ему, что парламентский режим, несмотря на все его преимущества, неизбежно должен породить политическая партии и политическая распри и не столь удобен для социологических экспериментов, как добрый отеческий монархизм. Напрасно будете убеждать его, что если трудно уговорить одно лицо, то гораздо труднее уговорить целый парламент. Все ваши попытки будут тщетны. Он начнёт уверять вас, что русский парламент будет чем-то совсем не

таким, как вообще парламенты. В нём не будет партий, так как в России нет социальных каст, и он будет действовать чисто на научных основаниях – независимо от предразсудков и личного влияния, как философ, рассуждающий о природе и о бесконечности! Одним словом, он, очевидно, воображает, что национальный парламент будет составлен из него и его друзей и что народ спокойно подчинится их указам, как подчиняется теперь царским указам.

В ожидании осуществления своего политического идеала, когда безпристрастная наука будет, безусловно, господствовать, Николай Иванович позволяет себе роскошь предаваться сильной политической вражде, и он ненавидит, как может ненавидеть только фанатик. Прежде всего и более всего он ненавидит буржуазию – он принужден употреблять французское слово, потому что в его родном языке подобного термина не существует, – и в особенности капиталистов всех родов и размеров. Затем он ненавидит аристократию, преимущественно форму аристократии, называемую феодализмом. Он придаёт не вполне верное значение этим абстрактным терминам, но ненавидит сословие, которое должно так называться, так же от души, как бы ненавидел своих личных врагов. Наконец он ненавидит чиновников, в особенности жандармов и помещиков. Хотя он сам после смерти матери будет помещиком, но считает это сословие лишним обременением земли и находит, что вся земля должна быть у них отобрана и разделена между крестьянами.

Все помещики имеют несчастье пользоваться его нерасположением, потому что они не подходят к его идеалу крестьянского государства, но он разделяет их по степени испорченности. Некоторых он находит просто лишними, тогда как других положительно вредными для общественного благосостояния. Из числа последних он особенно ненавидит князя С..., потому что он не только имеет громадные поместья, но ещё в то же время аристократическая претензии и называет себя консерваторм.

Князь С..., можно сказать, самое важное лицо в уезде. Род его один из древнейших в России, – происходящий от Рюрика, – но влиянием своим он обязан не своей родословной, так как одна родословная в России не имеет большого значения. Он пользуется влиянием и уважением, потому что занимает высокое официальное положение и по происхождению своему принадлежит к фамилиям, образующим постоянное зерно придворного штата. Его отец и дед были значительными личностями в администрации и при дворе, и его сыновья и внуки, вероятно, пойдут в этом отношении по следам своих предков. Хотя в глазах закона все дворяне равны и, теоретически говоря, преимущества должны быть приобретаемы исключительно личными достоинствами, но на деле повышаются легче и быстрее те, у кого есть связи при дворе.

Жизнь князя была счастливая, но не богатая событиями. Воспитан он был сначала дома у англичанина-гувернёра, а потом в Пажеском корпусе. Выйдя из корпуса, он поступил в гвардейский полк и быстро повышался в чинах. Деятельность его была, однако, посвящена преимущественно гражданской администрации, и теперь он член Государственного Совета. Хотя он всегда принимал некоторое участие в общественных делах, но не играл никакой важной роли в реформах настоящего царствования. Когда поднят был крестьянский вопрос, он симпатизировал идее освобождения, но не сочувствовал мысли о наделе крестьян землёю и сохранении общинных учреждений. Он желал, чтобы помещики освободили крестьян без всякого денежного вознаграждения, а взамен этого получили бы некоторые политические права. План его не был принят, но он не отказался от надежды, что крупные землевладельцы каким-нибудь образом приобретут социальное и политическое положение, подобное положению крупных землевладельцев в Англии; он полагает, что частью это может быть достигнуто, если они возьмут в свои руки местную администрацию по сельским делам. Но он не желает, однако, что-

бы крупные землевладельцы взамен этого приняли на себя большую часть налогов, и не признает того факта, что им придётся изменить свой характер и отдавать предпочтение местному влиянию перед высоким официальным положением и придворной жизнью.

Официальные обязанности и общественные отношения заставляют князя проводить большую часть года в столице. У себя в имении он проводит только по несколько недель в году – иногда только несколько дней. Дом у него большой и устроен в английском стиле, соединяя изящество с удобством. В нем много больших помещений, библиотека и биллиардная. При доме большой парк с несколькими ланями, громадный сад с оранжереями, множество лошадей и экипажей и масса прислуги. Когда приезжает семья князя, она привозит с собою для детей гувернанток – англичанку и француженку и гувернёра-англичанина. К ним постоянно присылаются французския и английския книги, газеты, журналы и *Journal de St.-Petersburg*, сообщающий новости дня. Если бы кто-нибудь пожелал русских книг и газет, то легко мог бы получить их. Словом, княжеское семейство имеет все удобства и удовольствия, какия могут доставить деньги и искусство, но нельзя сказать, чтобы оно наслаждалось временем, проведенным в деревне. Княгиня не чувствует отвращения к деревне. Она любит детей, охотно читает, переписывается, интересуется школой и больницей, устроенными ею для крестьян, и иногда ездит в гости к своей приятельнице Н..., живущей за пятнадцать вёрст. Но князь находит деревенскую жизнь в высшей степени скучной. Он не любит ни верховой езды, ни охоты, а другаго занятия не находит. В управлении имением он ничего не понимает и советуется с управляющим только *pro forma* – потому что как этим имением, так и другими в разных губерниях заведует главный управляющий, живущий в Петербурге, к которому он имеет полное доверие. Из соседей он ни с кем не знает. Вообще он человек необщительный, и об-

ращение у него холодное, формальное, сдержанное, весьма обыкновенное в Англии, но редкое в России. Это обращение отталкивает соседних помещиков, – о чем он нисколько не жалеет, так как они не принадлежат к его «monde» и в их манерах и привычках есть свобода и грубость, положительно ему неприятны. Сношения с ними поэтому он ограничивает только формальными визитами. Большую часть дня проводит он в убийственной праздности, беспрестанно зевая и скучая по приятной петербургской рутинной жизни, по весёлой болтовне с знакомыми, по опере, балету, французскому театру и спокойной игре в английском клубе. Он поднимается духом по мере приближения дня отъезда, а подъезжая к станции, он делается и весел, и доволен. Если бы он руководился своими собственными вкусами, он вообще не приезжал бы к себе в имение, а проводил бы летнее время в Германии, Франции или Швейцарии, как проводил, когда был холостым; но теперь он отец семейства и считает долгом жертвовать своими личными наклонностями для обязанностей своего положения.

Князь принадлежит к высшим слоям русского дворянства. Если бы мы пожелали получить понятие о низшем слое, то стоит только пройти в соседнюю деревню. Там мы встретим множество бедных необразованных людей, живущих в маленьких грязных домах и весьма мало отличающихся от крестьян. Они такие же дворяне, как и князь, но не занимают подобно ему официального положения и не имеют состояния. Все их недвижимое имущество заключается в нескольких десятинах скудной земли, едва достигающей им до первых потребностей жизни. В других местах России можно встретить людей в таком же положении и носящих княжеский титул! Это естественное следствие русского закона о наследии, не признающего принципа майоратства по отношению к титулам и имениям. Все сыновья князя – князья, и после смерти его движимое и недвижимое имущество делится между ними всеми.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДВОРЯНСТВО

Дворянство в древния времена. — Татарское иго. — Московское царство. — Местничество. — Реформы Петра Великаго. — Дворянство усваивает себе европейския понятия. — Отмена обязательной службы. — Влияние Екатерины II. — Русское дворянство по сравнению с французским и с английской аристократией. — Русские титулы. — Вероятное будущее русскаго дворянства

Теперь, когда читатель познакомился с некоторыми из представителей русскаго дворянства, ему, быть может, не безынтересно будет узнать кое-что об этом сословии вообще, о прошлой его истории и о настоящем его положении.

В древности, когда Россия была просто собранием независимых княжеств, каждый владетельный князь был окружён отрядом вооружённых людей, в состав которых входили частью бояре, или крупные поземельные собственники, частью же люди неизвестнаго происхождения, сделавшие из военного дела своё ремесло. Эти люди, из которых и образовалось тогдашнее дворянство, были до известной степени подчинены власти князя, но роль их отнюдь не ограничивалась покорным, безмолвным исполнением его воли. Бояре могли отказаться от участия в задуманных князем походах, а вольные витязи могли оставить его службу и искать себе занятие в другом месте. Если князь собирался идти на войну без их согласия, то они могли сказать ему, как то однажды и случилось: «Ты задумал, князь, это дело без нас, а потому мы не пойдём с тобою, так как нам про то ничего не было ведано». И это сопротивление княжеской воле не всег-

да оставалось пассивным. Однажды в княжестве Галицком дружина схватила князя, умертвила его любимцев, сожгла его наложницу и заставила его поклясться в том, что он впредь будет жить с законною своею женою. К преемнику его, женившемуся на жене одного священника, дружина обратилась с следующей речью: «Мы не возставали против тебя, князь, но мы не хотим воздавать почести попадье; мы её убьём, и тогда ты можешь жениться, на ком пожелаешь». Даже энергичному Боголюбскому, одному из самых выдающихся личностей между древними князьями, не удавалось добиться того, чего он хотел. Когда он попытался заставить бояр покориться его воле, он был убит. Из этих примеров – а таких в старинных летописях можно найти многое множество – явствует, что бояре и витязи в ранний период русской истории были сословием свободных людей и пользовались значительною долей политического влияния.

Во время татарского ига этот порядок изменился. После того как страна была покорена, князья стали относительно ханов в положении вассалов, но относительно собственных своих подданных они сделались неограниченными владыками. Вследствие этого политическое значение дворян сильно уменьшилось, но не уничтожилось вконец. Хотя князь уже не зависел более всецело от их поддержки, он все-таки был заинтересован в том, чтобы удержать их у себя на службе для защиты своих владений в случае внезапного нападения или для расширения своих границ на счёт соседей, если к тому представится удобный случай. Теоретически подобныя завоевания представлялись невозможными, так как всякое изменение установленных границ зависело от хана; но в действительности хан обращал весьма мало внимания на дела своих вассалов, лишь бы только они платили ему дань, и в России многое делалось и без разрешения хана. Поэтому в некоторых княжествах прежния отношения продолжали существовать и при татарском иге. Так, например, знаменитый Дмитрий Донской на смертном

одре обратился к боярам с следующей речью: «Вы знаете мой нрав и мою жизнь; я родился среди вас, вырос между вами и правил вместе с вами; в боях мы сражались рядом, я оказывал вам любовь и почёт и ставил вас над городами и областями; я любил вас как своих детей, никому не делал зла. Я радовался вашей радости, печалился вместе с вами, когда вы бывали в горести, и называл вас князьями своей страны». Затем, обращаясь к своим детям, князь завещал им следующее: «Любите своих бояр, дети мои; оказывайте им тот почёт, который им подобает по их заслугам, и ничего не предпринимайте без их согласия».

Когда великие князья московские подчинили остальные княжества своей власти и образовали из них Московское царство, дворяне спустились ещё ступенью ниже в политическом отношении. Пока было много княжеств, им можно было оставлять службу у одного князя, как скоро последний давал им повод к неудовольствию, так как они при этом имели уверенность, что будут хорошо приняты тем или другим из его соперников; но теперь им более не оставалось выбора. Единственной соперницей Москвы была Литва, а чтобы недовольные не могли переходить через литовскую границу, были приняты меры предосторожности. Московские цари, считавшие себя преемниками византийских императоров, установили новый придворный церемониал, заимствованный властью из Константинополя, частью же из Золотой Орды. Они уже более не вступали в общение с боярами запросто, не спрашивали у них совета и обращались с ними скорее как с своими слугами. Дворянин, появляясь пред своего повелителя, кланялся в землю по восточному обычаю – иногда число таких поклонов доходило до тридцати, – а в случае какой-нибудь провинности его подвергали, по усмотрению царя, телесному наказанию или смертной казни. Унаследовав власть ханов, московские цари заимствовали многое из татарской системы правления.

Быть может, покажется странным, что сословие, проявлявшее прежде дух гордой независимости, теперь так спокойно подчинилось изменившемуся своему положению. Но мы не должны забывать, что как князья, так и дворяне перед этим прошли через школу татарского владычества и в течение двух столетий мало-помалу успели освоиться с восточными обычаями и понятиями. Если они и тяготились своим положением, то они не могли не сознавать, до какой степени трудно его улучшить. Дворянство состояло из самых разнородных элементов; в среде его мы встречаем и бывших удельных князей, все ещё мечтающих вернуть себе прежнюю независимость, и московских бояр, ревниво оберегающих честь своего рода и гордящихся главенством Москвы, и татарских мурз, принявших крещение и награждённых поместьями наравне с остальными дворянами, и новгородских именитых граждан, не забывших ещё былое величие своего родного города, и литовских дворян, нашедших более выгодным служить русскому царю, чем своему королю, и мелких вождей, бежавших от притеснений тевтонского ордена, и людей неизвестного происхождения, проложивших себе дорогу военным ремеслом и явившихся из различных областей русской земли. Из таких разнородных элементов трудно было сложиться влиятельному и прочному политическому целому.

В конце шестнадцатого столетия прежняя династия московских царей угасла, и после непродолжительного периода политической анархии, известного под именем «смутного времени», на престол была возведена избранием народных представителей фамилия Романовых. Вследствие этой перемены положение дворянства несколько улучшилось. Оно уже не подвергалось более тираническому произволу и варварским жестокостям, подобным тем, которые ему пришлось испытать во времена Иоанна Грозного, но, как сословие, оно не приобрело политического влияния. В среде его продолжали существовать семейства и партии, соперничавшие между

собою, но то не были политические партии в собственном значении этого слова; высшая цель, как отдельных семейств, так и партий, была – снискать милость у царя.

Безпрестанные споры из-за старшинства, которые возникали в этот период между соперничающими родами, представляют один из самых любопытных эпизодов русской истории. Старое патриархальное представление о семействе как слитом и нераздельном целом было ещё до такой степени сильно между этими людьми, что, по их мнению, повышение или падение одного из членов семьи отзывалось на чести всех остальных членов. Каждый дворянский род занимал известную ступень в общепризнанной иерархии, сообразно с теми должностями, в которых представители этого рода состояли в данное время или в прежние времена на царской службе; весь род счёл бы себя обезчещенным, если бы один из его членов согласился принять должность ниже той, на которую он имел право. Каждый раз, как открывалась вакансия на какую-нибудь должность, подчинённые того кандидата, на котором останавливался выбор царя, справлялись в официальных списках и в своих родословных с целью удостовериться, не служил ли кто-нибудь из предков новаго их начальника под начальством кого-либо из их собственных предков. Если оказывалось, что такой случай действительно был, то подчинённый жаловался царю, что не подобает ему служить под начальством человека, род котораго ниже его собственного. Неосновательныя жалобы этого рода нередко влекли за собою заключение в тюрьму или телесное наказание, но, невзирая на строгость этих мер, ссоры из-за старшинства возникали безпрестанно. В начале каждого новаго похода непременно замечалось несколько споров этого рода, и та сторона, которая считала себя обиженною, не всегда подчинялась решению царя. Мне, по крайней мере, попался один случай, когда один дворянин, занимавший важное место, изувечил себе руку, чтоб не служить под начальством человека, котораго он считал ниже

себя по происхождению. Даже за царскою трапезою соперничества эти вызывали иногда неприличные столкновения, так как не было почти никакой возможности так распределить места за столом, чтобы все гости остались довольны. Известен один случай, когда дворянин, будучи посажен на место ниже того, которое, по его мнению, подобало бы ему, прямо заявил царю, что он предпочитает смертную казнь такому безчестию. В другом подобном же случае упрямого гостя посадили силою на назначенное ему место, но он спас честь своего рода тем, что соскользнул под стол.

Следующая затем перемена в положении дворянства была произведена Петром Великим. Пётр и по характеру, и по положению своему не мог выносить никакого противодействия. Задавшись великою задачею, он всюду отыскивал людей, способных стать послушными, разумными и энергичными исполнителями его планов. Сам он усердно служил государству – даже в качестве простого плотника, когда считал это нужным, – и требовал, чтобы и подданные его служили точно так же, а в противном случае наказывал их беспощадно. К знатности происхождения и к древности рода он обыкновенно выказывал самое демократическое, или вернее, самое автократическое пренебрежение. Для него было важно заручиться услугами живых людей, а потому он не обращал внимания на умерших предков и награждал своих слуг деньгами и почестями сообразно с их достоинствами, ставя случайность рождения ни во что. Вследствие этого многие из главнейших его сподвижников не имели никаких связей со старинными русскими дворянскими родами. Граф Ягужинский, долгое время занимавший одно из самых важных мест в государстве, был сын бедного дьячка; граф Девьер был португалец по происхождению и начал с того, что служил юнгою на корабле; барон Шафиров был еврей; Ганнибал, умерший в чине генерала-аншефа, был негр, купленный в Константинополе, а светлейший князь Меншиков, как говорят, начал своё жизненное поприще с того, что был пирож-

ником. Пётр хотел, чтобы впредь знатность происхождения не играла никакой роли, доступ на государственную службу открывался людям всякого звания и одне только личные заслуги должны были давать право на повышение.

Консерваторам того времени такой образ действий должен был казаться в высшей степени революционным и предосудительным; но Пётр Великий в своих преобразовательных стремлениях и на этом не остановился; он сделал новый шаг в том же направлении и совершенно изменил юридическое положение дворянства. До него дворяне вольны были служить или не служить, по своему усмотрению, а те, которые предпочитали служить, получали участки земли на правах, близко подходивших к тому, что в Западной Европе называлось феодальным пользованием. Иные дворяне состояли постоянно на службе в войске или в гражданском управлении, но большинство жило в своих поместьях и несло действительную службу лишь в тех случаях, когда, в виду предстоявшей войны, созывалось ополчение. Эта система была совершенно упразднена после того, как Пётр создал многочисленную постоянную армию и могущественную централизованную бюрократию. Одним из тех крутых поворотов, которые периодически встречаются в русской истории, он превратил феодальное землевладение в полную поземельную собственность и установил принцип, что все дворяне, независимо от количества владеемой ими земли, должны состоять на государственной службе в армии, во флоте или в гражданском управлении, начиная с юношеских лет и до старости. Согласно с этим принципом всякий дворянин, отказавшийся поступить на службу, не только лишался своего поместья, как то делалось и в прежния времена, но и объявлялся изменником и мог быть приговорён к смертной казни.

Таким образом, дворяне были превращены в слуг государства, а государство во времена Петра Великого было суровым господином. Дворяне горько и не без основания

жаловались на то, что у них отняли прежния их права и принуждают их нести безпрекословно все тяготы, какия только Петру заблагоразсудится на них возложить. «Невзирая на то, что отечеству нашему, – говорили они, – и не угрожает неприятельское нашествие, не успеваеет правительство заключить мир, как уже задумывается новая война, единственным основанием для которой всего чаще служит честолюбие царя или, быть может, кого-нибудь из его министров. В угоду этому честолюбию крестьяне наши вконец разоряются и сами мы принуждены бываем покидать наши дома и семьи не на время одного только похода, как прежде, а на многие годы. Мы вынуждены входить в долги и поручать наши поместья вора́м-управляющим, которые обыкновенно доводят их до такого состояния, что когда мы, за старостью и болезнью, получаем дозволение оставить службу, мы уже до конца дней своих не успеваем вернуть прежний достаток. Словом, содержание постоянной армии и вытекающия из этого последствія до того разоряют и истощают нас, что самый жестокий неприятель, если бы он даже опустошил всю имперію, не причинил бы нам и половины того зла»*.

Эта спартанская система, беспощадно приносившая в жертву частныя интересы соображениям государственной пользы, не могла долгое время продержаться во всей своей строгости. Требуя слишком многого, она сама себя подкапывала. Драконовскіе законы, угрожавшіе конфискаціей имущества и смертною казнью, мало приносили пользы. Дворяне шли в монахи, записывались в купцы или выдавали себя за дворовую прислугу, лишь бы избавиться от лежавших на них обязанностей. «Иные, – говорит один современник, – так и состарелись в непослушании и ни разу не являлись на действительную службу... Так, например, Фёдор Мокеев... Невзирая на строгія приказанія, отдан-

---

* Жалобы эти изложены прусским дипломатическим агентом того времени, Фокеротом.

няя на счёт его, никто не мог схватить его. Из людей, посланных для его поимки, иным он наносил жестокие побои, а когда нельзя было отделаться побоями, он сказывался опасно больным или же прикидывался дурачком и бежал в пруд, где оставался по горло в воде; но как скоро посланные удалялись, он возвращался домой и ревел как лев»*.

После смерти Петра Великого система эта мало-помалу была ослаблена, но дворянство не могло довольствоваться этими частичными уступками. Тем временем Россия успела подвинуться, так сказать, из Азии в Европу и сделалась одною из великих европейских держав. Высшие классы мало-помалу приобрели некоторое знакомство с западноевропейскими обычаями, литературой, учреждениями и нравственными понятиями; дворяне естественным образом сравнивали положение того сословия, к которому они принадлежали, с положением аристократии во Франции и в Германии; для людей, находившихся под влиянием западных идей, результат такого сравнения представлялся обидным. Между тем как на Западе дворянство являлось независимым и привилегированным классом, в России оно было лишено всяких привилегий и прав, подвергалось телесным наказаниям и обременялось тяжкими повинностями. Таким образом, в той части дворянства, которая успела несколько ознакомиться с западной цивилизацией, возникло чувство недовольства своим положением и желание приобрести общественное положение, подобное тому, которым пользовались дворяне в Германии и Франции. Желания эти были отчасти удовлетворены Петром III, который в 1762 г. отменил обязательную службу для дворян. Супруга его, Екатерина II, пошла в этом направлении значительно далее и положила начало новой эпохе в истории русского дворянства, эпохе, в которой обязанности и повинности, лежавшие на последнем, отодвинулись на задний план, а на первый план выступили права и преимущества.

---

* Посошков. «О скудости и богатстве».

Екатерина, в качестве иностранки, вступившей на престол при исключительных условиях, имела основательные причины искать поддержки в высших классах. Поэтому она подтвердила указ, отменявший обязательную службу для дворян, и старалась посредством наград и почестей заручиться добровольными их услугами. В своих манифестах она всегда отзывалась о дворянстве в самых лестных выражениях и старалась внушить им, что благополучие страны зависит от их верности и преданности. Хотя она и не имела в виду предоставить дворянам какую бы то ни было долю политической власти, она образовала из дворян каждой отдельной области особую корпорацию, имевшую свои периодические собрания и долженствовавшую изображать из себя некоторое подобие французских провинциальных парламентов; корпорациям этим была вверена значительная доля местного управления. Этими-то и подобными средствами, при помощи своей мужской энергии и своего женского такта, Екатерина успела приобрести большую популярность и совершенно изменить прежнее отношение дворян к государственной службе. Прежде на службу смотрели как на повинность, теперь же её стали считать преимуществом. Тысячи людей, которые по издании указа, освобождавшего их от обязательной службы, удалились было в свои поместья, теперь снова стекались со всех сторон, добиваясь назначения на различные должности; стремление это ещё более усилилось после блистательных турецких походов, возбуждавших патриотические чувства и доставивших множество случаев к повышению в чинах. В одной комедии того времени говорится:

Люди все рехнулись в чинах.
Портные, столяры, все одинакой веры;
Купцы, сапожники – все метят в офицеры.
И кто без чина свой проводит тёмный век,
Тот кажется у нас совсем не человек*.

---

* Княжнина «Хвастун».

Екатерина и на этом не остановилась. Она держалась того взгляда, распространенного по всей Европе со времени блестящего царствования Людовика XIV, что утонченно образованная придворная знать, любящая роскошь и удовольствия, является не только лучшим оплотом монархии, но и составляет необходимое украшение цивилизованного государства; а так как она пламенно желала, чтобы Россия пользовалась репутацией высокоцивилизованного государства, то она старалась создать это национальное украшение. Тут ей на помощь явилось сочувствие к французской цивилизации, уже распространённое между высшими классами ее подданных, и усилия ее в этом отношении увенчались замечательным успехом. С.-Петербургский двор по своему блеску, по *галантности* и игривости почти не уступал версальскому двору. Все лица, домогавшиеся высших почестей, переняли французския моды, говорили на французском языке и изображали из себя восторженных поклонников французской классической литературы. Придворные толковали о «point d'honneur», обсуждали вопрос о том, что совместимо с достоинством дворянина, старались выказывать «тот рыцарский дух, который составляет красу и гордость Франции», и с ужасом оглядывались на то унизительное положение, в котором находились их отцы и деды. «Пётр Великий, – пишет один из этих придворных, – бил всех своих приближенных, не разбирая ни происхождения их, ни чина; но в настоящее время, без сомнения, многие из нас предпочли бы смертную казнь жизни, опозоренной телесным наказанием».

Тон, господствовавший в придворных сферах в С.-Петербурге, мало-помалу распространился и на дворянство средняго круга; поверхностному наблюдателю могло показаться, что достигнуто весьма близкое подражание французской аристократии, но в действительности копия была очень далека от оригинала. Русский дворянин легко научался языку французскаго *gentilhomme*'а и успевал

переделать свою физическую и умственную внешность на французский манер; но те более тонкия и глубоко лежащая особенности человеческой природы, которыя вырабатываются накоплением опыта в целом ряде поколений, не могли так быстро и легко измениться. Французский «gentilhomme» являлся прямым потомком феодального барона, и все основныя понятия его предков пустили глубокие корни в его натуре. Правда, он уже не относился к королю с прежним чувством гордой независимости и в речах слышался отголосок модной демократической философии того времени, но он обладал богатым умственным и нравственным наследием, перешедшим к нему непосредственно от цветущих времён феодализма, и это последнее не могла вполне истребить даже французская революция, подготовлявшаяся в то время. Русский же дворянин, напротив, унаследовал от своего предка традиции совсем инаго рода. Его отец и дед ощущали скорее тяготы, чем привилегии того сословия, к которому они принадлежали. Они не считали для себя позором телесное наказание, и если и дорожили своей честью, то не в качестве дворян или потомков бояр, а в качестве бригадиров, коллежских асессоров или статских советников. При этих условиях самый гордый вельможа двора Екатерины, хотя бы он и владел французским языком лучше, чем своим родным языком, не мог быть особенно глубоко проникнут представлениями о благородстве крови, о высоком значении дворянства и многими другими феодальными понятиями, вытекающими из этих представлений. Приняв внешния формы чужой культуры, дворяне, по-видимому, не много выиграли в деле истиннаго чувства собственного достоинства. «Прежняя дворянская гордость исчезла, – восклицает один из современников, в котором истинно аристократическое чувство было сильнее, чем в остальных*. – Не стало более благородных семейств, а есть только чины да личныя заслуги. Все домогаются чинов, а так как все не мо-

---

* Князь Щербатов.

гут же оказывать прямые услуги, то отличий добиваются всеми возможными средствами – лестью перед монархом и искательством у вельмож». Эти жалобы заключают в себе значительную долю правды, но голос этого единичного аристократа был голосом вопиющего в пустыне. Все представители образованных классов, как родовитые дворяне, так и выскочки, были, за немногими лишь исключениями, слишком поглощены погоней за местами, чтобы обращать внимание на подобные сентиментальные сетования.

Если русское дворянство таким образом, в новом своём виде, представляло весьма неполное подражание французскому образцу, то оно ещё менее походило на английскую аристократию. В действительности, дворянство как сословие не пользовалось при Екатерине ни малейшею долей политического влияния. Под величавою и надменною внешностью, которую оно усвоило себе в угоду новой моде, не было истинного чувства независимости. Придворные во всех своих поступках и открыто высказываемых мнениях руководились действительными или предполагаемыми желаниями государыни, и значительная доля их политической проницательности уходила на угадыванье того, что могло ей понравиться. «В гостинных, – говорит один из современников*, – разговор никогда не заходит о политике; не слышно даже похвальных отзывов о правительстве. Страх приучил к осторожности, и столичные фрондёры позволяют себе высказывать свои мнения лишь в кружке самых интимных своих друзей. Те, которым подобное стеснение представляется невыносимым, удаляются в Москву, которую нельзя назвать центром оппозиции, ибо таковой в России не существует, но которая является столицей недовольных». Впрочем, и в Москве недовольство, по свидетельству другого современника**, совершенно исчезало при появлении Двора.

---

* Сегюр, бывший долгое время французским посланником при дворе Екатерины II.

** Сабатье де-Кабр. «Catherine II et la Cour de Russie en 1772».

Дворянство, хотя оно и не имело непосредственного влияния на ход политических дел, могло бы посредством губернских своих собраний и участия в местном управлении приобрести некоторое политическое значение в государстве, но для этого у него не было надлежащей политической опытности, надлежащей выдержки и не было даже желания идти этим путём. Большинство помещиков предпочитали спокойной жизни сельскаго дворянина государственную службу с ея надеждами на повышение в чинах; те же, которые жили постоянно в своих поместьях, относились равнодушно и даже апатично к делам, касавшимся местного управления. То, что на официальном языке выставлялось «привилегией, дарованной дворянству за его верность и за великодушное принесение в жертву собственной жизни на службе отечества», в действительности считалось теми, которые пользовались этой привилегией, новой формой обязательной службы – обязательством поставлять из своей среды судей и чиновников сельской полиции.

Император Павел, который до вступления своего на престол был раздражён и ожесточён высокомерием любимцев его матери, не упускал случая выказывать своё пренебрежение к аристократическим притязаниям и унижать тех, в которых он предполагал подобного рода притязания. **«Apprenez, Monsieur, – сердито ответил он Дюмурье, который как-то упомянул в разговоре о «значительных» лицах двора, – apprenez, qu’il n’y a pas de considerable ici, que la personne à laquelle je parle et pendant le temps que je lui parle»***.

Со времени Екатерины и вплоть до начала нынешняго царствования в юридическом положении дворянства не произошло никаких существенных перемен, но общественный его склад всегда изменялся мало-помалу под влиянием постоянного притока западных идей и западной культуры. Исключительно французская культура, бывшая в моде при

---

* Изречение это ошибочно приписывалось императору Николаю. Анекдот этот передан Сегюром.

дворе Екатерины, приняла более космополитический характер и перестала быть достоянием исключительно высших сфер, пока, наконец, все те, которые имели притязание считаться людьми образованными, стали довольно бегло говорить на французском языке и приобрели по крайней мере поверхностное знакомство с литературой Западной Европы. Главным отличием дворян перед лицом закона от остальных сословий было право владеть населёнными поместьями, то есть поместьями, в которых были крепостные крестьяне. С освобождением крестьян, совершившимся в 1861 г., это важное преимущество было отменено и около половины поземельной собственности помещиков перешло в руки крестьян. Последовавшие затем административные реформы упразднили и ту малую долю влияния, какую пользовались губернские корпорации дворян. Таким образом, в настоящее время дворяне уравниены с остальными сословиями как в праве владения землёю, так и в деле участия в местном управлении.

Из этого беглого очерка читатель может видеть, что русское дворянство имело своеобразное историческое развитие. В Германии, во Франции и в Англии политические условия, в которых было поставлено дворянство, рано образовали из него однородное и органическое целое. Дворянству этих стран приходилось вести борьбу против захватов королевской власти, с одной стороны, и буржуазии – с другой; эта долгая борьба с могущественными соперниками вынуждала членов этого сословия инстинктивно спланиваться между собою и в сильной степени развивала в них корпоративный дух. Хотя новым членам и не был вовсе закрыт доступ в их среду, тем не менее число этих новых пришельцев было так незначительно, что они быстро сливались с остальным сословием, не изменяя общего характера и установившихся идеалов последнего и не нарушая слишком грубо фикцию о чистоте благородной крови. Таким образом, сословие это все более и более принимало характер

касты, умственная и нравственная культура которой носила своеобразный отпечаток и которая энергически отстаивала своё положение и привилегии, пока, наконец, влияние её не было подорвано постоянно возрастающим могуществом среднего сословия. Судьба дворянства в различных странах Западной Европы сложилась различно. В Германии оно осталось верно своим феодальным традициям и до сих пор сохраняет свою общественную замкнутость. Во Франции королевская власть лишила его политического влияния, а революция окончательно его подавила. В Англии дворянство умерило свои притязания, вступило в союз с буржуазией, основало под видом конституционной монархии олигархическую республику и шаг за шагом, по мере того как обстоятельства того требовали, уступала часть своего политического влияния тому союзнику, содействию которого оно было обязано сохранением своей независимости. Таким образом, немецкий барон, французский «gentilhomme» и английский аристократ представляют три отдельные, резко разнящиеся между собою типа. Но, невзирая на все эти различия, они имеют много общих черт. Все они в большей или меньшей степени сохранили высокомерное сознание своего прирожденного, неотъемлемого превосходства над низшими классами, а также более или менее искусно замаскированную антипатию к тому сословию, которое было и до сих пор остаётся опасным для них соперником.

Ничего этого в русском дворянстве мы не находим. В состав его вошли более многочисленные и более разнообразные элементы, и элементы эти вместо того, чтобы сочетаться самопроизвольно в одно органическое целое, были сдавлены в одну массу действием верховной власти. Оно никогда не было полунезависимым фактором в государстве. Те привилегии, которыми оно пользуется, оно получило от верховной власти, и потому в нем и не могло пустить корней чувство соперничества по отношению к этой власти. С другой стороны, ему никогда не приходилось бороться с дру-

гими сословиями, а потому ему чуждо чувство сословной вражды. Если от русского дворянина вы иногда и услышите желчные отзывы о буржуазии, то можете быть уверены, что источником этого чувства являются не средневековые традиционные понятия, а идеи, заимствованные из новейших социальных и политических учений. Сословие, к которому он принадлежит, перешло через столько превращений, что в нем нет ни стародавних преданий, ни глубоко вкоренившихся предразсудков, и оно всегда охотно приспособляется к существующим условиям. Вообще про русское дворянство можно сказать, что оно, как целый класс, скорее склонно обращать свои взоры к будущему, нежели к прошлому и всегда готово воспринимать всякия новые идеи, имеющие прогрессивный оттенок. Эта свобода от преданий и предразсудков делает то, что русское дворянство чрезвычайно легко воспламеняется величественным энтузиазмом и способно на проявления порывистой энергии, но спокойное, нравственное мужество и упорство преследования раз предположенной цели не принадлежат к числу его выдающихся качеств. Словом, в нем мы не находим ни тех достоинств, ни тех пороков, которые в дворянстве других стран были порождены и поддерживались иными условиями развития.

Как бы мы не объясняли это явление, факт тот, что в русском дворянстве нет, или почти нет, того, что у нас называется аристократическим чувством, нет, или почти нет, того духа высокомерия, властолюбия и исключительности, который мы привыкли отождествлять с понятием об аристократии. Можно найти множество русских, которые гордятся своим богатством, образованием и официальным положением, но крайне редко встретите вы русского, который гордился бы своим происхождением или воображал бы, что длинный ряд предков даёт ему право на политическая привилегии или на общественный почёт. Подобныя понятия представляются русскому дворянину в большинстве случаев смешными и нелепыми. Поэтому в ходячем мнении,

что в России нет аристократии, есть известная доля правды. Дворянство как целое сословие, бесспорно, нельзя назвать аристократией. Если это название вообще применимо в России, то оно может быть применимо лишь к небольшому количеству семейств, группирующихся вокруг двора и представляющих высшие слои дворянства. В этой аристократии мы встречаем много старых дворянских родов, но действительную основу ее служат не столько происхождение и чистота крови, сколько официальное положение и общая культура. Некоторые из членов этой аристократии усвоили себе феодальные понятия о благородстве происхождения, о достоинстве знатных родов и т. п., но не эти понятия составляют главную, выдающуюся ее черту. Хотя эта аристократия и придерживается обыкновенно некоторой исключительности, в ней нет той кастовой замкнутости, которая свойственна германскому дворянству, и для нея совершенно непонятны такие учреждения, как так называемое *Tafelfähigkeit*, на основании которого человек, не обладающий известною родословной, считается недостойным сидеть за столом государя. Русская аристократия скорее принимает за свой образец английскую аристократию. Хотя она по закону и не пользуется никакими особенными преимуществами, члены ее, благодаря тому положению, которое она занимает при дворе и в администрации, имеют большую возможность достигать степеней известных на государственной службе. Но с другой стороны, наполовину бюрократический ее характер, а также закон и обычай, устанавливающие равный раздел недвижимого имущества между детьми по смерти их родителей, делают то, что аристократия эта не имеет постоянного, неизменяющегося состава. В среду ее путём официального повышения проникают новые люди, и в то же время бедность вытесняет из ее рядов многих лиц старинного рода. Сын мелкопоместного дворянина и даже сельского священника может достигнуть самых высоких должностей в государстве, между тем как

потомки полумифического Рюрика могут низойти до положения простых крестьян.

Эту аристократию, занимающую высшие ступени общественной лестницы, не следует смешивать с титулованными фамилиями. В России титулы не имеют такого значения, как на западе Европы. Они встречаются довольно часто, так как семейства, носящие титулы, весьма многочисленны и дети одного отца принимают отцовский титул ещё при жизни родителей, титул вовсе не всегда бывает связан с богатством, высоким служебным или общественным положением и вообще с какими бы то ни было отличиями. Можно насчитать сотни князей и княгинь, которые не имеют права появляться при дворе и которые не могли бы быть приняты в том, что в Петербурге называется «*la société*», да и вообще в высшем обществе какой бы то ни было страны.

Единственным коренным русским титулом следует считать титул князя. Его носят потомки Рюрика, литовского князя Гедимина, а также лица, предками которых были татарские ханы и мурзы, официально признанные в этом звании царями. Кроме того, насчитывают до четырнадцати семейств, которым за последние два столетия титул этот был дарован Императорскими указами. Титулы графа и барона являются нововведениями позднейшего времени и впервые возникают в царствование Петра Великого. Петром и его преемниками были возведены в графское достоинство до шестидесяти семи семейств и десять семейств были пожалованы титулом барона. Из последних все, за исключением двух только родов, иностранцы по происхождению и по большей части ведут свой род от придворных банкиров*.

В Западной Европе весьма распространено мнение, что русские дворяне в большинстве случаев чрезвычайно богаты. Между тем это представление крайне ошибочно. В действительности большинство русских дворян бедны. Во

---

* Кроме того, как известно, существуют немецкие графы и бароны из остзейских провинций, состоящие уже в русском подданстве.

время освобождения крестьян насчитывали до 100 247 помещиков, из этого числа было свыше 41 000 таких, на долю которых приходилось не более, как по 21 душе мужского пола на каждого, другими словами, таких, которые жили в бедности. Помещик, владевший 500 душ, отнюдь не считался очень богатым, а между тем помещиков этой категории было лишь 3 803. Было, правда, несколько единичных личностей, богатства которых были громадны. Так, например, граф Шереметьев владел 150 000 душ мужского пола, что составит население более чем в 300 000 душ; граф Орлов-Давыдов до сих пор владеет более чем полумиллионом десятин земли. Семейство Демидовых получает колоссальные доходы с своих рудников, а поместья Строгановых, если бы их сложить вместе, составили бы пространство, равняющееся изрядному независимому государству Западной Европы. Но очень богатых семейств немного. Расточительность, которую нередко позволяют себе русские дворяне, служит зачастую признаком не богатства, а просто тщеславия и беспечности. О настоящем экономическом положении помещиков я буду иметь случай говорить подробнее, когда будет речь об освобождении крестьян и его последствиях.

Читатель, быть может, ожидает, что я закончу свой очерк прошлой истории русского дворянства предсказанием относительно будущей судьбы этого сословия или, по крайней мере, выскажу те предположения, которые представляются мне наиболее вероятными в этом отношении. Хотя предсказания всегда представляются делом рискованным, но мы иногда имеем возможность, проследив наиболее характерные черты прошлого, предугадать дальнейшее развитие этих черт в ближайшем будущем. Если метод этот позволительно применить в настоящем случае, то мне представляется наиболее вероятным, что русское дворянство сольётся с другими сословиями, вместо того чтобы образовывать из себя замкнутую корпорацию. Там, где имеется налично наследственная аристократия, она может быть сохранена

или, по крайней мере, распадение ея может быть задержано на некоторое время; но создавать вновь подобную аристократию в настоящее время, по-видимому, уже нельзя. В Западной Европе, как в дворянстве, так и среди народа, ещё очень сильно уважение к аристократическому принципу, но чувство это существует не вследствие современных общественных условий, а скорее вопреки им. Оно не есть продукт новаго общества, а досталось нам по наследству от феодальных времён, когда власть, богатство и культура были сосредоточены в руках немногих привилегированных личностей. В России же если и был когда-нибудь период, соответствующий феодальным временам в Западной Европе, то память о нем давно изгладилась. Как в народе, так и самих дворянах уважение к аристократическому принципу весьма слабо, и трудно себе представить, откуда в настоящее время этого рода чувство могло бы взяться. Мало того, сами дворяне не желают подобного приобретения. Насколько у них вообще существуют какая-либо политическая стремления, они желают обеспечения известных благ за целым населением страны, а не приобретения исключительных прав и преимуществ для своего собственного сословия. Правда, в той части русскаго дворянства, которую я назвал аристократией по общественному положению, встречаются отдельные личности, которые желали бы упрочить исключительное влияние за тем общественным слоем, к которому оне принадлежат, но существует мало вероятий, чтобы стремления их увенчались успехом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ СОСЛОВИЯ

Существуют ли сословия или касты в России? — Резко обозначенные общественные типы. — Сословия, признаваемые законодательством и официальной статистикой. — Происхождение и постепенное образование этих сословий. — Особенность исторического развития России. — Политическая жизнь и политическая партии

В предшествующей главе мне неоднократно приходилось употреблять выражение «сословия», и у многих из моих читателей, вероятно, возникал вопрос: что такое сословия в русском значении этого слова? Поэтому, прежде чем идти далее, считаю нелишним ответить на этот вопрос.

Если вы предложите такой вопрос рускому, то весьма может быть, что получите ответ приблизительно следующего рода: «В России собственно сословий не существует и никогда не существовало. Факт этот составляет одну из самых разительных особенностей исторического развития России и служит самым верным залогом ее будущего величия. Мы не имеем и никогда не имели понятия о тех сословных отличиях и той сословной вражде, которая в Западной Европе так часто колебала общества в прошлом и угрожают его существованию в будущем».

Иностранцу, приехавшему в Россию без предвзятых мыслей и решившемуся составлять себе мнения на основании собственных наблюдений, не совсем легко будет поверить, что дело обстоит действительно так. Такому ино-

странцу, напротив, покажется, что сословныя различия составляют одну из самых выдающихся особенностей русского общества. Пробыв несколько дней в России, он уже научится распознавать различныя сословия по внешним их признакам. Так, он без труда узнает дворянина по его французскому языку и европейскому костюму, купца – по его бороде, чёрной суконной шапке и долгополуму, лоснящемуся двубортному сюртуку, священника – по его длинным волосам и развевающейся одежде, и крестьянина – по его светло-русой неподстриженной бороде и засаленному овчинному полушубку, распространяющему вокруг себя не особенно приятный запах. Встречая на каждом шагу эти резко обозначенные типы, иностранец, естественно, приходит к тому заключению, что русское общество состоит из замкнутых сословий; это первое впечатление ещё более укоренится в нем, если он заглянет в свод законов. Из пятнадцати томов, составляющих этот свод, один из довольно объемистых всецело посвящён определению прав и обязанностей различных сословий. Из этого иностранец выводит заключение, что сословия существуют как фактически, так и легально. Чтобы ещё более удостовериться в этом, он обращается к официальной статистике и тут находит следующие данные:

Потомственных дворян	652 887
Личных дворян	374 367
Лиц духовнаго сословия	695 905
Городских сословий	7 196 005
Лиц сельскаго состоянія	63 840 291
Лиц военнаго званія	4 767 703
Иностранцев	153 135

Итого 77 680 293*

* Ливрон: «Статистическое обозрение Российской Империи». С.-Петербург, 1875. Цифры эти обнимают население всей Империи.

Вооруженный этими данными иностранец отправляется к русским своим знакомым, уверявшим его, что в отечестве их неизвестны сословные различия. Он твердо уверен в том, что откроет им глаза на странной заблуждение, под влиянием которого они находились, но ему предстоит разочароваться в своих ожиданиях. Ему ответят, что эти законы и статистические данные ровно ничего не доказывают и что устанавливаемые ими категории – не более, как административные фикции.

Это кажущееся противоречие объясняется двойственным смыслом, в котором употребляются русские выражения «сословия» и «состояния». Если под упомянутыми словами подразумевать касты в восточном значении этого слова, то таковых действительно не существует в России. Между дворянами, духовенством, мещанами и крестьянами нет ни расовых отличий, ни непроходимых преград, которые бы их разделяли. Крестьянин нередко становится купцом, и было много случаев, когда крестьяне и сыновья сельских священников получали дворянство. Вплоть до последнего времени белое духовенство, как мы видели, составляло особый и замкнутый класс, в котором можно было заметить многие черты, свойственные кастовому устройству; но теперь положение его изменилось, и в настоящее время можно сказать, что в России не существует каст в восточном значении этого слова. Если под сословием понимать организованное политическое целое, связанное известным корпоративным духом и ясно сознаваемыми политическими стремлениями, то можно равным образом признать, что в России сословий не существует. Так как в этой стране в течение многих веков не было политической жизни, то в ней не могли образоваться и политические партии.

Но при всем том утверждать, что в России никогда не существовало сословий и что те категории, которые мы встречаем в законодательстве и в официальной статистике, не более, как административная фикция, значит

впадать в грубое преувеличение. С самого начала русской истории самые несомненные признаки указывают на существование различных общественных классов; так, мы встречаем князей, бояр, княжеских дружинников, крестьян, рабов и разные другие классы; один из древнейших памятников законодательства, «Русская Правда» великого князя Ярослава (1019–1054), представляет в наказаниях, устанавливаемых за различные преступления, несомненное доказательство того, что классы эти формально признавались законом. С тех пор они подвергались различным видоизменениям, но самое существование их никогда не прекращалось. В древности, когда правительственная регламентация была крайне слаба, между этими классами, быть может, и не существовало ясно обозначенных границ; особенности, отличавшие их, были не столько правового, сколько фактического свойства и заключались скорее в их образе жизни и в общественном их положении, чем в каких-либо определённых обязанностях и привилегиях. Но по мере того, как верховная власть усиливалась и стремилась превратить нацию в государство с сильно централизованным управлением, в общественных отличиях между классами правовой элемент приобретал все большее и большее значение. Нужно было разделить народ на категории по финансовым и другим целям. В основу этой законодательной классификации были положены существующие фактические условия; но самая классификация эта имела не одно только формальное значение. Необходимость строго определить различные группы влекла за собою необходимость возвысить и укрепить преграды, их разделявшие, а этим был затруднён переход из одной группы в другую. В пояснение этого приведу один только пример: пока не существовало строгого правительственного надзора и регламентации, крестьянин легко мог переходить в дружину князя, а человек, служивший в княжеской дружине, мог точно так же без затруднений делаться

крестьянином; но когда правительственная регламентация усилилась, в особенности же после того, как вошло в обычай облагать податями не имущества, а личности, оказалось невозможным допускать без ограничений подобный переход из одного класса в другой, так как через это могла уменьшиться сумма обязательств, лежавших на личности. Даже в тех случаях, когда происходило не уменьшение, а лишь перемещение обязательств, не всегда можно было позволять это, так как подобное перемещение могло принять серьёзные размеры, а через это нарушилось бы равновесие между различными классами. Так, по крайней мере, думали московские цари, и потому они приняли за общее правило, что никто не должен выходить из того сословия, в котором он родился. Примеры всему этому мы уже видели в истории духовенства.

Особенною энергиею в этой классификации отличался Пётр Великий. С свойственной ему страстью к регламентации он воздвиг непроходимыя преграды между различными сословиями и определил обязанности каждого до самомельчайших подробностей. После его смерти работа продолжалась в том же направлении.

Англичанину может показаться странным, что правительство брало на себя Геркулесов труд определять относительную численность различных сословий, вместо того чтобы предоставить это дело свободному действию закона спроса и предложения; но не следует забывать, что в России слишком долгое время оказывалось более доверия бюрократической мудрости, нежели здравому смыслу и инстинктам населения.

В царствование Екатерины в официальное представление о сословиях был введён ещё новый элемент. До Екатерины правительство помышляло лишь об обязанностях различных сословий; Екатерина же, под влиянием западных идей, ввела понятие о сословных правах. Она, как мы уже видели, желала иметь дворянство и третье сословие,

подобныя тем, которыя существовали во Франции, и с этою целью даровала сначала дворянству, а потом и городам различныя права. Преемники ея действовали в том же духе, и в настоящее время свод законов содержит в себе многочисленныя постановления как об обязанностях каждаго сословия, так и об их преимуществах.

Таким образом, мы видим, что ходячее мнение, будто в России различныя сословия суть не более, как искусственныя категории, созданныя законом, заключает в себе известную долю правды, но отнюдь не может считаться вполне верным. Различныя общественныя группы, как-то: крестьяне, помещики и т. п., возникли в России, так же как и в других странах, под влиянием обстоятельств; законодательство только признавало и развивало уже существующия различия между классами. Определяя легальное положение каждой группы, ея обязанности и права до мельчайших подробностей, оно в придачу к тем фактическим преградам, которыя разделяли различныя группы, воздвигло ещё новыя, законодательныя.

Отличительная особенность историческаго развития России заключается в следующем: вплоть до послѣдняго времени страна эта была почти исключительно земледельческой страной, располагавшей обширными пространствами незаселенной земли. Поэтому в ея истории мы встречаем мало примеров тех столкновений, которыя возникают вследствие сложности общественных отношений и напряженности борьбы за существование. Правда, с течением времени возникали известныя общественныя группы; но им никогда не предоставлялось свободы вести между собою борьбу на свой собственный счёт. Верховная власть постоянно держала их в узде, придавала им ту форму, которую считала наиболее подходящей, подробно и тщательно определяла их обязанности, права, взаимныя отношения, а также то место, которое каждая из них должна была занимать в политической организации. Вследствие этого в исто-

рии России мы не находим почти никаких следов той сословной вражды, которая составляет такую выдающуюся черту в истории Западной Европы*.

Практическим результатом всего этого является то, что в современной России кастовый дух и сословные предрассудки весьма слабы. Мы уже видели, как дворянство и недавно освобождённые крестьяне мирно работают рука об руку в земстве; в истории освобождения крестьян можно бы найти ещё множество других столь же любопытных фактов. Предположение многих русских, что стране их в будущем суждено политическое развитие без политических партий, не говоря уже о противоречивости такого выражения, есть не более как утопическая нелепость. Но можно положительно сказать, что, когда в России появятся политические партии, они будут совсем не похожи на те, которые существуют в Германии, Франции и Англии.

---

* Таково, как мне кажется, наиболее правильное объяснение того факта, который славянофилы пытались объяснить легендой сомнительной достоверности. (См.: «Старая легенда». Глава двенадцатая).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ СРЕДИ ЕРЕТИКОВ

Волга. — Самара. — Молокане. — Мой способ исследования. — Александров-Гай. — Неожиданный богословский спор. — Учение и церковная организация молокан. — Надзор за нравственностью и взаимная помощь. — История секты. — Лжепророк. — Утилитарное христианство. — Классификация фантастичных сект. — Политика правительства по отношению к сектам. — Два рода ереси. — Вероятное будущее еретичных сект. — Вопрос о политической их благонадёжности

Волга, как я уже упомянул, вообще не особенно живописная река. Местность на левом её берегу плоская и болотистая, а правый берег хотя высок и местами представляет значительную крутизну, но однообразен в своих очертаниях и красках. На обоих берегах растёт много лесу, но он группируется не так, как было бы желательно для пейзажиста, и не уничтожает впечатления пустынности. Если, прежде чем вы пустились в путь, вас предупредили, чтобы вы не ожидали особенно живописных видов, то в первые два часа плавания местность покажется вам хотя не грандиозною, тем не менее красивою и не чуждою известной привлекательности; но полюбовавшись ею в течение целого дня, вы, в конце концов, находите её однообразною и начинаете искать себе развлечения в чтении, в картах или в каком-нибудь другом занятии.

Впрочем, на берегах Волги попадаются там и сям места настолько интересные, что вы отрываетесь от своих книг или карт, чтобы взглянуть на них. В числе этих мест,

прежде всего, следует упомянуть о Жигулевских горах, лежащих приблизительно на полпути между Казанью и Саратовом. Оне пользуются значительной местной известностью, и один француз, говоря мне о них, называл их «восхитительными»; англичанин едва ли решился бы применить к ним столь сильный эпитет и назвал бы их просто красивыми, но этого последнего названия оне безспорно заслуживают. Хотя оне и недостаточно высоки, чтобы нужно было обозначать их на обыкновенных географических картах, но имеют живописныя очертания, и левый берег Волги настолько поднимается в этом месте, что, когда мы плыли мимо их, можно было сказать себе, что находишься действительно в гористой области. Затем горы постепенно удаляются от реки, и на левом берегу перед взорами путешественника встают беспорядочно разбросанныя здания города, имеющаго продолговатую форму; среди этих зданий резко бросается в глаза большая квадратная церковь с ярко-зелёною кровлею, поверх которой возвышаются куполы обычной византийской архитектуры. Город этот – Самара, главный город губернии того же имени.

Самара возникла недавно; она была основана в нынешнем столетии и своим незаконченным видом напоминает города Америки. Большинство домов – деревянные. Улицы ещё настолько находятся в первобытном состоянии, что после дождя становятся почти непроходимыми от грязи, а в сухую ветреную погоду по ним носятся целыя облака пыли, которая слепит глаза и стесняет дыхание. Однажды во время моего пребывания там над городом пронёсся целый ураган, в продолжение котораго были минуты, когда из окон гостиницы нельзя было рассмотреть дома на противоположной стороне улицы. Среди такой первобытной обстановки колоссальное новое здание церкви представляется несколько неуместным, и при взгляде на него невольно приходит на мысль, что часть денег, потраченных на его постройку, могла бы быть употреблена более производительным образом.

Но на этот счёт у русских существуют свои особые понятия. Во всем, касающемся внешности, они чрезвычайно религиозны и охотно жертвуют деньги на церковные надобности. К тому же и в высших сферах считают необходимым, чтобы каждый губернский город имел собор.

Самара в первые годы своего существования была самым крайним пунктом русской колонизации, и ей нередко приходилось принимать меры предосторожности против набегов соседних кочевников. Но с тех пор граница земледельческого населения подвинулась более к югу и к востоку, и в настоящее время губерния эта является одною из самых производительных во всей империи. Город Самара служит главным рынком для всей прилегающей области, и этому обязан он преимущественно своим значением. Хлеб свозится сюда крестьянами издалека и складывается оптовыми хлебными торговцами в громадные житницы, откуда они отправляют его по железным дорогам и водою в Москву и Петербург. В прежние времена передвижение хлебных грузов представляло крайне тягостную и медленную процедуру; барки с хлебом тащились вверх по реке и по каналам на большие расстояния посредством лошадиной или людской тяги. Затем настал период кабестанного судоходства, причём употреблялись неуклюжие приспособления, приводившие судно в движение посредством якорей и воротил. В настоящее время доставка хлеба производится гораздо быстрее и удобнее. Хлеб нагружается на громадные баржи, которые тянутся на буксире сильными пароходами и доставляются к какому-нибудь пункту, примыкающему к сети железнодорожных сообщений.

Осмотрев собор и хлебные магазины, путешественник может считать, что ознакомился со всеми достопримечательностями Самары. После этого ему остаётся разве ещё взглянуть на два кумысные заведения, находящиеся в красивой местности недалеко от города. Тут он найдёт значительное число чахоточных и других больных, которые вы-

пивают громадные количества перебродившаго кобыльяго молока и по их уверению извлекают необычайную пользу от этого новомоднаго леченья. Когда я проделал все это, я нашёл, что исполнил свой долг как туриста, и потому принялся за то дело, которое составляло цель моего приезда, а именно – за собиране сведений об экономическом положении страны и преимущественно крестьян, освобожденных от крепостной зависимости.

Во время этих занятий мне часто приходилось слышать об одной религиозной секте, прозванной молоканами; я заинтересовался этой сектой, так как религиозныя ея верования, каковы бы они ни были, оказывали, по-видимому, благотворное влияние на материальное ея благосостояние. Молокане, хотя и принадлежат к той же расе и поставлены в те же условия, как и православныя крестьяне, живут в лучших хатах, лучше одеваются, исправнее платят подати, словом, пользуются большим материальным достатком. Все те лица, с которыми мне приходилось говорить о них, в один голос отзывались о них как о людях спокойных, степенных и трезвых; но относительно религиозных их верований слышанныя мною отзывы были неопределенныя и сбивчивыя. Между тем как одни изображали их чем-то вроде лютеран или протестантов, другия считали их последним остатком странной еретической секты, существовавшей в первыя времена христианства. Один господин даже уверял меня, что они представляют видоизменение манихеизма, но я не придавал значения этому мнению, так как из предложенных мною вопросов убедился, что собеседник мой о манихеизме ничего не знал, кроме названия.

Желая составить себе более определенное понятие об этом предмете, я решился сам изследовать занимавший меня вопрос. Вначале задача эта была сопряжена с большими затруднениями. Правда, я без особенных хлопот познакомился с одним богатым молоканом, проживавшем в городе, и настолько успел заручиться его доверием, что он

обещал мне нечто вроде рекомендательного письма к наиболее влиятельным членам секты, жившим в тех селениях, куда я намерен был отправиться. Но пораздумав, он изменил своё намеренье и не сдержал данного обещания. В селениях, через которые я проезжал, мне попадалось немало молокан, но все они выказывали положительное нежелание распространяться о религиозных своих верованиях. Привыкнув с давних пор к вымогательствам и преследованиям со стороны администрации, они подозревали во мне тайного правительственного агента и избегали всяких разговоров, выходявших за пределы замечаний о погоде и об урожае; на все остальные мои вопросы они отвечали так, как будто им приходилось держать ответ перед великим инквизитором. После нескольких неудачных попыток я убедился, что путём прямых вопросов мне не добиться от них никаких сведений о религиозных их верованиях. Поэтому я избрал другую тактику. Из тех скудных данных, которые мне удалось собрать во время разговоров с ними, я понял, что учение их представляет некоторое, по крайней мере внешнее, сходство с пресвитерианством, а из прежнего опыта я уже знал, что любопытство умного русского крестьянина легко возбуждается рассказами о чужих странах. На основании этих-то двух фактов я и построил свою тактику. При встрече с молоканом или с человеком, котораго я подозревал в принадлежности к этой секте, я некоторое время вёл разговор о погоде и об урожае, делая вид, что никаких задних мыслей при этом не имею. Исчерпав этот предмет, я постепенно переходил от состояния урожая и погоды в России к урожаю и погоде в Шотландии, а там мало-помалу сводил разговор на пресвитерианскую церковь в Шотландии. Почти во всех случаях приём этот удался как нельзя лучше. Как скоро мой собеседник узнавал, что существует страна, где сами верующие истолковывают священное писание, где нет епископов и не поклоняются иконам, он начинал внимательно вслушиваться; а когда он затем узнавал, что в этой

удивительной стране приходы ежегодно посылают от себя депутатов в собрание, на котором свободно и публично обсуждаются все дела, касающиеся церкви, он почти неизменно раздражался восклицаниями удивления и осыпал меня вопросами: «Где лежит эта страна – на востоке или на западе? Далеко ли она отсюда? Эх, кабы нашему пресвитеру об этом поразсказать!»

Последнее восклицание было именно то, чего я и добивался, так как оно доставляло мне случай познакомиться с пресвитером или молоканским священником без всякой навязчивости с моей стороны, а я знал, что разговор с подобным лицом, обязанности котораго обыкновенно исполняет простой неучёный крестьянин, но более развитой и более сведующий в религиозных вопросах, чем остальные, непременно доставит мне массу полезных сведений. Не раз просиживал я до поздней ночи, беседуя с пресвитером, и таким образом узнал многое о религиозных верованиях и обрядах молокан. После подобных свиданий я уже знал наперёд, что все молокане данного селения будут относиться ко мне с уважением и доверием и позаботятся о том, чтобы доставить мне такой же приём у единоверцев своих в других селениях, через которых лежал мой путь. Многие из наиболее развитых крестьян, с которыми мне приходилось беседовать, настоятельно советовали мне побывать в Александров-Гае, селении, лежащем на самой границе Киргизской степи. «Мы здесь люди тёмные и ничего не знаем, – говорили они, – а вот в Александров-Гае вы найдёте людей наученных в вере, и они с вами потолкуют». Предсказание это исполнилось несколько неожиданным для меня образом.

Возвращаясь несколько недель спустя из поездки в Киргизскую степь, я однажды вечером прибыл в этот центр молоканства и был радушно принят всей братией. Случайно разговорившись с моим хозяином о религиозных вопросах, я выразил ему желание познакомиться с кем-нибудь,

кто был бы начитан в священном писании и хорошо знаком с вероучением молокан. Хозяин мой обещал исполнить моё желание, насколько от него будет зависеть, и на следующее утро сдержал своё слово так, как я того и не ожидал. Едва успели убрать самовар, как дверь отворилась и в горницу вошло двенадцать человек крестьян. После того как я поздоровался с этими неожиданными посетителями, хозяин мой объяснил мне, к немалому моему удивлению, что эти его приятели пришли побеседовать со мною о вере. Затем, без дальнейших околичностей, он положил передо мной массивный экземпляр Библии на славянском языке с тем, чтобы я мог подкреплять свои доводы текстами из священного писания. Я совсем не был подготовлен к формальному богословскому диспуту, и потому эти приготовления повергли меня в немалое смущение. Двое русских моих знакомых, с которыми я предпринял эту поездку и которые не интересовались занимавшими меня вопросами, посмеивались про себя над затруднительным моим положением. Об отступлении, однако, нечего было и думать. Я сам напросился на беседу с некоторыми из членов секты, и теперь моё желание было исполнено, хотя, конечно, в такой форме, какая мне и в голову не могла придти. Спутники мои удалились, шепнув мне, что предоставляют меня на произвол той участи, которую я сам себе уготовил, и собеседование началось.

Участь моя, впрочем, оказалась далеко не столь страшною, как можно было ожидать, только вначале положение было неловкое. Ни та, ни другая сторона не имела ясного представления о том, чего от него хочет противная сторона, и посетители мои ждали, чтобы я сам начал разговор. Подобное ожидание было вполне естественно и законно, так как я невзначай вызвал их на собеседование. Но я не мог обратиться к ним со вступительною речью по той, наиболее уважительной из всех причин, что не знал, что им сказать. Если бы я объявил им действительную свою цель, то это, по всем вероятностям, возбудило бы их недоверие. Обычная

моя уловка заводить речь о погоде и урожае оказывалась в настоящем случае неприменимой. У меня, было, мелькнула мысль предложить для начала знакомства пропеть псалом, но это придало бы собранию торжественность, которой я желал избежать. По зрелом обсуждении я нашёл, что всего лучше будет прямо приступить к прениям. Поэтому я сказал им, что имел неоднократно случай беседовать со многими из их единоверцев в различных деревнях и нашёл в учении их такие вещи, которые, на мой взгляд, представляются существенными заблуждениями. Так, например, продолжал я, я не могу согласиться с тем, что есть свиное мясо грешно. Такой приступ к делу был нельзя сказать, чтобы особенно удачен, но он, по крайней мере, дал нам точку отправления; благодаря ему у нас нашлась определенная тема для разговора и тотчас же завязался оживлённый спор. Противники мои вначале пытались доказать правильность своего взгляда на основании Новаго Завета, но, когда им это не удалось, они обратились к Пятикнижию. От частного вопроса обрядоваго закона мы перешли к более широкому вопросу о том, насколько обрядовый закон может считаться обязательным, а отсюда к другим столь же важным вопросам. Если логика этих крестьян не во всех пунктах оказывалась непогрешимой, то знакомство их с священным писанием ничего не оставляло желать. В защиту своих взглядов они приводили на память длинные тексты, а когда я в общих выражениях указывал им тот текст, на который хотел сослаться, они тотчас же подсказывали мне его, так что мне ни разу не понадобилось раскрывать массивный экземпляр Библии, лежавшей передо мною. Трое или четверо из них, по-видимому, знали весь Новый Завет наизусть. Я не стану описывать подробности наших прений; достаточно будет сказать, что после четырёх часов непрерывнаго разговора мы пришли к тому заключению, что расходимся по некоторым частным вопросам, и разстались друг с другом без малейшаго следа того раздражения, которое обыкновенно

порождается религиозными спорами. Ни разу в жизни не встречал я людей более добросовестных, более обходительных в споре, более проникнутых желанием доискаться истины и более равнодушных к диалектическим победам над противником, чем эти простые необразованные крестьяне. Если раза два во время нашего собеседования в разговоре и прорывалась излишняя горячность, то я должен отдать справедливость моим противникам, – инициатива этой горячности шла не с их стороны.

Как эта продолжительная беседа, так и другие разговоры, которые я до того и после имел с пресвитерами и простыми молоканами в различных местностях России, утвердили меня в первоначальном моём мнении, что учение молокан имеет большое сходство с пресвитерианством. Впрочем, между тем и другим существует в одном пункте резкое различие. Пресвитерианство имеет церковную организацию и письменное вероучение; догматы его давным-давно установлены путём гласного обсуждения, полемической литературы и общих собраний. Молокане же, напротив, были лишены возможности развить основные принципы своей веры и выработать свои смутные религиозные представления в строго логическую систему. Поэтому их богословие ещё находится в переходном состоянии и нельзя наперёд сказать, в какую форму оно окончательно сложится. «Об этом мы ещё не подумали», – приходилось мне не раз слышать от них в ответ на вопрос, предложенный мною относительно какого-нибудь отвлечённого догмата веры. «Надо будет потолковать об этом, когда соберёмся в будущее воскресенье. А вы как думаете на этот счёт?» Кроме того, основные принципы их вероучения предоставляют значительный простор личному и местному разногласию во мнениях. Они считают, что единственным руководителем в делах веры и внешнего поведения должно служить священное писание, но что оно должно быть понимаемо не в буквальном, а в духовном смысле. Так как для них не существует никакого

земного авторитета, которому принадлежало бы право разрешать спорные вопросы, то каждый человек волен принимать то толкование, которое представляется ему наиболее подходящим. Особенность эта, без сомнения, впоследствии повлечёт за собою образование нескольких сект, и уже в настоящее время между различными молоканскими общинами существует значительное разногласие во мнениях; но это разногласие не признается ими формально, и я могу засвидетельствовать, что нигде не встречал между ними той фанатичной и узкой придирчивости в деле догматов, которая вообще составляет отличительную черту сектаторства.

В деле церковной организации молокане берут за образец христианскую церковь времён апостолов, как она описана в Новом Завете, и, безусловно, отвергают все позднейшие авторитеты. Согласно с избранным ими образцом у них нет ни духовной иерархии, ни духовенства, получающего плату за своё служение. Они избирают из среды своей пресвитера и двух помощников; обыкновенно это бывают люди, известные общине своею примерною жизнью и знанием священного писания; на них возлагается обязанность печься о религиозном и нравственном преуспейании общины. По воскресеньям они сходятся в частных домах, так как им не дозволяется иметь свои церкви, и проводят часа два или три в пении псалмов, в чтении священного писания и в дружеском беседовании о религиозных предметах. Если кто-нибудь из братии затрудняется каким-нибудь вопросом веры и желает разъяснения этого вопроса, он излагает свои сомнения перед собранием и некоторые из присутствующих высказывают свой взгляд на поднятый вопрос, приводя в подтверждение тексты из священного писания. Если собрание найдёт, что приведенные тексты достаточно разъяснили вопрос, то он считается решённым, в противном же случае он оставляется открытым.

У молокан, так же как и у многих других сект в первый период их существования, введена строгая система надзо-

ра за нравственностью членов. Если кто-нибудь из братии провинится в пьянстве или в другом поступке, неподобающем христианину, пресвитер на первый раз увещает его наедине или в присутствии всего собрания; если эта мера не окажет желаемого действия, виновный отлучается на более или менее продолжительное время от участия в собрании и от всякого общения с остальными членами секты; наконец, в крайних случаях прибегают к изгнанию неисправимаго члена. С другой стороны, если кто-нибудь из братии впадёт, не по своей вине, в материальную нужду, остальные спешат к нему на помощь. Этою-то системою взаимнаго надзора и взаимной помощи, вероятно, в значительной степени объясняется то обстоятельство, что молокане постоянно отличаются от окружающаго их населения трезвостью, честностью и материальным благосостоянием.

Что касается истории и действительной численности молоканской секты, то это предмет очень мало исследованный. Некоторые полагают, что секта эта была основана в шестнадцатом столетии протестантскими выходцами из заграницы; но мнение это опирается лишь на смутное предание. Самым древним письменным свидетельством о существовании этой секты, насколько мне известно, является документ, относящийся к царствованию Екатерины II. Численность молокан в настоящее время трудно определить даже приблизительно. Несомненно то, что их существуют многия тысячи, быть может, даже сотни тысяч. В прежния времена правительство переселяло их из внутренних губерний в менее населённые окраины, где им представлялось менее случаев совращать в свою веру православных своих соседей. Вследствие этого мы встречаем молокан в южных уездах Самарской губернии, на северном побережии Азовскаго моря, в Крыму, на Кавказе и в Сибири. Впрочем, до сих пор попадаетса немало молокан и в центральной России, в особенности же в Тамбовской губернии.

Лёгкость, с которою молокане видоизменяют свои мнения каждый раз, когда им кажется, что на данный вопрос пролит новый луч света, предохраняет их от ханжества и фанатизма, но в то же время подвергает их опасности другого рода, от которой они были бы ограждены, если бы у них существовало несколько больше упорства в предразсудках. «Между нами появляются лжепророки, – сказал мне однажды престарелый, разсудительный член этой секты, – и многих совращают они с пути истиннаго». Из числа этих лжепророков наиболее замечательным за последнее время был некто Иван Григорьев. Загадочный этот человек проживал то с турецким, то с американским паспортом, но по всем другим признакам был чистокровный русский. Несколько лет тому назад он прибыл в Александров-Гай. Хотя он и выдавал себя за настоящего молокана и был принят как таковой, тем не менее на еженедельных собраниях секты он стал проповедывать разныя новыя поразительныя учения. Вначале он ограничивался тем, что убеждал своих слушателей подражать в образе жизни древним христианам и иметь все общее. В этом учении для молокан не было ничего неосновательнаго, так как они берут себе древних христиан за образец, а потому многие из них стали подумывать об уничтожении личной собственности; но когда пророк прямо объявил им, что общность имущества должна быть распространена и на жён, то он встретил решительное сопротивление; ему стали возражать, что первобытная церковь отнюдь не одобряла огульное прелюбодеяние и тому подобные грехи. Довод был подавляющий, но «пророк» и тут нашёлся. Он напомнил братии, что, согласно с собственным их учением, священное писание должно быть понимаемо не в буквальном, а в духовном смысле, что христианство сделало людей свободными и что всякий истинный христианин должен пользоваться своей свободой. «Всякое дело законно, но не всякое дело целесообразно», – другими словами, мы в своих поступ-

ках должны руководиться просто соображениями практического удобства, и все возражения, приводимые против данного предложения на том основании, что оно незаконно, должны пасть сами собою. Тот, кто подчиняется узде закона, не есть истинный христианин.

Эти подробности о новом учении сообщил мне один умный молокан, прежде бывший крестьянином, а потом сделавшийся торговцем; мне случилось провести у него вечер в Новоузенске – городе, в уезде котораго находится Александров-Гай. Мне показалось, что изобретатель этой замысловатой попытки примирения между христианством и крайним утилитаризмом должен быть образованный человек, переодетый крестьянином, и я сообщил свою догадку моему амфитриону, но он не согласился со мною.

«Нет, не думаю, – отвечал он мне, – я даже уверен, что он человек простого звания, и мне сильно сдаётся, что он отставной солдат. Учёность у него не Бог знает какая, но дар слова у него изумительный. Никогда не встречал я человека, который умел бы так хорошо говорить. Он бы заговорил всю деревню, если бы не один старик, который сильнее его оказался. Тогда он отправился в Орлов-Гай и там заговорил весь народ». О деятельности этого человека в последнем из упомянутых селений мне так и не удалось собрать достоверныя сведения. Ходили слухи, что он основал коммунистическую ассоциацию, главою и казначеем которой он сделался сам, и убедил членов этой ассоциации принять какую-то необычайную теорию пророческой премственности, по-видимому рассчитанную на удовлетворение собственной его чувственности. За более подробными сведениями мой хозяин посоветовал мне обратиться либо к самому пророку, сидевшему в то время в остроге за проживание по фальшивому паспорту, либо к одному из его близких знакомых, некоему г. Х., жившему тут же в городе. Так как добиться доступа в остроге было нелегко, а времени у меня оставалось немного, то я предпочёл последний путь.

Г. Х. сам был личностью оригинальною в своём роде. Он был когда-то студентом Московского университета и за какие-то юношеския увлечения во время университетских волнений, о которых я имел случай упоминать выше, был сослан в Новоузенск. Прождав напрасно в течение нескольких лет и потеряв надежду на возвращение, он отказался от мысли об учёной карьере, женился на крестьянке, взял в аренду клочок земли, купил пару верблюдов* и превратился в мелкого сельского хозяина.

Иван Григорьев, как оказалось из разспросов, был, по-видимому, действительно простым русским мужиком, но с самой ранней молодости своей он был одержим тем безпокойством, которое делает иных людей неспособными долгое время идти по проторённой колее. О месте своего рождения и о причинах, заставивших его покинуть родину, он никогда не проговаривался ни единым словом и имел, вероятно, для этого свои основания. Он, видимо, много странствовал и внимательно приглядывался ко всему виденному. Пребывание его в Америке подлежит сомнению, но что он был в Турции, это верно, и там он имел случай ознакомиться с различными русскими раскольничьими общинами, поселившимися на берегах Дуная. Здесь-то, вероятно, он и выработал себе многия из своих религиозных понятий и составил свой грандиозный план, состоящий в том, чтобы основать новую религию, стать тем же, чем был Основатель христианства! Он сам однажды сознался, что в этом заключается его заветная мечта, и не видел причин, почему этой мечте не осуществиться. Он считал, что Основатель христианства был такой же простой смертный, как и он сам, но только обладавший глубоким пониманием окружающих людей и обстоятельств того времени, а этими свойствами Иван Григорьев считал, что и сам обладает в

---

* В этих местах мне впервые случилось видеть верблюдов, употребляемых для земледелия. Эти «корабли пустыни», запряженные в небольшую четырёхколесную тележку, казались положительно не на своём месте.

достаточной степени. Но для того, чтобы сделаться пророком, ему недоставало одного необходимаго качества: в нём не было религиознаго энтузиазма, не было и тени того духа, который создаёт мучеников за веру. Во многое из того, что он проповедывал, он и сам не верил и, по-видимому, питал некоторое презрение к тем простодушным людям, которые принимали все, что он ни говорил, за наличную монету. Он не только был человеком себе на уме, но и отлично сознавал это, сознавал, что разыгрывает роль, обдуманную наперёд. Но при всем том едва ли было бы справедливо утверждать, что он был не более, как обманщик, исключительно озабоченный своей собственной выгодой. Хотя он от природы обладал чувственными наклонностями и не мог устоять против искушения там, где ему представлялся случай удовлетворить их, он, по-видимому, был искренно убеждён, что коммунистические планы его, если они осуществятся, будут способствовать не только собственному его благосостоянию, но и благу всего народа. Он вообще представлял странную смесь реформатора, пророка и хитраго обманщика. Удастся ли ему когда-нибудь снова выступить в роли пророка, сказать трудно, но бесспорно то, что между молоканами Самарской губернии ему уже более нельзя будет рассчитывать на успех.

Кроме молокан в России существует ещё много других еретических сект. Некоторые из них являются просто сколком с евангелическаго протестантства; таковы, например, штундисты, которые заимствовали религиозныя идеи у соседей своих, немецких колонистов; другия же секты состоят из безумных энтузиастов, которые дали волю своему возбуждённому воображению и с упоением предаются тому, что немцы называют: «*der höhere Blödsinn*» (слабоумие высшей пробы). Я не имею возможности дать здесь хотя бы только общее понятие обо всех этих фантастических сектах, с их догматическими и обрядными нелепостями, но для желающих ближе ознакомиться с этим

предметом я могу привести нижеследующую классификацию упомянутых сект:

1) Секты, принимающие священное писание за основу своих верований, но при этом дополняющие и объясняющие учение священного писания по вдохновению, случайно осеняющему того или другого из руководящих членов секты или сообразно с тем внутренним просветлением, которое упомянутые члены ощущают в себе.

2) Секты, мало или вовсе не обращающие внимания на священное писание и основывающие своё учение на предполагаемом вдохновении своих проповедников.

3) Секты, верующие во второичное воплощение Христа.

4) Секты, смешивающие религию с нервным возбуждением и отличающиеся более или менее эротическим характером. Возбуждение, необходимое для того, чтобы пророчествовать, вызывается обыкновенно пляскою, скаканьем, круженьем или самобичеваньем, и высказываемая при этом нелепости принимаются за внушения божественной премудрости. Религиозные упражнения сектантов этого рода походят более или менее на упражнения пляшущих дервишей, с которыми хорошо знакомы все, бывавшие в Константинополе. Но между теми и другими есть одно существенное различие: дервиши производят свои упражнения публично, а потому соблюдают приличия до известной степени, русские же сектанты собираются втайне и дают полный простор своему изступлению, так что на сходках их происходят иногда самые отвратительные оргии. У одной из наиболее известных сект, у скопцов, фанатизм доходит до того, что люди увечат себя физически.

Чтобы дать читателю понятие об общем характере сект, принадлежащих к последней из вышеисчисленных категорий, я приведу краткое извлечение из описания секты «хлыстов», составленного одним лицом, которое было посвящено в их тайны: «У хлыстов мужчины и женщины без различия принимают на себя звание учителей и пророков и

в этом звании ведут строгую, аскетическую жизнь, отказывают себе в самых обыкновенных и невинных удовольствиях, истощают себя постом и сумасбродными религиозными упражнениями и питают священный ужас к брачному сожителю. Под влиянием возбуждения, вызываемого их воображаемою святостью и уверенностью, что в них действует вдохновение свыше, они называют себя не только учителями и пророками, но и Спасителями, Христами, икупителями и Богородицами. Говоря вообще, они называют себя Богами и поклоняются друг другу, как истинным Богам, живым Христам и Матерям Божиим. Когда несколько человек из этих учителей сходятся на собрании, они вступают между собою в мелочное, хвастливое пререкание о том, кто из них обладает наибольшею благодатью и силою. В соперничестве этом они нередко доходят до взаимных пощёчин, и тот, кто с наибольшим терпением переносит удары, подставляя ударившему и другую щеку, упрочивает за собою славу наибольшей святости».

Другая секта той же категории это – прыгуны, между которыми особенно неприятно выдаётся эротический элемент. Вот описание их религиозных сходбищ, которые летом происходят в лесу, а зимою – в каком-нибудь условленном доме или в риге. «После того как все приготовления окончены, главный наставник, одетый в белое, становится посреди собрания и читает молитвы. Вначале он читает обыкновенным голосом, но затем мало-помалу переходит к пенью на плясовой мотив. Когда он замечает, что пенье это достаточно подействовало на слушателей, он начинает скакать. Присутствующие подражают ему, сопровождая свои прыжки равным образом пением. Их постепенно возрастающее возбуждение выражается в старании прыгнуть как можно выше. Так продолжают они до тех пор, пока у них хватает сил; при этом как мужчины, так и женщины голосят изо всей мочи. Когда все уже достаточно утомились, наставник объявляет, что он слышит ангельское пе-

ние» – и тут начинается сцена, которую нельзя описать. Вообще следует заметить, что во многих сектах эротический элемент играет такую важную роль, что описание их религиозных обрядов невозможно в книге, предназначенной для общего чтения.

Оставаясь справедливым, я должен, впрочем, оговориться, что знаем мы об этих сектах чрезвычайно мало, да и то немногое, что мы о них знаем, сообщено заклятыми их врагами. Поэтому весьма может быть, что некоторые из них в действительности вовсе не так нелепы, как их обыкновенно изображают, и что многие рассказы о них – не более как клевета. Так, например, на некоторые секты падает обвинение в том, что оне убивают младенцев с целью употреблять их кровь при своих богослужебных обрядах; но обвинение это фактически никогда не было доказано, а нам известно, что подобное же обвинение взводилось языческими писателями и на первых христиан. Собственные мои попытки исследовать этот вопрос путём личного наблюдения остались, я должен сознаться, безуспешными.

Администрация чрезвычайно строго относится к сектантству и от времени до времени принимает меры к его искоренению. Подобный образ действий относительно сект, отличающихся изуверством, вполне понятен, но трудно объяснить себе, почему мирные, трудолюбивые, честные молокане и штундисты так же подвергаются преследованиям. Почему русский крестьянин подлежит наказанию за то, что придерживается того же самого учения, которое открыто и с разрешения властей исповедуется соседями его, немецкими колонистами?

Чтобы понять это, читатель должен знать, что с русской точки зрения существуют два различные рода ереси, отличающиеся друг от друга не догматами, которые в них признаются, а национальностью тех лиц, которые их исповедуют. Русскому кажется совершенно естественным, что татарин исповедует мусульманскую религию, поляк –

римско-католическую, а немец – протестантскую; факт русского подданства вовсе не обязывает татарина, поляка или немца переменить свою религию. Поэтому упомянутым национальностям предоставляется полная свобода в отправлении их религиозных обрядов до тех пор, пока они не покушаются посредством пропаганды нарушить установленный Богом порядок вещей. Такова общепринятая теория, и надо отдать русским справедливость, – они обыкновенно остаются верны ей и в своих действиях. Если правительство иногда и пыталось обращать инородцев в православие, то это делалось всегда из политических видов и подобная попытка никогда не встречала особенного сочувствия в массе общества, не исключая даже и духовенства. Равным образом миссионерские общества, возникавшие от времени до времени в подражание западным учреждениям этого рода, не находили себе особенно ревностной поддержки в народе. Таким образом, относительно инородцев эта своеобразная теория породила на практике широкую терпимость. Татары, поляки и немцы в известном смысле еретики, но их ересь считается делом естественным и не подлежащим порицанию. Но относительно самих русских теория эта имела как раз обратное действие. Если признается согласным с порядком вещей, чтобы татарин был мусульманином, поляк – римским католиком, а немец – протестантом, то для русского равным образом в порядке вещей быть православным. В этом пункте писанный закон и общественное мнение вполне сходятся. Если русский меняет православие на католицизм или протестантство, ересь его не однородна с ересью поляка или немца. Как бы чисты и возвышены ни были его побуждения, его отступление от веры отцов ничем не может быть оправдано, он подлежит каре закона и в то же время осуждается общественным мнением как отступник, почти как изменник.

Относительно будущей судьбы этих сект трудно высказать что-нибудь определенное. Наиболее грубая и изу-

верныя между ними по всем вероятиям исчезнут, как скоро первоначальное образование распространится среди народа, но протестантския секты обладают, по-видимому, большею жизнеспособностью. По крайней мере, в настоящее время они быстро разрастаются. Я видал многолюдныя селения, в которых лет пятнадцать тому назад, по свидетельству местных жителей, не было ни одного еретика, а теперь большая половина населения принадлежит к молоканской секте; и эта перемена произошла без всякой организованной пропаганды. Гражданская и духовная власти отлично знают о существовании этого движения, но оне бессильны остановить его. Те немногия попытки, которыя были сделаны с этою целью, не привели ни к какому результату или же повлекли за собой результаты, как раз обратные тем, которые ожидались. Среди штундистов пробовали применять телесное наказание, – должно полагать, что мера эта принималась помимо центральной власти, – а к молоканам Самарской губернии был послан учёный монах в той надежде, что его красноречие и учёность побудят их отказаться от своих заблуждений. Какое действие оказали розги на религиозныя убеждения штундистов, мне не удалось узнать, но полагаю, что действие это было не особенно благоприятное, так как по последним сведениям число штундистов возрастает. Что же касается результатов поездки вышеупомянутого миссионера в Самару, то об этом предмете мне несколько более известно, и я могу сказать со слов местных крестьян, в том числе и православных, что единственным ближайшим результатом этой поездки было возбуждение религиознаго фанатизма и переход известнаго числа православных в лагерь еретиков. Во время публичных прений спорящия стороны никак не могли найти общей почвы для ведения дальнейшей своей аргументации, и это по той простой причине, что основныя представления у них были совершенно различны. Монах говорил о церкви как о представительнице

Христа на земле и единственной хранительнице истины, противники же его знать ничего не хотели о церкви в этом смысле и просто утверждали, что все люди должны жить согласно с указаниями священного писания. Однажды монах согласился аргументировать с ними на собственной их почве, но тут он потерпел полное поражение, так как не мог привести ни одного текста, в котором предписывалось бы почитание икон, считающееся у русских крестьян существенною частью православия. После этого он постоянно ссылался на авторитет первых вселенских соборов и отцов церкви, между тем противники его именно этот-то авторитет и не признавали. Вообще говоря, поездка эта оказалась неудачной и обе заинтересованные стороны сожалели о том, что она была предпринята. «Это была большая ошибка, – сказал мне по секрету один православный крестьянин, – очень большая ошибка. Молокане народ хитрый; монах был им не пара; они священное писание куда лучше его знают. Церкви не следовало бы снисходить до споров с еретиками».

Нередко утверждают, что среди этих еретических сект господствует политическое недовольство, и особенно опасными в этом отношении считаются молокане. Быть может, мнение это и имеет некоторое основание, так как люди вообще склонны становиться в оппозицию к той власти, которая систематически их преследует; но положительно можно сказать, что в настоящее время, когда активные гонения прекратились, чувства этого рода, если они и существовали в прежнее время, утратили всякий фанатический характер. По отношению к молоканам я считаю вышеприведенное обвинение лишенным всякого основания. Политические идеи, по-видимому, совершенно чужды общему складу их мышления. Во время моих разговоров с ними я не раз слышал от них весьма несочувственные отзывы о полиции, но о верховной власти они всегда отзывались с глубоким почтением и преданностью.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

РАСКОЛЬНИКИ

Раскольники не должны быть смешиваемы с еретическими сектами. — Черезмерное значение, придаваемое обрядам. — Великий раскол семнадцатого столетия. — Появление антихриста. — Политика Петра Великого и Екатерины II. — Способы, употребляемые раскольниками для ограждения себя от религиозных преследований. — Внутреннее развитие раскола. — Раскол в среде самих раскольников. — Старообрядцы. — Безпоповцы. — Охлаждение фанатического энтузиазма и образование новых сект. — Политика правительства относительно раскольников за последнее время. — Численность и политическое значение раскола

Еретическая секты, о которых я говорил в предшествующей главе и которые отличаются протестантским или фантастическим характером, не должны быть смешиваемы с более многочисленную группую раскола, ведущей своё начало от тех староверов, которые отделились от русской церкви или от которых русская церковь отделилась в XVII столетии. Эти последние не только не смотрят на себя как на отступников от правоверия, но, напротив, считают себя более верными православию, чем официальная православная церковь. Они и в общественном отношении являются такими же консерваторами, как и в религиозных вопросах. В их среде уцелели последние остатки древнерусского быта, чуждаго всякой примеси иноземных влияний.

Как я уже упоминал выше, в русском церковном быту с самага начала обращалось очень много внимания

на внешнюю, обрядную сторону, а догматическая и этическая стороны вероучения оставались в некотором пренебрежении. Особенность эта облегчила распространение христианства среди населения, привыкшаго к языческим обрядам и заклинаньям, но она имела то неудобство, что поддерживала в новообращённых суеверную приверженность к внешней стороне религии. Таким образом, русские сделались ревностными христианами во всем, что касалось исполнения обрядов, но о внутреннем смысле этих последних имели весьма смутное понятие. Они смотрели на них как на средство, долженствующее предохранить их от всякой напасти в этой жизни и обезпечить им вечное блаженство в жизни загробной; при этом они считали, что малейшее изменение в этих обрядах отнимет у них их благодатную силу. Вследствие этого придавалось чрезвычайное значение самомельчайшим подробностям богослужения и малейшия изменения, вносимыя в которую-нибудь из этих подробностей, принимали характер исторических событий. Так, например, в 1476 г. новгородский летописец повествует: «Ныне зимою некие мудрецы (!) начали петь: “О, Господи помилуй”, другие же просто пели: “Господи помилуй”». И эта наклонность придавать громадное значение первостепенным подробностям не ограничивалась одним простонародьем. Один новгородский архиепископ торжественно объявил, что те, которые дважды поют «аллилуия» в известных местах литургии, поют на погибель собственной своей души. На знаменитом соборе, происшедшем в 1551 г., сложение известным образом перстов для крестнаго знаменья было приравнено к другим ересям, и все те, которые в этом деле поступали несогласно с постановлениями собора, были преданы формально анафеме.

Этот консервативный дух в делах религии оказал значительное влияние и на общественный быт. За отсутствием строго разграничительной черты, которая отделяла бы религиозные обряды от простых обычаев, перешедших

по преданию, самому простому акту легко присваивалось религиозное значение, и малейшее уклонение от традиционного обычая могло казаться смертным грехом. Русский человек в старину оказывал попытке обрить ему бороду такое же упорное сопротивление, с каким кальвинист встречал попытку побудить его к отречению от догмата о предопределении; и тот и другой опирались при этом на один и тот же довод. Борода в глазах русскаго человека стариннаго закала являлась таким же существенным условием спасения души, как и догмат о предопределении души для кальвиниста. «Где будут стоять бреющие бороды в день судный, – спрашивал один из московских патриархов, – с праведниками ли, сохранившими свои бороды, или же с безбородыми еретиками?» Вопрос, конечно, не нуждался в ответе.

В семнадцатом столетии это суеверное, консервативное направление достигло наивысшей степени своего развития. Междоусобныя войны и нашествия иноплеменников, которыя, вместе с обычными своими спутниками, разбоями, голодом и повальными болезнями, ознаменовали начало этого столетия, породили в значительной части населения убеждение в том, что конец мира приближается. Было найдено, что таинственное число зверево означает не что иное, как 1666 г., и робкия души начали замечать признаки того отпадения от истинной веры, о котором говорится в апокалипсисе. Большинство населения, быть может, не разделяло этого взгляда, но и оно считало, что постигшия его бедствия являются наказанием Божиим за уклонение от обычаев, завещанных стариною. И точно, около этого времени успели совершиться значительныя перемены в установившемся строе жизни. Православная Русь была осквернена присутствием бусурманов. Иностранцы, брившие бороды и курившие проклятое зелье, получили разрешение селиться в Москве; цари не только имели с ними общение, но даже переняли некоторыя из их «поганых» обычаев. Кроме того, правительство ввело некоторыя преобразования, которыя

пришлись весьма не по сердцу населению. Таким образом, вся страна была заражена «ересью»; во всем чувствовалось неуловимое, вредоносное влияние, присущее всему иноземному и весьма опасное как для земного благополучия, так и для душевного спасения верующих; это было нечто вроде повальной болезни, только несравненно более пагубное, так как болезни убивают только тело, «ересь» же убивает душу и ввергает как тело, так и душу в геенну огненную.

Если бы правительство в своих нововведениях соблюдало надлежащую постепенность и осторожность, щадя по возможности внешние формы, оно могло бы достигнуть значительных результатов, не вызывая религиозной паники. Но, вместо того чтобы действовать с тою осторожностью, которой требовали обстоятельства, оно шло напролом против укоренившихся предразсудков и суеверных опасений и этим вызвало открытое сопротивление в народе. После того как в России было введено книгопечатание, оказалось необходимым выбрать наиболее правильные тексты литургии, псалтыря и других церковных книг; по рассмотрении существовавших текстов оказалось, что по небрежности или по невежеству переписчиков в общеупотребительных рукописи вкралось множество ошибок. Открытие это повлекло за собою дальнейшие расследования, которые показали, что и в богослужение вкратились некоторые неправильности. Одна из главнейших ошибок в церковных книгах заключалась в правописании слова Иисус, а главная неправильность обрядовой стороны заключалась в способе сложения перстов для крестного знаменья. С целью исправить эти ошибки знаменитый Никон, бывший в то время патриархом, приказал отобрать все старья богослужебные книги и иконы и взамен их раздать новые. Но духовенство и народ возстали против этого распоряжения. Считая «никоновские новшества» ересью, они отказались выдавать свои старья иконы и требники и крепко держались своих старых обычаев как единственного надёжного якоря, могущаго спасти верую-

щих от гибели. Напрасно патриарх убеждал народ, что введённые им перемены суть не что иное, как возвращение к старинным порядкам, продолжающим соблюдаться в Константинополе и в Греции. «Греческая церковь, – возражали ему на это, – теперь уже не может считаться свободною от ереси. Православие лишилось своей чистоты от насилия турецкаго Магомета, и греки под властью агарян уклонились от древних преданий». Анафема, провозглашенная собором духовенства против тех, которые отказывались подчиниться никоновским нововведениям, оказалась столь же безуспешной, как и увещания патриарха. Староверы упорствовали в своих мнениях и никак не хотели допустить, чтобы святые и мученики, придерживавшиеся стариннаго чина, неправильно молились и крестились. «Еретики – не эти древние праведники, а патриарх и его советчики». «Горе нам, горе нам, – восклицали монахи Соловецкаго монастыря, когда им прислали новыя церковныя книги. – Что учинили вы над Сыном Божиим? Отдайте нам его! Вы изменили имя его Иус в Иисуса! Это такой грех, что о нём страшно даже подумать, не токмо совершить его». И суровые монахи заперли ворота своего монастыря и в течение семи лет сопротивлялись велениям патриарха, собора и царя, пока, наконец, монастырь их не был взят вооружённою силою.

Анафема, которой собор духовенства предал старообрядцев, отлучила последних от церкви, и потому гражданская власть взяла на себя обязанность их преследовать. Как и следовало ожидать, преследованья лишь утвердили раскольников в убеждении, что официальная церковь и царь впали в ересь. Тысячи людей бежали за границу и искали убежища в соседних странах – в Польше, в Пруссии, в Швеции, в Австрии, в Турции, на Кавказе, а также в Сибири. Другие скрывались в северных лесах и в лесистых местностях близ польской границы; тут они поддерживали своё существование рыболовством и земледелием и могли молиться, креститься и хоронить своих покойников согласно с обычаями,

унаследованными от дедов. Любимым убежищем их были леса северной России. Сюда стекались толпы людей, желавших соблюсти чистоту своей веры. Здесь наиболее учёные из раскольников, хорошо знакомые со священным писанием, с переводными отрывками из писаний св. отцов и с постановлениями древнейших вселенских соборов, писали полемические и назидательные сочинения в опровержение еретиков и для утверждения в истине правоверных. Отсюда высылались во все стороны ревностные проповедники, которые под видом странствующих разнощиков, торговцев или работников сеяли семя того, что они считали за истинную веру и что официальная церковь называла плевелами сатаны. Когда правительственные чиновники открывали эти убежища, жившие в последних обыкновенно разбежались, спасаясь от «хищных волков», но нередко случалось и так, что значительные толпы фанатиков обоего пола запирались в своих домах, поджигали последние и добровольно погибали в пламени. Так, например, в 1687 г. в Палеостровском монастыре до 2700 фанатиков приняли этим способом мученическую смерть; известен также ряд других случаев этого рода*. Как и во все периоды религиозной паники, апокалипсис подвергался тщательному изучению и ожидание второго пришествия Христа быстро распространилось в массах. Знамения времени ясно указывали на близость кончины мира. Сатане была на малое время дана власть творить всё, что он хочет. Все тревожно ожидали появления антихриста – и антихрист явился!

Человек, в котором раскольники признали воплощение духа зла, был не кто иной, как Пётр Великий.

С точки зрения раскола было немало причин принимать Петра за антихриста. Во внешности своего поведения он не придерживался чинности и благочестия прежних царей и не

* Список подобных случаев, достоверность которых не подлежит сомнению, приводится в книге Нильскаго: «Семейная жизнь в русском расколе». С.-Петербург, 1869, ч. I, стр. 55-57. Можно положительно принять, что число этих самосожигателей простиралось до нескольких тысяч.

выказывал никакого уважения к таким лицам, которые наиболее почитались народом. Он ел, пил и водил знакомство с еретиками, носил их одежду, говорил на их языке, выбирал себе между ними наиболее близких своих друзей и оказывал им предпочтение перед собственными своими подданными. Представьте себе, какое негодование и какой переполох вызвал бы папа между ревностными католиками, если бы вдруг он вздумал в одно прекрасное утро показаться в одежде турецкого султана и окружить себя турецкими пашами в качестве главных своих советников. Нечто подобное этому негодованию вызывал и образ действий Петра в среде значительной части его подданных. Они никак не могли объяснить этот образ действий иначе, как предположением, что в лице Петра воплотился сам сатана, и каждая из важнейших мер, принимавшихся им, была в их глазах новым доказательством сатанинского его происхождения. Введение переписи, или так называемых ревизий, было нечестивою попыткою пересчитать народ и завербовать на службу дьявола тех, имена которых были записаны Агнецом в книгу жизни. Новый титул Императора, принятый царём, объяснялся в смысле какого-то адского ухищрения. Паспорты, помечавшиеся Императорским гербом, были печатью антихриста. Приказ о бритье бород был попыткою исказить образ Божий, по подобию котораго был создан человек и по которому Христос в день страшного суда должен был распознать Своих от сынов погибели. Перемена, введённая в календаре и переносившая новый год с сентября на январь, уничтожала «лето Господне» и вводила на место его годы дьявола. Как обращение тех замысловатых доводов, которыми поддерживались подобныя толкования, приведу нижеследующее рассуждение. Мир, говорили старообрядцы, не мог быть сотворён в январе, как то заставляет предполагать новый календарь, так как яблоки не созревают в это время и, следовательно, Ева не могла подвергнуться тому искушению, о котором говорится в книге Бытия.

Вышеизложенный взгляд на Петра и на его реформы находил себе новую точку опоры в тех ожесточённых гонениях, которым подвергались раскольники в первые годы его царствования. Раскольников то и дело предавали суду за политическую неблагонадёжность, преимущественно же за оскорбление «Государева Величества», и при этом пытали, наказывали плетью и казнили беспощадно. Но после того как Петру удалось сокрушить вооружённое сопротивление и он убедился, что движение это не грозит опасностью его престолу, он перешёл к политике более согласной с личным его характером. Есть некоторые основания, заставляющие предполагать, что в деле религиозных убеждений сам он был скорее индифферентист; во всяком случае, он по природе был совершенно чужд религиозного фанатизма. Будучи исключительно озабочен мирскими делами, он совсем не интересовался тонкостями обрядовой стороны религии и для него было безразлично, по какому чину молятся и крестятся его подданные, лишь бы они повиновались ему в мирских делах и исправно вносили подати. Поэтому, как скоро политические соображения дозволили вступить на путь терпимости, он прекратил гонения и в 1714 г. издал указы, обеспечивавшие раскольникам неприкосновенность под тем лишь условием, чтобы они были занесены в списки и платили двойную подушную подать. Несколько позднее им было разрешено открыто совершать богослужение по старому чину и придерживаться старинных обрядов, с тем чтобы они вносили за это известные пени.

Со вступлением на престол Екатерины II, гордившейся дружбою с философами, для раскола настала новая эра. Императрица, проникнутая теми понятиями о веротерпимости, которые тогда были в ходу в Западной Европе, отменила различные ограничения прав, существовавшие для раскольников, и пригласила тех из них, которые бежали за границу, возвратиться на родину. Тысячи раскольников последовали этому призыву, и многие из них, скрывавшиеся до сих пор от

глаз администрации, сделались богатыми и именитыми купцами. Те своеобразные религиозные общины с полумонашеским устройством, которые до сих пор существовали в лесах северных и западных областей, начали возникать в Москве и были официально признаны администрацией. В начале эти общины возникали в виде богаделен и приютов для больных, престарелых и убогих, но вскоре они превратились в настоящие монастыри, настоятели которых пользовались неопределённою духовною властью не только над лицами, жившими в стенах этих учреждений, но и над остальными членами секты, разсеянными по всему пространству империи.

С этого времени и вплоть до настоящего царствования правительство придерживалось относительно раскола изменчивой политики, которая колебалась между полною терпимостью и строгими преследованиями. Надо, впрочем, сказать, что преследования никогда не отличались особенной выдержанностью и систематичностью. Главное внимание было обращено на внешность. Духовные власти не доискивались той ереси, которая могла скрываться в тайниках душевного убеждения, и снисходительно принимали за православного всякого, кто ежегодно являлся к исповеди и причастию и воздерживался от поступков, явно враждебных официальной церкви. Те из раскольников, которые соглашались на уступки этого рода, фактически были свободны от всяких преследований; для тех же, совесть которых не шла на подобные сделки, существовал другой, столь же удобный способ избегнуть преследований. Приходское духовенство, издавна привыкшее равнодушно относиться к духовным вопросам и смотреть на свои обязанности преимущественно с экономической точки зрения, относилось враждебно к расколу преимущественно потому, что он, уменьшая число прихожан, обращающихся за требами к духовенству, уменьшает и доходы последнего. Этот повод к враждебности раскольникам не трудно было устранить посредством небольшого денежного пожертвования, и таким

образом между ними и приходским священником обыкновенно устанавливалось молчаливое соглашение, которым обе стороны оставались довольны. Священник получал свою плату совершенно так же, как если бы все его прихожане исповедывали православную веру, а прихожане пользовались свободой веровать и молиться по-своему. Этим грубым, но удобным способом на практике обезпечивалась значительная доля веротерпимости. Насколько подобные сделки имели благотворное нравственное влияние на приходское духовенство, это, конечно, другой вопрос.

По удовлетворении приходского священника оставалось ещё удовлетворить полицию, которая равным образом взимала поборы с раскола; но тут переговоры обыкновенно не представляли никаких затруднений, так как обе стороны были заинтересованы в том, чтобы придти к соглашению и жить в ладу друг с другом. Таким образом, положение раскольников фактически оставалось то же, как при Петре: они платили известную подать и за это их оставляли в покое, только деньги, уплачиваемые ими, шли не в государственное казначейство.

Эти внешние перемены в истории раскола оказали значительное влияние и на внутреннее его развитие. В то время, когда они были формально преданы анафеме и отлучены от господствующей церкви, они не имели ни определённой организации, ни положительных догматов веры. Единственной связью, сплочивавшей их воедино, была ненависть к «иконовским новшествам», и единственным их желанием было сохранить во всей неприкосновенности свои верования и дедовские обычаи. Вначале они и не помышляли создавать постоянную организацию. Наиболее уверенные между ними думали, что царь вскоре восстановит старое православие, а более фанатичные считали, что конец мира близок*. Как в том, так и в другом случае им оставалось

---

* Некоторые из них делали себе гробы, в которых спали по ночам на случай, если бы труба архангела раздалась до наступления утра.

лишь потерпеть малое время, оберегая себя от ереси и от всякого соприкосновения с царством антихриста.

Но годы проходили и ни одно из их ожиданий не исполнялось. Напрасно ждали фанатики, что вот раздастся звук трубный и Христос придёт во славе Своей судить живых и мёртвых. Солнце вставало и ложилось, и времена года сменяли друг друга, а конец мира все не наставал. Не возвращалась также светская власть к старой вере. Никон пал жертвою придворных интриг и собственного заносчиваго высокомерия и был отрешён от патриаршества. Царь Алексей во цвете лет отошёл к праотцам. А о возникновении стараго православия все ещё не было и помину. Мало-помалу вожаки раскола пришли к тому убеждению, что им надо приготовиться не ко дню страшнаго суда, а к дальнейшему земному существованию, и следует подумать о создании какой-нибудь постоянной духовной организации. В этом деле они на первых же порах встретили не только практические, но и теоретические затруднения.

Пока они ограничивались простым сопротивлением правительственным новшествам, между ними господствовало полное единодушие, но как скоро пришлось отказать от этого чисто отрицательнаго образа действий и теоретически определить новое положение, в которое они стали, в среде их оказались значительныя разногласия. Все были убеждены в том, что официальная церковь в России заражена ересью и что главою ея вместо Христа стал антихрист; но нелегко было разрешить вопрос о том, как поступать людям, отказывающимся преклонить колено пред сыном погибели. С точки зрения протестантских понятий, затруднение это разрешалось очень просто: раскольникам стоило только основать новую церковь и поклоняться Богу так, как они считают за лучшее. Но русским того времени подобныя понятия были ещё ненавистнее никоновских новшеств. Люди эти были до мозга костей проникнуты преданностью православию, они были *plus royalists que le*

гоі, а с православной точки зрения основание новой церкви представлялось просто нелепостью. Они были убеждены, что если цепь исторической преемственности будет порвана, то и самая церковь по необходимости перестанет существовать, подобно тому как древний род угасает, как скоро единственный представитель его умирает без потомства. Следовательно, если церковь раз перестала существовать, то нет более средств для общения между Христом и верующими, таинства утратили свою действительность и род человеческий лишён тех путей, которыми прежде нисходила к нему Божья благодать.

По этому важному вопросу мнения между раскольниками расходились. Одни из них полагали, что хотя духовенство и заразилось ересью, но церковь продолжает существовать в общении тех, которые отказываются принять новшества. Другие же прямо объявляли, что православная церковь перестала существовать, что прежние пути, которыми нисходила благодать, закрыты и что отныне оставшиеся твёрдыми в вере должны искать спасения в молитве и в таких религиозных упражнениях, для которых не требуется содействия рукоположенного надлежащим образом духовенства. Таким образом, в среде самих раскольников образовался новый раскол. Известная часть их сохранила таинства и религиозные обряды в старом виде; другие же отвергали таинства и многие из обычных богослужебных обрядов, основываясь на том, что истинного священства уже более не существует и что, следовательно, таинства не могут уже иметь благодатную силу. Первая группа назвалась старообрядцами, а вторая – безпоповцами.

Последующая история этих двух групп, на которых распался раскол, пошла в двух совершенно различных направлениях. Старообрядцы, которые просто были консерваторами в церковных делах, не желавшими допускать никаких нововведений, сохранили свою сплочённость и оставались почти совершенно свободными от разногласий

во мнениях; безпоповцы же, напротив, в постоянных своих поисках за новыми средствами к спасению раздробились на множество независимых сект.

Старообрядцам, впрочем, приходилось бороться с одним теоретическим затруднением, которое было устранено лишь в недавнее время. Вначале они имели в своей среде для совершения треб достаточное число священников, рукоположенных надлежащим образом, но они были лишены возможности ставить новых священников. У них не было епископов, а по догматам православной веры низшие чины духовной иерархии не могут быть возводимы в священство помимо епископов. В эпоху возникновения раскола один епископ перешёл на сторону старообрядцев, но он вскоре после того умер, не оставив по себе преемника, а позднее не находилось епископов, расположенных перейти в раскол. С течением времени нужда в епископах для рукоположения священников все более и более давала себя чувствовать, и весьма любопытно проследить, как эти ригористы, крепко державшиеся за букву закона и объявившие себя готовыми скорее умереть, чем поступиться хотя бы одной иотой последнего, видоизменяли свою теорию сообразно с изменявшимися требованиями обстоятельств. Когда священники, сохранившие себя чистыми и неосквернёнными соприкосновением с антихристом, сделались крайне редки, старообрядцы нашли, что можно принять некоторых из священников господствующей церкви, под тем условием, чтобы они формально отреклись от никоновских новшеств. Вначале, однако, принимались лишь такие священники, которые были рукоположены до предполагаемого отпадения господствующей церкви от старого православия; это делалось по той весьма понятной причине, что рукоположение епископов, уклонившихся в ересь, не могло быть действительно. Но когда таких священников уже нельзя было доставать, то оказалось, что можно помириться на таких, которые были *крещены* до возникновения никоновской ереси. Когда

и эти священники перевелись, была сделана новая уступка необходимости и все рукоположенные священники стали приниматься под тем условием, чтобы они отреклись от своих заблуждений. В этих священниках недостатка не было. Если священнику господствующей церкви не удалось пристроиться к приходу или если власти отрешали его от должности за какую-нибудь провинность, стоило ему обратиться к старообрядцам, и он мог наперёд быть уверен, что здесь его встретят радушно и положат ему хорошее содержание.

Благодаря этим уступкам, существование старообрядства было обеспечено на неопределённое время, но многие из старообрядцев не могли не сознавать, что положение их представляет странную аномалию, чтоб не сказать более. У них не было своих собственных епископов, и все священники их были рукоположены такими епископами, которых старообрядцы считали за еретиков. В течение многих лет они надеялись, что им удастся выпутаться из этой дилеммы, отыскав где-нибудь на Востоке «православных», то есть старообрядческих епископов; но когда все поиски их на Востоке оказались тщетными, а старания заручиться епископами русского происхождения не увенчались успехом, они задумали создать епископскую кафедру где-нибудь за границей, между старообрядцами, бежавшими во времена гонений в Пруссию, в Австрию или в Турцию. Но и тут представлялись громадные затруднения. Во-первых, необходимо было заручиться формальным разрешением которого-нибудь из иностранных правительств; во-вторых, надо было отыскать православного епископа, который согласился бы поставить на епископство старообрядца или сам перешёл бы в старообрядство. Не раз и не два пытались старообрядцы добиться этой цели, но постоянно терпели неудачи. Наконец, после многолетних усилий и интриг они добились желаемого. В 1844 г. австрийское правительство разрешило им учредить епархию в Белой Кринице, в Галиции, в нескольких милях от русской границы; а два года спустя боснийский митропо-

лит, отрешённый от своей должности, согласился перейти в старообрядство и принять епископский сан в Белой Кринице*. С тех пор у старообрядцев появились свои епископы и они были избавлены от необходимости принимать беглых попов господствующей церкви.

Старообрядцы, естественно, весьма сокрушались о расколе, произошедшем в собственной их среде, и им при том нередко приходилось много терпеть от внешних преследований. Но при всём том они наслаждались в известной степени миром душевным, так как были проникнуты твёрдой уверенностью, что обеспечили себе средство спасения. Но положение более крайних сект раскола было несравненно более трагично. Эти секты считали, что таинства безвозвратно утратили свою благодатную силу и что прежние средства спасения отняты у верующих навеки. Им казалось, что силам ада дано невозбранно царить над миром, что власти – слуги сатаны и что на престоле древних, благочестивых царей восседает антихрист. Под влиянием этих страшных представлений они бежали в леса и пещеры, чтобы укрыться от злобы зверя и ожидать там второго пришествия Христова. Такое положение дел не могло долго продолжаться. Крайний религиозный фанатизм, как и всякое другое ненормальное душевное состояние, не может долго держаться в значительных массах людей без постоянной возбуждающей причины. Требования обыденной жизни, особенно осязательно дающая себя чувствовать между людьми, которые поставлены в необходимость жить трудами рук своих, оказывают удивительно отрезвляющее действие на возбуждённый мозг и всегда, рано или поздно, одерживают верх над ненормальной напряжённостью душевных сил. Некоторые личности, обладающие исключительной организацией, могут поддерживать в себе огонь энтузиазма

---

* Весьма любопытное изложение хода этих переговоров и крайне интересное описание православного мира в Константинополе мы находим в книге Субботина: «История Бело-Криницкой иерархии». Москва, 1874.

в течение всей своей жизни, но увлечения массы всегда отличаются спазматическим характером, и толпа, как скоро возбуждающая причина перестала на неё действовать, снова возвращается мало-помалу к прежней своей апатии. Подтверждение всего этого мы видим и в истории безпоповцев. Когда оказалось, что конец мира ещё не наступает и после того, как преследования утратили свою первоначальную суровость, менее впечатлительные между приверженцами секты возвратились в свои дома и принялись за обычные свои занятия; а когда Пётр Великий сделал те политические уступки, о которых было говорено выше, то многие из считавших его прежде за антихриста начали склоняться в пользу того мнения, что он не так уж чёрен, как им его изображали. Особенно укоренилась эта мысль в раскольничьей общине, которая была основана близ Онежского озера (Выговский скит) и которой были дарованы особые льготы под тем условием, чтобы она доставляла рабочих для находившихся поблизости горных заводов. Тут стала вырабатываться новая теория, прокладывавшая путь к примирению с правительством. Более внимательное изучение священного писания и старинных книг привело к тому заключению, что царство антихриста будет состоять из двух периодов. В первый из этих периодов сын погибели будет царствовать лишь в духовном смысле и верные не будут терпеть особенных зол; в позднейший период он будет царствовать, видимо, во плоти и истинно верующие подвергнутся страшным гонениям. Второй период, утверждали толкователи, очевидно, ещё не наступил, так как для верных теперь приспела година свободы, а не неволи и утеснения. Насколько эта теория согласна с предсказаниями апокалипсиса и богословием св. отцов, это, конечно, другой вопрос, но дело в том, что она вполне удовлетворяла тех, которые уже пришли к однородным заключениям иным путём и которым нужно было только оправдать перед собственной совестью занятое ими положение. Несомненно то, что весьма многие приняли эту

теорию и решились отдавать Кесарево Кесареви или, выражаясь мирским языком, молиться за царя и платить подати.

Но этот искусно придуманный компромисс был принят не всеми безпоповцами. Напротив, многие видели в нём прискорбный возврат вспять в новую сеть, разставленную диаволом. В числе этих непримиримых оказался один крестьянин по имени Федосей, человек плохо учёный, но обладавший замечательными умственными способностями и необычайной силой характера. Своими проповедями и писаньями, далеко расходившимися в рукописных экземплярах, он заново возбудил фанатизм и основал новую секту в лесах, близ польской границы.

Таким образом, безпоповцы распались на две группы: одни, называвшиеся поморцами*, допускали, по крайней мере в известных пределах, примирение с государственною властью; другие же, называвшиеся по имени своего основателя федосеевцами, придерживались прежнего взгляда и продолжали смотреть на царя как на антихриста.

Эта последняя секта вначале отличалась самым необузданным фанатизмом, но вскоре поддалась тем же влияниям, которые смягчили фанатизм поморцев. При либеральном, примирительном правлении Екатерины они жили спокойно и многие из них разбогатели торговлею. Их фанатическая ревность и исключительность исчезла под влиянием материального достатка и общения с другими классами, в особенности после того как им было дозволено учредить общежитие в Москве. Человек, стоявший во главе этого общежития, обладал очень изворотливым умом и громадным богатством и умел снискать расположение не только мелких чиновников, купить которых было нетрудно, но и высокопоставленных лиц. В течение многих лет он пользовался несомненною, хотя и не оформленною властью над всеми сектами безпоповщинского раскола. «Слава его, – как раз-

---

* Наименование это обыкновенно применяется к населению северных областей, то есть к живущим на берегах Белого моря.

сказывают, – гремела по всей Москве, и отзвук ее был слышен в Петрополе, в Риге, в Астрахани, в Нижнем и в других местах, где процветало древнее благочестие». Проживая, таким образом, не только в мире и достатке, но даже в почёте и в роскоши, «гордый патриарх Федосеевской церкви» не мог громить своими обличениями «хищных волков», с которыми он стоял на дружеской ноге, или возбуждать фанатизм своих приверженцев раздирающими описаниями «страшных страданий и гонений, претерпеваемых людьми Божиими в наши дни», как то делал основатель секты. Хотя он и не мог открыто отступать от основных догматов секты, он отодвинул учение о царстве антихриста на задний план, и если не высказывал прямо, то давал понять своим примером, что верные могут при помощи благоразумных уступок устроить себе весьма сносную жизнь в здешнем, греховном мире. Семя это падало на почву, уже подготовленную к его восприятию. Верные мало-помалу забывали свой старый непримиримый фанатизм, и с тех пор они постоянно умудрялись сохранять в теории многия из прежних своих понятий и в то же время на практике приспособляться к существующему порядку вещей.

Постепенное смягчение и ослабление первоначального фанатизма в этих двух сектах резко выразились в их понятиях о браке, которые, так же как и учение об антихристе, подверглись целому ряду весьма существенных изменений. По учению православной церкви брак есть таинство, которое может быть совершено лишь священником, рукоположенным надлежащим образом; следовательно, для беспоповцев совершение браков становилось невозможным. В первые годы существования этой секты безбрачие вполне соответствовало всей их жизненной обстановке. Живя в постоянном страхе преследований, странствуя из одного убежища в другое, гонимые за веру не имели ни времени, ни охоты помышлять о семейных узах и охотно внимали увещаниям монахов, которые убеждали их умерщвлять хо-

тения плоти. Если мы вспомним, что у русских, даже при нормальных условиях, безбрачие считается неперенным условием высшей христианской добродетели, то легко себе представим, как они смотрели на брак во времена гонений, когда второго пришествия Христова ожидали со дня на день и с часу на час. Даже после того как религиозная паника миновала, все безпоповския общины продолжали смотреть на брак просто как на греховное наложничество и были того мнения, что безбрачие всего более приличествует истинно верующим. Последствия, однако, показали, что безбрачие отнюдь не обеспечивает целомудрие жизни. Не только в деревнях, населённых раскольниками, но даже в тех раскольничьих общежитиях, которыя заявляли притязания на более суровый аскетизм, начал появляться многочисленный класс «сирот», не знавших, кто их родители; неведение это, естественно, влекло за собою кровосмесительныя связи. Кроме того, учение о безбрачии было сопряжено со многими практическими неудобствами, так как крестьянину нужна жена для заведывания хозяйством и для помощи в полевых работах. Таким образом, необходимость восстановить семейную жизнь дала себя почувствовать, и сознание этой необходимости вскоре выразилось в догматической форме, как между поморцами, так и между федосеевцами. Писались учёные трактаты, распространявшиеся в рукописях; происходили ожесточённые споры, и наконец, в Москве был созван собор для обсуждения этого вопроса*. Единогласное решение спорнаго пункта не было достигнуто, но многие приняли замысловатые доводы, высказанные в пользу брака, и вступили в браки, которые, конечно, не имели действительной силы в глазах закона и господству-

---

* Я не имею возможности вдаваться здесь в подробности этого любопытнаго спора, скажу только, что при изучении относящихся до него данных я не раз был поражён замечательною силою диалектики и тонкостью логики, проявлявшимися в участниках прений. Некоторые из этих трактатов, написанных простыми крестьянами, могут поспорить в замысловатости с диссертациями средневековых схоластиков.

ющей церкви, но во всех остальных отношениях были так же крепки, как и церковные браки. Если бы правительство поощрило это движение, признав законность таких браков, оно устранило бы этим одну из главных причин, поддерживавших фанатизм сектантов. Но, к сожалению, оно долгое время внимало внушениям духовенства, которое ни за что не хотело согласиться на компромисс, так как тут речь шла о таинстве; важные уступки сделаны в этом отношении лишь за последние годы.

Это новое уклонение нестойкаго большинства от строгости первоначального учения вызвало новый взрыв фанатизма среди неподатливаго меньшинства. Многие из тех, которые до сих пор старались скрывать происхождение вышеупомянутых «сирот», теперь прямо провозглашали, что существование этих сирот является религиозною необходимостью, так как люди, чтобы спастись, должны раскаяться, а чтобы раскаяться, нужно согрешить! Одновременно с этим ожили и старья учения об антихристе; особенно ревностно проповедывались эти учения крестьянином, которого звали Филиппом и который основал новую секту филипповцев. Секта эта существует и до сих пор. Она придерживается старяго учения, утверждающаго, что все гражданския и духовныя власти – слуги сатаны; взгляд этот поддерживался теми злоупотреблениями и вымогательствами, которыми администрация грешила вплоть до новейшаго времени. Филипповцы не отваживаются открыто сопротивляться властям, но наиболее смелые из членов этой секты почти не скрывают своих мнений и чувств; их легко распознать по строгой, пуританской внешности и по тому фарисейскому отвращению, которое они выказывают ко всему еретическому и нечистому. Некоторые из них, как говорят, простирают эту щепетильность до того, что вынимают и бросают прочь дверную ручку, к которой прикоснулся еретик!

Читатель, быть может, подумает, что тут мы дошли до крайних пределов фанатизма, но нашли люди, которых

не удовлетворяло даже фарисейское пуританство филипповцев. Эти новые ревнители, появившиеся ещё в царствование Екатерины, но впервые сделавшиеся известными официальному миру при императоре Николае, возстали против недостаточной ревности своих собратий и основали новую секту, с целью сохранить во всей неприкосновенности аскетизм, бывший в ходу в первые времена раскола. Секта эта существует и в настоящее время. Приверженцы ея называют себя «Христовыми людьми», но более известны под именем «странников» и «бегунов». Изо всех сект они отличаются наибольшею враждебностью к существующей политической и общественной организации. Не довольствуясь порицанием военной повинности, податей, паспортов и всего, касающегося гражданской и церковной власти, они считают грехом жить спокойно среди православных, то есть, по их понятиям, среди еретиков, и иметь какое бы то ни было дело с теми, которые не разделяют крайних их мнений. Принимая учение об антихристе в самых крайних выводах, они утверждали, что государственная власть есть сосуд дьявольский, что господствующая церковь есть местопребывания отца лжи и что все, подчиняющиеся властям, – дети дьявола. Согласно с этим учением, все, желающие избежать грядущаго гнева, не должны иметь ни собственных домов, ни постоянного местопребывания, должны порвать все узы, связывающие их с миром, и постоянно странствовать с места на место. Истинные христиане – не более как странники и пришельцы в этой жизни, и всякий прилепляющийся к миру погибнет вместе с миром.

Такова теория этих бегунов, но и между ними, так же как и между менее фанатическими сектами, практическая необходимость породила уступки и компромиссы. Так как в русских лесах нет возможности вести кочевую жизнь, то бегуны были вынуждены допустить в свою среду таких приверженцев, которые представляют, так сказать, светский элемент по отношению к монашествующей братии.

Эти люди, номинально принадлежащие к секте, но живущие так же, как и остальные смертные, и зарабатывающие свой хлеб общепринятыми способами. Они живут в селениях и городах, занимаются земледелием или ремёслами, принимают паспорта от власти, исправно платят подати и во всём, что касается внешности, ведут себя, как подобает благонадёжным людям. Главная обязанность их состоит в том, чтобы доставлять приют и пищу наиболее ревностным последователям учения, которые не только в теории, но и на практике обрекли себя на странническую жизнь. Эти оседлые бегуны признают нужным отделиться от еретического мира лишь тогда, когда они чувствуют приближение смерти, и с этою целью велят переносить себя в соседний лес или же, за неимением поблизости леса, в сад, где умирают под открытым небом.

Таким образом, между русскими раскольниками существует, так сказать, градация фанатизма, в которой запечатлелась история великаго раскола XVII столетия. Бегуны являются представителями тех, которые приняли учение об антихристе в крайней его форме, последователями тех, которые бежали в леса, чтобы укрыться от ярости зверя и ожидать втораго пришествия Христа. В филипповцах мы видим людей, принимавших то же учение в несколько смягчённой форме и признавших необходимость обезопасить себе какая-нибудь средства существования в ожидании судного дня. Федосеевцы выступают представителями того направления, которое в теории было заодно с людьми предшествующей категории, но, не обладая достаточным религиозным фанатизмом, считало необходимым уступать перед внешней силой и заключить мир с правительством, не принося в жертву свои убеждения. В поморцах мы видим таких людей, которые сохранили лишь первоначальные религиозныя идеи раскола и во всех других отношениях примирились с гражданской властью. Наконец, старообрядцы отличаются от всех прочих сект тем, что сохраняют ста-

ринные обряды и отвергают лишь духовный авторитет господствующей церкви. Кроме этих главных подразделений раскола существуют ещё различные второстепенные толки, которые разнятся между собою лишь в некоторых частностях вероучения. В иных губерниях, как говорят, почти в каждом селении можно найти одну или две отдельные секты. Особенно распространены эти секты между донскими и уральскими казаками, которые по большей части являются потомками людей, бежавших от первоначальных гонений.

Из всех раскольничьих сект старообрядцы всего ближе стоят к господствующей церкви. Они исповедуют те же догматы, придерживаются тех же обрядов и разнятся только в некоторых богослужебных подробностях, которые имеют существенное значение в глазах лишь весьма немногих. В начале нынешнего столетия правительство, в надежде побудить их к возвращению на лоно господствующей церкви, допустило сооружение нескольких особых церквей, в которых им было разрешено сохранять свои особенности богослужения, под тем лишь условием, чтобы они принимали надлежащим образом рукоположенных священников и подчинялись юрисдикции господствующей церкви. До сих пор план этот не увенчался особенным успехом. Большинство раскольников смотрят на него как на ловушку и утверждают, что церковь, согласившись на эту сделку, впадала в противоречие сама с собою. «Московский собор, – говорят они, – предал анафеме наших предков за приверженность к старым обрядам и объявил, что скорее небо и земля прейдут, чем снимется эта анафема. Между тем небо и земля остались по-прежнему, а анафема взята назад».

Относительно безпоповцев правительство держалось менее примирительного образа действий. Строгость свою оно иногда оправдывало тем, что безпоповский раскол имеет не только религиозное, но и политическое значение. Такое государство как Россия не может равнодушно относиться к существованию сект, которые проповедуют систематиче-

ское сопротивление гражданским и духовным властям и придерживаются учений, приводящих к самой грубой безнравственности. Надо сознаться, что довод этот не лишён некоторой убедительности, но, как мне кажется, политика, которой придерживались до сих пор, не столько исправляла, сколько усиливала то зло, против которого она была направлена. Вместо того чтобы противодействовать нелепому представлению о дьявольском происхождении гражданской власти посредством строгаго и равнаго для всех правосудия, карающего лишь действительныя преступления и проступки, правительство способствовало укоренению этой мысли в умах многих тысяч людей, преследуя таких личности, которые не совершили никакого преступления и желали лишь поклоняться Богу согласно с своим убеждением. Главная ошибка заключалась в тех мерах, которые были направлены к предупреждению и преследованию браков, хотя и неправильных с точки зрения закона, но являвшихся наилучшим средством для возвращения фанатиков к здоровым условиям общественной жизни. По счастью, эти ошибочные взгляды в настоящее время оставлены. С начала нынешняго царствования относительно раскольников принята примеряющая политика, которая принесла гораздо лучшие плоды, чем прежняя система преследований. В недра православной церкви раскольники, правда, не возвратились, но они утратили значительную долю прежняго своего фанатизма и исключительности.

В отношении численности сектанты представляют весьма крупную величину. Старообрядцев и безпоповцев насчитывают не менее семи миллионов; секты же с протестантским и фантастическим отпечатком заключают в себе, по всем вероятиям, ещё около трёх миллионов. Если эти цифры верны, то сектанты представляют около одной восьмой части всего населения империи. Между ними нет дворян и представителей так называемых образованных сословий, но к ним принадлежат около одной трети купеческаго сословия,

и при том самые богатые представители последнего, большинство донских казаков и все уральские казаки.

В виду большой численности сектантов весьма важное значение имеет вопрос об их политической благонадёжности. Иные думают, что в случае внутренних замешательств или внезапного нашествия сектанты могут обратиться против правительства, другие же считают опасность эту воображаемой. Я с своей стороны разделяю последнее мнение, которое подтверждается историей многих выдающихся событий, каковы: французское нашествие 1812 г., крымская война и последнее польское возстание. Большинство раскольников, как мне кажется, верные подданные русского правительства; что же касается наиболее крайних сект, которые одне способны к открытому сопротивлению властям, то оне слишком малочисленны и слишком недоверчиво относятся ко всем не принадлежащим к их среде, чтобы быть доступными для поджигающих влияний извне. Если бы даже все секты были способны к открыто-враждебному образу действий, то и тогда опасность, представляемая ими, была бы далеко не так велика, как можно бы предположить на основании их численности, так как они враждуют друг с другом и совершенно неспособны соединиться для совокупного действия.

Но хотя раскол и не представляет серьёзной политической опасности, он всё же не лишён политического значения. Он доказывает, что русский народ далеко не так податлив и инертен, как обыкновенно про него думают, и что он способен к пассивной стойкости там, где он считает наиболее существенные свои интересы затронутыми. Упорная энергия, которую он выказал в отстаиваньи своих религиозных убеждений в течение столетий, быть может, со временем найдёт себе применение и в сфере гражданских интересов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА

Причины, побудившие меня к этому путешествию. — Наружный вид деревень. — Характеристичное приключение. — Крестьянская лживость. — Объяснение этого явления. — Я просыпаюсь в Азии. — Башкирский аул. — Diner à la Tartare. — Кумыс. — Башкирский трубадур. — Честный Мехмед-Зиан. — Настоящее экономическое положение башкирцев бросает свет на одну известную философскую теорию. — Почему пастушеское племя переходит к земледелию. — Настоящая степь. — Киргизы. — Письмо от Чингис-Хана. — Калмыки. — Ногайцы. — Борьба между кочевыми ордами и колонистами-земледельцами

Проживши некоторое время с молоканами в южной части Самарской губернии, я отправился на восток, намереваясь посетить башкир – татарское племя, которое, как меня уверяли, ещё сохранило свои старья кочевья привычки. Я предпринял это путешествие по двум причинам. Во-первых, мне хотелось увидеть собственными глазами остатки тех страшных кочевых племён, которые некогда завоевали Россию и долгое время угрожали опустошением Европе, – тех Татарских Орд, которые за свою несокрушимую силу и неумолимую свирепость получили название «Бича Божьяго». Во-вторых, я давно желал изучить условия пастушеской жизни и радовался, что нашёл для этого удобный случай.

По дороге на восток я заметил перемену в наружности деревень. Обыкновенные деревянные дома с высоки-

ми покатыми крышами постепенно уступали место лачугам с плоскими крышами, построенным из особого рода необожжённого кирпича, приготовляемого из глины и соломы. Я заметил также, что народонаселение становилось менее скученным, а количество свободной земли пропорционально увеличивалось. Крестьяне здесь, по-видимому, богаче, чем близ Волги, но они жаловались – как всегда делают русские крестьяне, – что у них мало земли. В ответ на мои расспросы, почему они оставляют без обработки столько тысяч десятин вокруг, они объясняли, что уже несколько лет сряду пользовались этой землёй и потому теперь ей нужно дать «покой».

В одной из деревень, через которые я проезжал, мне приключилось нечто очень характерное. Деревня называлась «Самовольная Ивановка». В то время, когда нам переменили лошадей, мой спутник, разговаривая с группой крестьян, спросил их о происхождении этого необыкновенного названия и узнал любопытную страницу из местной истории. Основатели деревни водворились на земле без дозволения владельца и упорно сопротивлялись всем попыткам отнять её у них. Несколько раз посылались войска выгонять их, но, как только солдаты удалялись, этот «самовольный» народ снова возвращался и снова занимал землю, пока, наконец, владелец, живший в Петербурге или в каком-то другом отдалённом месте, не измучился этой борьбой и не позволил им остаться. Различные подробности этой истории передавались очень обстоятельно, так что рассказ длился с полчаса. Я внимательно слушал всё время и, когда история была окончена, вынул записную книжку, чтобы занести в неё факты, и спросил, в котором году это случилось. На мой вопрос не дали ответа. Крестьяне только многозначительно переглядывались и молчали. Думая, что мой вопрос не понят, я спросил во второй раз, повторивши часть того, что было рассказано. К моему великому изумлению, они все начали уверять, что никогда

не говорили ничего подобного! В отчаянии я обращался к своему другу и спрашивал у него, не обманывает ли меня мой слух или не нахожусь ли я под влиянием какой-нибудь странной галлюцинации. Ничего мне не отвечая, он только улыбнулся и отошёл в сторону.

Когда мы покинули деревню и поехали в своём тарантасе, тайна разъяснилась удовлетворительным образом. Мой друг объяснил мне, что вовсе не ошибочно понял рассказанное, но что мой внезапный вопрос и вид моей записной книжки разом возбудили подозрение крестьян и положили конец их сообщительности. «Они, очевидно, заподозрили, что вы чиновник, – продолжал он, – и что вы злоупотребите тем, что узнаете. Они подумали, что в интересах своей безопасности им нужно сейчас же отпереться от всего. Вы ещё не знаете русского мужика!»

С этим последним замечанием я должен был согласиться, но с того времени успел узнать мужика лучше, и теперь меня уже не удивят подобныя приключения. Из длинного ряда наблюдений я убедился, что большинство русских крестьян в своих отношениях к начальству считает прекрасным средством самозащиты самое наглое и безстыдное лганьё. Так, например, если мужик попался в преступлении и уже произведено предварительное следствие, он обыкновенно начинает тем, что измышляет хитрую историю, чтобы объяснить факты и оправдать себя. Пусть история будет самым очевидным сплетением лжи от начала до конца – он будет храбро отстаивать её до тех пор, пока это возможно. Когда он видит, что положение, выбранное им, крайне непрочное, он открыто заявляет, что всё сказанное им – ложь и что он желает дать новое показание. Судьба второго показания может быть такая же, как и первого, и тогда он предлагает третье. Таким образом, ощупью отыскивая путь, он перепробует различные истории, пока, наконец, натолкнётся на такую, которая содержит в себе возражения против всех обвинений. В сущ-

ности, конечно, его ложь не представляет ничего исключительного, потому что во всех частях света преступники имеют привычку избегать правды, когда они попадают в руки правосудия. Особенность заключается в том, что он берет назад свои показания с невозмутимым видом игрока в шахматы, который просит позволения у своего партнёра взять назад неверный ход. При старой системе судопроизводства, отменённой около десяти лет тому назад, ловкие преступники успевали посредством этой несложной хитрости затягивать свои процессы на многие годы.

Такие случаи, естественно, должны изумлять иностранца, и благодаря им он способен произнести очень строгий приговор над русскими крестьянами вообще. Пусть читатель припомнит замечания Карла Карловича об этом предмете. Я слышал, как эти замечания в различных формах повторялись немцами по всей стране, и в них должна быть некоторая доля правды, потому что даже знаменитый славянофил однажды публично согласился, что крестьянин имеет склонность к клятвопреступлению*. Мне кажется, однако, что следует различать. Я не думаю, чтобы в обыкновенных отношениях крестьян друг к другу или к людям, пользующимся их доверием, была слишком развита привычка лгать. Только в столкновениях с начальством крестьянин показывает себя искусным изобретателем лжи. В этом нет ничего удивительного. В продолжение многих веков крестьяне были жертвой деспотической власти и безжалостного лихоимства, и, если закон не давал им легальной охраны, их единственным средством самозащиты должны были быть хитрость и обман.

Я думаю, что в этом заключается настоящее объяснение той «восточной лживости», о которой так много писали путешественники по Востоку. Это просто результат произвола, который существует в обществе. Предположим, что правдивый англичанин попал в руки разбойников или

---

* Киреевский, «Русская Беседа».

дикарей. Если он человек обыкновенной нравственности, то разве он не будет считать себя правым, если солжёт ради своего спасения? Если так, то мы не должны очень строго осуждать эти племена, которые несколько столетий жили в положении, аналогичном положению предполагаемого англичанина. Когда законные интересы не могут быть защищены правдивостью и честностью, благоразумный народ научается употреблять средства, которые оказываются более действительными. В стране, где закон не даёт охраны, сильный защищается своею собственною силой, слабый – хитростью и двоедушием. Это вполне объясняет тот факт – если только это факт, – что в Турции магометане честнее христиан.

Но мы слишком далеко уклонились от пути в Башкирию. Поэтому возвратимся назад.

Из всех путешествий, которые я делал по России, это было едва ли не самое приятное. Погода стояла ясная и тёплая, но не жаркая; тарантас, нанятый на всё время поездки, был так удобен, как только он может быть; хорошее молоко, яйца и белый хлеб получались в изобилии; в деревнях, через которые мы проезжали, не было особенных затруднений насчёт лошадей, и их владельцы были не слишком требовательны в своих условиях. Но более всего способствовало моим удобствам то, что меня сопровождал приятный, интеллигентный молодой русский, любезно взявший на себя все необходимые распоряжения и избавивший меня, таким образом, от всех мучений и хлопот, которые всегда встречаются в первобытных странах, где путешествие ещё не сделалось обычным делом. Я представил ему полный контроль нашего путешествия, пассивно соглашаясь на всё и не спрашивая, куда мы отправляемся. Воспользовавшись моею пассивностью, он однажды вечером устроил мне приятный сюрприз.

Солнце садилось, когда мы выехали из деревни, называвшейся Морша; вскоре я почувствовал дремоту и,

предупреждённый моим товарищем, что нам предстоит длинный и неинтересный путь, улёгся в тарантасе и заснул. Когда я проснулся, тарантас стоял, и звёзды ярко горели в вышине. Вблизи яростно лаяла большая собака, и я услышал голос ямщика, объявлявшего, что мы приехали. Я разом поднялся и взглянул кругом, ожидая увидеть какую-нибудь деревню, но вместо нея моим глазам представилась широкая открытая равнина, а в недалёком расстоянии несколько стогов сена. Подле тарантаса стояли две фигуры в длинных плащах, вооружённые толстыми палками, и говорили между собой на неизвестном языке. Первой моей мыслью было, что мы попали в западню, и я вынул револьвер, чтобы быть готовым на всякий случай. Мой товарищ продолжал храпеть возле меня и решительно сопротивлялся всем моим усилиям разбудить его.

– Что это такое, – спросил я у ямщика сердитым голосом. – Куда вы нас привезли?

– Куда мне было приказано, барин.

Желая получить более удовлетворительное объяснение, я стал сильнее будить своего товарища, но, прежде чем он пришёл в сознание, месяц выплыл из-за облаков и разъяснил тайну. Воображаемые стоги сена превратились в палатки. Две фигуры с большими палками, которых я принял за разбойников, оказались мирными пастухами в обыкновенных восточных халатах, стерегущими овец, которых паслись возле них. Вместо открытого поля, которое мне вообразилось, перед нами был настоящий татарский аул, один из тех, о которых я часто читал. С минуту я находился в изумлении и замешательстве. Мне казалось, что я заснул в Европе, а проснулся в Азии.

Через несколько минут мы удобно расположились в одной из палаток – куполообразном строении, футов 12 в диаметре, сооружённом из тонких палок, покрытых плотным войлоком. В ней не было другой мебели, кроме изрядного количества ковров и подушек, из которых была

устроена для нас постель. Наш любезный хозяин, по-видимому несколько изумлённый нашим неожиданным посещением, но воздерживавшийся от распросов, скоро пожелал нам доброй ночи и удалился. Мы, однако, были не одни. Осталось множество прусаков, и они приветствовали нас по-своему. Были ли оне снабжены крыльями или, за недостатком летательных аппаратов, всползали по стенам палатки и сверху падали на тот предмет, которого желали достигнуть, этого я не открыл, но достоверно то, что они каким-то образом добрались до наших голов, даже когда мы стояли, и цеплялись за наши волосы с изумительно неотвязчивостью. Почему они оказывали такое замечательное предпочтение человеческим волосам, этого мы не могли разгадать до тех пор, пока нам не пришлось на ум, что туземцы обыкновенно бреют себе головы и что покрытый волосами череп естественно должен казаться прусакам любопытной новостью, достойной внимательного исследования. Подобно всем детям природы, они были положительно нескромны и докучливы; но когда огонь был погашен, они поняли намёк и удалились.

Когда мы проснулись на следующее утро, был уже полный день и мы увидали перед палаткой толпу туземцев. Наш приезд, по-видимому, считали важным происшествием, и все обитатели аула нетерпеливо желали познакомиться с нами. Наш хозяин подошёл первый. Это был невысокий стройный мужчина с важным и строгим выражением лица, говорившем о его необщительном нраве. После мы узнали, что он был охун, то есть младший служитель магометанской духовной администрации, и в то же время мелкий торговец шёлковыми и шерстяными тканями. Вместе с ним к нам подошёл мулла, или священник, осанистый старый джентльмен, с открытым честным лицом европейского типа и прекрасной белоснежной бородой. За ними следовали другие важные члены маленькой общины. У всех была смуглая кожа, маленькие глаза и

выдающиеся скулы, характеризующия татарскую расу, но у них мало заметна та плоскость лица и то особенное безобразие, которыми отличаются чистые монголы. Все, за исключением муллы, говорили немного по-русски и уверяли нас, что мы для них приятные гости. Дети почтительно оставались позади, а женщины, с закрытыми лицами, украдкой смотрели на нас из-за дверей палаток.

В ауле было около двадцати палаток, построенных по одному образцу и разбросанных кругом без всякой симметрии. Подле нас находился водоём, который на некоторых картах изображается в виде реки под именем Каралыка, но в то время стоял просто из нескольких луж, наполненных мутной водой. Так как мы более чем подозревали, что эти лужи снабжают жителей водой для кулинарных целей, то этот пейзаж был не совсем удобен для возбуждения нашего аппетита. Поэтому мы торопливо отвернулись и, за неимением лучшего занятия, стали смотреть на процесс приготовления обеда. Этот способ был решительно первобытен. У наших дверей убили овцу, сняли с нея шкуру, разрезали мясо на части и сложили в огромный котёл, под которым был разведён огонь.

Самый обед был не менее первобытен, чем и способ его приготовления. Стол заменяла большая салфетка, разосланная посреди палатки, а вместо стульев служили подушки, на которых мы сели, скрестивши ноги. Не было ни тарелок, ни ножей, ни вилок, ни ложек. Гости должны были есть все вместе из обыкновенной деревянной чашки и употреблять орудия, которыми наделила их природа. Прислуживали хозяин и его сын. Обед был обилен, но не разнообразен, и весь состоял из варёной баранины и небольшого куска солёного лошадиного мяса, поданного в виде *entremet*.

Есть из одной чашки с полудюжиной магометан, которые понимают в крайне переносном смысле повеления своего пророка насчёт омовений и совершенно незнакомы с употреблением ложек и вилок, – занятие далеко не прият-

ное, даже если вас не слишком тревожат религиозные предрассудки; но среди этих башкир встречалось ещё нечто похуже; их любимый способ выражать своё уважение к тому, с кем они едят, заключается в том, что они впихивают ему в рот куски баранины, а иногда даже пригоршни раскрошенного мяса. Открывши эту неожиданную особенность в манерах и обычаях башкир, я почти пожалел, что произвёл хорошее впечатление на моих новых знакомых.

Когда овца была съедена, отчасти обитателями палатки, отчасти многочисленными пришельцами, – потому что весь аул принимал участие в пиршестве, – появился кумыс в громадном количестве. Этот напиток, как я уже объяснял, состоит из перебродившего кобыльего молока. Но то, что здесь известно под этим именем, совершенно различно от того кумыса, который я пробовал в Самарских кумысолечебных заведениях. Там это был приятный пенистый напиток с самым слабым вкусом кислоты, а здесь «тихая» жидкость, сильно напоминающая очень жидкую и очень кислую сыворотку. Мой русский друг сильно скривил лицо при первом глотке, и я сначала тоже имел склонность к этому, но, заметивши, что его гримасы производят неблагоприятное впечатление на присутствующих, я сдержал свои личные мускулы и сделал вид, что напиток мне понравился. Вскоре я действительно вошёл во вкус и прекрасно научился пить его вместе с теми, которые привыкли к нему с детства. Этим подвигом я значительно возвысился во мнении туземцев, потому что человек, не пьющий кумыса, не может быть общительным в башкирском смысле этого слова, и, научаясь пить, он принимает существенный принцип башкирской национальности. Я, конечно, предпочёл бы иметь отдельную чашку, но мне казалось, что полезнее сообразоваться с обычаями страны и не отказываться от большой деревянной чаши, когда она обходит вокруг. В награду за это мои друзья сделали мне важную уступку. Мне было дозволено курить сколько

угодно, несмотря на их убеждение, что если пророк воздерживался от табака, то обыкновенные смертные и по-давно должны делать то же самое.

Пока «чаша дружбы» обходила вокруг, я роздал присутствовавшим несколько маленьких подарков, привезённых с собою, и затем приступил к объяснению цели своего визита. В отдалённой стране, лежащей далеко на запад, из которой я прибыл, я слышал о башкирах как о народе, имеющем много странных обычаев, но очень любезном и гостеприимном по отношению к иностранцам. Я уже убедился собственным опытом в их любезности и гостеприимстве и надеюсь, что они позволят мне немного познакомиться с их привычками, обычаями, песнями, историей, религией и всем, что, как я уверял их, возбуждает в моих далёких соотечественниках живое участие.

Эта маленькая послеобеденная речь, может быть, не совсем согласовалась с башкирским этикетом, но она, по-видимому, произвела благоприятное впечатление. Послышался ропот одобрения, и те, которые понимали по-русски, перевели мои слова своим менее образованным братьям. Последовало краткое совещание, затем общее восклицание «Абдулла! Абдулла!», которое подхватили и повторяли стоявшие снаружи.

Через несколько минут показался Абдулла с полуобглоданной костью в руке и выпачканной жиром нижней частью лица. Это был маленький, тщедушный человек с смуглым и бледным лицом, выглядевший преждевременно состарившимся. Но сдержанная улыбка, скользившая на его губах, и лукавое прищуривание правого глаза ясно говорили, что он ещё не забыл весёлых дней юности. Его платье было богаче и сделано из более дорогого матерьяла, но в то же время оборваннее и пестрее, чем у других. Он был совершенно похож на артиста в стеснённых обстоятельствах, и таковым он был в действительности. При первом слове и знаке хозяина он положил кость и вытащил из-под своего

зелёного шёлкового халата маленький духовой инструмент, похожий на флейту или свирель. Он сыграл на нём несколько народных песен. Первые мелодии, которые он заиграл, сильно напомнили мне Шотландский марш. Это были звуки сначала тихие, торжественные, жалобные, потом постепенно подымавшиеся до захватывающих дух воинственных тонов и затем снова переходившие в жалобное сетование. Силу выражения, которую Абдулла влагал в свой простой инструмент, была поистине изумительна. Потом, внезапно переходя от серьёзного к весёлому, он стал наигрывать лёгкие, живые арийки; некоторые из более молодых башкир вскочили с мест и исполнили танец – такой же шумный и неуклюжий, как ирландский джиг.

Этот Абдулла сделался для меня драгоценнейшей находкой. Он был чем-то вроде башкирского трубадура и был не только хорошо знаком с музыкой, но также с преданиями, историей, суевериями и знаниями своего народа. Охун и мулла смотрели на него как на пустого и негодного человека, не имеющего правильных и почтенных средств к существованию, но среди людей менее строгих принципов он был общим любимцем. Он прекрасно говорил по-русски, так что я мог свободно объясняться с ним без переводчика, он охотно предоставил в моё распоряжение весь запас своих сведений. В присутствии охуна он всегда был важен и молчалив, но как только тот избавлял его от своей величественной особы, он разом становился весел и разговорчив.

Второй из моих новых знакомых был в одинаковой степени полезен мне в другом отношении. Это был Мехмед-Зиан, человек не столь образованный как Абдулла, но гораздо более симпатичный. В его открытом, честном лице и ласковом, непринуждённом обращении было что-то до такой степени неодолимо привлекательное, что не прошло и двадцати четырёх часов нашего знакомства, как между нами уже установилась дружба. Это был высокий, мускулистый, широкоплечий мужчина; черты его

лица указывали на примесь европейской крови. Несмотря на свои более чем средние годы, он всё ещё сохранил такую гибкость и ловкость, что мог, сидя на лошади, выворачивать из земли камень. Однако он уже не мог более скакать в это время полным галопом, как делал это в молодости. Его географические познания были очень ограничены и сбивчивы, и его ум в этом отношении был похож на старинные русские карты, где государства и народы, существование которых не выходило из области мифа, перемешаны все вместе в безнадежном хаосе; но его географическая любознательность была ненасытна. Моя путевая карта – первая вещь этого рода, которую он когда-либо видел, – глубоко заинтересовала его. Когда он узнал, что, просто смотря на эту карту, я мог сказать ему, в каком направлении и как далеко лежат известные ему местности, его лицо было похоже на лицо ребёнка, в первый раз присутствующего при действиях колдуна. А когда я объяснил ему, в чём дело, и научил его, как вычислять расстояние до Бухары – святого города мусульман этой страны, – его радость была безгранична. Я не мог подарить ему своей карты, как бы мне хотелось, но обещал прислать ему такую же. Я исполнил своё обещание благодаря тому, что встретил в Самаре туземца из Каралыкского округа. Два или три года спустя меня известил русский путешественник, который провёл ночь в ауле, что он видел там карту, называвшуюся «подарком англичанина», и что почтенный башкир по имени Мехмед-Зиан учил его, как вычислять расстояние до Бухары.

Если Мехмед мало знал о чужих странах, зато он в совершенстве знал свою собственную и щедро оплатил мне за мои элементарные уроки географии. Я посетил с ним соседние аулы. В каждом у него было множество знакомых, и везде нас принимали с величайшим гостеприимством. Я старался, хотя не всегда успешно, избегать пиршеств вроде того, какое я описал выше, отчасти потому,

что мои хозяева были вообще люди бедные и не хотели брать платы за убитую овцу, отчасти же потому, что имел причины опасаться, что они будут снова выражать мне по-башкирски своё уважение и любовь. Но питью кумыса, обыкновенному занятию этого народа, когда ему нечего делать, я предавался в самом неумеренном количестве. В этих экспедициях нам обыкновенно сопутствовал Абдулла и оказывал драгоценную услугу в качестве переводчика и трубадура. Мехмед мог объясняться по-русски, но его лексикона хватало только на самые обыкновенные предметы. Абдулла, напротив, был первоклассный переводчик, и под влиянием его музыкальной дудки и весёлой болтовни новые знакомые становились общительными и дружелюбными. Бедный Абдулла! Он был всесторонний гений, но его полинялый, оборванный халат слишком ясно показывал, что в Башкирии, как и в более цивилизованных странах, гений и артистический темперамент ведут скорее к нищете, чем к богатству!

Я не буду надоедать читателю различными фактами, которые я успел собрать с помощью этих двух друзей, — да если бы я и хотел сделать это, я не мог бы исполнить своего желания, потому что заметки, сделанные мной в то время, были потом потеряны, — но я желаю сказать несколько слов относительно настоящего экономического положения башкир. Они переходят теперь от пастушеской жизни к земледельческой, и причины, побудившие их к этой перемене, а равно путь, каким она происходит, представляют немало интереса.

Философы долго придерживались теории социального развития, по которой люди были сначала охотниками, потом сделались пастухами и, наконец, земледельцами. Насколько эта теория согласна с действительностью, это мы оставим в стороне, а рассмотрим только одну часть вопроса: почему пастушеские племена принимаются за земледелие? Обыкновенное объяснение таково, что они

изменяют свой образ жизни в силу некоторых неопределённых, случайных обстоятельств. Среди них появился великий законодатель и научил их возделывать почву, или они пришли в столкновение с земледельческой расой и переняли привычки своих соседей. Такие объяснения могут удовлетворить тех теоретиков, которые обыкновенно добывают факты в своём кабинете, но они покажутся совершенно недостаточными тому, кто жил среди пастушеских народов. Пастушеская жизнь несравненно приятнее суровой доли земледельца и до такой степени более согласуется с естественной безопасностью человеческой природы, что никакой великий законодатель, хотя бы он обладал мудростью Солона и красноречием Демосфена, не убедил бы своих соотечественников добровольно перейти от одной формы быта к другой. Из всех средств к существованию земледелие – за исключением, может быть, работы в рудниках – самое тяжёлое, и люди, не привыкшие к нему с детства, никогда не принимаются за него добровольно. Жизнь пастушеских народов, напротив того, представляет почти безконечный праздник, и я не могу вообразить себе ничего, кроме страха голодной смерти, что могло бы заставить людей, живущих своими стадами и табунами, перейти к земледелию.

Ожидание голода – вот действительная причина этого перехода, вероятно, во всех случаях, а у башкир наверное. Пока у них было изобильное пастбище, они никогда не думали о земледельческих работах. Их стада и табуны снабжали их всем необходимым и позволяли им вести спокойное, безопасное существование. Среди них не появлялся великий законодатель, чтобы научить их употреблению плуга и серпа, и, когда они увидали на своей границе русских крестьян, трудолюбиво пахавших и жавших, они, вероятно, смотрели на них с сожалением и, разумеется, никогда не думали последовать их примеру. Но к ним явилось воплощение законодателя самого сурового и деспо-

тического, который не терпел непослушания, – я говорю об экономической необходимости. Захваты уральских казачков на востоке и постоянно прибывавшая волна русской колонизации с севера и запада значительно уменьшили их территорию. С уменьшением пастбищ началось уменьшение стад, их единственного средства к существованию. При всём их пассивно-консервативном духе им пришлось искать новых способов добывания пищи, нового строя жизни, требующего менее обширной земельной территории. Только тогда они подумали о подражании своим соседям. Они видели, что соседние русские крестьяне покойно жили на тридцати или сорока десятинах земли, между тем как они, имея по сто пятидесяти на каждую ревизскую душу, находились в опасности умереть с голоду. Вывод, следующий отсюда, ясен: они теперь же должны приняться пахать и сеять. Но практическое осуществление этого принципа было сопряжено с большими трудностями. Конечно, земледелие требует меньше земли, чем овцеводство, но для него необходимо гораздо более труда, а башкиры не привыкли к суровой работе. Они могли выносить утомление длинных путешествий верхом на лошади, но тяжёлая, однообразная работа за плугом или серпом была им не по вкусу. Вследствие этого они сначала придумали среднюю меру. Участки их земли обрабатывались русскими крестьянами, получавшими за это в виде платы часть продуктов: другими словами, башкиры-собственники стали сдавать свои земли в аренду по испольной системе.

Такое переходное состояние было наблюдаемо мною в различных аулах, которые я посещал. Мой друг Мехмед-Зиан показывал мне, на недалёком расстоянии от палатки, своё пахотное поле и познакомил меня с обрабатывавшим его крестьянином – малороссом, который уверял меня, что такая сделка выгодна для обеих сторон. Переходное состояние, однако, не может остановиться на этом. Это только компромисс, только временное средство. Возделывание

девственной почвы даёт очень обильные урожаи, которых достаточно, чтобы удовлетворить и работника, и ленивого владельца; но это плодородие скоро истощится и через несколько лет земля будет давать только самый умеренный доход. Следовательно, рано или поздно владельцы принуждены будут обходиться без работников, которые берут в виде вознаграждения половину дохода, и приложить к плугу свои собственные руки.

Таким образом, мы видим, что, выражаясь точно, башкиры более уже не пастушеский, не кочевой народ. Это открытие несколько разочаровало меня, и, надеясь встретить племя более первобытного характера, я посетил киргизов Внутренней Орды, занимающих страну на юг от Каспийского моря. Здесь я в первый раз увидел настоящую степь в полном смысле этого слова, гладкую как море; нет ни холма, ни волнистаго возвышения на прямой линии горизонта, ни клочка обработанной земли, ни дерева, ни куста, ни даже камня, словом, ничего, что нарушало бы пустынное однообразие. Мне едва ли нужно говорить, что путешествовать по такой стране очень скучно, тем более что здесь нет даже верстовых столбов, которые показывали бы вам, сколько вы проехали. Впрочем, это не до такой степени скучно, как можно бы предполагать. Утром вы можете воображать на горизонте большие озёра с лесистыми берегами – мираж, являющийся для вашей забавы. Потом в течение дня всегда случается одно или два незначительных приключения, которыя несколько пробуждают вас от вашей дремоты. То вы откроете группу всадников на далёком горизонте и следите за ними, как они приближаются; а когда они поравняются с вами, вы можете с ними заговорить, если понимаете их язык или имеете переводчика; или, если членораздельная речь невозможна, можете позабавиться небольшой пантомимой. То вы встретите длинный ряд верблюдов, важно и величаво выступающих вперёд, и начнёте размышлять о содержании толстых

тюков, которыми они навьючены. То наткнётесь на труп лошади, упавшей возле дороги, и увидите, как собаки и степные орлы сражаются за свою добычу; и если у вас есть злодейския наклонности, то можете выстрелить по этим огромным птицам, потому что они неопытно отважны и подпускают вас иногда на тридцать или сорок ярдов. То вы различите в отдалении – самое приятное зрелище – группу стогообразных палаток и спешите туда насладиться благодатной тенью и утолить жажду «большими, большими глотками» освежающего кумыса.

Во время моего путешествия по Киргизской степи меня сопровождал русский джентльмен, снабжённый письмом от наследственного начальника Орды, который носил громкое имя Чингис-Хана и имел претензию быть потомком великаго монгольского завоевателя. Этот документ обезпечивал нам хороший приём во всех аулах, через которые мы проезжали. Каждый киргиз, увидавший его, относился к нему с глубоким почтением и предлагал к нашим услугам всё своё движимое имущество. Но несмотря на такую могущественную рекомендацию мы не встретили того дружелюбнаго радушия и общительности, которые я находил среди башкир. Для нас всегда была готова отдельная палатка с неограниченным количеством подушек; всегда убивалась и варилась овца на обед и регулярно приносились вёдра кумыса для нашего прохладения; но всё это, по-видимому, исполнялось как долг и не было выражением гостеприимства. Когда, раз или два, мы решились продлить свой визит долее, чем первоначально предполагали, я мог заметить, что наш хозяин вовсе не был обрадован переменою наших планов. Единственным нашим утешением было то, что люди, принимавшие нас, не стеснялись брать плату за пищу и жилище.

Я не имею намерения выводить из всего этого заключение, что киргизы – народ негостеприимный и неприветливый. Моё наблюдение над ними было слишком

ограниченно, чтобы оправдать такое заключение. Письмо Чингис-Хана обеспечивало нам все удобства, в каких мы нуждались, но в то же время оно придавало нам несколько официальный характер, не совсем благоприятный для установления дружеских отношений. Те, с которыми нам приходилось сталкиваться, смотрели на нас как на русских чиновников и подозревали, что у нас есть какая-нибудь тайная цель. Так как мы спрашивали о количестве их скота и хотели составить приблизительно смету их годового дохода, то они, естественно, опасались, — не имея понятия о безкорыстной научной любознательности, — что эти цифры собирались для увеличения налогов или с какою-нибудь подобною же злою целью. Я очень скоро убедился, что все сведения, которые мы могли здесь собрать относительно экономических условий пастушеской жизни, не будут иметь особенной цены, и отложил свои занятия до более удобного времени.

Киргизы, говоря этнографически, имеют близкое родство с башкирами, но отличаются от них и по наружности, и по языку. Их черты лица гораздо более приближаются к чисто монгольскому типу, а их язык представляет особое наречие, которое башкиры и казанские татары понимают с некоторым трудом. Они магометане, но не особенно строго держатся религиозных предписаний, доказательством чему служит то, что женщины у них не закрывают лица даже в присутствии гяура. Их образ жизни мало отличается от башкирского, но они имеют сравнительно больше земли и, следовательно, могут ещё вести чисто пастушескую жизнь. У своей западной границы они ежегодно сдают русским крестьянам участки земли, чтобы усилить урожай; но эти уступки никогда не зайдут слишком далеко, потому что большая часть их владений не годится для земледелия по причине большого количества соли, которую содержит почва. Этот факт будет иметь важное влияние на будущность киргизов. В противоположность

башкирам, которые обладают хорошо пахотной землёю и, следовательно, находятся на пути к земледелию, киргизы будут, по всей вероятности, продолжать жить исключительно своими стадами и табунами.

К юго-западу от нижней Волги, в низменной стране, лежащей на север от Кавказских гор, мы нашли ещё другое пастушеское племя – калмыков, сильно отличающееся от двух первых по языку, наружности и религии. Их язык – монгольское наречие, не имеющее близкого сходства ни с одним языком этой части света. По отношению к религии они точно так же одиноки, потому что они буддисты и не имеют единоверцев ближе Индии или Тибета. Но их физиономия поразительнее всего отличает их от окружающих народов, как монголов чистейшего типа. Сказать просто, что они безобразны, значит сделать им незаслуженный комплимент. Есть что-то почти нечеловеческое в их безобразии. Они представляют в усиленной степени все те отталкивающие черты, которые мы видим скрашенными и утончёнными в лице обыкновенного китайца. Так как они принадлежат к одной из признанных человеческих рас, то мы должны предполагать, что они имеют душу. Но глядя в первый раз на эти бессмысленные, приплюснутые лица и маленькие тупоумные косые глаза, трудно мириться с этим выводом. Среди них башкир или даже обыкновенный киргиз показались бы, благодаря контрасту, красавцами. Если татарская и турецкая расы действительно произошли от предков этого типа, то мы должны предполагать, что с течением времени они получили большую примесь арийской или семитической крови.

Но мы не должны относиться слишком строго к бедным калмыкам и не будем судить об их характере по их наружности. Они вовсе не так мало похожи на людей, как кажется. Люди, жившие среди них, уверяли меня, что они положительно интеллигентны, особенно во всём, что касается скотоводства, и что, несмотря на склонность к коно-

крадству и другим первобытным привычкам, недопускаемым более высокой цивилизацией, они вообще не имеют недостатка в хороших качествах.

До самого последнего времени в этой стране находилось ещё четвёртое пастушеское племя – Ногайские татары. Они занимали равнины на севере от Азовского моря; но вскоре после Крымской войны они эмигрировали в Турцию, и их земли населены теперь русскими, немецкими, болгарскими и черногорскими колонистами.

Среди этих пастушеских племён на калмыков можно смотреть как на недавних пришельцев. В первый раз они появились в XVII столетии и долго были грозными благодаря своей огромной численности и плотной организации. Но в 1771 г. большинство их внезапно сняло свои палатки и удалилось в своё старое отечество, на север Небесной Империи. Те, которые остались, были легко усмирены и, под влиянием ненарушаемого мира и сильной русской администрации, давно утратили свой прежний воинственный характер. Их позднейшие военные подвиги, во время Наполеоновских войн, были не особенно важны. Полк, состоявший из них, сопровождал русскую армию, и они изумляли Западную Европу своими грубыми чертами, странными обычаями и первобытными снарядами, среди которых особенно выдавались курьёзные луки и стрелы.

Другия пастушеския племена, упоминаемая мною, составляют последние остатки тех кочевых орд, которые с незапамятных времён до сравнительно недавнего периода владели обширными равнинами южной России. Долгая борьба между этими ордами и земледельцами-колонистами северо-запада, сильно напоминающая борьбу краснокожих с белыми поселенцами Северной Америки, составляет важную страницу русской истории.

Подобно всякой молодой, могучей земледельческой расе, русские всегда выказывали сильную склонность распространять свои земли и присваивать себе владения своих

соседей. На севере и северо-востоке им было не особенно трудно удовлетворять этой склонности, потому что они находили там страну слабо населённую мирными финскими племенами, которые не спорили с чужеземными колонистами, водворявшимися среди них. Но здесь, в степи, они встретили совсем иной приём. Страна эта была точно так же мало заселена, но её обитатели были другие и вели иной образ жизни – не мирных земледельцев, а воинственных кочевников, которые мужественно отстаивали свои пастбища и считали конокрадство, похищение людей и грабёж законным и почтенным делом. «Их набеги, – говорит древний византийский писатель, – подобны молнии, а их отступления в одно время и тяжелы, и легки – тяжелы от добычи и легки от быстроты их движений. Мирная жизнь для них несчастье, а удобный случай для войны верх благополучия. Хуже всего то, что они многочисленнее, чем пчёлы весной: их число несметно». «Не имея определённого местопребывания, – говорит другой византийский автор, – они хотят завоевать все страны и не заселяют ни одной. Это народ, перелетающий с места на место, и потому их невозможно захватить. Так как у них нет ни городов, ни сёл, то за ними нужно гнаться, как за дикими зверями, и их можно сравнить только с грифами, которых милостивая природа изгнала в необитаемые страны». Это напоминает персидское двустишие, приведённое у Вамбери:

«Они приходили, побеждали, жгли,
Грабили, убивали и уходили».

Древний русский летописец так описывает их набеги. – «Они жгли сёла, хутора и церкви. Земля обращалась ими в пустыню, и обширные поля становились логовищем диких зверей. Множество людей уводилось в неволю; другие были замучены и убиты или умирали от голода и жажды. Грустные, истомлённые, окоченевшие от холода,

с лицами, бледными от горя, босоногие или голые, тащились вперёд русские пленники по неизвестной стране, и с плачем говорили друг другу: «я из такого-то города, а я из такого-то селения»». И наряду с монахами-летописцами, мы слышим, как безымянный славянский Оссиан оплакивает павших сыновей Руса: «Редко слышится в русской земле голос землешца, но часто крики коршунов, сражающихся между собой за тела убитых, и каркают вороны, летя за своей добычей».

Эта борьба между земледельческой колонизацией и кочевым варварством длилась целыя столетия с изменяющимся успехом. В самый ранний период русской истории колонисты имели быстрый успех и достигли обладания большою частью степи; но в XIII столетии счастье внезапно изменилось. Вся страна была завоёвана кочевыми ордами, и более двух столетий Россией в известном смысле управляли татарские ханы. Так как я желаю поговорить подробнее об этом татарском иге, то и должен посвятить этому отдельную главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ТАТАРСКОЕ ИГО

Завоевание. — Чингис-Хан и его народ. — Возникновение и быстрое распадение Монгольской империи. — Золотая Орда. — Действительный характер татарского ига. — Религиозная терпимость. — Татарская система правления. — Великие князья. — Князья Московские. — Влияние татарского ига. — Его практическое значение

Татарское вторжение с его прямыми и косвенными последствиями — предмет, имеющий более чем простой исторический интерес. Монгольскому влиянию обыкновенно приписываются многие особенности положения и национального характера русских в настоящее время, и некоторые писатели хотели даже уверить нас, что люди, которых мы называем русскими, в сущности, просто татары, полуприкрытые тонким лоском европейской цивилизации. В силу этих обстоятельств не лишне будет узнать, каково было в действительности татарское иго и в какой степени повлияло оно на историческое развитие и национальный характер русского народа. Если я и не могу осветить этот предмет так, как было бы желательно, то, по крайней мере, хоть сколько-нибудь помогу разогнать туман ложных заключений, которые слишком часто встречаются доверие.

Историю завоевания можно передать в коротких словах. В 1224 г. начальники половцев — одного из тех папушеских племён, которые скитались по степи и обыкновенно вели хищные войны с южноруссами, — послали депутатов к Мстиславу Храброму, Галицкому князю, с из-

вестием, что их земля осаждена с юго-востока сильным и свирепым неприятелем, носящим имя татар – странными людьми, с смуглыми лицами, маленькими, расходящимися глазами, толстыми губами, широкими плечами и чёрными волосами. «Сегодня, – говорили депутаты, – они напали на нашу землю, а завтра нападут на вашу, если вы нам не поможете».

Мстислав, вероятно, ничего не имел бы против того, чтобы половцев истребило какое-нибудь более сильное и свирепое племя, потому что они доставляли ему много хлопот своими частыми набегами, но на него подействовала сила аргумента, что затем наступит и его очередь, и ему показалось, что разумнее будет помочь своим обыкновенно враждебным соседям. Чтобы отвратить опасность, он созвал соседних князей и убедил их соединиться с ним в походе против нового врага. Экспедиция была предпринята и окончилась поражением. При Калке, небольшой реке, впадающей в Азовское море, русское войско встретило нападающих и было совершенно разбито. Страна, таким образом, была открыта для победителей, но они этим не воспользовались. Приблизившись на некоторое расстояние, они внезапно повернули назад и скрылись.

Так неожиданно окончилось первое посещение Руси этими нежеланными чужестранцами. Тринадцать лет спустя они возвратились, и на этот раз от них не так легко отделались. Несметная орда перешла реку Урал и двинулась к самому сердцу страны, грабя, сжигая, опустошая и убивая. Нигде не встречали они серьёзного сопротивления. Князья не пытались соединиться против общего врага. Почти все главные города были обращены в пепел, а жители перебиты или уведены в неволю. Завоевавши Россию, татары двинулись на запад и привели в ужас всю Европу. Паника достигла даже Англии и, говорят, прекратила на время ловлю сельдей на её берегах. Западная Европа, однако, спаслась от опустошений. Посетивши Польшу, Вен-

грию, Болгарию, Сербию и Далмацию, они отступили к нижней Волге, и тут были призваны русские князья, чтобы дать присягу на верность победоносному хану.

Сначала русские имели только самое неопределённое представление о том, кто такой был этот грозный неприятель. Древний летописец кратко замечает: «За наши грехи появились неизвестные народы. Никто не знает, кто они, или откуда они пришли, или к какому племени и вере они принадлежат. Вообще они называются татарами, но одни зовут их туркменами, другие печенегами. Кто они в действительности, известно только одному Богу, да может быть мудрым, глубоко начитанным, книжным людям». Некоторые из этих глубоко начитанных, книжных людей предполагали, что татары – идолопоклонники Моавиты, которые во времена Ветхаго Завета тревожили избранный Богом народ, между тем как другие думали, что это потомки людей, изгнанных Гедеоном, о которых святой пророчествовал, что они придут в последние дни и завоюют всю землю от Востока до Евфрата и от Тигра до Чёрного моря.

К счастью, мы теперь можем разрешить эти неясные этнографические умозрения. Из отчётов многих европейских путешественников, посетивших Туркестан около того времени, и из сочинений различных восточных историков мы узнали очень многое об этих варварах, которые завоевали Россию и навели ужас на западные государства.

Зародышем несметной орды, которая пронеслась над Азией и приблизилась к центру Европы, было маленькое пастушеское племя, жившее на север от Китая, у источников Амура. Это племя не было ни воинственнее, ни грознее своих соседей почти до самого XII столетия, когда среди него появился человек, который описывается как «великий ловец перед Господом». О нём и его народе мы находим краткое известие у китайского автора того времени: «Человек гигантского роста, с широким лбом и длиною

бородой, замечательный по своей храбрости. Что касается до его народа, их лица широки, плоски и четырёхугольны, с выдающимися скулами; их глаза не имеют верхних ресниц; у них очень мало волос в бороде и усах; их внешность самая отталкивающая». Этот «человек гигантского роста» был не кто иной, как Чингис-Хан. Он начал с покорения и присоединения к своему войску окружающих племён, завоевал с их помощью большую часть Северного Китая и, оставив одного из своих полководцев доканчивать покорение Небесной Империи, повёл свою армию на запад с надменной целью завоевать весь мир. «Как на небесах есть только один Бог, – говаривал он, – так и на земле должен быть только один властелин», – разумея под этим единственным властелином мира – самого себя.

Европейская армия, отдаляясь от своего главного операционного базиса и вторгаясь в чужую и враждебную страну, непременно становится слабее, и положение ее делается всё более и более рискованным. Не таково было положение армии Чингис-Хана. Она не нуждалась ни в каком операционном базисе, потому что имела в своём распоряжении все свои стада, палатки и всё движимое имущество. Собственно говоря, это была вовсе не армия, а народ, катившийся как волна. Богатые степи кормили стада, а стада кормили воинов; и при такой простой продовольственной системе не было нужды поддерживать сношения с покинутыми пунктами. Вместо уменьшения в числе орда, подвигаясь вперёд, постоянно возрастала. Кочевья племена, которые она встречала на пути, состояли из людей, находивших себе жилище там, где были пастбища и вода для питья; поэтому не трудно было заставить их присоединиться к дальнейшему движению. Посредством этого ужасного завоевательного орудия Чингис успел создать колоссальную империю, простиравшуюся от Карпатских гор до восточных берегов Азии и от Арктического океана до Гималаев. Если он не осуществил своей меч-

ты – сделаться властелином всей земли, то мог, по крайней мере, похвастать, что никогда в истории мира одно лицо не управляло такими обширными владениями.

Чингис не был просто неумолимым разрушителем; он был в то же время одним из величайших администраторов, которых когда-либо видел мир. Но его административный гений не мог делать чудес. Его громадная империя, основанная путём завоеваний и состоявшая из самых разнородных элементов, не имела в себе принципа органической жизни и не могла быть долговечной. Она была создана им, и с ним она погибла. Несколько времени после его смерти титул Великаго Хана поддерживал один из его потомков и централизованная администрация номинально сохранялась; но местные правители быстро эманципировались от центральной власти, и через полвека после смерти основателя великая Монгольская империя была не более, как «географический термин».

С разделением Монгольской империи ни в каком случае не кончалась опасность, угрожавшая Восточной Европе. Независимые орды едва ли были менее страшны, чем сама империя. Внук Чингиса образовал на русской границе новое государство, обыкновенно известное под именем Кипчакской или Золотой Орды, и построил на одном из рукавов нижней Волги столицу, называвшуюся Серай. Эта столица, теперь совершенно исчезнувшая, так что даже нельзя точно определить её местоположение, описана Ибн-Батуттой, посетившем её в XV столетии*, как очень большой, многолюдный и прекрасный город, имеющий много мечетей, много хороших рынков и широких улиц, в котором можно встретить купцов из Вавилона, Египта, Сирии и других стран. Здесь-то жили ханы, которые в продолжение двух столетий держали Россию в подчинении.

---

* Случайная датировка автора; путешествие шейха Ибн-Батутты в Золотую Орду датируется половиной XIV века (Прим. ред.)

Завоёвывая Россию, татары не имели желания завладеть землёй или взять в свои руки местную администрацию. Им нужна была не земля, которой оне имели достаточно, и даже в излишке, но движимое имущество, которым они могли бы пользоваться, продолжая свою пастушескую, кочевую жизнь. Поэтому они приложили к России тот же самый способ выжимания доходов, какой употребляли и в других странах. Как только их власть была формально утверждена, они послали в страну чиновников для произведения поголовной переписи и сбора дани, пропорциональной населению. Дань эта была тяжёлым бременем для народа не только по величине суммы, но также и вследствие способа её собирания. Прижимки и жестокость сборщиков вели к местным возстаниям, а возстания, по обыкновению, всегда строго наказывались. Но общей военной оккупации или полной конфискации земель никогда не было, и существовавшая прежде политическая организация была оставлена неприкосновенной. Новый способ обращения с присоединёнными провинциями был совершенно неизвестен татарам. Татарским ханам никогда и не снилось желание обратить в татарство своих русских подданных. Они просто требовали присяги на верность с князей и известную сумму дани с народа. Победённым было дозволено сохранять свою землю, свою религию, свой язык, свои суды и все прочия свои учреждения.

Характер татарского владычества хорошо иллюстрируется политикой, которой они следовали по отношению к русской церкви. Более половины столетия после завоевания, религия татар была смесью буддизма и язычества, с признаками сабеизма или огнепоклонничества. В течение этого периода христианство было более чем просто терпимо. Стараниями великого хана Куюка была воздвигнута христианская церковь близ его дома, и один из его премников, Хубилай, имел обыкновение всенародно принимать участие в праздновании Пасхи. В 1261 г. хан Золотой

Орды позволил русским основать епископию в своей столице, и многие члены его фамилии приняли христианство. Один из них даже основал монастырь и сделался святым Русской церкви! Православное духовенство было избавлено от подушной подати, и в дарованных ему хартиях выразительно объявлялось, что если кто нанесёт святотатственное оскорбление русской вере, то подлежит смертной казни. Несколько времени спустя Золотая Орда перешла в ислам, но ханы не изменили своей политики. Они продолжали ласкать духовенство, и их покровительство долго помнилось впоследствии. Много поколений спустя, когда церковным имуществам угрожала самодержавная власть, упорное духовенство сравнивало политику православного государя с политикой «безбожных татар» к большой выгоде последних.

Сначала было и должно было быть очень мало взаимного доверия между победителями и побеждёнными. Князья тревожно искали случая, чтобы сбросить ненавистное иго, а народ был раздражён налогами и жестокостью сборщиков, между тем как ханы принимали предосторожности против возмущений и грозили опустошить страну, если не будут уважать их. Но с течением времени это взаимное недоверие и вражда значительно уменьшились. Князья мало-помалу увидели, что все попытки сопротивления будут бесполезны, и примирились с своим новым положением. Вместо того чтобы стараться свергнуть власть хана, они стали искать его милостей в надежде помочь этим своим личным интересам. Ради этого они часто посещали татарского владыку, делали богатые подарки его жёнам и придворным, получали от него грамоты, утверждавшие их власть, и даже иногда вступали в брак с членами его семейства. Некоторые пользовались добытой таким образом милостью, чтобы расширять свои владения насчёт соседних князей одного с ними рода, и не затруднялись обращаться за помощью к татарским ордам.

Ханы, с своей стороны, стали более доверять своим вассалам, поручили им обязанность собирания дани, отставили своих чиновников, которые были постоянным бельмом на глазу у народа, и воздерживались от всякого вмешательства во внутренние дела княжеств до тех пор, пока дань платилась регулярно. Короче сказать, князья действовали как наместники хана, и до известной степени отатарились. Они так далеко зашли в этой политике, что народ бранил их за безмерную любовь к татарам и их языку и за слишком охотное отдавание им земли, золота и всякого добра.

Если бы ханы Золотой Орды были благоразумными и дальновидными государственными людьми, они бы надолго сохранили господство над Россией. В действительности они оказались очень плохими политиками. Заботясь только о том, чтобы выжать из страны как можно более дани, они просмотрели более важные соображения и этой недальновидностью приготовили себе политическую гибель. Вместо того чтобы держать русских князей на одном уровне и этим самым сделать их одинаково бессильными, они поддавались подкупу и ласкам и отдавали одним из своих вассалов предпочтение перед другими. Сначала это предпочтение выражалось, кажется, только в титуле Великого Князя; но скоро вассалы, отличенные таким образом, превратили это пустое отличие в настоящую власть, присвоив себе исключительное право прямых сношений с Ордою и заставляя младших князей платить им татарскую дань. Если какой-нибудь из князей отказывался признавать эту посредническую власть, великий князь легко мог раздавить его, представивши его в Орде бунтовщиком, который не платит своей дани. Вследствие подобного извета обвиняемый призывался в Орду в верховный суд, где процедура была чрезвычайно коротка и где великий князь всегда имел средства добиться решения в свою пользу.

Из всех князей, старавшихся таким образом усилить своё влияние, более всех успели князья Московские. Они

не имели в своём характере ничего рыцарского, ничего такого, чему мог бы симпатизировать строгий моралист, но они были щедро одарены хитростью, тактом, настойчивостью и не особенно тревожились упрёками совести. Они скоро заметили, что щедрья приношения в татарский дворец были вернейшим средством добиться милости; поэтому они жили скупо и отсылали свои сбережения в Орду. Чтобы укрепить за собою ханскую благосклонность, которою они, таким образом, заручились, они готовы были вступать в брак с дочерьми и сёстрами хана и ревностно действовать в качестве его наместников. Когда Новгород – надменная и безпокойная республика – отказался платить ежегодную дань, они усмирили возстание и наказали его вождей; а когда Тверские жители возстали против татар и принудили своего князя присоединиться к этому возстанию, хитрый москвитянин поспешил в татарский дворец и получил от хана возставшее княжество вместе с 50 000 татар для поддержания своей власти.

Таким образом, эти хитрые московские князья «любили татар безмерно», пока хан был несокрушимо могуч, но когда его власть ослабела, они выступили его соперниками. Когда Золотая Орда, подобно огромной империи, часть которой она некогда составляла, распалась, эти честолюбивые князья поняли признаки времени и стали во главе движения, сначала не имевшего успеха, но затем освободившего страну от ненавистного татарского ига.

Из этого беглаго очерка истории татарского владычества читатель может ясно видеть, что оно ни в каком случае не было татаризированием страны. Татары никогда не жили в собственной России и никогда не смешивались с русским народом. Пока они сохраняли свою полуязыческую, полубуддистскую религию, известное число их знатных людей переходило в христианство и поглощалось русским боярством; но как скоро Орда приняла ислам, это движение прекратилось. В этом случае не было того слия-

ния двух рас, которое произошло и ещё происходит между русскими крестьянами и финскими племенами на севере. Русские оставались православными, татары – магометанами, и это различие религии сделалось преградой между двумя национальностями.

Нужно, однако, согласиться, что, хотя татарское владычество мало подействовало на жизнь и привычки народа, оно имело глубокое и продолжительное влияние на политическое развитие нации. Во время завоевания Россия состояла из большого числа независимых княжеств, которые управлялись потомками Рюрика. Так как эти княжества не составляли географических или этнографических единиц, а были просто искусственными, произвольно созданными районами, которые дробились или соединялись согласно наследственным правам князей, то весьма вероятно, что они, во всяком случае, рано или поздно соединились бы под одним скипетром; но несомненно и то, что политика ханов ускорила это соединение и способствовала возникновению самодержавной власти. Если бы княжества соединились без постороннего вмешательства, то мы, вероятно, нашли бы в соединённой державе форму политической организации сходную с той, которая существовала в составных частях, то есть несколько смешанную форму правления, в которой политическая власть делилась бы более или менее между царём и народом. Татарское правление остановило это нормальное развитие, уничтожив всякую свободную политическую жизнь. Первые московские цари были политическими потомками не древних независимых князей, но татарских ханов. Поэтому можно сказать, что самодержавная власть, которая в течение последних четырёх столетий, без всякого сомнения, была самым важным фактором русской истории, создавалась до некоторой степени татарским владычеством.

Читатель теперь поймёт, почему этот предмет имеет более, чем простой исторический интерес. Положение

христиан при ханах Золотой Орды очень похоже на теперешнее положение христиан в Турции. Несколько времени после завоевания Россия управлялась так, как теперь Болгария; потом она получила автономию, подобно теперешней Сербской и Румынской; и наконец, достигла полной независимости. Таким образом, русские долго занимали передовое место в движении славянской эмансипации. Им пришлось первым из славянских народов подпасть татарскому игу и первым же освободиться. Они этого не забыли, и мы не должны удивляться, если они теперь сочувствуют тем единоплеменным народностям, которые стараются следовать их примеру. Эпиграмматическое замечание, что симпатия русскаго народа к Сербам и Болгарам есть не более как филологическое чувство, не может быть принято тем, кто знает историю Восточной Европы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

КАЗАКИ

Татарские набеги. — Невольничьи рынки в Крыму. — Военный кордон и вольные казаки. — «За порогами». — Запорожская Сечь в сравнении с Спартой и средневековыми рыцарскими орденами. — Казаки Донские, Волжские и Уральские. — Пограничные войны. — Теперешние казаки. — Землевладение у Донских казаков. — Переход от пастушеского быта к земледельческому. — «Универсальный закон» социального развития. — Общинная и частная собственность. — Розги как орудие выживания

Покорить татар было нелегко, но умиротворить их и установить среди их закон и порядок было делом гораздо большей трудности. Долго после того, как они потеряли свою политическую независимость, они сохраняли свой старый пастушеский образ жизни и безпокоили земледельческое население окраин точно таким же образом, как в настоящее время краснокожие беспокоят белых поселенцев в западных территориях Америки. Затруднения значительно увеличивались также вследствие того, что большая часть Орды, занимавшей Крым и степь на север от Чёрного моря, спаслась от завоевания, отдавшись под власть оттоманских турок и сделавшись данниками султана. Турки были в то время грозной наступательной силой, для успешной борьбы с которою Московские цари были слишком слабы, а Крымский хан мог всегда получить помощь из Константинополя, если бы его слишком стали теснить северные соседи. Этот государь пользовался номинальной

властью над пастушескими племенами, которые скитались по степи между Крымом и русской границей, но не имел ни силы, ни желания контролировать их воинственные наклонности. К тому же их набеги на русскую и польскую территории обеспечивали ему, не считая других выгод, правильное и обильное поступление на крымские рынки рабов, составлявших главный вывозной продукт из Кафы, нынешней Феодосии, и из других прибрежных гаваней.

Об этой невольничьей торговле, процветавшей до 1783 г., когда Крым был окончательно завоёван и присоединён к России, мы имеем живописный рассказ очевидца, литовского путешественника XVI столетия. «Корабли из Азии, – говорит он, – привозят крымским татарам оружие, одежду и лошадей и отправляются домой, нагруженные невольниками. Крымские рынки замечательны единственно этим видом торговли. Рабов можно всегда продать, заложить или подарить, а потому каждый, настолько богатый, чтобы иметь лошадь, торгует ими. Если человек желает купить платье, оружие или лошадей и у него нет в ту минуту рабов, он берёт эти предметы в кредит, сколько нужно, и даёт формальное обязательство доставить в назначенное время известное число людей нашей крови в уверенности, что за это время он успеет достать требуемое количество. Эти обязательства всегда аккуратно исполняются, словно люди, дающие их, всегда имеют у себя на дворе запас наших людей. Еврей-меняла, сидя у ворот Тавриды и видя постоянно, как вводят несметные толпы наших пленных соотечественников, спрашивал нас, осталось ли ещё сколько-нибудь людей в нашей стране и откуда берётся их такое множество. Более сильных из них, с клеймами на лбу и щеках, с связанными руками или закованных, мучат целый день тяжёлой работой, а на ночь запирают в тёмные клетки. Их жизнь поддерживается ничтожным количеством пищи, состоящей, главным образом, из мяса палых животных, гнилаго, покрытого червями, омерзительного

даже для собак. С женщинами, более нежными, обращаются иначе; те из них, которые умеют петь и играть, должны занимать гостей на пирах. Когда рабов выводят на продажу, они идут на рыночную площадь в один ряд, подобно журавлям во время полёта, целыми дюжинами скованными вместе за шею, и продаются там с аукциона. Аукционист громко выкрикивает, что они “самого последнего привоза, простодушные и нелукавые, только что взятые в плен из королевства (Польши), а не из Московии”, потому что московский народ, будучи коварен и лжив, не имеет высокой цены на рынке. Товар этого рода в Крыму оценивается по определённым правилам и покупается иностранными купцами для продажи более темнокожим нациям, как, например, сарацинам, персам, индийцам, арабам, сирийцам и ассирийцам. Когда покупка сделана, осматривают зубы, чтобы убедиться, что они все целы и не потеряли цвета. В то же время внимательно исследуются другия, более скрытые части тела, и если оказывается родимое пятно, нарост, рана или иной скрытый недостаток, то торг уничтожается. Но, несмотря на эти испытания, хитрые невольничьи торговцы и маклера успевают надуть покупателей, потому что, когда у них есть для продажи юноши и девушки, они не сейчас показывают их, но сначала откармливают, наряжают в шёлка и покрывают им щёки пудрой и румянами, чтобы взять дороже. Случается, что прекрасная девушка нашего племени идёт на вес золота. Это происходит во всех городах полуострова, но специально в Кафе*.

Чтобы защитить земледельческое население степи от этих хищных соседей, воровавших скот и похищавших людей, московские цари и польские короли строили укрепления, воздвигали палисады, рыли окопы и содержали правильный военный кордон. Полки, составлявшие кордон, назывались казаками, но это были не те казаки, которые так известны в истории и песнях. Настоящие «вольные

---

* Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum Fragmina. X., Basiliae, 1615.

казаки» жили позади границы, на спорной земле, лежавшей между двумя враждебными народами, и составляли там самостоятельные военные общины. На каждой из рек, текущих на юг, – на Днепре, Доне, Волге и Урале, – основались общины этих вольных казаков, и никто, ни христианин, ни татарин, не смел переходить на их территорию без их позволения. Официально они были русскими, признанными поборниками православного христианства и, за исключением поднепровских, – верноподданными царя; но в действительности они были нечто другое. Несмотря на то, что они были русскими по происхождению, языку и симпатиям, привычки похищать татарских женщин сообщили им известную примесь татарской крови. И хотя они были поборниками христианства и ненавистниками ислама, они очень мало беспокоились о религии и не поддавались духовным властям. Что касается до их политического состояния, то его нелегко определить. Признавая царя, они не считали нужным повиноваться ему, исключая тех случаев, когда его приказания согласовывались с их собственными удобствами. И царь, нужно в этом сознаться, относился к ним точно так же. Он называл их своими верными подданными, когда находил это удобным; а когда турки жаловались на их набеги, то он объявлял, что они не были его подданными, но беглыми и разбойниками, и что султан может наказать их, как ему вздумается. В то же самое время, однако, так называемые беглые и разбойники получали из Москвы припасы и амуницию, что вполне доказано недавно напечатанными документами. До половины XVII столетия Днепровские казаки стояли в таких же отношениях к польским королям, но затем освободились от Польши и сделались подданными московских царей.

Среди этих полунезависимых военных общин, составлявших непрерывный барьер вдоль южной и юго-восточной границы, самое важное место занимали Днепровские Запорожцы и Донские Казаки.

Главной квартирой или столицей Запорожцев был укрепленный лагерь на Днепре, ниже того пункта, где хребет подводных камней, лежащих поперёк русла реки, образует ряд порогов. Приближаясь к нему из степи, путешественник прежде всего вступал в посад или базар, где было значительное население, состоявшее из евреев-торговцев. На другом конце этого посада стояла укрепленная башня с большими воротами, за которыми лежало широкое открытое пространство, окружённое тридцатью восемью огромными деревянными сараями. В каждом из этих сараев помещался «курень», или казацкая рота, иногда заключающая в себе до 600 человек. Днём здесь собирались члены куреня за общим столом, и здесь же ночью они спали на полу. На открытом пространстве происходили общия собрания для ежегодного избрания атамана, или предводителя, и для решения всех важных вопросов, касающихся общественного благосостояния. Собрания были всегда бурные и иногда кончались кровопролитием, потому что Запорожцы плохо умели сдерживать себя и быстро мстили за обидное слово и другу, и недругу. Здесь также можно было видеть в обыкновенное мирное время небольшие группы казаков, – слишком часто, нужно признаться – в состоянии опьянения бродивших с своими любимыми «люльками» или лениво гревшихся на солнце, разговаривая о предполагаемых результатах рыболовного сезона или о задуманном набеге на татарские аулы. За этой площадью, которую можно было назвать форумом, находилась другая, поменьше, где помещалась общественная казна, резиденция атамана, – маленький скромный деревянный домик, похожий на крестьянский, – и церковь, посвященная Богородице. За ограды этих двух площадей никогда не позволялось вступать женщине.

Запорожскую республику сравнивали иногда с древней Спартой и с средневековыми рыцарскими орденами, но в сущности она имела совершенно другой характер. В

Спарте аристократы держали под игом большое население, состоявшее из рабов, и сами постоянно находились в строгом подчинении у республиканских властей. Днепровские казаки, напротив того, жили рыболовством, охотой и мародёрством и никогда не знали дисциплины, исключая военного времени. Среди всех обитателей Сечи – так назывался укрепленный лагерь – царствовало самое полное равенство. Известная поговорка: «Терпи, казак, атаманом будешь» – часто сбывалась, потому что каждый год лица, исполнявшие службу, слагали в присутствии всей Сечи свои служебные отличия и, поблагодарив «товариство» за честь, которою они пользовались, возвращались к своему прежнему положению простаго казака. Во время выборов, которые следовали за этой церемонией, каждый член Сечи мог быть избран главою своего куреня и каждый начальник куреня мог быть избран в атаманы.

Сравнение этих смелых пограничных жителей с средневековыми военными орденами не менее натянуто. Правда, они называли себя «лыцарями», – переделка русского слова «рыцарь», которое, в свою очередь, происходит от немецкаго «Ritter», – говорили о рыцарской «лыцарьской» чести и провозглашали себя иногда заступниками греческой веры против римскаго католицизма поляков и магометанства татар, но, в сущности, религия занимала в их уме самое второстепенное место. Главная цель их жизни заключалась в приобретении добычи. Чтобы достигнуть этой цели, они жили почти в непрерывной войне с татарами, отнимали у них скот, грабили их аулы, переплывали Чёрное море флотилиями, состоявшими из маленьких лодок, и разоряли важные приморские города, каковы, например, Варна и Синоп. Когда татарская добыча не давалась, они обращали своё внимание на славянское население, а когда их слишком стали теснить христианские государи, они, не задумавшись, отдались под покровительство султана.

Донские, Волжские и Уральские казаки имели несколько иную организацию. У них не было укрепленного лагеря, подобно Сечи, но они жили в селениях и собирались, когда того требовала необходимость. Так как они находились совершенно вне сферы польского влияния, то им не было ничего известно о «лыцарской чести» и тому подобных понятиях западного рыцарства. Они даже переняли много татарских обычаев и любили в мирное время щеголять богатыми татарскими костюмами. Кроме того, они почти все были переселенцы из Великороссии, и большей частью раскольники, между тем как запорожцы были украинцы и православные.

Эти военные общины оказали России драгоценную услугу. Самым лучшим средством для защиты южной границы было иметь в качестве союзников большую общину, ведущую такой же самый образ жизни и способную к тому же самому роду войны, как и кочевые мародёры. И такой общиной были вольные казаки. Чувство самосохранения и желание получить добычу держали их постоянно настороже. Разсылая по всем направлениям небольшие партии, «добывая языка», то есть забирая в плен и муча заблудившихся татар в надежде добиться от них признания, держа лазутчиков в неприятельской земле, они по большей части узнавали вперёд о всяком надуманном набеге. Когда угрожала опасность, обыкновенная предосторожности усиливались. Днём и ночью сторожили патрули на тех пунктах, где ожидали неприятеля, и как только замечали верные признаки его приближения, то приготавливали кучу осмолёных бочонков, чтобы зажечь их и дать тревогу. Сигналы быстро повторялись один за другим на пунктах наблюдения, и посредством этого первобытного способа телеграфирования через несколько часов весь округ поднимался вооружённым. Если нападающие были не очень многочисленны, их тотчас же атаквали и прогоняли назад. Если же их было слишком много и нельзя было сопротивляться им успеш-

но, им позволяли проходить, но посылали войско казаков грабить аулы в их отсутствие, между тем как в это время набиралось другое войско более сильное, чтобы остановить их, когда они будут возвращаться домой нагруженные добычей. Таким образом, много безымянных битв произошло в пустынной степи и многие доблестные люди пали, никем не почтенные и невоспетые.

«Illacrymabiles
Urgentur ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro»

Несмотря на эти драгоценные услуги России, казацкие общины были постоянным источником дипломатических затруднений и политических опасностей. Так как казаки обращали очень мало внимания на распоряжения правительства, то и доставляли султану достаточное количество поводов к войне и часто не прочь были обратить своё оружие против той власти, которой они обещали верное подданство. Так, в «смутное время», когда национальному существованию угрожала опасность от междоусобной войны и чужеземного нападения, они наводнили страну разбоями, грабежом и пожарами, как они делали это в татарских аулах. В позднейший период Донские казаки два раза производили страшные возстания, первое при Стеньке Разине (1670 г.) и второе при Пугачёве (1773 г.); а во время войны Петра Великого с Карлом XII Запорожцы перешли на сторону Шведского короля.

Правительство, естественно, старалось положить конец этой опасности и, наконец, достигло этого. Все казаки были лишены независимости, но судьба отдельных общин была неодинакова. Волжских казаков перевели на Терек, где у них было много дела в защите границы от набегов восточных кавказских племён. Запорожцы упрямо оставили свою «Днепровскую вольницу» и сопротивлялись

всякому вмешательству, пока, наконец, не были насильно разсеяны в царствование Екатерины II. Большая часть их ушла в Турцию, где ещё можно встретить их потомков, остальные поселились на Кубани, где могли вести свою старую жизнь, беспорядочно воюя с племенами западного Кавказа. После плена Шамиля и усмирения Кавказа это казачье население, простирающееся непрерывной линией от Азовского до Каспийского моря, успело обратиться к более мирным занятиям и теперь разводит пшеницу в большом количестве. Но они ещё сохранили свой воинственный дух, и некоторые из них жалеют о добром старом времени, когда стычка с черкесами была обычным приключением и когда возделывание почвы разнообразилось более интересным занятием. Исчезла поэзия их жизни, и самый грозный враг, с которым они могут теперь бороться, – это дикий кабан, живущий в чашах камыша, покрывающего низменные болотистые берега вод; но ещё свежи в их воспоминаниях тысячи поразительных приключений из пограничной войны. Много раз во время моих путешествий по этой стране ямщик разгонял скуку длинного пути, рассказывая мне замечательные случаи из своей собственной жизни. Черкесы, по-видимому, редко нападали на своих противников открыто, но старались незамеченными перейти границу, чтобы грабить земледельческое население в тылу; быстрота их движений при превосходном знании местности часто помогала им удачно исполнять это. Я видел много представителей обоих народов и мог оценить мудрость этой тактики, потому что лёгкие, проворные черкесы, как они ни храбры, не пара рослым, дюжим казакам в честном бою один на один, в котором вес тела играет большую роль. Нигде не встречал я, исключая, быть может, Черногории, таких великолепных образчиков человеческого рода, как среди этих гигантских, усатых потомков Запорожцев. Если ещё существуют какие-нибудь авторы школы Фенимора Купера, которые нуждаются в

материалах для рассказов об интересных приключениях, то я рекомендую им изучать русских и провести несколько месяцев в казачьих станицах по Тереку и Кубани.

Донским и Уральским казакам было позволено остаться в старых жилищах, но их лишили независимости и самоуправления, и их общественная организация была совершенно изменена. Бурные общия собрания, прежде решавшие все общественные дела, были уничтожены, а обычай избирать атамана и других должностных лиц по общему желанию заменился системою правительственного назначения согласно правилам, выработанным в Петербурге.

Эта перемена разрушила социальное равенство, которое в старое время было отличительной чертой этих общин. Офицеры и их семьи образуют теперь род наследственной аристократии, которая, благодаря царским пожалованиям, успела присвоить себе большую часть земли, бывшей прежде общественной собственностью. Простые казаки составляют теперь род конной милиции. Они обладают большим количеством плодородной земли и свободны от всяких прямых налогов; а взамен этих привилегий они обязаны содержать себя на свой счёт и служить на родине или в другом месте, смотря по указанию военного начальства. В мирное время большинство их оставляется на родине, и они покидают свои дома только на короткий срок, летом. Но значительная часть их требуется постоянно для действительной службы, и они встречаются во всех местах империи, от прусской до китайской границы. В азиатских провинциях их услуги неоценимы. Способные выносить неимоверную усталость и всевозможные лишения, они могут жить и процветать при таких условиях, которые скоро обезсилили бы регулярные войска. Они в величайшей степени обладают способностью приспосабливаться, вообще характеристической чертой русского народа. Очувтившись на самой отдалённой азиатской границе, они сейчас же превращаются в поселенцев, сами строят себе дома,

собирают жатвы и живут как колонисты, не забывая своих военных обязанностей. Если им нужен скот, они могут его «воровать» или в заграничной территории, или в стране, которую назначены защищать, – точь в точь, как делали их предки сто лет назад. Таким образом, они деятельно исполняют свою работу при самых малых издержках для императорской казны. Как принимается такая система местным населением, это другой вопрос. В окрестных провинциях я часто слышал жалобы народа, что казацкая защита, в сущности, слишком дорого стоит. Но, может быть, эти жалобы не заслуживают внимания, потому что народ повсюду встаёт против местных налогов и желает, чтобы они пополнились национальным капиталом.

Я слышал иногда, как военные люди утверждали, что казацкая организация есть учреждение обветшалое и что солдаты, которых она доставляет, как ни полезны они в центральной Азии, мало годятся для правильной европейской войны. Я не претендую решать, насколько это справедливо, потому что об этом предмете не имеет права говорить неспециалист, но я могу заметить, что сами казаки ни в каком случае не согласны с таким мнением. Они смотрят на себя как на самое ценное войско, каким только владеет царь, и верят в свою способность исполнить всё, что находится в пределах человеческой возможности, и ещё многое из того, что лежит вне этих пределов. Донские казаки не раз уверяли меня, что если бы во время Крымской войны царь позволил им оснастить флотилию из маленьких лодок, то они захватили бы английский флот, как их предки захватывали турецкия галеры на Чёрном море!

Во время моих путешествий по Земле Войска Донскаго я собрал некоторыя сведения относительно поземельной собственности и хочу теперь сообщить их читателю, потому что они интересны сами по себе и потому что они должны бросить свет на некоторыя первоначальныя ступени социального развития, особенно на странный обы-

чай периодического распределения общественной земли, о котором я говорил прежде.

В старья времена по всей территории Донских казаков земледелие воспрещалось под страхом смерти. Существует общее предположение, что эта мера была принята с целью сохранить воинственный дух обитателей, но такая гипотеза кажется мне крайне натянутой и совершенно невероятной. Огромное большинство казаков, питавшее отвращение ко всяким правильным трудолюбивым занятиям, хотело жить рыбной ловлей, охотой, скотоводством и мародёрством, но среди них всегда было значительное число переселенцев – беглых крепостных из внутренних губерний, которые привыкли жить земледелием. Эти последние не прочь были запахать плодородную девственную почву. Но если бы им позволили это делать, то они бы до некоторой степени испортили пастбища. Я убеждён, что в этом заключалась настоящая причина вышеупомянутого запрещения, и этот взгляд сильно подтверждается аналогичными фактами, которые я наблюдал в другой местности. В Киргизской степи беднейшие обитатели пограничных аулов, которые вовсе не имеют скота или имеют очень мало, сдают часть общественной земли соседним русским крестьянам для обработки. Но более зажиточные обитатели, владеющие стадами и табунами, сильно противятся этому движению и, разумеется, запретили бы его, если бы имели власть, потому что всякое расширение земледельческого района совершается на счёт пастбищ.

Какова бы ни была настоящая причина запрещения, практическая необходимость, доказанная долгим опытом, была слишком сильна. Когда народонаселение увеличилось и мародёрство стало делом менее успешным, большинство должно было победить своё отвращение к земледелию, и скоро появились большие полосы вспаханной земли или волнующияся нивы вокруг «станец», как называются казачьи селения. Сначала не было попыток регулировать этот

новый род пользования «общественным полем» (*ager publicus*). Каждый казак, желавший собирать хлеб, пахал и сеял там, где находил удобным, и удерживал за собой землю, присвоенную таким образом, сколько ему хотелось; а когда земля начинала показывать признаки истощения, он покидал своё поле и пахал в другом месте. Но это беспорядочное пользование общественным достоянием не могло продолжаться долго. Когда число земледельцев увеличилось, стали подниматься ссоры, иногда кончавшиеся кровопролитием. Началось ещё худшее зло, когда в окрестностях появились рынки и стало возможно продавать хлеб для вывоза. В некоторых станицах более зажиточные семьи пользовались огромным количеством общественной земли, обрабатывая её посредством нескольких упряжек волов или нанимая крестьян из ближайших сёл; и вместо того, чтобы оставлять землю после двух или трёх сборов, они продолжали владеть ею и стали считать её своею частною собственностью. Таким образом, целая масса пахотной земли, или по крайней мере ея лучшая части, сделались фактически, если не легально, частной собственностью немногих семей, между тем как менее энергичные или менее счастливые обитатели станицы имели только клочки сравнительно бесплодной земли или совсем никакой не имели и снизошли до положения земледельцев-работников.

Если бы это случилось в английской колонии или вообще там, где господствует административная система *laissez faire*, общественная земля этим путём была бы обращена в постоянную частную собственность, а те, которые не сделались собственниками, были бы принуждены снискивать себе пропитание в качестве слуг или куда-нибудь переселиться. В казачьей станице были важныя препятствия для такого исхода дела. Безземельные члены общины не могли переселяться, потому что они были практически прикованы к местности военной организацией, и им необходимо было иметь какую-нибудь собственность, чтобы приобретать

себе всё нужное для военной службы и содержать семью во время своего отсутствия. Фактически они находились в аномальном положении феодалных вассалов, обязанных нести военную службу, но лишённых земли, необходимой для исполнения их обязанностей, естественно, они стали роптать на монополистов, которые лишили их собственности. Так как недовольство вело к серьёзным беспорядкам, то пришлось искать средств против него. Сперва были испробованы примирительные меры – община, ответственная перед правительством за число людей, требуемых для действительной службы, стала снабжать всем необходимым тех, которые были слишком бедны, чтобы сделать это на свой счёт. Но это не удовлетворило безземельных казаков. Они справедливо жаловались, что несут такие же тяготы, как и те, которые владеют землёй, и что, следовательно, они должны пользоваться такими же привилегиями. В них ещё был силён старый дух общественного равенства, и они, в конце концов, успели настоять на своих правах. Согласно их требованиям, община конфисковала присвоенную землю, и была введена система периодического передела земли – система, которую я уже описывал. По этой системе каждый взрослый мужчина владеет участком земли.

Способ передела не во всех местностях одинаков. Вот, например, какой порядок практикуется в Казанской станице. Вся пахотная земля, за исключением части, сохраняемой для малолетних, делится на участки, соответствующие числу ревизских душ, достигнувших семнадцатилетнего возраста. Это распределение делается на шестилетний срок. Те, которые достигнут семнадцати лет в течение этого периода, получают часть из запасной земли. Вдовы получают количество соответствующее числу их малолетних детей мужеского пола: те, у которых менее трёх детей, получают половину участка; те, у которых трое, получают весь участок; и те, у которых более трёх, получают два участка. Каждый член, как скоро он получает свой участок, впра-

ве распоряжаться им как хочет; один обрабатывает его для себя, другой сдаёт его в аренду на год, третий отдаёт его соседям, с условием получать часть продуктов. Некоторые богатые семьи обрабатывают большие пространства земли, потому что всегда находится много лиц, желающих продать право пользования своим участком. Семья может покупать участки на всё время до нового передела и соединять их в одну часть. Вследствие этого являются землевладельцы, которые на деле безземельны, но у них нет основания для жалоб, потому что они добровольно передают своё право и будут надлежащим образом возстановлены в нём только при следующем общем переделе.

Теперь позвольте мне объяснить, каким образом эти факты могут бросить свет на некоторые тёмные вопросы социального развития на его первых ступенях.

Исследования относительно первобытных учреждений, сделанные недавно сэром Гэнри Мэном, Лавелэ и др.*, дают основание предполагать, что все народы, в один и тот же период своей истории, имели сельские общины, подобные тем, какая ещё существуют в России. «Мы можем теперь доказать, – говорит Лавелэ**, – что такие общины существовали среди самых различных народов, – у древних германцев и в древней Италии, в Перу и Китае, в Мексике и в Индии, у скандинавов и арабов, – и что везде они имели те же самые характеристические особенности. Таким образом, находя это учреждение во всех странах и у всех народов, мы можем считать его необходимой фазой в развитии общества и видеть в нём род универсального закона, управляющего развитием всех форм поземельной собственности».

Если мы возьмём теперь факты, приведённые мною в связи с тем, что я говорил в одной из предыдущих глав от-

* В числе последних исследований по этому вопросу укажем на брошюру, которая должна обратить на себя внимание лиц, интересующихся этим предметом. Это труд г. Ковалевскаго: *Очерк распада общинного землевладения в кантоне Ваадт*. Лондон, 1876.

** *De la propriété et de ses forms primitives*. Paris, 1874.

носителем перехода от пастушеского быта к земледельческому, то они помогут нам, как мне кажется, понять эту особенную фазу социального развития и тот «универсальный закон», на который указывает Лавелэ.

До тех пор, пока сельская община ведёт чисто пастушескую жизнь и обладает изобильным количеством земли, нет разумных оснований, чтобы индивиды или семьи, из которых состоит община, разделяли землю на частные доли, и есть очень важные причины, чтобы они не принимали такого порядка. Для того чтобы придать разделению земли какое-нибудь практическое значение, необходимо построить ограды, а эти ограды, требующие огромной затраты труда, оказались бы только бесполезной помехой, потому что гораздо удобнее, чтобы все овцы и лошади паслись вместе. Если пастбища недостаточны и среди семей появляется столкновение интересов, то пользование общественной землёй регулируется не воздвиганием оград, а просто ограничением количества скота, которое каждая семья имеет право пускать на пастбище, как это делается в настоящее время во многих русских сёлах. Когда кто-нибудь желает держать скот свыше назначенного *maximum'a*, то платит за это другим известное вознаграждение. Таким образом, мы видим, что в пастушеской жизни разделение общественной земли не является необходимым и своевременным и, следовательно, нет вероятности, чтобы возникла частная поземельная собственность.

С началом земледелия среди семей, составляющих общину, появляется стремление делить землю, потому что каждая семья, живущая земледелием, нуждается в определённом участке земли. Если почва удобная для земледелия имеется в изобилии, то каждый глава семейства может взять в своё владение столько земли, сколько ему нужно, как это прежде делалось в казачьих станицах и как ещё и теперь делается в некоторых русских поселениях Сибири; если же, напротив, количество пахотной земли невелико, как было

в некоторых башкирских аулах, то происходит регулярное распределение ея между семьями.

С стремлением разделять землю на определённые участки является столкновение принципов общественной и частной собственности. Те, которые получили определённые участки земли, по большей части удерживают её и передают своим потомкам. Но в стране, подобной степи, – а собственно, только о такой стране я теперь и говорю, – природа почвы и система земледелия противятся этому превращению простого владения в право собственности. Поле обыкновенно обрабатывается только три или четыре года сряду. Потом оно оставляется, по крайней мере, на двойной срок против этого, и земледельцы передвигаются на какую-нибудь другую часть общественной территории. По прошествии известного срока они, разумеется, возвращаются к старому участку, который всё это время оставался необработанным; но так как почва совершенно одинакова по качеству, то семья или отдельные личности не имеют причины добиваться именно того участка, которым владели прежде. При таких обстоятельствах нельзя предположить, чтобы установился принцип частной поземельной собственности; каждая семья настаивает скорее на владении известным *количеством*, чем известным *участком* земли, и довольствуется правом пользования, между тем как право собственности остаётся в руках общины; при этом не нужно забывать, что разница между пользованием и собственностью имеет здесь огромное практическое значение, потому что до тех пор, пока община удерживает за собою право собственности, она может переделывать землю таким способом, какой находит удобным.

Когда народонаселение возрастает и земля становится менее изобильною, вышеприведённый первобытный способ земледелия уступает место другому, менее первобытному, известному под именем «трёхпольной системы». По этой системе земледельцы не переходят периодически с одного

места общинной территории на другое, но возделывают постоянно одне и те же поля и обязаны удобрять участки, ими занимаемые. Принцип общинного владения редко переживает эту перемену, потому что, благодаря долгому владению, семьи приобретают право давности на обрабатываемые ими участки, а те, которые хорошо унавозили свою землю, естественно, не соглашаются переменить её на плохо содержавшиеся участки беспечных соседей. В России, впрочем, эта перемена не разрушает принципа общинного владения. Хотя трёхпольная система практикуется уже несколькими поколениями в центральных губерниях, однако общинный принцип, с его периодическим переделом земли, всё ещё остаётся нетронутым.

Я охотно занялся бы здесь рассмотрением этого любопытного явления, отличающего Россию от других стран Западной Европы, но это предмет, о котором необходимо говорить довольно долго, а я боюсь, что терпение читателя уже истощено предыдущим изложением. Поэтому возвратимся к Донским казакам.

Для человека, изучающего социальное развитие, прошлая история и настоящее положение донских казаков представляет много интересного и поучительного. Он увидал бы, например, как создаётся аристократия благодаря военным повышениям и как может крепостничество развиться и стать признанным учреждением без всякого законодательного акта. Если он интересуется особенными проявлениями религиозной мысли и чувства, он найдёт здесь богатое поле для исследований в безчисленных религиозных сектах; если он собиратель оригинальных старинных обычаев, у него и тут не будет недостатка в занятиях.

В виде иллюстрации расскажу здесь об одном интересном обычае, который только недавно вывелся из употребления. Так как казаки знали очень мало о размежевании земли и ещё меньше о её регистрации, то точная граница между двумя смежными «юртами» – так назы-

вается общественная земля станицы – часто оставалась в полной неизвестности и бывала обильным источником споров. Раз граница определялась, её утверждали следующим любопытным способом. Собирали всех мальчиков из двух станиц и гнали их как овец к промежуточной границе. Сюда собиралось всё народонаселение, и на каждой меже нескольких мальчиков основательно секли, а затем позволяли им бежать домой! Это делалось в надежде, что жертвы будут помнить до конца жизни то место, где они получили свою незаслуженную кару. Хитрость, как меня уверяли, оказывалась очень действительной, но не всегда вполне успешной. Оттого ли, что наказание производилось недостаточно строго, или от какого-нибудь другого порока в методе, иногда случалось, что впоследствии возникали споры и что высеченные мальчики, уже ставшие взрослыми, давали повод к столкновениям. В таких случаях принималась следующая мера. Выбирали в качестве посредника самого старейшаго из обитателей и заставляли его поклясться над Евангелием, что он будет действовать честно по своему крайнему разумению; затем, взявши в руки икону, он шёл по тому месту, где, по его убеждению, должна была находиться старая граница. Ошибался он или нет, его решение принималось обеими сторонами и считалось окончательным. Этот обычай существовал в некоторых станицах до 1850 г., когда наконец границы были ясно обозначены правительственными чиновниками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ИНОСТРАННЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В СТЕПИ

Степь. — Разнообразие племён, наречий и религий. — Немецкие колонисты. — В какой степени русские подражательный народ. — Менониты. — Климат и лесоводство. — Болгарские поселенцы. — Греки, говорящие по-татарски. — Евреи-земледельцы. — Обрусение. — Черкесский шотландец. — Численность иностранного элемента. — Его общественное и политическое значение

В Европейской России борьба земледелия с кочевым варварством стала теперь делом прошлого, и плодоносная степь, служившая в продолжение многих столетий полем битвы для арийских и туранских племён, присоединена к владениям царя. Кочевья племена были частью изгнаны, частью подверглись процессу полного «замирения», а территория, которую они так долго и так упорно отстаивали, теперь покрыта сёлами и возделывается трудолюбивыми земледельцами.

Проезжая по этой стране, обыкновенный турист найдёт мало интереснаго для себя. Он не увидит ничего, что могло бы иметь претензию на живописность, и пропутешествует несколько дней, не имея никакого повода сделать заметку в своей записной книжке. Однако, если он случайно окажется этнологом или лингвистом, он может найти занятие, потому что встретится с остатками самых многообразных племён и с разнообразными чужеземными наречиями, которых хватило бы для испытания способностей многоязычнаго Медзофанти.

Это этнологическое разнообразие есть результат политики, впервые принятой Екатериною II. Пока южная граница России подвигалась вперёд, медленно прибавлявшаяся территория обыкновенно наполнялась русскими крестьянами из центральных губерний, которые стремились получить более земли и более свободы, чем та, которою они пользовались в своих родных сёлах. Но в «славный век Екатерины» граница подвинулась вперёд так быстро, что прежнего способа свободного переселения было уже недостаточно для того, чтобы заселить присоединённую территорию. Поэтому императрица прибегла к организованному переселению людей из чужих стран. Ея дипломатическим агентам было приказано употреблять всевозможныя усилия, чтобы побудить ремесленников и крестьян переселяться в Россию; в помощь стараниям дипломатов были посланы и специальные агенты. Тысячи людей принимали приглашение и были поселены большей частью на той земле, которая ещё недавно служила пастбищем кочевых орд. Эта политика была принята также последующими государями и продолжалась, с перерывами, до настоящего времени. Вследствие этого южная Россия представляет теперь такое разнообразие племён, какого, может быть, не найдётся нигде в Европе. Официальная статистика одной Новороссии – то есть губерний Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской – насчитывает следующие национальности: великороссов, малороссов, поляков, сербов, черногорцев, болгар, молдаван, немцев, англичан, шведов, швейцарцев, французов, итальянцев, греков, армян, татар, мордву, евреев и цыган. Религии почти так же многочисленны. Статистика говорит о греко-православных, римско-католиках, армяно-грегорианах, лютеранах, кальвинистах, англиканцах, менонитах, сепаратистах, пиетистах, евреях-караимах, евреях-талмудистах, магометанах и о многочисленных русских сектах, каковы молокане и скопцы. Сама Америка едва ли может показать такую пёструю страницу в статистике своего народонаселения.

Надо, однако, сказать, что этот список, хотя он буквально верен, не даёт истинного понятия о действительном народонаселении. Большая часть обитателей – русские и православные, между тем как различные перечисленные национальности состоят из небольшого числа людей, из которых некоторые, как, например, французы, встречаются исключительно в городах. Но и в сельском народонаселении разнообразие ещё очень велико. Так, я в течение трёх дней при самых первобытных способах передвижения посетил однажды колонии: греческую, немецкую, сербскую, болгарскую, черногорскую и еврейскую.

Из всех чужеземных поселенцев немцы многочисленнее других. Цель правительства, приглашавшего их селиться в стране, заключалась в том, чтобы они возделывали незаселённую землю и, следовательно, увеличивали национальное богатство и чтобы они в то же время цивилизирующим образом влияли на соседних русских крестьян. В последнем отношении колонистам совершенно не удалось исполнить свою миссию. Русское селение, расположенное среди немецких колоний, не выказывает, насколько я мог заметить, признаков немецкого влияния. Каждая национальность живёт *more majorem* и имеет с другой так мало сношений, как только возможно. Мужик внимательно наблюдает – потому что он очень любопытен – образ жизни своих ближайших соседей, но никогда не думает им подражать. Он смотрит на немцев почти как на существ другого мира, как на удивительно хитрый и замысловатый народ, наделённый провидением особенными качествами, которых не имеет обыкновенное православное человечество. Он считает естественным, что немцы живут в больших, светлых, хорошо устроенных домах, точно так же, как естественно, что птицы выют себе гнёзда; и как человеку, вероятно, никогда не приходило в голову вить гнёзда для себя и своей семьи, так и русский крестьянин не думал строить себе дома по немецкому образцу. Немцы – немцы, а русские – русские, – вот и всё тут.

Этот упорно-консервативный дух крестьян, живущих по соседству с немцами, доказывает несостоятельность часто повторяемого и всюду принимаемого уверения, будто русские народ подражательный, сильно склонный перенимать манеры и обычаи всяких иностранцев, с которыми он приходит в столкновение. Говорят, что русский меняет национальность так же легко, как платье, и чувствует великое удовлетворение, когда обладает признаками чужой народности; но здесь мы имеем важный факт, который, по-видимому, доказывает противное.

Истина заключается в том, что мы должны в этом случае отличать лиц привилегированного класса от крестьян. Первые особенно склонны перенимать иностранные манеры, костюмы и учреждения; крестьяне, напротив, как и везде, решительно консервативны. Не следует, однако же, предполагать, что это происходит от различия расы. Подобно всякому другому народу, русские сильно консервативны до тех пор, пока остаются при том, что можно назвать их первобытным нравственным складом, – то есть пока внешние обстоятельства не столкнут их с обычной традиционной колеи. Дворяне были давно выбиты из старой колеи царём-реформатором и с тех пор постоянно метались из стороны в сторону благодаря чужеземным влияниям, так что они никогда не могли пробить себе новую колею. Таким образом, они легко вступают на всякий новый путь, который считают полезным или приятным. Большая масса народа, напротив того, была слишком тяжеловесна для того, чтобы оторвать её, таким образом, от руководящего влияния привычки и традиции, и потому она ещё полна консервативного духа.

В подтверждение этого взгляда я могу привести два факта, часто привлекавшие моё внимание. Первый из них тот, что молокане постепенно уступают немецкому влиянию; становясь еретиками в религиозном отношении, они освобождаются от самых крепких уз, привязывающих их к прошлому, и скоро становятся еретиками и в мирских

делах. Второй факт тот, что даже православные крестьяне, поставленные обстоятельствами в какую-нибудь новую сферу действительности, охотно перенимают всё, что им кажется полезным. Возьмём для примера крестьян, которые оставляют земледелие и принимаются за промышленные предприятия; очутившись, так сказать, в новом мире, где неприменимы их старая традиционные воззрения, они, не колеблясь, усваивают чужеземные понятия и чужеземные изобретения. И раз вступивши на этот путь, они являются более смелыми новаторами, чем немцы. Одинаково свободные как от пут наследственных представлений, так и от благоразумия, порождаемого опытом, они часто дают полную волю своему импульсивному характеру и легко решаются на самые рискованные спекуляции.

Поразительный контраст, представляемый немецкой колонией и русской деревней, находящимися в непосредственной близости одна от другой, часто приводился как доказательство превосходства тевтонской расы над славянской, а чтобы сделать контраст ещё ярче, брали обыкновенно менонитские колонии в качестве представителей немцев. Не входя здесь в сферу общих разсуждений, я должен заметить, что такой способ аргументации едва ли можно признать добросовестным. Менониты, жившие прежде в окрестностях Данцига и эмигрировавшие из Пруссии, чтобы избежать воинской повинности, принесли в своё новое отечество большой запас полезных технических сведений, значительные капиталы и получили гораздо большее количество земли, чем то, каким владеют русские крестьяне. Кроме того, они пользовались до самого последнего времени многими важными привилегиями. Они были избавлены от военной службы и почти совершенно свободны от налогов. Их владения пришлись на самых хороших местах. В материальном и моральном отношении они стояли гораздо выше большинства обыкновенных немецких поселенцев, точно так же, как эти последние стояли выше своих русских

соседей. Даже в самых богатых округах Германии их благосостояние должно было бы обратить на себя внимание. Сравнивать этих богатых, привилегированных, благовоспитанных фермеров с бедными, обременёнными налогом, необразованными крестьянами и выводить отсюда заключение о способностях обеих рас, это такая очевидная нелепость, что не заслуживает дальнейших комментариев.

Утомлённому путешественнику, прожившему несколько времени в русских сёлах, такая менонитская колония покажется земным раем. В маленькой ложине, где-нибудь возле воды, он вдруг находит длинный ряд домов с высокими кровлями, наполовину скрытых за деревьями. Деревья окажутся при более близком изследовании просто молодыми отводками, но после длинного путешествия по голой степи, где нет ничего похожего на дерево или куст, даже такая скудная листва кажется особенно привлекательной. Дома большие, хорошо устроенные и содержатся в таком порядке, что кажутся всегда новыми. Комнаты убраны просто, без всяких претензий на элегантность, но щепетильно чисты. К дому примыкают хлев и конюшня, которых не постыдилась бы образцовая ферма Германии или Англии. Перед домом находится обширный двор, который имеет такой вид, как будто его метут несколько раз в день, а позади – сад, достаточно наполненный овощами. Фруктовых деревьев и цветов здесь не особенно много, потому что климат неблагоприятствует их культивированию. Обитатели – простые, честные, степенные люди с несколько неподвижным умом и равнодушные ко всему, что лежит за узкими пределами их собственного маленького мирка, но довольно остроумные в делах, которых они считают достойными своего внимания. Являясь к ним в качестве иностранца, вы найдёте приём их несколько холодным, потому что они необщительны, осторожны, недоверчивы и не особенно любят вступать в сношения с людьми, не принадлежащими к их секте. Но если вы можете говорить с ними на их родном языке и разсуждать о

религиозных предметах в евангельском тоне, вы легко победите их принуждённость и несообщительность. Такая деревня не совсем удобна для продолжительного пребывания, потому что строгий порядок и симметрия, которые господствуют повсюду, скоро становятся невыносимыми для каждого, у кого нет в жилах голландской крови^{*}; но как временное место отдохновения в течение путешествия по степи, когда путник жаждет встретить хоть немножко чистоты и комфорта, она очень приятна. Может быть, вследствие этого, называя менонитскую деревню маленьким земным раем, я должен бы был прибавить – голландским.

Тот факт, что менониты и некоторые другие немецкие колонисты успели развести несколько хилых деревьев, внушил некоторым плодовитым умам идею, что посредством лесоводства в больших размерах можно бы противодействовать господствующей сухости климата, составляющей главное затруднение, с которым приходится бороться земледельцу этой местности. Этот проект, несмотря на то, что им серьёзно занимался один из министров его величества, должен показаться крайне непрактичным всякому, кто знает, скольких трудов и издержек стоило поселенцам создать эту приятную тень, которую они любят наслаждаться в свободное время. Если на климат вообще и действует существование или несуществование лесов, – вопрос, относительно которого учёные, кажется, не вполне согласны, – то сколько-нибудь значительное увеличение дождей может быть произведено только лесами огромных размеров, а нелепо воображать, что такие леса можно развести искусственно в южной России.

После менонитов и других немцев заслуживают небольшого замечания болгарские поселенцы. Они поселились в этой стране только несколько лет тому назад на той земле, которую оставили ногайские татары, ушедшие в Тур-

^{*} Менониты первоначально были голландцы. Они переселились в Пруссию в XVI или XVII столетии, с того времени забыли свой природный язык, но у них сохранилась среди других характеристических признаков любовь к порядку и симметрии.

цию после Крымской войны. Их селения имеют вследствие этого ещё несколько голый, неоконченный вид, но жители, кажется, уже находятся на пути к благоденствию. Если я могу судить об их положении по одному торопливому посещению, то должен сказать, что в земледелии и домашнем своём быту они не очень далеко отстали от большинства немецких поселенцев. Их дома, правда, невелики, так невелики, что болгарский домик весь может поместиться в одной менонитской комнате, но вокруг них заметны чистота и комфорт, которые сделали бы честь и немецкой хозяйке. Несмотря на всё это, я без труда заметил, что болгары вовсе не радуются своему новому отечеству. Причина их недовольства, насколько я мог заключить по нескольким лаконическим замечаниям, слышанным от них, кажется, следующая. Поверивши сильно прикрашенным описаниям агентов, убеждавших их переменить правление султана на владычество царя, они пришли в Россию в ожидании найти там плодоносную и прекрасную обетованную землю. Но вместо страны, текущей млеком и мёдом, они увидели голую степь, где даже воду можно было добывать только с великим трудом, где не было тени, чтобы спастись от летнего зноя, и ничего, что могло бы служить защитой от пронзительных северных ветров, которые часто проносятся над этими открытыми равнинами. Так как не было сделано соответствующих распоряжений для их приёма, то они прожили первую зиму у немецких колонистов, которые, как люди свободные от всяких славянофильских симпатий, были, вероятно, не особенно гостеприимны к своим непрошенным гостям. К довершению своего разочарования они узнали, что не могут культивировать винограда и что их нежный душистый табак, составлявший для них жизненную потребность, можно получать только по очень высокой цене. Они были так неутешны в этом жестоком разочаровании, что во время моего посещения говорили о возвращении на свои старые пепелища в Турции. Переменились ли

их взгляды на этот предмет вследствие последних происшествий на их родине, – этого я не мог узнать.

Как пример менее благосостоятельных колонистов я могу привести греков, говорящих по-татарски, в окрестностях Мариуполя, на северном берегу Азовского моря. Их предки жили в Крыму под властью татарских ханов и переселились в Россию при Екатерине II, прежде чем Крым был присоединён к Русской империи. Они почти совершенно забыли свой старый язык, но сохранили старую веру. Усваивая татарский язык, они несколько усвоили и татарскую лень, и апатию, и естественное последствие этого то, что они бедны и невежественны. Мне кажется, что они имеют поразительное сходство с так называемыми крымскими татарами, и вследствие этого я склонен думать, что эти последние, собственно говоря, вовсе не татары, но эллины, принявшие язык и религию своих завоевателей.

Но из всех поселенцев этой страны самые бедные – евреи. Избранный народ, конечно, весьма интеллигентная, промышленная, воздержная раса, и в делах покупки, продажи и мены они не имеют себе соперника среди всех народов земли; но они слишком давно привыкли к городской жизни, чтобы быть хорошими земледельцами. Еврейские поселения в южной России были основаны в виде опыта, чтобы увидеть, можно ли оторвать израильянина от его традиционных занятий и сделать тем, что экономисты называют производительной частью общества. Опыт не удался, и нетрудно отыскать причину этой неудачи. Стоит только взглянуть на этих людей, с худощавыми лицами и развалистой походкой, и их дырявыми туфлями и черными изношенными кафтанами, доходящими до пят, чтобы понять, что они здесь – вовсе не в своей сфере. Их дома находятся в самом жалком состоянии, и их деревни напоминают мерзость запустения, о которой говорил пророк Даниил. Большая часть их земли оставлена необработанной или сдана поселенцам другой расы. Тот маленький доход, который они имеют, до-

бывается, главным образом, промыслами более или менее таинственного характера.

Как Скандинавия называлась *officinal gentium*, мастерской, в которой производились новые нации, – так Россию мы можем считать мастерской, где плавятся обломки старых наций, чтобы составить новое сложное целое. Должно признаться, впрочем, что процесс сплавления только что начался.

Национальные особенности не сглаживаются в России так быстро, как в Америке или британских колониях. В Соединённых Штатах я часто видал немцев, проживших в стране только несколько лет, которые усиленно старались быть американцами, смешно преувеличивая особенности американских манер, объясняясь предпочтительно перед своим родным языком на варварском жаргоне, который они считают английским, шумно изъявляя свою любовь к американским учреждениям и готовые принять за обиду всякое сомнение в том, что они настоящие граждане великой республики. Среди немецких поселенцев России я никогда не видел ничего подобного. Если бы даже их отцы и деды родились в новой отчизне, они сочтут для себя оскорблением название русских. Они смотрят на русских крестьян сверху вниз, как на бедных, невежественных, ленивых и безчестных, боятся чиновной тирании и насилия, ревниво сохраняют свой язык и обычаи, редко говорят хорошо по-русски, иногда совсем не говорят, и никогда не вступают в брак с теми, от которых они отделены национальностью и религией. Русское влияние, впрочем, действует сильнее на славянских колонистов – сербов, болгар, черногорцев, которые исповедуют греко-православную веру, легче изучают русский язык, близко родственный их собственному, не имеют сознания, что принадлежат к культурной нации, и вообще обладают природой более гибкой, чем тевтонская.

Правительство в настоящее время старается ускорить процесс сплавления, отбирая привилегии, дарованные коло-

нистам, и уничтожая особую администрацию, под которой они состояли. Эти меры – в особенности военная повинность – могут, пожалуй, впоследствии уменьшить крайнюю обособленность немцев; юноша, служа в армии, выучится, по крайней мере, русскому языку и может несколько проникнуться русским духом. Но в настоящее время эта новая политика возбудила сильное враждебное чувство и значительно усилила дух обособленности. В каждом немецком поселении можно услышать жалобы на русскую тиранию и нелестные замечания насчёт русского национального характера. Менониты считают себя особенно обиженными этими так называемыми реформами. Они пришли в Россию, чтобы избавиться от военной службы, в полной уверенности, что будут от нея избавлены навсегда, а теперь их принуждают действовать против религиозных правил своей секты. Таков повод, с которым они обращались к правительству с представлениями; но у них есть ещё другое, может быть, более важное основание против предполагаемых перемен. Они чувствуют, как признавались мне многие из них, что, если бы барьер, отделяющий их от остального населения, был каким-нибудь образом разрушен, они не могли бы далее сохранять ту суровую пуританскую дисциплину, которая теперь составляет их силу. Вследствие этого, несмотря на то что правительство готово было сделать важные уступки, сотни семейств уже продали своё имущество и переселились в Америку; это переселение ещё продолжается. Во время посещения менонитских колоний в 1872 и 1873 гг. я слышал от влиятельных членов братства, что по крайней мере половина менонитского населения хочет покинуть страну и искать нового отечества на далёком западе. Движение, естественно, пробудило их религиозный энтузиазм, начинавший постепенно засыпать под влиянием продолжительного благоденствия. Ещё раз напомнило им провидение, что, пока они живут в мире, они не свободны от него и что они должны быть всегда готовы терпеть за свою веру.

Очень возможно, что при новой системе администрации колонисты, исповедующие вместе с русскими греко-православную веру, могут быстро обрусеть; но я убеждён, что другие будут ещё долго противиться всякому ассимилированию. Греческое православие и протестантский сектарианизм так радикально расходятся между собою по духу, что их последователи не входят в смешанные браки; а без смешанных браков невозможно двум национальностям слиться в одну.

Как пример этнологических курьёзов, на которые может неожиданно натолкнуться путешественник в этой любопытной стране, я могу упомянуть о странном знакомстве, которое я сделал во время путешествия по огромной равнине, простирающейся от Азовского до Каспийского моря. Однажды я случайно заметил на своей дорожной карте имя «Шотландская колония» близ знаменитых Пятигорских вод. Я находился в это время в Ставрополе, лежащем миль за восемьдесят к северу от этого пункта, и не мог получить никаких удовлетворительных сведений о том, что это была за колония. Некоторые сведующие люди уверяли меня, что она была действительно тем, на что указывало её название, между тем как другие с такой же уверенностью утверждали, что это просто маленькое немецкое поселение. Чтобы разъяснить дело, я решился сам посетить это место, хотя оно лежало мне не по пути, и, согласно этому решению, очутился в одно прекрасное утро в этом селении. Первые встреченные мною обитатели были, несомненно, немцы, которые объявили мне, что ничего не слыхали о существовании шотландцев в этой местности ни теперь, ни в прежние времена. Это было разочарованием, и я уже готов был повернуть назад и уехать, когда подошёл молодой человек, оказавшийся содержанием школы, и, узнавши, что мне нужно, посоветовал обратиться к старому черкесу, который жил в конце селения и был хорошо знаком с местной стариной. Отправившись к указанному дому, я нашёл почтенного старика с прекрасны-

ми правильными чертами черкесского типа, черными, как уголь, сверкающими глазами и длинной седой бородой, которая сделала бы честь патриарху. Я вкратце объяснил ему по-русски цель моего посещения и спросил его, не знает ли он каких-нибудь шотландцев в округе.

– А зачем вам? – отвечал он тоже по-русски, устремивши на меня свои острые, сверкающие глаза.

– Потому что я сам шотландец и надеялся встретить здесь соотечественников.

Предоставляю читателю вообразить моё изумление, когда в ответ на это он произнёс чисто по-шотландски:

– О, ведь и я шотландец! Моё имя Джон Эберкромби. Слыхали вы когда-нибудь о Джоне Эберкромби, знаменитом Эдинбургском враче?

Я был сильно смущён этим необыкновенным заявлением. Мне было известно имя д-ра Эберкромби как практического врача и писателя по психологии, но я знал, что он давно умер. Несколько оправившись от своего смущения, я осмелился заметить загадочной особе, находившейся передо мной, что, хотя он говорит, несомненно, по-шотландски, его лицо также, несомненно, черкесское.

– Прекрасно, прекрасно, – отвечал он, явно наслаждаясь моим недоумевающим видом, – вы не совсем ошибаетесь. Я черкесский шотландец.

Это необычайное признание не уменьшило моего смущения, так что я попросил своего нового знакомого быть немного точнее, и он тотчас же исполнил мою просьбу. Его длинную историю можно передать в нескольких словах.

В начале нынешняго столетия в Россию явилась партия шотландских миссионеров, желавших обращать черкесские племена, и получила в дар от императора Александра I большое количество земли в этом месте, которое тогда приходилось на границе империи. Здесь они основали миссию и принялись за дело; но скоро они увидели, что окружающее их население – не идолопоклонники, а му-

сульмане, и, следовательно, недоступно для христианства. Находясь в этом затруднении, они напали на счастливую мысль покупать черкесских детей у их родителей и воспитывать их как христиан. В числе этих детей, купленных около 1806 года, находился мальчик по имени Тиуна. Так как он был куплен на деньги, пожертвованные д-ром Эберкромби, то получил при крещении имя этого джентльмена и считал себя приёмным сыном своего благодетеля. В этом заключалось разъяснение тайны.

Тиуна, или иначе м-р Эберкромби, был человек более чем средняго ума. Кроме своего роднаго языка, он знал в совершенстве английский, немецкий и русский и уверял меня, что знает также хорошо много других. Его жизнь была посвящена миссионерскому труду и в особенности переводу и печатанию Библии. Он трудился сперва в Астрахани, потом четыре с половиной года в Персии – на службе у Базельской миссии – и затем шесть лет в Сибири.

Шотландская миссия была уничтожена императором Николаем около 1835 года, и все миссионеры, за исключением двух, возвратились на родину. Сын одного из этих двух, Голлоуэй, единственный оставшийся в колонии настоящий шотландец. Но зато здесь есть много «черкесских шотландцев», большинство которых женилось на немках. Другие обитатели – немецкие колонисты Саратовской губернии, и язык, на котором обыкновенно говорят в селении, – немецкий.

Слыша так много о чужеземных переселенцах, татарских пришельцах и финских аборигенах, читатель, естественно, пожелает узнать численное отношение чужеземного элемента в сравнении с чисто русским населением. К сожалению, мы не имеем точных статистических цифр относительно этого предмета, но можем сказать приблизительно, что из 61 000 000 жителей Европейской России – за исключением Финляндии, Польши и Кавказа – более 12 000 000, или одной пятой, – иностраннаго происхождения.

По Обручеву («Военно-Статистический Сборник») различные племена представляются в следующем порядке:

Арийские народы:		
Литовцы		2 343 000
Поляки		960 000
Молдаване		875 000
Немцы		661 000
Греки		47 000
Болгары		40 000
Армяне		33 000
		<hr/>
		4 959 000
Семитическая раса:		
Евреи		1 631 000
		<hr/>
		1 631 000
Туранские народы:		
Финны		3 038 000
Татары собственно		1 312 000
Башкиры и род. племена		1 037 000
Киргизы		146 000
Калмыки		86 000
		<hr/>
		5 619 000
Не вошедшие в эту классификацию.		103 000
		<hr/>
		103 000
		<hr/>
		12 312 000

Таким образом, мы видим, что —

Русские составляют	79,89	процента	населения
Другие арийские народы	8,11	—”—	—”—
Семитические	2,67	—”—	—”—
Туранские	9,17	—”—	—”—
Разные другие	0,16	—”—	—”—

О социальном и политическом значении этого чужеземного элемента мы можем составить себе некоторое понятие по статистике вероисповеданий, которою мы обладаем. В России религия и национальность, практически говоря, так тесно связаны между собою, что становятся почти идентичными; и мы можем быть совершенно уверены, что те, которые сделались членами национальной церкви, или уже обрусели, или стоят на пути к этому. Разсматривая, таким образом, национальность с социальной точки зрения, мы найдём, что чужеземный элемент несколько уменьшается в объёме*. Из 61 000 000, составляющего народонаселение Европейской России в вышеобъяснённом значении, около 9 000 000 не православные. Из них почти 3 000 000 римско-католиков; более 2 000 000 протестантов; около полутора миллиона евреев; два миллиона магометан и 86 000 буддистов.

Географическое распределение этих сект достойно внимания. В губерниях, лежащих близ западной границы, мы находим влияние запада в форме римского католицизма и протестантства, а в восточных губерниях замечаем влияние азиатского Востока в форме ламаизма и ислама. Таким образом, по религиозным верованиям, как и во многих других отношениях, Россия составляет связующее звено между Европой и Азией.

---

* Это уменьшение подтверждается фактом, что финны в собственной России (3 038 000) – православные.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ПЕТЕРБУРГ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Петербург и Берлин. — Большие дома. — Полиция. — Достопримечательности. — Пётр Великий. — Его цели и его политика. — Немецкое управление. — Народная реакция. — Французское влияние. — Умственное бесплодие. — Влияние сантиментальной школы. — Враждебность к иностранным влияниям. — Новый период литературных заимствований. — Тайные общества. — Катастрофа. — Век Николая I. — Страшная война на Парнасе. — Упадок романтизма и трансцендентализма. — Гоголь. — Революционное движение 1848 года. — Новая реакция. — Заключение

С какой бы стороны путешественник ни приближался к Петербургу, — если только не морем, — он должен проехать многия сотни вёрст лесами и болотами, которые представляют мало следов человеческих жилищ или земледелия. Это обстоятельство много содействует первому впечатлению, которое производит на него город: среди неизмеримой пустыни, где гуляет ветер, путешественник вдруг находит великолепный искусственный оазис.

Из всех больших европейских городов Берлин более всех сходен с Петербургом. Оба они построены на почве совершенно ровной; оба имеют широкия улицы, правильно проведённые и дурно вымощенныя; оба представляют общий вид натянутости и симметрии, который указывает на военную дисциплину и немецкую бюрократию. Но есть между ними и глубокая разница. Хотя географы говорят,

что Берлин построен на реке Шпре, но вы можете долго жить в этом городе, не замечая маленького ленивого потока грязной воды, которому дано название реки без всякого на то права с его стороны. Петербург, напротив, построен на широкой, величественной реке, которая составляет главную красу города. По своей ширине, по громадной массе своих чистых, голубых, холодных вод Нева, конечно, одна из самых красивых рек Европы. За несколько миль до своего впадения в Финский залив она разделяется на многие рукава и образует дельту. Тут-то и построен Петербург. Главная часть города лежит на южном берегу реки; остальная часть разсыпана по северному берегу и по островам. Самый значительный из них Васильевский остров, соединяющийся с южным берегом посредством длинного каменного моста, замечательного по красоте своего профиля. Это единственный каменный мост, которым город может гордиться*; но есть ещё много деревянных мостов, которые соединяют острова между собою и с материком. На многих промежуточных пунктах сообщение летом производится посредством маленьких красивых двухвёсельных лодок, которыя, как говорят, строятся по образцу, начертанному Петром Великим. В отдалённые части города можно так же удобно ездить на маленьких пароходах, которые бегут как стрелы и способствуют оживлению Невы. Зимой эти лодки и пароходы исчезают, и мосты теряют много из своего значения, потому что река покрывается толстым и крепким льдом, способным выдержать самую большую тяжесть. В это время исчезают также маленькие, тряския и мучительныя дрожки, производящая шум трещотки, и заменяются санями, которыя скользят без шума, как лодка по тихой воде.

Главное русло, или Большая Нева, течёт между городом в собственном смысле и Васильевским островом и

---

* Второй каменный мост, Александровский, на место бывшего Литейного, как известно, построен только в 1879 году. (Прим. перев.)

сдерживается с обеих сторон набережными, прочно построенными и обрамлёнными массивными плитами из красного гранита. На южном берегу набережная служит улицей и местом для прогулок. Набережная Васильевского острова, напротив, служит центром торговли и в продолжение лета всегда заставлена густым рядом кораблей. На восточной стороне острова находятся таможня и биржа, где чаще всего собираются иностранные купцы, в руках которых находится ввозная и вывозная торговля. Впрочем, эта часть города не есть исключительно торговая: здесь же помещается академия наук, университет и академия художеств. На соседнем острове вверх по реке возвышается крепость: живописное сооружение, которое служит местом погребения императорской фамилии и государственною тюрьмою. На противоположном берегу находятся: императорский дворец, адмиралтейство, Сенат и ниже по течению реки – корабельные верфи. Над всем этим возвышается величественный золочёный купол Исакиевского собора.

Как бы по образцу величественной Невы, в Петербурге всё в колоссальных размерах: улицы, площади, дворцы, памятники, церкви, каковы бы ни были их недостатки, имеют величественный характер и, кажется, назначены более для будущих поколений, чем приспособлены к нуждам теперешних жителей. В этом отношении город хорошо представляет империю, столицей которой он служит. Даже частные дома построены в огромных размерах: многие из них содержат более 20-ти отдельных квартир.

Это обыкновение строить большие дома облегчило организацию особой и притом весьма сильной полицейской системы: каждый дом имеет дворника, который есть слуга домовладельца и в то же время агент полиции. На его обязанности лежит выметать улицу во всю длину своего дома и поливать её летом, а равно наблюдать, чтобы все жильцы точно исполняли законы о паспортах; ночью

он должен оставаться около ворот дома в качестве ночного сторожа. Тот факт, что дворники обыкновенно засыпают в продолжение длинных зимних ночей, несмотря на понижение температуры до 30 градусов, и что они почти никогда не замерзают, – представляет поразительное доказательство удивительной способности русского человека выносить самый крайний холод. Говорят, что некогда эти ночные сторожа часто помогали полиции сбивать с дороги граждан, застигнутых ночью, и обкрадывать их; но все эти рассказы отошли уже в область предания, и в настоящее время петербургская полиция может выдержать сравнение с полициями других столиц Европы.

Петербург имеет, конечно, свои достопримечательности, на которые каждый путешественник обязан посмотреть и подивиться. К ним принадлежат, например, Исакиевский собор – громадный памятник в стиле эпохи Возрождения, с золочёным куполом и гигантскими колоннами – монолитами красного гранита. Общий внешний вид, особенно когда собор покрыт сверкающим инеем, очень красив; но внутренность испорчена богатыми и яркими украшениями, которые могли бы доставить достаточный материал для бесед о претенциозной вульгарности и дурном вкусе. Менее удачен в архитектурном отношении Казанский собор, которым русские часто хвалятся как произведением своего отечественного художника. На самом деле этот собор представляет поразительный пример того рабского подражания, которое очень часто встречается в России. Гигантская полукруглая колоннада, подражание колоннаде св. Петра в Риме, до того непропорциональна с остальным зданием, что она совершенно закрывает собою корпус церкви, так что купол выглядывает из-за этой преграды как преступник, обречённый на вечное заключение. Затем следует Зимний дворец, который нравится поклонникам идеального гения Растрелли, но совершенно не отвечает тому строгому и массивному величию, о котором

напоминает это имя. Некоторые из второстепенных дворцов более соответствуют климату, но не представляют ничего такого, что могло бы быть названо стилем русской архитектуры*. Этот русский стиль существует, но он годится только для деревянных построек. В каменных постройках русские, как и другие народы севера, много позаимствовали у стран южной Европы, не принимая в расчёт разницы климата. Жители Петербурга могут по всей справедливости гордиться общим грандиозным видом их города, но не красотой отдельных зданий.

Что касается статуй и других памятников, то их очень много в Петербурге, начиная с конной статуи Петра Великого, действительно представляющей произведение искусства, и кончая статуями и бюстами в Летнем саду, которые не более как художественные уродливости. Картин здесь также очень много. Эрмитаж заключает в себе великолепную коллекцию голландской школы и большое число картин, приписываемых старым итальянским и испанским мастерам. Но я не считаю нужным забираться в область критики искусства, а равно не буду утомлять читателя описанием тех предметов, которые уже описаны в путеводителях.

Укажу, однако, на одну достопримечательность, которая должна представлять высокий интерес для лиц, чувствительных к историческим сопоставлениям, — я говорю о маленьком деревянном домике, где жил Пётр Великий, пока строили его будущую столицу. По своему стилю и размерам он более похож на хижину матроса, чем на жилище царя. Но он подходит по характеру знаменитого человека, в нём жившаго. Пётр мог работать и при случае работал как простой матрос, не находя в этом занятии унижения для своего царского достоинства. Когда он решил построить столицу на финском болоте, обитаемом по преимуще-

---

* Главные здания Петербурга описаны Фергюссоном в его «Истории Архитектуры».

ству дикими птицами, то он не довольствовался покойным креслом самодержца подобно древним римским богам, он сошёл с Олимпа и занял место в рядах простых смертных, наблюдая за делом своими собственными глазами, и, при нужде, прикладывал к нему собственную свою руку. Если он был так же самовластен и притеснителен, как фараоны, строившие пирамиды, то он мог, по крайней мере, сказать в своё оправдание, что он и себя не щадил, а напротив, добровольно обрекал и себя на все лишения и опасности, которым подвергались тысячи его сотрудников.

Читая рассказ о жизни Петра, отчасти написанный им самим, мы легко можем понять, почему часть его подданных, принадлежавшая к разряду набожных консерваторов, не могла признавать в нём законного преемника православных царей. Старые цари были люди с важною, торжественною внешностью, глубоко проникнутые сознанием своего полурелигиозного характера. Живя обыкновенно в Москве или в её ближайшем соседстве, они проводили время при продолжительных церковных службах, в советах со своими боярами, в церемониальных охотах, посещали монастыри и вели назидательныя беседы с духовными особами или с уважаемыми подвижниками. Если они предпринимали какое-нибудь путешествие, то это было большею частью пилигримство ко святым мощам. В Москве ли, или в другом месте они всегда были оберегаемы от соприкосновения с простым человечеством преградою придворного церемониала того времени. Одним словом, они соединяли в себе характер христианского монаха и восточного властителя.

Пётр был человек совершенно другого закала, и в тихом, важном, православном и церемонном московском мире он играл роль быка в фарфоровой лавке, без жалости и даже с удовольствием оскорбляя все традиционныя понятия о благопристойности и приличии, освящённыя временем. Нисколько не заботясь об общественном мнении и

народных предрассудках, он выметал как сор старый формализм, избегал церемоний всякого рода, смеялся над старыми обычаями, предпочитал иностранные светские книги назидательным беседам, выбирал товарищей для своих удовольствий между «погаными еретиками», путешествовал по чужим странам, одевался в «еретический» костюм, обезобразил Божий образ и погубил свою душу, обривши себе бороду, заставлял своих дворян одеваться и бриться по его примеру, метался из стороны в сторону по своему царству, точно подстрекаемый беспокойным демоном, употреблял свои священные руки для плотничьей и других работ, открыто принимал участие в шумных оргиях своих иностранных солдат – одним словом, делал то, чего нельзя было ожидать от него как «помазанника Божия». Неудивительно, что Москвичи были скандализированы его поведением, и некоторые даже подозревали, что он вовсе не царь, а переодетый Антихрист. Неудивительно, что и он находил московскую атмосферу удушливою и предпочитал жить в своей новой столице.

Цель его при построении этой столицы была: открыть окно, через которое русские могли бы смотреть на цивилизованную Европу. И город хорошо выполнил это назначение. Основание его может считаться началом Европейского периода Русской истории. До Петра Россия принадлежала более Азии, чем Европе. Англичане и французы смотрели на неё почти так же, как мы теперь смотрим на Бухару или Кашгар. С этого времени Россия сделалась составною частью европейской политической системы, и её интеллектуальная история была только отражением истории Западной Европы, конечно, в изменённом виде и с национальною окраскою.

Когда мы говорим об интеллектуальной истории нации, то разумеем только высшие классы. По отношению к России, может быть более чем для всякой другой страны, всегда необходимо иметь в виду это отличие. Пётр успел

наложить европейскую цивилизацию на дворян, но до народа она не достигла. Таким образом, народ, можно сказать, разделился надвое, и с каждым поколением это разделение обозначалось резче. Между тем как массы упорно цеплялись за свои обычаи и верования, освящённые временем, — дворяне смотрели на предметы народного благоговения как на остатки варварского прошлого, которого должна стыдиться нация цивилизованная.

Умственное движение, начатое Петром, имело характер чисто практический. Он сам с головы до ног был утилитарист и ясно понимал, что его народу недоставало не богословского или философского просвещения, но познаний чисто практических, применимых к потребностям ежедневной жизни. Он не имел нужды ни в богословах, ни в философах, но в сухопутных морских офицерах, администраторах, ремесленниках, рудокопах, мануфактуристах, торговцах, и с этою целью он ввёл светское, техническое воспитание. Для молодого поколения были основаны первоначальные школы; для учеников более взрослых были переведены на русский язык лучшие иностранные сочинения по фортификации, архитектуре, металлургии, инженерному искусству и пр. Учёные и искусные ремесленники были вызваны из-за границы; молодые русские были посланы в чужие края, чтобы научиться иностранным языкам и полезным искусствам. Одним словом, Пётр сделал всё, что, по его мнению, могло поднять русских до того уровня материального благосостояния, какого достигли более передовые народы.

В этом заключается важная особенность умственного развития России. В Западной Европе новый умственный дух, будучи естественным продуктом многочисленных исторических причин, родился естественным путём, и обещество, прежде чем произвести его на свет, должно было вынести страдания беременности и боли продолжительных родов; в России, напротив, этот дух явился вдруг, под

видом взрослого иностранца, усыновлённого деспотическим отцом семейства. Таким образом, Россия совершила переход от средних веков к новым без той сильной борьбы между старыми и новыми понятиями, какие были на Западе. Церковь, которой императорская власть не позволяла никакой активной оппозиции, сохранила без изменений свои старья верования; тогда как дворяне, бросивши на ветер свои традиционные понятия и верования, двинулись вперёд, свободные от всяких пут, по дороге, на которую их отцы и деды смотрели как на прямой путь к погибели.

В первую половину царствования Петра Россия не была подчинена исключительному влиянию какой-нибудь одной нации. Совершенный космополит по своим симпатиям, великий реформатор готов был заимствовать от каждой иностранной нации – от немцев, голландцев, датчан, французов – то, что, по его мнению, соответствовало его планам. Но скоро близость Германии, присоединение Балтийских провинций, где господствовала немецкая цивилизация, и семейные союзы императорской фамилии с немецкими дворянами – доставили немецкому влиянию заметное преобладание. Когда императрица Анна, племянница Петра Великого, бывшая герцогиня Курляндская, доверила управление страню своему любимому Бирону, – это влияние сделалось почти исключительным: двор, официальный мир и школы были германизированы.

Грубое, жестокое и тираническое господство Бирона произвело сильную реакцию, окончившуюся переворотом, который возвёл на престол Елизавету, незамужнюю дочь Петра, жившую в уединении и забвении во всё время господства немецкого режима. От Елизаветы ожидали, что она освободит страну от иностранцев, и она сделала, что могла, для оправдания этих надежд. Громко заявляя свои патриотические чувства, она устранила немцев от всех важных должностей, потребовала, чтобы на будущее время в члены академии выбирали только коренных русских,

и отдала повеления о заботливом приготовлении русского юношества ко всякого рода официальной деятельности.

Эта попытка потрясти немецкое ярмо не привела к умственной независимости. Во время насильственных реформ Петра Россия бросила своё историческое прошлое со всеми его зародышами, и теперь она лишена была всяких элементов природной национальной культуры. Она находилась в положении беглеца, который вырвался из неволи и в то же время, опасаясь умереть с голода, ищет себе новаго господина. Высшие классы, вкусившие от иностранной цивилизации, бросив всё немецкое, стали искать какую-нибудь другую цивилизацию на место германской. И им не пришлось долго раздумывать в деле выбора этой цивилизации, потому что в то время все любители умственной культуры и утончённости обращали свои взоры на Париж и Версаль. Всё, что было более блестящего и утончённого, находилось при дворе французских королей, под покровительством которых искусство и литература эпохи Возрождения достигли высшего своего развития. Даже Германия, которая противилась честолюбивым намерениям Людовика XVI, и та подражала манерам его двора. Каждый немецкий владетельный князь старался подражать пышности и важности французского короля. Придворные, показывая вид, что считают всё немецкое варварски грубым, усваивали французския моды и говорили на смешанном жаргоне, который они считали гораздо более изящным, чем свой родной язык. Одним словом, галломания сделалась господствующею общественною эпидемиею того времени, и ей не трудно было забрать в руки и совершенно преобразить русское дворянство, которое имело так мало упорных, глубоко вкоренившихся национальных убеждений.

Сначала французское влияние обнаружилось особенно во внешности, то есть в одежде, манерах, языке и убранстве комнат; но мало-помалу, особенно вслед за восшествием на

престол Екатерины II, друга Вольтера и энциклопедистов, это влияние проникло и далее. Каждый дворянин, имевший претензию на «цивилизацию», учился говорить бегло по-французски и приобретал поверхностное знакомство с французской литературой. Трагедии Корнеля и Расина и комедии Мольера постоянно давались на придворном театре, в присутствии императрицы, и возбуждали в слушателях действительный или притворный энтузиазм. Для тех, которым удобнее было читать книги на родном языке, изданы были многочисленные переводы, одно перечисление которых заняло бы много страниц. Между этими переводами мы находим не только Вольтера, Руссо, Лесажа, Мармонтеля и других модных французских авторов, но также все образцовые произведения европейской литературы, древней и новой, которые в эту эпоху пользовались высоким уважением во французском литературном мире, каковы Гомер и Демосфен, Цицерон и Вергилий, Ариост и Камюэнс, Мильтон и Локк, Стерн и Фильдинг.

Разсказывают о Байроне, что он никогда не делал описаний, пока сцена находилась перед его глазами. Этот факт указывает нам на важный физиологический принцип: человеческий дух, пока он принуждён напрягать свои силы для восприятия впечатлений, не может войти в ту поэтическую деятельность, – принимая это слово в греческом смысле, – которая обыкновенно называется «оригинальным творчеством». Что верно по отношению к индивидуумам, то верно также и по отношению к нациям. Воспринимая, так сказать, оптом иностранную цивилизацию, нация сама неизбежно осуждает себя, на известное время, к умственному бесплодию. До тех пор, пока она будет занята восприятием и усвоением потока новых идей, новых понятий и чужих методов мышления, она не произведёт ничего оригинального, и результатом величайших её усилий будет только счастливое подражание. Мы не должны поэтому удивляться, если находим, что русские,

познакомившись с иностранною литературою, сделались подражателями и заимствователями. В этом роде литературы природная гибкость их ума и их замечательный комический талант произвели удивительные результаты. Оды, псевдоклассическая трагедия, сатирическая комедия, эпические поэмы, элегии и другие поэтические формы сочинений явились в изобилии, и многие писатели замечательно владели своим родным языком, тогда как до тех пор его считали грубым и варварским. Но во всей этой массе подражательной литературы, которая теперь подпала вполне заслуженному забвению, встречается мало следов природной оригинальности. Получить титул русского Расина, русского Лафонтена, русского Пиндара или русского Гомера – было в то время самую высшую целью писателей этой страны.

Одновременно с модною литературою образованные русские классы усвоили себе кое-что и из модной философии. Они в особенности не могли противостоять тому урагану «просвещения», который прошёл по Европе во второй половине XVIII века, сначала ломая или искореняя принятые философские системы, богословские идеи и научные теории, а потом потрясая до основания существующия политическая и общественная учреждения. Русские дворяне не обладали ни преобладающим консервативным духом, ни твёрдыми, обдуманними и логическими мнениями, которые в Англии и Германии составили сильную преграду распространению французского влияния. Они ещё слишком недавно подверглись метаморфозе, они слишком сильно желали приобрести иностранную цивилизацию и потому не могли иметь зародышей консервативного духа. Быстрота и насилие, с которыми совершились реформы Петра, соединённые с особым духом греческого православия и с низким уровнем развития духовенства, помешали теологии войти в связь с новым порядком вещей. Высшие классы были отчуждены

от верований своих предков, не приобрёв других взамен потерянных. Старые религиозные идеи были неразрывно переплетены с тем, что признавалось устарелым и варварским, между тем как новые философские идеи связывались со всем тем, что было ново и цивилизованно. Кроме того, государыня, в это время управлявшая страной и пользовавшаяся безграничным поклонением высших классов, открыто признавала веру в новую философию и искала мнений и дружбы великих жрецов ея. Принимая во внимание эти факты, мы не должны удивляться, находя между дворянами этого времени значительное число так называемых Вольтерианцев и многочисленных приверженцев непогрешимости энциклопедистов. Что скольнибудь поразительно – это то, что новая философия проникала иногда даже в духовные семинарии. Знаменитый Сперанский рассказывает, что в Петербургской семинарии один из профессоров, когда он не был выпивши, имел привычку проповедывать доктрины Вольтера и Дидро!

Процветание сантиментальной школы в Западной Европе произвело важную перемену в русской литературе, подкопав неумеренное поклонение французской псевдоклассической школе. Флориан, Ричардсон, Стерн, Руссо, Бернарден-де-Сен-Пьер нашли себе сначала переводчиков, а потом подражателей, и вскоре пышная декламация и безумное отчаяние сценических героев были потоплены в глубоких вздохах и жалобных стенаниях влюблённых пастушков и покинутых поселянок. Эта мания, кажется, зашла в России дальше, чем в странах, где она родилась. Люди взрослые и пожилые плакали, что они не родились в те первобытные кроткие времена, «когда все люди были пастухи и братья». Сотни юношей и молодых девушек посещали места, описанные сантиментальными писателями, бродили вдоль рек и прудов, в которых утопились отчаянные героини. Говорили, писали и глубокомысленно разсуждали о «симпатии сердец, созданных друг для друга», о «сладком

общении симпатических душ» и проч. и проч. Сантиментальные путешествия сделались любимым развлечением и доставляли темы для популярных произведений, содержащих такая нежности, которые теперь способны вызвать скорее смех, чем слёзы. Путешественник, например, бросается на колени перед старым дубом и держит к нему речь; другой ходит ежедневно плакать на могилу любимой собаки и пламенно желает жениться на крестьянке; третий объясняется в любви луне, посылает поцелуи звёздам и хочет обнять планеты. В продолжение известного периода публика не читала ничего другого, кроме нелепых произведений этого рода, и Карамзин, великий литературный авторитет этой эпохи, провозглашал, что истинная цель искусства состоит в том, чтобы распространять приятныя впечатления в области чувствительности.

Вкус ко французской философии исчез так же быстро, как и чрезмерное удивление пред французскою псевдоклассическою литературою. Когда в Париже разразилась первая революция, модная философская литература в Петербурге исчезла. Люди, которые разглагольствовали о политической свободе и правах человека, нисколько не думая при этом об ограничении автократической власти или об освобождении своих крепостных, естественно были поражены и испуганы, когда увидели действие либеральных принципов в приложении к действительной жизни. Устрашённые ужасными сценами террора, они поспешили разстаться с принципами, которые вели к таким результатам, и впали в оптимистический консерватизм, который хорошо согласовался с добродетельною сантиментальностью, бывшею тогда в моде. Сама императрица дала этому пример. Царственная ученица и друг энциклопедистов в последние годы своего правления склонилась на путь реакции.

В продолжение Наполеоновских войн, когда патриотические чувства были крайне возбуждены, проявилась

сильная враждебность к иностранному умственному влиянию и были сделаны робкие, отрывочные попытки к тому, чтобы сбросить с себя это умственное ярмо. Нашествие французской армии в 1812 году и пожар Москвы дали обильную пищу этому патриотическому огню. В продолжение некоторого времени всякий, кто осмеливался выражать удивление, даже самое умеренное, французской культуре, подвергался риску быть заклеянным как изменник отечеству и отступник от национальной веры. Но этот патриотический фанатизм скоро испарился, и преувеличения ультранациональной партии сделались предметом сатир и пародий. Когда исчезла политическая опасность и народ возвратился к обыкновенным своим занятиям, любители иностранных литератур возвратились к прежним своим любимцам или, как говорили ультранационалы, опять стали «валяться в грязи» по той простой причине, что родная литература не давала им того, чего они желали. «Мы готовы, – говорили они своим порицателям, – удивляться вашим великим произведениям, лишь бы только они появились; но в ожидании этого позвольте нам, пожалуйста, наслаждаться тем, что мы имеем». Таким образом, патриотическая оппозиция постепенно прекращалась, и начался новый период обильного ввоза иностранных умственных произведений.

Литературный товар, привозившийся теперь в Россию, был совсем не тот, что во время Екатерины. Французская революция, Наполеоновское владычество, патриотические войны, реставрация Бурбонов и другие великия события этой памятной эпохи произвели большие перемены не только в политическом, но и в умственном состоянии Европы. Во время Наполеоновских войн Россия тесно сблизилась с Германиею, и теперь в Петербургском обществе отразилось умственное брожение, обнаружившееся между образованными немецкими классами. Правда, оно не проявлялось в печатной литературе, потому

что незадолго перед тем цензура была организована на началах, начертанных Меттернихом; но оно, тем не менее, было сильно. Между тем как периодическая печать наполнялась тривиальными разсуждениями о юности, о весне, о любви к искусству и тому подобными невинными предметами, – молодое поколение в гостинных обсуждало все те жгучие вопросы, которые Меттерних и его приверженцы старались затушить.

Эти обсуждения – если можно их назвать так – не были очень серьёзны. Скорее это были просто разговоры светских людей, которые посвящали часть своего досуга беглому просмотру новых книг и извлекали из них столько, сколько нужно было для того, чтобы иметь предмет для разговора. Как настоящие дилетанты, эти молодые светские философы в новейших сочинениях собирали самую новую мысли и теории и потом рассказывали их в гостиной или танцевальной зале. И они всегда могли рассчитывать на то, что найдут внимательных слушателей. Чем более необычайна была какая-нибудь идея или какое-нибудь верование, тем более она имела шансов на благосклонный приём. Всё равно, происходили ли оне от рационалистов, мистиков, франкмасонов или методистов: их хорошо принимали, лишь бы только оне были новы и представлены в изящной форме. Эклектические умы этой любопытной эпохи выслушивали с одинаковым удовольствием блестящая речи реакционера-иезуита де-Местра, смелая оды Пушкина и мистическая нелепости госпожи фон-Крюднер. Для большинства туманная теософическая доктрины и проекты духовнаго единения правительств и народов, может быть, имели самую большую прелесть только потому, что они пользовались покровительством и сочувствием Императора. Благочестивыя души открывали в мистических измышлениях Юнга-Штиллинга и Баадера конечное решение всех существующих затруднений, политических, общественных и философских. Люди менее мечтательные веровали в по-

литическую экономию и конституционные теории и искали точки опоры для своих любимых планов в истории страны и в основных, по их мнению, особенностях национального характера. Подобно молодым немецким демократам, которые говорили тогда с энтузиазмом о Тевтонах, Херусках, Скальдах, о тени Арминия и героях Нибелунгов, эти молодые русские учёные признавали в первоначальной истории своей страны, – построенной по их собственной фантазии, – возвышенные политические идеалы и мечтали о восстановлении древних учреждений во всём их воображаемом старом блеске.

Каждый век имеет свои особенные социальные и политические панацеи. Одно поколение верит в религию, другое – в филантропию, третье – в писанные конституции, четвёртое – во всеобщую подачу голосов, пятое – в народное воспитание. В эпоху реставрации такую любимую панацеею были тайные политические общества. Вскоре после падения Наполеона западные народы, вооружившиеся для приобретения политической независимости, заметили, что они только переменяли господина. Западные государи переустроили Европу, как им казалось удобнее, не обращая большого внимания на народные желания, и забыли свои обещания насчёт свободных учреждений, как скоро они снова крепко уселись на своих тронах. Понятно, что для многих это было горьким разочарованием. Молодое поколение, исключённое от всякого участия в политической жизни и связанное строгою бдительностью полиции, старалось осуществить свои либеральные желания при посредстве тайных обществ, более или менее похожих на масонские братства. Таковы были в Германии *Burschenschaften*, во Франции – *Union* и *Aide-toi le ciel t'aidera*, в Испании – Орден Молотка, в Италии – Карбонари, в Греции – Гетерия. В России молодые дворяне последовали господствовавшей моде. Образовались тайные общества, и в декабре 1825 года была сделана попытка поднять воз-

стание с целью изменить существующий порядок. Но эта попытка не удалась, и утопические грёзы романтических реформаторов были выметены картечью.

Эта «декабрьская катастрофа», ещё очень памятная, произвела в Петербургском обществе такое действие, какое произвело бы крушение пола в танцевальной зале полной танцующих. За минуту пред тем всё было одушевлено, беззаботно, счастливо; теперь все лица выражали смущение. В салонах, где ещё вчера спорили о морали, эстетике, политике и богословии, теперь было молчаливо и пусто. Многие из тех, которые обыкновенно руководили разговорами, теперь находились в крепости, а те, которые ещё не были арестованы, дрожали за себя или за своих друзей, потому что почти все, теоретически или практически, были более или менее участниками этого движения. Известие, что пятеро заговорщиков приговорены к смертной казни, другие к ссылке, не могло способствовать успокоению смущённых умов. Общество было похоже на трусившего ребёнка, который среди радости и торжества зажигания фейерверка жестоко обжог себе пальцы.

Сантиментальному и нерешительному Александру I наследовал строгий и энергичский брат его Николай, который приказал, чтобы не было более этих фейерверков, этого дилетантского философствования или политических стремлений. Такого приказа, впрочем, почти не нужно было. Общество само, по крайней мере на первое время, совершенно излечилось от всякаго посползновения к политическим мечтам. К своему великому удивлению, оно открыло, что эти новые идеи, которые должны были привести за собою благоденствие и сделать всех людей счастливыми, добродетельными, чистыми и поэтическими, – в действительности приводили к ссылке и эшафоту. Приятный сон исчез, и светский мир, отказавшись от прежних привычек, предался безобидным занятиям: карточной игре, увеселениям и чтению лёгкой французской литературы. «Француз-

ская кадрили», как выражается один современный писатель, «заняла место Адама Смита».

Когда ураган прошёл, салонная жизнь началась снова, но была уже совсем не та, что прежде. Тут не было уже никакого разговора о политической экономии, о богословии, о воспитании народа, об административных злоупотреблениях, о социальных и политических реформах. Всё, что имело какое-нибудь отношение к политике в самом обширном смысле этого слова, было избегаемо по общему молчаливому соглашению. Споры бывали, как и прежде, но они ограничивались литературными вопросами, теорией искусства и тому подобными невинными предметами.

Это равнодушие или даже нерасположение к философии и политике, усиленное административною системою, было, разумеется, губительно для разносторонней умственной деятельности, процветавшей в предшествовавшее царствование; но оно не было неблагоприятно развитию изящной словесности. Напротив, изгоняя эти практические интересы, которые мешали артистической производительности и стремились овладеть вниманием публики, оно воспитало то, что во фразеологии тогдашнего времени называлось «чистым служением музам». Поэтому мы не должны удивляться, находя, что царствование императора Николая, которое многие не без основания представили эпохой социального и умственного застоя, в известном смысле может быть названо золотым веком русской литературы.

Уже во время предшествовавшего царствования бывшая в Западной Европе борьба между школами классической и романтической, – между приверженцами традиционных правил эстетики и сторонниками свободного поэтического вдохновения, – отразилась и в России. Группа молодых людей, принадлежавших к аристократическому обществу Петербурга, с энтузиазмом приняла новые доктрины и объявила войну «классицизму», под которым они разумели всё устарелое, сухое, педантиче-

ское. Устраняя бывшие доселе в моде пышные, длинные и тяжёлые периоды, они начали писать слогом лёгким, гибким и сильным и образовали литературное общество с явно выраженной целью – осмеивать наиболее выдающихся классических писателей. Новые принципы нашли многих приверженцев, а новый слог – многих почитателей, но это вызвало ещё большую враждебность со стороны литературных консерваторов. Важные и почтенные вожди старой школы, которые во всю жизнь почтительно преклонялись перед Буало и считали его правила непогрешимыми изречениями эстетической мудрости, загремели против нечестивых нововведений как против очевидных признаков литературного упадка и нравственного вырождения, – выставляя молодых и пылких иконоборцев развратными дон-Жуанами и опасными вольнодумцами.

Таким образом, в продолжение известного периода в России, как и в Западной Европе, свирепствовала страшная война на Парнасе. Сначала правительство смотрело недоверчиво на нововводителей, потому что один из них написал несколько революционных од; но когда романтическая муза, отворотившись от настоящего, как совершенно прозаического, обратилась к далёкому прошлому и стала парить в области выпренных отвлечённостей, тогда самые строгие цензоры не находили основания для осуждения ея культа, и власти почти не стесняли свободу поэтического вдохновения. Романтическая поэзия приобрела расположение правительства и покровительство двора, и имена Жуковского, Пушкина и Лермонтова – трёх главных представителей русской романтической школы – сделались известными всем образованным классам.

Вокруг этих трёх светил литературного мира вращалась целая стая спутников различных величин, которые делали всё, что было в их силах, чтобы довести романтические принципы до крайности. Одарённые большею частью значительною лёгкостью композиции, эти рифмоплёты из-

ливали свои чувства с шумною безцеремонностью, требуя свободы для своего вдохновения и проклиная век, который приковывал их к своим прозаическим заботам, к своему холодному разсудку и к своему сухому знанию. В то же время драматурги и романисты создавали героев с незапятнанными характерами и ангельскою чистотою, одарённых в высшей степени всеми главными добродетелями, а в контраст к ним – страшная сатаническая личности с дикими страстями, со сверкающими кинжалами, смертельными ядами и всеми видами мелодраматических пошлостей. Эти ходульные произведения, перемешанные с лёгкими сатирическими опытами, историческими рассказами, литературною критикою и забавными анекдотами, составляли периодическую литературу и вполне удовлетворяли потребностям читающей публики. Почти никто в то время не интересовался общественными делами или иностранною политикою. Правительственные акты, за которыми наиболее следили, были приказы о передвижениях по службе и о наградах. Появление повести Загоскина или Марлинскаго – двух писателей теперь почти забытых – казалось несравненно более важным, чем появление какого бы то новаго закона, и такая события, как французская революция 1830 года, бледнели пред появлением новой поэмы Пушкина.

Трансцендентальная философия, которая в Германии шла рядом с романтическою литературою, также имела некоторое отражение в России. Небольшой круг молодых профессоров и студентов в Москве, сделавшихся горячими поклонниками немецкой литературы, перешёл от сочинений Шиллера, Гёте и Гофмана к произведениям Шеллинга и Гегеля. Воспитанные в школе романтизма, эти молодые философы сначала нашли особую прелесть в мистической системе Шеллинга, которая изобиловала поэтическими заоблачными метафорами и представляла величественную и туманную картину вселенной; но мало-помалу они почувствовали потребность в логическом основании для

своих созерцательных идей, и любимцем их сделался Гегель. Они храбро боролись с варварскою терминологиею и эпиграмматическими парадоксами великаго мыслителя и усиливались найти путь чрез многосложный лабиринт его логических формул. Со всем жаром новообращённых они разсматривали всякое явление, даже самые незначительные факты ежедневной жизни, с точки зрения философской, денно и ночью говорили о принципах, идеях, субъективности, о мировоззрении и тому подобных абстрактных сущностях и боролись с «гидрою не-философии» посредством анализа представляющихся явлений и размещения элементов этих явлений по признанным категориям. В обыкновенной жизни это были люди спокойные, серьёзные, созерцательные; но лица их возгорались и кровь закипала, когда они разбирали капитальный вопрос: можно ли логически перейти от *чистаго бытия* чрез *небытие* к понятию *развития* и *конечнаго бытия!*

Мы знаем, как в Западной Европе романтизм и трансцендентализм впали в забвение и были заменены литературою, имеющею более тесное отношение к прозаическим потребностям и нуждам обыденной жизни. Образованная публика утомилась романтическими писателями, которые постоянно вздыхали как доменные печи, мечтали об уединении, о холодной вечности, о лунном свете, наводняли мир своими сердечными излияниями и призывали небо и землю смотреть в ужасе на их Прометеевскую агонию или Вертеровское отчаяние. Здоровая человеческая натура возмутилась против этих поэтов-энтузиастов, которые потеряли способность видеть вещи в их настоящем свете и постоянно предавались тому болезненному анализу самого себя, который вредит истинному чувству и здоровой деятельности. При этой здоровой реакции философам досталось столько же, сколько поэтам, с которыми они имели много общаго. Закрывая глаза от окружающаго мира, они закапывались в таинственные глубины абсолютнаго

бытия, вели борьбу с *я* и *не я*, перестраивали видимый и невидимый мир по своему собственному плохому самосознанию, стремились обнять все отделы человеческой мысли и сообщали каждому предмету, котораго они касались, сухость и строгость алгебраической формулы. Люди, одарённые истинными человеческими симпатиями, постепенно стали замечать, что из всей этой философской шумихи может выйти очень мало действительной пользы. Стало слишком очевидным, что философы эти совершенно мирились со всяким злом в мире, лишь бы оно не противоречило их теориям, что они принадлежали к тому типу людей, какой представляет врач в комедии Мольера, заботящийся главным образом о том, чтобы его больные умирали *selon les ordonnances de la medicine**.

В России реакция появилась сначала в эстетической литературе. Первым влиятельным представителем ее был Гоголь (род. 1808**, ум. 1852), который может быть назван в известном смысле русским Диккенсом. Тщательное сравнение этих двух великих юмористов показало бы, может быть, столько же качеств противоположных, сколько и сходных; но внешнее сходство, во всяком случае, между ними большое. Оба они обладали неисчерпаемым запасом широкого юмора и удивительно живым воображением. Оба имели способность видеть смешную сторону в вещах обыкновенных и талант производить карикатуры, имеющие поразительное сходство с действительностью. Не много нужно спокойного размышления, чтобы видеть, что лица, которых они нам представляют, большею частью психологически невозможны; это – скорее типы, видимые с одной стороны, чем полные человеческие существа; но, знакомясь с ними, мы так поражаемся какою-нибудь одною или двумя меткими характеристическими чертами и разными мелкими, ловко введёнными подробностями и в то же вре-

---

* В соответствии с предписаниями медицины (франц.)

** Случайная датировка автора, следовало указать – 1809 (Прим. ред.)

мя так увлекаемся обильно бьющею весёlostью рассказа, что не имеем ни времени, ни желания употребить в дело наши критические способности. В несколько лет слава Гоголя распространилась по всей империи, и многие из его типов сделались так же знакомы его согражданам, как нам знакомы Сэм Веллер и Мистрис Гэмп. Его описания так образны, так похожи на тот мир, который всякому известен! Лица эти казались старыми знакомыми, взятыми из действительной жизни, и читатели упивались тем особенным наслаждением, которое мы испытываем, когда видим удачное передразнивание наших друзей. Даже железный царь не мог устоять против весёлости и юмора «Ревизора», не только смеялся от всего сердца, но даже защитил Гоголя от тирании цензоров, которые находили, что пьеса написана в духе недостаточно благонамеренном. Одним словом, читающая публика смеялась как никогда прежде, и эта здоровая и хорошая весёlostь много способствовала тому, чтобы разстроить болезненный аппетит к Байроновским героям и к романтической аффектации.

Романтическая муза не тот час отказалась от своих прав; но с распространением популярности Гоголя царство ее кончилось. Напрасно некоторые из консервативных критиков безславили новаго любимца, называя его безталанным, прозаическим и вульгарным писателем. Публика не желала, чтобы у нея отнимали ее удовольствие во имя каких-то отвлечённых эстетических требований; а молодые писатели, взяв Гоголя за образец, начали брать сюжеты из действительной жизни и старались нарисовать их с кропотливою точностью.

Это новое умственное движение было сначала чисто литературное и выражалось только в способе писания повестей, рассказов, поэм. Критики, прежде требовавшие красоты форм и изящества выражений, теперь стали требовать точности описания, порицали стремление к так называемому высокому искусству и шумно восхваляли тех, кото-

рыя производили лучшие литературные фотографии. Но авторы и критики недолго остались на этой чисто эстетической точке зрения. Авторы, описывая действительность, стали высказывать нравственное одобрение или осуждение; критики перешли от разбора изображений к разбору изображаемых явлений. Стихотворение или рассказ часто служили поводом для назидательной лекции, и вымышленные характеры были строго осуждаемы за их грехи. Много говорилось о защите угнетённых, об эмансипации женщин, о чести и гуманности; все формы невежества и апатии, всякий дух рутины были осмеиваемы. Обыкновенным заключением было, что публика должна теперь устранять то, что прежде считала поэтическим и возвышенным, чтобы заняться интересами практическими, действительными потребностями общественной жизни. Особым предметом нападок была прежняя теория морали. Моралисты учили, что нравственное совершенство должно быть достигнуто путём изучения философии и развития эстетических способностей. Вожди нового движения, напротив, принимали то положение, что порок и преступление происходят не от недостатков человеческой природы, но от внешних обстоятельств – от неразумных искусственных препятствий, которые без нужды мешают свободному и полному удовлетворению наших инстинктов и естественных желаний. Из этих первых посылок читатель легко мог вывести логическое заключение, что нравственный прогресс должен совершаться не через изменение человеческой природы, но путём преобразования общественного устройства таким образом, чтобы инстинкты и естественные желания могли найти свободное поле и полное удовлетворение.

Эта перемена в духе литературы, как и прежде мною описанная, была результатом иностранного влияния. Во Франции в то время существовало очень распространённое убеждение, как результат полувекового опыта, что нельзя достигнуть человеческого счастья посредством по-

литических революций и что истинный прогресс может быть достигнут только посредством радикальной реформы существующей социальной организации. Это убеждение выражалось не только в философских сочинениях, мало читаемых, но также и в популярной литературе в форме жалоб на настоящую общественную несправедливость и смутных надежд на возрождение. Сочинения этого рода проникли до Петербурга и Москвы, и некоторые из влиятельных литераторов, читавшие их, обратились к этому учению. Эта перемена литературного направления была на самом деле отражением социалистического движения, которое должно было достигнуть своего апогея в эпоху революционной агитации 1848 года.

Для некоторых может показаться странным, что в России при строгом цензурном надзоре подобные принципы могли найти выражение в периодической литературе. Но при этом надо припомнить, что до 1848 года революционная сила этих идей не была всеми признана и что некоторые из них даже были согласны с политикою самого Императора. Он всегда чувствовал глубокую антипатию к философии и ко всяким отвлечённым идеям и хотел, чтобы его подданные ограничивали своё внимание их личными делами и материальным благосостоянием. Он имел инстинктивное убеждение, что для обыкновенных смертных материальное благосостояние гораздо важнее, чем эти пустые и превыспренние похвалы, которых горячо добиваются мечтательные философские умы, и это инстинктивное убеждение, по-видимому, нашло ясное энергическое выражение у писателей новой школы, которые не делали никаких намёков на древних Римлян, на республиканские учреждения или конституционную монархию, и вообще нисколько не походили на декабристов или польских заговорщиков – единственных революционных типов, хорошо знакомых Императору. Если писатели сами сознавали революционный элемент своих идей, то они тщательно

скрывали это. И мы должны отдать им справедливость, что они обнаружили при этом большой литературный такт и ловкость, чтобы обойти цензуру. Когда они не могли выражаться ясно, то вставляли понятные намёки, и публика вскоре научилась «читать между строками».

Это новое умственное движение быстро распространилось, как вдруг оно было остановлено политическими событиями на Западе. Февральская революция в Париже и политическое брожение, происходившее в продолжение 1848-49 годов почти во всех странах Европы, обезпокоили Императора и его советников. Русская армия была послана в Австрию, чтобы подавить Венгерское возстание и спасти Габсбургскую династию, и были приняты строгия меры к тому, чтобы предупредить беспорядки у себя дома. Одною из первых предосторожностей, принятых для обеспечения внутреннего спокойствия, было ограничение печати и прекращение разговоров о социальных реформах. С этих пор ничего не могло быть напечатано, что не согласовалось с ультрапатриотическою теориею русской истории, выраженной графом Бенкендорфом следующим образом: «Прошедшее было удивительно, настоящее более чем великолепно, а будущее превзойдёт всё, что может представить себе человеческое воображение». Боязнь революционных волнений сообщила также неофициальному миру и вызвала значительное патриотическое самодовольство. «Западные нации, – говорили патриоты, – нам завидуют, и если бы они знали нас лучше, если бы они могли видеть, до какой степени мы счастливы и благополучны, они завидовали бы нам ещё больше. Однако ж мы не должны отнимать у Европы нашей о ней заботливости. Ея враждебность не должна отклонять нас от нашего высокого призвания спасать порядок и давать покой народам; мы должны научить их повиноваться власти, как делаем это мы сами. Наше дело внести спасительный принцип порядка в мир, который сделался добычею анархии. Россия

не должна оставлять этой миссии, которая ей вверена Царём небесным и земным»*.

Люди, которые в знаменательном политическом движении 1848 года не видели ничего другого, кроме взрыва бессмысленной и безцельной анархии, которые думали, что их страна назначена возстановить порядок во всём цивилизованном мире, понятно, не имели ни времени, ни склонности думать о порядке у себя дома. С этих пор никто больше не говорил о необходимости социальных реформ; стремления и надежды, недавно возбуждённые, казались вполне забытыми. Критики возвратились к своей старой теории, что искусство и литература должны быть сами себе целью, а не служить вместе с тем средством для распространения идей, чуждых их природе. Одним словом, казалось, что все плодотворные идеи, некоторое время занимавшие общественное внимание, были писаны только на песке и теперь исчезли, не оставив за собою никакого следа.

В действительности, однако, это умственное движение было далеко не бесплодно. Большинство тех, которые ему сочувствовали и которых оно коснулось, было только доведено до молчания или до временного испуга. Хотя никакой протест не был дозволен в печати, но многие не разделяли ложного патриотизма, который учил, что злоупотребления всякаго рода должны быть переносимы с молчаливою покорностью, лишь бы Россия была могущественна в военном отношении и страшна для западных соседей. В Петербурге начали образовываться общества молодых людей, которые внимательно следили за политическою драмою, разыгрывавшеюся на Западе Европы, и изучали социальные и экономические вопросы, бывшие главною причиною волнений. Даже между теми, которые не трудились над изучением этих вопросов, находились

---

* Это писал Чаадаев, который за несколько лет прежде жестоко нападал на славянофилов, провозглашавших подобные же взгляды.

многие, инстинктивно отвергавшие толкование, усвоенное правительством и официальной прессой, и не разделявшие проклятий против политической свободы или восхвалений патриархального режима. Таким образом, консервативная реакция и сопровождавшая её антипатия против всех социальных и политических вопросов не были ни так сильны, ни так глубоки, как они казались. Когда вспыхнула Крымская война, она приобрели новую временную силу, но когда эта война кончилась несчастливо и император Николай умер, она исчезли как бы по волшебству и заменились таким страстным энтузиазмом к политическим и социальным реформам, какого Россия прежде ещё не видела. Это замечательное умственное и нравственное пробуждение и его важные практические последствия я опишу ниже.

Кажется, я достаточно сказал, чтоб доказать тесную умственную связь, существовавшую между Россией и Западною Европою начиная со времён Петра Великаго. Каждое умственное движение, происходившее здесь в последние полтора столетия, было отражением какого-нибудь движения, существовавшего во Франции или в Германии. Таким образом, окно в Европу, открытое Петром для своих подданных, хорошо исполнило своё назначение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ МОСКВА И СЛАВЯНОФИЛЫ

Редкости Москвы. — Канун Пасхи в Кремле. — Оригинальный обычай. — Анекдот об императоре Николае. — Московские улицы. — Новые перемены в характере города. — Обыкновенное понятие о славянофилах. — Моё мнение, основанное на личном знакомстве. — Образ мыслей славянофилов за сто лет тому назад. — Начало и развитие славянофильского учения. — Его чисто московский характер. — Панславистский элемент. — Славянофилы и освобождение крестьян. — Московские Ведомости

Москва так часто была описываема туристами разного рода — художниками, археологами, духовными, военными и красноречивыми, — что люди, читающие путешествия, должны быть достаточно знакомы с ее общим видом и с ее достопримечательностями. Я не буду поэтому утомлять читателя новою попыткою описания Москвы. Чтобы не отстать совершенно от общепринятого обычая, мне, может быть, следовало бы, по крайней мере, выписать здесь из моего дневника или по памяти «первые впечатления» при вступлении в древнюю столицу царей и при этом отдать долг удивления живописным красотам местности. Но к несчастью — или, может быть, к счастью — я тогда не записал своих впечатлений, а теперь, по прошествии значительного времени, мне было бы очень трудно возстановить их в своей памяти. Читатель, однако, ничего не теряет от этого, так как эти впечатления вовсе не были оригинальны и не стоили того, чтобы быть записанными.

В первые дни по приезде я, конечно, осмотрел все предметы, официально признаваемые достойными внимания: Кремль с его живописными башнями и шестивековыми историческими воспоминаниями; соборы, заключающие в себе гробницы мучеников, святых и царей; древняя церковь с их разукрашенными старинными иконами; патриаршую ризницу с богатою утварью и облачениями; старый и новый дворец; этнографический музей, заключающий в себе манекены представителей всех племён Империи в их костюмах; археологические коллекции, содержащая много предметов, напоминающих блеск древней Московии; картинную галерею с громадным произведением Иванова, в котором русские критики патриоты находят скрытые для других достоинства, ставящие её выше всех произведений Рафаэля. Я взобрался, конечно, на верхушку колокольни Ивана Великого и видел оттуда «золочённые куполы»* церковей, светло-зелёные крыши домов и в отдалении – слегка волнистую долину, над которою возвышаются Воробьёвы горы, откуда, говоря языком чичероне, Наполеон смотрел на покинутый город. Я ходил, конечно, по базарам, надеясь найти интересные образцы местной промышленности, и при этом мне навязывали всевозможные вещи, совершенно мне ненужные. Я обедал, конечно, в знаменитых трактирах, познакомился с икрою, осетриною и другими лакомствами, которыми славятся эти заведения, и был оглушён звуками колоссального органа, совершенно несоразмерного с величиною залы. Я посетил также несколько более скромных трактиров и с изумлением, смешанным с ужасом, смотрел, как там поглощаются целья моря чаю. Но многое из того, что я видел, оставило в моей памяти такое слабое впечатление или при ближайшем знакомстве стало столь обыденным, что я чувствую

---

* При этом, конечно, допускается маленькая поэтическая вольность. В действительности лишь весьма немногие куполы позолочены; большую же часть они выкрашены зелёною краскою, как крыши домов.

себя совершенно неспособным дать здесь интересную характеристику всего этого или найти в нём вдохновение для чувствительных размышлений.

Одну сцену помню, однако, хорошо. Это было накануне Пасхи, и я пошёл с приятелем в Кремль, чтобы присутствовать при пасхальных церемониях. Несмотря на то, что шёл сильный дождь, громадная толпа собралась в соборе и вокруг его. Толпа эта состояла из элементов очень разнообразных. Тут был терпеливый мужик, с бородой, в поношенном тулупе; толстый, самодовольный купец в своём длиннополом, чёрном и лоснящемся кафтане; дворянин в модном пальто с зонтиком; плохо одетая ревматическая старуха, дрожавшая от холода, и молодые девицы с блестящими глазами, закутанные в меховые шубы; седовласые старики с котомкою и посохом странника и шаловливые уличные мальчишки, принявшие в эту минуту неестественно степенное выражение. Всё это терпеливо стояло в ожидании доброй вести: «Христос воскрес!» С приближением полуночи шум голосов постепенно затихал, и когда в 12 часов большой колокол Ивана Великого загудел своим густым басом, со всех других московских колоколен по этому сигналу вдруг раздался радостный звон.

Так как мои воспоминания несколько туманны и притом церемониал русской церкви всегда казался мне очень сложным, то я не могу подробно описать здесь всё происходившее, но общее впечатление живо осталось в моей памяти. Все держали в руках зажжённые свечи, и эти тысячи маленьких огней производили оригинальное освещение, сообщавшее соседним зданиям живописный вид, которым они не могут похвастать при дневном свете. Между тем каждый из московских колоколов, – которым имя легион, – казалось, бешено желал заглушить звук своего соседа, причём торжественный «бом» большого колокола над нашими головами оригинальным образом смешивался с тонкими и острыми «тынг-тынг» своих бо-

лее мелких соперников. Если демоны живут в Москве и не выносят колокольного звона, – как обыкновенно предполагают, – то в эту ночь должен был происходить настоящий погром тёмного царства, подобный тому, какой описал Мильтон в своей поэме. А в дополнение к этому оглушающему шуму с Тайницкой башни ещё раздавались частые пушечные выстрелы! Я не могу сказать, в какой степени это введение артиллерии в церемонию возбуждало религиозный энтузиазм народа, но оно произвело удивительное влияние на моего русского приятеля, бывшего тут вместе со мною. В его нормальном состоянии это был человек спокойный, преданный науке, сторонник западной цивилизации вообще и Дарвиновской теории в частности и совершенный скептик в деле религии; но влияние всего нас окружавшего, особенно же пушек, вывело его из философского спокойствия. На минуту его православная московская душа пробудилась от своей обычной скептической и космополитической летаргии: перекрестившись несколько раз, – чего я прежде за ним никогда не замечал, – он схватил меня за руку и, указывая на толпу, сказал мне торжественным тоном: «Посмотрите, вот зрелище, которого вы не увидите нигде, кроме Белокаменной! Не правда ли, русский народ набожен?»

Я ответил односложным согласием на этот неожиданный вопрос и воздержался от смущения новорожденного энтузиазма моего друга каким-либо разногласием. Но я должен сознаться, что в моём еретическом мозгу внезапный взрыв оглушающего шума и ослепляющего света возбудил скорее воинственные, чем религиозные чувства. Я мог на минуту перенестись в старинную Москву и вообразить себе, что народ призывался отражать татарскую орду, уже подступавшую к воротам города.

Я сначала думал остаться до конца службы, чтобы видеть церемонию благословения пасхальных пирогов, которые – с воткнутыми в них зажжёнными свечами – стояли

длинными рядами вне собора; но дождь охладил моё любопытство, и я возвратился домой около двух часов ночи.

Если бы я остался, то увидел бы ещё другой оригинальный обычай, состоящий в том, что все раздают и принимают братские поцелуи. С тех пор я часто видел этот обычай. Теоретически следовало бы обнимать всех присутствующих и быть обнятым ими, – показывая этим, что все братья во Христе; но утончённость новой жизни ввела в практику нововведения, и теперь большею частью довольствуются таким объятием лишь своих друзей и знакомых. Обычай христосованья более или менее соблюдается всеми классами общества, и его исполняет даже сам Император.

Это напоминает мне анекдот, который рассказывают об императоре Николае. Выходя из кабинета утром в день Пасхи, он обратился к солдату, стоявшему у дверей на часах, с обычным в этот день приветствием: «Христос воскрес!» – и вместо обыкновенного «Воистинно воскрес» получил в ответ формальное отрицание: «Никак нет, Ваше Императорское Величество». Удивлённый таким неожиданным ответом, он тут же потребовал объяснения. Солдат, испугавшись своей собственной смелости, дрожащим голосом ответил, что он еврей и по совести не может допустить факта воскресенья. Эта смелость в исповедании своей веры так понравилась государю, что он сделал солдату богатый пасхальный подарок.

Русские вообще и москвичи, рассматриваемые как квинтэссенция всего русского, в частности, конечно, народ религиозный, как заметил мой приятель, но иногда эта набожность выражается в формах, которые почти шокируют протестантский дух. Как пример этого я укажу на домашние визиты иконы Иверской Божьей Матери...

Одна поездка или прогулка пешком по Москве может уже убедить путешественника, даже вовсе незнакомаго с русской историей, что этот город не есть создание прозорливаго и самовластнаго автократа, как его новый

соперник, но скорее естественный продукт, который медленно развивался и приспособлялся к изменчивым нуждам населения. Некоторым улицам придан европейский характер, – кроме мостовой, которая повсюду остаётся скверно азиатской, – чтобы удовлетворить вкусам обитателей, усвоивших себе европейскую цивилизацию; но в большинстве оне сохраняют многое из своего старинного характера и своей первобытной неправильности. Удаляясь от главных улиц, вы встречаете одноэтажные деревянные дома, которые кажутся как бы перенесёнными сюда из деревни, с двором, садом, конюшнею и другими принадлежностями. Всё это, конечно, несколько скучено, потому что земля здесь довольно ценна; но общий характер нисколько не изменяется, и вы с трудом верите, что находитесь не в предместье, а вблизи центра большого города. О городской архитектуре здесь нет и помину. Хотя улицы, очевидно, расположены по заранее составленному плану, но многия из них явно показывают, что оне обладали в своём детстве свойственным этому возрасту капризом и поворачивают направо или налево без всякаго топографического основания. Дома также обнаруживают значительную индивидуальность характера явным игнорированием своих соседей. Поэтому мы не находим ни террас, ни площадей, правильно устроенных. Правда, в городе имеется двойной ряд бульваров, но дома на этих бульварах вовсе не имеют той правильности, какую мы обыкновенно связываем с этим словом. Жалкия хижины, которыя в городах Западной Европы скрывались бы в узких переулках или закоулках, здесь покойно стоят рядом с палатами, без всякаго сознания непристойности своего положения, точно так, как наивный мужик в своём вонючем бараньем тулупе может находиться среди людей хорошо одетых, не чувствуя ни малейшей неловкости или смущения.

Все эти несообразности должны, однако, скоро исчезнуть или, вернее, уже исчезают. Москва сделалась те-

перь центром большой сети железных дорог и становится торговой и промышленною столицей империи. Быстро возрастающее народонаселение ее уже почти равняется народонаселению Петербурга. Цена земли и недвижимой собственности удвоилась или утроилась, и строительные предприятия, при помощи кредитных учреждений всякого рода, развиваются с лихорадочною быстротою. Эта предприимчивость осмелилась даже наложить свою нечестивую руку на достопочтенный Английский клуб – это дневное и ночное сходбище знаменитейших московских «древностей» мужского пола – и безцеремонно заставила членов его искать себе убежище в новом здании, выстроенном с спекулятивною целью каким-нибудь разбогатевшим евреем или другим подобным ему выскочкою-купцом. Люди старой школы могут сколько угодно жаловаться, что мир перевернулся, и сожалеть о старом времени олимпийского спокойствия. Доброе старое время исчезло навсегда. Древняя столица, долго гордившаяся своими историческими воспоминаниями, теперь гордится своим торговым благосостоянием и с доверием взирает на будущее. Даже славянофилы, эти смелые и упорные подвижники ультрамосковского духа, изменились с течением времени и опустились на уровень обыкновенной прозаической жизни. Эти люди, прежде употреблявшие целые годы на то, чтобы определить место Москвы в прошедшей и будущей истории человечества, теперь – к чести их – сделались городскими гласными и посвящают много времени изучению путей и средств к улучшению водопроводов и мостовых! Но я забегаю вперед. Предварительно я должен рассказать читателю – кто были эти славянофилы и почему они старались исправить общепринятые понятия о всеобщей истории.

Читатель, вероятно, слышал о славянофилах как о группе фанатиков, которые около 25 или 30 лет тому назад носили старинный русский костюм, отпускали себе боро-

ду, не обращая внимания на знаменитый указ Петра Великого и ясно выраженное желание императора Николая об этом предмете, прославляли московское варварство и торжественно объявляли вражду европейской цивилизации и просвещению. Туристы, посещавшие Москву в то время, считали их самую крупную достопримечательностью города и обыкновенно описывали не очень лестными красками. В продолжение Крымской войны они стояли в рядах самых крайних шовинистов, которые твердили о необходимости водрузить греческий крест на куполе святой Софии в Константинополе и надеялись видеть Императора провозглашённым «панславистским царём». После войны их часто обвиняли в том, что они измышляют турецкия жестокости, возбуждают недовольство между славянскими подданными султана и тайно затевают разрушение Отоманской империи. Всё это было мне известно до отправления моего в Россию, и потому славянофилы представлялись мне в романтическом свете. Вскоре по приезде в Петербург я услышал на их счёт рассказы, которые ещё увеличили интерес к ним. Мне говорили, что они вызвали большой переполох в высших официальных сферах своим прошением к Государю о возстановлении старинных земских соборов! Это показало мне их в новом свете; под видом археологического консерватизма они, очевидно, стремились к важным либеральным реформам. После всего этого понятно, что я постарался запастись рекомендательными письмами к таким интересным личностям и вскоре по приезде в Москву поспешил познакомиться с ними.

Как иностранец и еретик, я ожидал весьма холодного приёма со стороны этих крайних борцов русской народности и православной веры; но в этом отношении я был приятно обманут. Все они приняли меня самым любезным и дружеским образом, и я скоро открыл, что заранее составленная мною о них идея была далека от истины. Вместо диких фанатиков я нашёл спокойных, весьма интеллигент-

ных и хорошо воспитанных джентльменов, говорящих на иностранных языках с изяществом и лёгкостью и глубоко проникнутых тою западною культурою, которую они будто бы презирают. Это первое впечатление вполне подтвердилось дальнейшим опытом в продолжение многих лет дружеских сношений. Они всегда оказывались людьми с серьёзным характером и твёрдыми убеждениями и никогда не говорили и не делали ничего такого, что могло бы оправдать название фанатиков. Подобно всем теоретикам-философам они часто позволяли своей логике ослеплять их относительно фактов; но их рассуждения всегда были весьма благовидны, так что, если бы я был русским, они почти убедили бы меня сделаться славянофилом, по крайней мере на то время, пока они со мною говорили.

Чтобы понять их учение, необходимо знать кое-что об его происхождении и развитии.

Начало славянофильскаго чувства, которое не должно быть смешиваемо с славянофильским учением, должно быть отнесено ко второй половине семнадцатаго столетия, когда московские цари стали принимать нововведения в церкви и государстве. Эти нововведения глубоко не нравились народу. Значительная часть низших классов искала убежища в старом ритуализме, или сектаторстве, и воображала себе, что царь Пётр, принявший еретический титул «Императора», был представителем злого начала. Дворяне не пошли так далеко. Они остались членами официальной церкви и ограничивались допущением того, что Пётр был сыном не сатаны, но немецкаго хирурга, — происхождение, которое по понятиям того времени было немного менее предосудительно; но многие из них относились очень враждебно к нововведениям и горько жаловались на тягости, которыя налагались на них этими переменами. При ближайших преемниках Петра, когда не только принципы администрации, но и сами администраторы были немцы, эта враждебность ещё очень усилилась.

Пока нововведения обнаруживались только в официальной деятельности правительства, консервативный патриотический дух должен был хранить молчание; но когда чужеземное влияние распространилось на общественную жизнь придворной аристократии, оппозиция стала находить себе выражение в литературе. Во время Екатерины II, когда галломания достигла своего апогея, комедии и сатирические журналы осмеивали тех, которые, будучи ослеплены некоторыми блестящими талантами иностранцев, не только предпочитали чужия страны своему отечеству, но даже презирали своих сограждан и думали, что русский человек должен заимствовать всё, — не исключая и личного характера. Как будто природа, всё мудро устрояющая и дающая каждой стране дары и обычаи, соответствующие ее климату, была так несправедлива, что отказала русским в личном характере! Как будто она осудила их блуждать по всем странам и усваивать по крохам разные обычаи разных наций, чтобы составить из этой смеси новый характер, несоответствующий никакой другой нации! Можно привести множество отрывков этого рода, нападающих на «обезьянство» и «попугайство» тех, которые без разбору принимали иностранные манеры и обычаи, тех, которые «блуждали по всей Европе, подбирая пороки всех стран».

Иногда в этих обличениях употреблялись выражения и метафоры более сильные, чем утончённые. Один сатирический журнал рассказывает, например, забавную историю о русских поросятах, которые отправляются за границу для развития своего ума и возвращаются в отечество уже взрослыми свиньями. Национальная гордость была оскорблена мыслью, что русских можно было назвать «ловкими обезьянами, которые питаются чужим умом», и многие писатели, задетые такими упрёками, впадали в другую крайность, открывая в русском уме и характере неслыханные преимущества и сильно охуждая всё иностранное, чтобы

путём контраста яснее выставить эти преимущества. Даже признавая, что родина их не так успела в цивилизации, как некоторые другие страны, они поздравляли себя этим обстоятельством и в оправдание этого изобрели остроумную теорию, которая впоследствии была развита славянофилами. «Народы Запада, – говорили они, – начали своё существование раньше нас и потому ушли дальше нас; но мы не имеем никакого основания завидовать им в этом, потому что мы можем воспользоваться их ошибками и избежать тех глубоко вкоренившихся в них зол, от которых они страдают. Тот, кто только что рождается, счастливее того, кто приближается к смерти».

Мы видим, таким образом, что патриотическая реакция против введения иностранных учреждений и неразборчивое поклонение иностранной культуре существовали в России уже сто лет тому назад. Только форму философской теории они приняли гораздо позже, когда подобное же движение явилось в разных странах Западной Европы.

После крушения великой Наполеоновской империи в Европе распространилась, как эпидемия, реакция против космополитизма и романтический энтузиазм к национальности. Слепой, крайний патриотизм сделался модным чувством. Каждый народ стал с самодовольством любоваться собою, восхвалять свой характер и свои деяния, идеализировать своё историческое и мифическое прошлое. Национальные особенности, «местный колорит», старые обычаи, традиционные суеверия – словом, всё, что нация считала специально и исключительно своим, возбуждало теперь энтузиазм, подобный тому, какой возбуждали прежде космополитические понятия, основанные на законах природы. Это движение произвело и хорошие, и дурные результаты. Людей серьёзных оно привело к глубокому и тщательному изучению истории, национальной литературы, народной мифологии и т. п., между тем как в умах пустых и пылких оно породило лишь стремительный поток

патриотической горячности и риторических преувеличений. Славянофилы были русскими представителями этой национальной реакции, и они выставили как ее серьёзные, так и пустые элементы.

Одним из наиболее важных продуктов этого движения в Германии была Гегелевская теория всеобщей истории. По взглядам Гегеля, которые были приняты повсюду людьми, занимавшимися философскими вопросами, всеобщая история представляет «прогресс в сознании свободы» (*Fortschritt im Bewusstsein der Freiheit*). В каждом периоде всемирной истории, говорили гегелианцы, одна какая-нибудь нация или раса имела высокое назначение дать возможность абсолютному разуму (или *Weltgeist*) обнаружиться в объективном существовании, тогда как другие нации или расы не имели в это время метафизического основания для своего существования и никакого высокого назначения, кроме того, чтобы рабски подражать счастливому сопернику, в котором на это время воплотился этот *Weltgeist*. Это воплощение было сначала в Восточных монархиях, потом в Греции, затем в Риме, и наконец, в германской расе. При этом обыкновенно принимали, если и не высказывали прямо, что этот мистический метемпсихоз абсолюта достиг теперь своего конца. Круговорот завершился, мировой дух нашёл в германских народах своё высшее и конечное выражение!

Русские вообще не знали немецкой философии и насколько не волновались этими идеями; но в Москве была маленькая группа молодых людей, которые с жаром занимались немецкою литературою и метафизикою, и они были очень оскорблены взглядами Гегеля.

Со времени блестящего царствования Екатерины II, которая победила турок и мечтала о восстановлении Византийской империи, и особенно после памятных событий 1812–15 годов, когда Александр I явился освободителем порабождённой Европы и решителем ее судеб, – русские

питали твёрдое убеждение, что их отечеству предназначено играть весьма важную роль в истории человечества. Уже великий русский историк Карамзин провозглашал, что с этих пор Клио должна молчать или предоставить России видное место в истории народов. По теории же Гегеля, вся славянская раса назначена прозябать без всякой возвышенной миссии, не провозвестя миру никаких новых истин, не произведя ничего лучшего, кроме подражаний немцам! Молодые философы, московские патриоты, конечно, не могли примириться с таким взглядом. Принимая главные принципы теории Гегеля, они объявляли её неполною. По их мнению, этот недостаток заключался в предубеждении, что человечество уже вступило в окончательное состояние своего развития. Тевтонская нация, может быть, в данную минуту стоят во главе цивилизации, но нет никакого основания предполагать, что оне навсегда сохранят это привилегированное положение. Напротив, у них является много признаков, указывающих на то, что их выдающееся положение клонится к концу. «Западная Европа, – говорили русские патриоты, – представляет странное и печальное зрелище – борьбу мнений, борьбу властей, борьбу престолов. Наука, искусство и религия – эти три главные двигателя общественной жизни – потеряли свою силу. Мы отваживаемся высказать уверенность, которое теперь для многих может показаться странным, но которое чрез несколько лет будет слишком очевидным: Западная Европа быстро идёт к разрушению. Между тем мы молоды, сильны и нисколько не причастны к грехам Европы. Мы назначены исполнить великую миссию. Наше имя уже написано на скрижалях победы, теперь нам надо вписать наш гений в историю человеческого духа. Победа более высокая – победа науки, искусства и закона – ожидает нас на развалинах пошатнувшейся Европы»*.

---

* Так писал князь Одоевский.

Это заключение поддерживалось аргументами, взятыми из истории или, по крайней мере, из того, что считалось историей. Европейский мир представлялся как бы состоящим из двух полушарий: восточного или греко-славянского, с одной стороны, и западного или римско-католического и протестантского – с другой. Эти два полушария, говорили славянофилы, различаются между собою многими характеристическими чертами. У обоих христианство образовало сначала основу цивилизации; но на западе оно исказилось и дало ложное направление умственному развитию. Поставив логический разум учёных выше внутреннего сознания всей церкви, римский католицизм произвёл протестантство, которое провозгласило право индивидуального исследования и через это породило бесчисленное множество сект. Развившийся таким образом сухой, логический ум создал философию чисто интеллектуальную, одностороннюю, которая неизбежно ведёт к совершенному скептицизму, делая людей неспособными видеть великия истины, стоящая выше сферы умствования и логики. Греко-славянский мир, напротив, принявши христианство не от Рима, но от Византии, получил чистое православие, истинный свет и таким образом избавился как от папской тирании, так и от протестантского свободомыслия. Поэтому восточные христиане верно сохранили не только древние догматы, но также и древний дух христианства, дух благочестиваго смирения, покорности и братской любви, которым поучал нас Христос Своими наставлениями и Своим примером. Если восточные христиане ещё не обладают философию, то они создадут такую, которая превзойдёт все предшествовавшия системы, потому что в творениях греческих отцов церкви они найдут источник учения более широкаго, глубокаго и истиннаго, чем сухой и тщедушный рационализм Запада, – источник философии, основанной не на одной только логической способности, но на более широком основании – на человеческой природе, взятой в целости.

Основные характеристические черты греко-славянского мира, говорит далее славянофильская теория, обнаружались в истории России. Между тем как во всём западном христианстве принцип индивидуального исследования и беззаботного личного эгоизма истощили общественные силы и привели общество к неисцелимой анархии и роковому разложению, – социальная и политическая история России отличалась стройным и мирным характером. Она не представляет ни борьбы между различными классами общества, ни столкновений между церковью и государством. Все факторы действовали единодушно, и развитие было руководимо духом чистаго православия. Но в этой гармонической картине есть большое, безобразное и чёрное пятно – это Пётр, несправедливо названный Великим, и его так называемыя реформы. Вместо того чтобы следовать мудрой политике своих предков, Пётр отверг национальныя традиции и приложил к своей стране, принадлежащей к восточному миру, принципы западной цивилизации. Его реформы, задуманныя в чуждом духе и выработанныя людьми, не обладавшими национальными инстинктами, были навязаны нации против воли, и в результате получилось именно то, чего следовало ожидать. Широкая славянская натура не могла быть контролируема учреждениями, изобретёнными немецкими педантами-бюрократами с узким умом; и потому она, подобно Самсону, опрокинула здание, в которое иностранные законодатели старались её запереть. Попытка ввести иностранную умственную культуру имела ещё худший результат. Высшие классы, очарованные и ослеплённые блеском западной науки, с жадностью накиннулись на новооткрытыя сокровища и таким образом сами осудили себя на нравственное рабство и умственное бесплодие. Но к счастью, – и в этом заключается один из основных принципов славянофильскаго учения, – масса народа не заразилась наносною цивилизациею. Среди всех перемен, которым подвергались

администрация и дворянство, крестьяне набожно сохраняли в своих сердцах «живое наследство старины», сущность русской национальности – «чистый источник живой воды, скрытый и неведомый, но могущий»*. Отыскать это потерянное наследство, изучая характер, обычаи и учреждения крестьян, вывести опять образованные классы на дорогу, с которой они удалились, восстановить это умственное и нравственное единство, которое было разстроено чужеземными заимствованиями, – такова была задача, которую поставили себе славянофилы.

Глубоко пропитанные романтическим духом, наложившим свою печать на всю интеллектуальную деятельность того времени, славянофилы часто предавались самым сумасбродным преувеличениям, осуждая всё иностранное и восхваляя всё русское. Находясь в таком настроении духа, они в истории Запада видели только насилие, рабство, эгоизм, а в своей истории – только естественные побуждения, свободу, мир. То обстоятельство, что Россия не пользовалась свободными политическими учреждениями, было представляемо как драгоценный плод того духа христианской покорности и самоотречения, который ставит русскаго неизмеримо выше гордаго и себялюбиваго европейца; и так как Россия была бедна элементами благосостояния и удобств обыкновенной жизни, то Запад обвинялся в том, что он из комфорта сделал себе Бога! Не стоит, впрочем, долго останавливаться на этих ребяческих глупостях, которыя только прославили своих авторов как людей невежественных и тупых, пропитанных ненавистью к просвещению и желающих вернуть своё отечество к временам его первобытнаго варварства. То, что славянофилы действительно осуждали, по крайней мере в более спокойныя минуты, – это была не европейская цивилизация, но то, что соотечественники их усваивали себе эту цивилизацию без всякой критики, без

---

* Любимая тема Хомякова, славянофильскаго поэта и богослова.

разбора. И мы должны относиться снисходительно к их тирадам против иностранной умственной культуры, если только припомним, что многие русские высших классов говорили и писали по-французски лучше, чем на своём родном языке, и что даже великий народный поэт Пушкин не постыдился признать, что язык Европы ему более фамилиарен, чем его родной язык*.

Славянофильское учение хотя произвело большой шум в свете, однако никогда не имело много приверженцев. Петербургское общество считало его одною из тех невинных эксцентричностей, которая всегда встречается в Москве. В новой столице с иностранным названием, с улицами и площадями на европейский манер, с дворцами и храмами в стиле эпохи Возрождения, с ея страстною любовью ко всему французскому всякая попытка воскресить древния времена бояр была бы в высшей степени смешна. И действительно, вражда к Петербургу и «петербургскому периоду русской истории» есть одна из характеристических черт настоящего славянофильства. В Москве это учение нашло среду более благоприятную. Там – древния церкви с гробницами великих князей и святых мучеников, дворец, в котором жили московские цари, Кремль, противостоявший нападениям диких татар и еретических поляков; чтимыя иконы, которые не раз спасали народ от опасностей; лобное место, откуда в торжественных случаях царь или патриарх говорили к собравшемуся народу, – всё это и сотня других памятников, освящённых преданием, сохраняли в памяти народа некоторые смутныя воспоминания о старых временах и ещё способны возбудить археологический патриотизм. Жители также

---

* В письме к брату Л. С. Пушкину [первая половина ноября 1824 г. Михайловское] А. С. Пушкин писал: «Незабудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за Нехристь? он русской, из перерусских русской». Таково характерное отношение А. С. Пушкина к русскости. И ещё: «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости ни стыда...» [Князю П. А. Вяземскому. 27 мая 1826 г. Псков] (Прим. ред.)

сохранили нечто из древнего московского характера. В то время, когда государи последовательно старались сделать из России прогрессивную европейскую империю, Москва оставалась очагом пассивного консерватизма и убежищем недовольных, особенно – разочарованных искателей царских милостей. Оставленная новыми императорами, Москва может гордиться своими древними царями. Но всё-таки и москвичи не были готовы принять славянофильское учение в его крайних формах и были немало поражены эксцентричностью его приверженцев. Простые люди с здравым смыслом хотя могли гордиться тем, что они граждане древней столицы, и забавляться шутками насчёт Петербурга, но не могли понять этого кружка энтузиастов, которые не искали ни чинов, ни наград, которые пренебрегали многими вещами, условно принятыми в высших классах, к которым они принадлежали по рождению и воспитанию, которые любили браться с простым народом и одевались в национальный костюм, оставленный дворянами со времён Петра Великого.

Славянофилы, таким образом, составляли только маленькую литературную партию, в которой, вероятно, никогда не было более двенадцати человек; но их влияние было несоразмерно с их числом. Они с успехом проповедовали учение, что историческое развитие России совсем особенное, что ея настоящая общественная и политическая организация совершенно отлична от организации народов Запада и что поэтому общественные и политические недуги, от которых страдает Россия, не должны быть лечимы при помощи тех средств, которые оказались действительными во Франции и Германии. Эти истины, которые теперь кажутся общеизвестными, тогда далеко не всеми были признаваемы, и славянофилам принадлежит заслуга, что они обратили на них общее внимание. Кроме того, они способствовали пробуждению в высших классах живой симпатии к бедным, угнетаемым и презираемым

крестьянам. При жизни императора Николая славянофилы ограничивались деятельностью чисто литературною; но с началом настоящего царствования они могли выйти на арену практической деятельности и играли весьма полезную и почётную роль в деле освобождения крестьян. Об этом предмете я ещё буду иметь случай говорить после. В новом местном самоуправлении – в земских и городских учреждениях – они также работали энергически и похвальным образом.

А их панславистские стремления? Этот предмет в настоящее время представляет особый интерес; но о нём нельзя сказать многого. Согласно их теории, они должны были устремить своё внимание на всё славянское племя в целости, но они оставались более русскими, чем славянами, и более москвичами, чем русскими. Элемент панславистский поэтому всегда занимал второстепенное место в учении славянофилов. Хотя славянофилы много сделали для возбуждения народного сочувствия в пользу южных славян и всегда питали надежду, что эти племена когда-нибудь сбросят с себя немецкое и турецкое ярмо; но они никогда не предлагали никакого выработанного проекта для решения восточного вопроса. Сколько я мог понять из разговоров с ними, они, кажется, склоняются к идее большой славянской федерации, в которой гегемония, конечно, принадлежала бы России. В обыкновенное время они для осуществления этой идеи только собирали деньги на поддержание школ и церквей австрийских и турецких славян и на воспитание в России молодых болгар. Во время Критского возстания они горячо сочувствовали инсургентам как своим единоверцам; но с тех пор их эллинские симпатии значительно уменьшились, потому что греки обнаружили различныя политическия стремления, непримиримыя с панславизмом, и оказались способными сделаться скорее соперниками, чем союзниками славян. Во время последних замешательств на Балканском полуострове

славянофилы были очень деятельны и очень ревностны в посылке всякого рода пособий сербам.

Печать Западной Европы обыкновенно смешивает славянофилов с партией «Московских Ведомостей», издаваемых г. Катковым. В действительности эти две группы далеко не тождественны. «Московския Ведомости» не питают никакой особенной нежности к древней России, никакого благоговения к крестьянской общине; оне скорее сочувствуют землевладельцам, чем крестьянам, на все вопросы смотрят скорее с точки зрения политической, чем этнологической или религиозной, принадлежат к старой школе политико-экономистов и защищают принципы свободной торговли. Как в этом, так и в других отношениях оне совершенно отличаются от славянофилов. Но и «Московския Ведомости», и славянофилы представляют одну общую черту, благодаря которой, может быть, их и смешивают: при всех политических условиях и те и другие обнаруживают сильный патриотический и воинственный жар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Петербург и Москва. — Россия вне области средневекового папского права. — Влияние греческой церкви. — Русская церковная история. — Отношения между церковью и государством. — Восточное православие и русская национальная церковь. — Синод. — Ропот духовенства. — Местная церковная администрация. — Чёрное духовенство и монастыри. — Характер восточной церкви отражается в истории религиозного искусства. — Практические результаты. — План возсоединения церквей

Так как мне часто приходилось слышать, что русские — народ в высшей степени религиозный, то я при первом посещении Петербурга был несколько изумлён, заметив, что лица, с которыми мне приходилось сталкиваться, выказывали в религиозном отношении замечательное равнодушие. Хотя они и были неизменными последователями греческой православной церкви и привыкли, до известной степени, соблюдать её обряды, однако в них не было заметно и склонности к пустым религиозным разглагольствиям. Некоторые из моих друзей, которым я сообщил о своём впечатлении, старались объяснить его тем, что Петербург — город скорее космополитический, нежели русский, и уверяли меня, что именно русский дух я найду в Москве.

Позднейшее и довольно продолжительное знакомство с москвичами скорее усилило, чем смягчило мои петербургские впечатления, и вполне убедило меня в том, что большинство русского образованного общества, несмотря

на свою горячую привязанность к своей церкви, совсем не «религиозно» в том смысле, в каком мы обыкновенно употребляем это слово. Впрочем, в древней столице – главным образом среди людей более или менее славянофильского образа мыслей – мне приходилось встречать людей, очевидно горячо интересовавшихся церковными вопросами. Они уверяли, что православие составляет один из существеннейших элементов русской национальности и что невозможно понять историю и настоящее положение России, не ознакомившись с историей и настоящим положением русской церкви. Хотя такое мнение и показалось мне несколько преувеличенным, однако я счёл за нужное уделить этому предмету некоторое внимание и теперь намерен сообщить читателю некоторые из важнейших результатов моих исследований в этой области.

Если папам и не удалось осуществить свой грандиозный план создания обширной европейской империи, основанной на теократических началах, то они успели, по крайней мере, внушить всем народам, признавшим духовное господство Рима, чувство братской связи и неопределённое сознание общности их интересов. Оставаясь политически независимыми и нередко находясь между собою в неприязненных отношениях, все эти народы всё-таки видели в Риме столицу христианского мира и в папе – представителя высшей власти на земле. Хотя церковь и не уничтожала национальностей, однако она всё-таки уменьшала политическую обособленность и служила путём для международных сношений, вследствие чего умственный и общественный прогресс каждой отдельной нации сообщался и остальным членам великого христианского союза. Везде, где признавалась папская власть, все образованные люди имели общий язык, общую литературу, общий научный метод и, до известной степени, общия юридические понятия. Таким образом, западное христианство не было только абстрактным понятием или географическим тер-

мином; оно создавало единство – если не политическое, то, по крайней мере, религиозное и умственное.

Россия в продолжение многих веков стояла вне этого религиозного и умственного союза, так как её церковь связывала её не с Римом, а с Византией, и католическая Европа смотрела на неё как на одну из варварских стран Востока. Когда татарские орды прошли по равнинам России, предавая огню города и сёла, и наконец включили эту страну в пределы великаго царства, так называемый христианский мир не принял в этой борьбе никакого участия, исключая того, что делалось для ограждения собственной безопасности. С течением времени обособленность двух сторон христианства обозначалась всё резче и резче. Чрезмерныя притязания и честолюбивые замыслы Ватикана вызвали в греко-православном мире враждебное отношение к римско-католической церкви и вообще ко всякому западному влиянию. Эта вражда была настолько сильна, что когда в XV и XVI столетиях народы Запада пробудились от своей духовной летаргии и двинулись вперёд по пути умственного и материальнаго прогресса, Россия не только осталась неподвижною, но смотрела на новую цивилизацию с недоверием и страхом, как на нечто еретическое и заслуживающее осуждения. В этом и заключается одна из главных причин того, что русский народ и до настоящего времени во многих отношениях стоит назади западноевропейских наций.

Но принятие христианства из Византии имело на судьбу России не одно только это, отрицательное, влияние. Отрицая римско-католическую цивилизацию, греческая церковь имела в то же время сильное положительное влияние на развитие русскаго народа.

Западная церковь унаследовала отчасти от древняго Рима тот логический, юридический и административный склад понятий, под влиянием котораго создалось римское законодательство, а также и то честолюбие, и ту упорную

энергическую настойчивость, благодаря которым некогда весь известный мир был объединён в великую централизованную империю. Римские епископы рано стали замышлять возстановление древней империи на новой основе и постоянно стремились к тому, чтобы создать универсальное христиански-теократическое государство, в котором короли и другие представители светской власти были бы подчинены наместнику Христа на земле. Восточная церковь, напротив, осталась верна своим византийским преданиям и никогда не имела подобных грандиозных притязаний. Привыкнув опираться на содействие светской власти, она всегда довольствовалась второстепенною ролью и никогда не оказывала сильного сопротивления образованию национальных церквей.

В продолжение почти двух столетий со времени принятия христианства – от 988 до 1240 г. – Россия, в церковном смысле, составляла часть константинопольского патриархата. Митрополиты и епископы были греки по рождению и воспитанию; церковная администрация находилась под руководством и контролем византийских патриархов. Но со времени татарского нашествия, когда сношения с Византиею сделались затруднительнее, а число образованных лиц среди местного духовенства возросло, эта полная зависимость от патриархов стала прекращаться. Князья присвоили себе право самим избирать киевского митрополита, бывшего в то время высшим сановником русской церкви, – и только посылали избранных в Константинополь для посвящения. Около 1448 года и эта формальность была оставлена и митрополит стал посвящаться собором русских епископов. Дальнейший шаг к утверждению церковной автономии был сделан в 1589 году, когда царю (Феодору Ивановичу) удалось добиться посвящения всероссийского патриарха, который по сану и власти стал наравне с патриархами константинопольским, иерусалимским, антиохийским и александрийским.

С внешней, формальной стороны московский патриарх был лицом очень важным. Он имел значительное влияние не только на церковные, но и на светские дела, носил титул «великаго государя», бывший прежде принадлежностью только светскаго главы государства, и пользовался от народа почти таким же почётом, как и сам царь. Но в действительности он не пользовался значительной независимостью. В делах церковных, как и в светских, действительно полномочным распорядителем был царь*.

Достоинство патриарха в русской церкви было уничтожено Петром Великим. Пётр желал, между прочим, преобразовать церковную администрацию и ввести в своей стране многия нововведения, которых большинство духовенства и народа считало еретическими; он понимал, что патриарх благочестивый (в старом смысле) и энергичный может причинить ему значительныя затруднения и неприятности. Хотя такой патриарх и мог бы быть лишён сана без резкаго нарушения канонических формальностей, но подобный поступок неизбежно вызвал бы сильное волнение и потерю времени. Пётр не любил длинных церемоний и предпочёл устранить представившееся ему препятствие своим обычным способом. По смерти патриарха Адриана Пётр в продолжение двадцати лет не назначал ему преемника, и когда народ, вследствие этого, уже привык жить без патриарха, тогда было объявлено, что патриархов больше не будет. Место патриарха заняла духовная коллегия или синод, направляемый властью Петра и регулируемый

---

* Так как этот факт нередко отрицается русскими, то не лишнее будет сослаться на один из многих авторитетов. Митрополит Макарий, которого учёность и авторитетность не подлежат сомнению, говорит о Дмитрие Донском: «Он присвоил себе полную неограниченную власть над главою русской церкви и, следовательно, над всею русскою церковью» (Ист. рус. Церкви, V, 101). Это говорится о великом князе, который имел сильных соперников и нуждался в содействии церкви. Когда великие князья сделались царями и когда у них уже не было соперников, власть их, конечно, не уменьшилась. Желающих дальнейшего подтверждения этой мысли отсылаю к биографии знаменитаго патриарха Никона.

его вниманием, как объясняет один современник. Великий самодержец сознавал, что такой коллегией управлять гораздо легче, чем своевольным патриархом, – и наследники его признали это мероприятие благоразумным. Мысль о восстановлении патриаршества возникала впоследствии много раз, но никогда не получала осуществления. Святейший синод остаётся и, по всей вероятности, останется высшею церковною властью.

Но каковы же отношения Императора к Синоду и к Церкви вообще?

Многие из русских имеют относительно этого предмета свою излюбленную теорию, смутно сознавая, впрочем, что эта теория не вполне соответствует действительности. Они утверждают, что православная церковь не имеет иного «главы», кроме Христа, и что она, в этом социальном смысле, независима от какой бы то ни было земной власти. В этом отношении её нередко сопоставляют с церковью англиканскою, и это сопоставление вызывает полурелигиозное, полупатриотическое одушевление, которое выражается не только в частных беседах, но и в литературе. Так, например, Хомяков в одном из наиболее восторженных своих стихотворений пророчествует, что Бог когда-нибудь возьмёт всемирное господство Англии и передаст его России, и в оправдание этого указывает на то, что «Англия преступною рукою приковала Божью церковь к пьедесталу брэнной земной власти». Такова теория. Что касается до практики, то не подлежит сомнению, что в Англии церковь свободнее, чем в России, и что в последней государственная власть имеет больше влияния на церковныя дела.

Кто знаком с внутренней историей России, тот очень хорошо знает, что правительство не делает резкого разграничения между отношениями светскими и духовными и что оно, при случае, пользуется церковною организацией для целей политических.

Для избежания недоразумений следует строго отличать восточную православную церковь как целое от церкви русской как части этого целого.

Восточная (или, как она иногда называется, греческая) православная церковь представляет, собственно говоря, союз независимых церквей без всякой центральной власти – единение, основанное на общности догматов и на теоретической, но в настоящее время неисполнимой, возможности созывать вселенские соборы. Русская национальная церковь есть один из членов этого церковного союза. В вопросах веры она обязана соблюдать постановления древних вселенских соборов, но во всех других отношениях пользуется совершенною независимостью и автономиею.

По отношению к православной церкви как целому русский Император есть не более, как простой ея член, и точно так же не может вмешиваться в ея догматы и обряды, как итальянский король или французский Император не может изменять богословского учения римско-католической церкви. Но по отношению к русской национальной церкви положение Императора особенное; в одном из основных законов он называется «верховным защитником и охранителем догматов господствующей веры», и вслед затем сказано, что «самодержавная власть в делах церковного управления действует через посредство учреждённого ею Святейшаго Правительствующаго Синода»*. Таким образом, отношения между самодержавною властью и церковью определены довольно точно. Император – только защитник догматов веры и не может сделать в них ни малейшаго изменения; но в то же время он – верховный правитель церкви, и синод есть орудие его власти.

Некоторые остроумные люди, желая доказать, что учреждение синода вовсе не было нововведением, представляли его как возстановление древних поместных соборов; но это мнение совершенно несостоятельно. Синод

---

* Свод законов, I, §§ 42, 43.

вовсе не есть собор депутатов от различных церковных округов; это – постоянная коллегия или церковный сенат, члены которого назначаются и увольняются Императором по его усмотрению. Синод не имеет независимой законодательной власти, и предлагаемые им законопроекты становятся законами только в том случае, когда они получают Императорское утверждение; они публикуются не от имени церкви, но всегда от имени Высочайшей власти. Синод не имеет самостоятельности даже и в обыкновенных административных делах, так как все его постановления идут на утверждение Обер-прокурора – лица светского и назначаемого Императором. Теоретически обер-прокурор возражает только против тех распоряжений синода, которые не согласуются с общими законами страны; но так как он один имеет право обращаться по церковным делам непосредственно к Императору и так как все сношения между Императором и Синодом ведутся через это должностное лицо, то обер-прокурор в действительности пользуется значительной властью...

Не следует, впрочем, думать, что русское духовенство относится к государственной власти с недоброжелательством или неудовольствием. Почти все представители духовного сословия – верные подданные и горячие приверженцы самодержавия. Идеи церковной независимости, столь распространённые в Западной Европе, и тот дух борьбы против светской власти, которым проникнуто духовенство римско-католическое, совершенно чужды духовенству русскому. Если иногда какой-нибудь епископ и пожалуется в беседе с другими на то, что он вызван в Петербург и сделан членом синода только для того, чтобы подписывать бумаги и давать своё согласие на заранее решённые мероприятия, то это неудовольствие направлено не против государя, а только против прокурора. К государю он питает полную верность и преданность и вовсе не имеет желаний устранить светское правительство от всякого влияния на церковные

дела; но он чувствует некоторую неловкость, видя, что всё церковное управление находится в руках светского чиновника, который может быть и военным и, конечно, смотрит на все вопросы с чисто светской точки зрения.

Иностранец, услышав среди духовенства ропот или в светском обществе – выражение недовольства существующим порядком вещей, может, пожалуй, предположить, что в настоящее время происходит скрытая борьба между церковью и государством и организуется партия переворота. На самом деле ни такой борьбы, ни такой партии не существует. Я слышал, как русские предлагают и обсуждают всевозможные политические и социальные реформы, но никогда в моём присутствии не заходила речь о каком-либо преобразовании относительно церкви. Я не знаю даже, как выразить это понятие на русском языке, – разве в каких-нибудь описательных выражениях. Пока существует самодержавная власть, до тех пор ни одна отрасль управления не может быть изъята из её ведения и контроля.

Эта тесная связь между церковью и государством и вполне национальный характер русской церкви достаточно объясняются историею местного духовного управления. Администрация, и светская, и духовная, всегда имела один и тот же характер, и если изменялась, то под влиянием одинаковых условий. Система устрашения, охотно применявшаяся московскими царями и при Петре достигшая своего высшего развития, одинаково действовала как в той, так и в другой отрасли управления. В епископских окружных посланиях, как и в царских указах, находим частыя упоминания о «жестоком наказании на теле», о «нешадном битье кнутом, дабы злодею и другим впредь такое воровство чинить было неповадно», и многое другое в том же роде. И эти страшно строгия меры принимались иногда против совсем неважных проступков. Так, например, вологодский епископ в 1748 году предписал «подвергать жестокому на теле наказанию попов, ходящих раздранно и непристойно», – и в

протоколах консисторий находится много доказательств, что подобные распоряжения строго соблюдались. Когда Екатерина II внесла в светское управление более гуманные начала, в консисториях были внезапно отменены телесные наказания и порядок делопроизводства был изменён соответственно основаниям светского законодательства. Но – не стану утомлять читателя скучными историческими подробностями. Достаточно сказать, что со времён Петра Великого в истории церковного управления отражается характер всех более или менее энергичных государей.

Каждая губерния представляет вместе с тем и епархию, и епископ, подобно гражданскому губернатору, имеет при себе совет, который, по теории, должен контролировать его власть, но фактически не имеет никакого контролирующего влияния. Консистория, имеющая, теоретически, весьма важное церковно-административное значение, на практике представляет просто епископскую канцелярию, а её члены – не более как секретари, главная задача которых заключается в том, чтобы исполнять желания своего начальника; чем меньше власти имеют они, тем лучше для тех, которые имеют несчастье быть им подчинёнными, – по крайней мере, до тех пор, пока эти отношения не будут существенным образом изменены. Более высокопоставленные сановники имеют, большею частью, более широкия цели и сознание важности своего положения; но низшие чиновники, не сознающие этих спасительных пределов и получающие до смешного ничтожное жалование, грубо злоупотребляют данною им маленькою властью и обыкновенно самым беззастенчивым образом предаются вымогательству и взяточничеству. Консистории в этом отношении – то же, чем были во времена императора Николая губернская правления.

Церковная администрация находится совершенно в руках монахов, или, как их обыкновенно называют, «чёрного духовенства», составляющего многочисленный и влиятельный класс.

Первые монахи, появившиеся в России, были, подобно тем, которые являлись в северо-западной Европе, люди строгого аскетического миссионерского типа. Полные ревностного усердия к славе Божией и спасению душ, они мало или вовсе не заботились о завтрашнем дне в уверенности, что Отец небесный, без воли которого и малый птенец не упадёт из гнезда, позаботится о их незначительных нуждах. Бедные, одетые в рубище, с запасом самой простой пищи и всегда готовые поделиться тем, что имеют, с беднейшими, они верно и надлежащим образом исполняли дело, возложенное на них Господом и Учителем. Но этот идеал монашеской жизни и в России, как и на Западе, скоро уступил место менее простому и менее строгому обычаю. Благодаря щедрым даяниям и приношениям верующих, монастыри обогатились золотом, серебром, драгоценными камнями и в особенности – землёю и крепостными людьми. Так, например, Троице-Сергиевская лавра имела одно время 120 000 душ крестьян и соответствующее количество земли; говорят, что в начале прошлаго столетия более четверти всего населения России находилось в зависимости от церкви. Многие монастыри занимались торговлею, и если верить Флетчеру, посетившему Россию в 1588 году, – монахи были наиболее сметливыми купцами во всём государстве.

В прошлом столетии недвижимыя церковныя имущества стали отбираться и церковные крепостные крестьяне отошли в казну. Это было для монастырей тяжким ударом, но не имело таких роковых последствий, какия многими предсказывались. Некоторые монастыри были упразднены, другие оказались в крайне бедственном положении; но многие остались способными к дальнейшему существованию и процветанию. Они уже не имели права владеть крепостными, но им оставались ещё три доходныя статьи: известное количество имущества, правительственныя субсидии и добровольныя даяния верующих. В настоящее время существует около 500 монастырей, и большая часть из них

хотя и не богаты, но пользуются доходами достаточными для того, чтобы удовлетворять потребностям аскетической жизни. История монастырей в России, как в Западной Европе, может быть, следовательно, изложена в трёх главах, которые могут быть обозначены кратко следующим образом: аскетизм и миссионерская деятельность; богатство, роскошь и порча; лишение имущества и упадок. Но между монастырской жизнью на Востоке и на Западе существует, по крайней мере, одно замечательное различие. Монастырская жизнь на Западе в различные эпохи своей истории обнаруживала сильное стремление к внутреннему возрождению; это стремление выражалось основанием особых орденов, из которых каждый преследовал свою особенную цель, действуя в какой-либо специальной области. В России мы не находим ничего подобного. Здесь монастыри никогда не уклонялись от устава св. Василия, ограничивающего деятельность монахов религиозными обрядами, молитвою и созерцанием. Иногда какая-нибудь отдельная личность возвышала голос против главнейших злоупотреблений или покидала свой монастырь, чтобы посвятить остаток дней своих аскетическому уединению; но ни в монашестве вообще как в целом, ни в каком-либо отдельном монастыре мы не находим произвольного сильного движения в пользу реформы. В течение последних двух столетий были произведены некоторые реформы; но все они были делом светской власти, и участие монахов в их осуществлении ограничивалось только пассивной покорностью. Вот новое доказательство неподвижности и равнодушия, а также и недостатка в собственной инициативе, составляющего одну из наиболее характерных черт русской национальной жизни. Как на этом, так и на других поприщах национальной действительности почин исходил не от народа, а от правительства.

Моё личное знакомство с русскими монастырями слишком незначительно, чтобы позволить мне сделать решительный отзыв о их настоящем положении; но могу

сказать, что во время случайных посещений некоторых монастырей я всегда неприятно поражаюсь тем торгашеским духом, который в них, по-видимому, господствует. Некоторые из них показались мне почти что богадельнями для лентяев, и не раз я имел случай убедиться, что и между монахами, как и между простыми смертными, леность ведёт к пьянству и прочим порокам.

Если в русской церкви существует что-либо, что может быть названо духом партии, то это именно враждебные отношения между белым и чёрным духовенством, то есть между обыкновенными духовными лицами и монахами. Представители белаго духовенства считают несправедливостью то, что на их долю выпадают почти все тяжёлые обязанности и ни одна из почестей, соединённых с духовным званием. Монахи, с своей стороны, считают белое духовенство чем-то вроде духовной полукасты и полагают, что оно должно безропотно повиноваться своим властям.

Этот антагонизм, наряду с общими преобразовательными стремлениями, характеризующими нынешнее царствование, возбудил в русском духовном сословии некоторое движение и дал иным сангвиническим людям, проникнутым светскими идеями, повод думать, что церковь намередается, наконец, выйти из своей давнишней неподвижности. Я полагаю, что подобных ожиданий не могут разделять люди, внимательно и беспристрастно изучавшие историю и современное положение русской церкви.

Всё, что можно уподобить религиозному возбуждению в нашем смысле этого понятия, резко противоречит всем её традициям. Неподвижность, пассивное сопротивление внешним влияниям всегда были и теперь ещё остаются основными характерными чертами её образа действий. Она гордится тем, что стоит выше земных влияний. В продолжение последних двух столетий русская история представляет непрерывный ряд существенных преобразований – политических, умственных и нравственных; но

дух национальной церкви остаётся неизменно тем же. Преобразования, произведённые в её административной организации, не коснулись её внутренней сущности. По духу и характеру она и теперь – всё та же, какую была при патриархах, во времена московских царей, так как она твёрдо верует в обещание, что ни одна буква закона не изменится до тех пор, пока весь закон не будет исполнен. Ко всему, что говорится о потребностях современной жизни и современной науки, она относится с полным равнодушием. Она всегда стояла вне умственного движения, потому что на первое место она всегда ставит обрядовый элемент, и ещё потому, что фактически её главная цель заключается в том, чтобы неизменно сохранять догматы и обряды, установленные вселенскими соборами, отчасти же и потому, что общее образование духовенства стоит на низком уровне. Попытки римско-католической церкви развить свои традиционные догматы при помощи объяснений и выводов, как и стремление протестантской церкви согласить своё учение с прогрессирующей наукою и с постоянно меняющимися направлениями умственного развития – одинаково чужды духу церкви русской. Поэтому она и не имеет глубокомысленных богословски-философских исследований и не пытается бороться с духом неверия в его современных формах. Твёрдо убеждённая в непоколебимости своего положения, она спокойно смотрела на то, как «мятутся народы», и едва считала нужным обращать внимание на происходящую между ними умственную и религиозную борьбу. Словом, она – «в мире сём, но не от мира сего».

Если мы желаем представить себе отличительные особенности русской церкви в наглядной форме, то для этого достаточно обратить внимание на русское религиозное искусство и сравнить его с западноевропейским. На Западе со времени Возрождения религиозное искусство шло в уровень с умственным развитием. Оно мало-помалу освобождалось от старинных форм и детской символики, пре-

вращало безжизненные типические фигуры в живые личности, освещало их тёмные взоры и лишённые выражения лица светом человеческого разума и чувства, и наконец, соблюдало археологическую точность в одежде и других подробностях. Таким образом, на Западе изображения святых становились своего рода *tableaux de genre*^{*}, и привычный глаз может тотчас определить, к какому периоду относится данная религиозная картина. В России, напротив, религиозное искусство не получило такого развития. Здесь буквально и строго соблюдались древние византийские формы, и в стиле стародавних образцов как бы отразилась и неподвижность русской церкви вообще, и неподвижность русского церковного искусства в частности.

Римско-католику, выступающему на борьбу с наукой, поскольку она противоречит его традиционным понятиям, и протестанту, который стремится согласить свои религиозные воззрения с научными выводами, русская церковь может показаться допотопною окаменелостью или древним замком, стены которого выдержали, не пошатнувшись, напор всех прогрессивных движений нового времени.

Следует, впрочем, признать, что спокойная инерция, отличающая русскую церковь, имела весьма ценные практические результаты. Русское духовенство не знает ни той высокомерной, наступательной нетерпимости, какою отличается духовенство римско-католическое, ни того безпощадного, узкого, эгоистичного сектаторского духа, какой слишком часто можно встретить в духовенстве протестантском. Русское духовенство предоставляет не только сектантам, но и членам православной церкви полнейшую духовную свободу и никогда не помышляет о преследовании кого-либо за научные или ненаучные мнения. Оно требует только, чтобы те, кто родился в лоне православной церкви, оставались в ней, и не обнаруживает особенных требований относительно способов заявления о своём православии. До

---

* Жанровыми картинами (франц.)

тех пор, пока член церкви не позволяет себе открыто на неё нападать и покуда он не переходит в другое вероисповедание, он может игнорировать все религиозные предписания и публично проповедовать научные теории, логически несогласимыя с религиозною верою, без малейшаго опасения подвергнуться за это церковному наказанию. Правда, до последнего времени все православные русские были обязаны ежегодно исповедываться и причащаться, если не желали навлечь на себя различных неприятностей земного характера; но это принуждение исходило, в действительности, от государства, и духовенство, настаивая на исполнении этой обязанности, руководилось более экономическими, чем религиозными соображениями. Если русское духовенство не много сделало для прогресса науки и просвещения, то оно, по крайней мере, не сделало ничего против этого прогресса, — а этого, пожалуй, и нельзя сказать о духовном сословии некоторых других вероисповеданий.

Эта веротерпимость объясняется отчасти национальным характером; но вместе с тем она до некоторой степени зависит и от своеобразных отношений между церковью и государством. Правительство заботливо оберегает церковь от нападений и в то же время препятствует ей нападать на ее противников. Вследствие этого религиозные вопросы никогда не обсуждаются в печати и духовная литература имеет характер только исторический, гомилетический или назидательный. Власти разрешают во время поста публичные устные собеседования между представителями государственной церкви и старообрядцами в московском Кремле; но это — не богословские диспуты в нашем смысле слова; они касаются исключительно подробностей церковной истории и самых мелочных обрядовых вопросов. Спорящие рассуждают, например, о правильном сложении перстов для крестнаго знамения, почерпая свои доказательства не из священнаго писания, а из старинных образов, из постановлений вселенских соборов и творений греческих отцов церкви.

В последние годы было довольно много толков о возможности соединения русской церкви с англиканскою. Я не могу сказать, что понимаю, чего желают защитники этого плана, но позволяю себе сделать на этот счёт одно замечание. Если под «соединением» разумеется простой союз братской любви, то против такого благочестиваго пожелания, конечно, нельзя сделать ни одного возражения; но если имеется в виду нечто более реальное и практическое, то для простых и благомыслящих людей я замечу, что этот проект я считаю несостоятельным.

Очень жаль, что смелые умы, измышляющие подобные проекты, и блестящие ораторы, рассуждающие на эту тему, не дают себе труда основательнее ознакомиться с фактами. Если бы они посвятили несколько недель спокойному, добросовестному изучению истории и современного положения восточной церкви в ея различных областях, то они пришли бы к заключению, что соединение русской церкви с англиканскою столь же трудно исполнимо и столь же мало желательно, как и соединение русскаго государственнаго совета с английскою палатою общин*.

---

* Я предполагаю, что более серьёзные сторонники унионистскаго плана имеют в виду соединение с восточно-православною церковью вообще, а не с русскою в частности. К таким лицам моё замечание не относится. Их план, по моему мнению, неисполним и нежелателен, но не заключает в себе ничего неблагоприятнаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ЕЯ ПОСЛЕДСТВИЯ

Большая Нижегородская ярмарка. — Крым. — Севастополь. — Император Николай и его система. — Люди стремящиеся и апатически довольные. — Национальное унижение. — Всеобщее недовольство. — Смерть Николая. — Восшествие на престол Александра II. — Новый дух. — Воодушевление к реформам. — Перемена в периодической печати. — Колокол. — Консерваторы. — Чиновники. — Акционерные общества. — Первые определённые предложения. — Выступление крестьянского вопроса

В России, как в Америке, путешественник повсюду подвергается частым разспросам со стороны новых знакомых о том, что он думает о стране, и когда он с большею или меньшею откровенностью выскажет своё мнение, его почти всегда спрашивают, видел ли он большую Нижегородскую ярмарку и южный берег Крыма. Если он не может ответить утвердительно на этот вопрос, его уверяют, что в таком случае он не может иметь полного понятия об этнологическом разнообразии России и об ея прекрасных видах.

В течение первых двух лет моего пребывания в России мне часто приходилось со стыдом признаваться, что я не видел ни Нижнего Новгорода, ни Крыма, но на третий год мне удалось стереть это пятно с моей репутации как путешественника. Я отправился на знаменитую ярмарку и испытал разочарование. Все описания ея, которые мне случалось читать, грешат чрезмерной густотой красок. «Пёстрая толпа

представителей всех народов Востока» совершенно незрима для невооруженного глаза прозаического наблюдателя. Несколько человек грузин, персиан и бухарцев попадают вам на глаза, спокойно сидящими в своих лавках или слоняющимися по улицам, но они не представляют ничего особенно живописного или интересного. Есть тут «Китайский ряд», где торгуют чаем и где крыши лавок напоминают несколько архитектуру пагод; но сынов Небесной Империи я здесь не нашёл. Что же касается различных товаров, то их в гораздо лучшем виде можно найти в московских магазинах и торговых рядах. Вообще, я не посоветовал бы путешественнику очень далеко уклоняться от своего маршрута для осмотра этой большой ежегодной ярмарки, о которой русские, – особенно те, которые сами не видали ея, – обыкновенно отзываются как об одном из семи чудес света.

Крым, напротив, вполне оправдал мои ожидания. Южный берег этого полуострова является в своём роде одним из самых живописных уголков Европы. Впрочем, впечатление, получаемое путешественником, в значительной степени зависит от того, откуда он приехал в Крым. Если он едет с севера и вынес перед этим скуку и однообразие продолжительного путешествия по голой степи, Крымские виды покажутся ему прекрасными и величественными; если же он попадёт туда прямо с Кавказа, то он, вероятно, найдёт их довольно обыкновенными и незначительными. Во всяком случае, турист – особенно, если он интересуется археологией, – может провести не без удовольствия несколько недель в гористой части полуострова. Что до меня касается, то так как я перед самой своей поездкой в Крым видел множество живописных местностей на Кавказе, да и осень была уже поздняя, то я предпочёл посвятить свободное время, имевшееся у меня в распоряжении, осмотру Севастополя и его окрестностей, то есть тех самых мест, названия которых, благодаря Крымской войне, так хорошо известны каждому англичанину.

Севастополь, когда я его посетил в 1873 г., представлял почти ту же картину разрушения, как и в то время, когда его оставили союзные войска. Улицы, конечно, были расчищены, но большая часть домов стояли без крыш и смотрели развалинами, на всём лежал отпечаток запустения, как будто осада только что кончилась и жители не успели вернуться в свои дома. От Редана, Малахова кургана и других укреплений со стороны суши почти не оставалось и следов, но во многих местах я легко мог проследить направление, в котором шли траншеи, а также определить расположение лагерных стоянок по остаткам жестянок из-под мясных консервов и по бутылкам из-под пива, которыми была усеяна земля.

Русские откровенно признают, что они в Крымскую кампанию понесли поражение, но они считают, и не без основания, героическую защиту Севастополя одним из самых достославных эпизодов в военной истории своего отечества. О результате этой войны они тоже отзываются без особенного сокрушения. Нередко они замечают в полуплутливом, полусерьёзном тоне, что имеют причины быть благодарными союзным войскам. И в этом кажущемся парадоксе есть значительная доля правды. Крымская война положила начало новой эпохе в истории России. Она нанесла решительный удар прежней репрессивной системе и вызвала умственное движение, которое, вместе с нравственным обновлением, сопровождавшим его, повлекло за собой результаты громадной важности.

«Декабрьское дело», о котором я уже упомянул, наложило свою печать на всё правление императора Николая. Вооружённая попытка к ниспровержению императорской власти, окончившаяся казнью или ссылкой многих членов знатных фамилий, запугала дворянство и приготовила период строгого полицейского управления. Император Николай был чужд мягкости и нерешительности характера своего предшественника. Он с ранней молодости выказывал

сильную склонность к военной дисциплине и решительное нерасположение к модным гуманитарным и либеральным принципам. Он не симпатизировал «правам человека», «духу времени» и тому подобным философским абстракциям и глубоко презирал громкие фразы философского либерализма. «Исполняйте ваши военные обязанности, – говаривал он своим подчинённым офицерам до своего восшествия на престол, – не занимайтесь философией. Я терпеть не могу философов». Трагическое событие, служившее прологом к его правлению, естественно, ещё усилило эти убеждения. Оно стереотипировало его характер на всю жизнь и сделало его решительным врагом либерализма и защитником автократии не только в своей собственной стране, но и во всей Европе. В государственной жизни Европы он видел две борющиеся силы, монархию и демократию, которые в его глазах отождествлялись с порядком и анархией; и он всегда готов был помочь своим царственным братьям в подавлении демократических движений. В своей собственной стране он стремился к тому, чтобы всеми возможными средствами воспрепятствовать занесению в Россию опасных идей. С этой целью на западной границе был установлен строгий умственный карантин. Все иностранные книги и газеты, за исключением таких, которые отличались самым невинным содержанием, были запрещены. Отечественные писатели были подчинены бдительному надзору, и, как только они уклонялись от направления, признававшегося благонамеренным, на уста их налагалась печать молчания. Число студентов университета было уменьшено, кафедры политических наук упразднены, а количество военно-учебных заведений умножено. Поездки за границу для русских были обставлены значительными стеснениями, а иностранцы, путешествовавшие по России, подвергались бдительному надзору со стороны полиции. Всякое общественное зло считалось результатом неповиновения, и единственным средством

против этого признавалось усиление дисциплины. Малейшее выражение сомнения в мудрости господствовавшей политической системы, малейшая попытка отнестись критически к существующим порядкам рассматривались как нарушение субординации, каковое не может быть терпимо в благоустроенном государстве. Всякия нападки на администрацию, хотя бы и в лице самого ничтожного чиновника, считались нападением на правительство. Неосторожное слово или глупая шутка насчёт правительства вменялись в серьёзное преступление, и провинившийся в них легко мог поплатиться продолжительной ссылкой в какую-нибудь отдалённую и неприглядную местность империи. Прогресс должен был осуществляться, но не иначе, как по предписанию и тем путём, какой был предписан. Почин частных лиц ни в каком виде не допускался. Лицам, стоявшим во главе тогдашней системы и в голову не приходило, что какими бы благими намерениями ни было проникнуто правительство, как бы оно ни было энергично, как бы велико ни было его могущество легально, оно многого не может сделать без содействия населения.

Между тем напрасно преумножались формальности, напрасно налагались строгия наказания на тех немногих нарушителей закона, которые случайно попадались в руки правосудия; чиновники продолжали брать взятки и совершать различныя беззакония. Невзирая на то, что страна была подчинена такому режиму, который в Европе называли бы военным положением, жители могли бы повторить те слова, которыя, по преданию, были сказаны ими тысячу лет тому назад: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет».

Среди народа, привыкшаго к политической жизни и к известной доле самоуправления, система, подобная вышеописанной, непременно вызвала бы общее недовольство. Но в тогдашней России ничего подобного не проявлялось. Образованные классы, – а необразованные и подавно, – от-

носились с глубоким равнодушием не только к политическим вопросам, но и к текущим общественным делам, как местным, так и касающимся всей империи, и преспокойно оставляли эти дела в руках тех, которые за заведыванье ими получали жалованье. Дворяне, заодно с необразованным крестьянством, готовы были оказывать слепое повиновение всем приказаниям свыше, если только они не шли вразрез с обычным течением их жизни. От них требовали, чтобы они не утруждали свои мыслительныя способности политическими вопросами и предоставили все общественные дела попечениям администрации; требование это так совпадало с собственными их наклонностями, что им не стоило ни малейшаго труда подчиниться ему. Когда правительство требовало, чтобы должностныя лица не брали взяток, это приказание исполнялось уже с меньшею точностью, но в этом неповиновении не было явной оппозиции, — никто не настаивал на своём праве брать взятки; неповиновение этого рода происходило не от недостатка чувства подчинённости, а просто от немощи, свойственной человеческой плоти, и потому оно не считалось особенно тяжким грехом. В аристократических кружках Петербурга и Москвы царило то же равнодушие к политическим вопросам и общественным делам. Все старались упрочить за собою репутацию благонамеренности, которая прежде всего требовалась от всякаго, желавшаго составить себе карьеру и добиться повышения в чинах. Те же, внимание которых не было всецело поглощено служебными обязанностями, картами и рутинною обыденной жизни, занимались литературою и искусством. Словом, образованное сословие в тогдашней России выказывало полное равнодушие к политическим и социальным вопросам, апатично подчинялось господствовавшей системе и пребывало в неразсуждающем довольстве существующим порядком вещей.

Около 1840 г. начали появляться личности, которыя всего уместнее будет назвать «людьми стремления». То

была небольшая горсть великодушных энтузиастов, имевших большое сходство с тем юношей в поэме Лонгфеллоу, который держит в руках знамя с надписью «Excelsior» и силится взобраться всё выше и выше, не имея ясного понятия о том, куда он идёт и что он будет делать, когда достигнет вершины. Вначале они почти исключительно ограничивались сентиментально-восторженным поклонением добру, истине и красоте и платоническим сочувствием к свободным учреждениям, просвещению, прогрессу и всему, что в то время обозначалось общим названием «либеральных» начал. Мало-помалу, под влиянием текущей французской литературы, идеи их стали несколько определённые, и они начали критически всматриваться в окружающую действительность. Не нужно было особенных усилий, чтобы разглядеть в последней такие черты, как суровость административного гнёта, продажность судов, расточение государственной казны, бедственное положение крепостных, подавление всякого независимого образа мыслей и всякого частного почина, и наконец, главным образом, глубокую апатию высших сословий, которая, по-видимому, были совершенно довольны существующим положением дел. Стоя лицом к лицу с подобными неприглядными фактами и привыкнув на всё смотреть с нравственной точки зрения, эти люди не могли не сознать всю пустоту и фальшь тех успокоивающих и самодовольных фраз, в которых выражался официальный оптимизм. Они, правда, не смели высказывать своё недовольство публично, так как подобные заявления не были бы допущены властями, но они распространяли свои идеи среди своих друзей и знакомых путём изустного обмена мнений и рукописной литературы; и некоторые из них, в качестве профессоров университета и деятелей периодической прессы, сумели возбудить в известной части молодого поколения благородный энтузиазм к просвещению и прогрессу и смутную надежду на то, что скоро займётся заря лучших дней.

Многие сочувствовали этим новым понятиям и стремлениям, но громадное большинство дворянства смотрело на них как на дело революционное и опасное, – в особенности такой взгляд усилился после французской революции 1848 г. Таким образом, образованное сословие распалось на две группы, которым иногда присваивали название либералов и консерваторов, но которые правильнее было бы называть группой людей стремящихся и группой апатично довольных. Эти последние, конечно, тоже ощущали от времени до времени неудобство господствовавшей системы, но при этом у них всегда было под рукою утешение: если мы стеснены дома, зато нас боятся в чужих краях, у нас, во всяком случае, есть громадная и хорошо вооружённая армия, которая во всякую минуту может заставить Европу преклониться перед волею России. После достославных дней 1812 г., когда Наполеон вынужден был с позором отступить от стен Москвы, убеждение в том, что русский солдат превосходит солдат всего мира и что русская армия непобедима, сделалось одним из догматов национальной веры, а то уважение, с которым Западная Европа внимала голосу императора Николая, свидетельствовало, по видимому, что факт этот признаётся и другими народами. Таковы были рассуждения, которыми апатично довольные оправдывали своё безучастие.

Когда для всех стало ясно, что Россия готовится помериться силами с Западной Европой, взгляд этот сделался почти всеобщим. «Тяжёлое бремя, которое приходилось нести народу, – так рассуждали в то время, – было нужно для того, чтобы сделать Россию первую военною державою в Европе, и теперь нация пожнёт плоды своего долготерпения и покорности. Запад увидит, что его хваленная свобода и либеральные учреждения бессильны выручить его в минуту опасности, а русские, восторгающиеся подобными учреждениями, вынуждены будут признать, что сильное самодержавие, сосредоточивающее все дела в своих ру-

ках, является единственным средством для охранения национального величия». По мере того как возрастал патриотический жар и воинственный энтузиазм, всюду только и слышны были восхваления господствующей системы. На войну многие смотрели как на своего рода крестовый поход и относительно результатов ея лелеялись самые преувеличенные ожидания. Говорили, что наконец-то стародавний восточный вопрос разрешится согласно с стремлениями России и мысль Екатерины II об изгнании турок из Европы найдёт своё осуществление. Шли горячие споры о том, в какой именно день русския войска вступят в Константинополь; один поэт-славянофил зывал к Императору, чтобы он, заснув в Константинополе вечером, на следующее утро возстал всеславянским царём. Некоторые энтузиасты ожидали даже скорого освобождения Иерусалима от власти неверных. О неприятеле, который мог воспрепятствовать осуществлению этих планов, никто и не думал. «Мы их шапками закидаем» сделалось любимым изречением.

Существовало, однако, незначительное меньшинство, в котором ожидание предстоящей борьбы возбуждало чувства и мысли совершенно инаго рода. Это меньшинство не могло разделять розовых мечтаний тех, которые вполне были уверены в успехе. «Приготовились ли мы, – спрашивали эти люди, – к борьбе с цивилизацией, которая теперь высылает свои силы против нас? При всей обширности нашей территории, при всей многочисленности нашего населения, мы не в силах противустоять этой цивилизации. Толкуя о блистательных победах наших против Наполеона, мы забываем, что с тех пор Европа непрерывно подвигалась по пути прогресса, между тем как мы стояли на одном месте. Мы идём навстречу не победе, а поражению, и единственное утешение, которое нам остаётся, это – что опыт преподаст России урок, который ей пригодится на будущее время»*.

---

* Это были слова Грановскаго.

Само собою разумеется, люди, пророчествовавшие такая неутешительная вещи, находили мало последователь, и большинство смотрело на них как на недостойных сынов отечества, почти как на изменников. Но события вскоре оправдали их предсказания. В Крыму победа была на стороне союзных войск, и даже турки, на которых смотрели с таким презрением, сумели противустоять русским на Дунае. Вскоре для всех перестало быть тайной, что военная организация оказалась почти столь же неудовлетворительной, как и гражданская, что личное мужество солдат и офицеров парализовалось неспособностью генералов, алчностью чиновников и злоупотреблениями комиссариатского ведомства. Начали поговаривать, что господствовавшая система, налегавшая преимущественно на внешнюю, парадную сторону дела, выбила из людей энергию, самобытность и нравственную силу. Наибольшую долю сообразительности, решимости и энергии проявляли офицеры черноморского флота, которые менее других испытывали на себе действие тогдашних порядков. Дальнейший ход борьбы показал, как слаба была в действительности страна и как недостаточны были ее средства для поддержания продолжительной войны. «Ещё один год войны, – писал один очевидец в 1855 г., – и весь юг России будет разорён». Для покрытия чрезвычайных расходов государственного казначейства прибегли к выпуску бумажных денег в значительных размерах; но быстрое падение курса показало, что этот источник весьма легко может быть истощён. По всей стране формировались отряды ополченцев, и многие из помещиков затрачивали значительные суммы денег на экипировку этих отрядов; но увлечение это остыло очень быстро, после того как оказалось, что патриотические жертвы служат лишь к обогащению спекулянтов, не нанося никакого серьёзного вреда неприятелю.

Под влиянием всех этих открытий, столь обидных для национального самолюбия, высшие классы проснулись от

оцепенения своей оптимистической покорности. Они увидели, что политика, приносившая всё в жертву усиления военного могущества страны, была роковой ошибкой; непригодность системы, сосредоточивавшей всё внимание на внешней выправке войск, была доказана горьким опытом. Те административные стеснения, которые подавляли всякое самопроизвольное движение, оказались непригодными для осуществления даже тех узких целей, для которых они создавались. Правда, они обеспечивали известную долю внешнего спокойствия в те тревожные времена, когда вся Европа была театром революционных волнений, – но то было не спокойствие здорового, нормального течения жизни, а спокойствие смерти, и под гладкою поверхностью скрывалось быстро распространяющееся разложение. Армия сохраняла ту же стремительную отвагу, которою она прославилась во время Суворовских походов, то же упорное, стоическое мужество, которое заставило попятиться Наполеона под Бородиным, ту же изумительную выносливость, которая не раз искупала ошибки генералов и грехи комиссариатского ведомства; но в результате оказывалось не победа, а поражение. Чем же иным можно было объяснить это, как не коренною несостоятельностью той системы, которая долгое время проводилась с таким непреклонным упорством?

Общее недовольство не имело возможности проявляться в печати, но оно свободно выражалось в рукописной литературе и в разговорах. Почти в каждом доме, – я разумею при этом, конечно, лишь образованные классы, – говорились вещи, которые несколько месяцев тому назад были бы сочтены за измену. Чтобы понять истинное значение этого поворота, необходимо помнить, что как говорившие упомянутые речи, так и внимавшие им вовсе не принадлежали к типу заговорщиков; нет, то были обыкновенные, добропорядочные и благонамеренные люди, которым и во сне не снилось пускаться в какие-нибудь революционные замыслы. Они принадлежали к тому самому обществу, ко-

торое всего несколько месяцев тому назад было так глубоко равнодушно ко всем политическим вопросам и даже в настоящее время вовсе не имело намерения применить на деле вырывавшиеся у него громкия фразы.

Но следует ли из этого заключить, что всё упомянутое движение было не более, как вспышкой ребяческой заносчивости? Отнюдь нет. Общество было серьёзно и искренно проникнуто убеждением, что дела идут неладно, и горело пламенным желанием новаго и лучшаго порядка вещей. К чести русскаго общества надо сказать, что оно не довольствовалоь обвинением тех отдельных личностей, которым приписывалась главная ответственность за неудачи, постигшия Россию. Напротив, оно смело глядело действительности в лицо, всенародно каялось в своих прошлых грехах, добросовестно вникало в причины, вызвавшия недавния неудачи, и пыталось найти средство для предупреждения подобных действий на будущее время. Стремления и чувства, овладевшия обществом, не были так сильны, чтобы преодолеть традицию всего его прошлаго и создать открытую оппозицию, но они были достаточно сильны, чтобы осуществить великие результаты при помощи правительства, в случае если бы последнее само пожелало предпринять ряд коренных реформ.

Между тем, когда правительство ещё было вынуждено сосредоточивать все свои силы на защите страны и не имело времени приступить к внутренним реформам, император Николай скончался и на престол вступил его сын, ныне царствующий Император.

Тотчас по заключении мира многие несомненные признаки указывали на то, что правительство намеревается изменить прежнюю систему. В манифесте, возвещавшем о прекращении военных действий, высказывалась уверенность Государя Императора в том, что соединёнными усилиями правительства и народа управление будет улучшено и что правда и милость будут царствовать в судах. Как бы

в виде приготовления к задуманному великому делу министры начали посвящать общество в свои планы и предоставлять на суд общественного мнения многия данные, считавшиеся до этого государственными тайнами. Так, например, министр внутренних дел в своём обычном годовом отчёте открыто сознавался, что уровень нравственности в среде его подчинённых оставляет желать многого. Далее в отчёте говорилось, что Государь Император выказал отеческое доверие к своему народу, и в доказательство этого приводился тот факт, что до 9000 человек освобождены от полицейского надзора. В других отраслях управления замечались подобные же перемены. Тот высокомерный, повелительный тон, в котором до этого начальствующие привыкли обращаться к своим подчинённым, а должностные лица всех рангов – к народу, уступил место более мягким и вежливым формам обращения. Около этого же времени тем из декабристов, которые ещё оставались в живых, было даровано прощение. Ограничение числа студентов в университетах было отменено, а равно и стеснения, с которыми было сопряжено получение заграничных паспортов; цензура сделалась необыкновенно снисходительна к печати; вообще, невзирая на то, что в законодательстве ещё не было произведено никаких решительных перемен, все чувствовали, что дух правления уже не тот.

Общество, которое было полно напряжённого ожидания, спешило принять эти признаки за полное подтверждение своих пламенных надежд и сразу пришло к заключению, что в скором времени будет предпринят ряд коренных, всеобъемлющих реформ и что реформы эти будут осуществляться не тайно, административным путём, как это делалось в прежния времена, когда вводились какия-нибудь частныя улучшения, но гласно, дружными усилиями правительства и народа. «Сердце радостно трепещет в ожидании тех великих общественных реформ, которыя должны в скором времени осуществиться, – гово-

рилось в одном из руководящих органов тогдашней прессы, – реформ, которые вполне совпадают с духом, желаниями и ожиданиями общества». Другой орган выражался так: «Исконное согласие и общность в чувствах, всегда существовавшая между правительством и народом, если не считать кратковременные и исключительные периоды, снова вполне восстановлены. Отсутствие всяких кастовых предразсудков и сознание общности происхождения, братски соединяющее все сословия русского народа в одно целое, дадут России возможность мирно и без напряжения осуществить не только эти великия реформы, стоившая Европе нескольких столетий борьбы и кровопролития, но и многия другия преобразования, которые западные народы не в состоянии ввести у себя вследствие господствующих там феодальных традиций и кастовых предразсудков». Прошедшее изображалось в самых мрачных красках, и органы печати зывали к населению, чтобы оно положило начало новой и достославной эпохе в истории своей страны. «Нам нужно бороться, – говорили в то время, – во имя высшей правды против себялюбия и мелочных интересов минуты; мы должны готовить детей наших с малолетства к участию в этой борьбе, ожидающей каждого честнаго человека. Нам следует быть благодарными войне за то, что она раскрыла нам глаза на тайныя стороны нашего политическаго и общественнаго устройства, и мы обязаны в настоящее время воспользоваться этим уроком. Но ошибочно было бы полагать, что правительство может исправить зло своими единичными усилиями. Россия находится в положении корабля, который сел на мель и не может быть сдвинут с места одними стараниями капитана и экипажа, и лишь прилив народной жизни своими возрастающими волнами в состоянии поднять этот корабль и возвратит ему возможность дальнейшаго хода». Сердца бились сильнее при этих призывах к деятельности. Если верить свидетельству одного современника, многие вни-

мали этим новым речам «со слезами на глазах» и затем, «высоко подняв голову, давали торжественную клятву работать честно, упорно и смело». Некоторые из тех, которые в прежнее время покорялись силе обстоятельств, теперь горько каялись в своих прегрешениях. «Слёзы покаянья, – восклицал один поэт, пользовавшийся в то время популярностью, – облегчают сердце и призывают нас к новым подвигам». Россию уподобляли богатырю, который, проснувшись от долгого сна, расправляет свои могучие члены, собирается с мыслями и готовится искупить своё долгое бездействие великими делами. Все верили или, по крайней мере, предполагали, что сознание в своих недостатках повлечёт за собою их устранение. Когда в одном из петербургских театров актёр воскликнул со сцены: «Крикнем на всю Россию, что настало время вырвать зло с корнем!» – публика разразилась восторженными рукоплесканиями. «То было, – рассказывает один из участников тогдашнего увлечения, – радостная пора, напоминавшая то время года, когда после долгой зимы дуновение весны проносится над холодной, окоченевшею землёю и вся природа начинает пробуждаться от своего мёртвого сна. Речь, долгое время остававшаяся скованною благодаря строгости полиции и цензуры, теперь потекла свободно, плавно и величественно, точно могучий поток, только что освободившийся от сковывавшаго его льда».

Под влиянием этих веяний возникло множество газет и журналов, и характер периодической литературы совершенно изменился. Чисто литературные и исторические вопросы, поглощавшие до сих пор внимание читающей публики, были оставлены и позабыты за исключением лишь тех из них, которые могли служить к выяснению какого-нибудь принципа из области политических и социальных наук. Критика, вращавшаяся на стилистических тонкостях, эстетические вопросы, рассуждения отвлечённого свойства – всё это казалось пустой забавой людям, желав-

шим посвятить себя интересам громадной практической важности. Наука, говорили в то время, снизошла в наши дни с высот философской абстракции и спустилась в область действительной жизни. Периодические издания, в силу этого взгляда, наполнялись статьями о железных дорогах, банках, свободной торговле, образовании, земледелии, общинном устройстве, местном самоуправлении, акционерном деле, а также громовыми обличениями, направленными против личного и национального тщеславия, чрезмерной роскоши, административных стеснений и продажности чиновников. В особенности этот последний предмет обращал на себя внимание литературы. В течение предшествующей эпохи всякая попытка отнестись критически к личности или к поступкам должностного лица считалась тяжким преступлением. Теперь же появилась целая масса очерков, рассказов, комедий и монологов, в которых описывались злоупотребления администрации и выводились наружу хитрые уловки, употребляемые чиновниками для увеличения своего скудного содержания. Публика совсем не читала таких статей, которые не имели прямого или косвенного отношения к вопросам дня, а всё соприкасавшееся так или иначе с этими вопросами поглощалось с жадностью. Никто не находил странным, если в защиту свободной торговли писалась драма, а в защиту той или другой системы налогов сочинялась поэма; всем казалось совершенно естественным, если писатель излагал свои политические идеи в повести, а противник его возражал ему комедией. Несколько представителей старой литературной школы пытались протестовать против такой «профанации искусства», но на них никто не обращал внимания, и теорию искусства для искусства осмеивали как изобретение праздной аристократической фантазии. Нижеследующая выписка может служить образчиком того, как тогдашняя русская литература характеризовала сама себя: «Литература взглянула, наконец, на Россию своими собственными

глазами и убедилась, что те идиллические и романтические личности, которые до сих пор служили поэтам излюбленным предметом для описания, не существуют в действительности. Литература разсталась с своими французскими перчатками и протянула руку неотёсанному труженику-мужику; изучая с любовью русскую деревенскую жизнь, она чувствует, что тут она действительно дома; современные писатели подвергли анализу прошлое и, отделившись от аристократических писателей и аристократического общества, низвергли своих прежних кумиров».

Наиболее влиятельною газетою в начале этого движения был «Колокол», издававшийся в Лондоне Герценом, одним из наиболее выдающихся личностей политической эмиграции того времени. Герцен был человеком хорошаго воспитания и образования с ультрарадикальными взглядами, допускавший революционные методы к реформам, когда считал их необходимыми. Его интимные отношения с многими влиятельными лицами в России дали ему возможность получать тайные сведения всякаго рода, а его богатое остроумие, едкая сатира и ясный, плавный и блестящий стиль обеспечивали ему большой круг читателей. Он, казалось, знал всё, что происходило в министерствах и даже в кабинете Императора, и он беспощадно выставлял на вид всякия злоупотребления. Как люди, привыкшие к свободным политическим прениям, мы едва ли можем представить себе, с какою жадностью читались его статьи и какое оне производили действие. Хотя Колокол был строго запрещён цензурою, он, тем не менее, находил себе путь через границу в тысячах экземпляров, и все слои образованного класса читали и обсуждали его. Сам Император получал его правильно, и высокопоставленные грешники относились к нему не без страха. Таким образом, Герцен в продолжение нескольких лет составлял в России силу, и он много содействовал к пробуждению и поддержанию энтузиазма к реформам.

Но где же за всё это время были консерваторы? Как могло случиться, что в течение двух или трёх лет никто не возвышал голоса и не протестовал против риторических преувеличений, в которые впадал новорожденный либерализм? Куда делись представители старой системы, которые были так всецело проникнуты ея духом? Куда делись те администраторы, которые систематически заглушали малейший признак частной инициативы и искореняли всякий след неповиновения и недовольства? Где были те цензора, которые так строго преследовали всякую попытку к выражению либеральных мнений, наконец, те тысячи благонамеренных помещиков, которые считали опасными вольнодумцами, республиканцами и изменниками всех, осмеливавшихся выразить недовольство тогдашним положением дел? Ещё незадолго перед тем девять десятых представителей высших сословий были консерваторы, а теперь эти консерваторы исчезли точно по мановению волшебного жезла!

Едва ли нужно добавлять, что в стране, привыкшей к политической жизни, такой крутой поворот в настроении общества не мог бы произойти без всякого противодействия. Ключ к объяснению этой загадки заключается в том факте, что Россия в течение целого ряда столетий не имела понятий ни о политической жизни, ни о политических партиях. Те люди, которых иногда называли консерваторами, в действительности вовсе не были консерваторами в нашем значении этого слова. Говоря, что они в известной мере были проникнуты консервативными началами, необходимо оговориться, что консерватизм этот был чисто пассивного, косного, неразсуждающего свойства и являлся плодом лени и апатии. Пока прежняя система была в силе, они пассивно соглашались с нею – активного согласия от них никто не требовал и не желал. Но вот система отжила свой век. Спрашивается, во имя чего стали бы они бороться против нового духа времени? Им говорили, что система, на которую они привыкли смотреть как на надёж-

нейший якорь государства, оказалась в действительности главной причиной неудач, постигших Россию; на это им нечего было возразить, так как никакого иного объяснения упомянутых неудач они не могли представить. Они были убеждены, что русский солдат – первый солдат в мире, а между тем они знали, что в недавнюю войну победа осталась не за русской армией; из этого следовало, что виновата была система. Им говорили, что для восстановления России на том месте, которое подобает ей в ряду прочих народов, необходим целый ряд колоссальных реформ; на это они, опять-таки, ничего не могли ответить, так они никогда не занимались изучением таких отвлечённых вопросов. Они знали только одно: что те, которые колебались признать необходимость колоссальных реформ, клеймились печатью как люди невежественные, узкие, себялюбивые и проникнутые предрассудками и осмеивались за незнание самых элементарных положений экономической и политической науки. Свободное выражение общественного мнения было таким необычайным фактом в России, что печать могла на некоторое время упрочить за собою либеральную тиранию, которая в суровости почти не уступала консервативной тирании прежних цензоров. Люди, которые храбро пошли бы в огонь на поле битвы, боялись ядовитых стрел Герцена в Колоколе. При этих условиях даже те немногие, у которых были кое-какие смутные консервативные убеждения, не решались высказать эти убеждения публично.

Что касается тех людей, которые играли более или менее активную роль в предшествующую эпоху и от которых поэтому можно бы было ожидать более определённых и стойких убеждений, то именно эти люди всего менее были способны оказать противодействие преобладавшему в то время либеральному энтузиазму. Их консерватизм был столь же непригоден для деятельного проявления, как и консерватизм помещиков, не состоявших на государственной службе, так как при господстве прежней системы вы-

сокое служебное положение не благоприятствовало существованию определённых политических убеждений; к тому же они принадлежали к тому сословию, которое в данную минуту не пользовалось расположением общественного мнения, и все знали, что перед этим они извлекали себе личную выгоду из той системы, которая теперь признавалась главным источником всех испытанных бедствий. В течение некоторого времени слово «чиновник» употреблялось не иначе, как в укоризненном и ироническом смысле, и положение чиновников было трагикомичное. Они обыкновенно старались всячески доказать, что хотя и состоят на государственной службе, но отнюдь не имеют в себе чиновничьяго духа. Те самые господа, которые в прежнее время всюду, кстати и некстати, выставляли напоказ свои служебныя отличия, теперь почти стыдились сознаться, что они состоят в генеральском чине, так как последний уже не внушал более благоговения и связывался с представлениями об отсталости, напыщенности и формализме. Усердные служаки, недавно ещё смотревшие на получение орденов как на одну из главных целей человеческого существования, теперь всячески старались скрыть заслуженные ими знаки отличия из опасения, чтобы какой-нибудь дерзкий либерал не поднял их на смех. В устах их постоянно раздавался хор голосов, укоризненно твердивший им: «Полюбуйтесь, до чего вы довели нас с вашим китайским формализмом и вашею теориею мертвящаго, неразсуждающаго, механическаго повиновения! Вы постоянно утверждали, что вы одни только истинные патриоты и клеймили названием изменников всех тех, которые пытались указать вам на безразсудство вашего образа действий. Между тем именно те люди, в преследовании которых вы участвовали, и оказались настоящими патриотами». Что могли они ответить на подобнаго рода упрёки? Они походили на ребёнка, который, невзначай, играя поджог дом; им оставалось только с пристыженным видом опускать голову и повто-

рять, что злого умысла у них не было. И точно, вся вина их была в том, что они, не разсуждая, принимали данное положение дел и становились в ряды тех, которые считались людьми благонамеренными. Если господа эти и сторонились постоянно от либералов и, быть может, участвовали в преследовании последних, то делали они это лишь потому, что благонамеренные люди выставляли либералов людьми «беспокойными» и опасными для государства. Те из бывших консерваторов, которые не пришли к сознанию своих заблуждений, просто молчали, но значительное большинство их перешло на сторону прогрессистов, и многие при этом старались загладить своё прошлое, выставляя напоказ крайнее рвение в пользу либеральных начал.

В объяснение этого неожиданного, страстного увлечения реформами необходимо заметить, что русские образованные сословия, назло суровому климату своей родины, при котором, казалось бы, кровь должна бы была медленнее обращаться в жилах, отличаются крайнею впечатлительностью. Они не связаны никакими историческими предразсудками, которые пользовались бы общим уважением по своей давности, и удивительно легко поддаются соблазну грандиозных планов, в особенности если планы эти затрагивают их патриотическое чувство. К этому присоединилось в ту эпоху, о которой я говорю, естественная сила реакции против подавляющих влияний прежней системы. Я отнюдь не имею в виду делать обидные сравнения, но всё же не могу не заметить, что русские того времени напоминали толпу школьников, только что выравшихся из-под ферулы строгого учителя. В первые минуты после того, как они почувствовали себя на свободе, им вообразилось, что они уже навсегда избавились от всякой дисциплины и от всяких принудительных мер. Отныне общим лозунгом становилось величайшее уважение к человеческому достоинству, и каждый русский должен был по собственному почину и ревностно трудиться над великим делом на-

ционального возрождения. Правительственные лица были завалены проектами различных преобразований, иные из этих проектов присылались без подписи, авторами других оказывались совершенно неизвестные личности. Некоторые из предлагавшихся преобразований отличались практичностью мысли, но немало было и таких, которые поражали своей дикой фанатичностью. Дух времени сказался даже в области грамматики, и появилось предложение выбросить без дальнейших околичностей весь двойной комплект букв из русской азбуки.

Тот факт, что лишь весьма немногие люди имели явное представление о том, что следует делать, не охлаждал, а, напротив, скорее разжигал реформистский энтузиазм. У всех было, по крайней мере, одно общее чувство – недовольство тем, что было прежде. Лишь с той минуты, как явилась необходимость оставить путь голаго отрицания и приступить к созиданию чего-нибудь положительного, понятия начали выясняться и возникло разногласие мнений. На первых порах не было ничего кроме единодушия в отрицании и увлечения благодетельностью реформ вообще.

Первые предложения определённого свойства, как-то были высказаны, явились прямым выводом из тех уроков, которые были преподаны войною. Война показала те бедственные последствия, которые влечёт за собою отсутствие всяких путей сообщения, кроме самых первобытных; в виду этого печать и общество заговорили о необходимости сооружения железных и шоссейных дорог, а также пароходов. Война показала, что страна, не разрабатывающая своих природных источников богатства, весьма легко может быть истощена, в случае обстоятельства потребуют от нея значительного напряжения сил; а потому печать и общество заговорили о тех способах, которыми можно было бы достигнуть упомянутой цели. Война показала, что система воспитания, превращающая людей в автоматом, не в силах создать даже хорошую армию; это на-

вело печать и общество на обсуждение различных систем воспитания и многочисленных вопросов, соприкасающихся с педагогией. Война показала, что наилучшие намерения правительства останутся без результата, если большинство чиновников не чисты на руку или неспособны; это вызвало в обществе и в печати толки о необходимости преобразовать администрацию во всех ея отраслях.

Из того, что русские спешили таким образом воспользоваться уроками войны, не следует, однако, заключать, что ими руководили воинственные побуждения и желание поскорее отмстить неприятелю за одержанные им победы. Напротив, всё описанное мною движение и дух, сказывавшийся в нём, отличались глубоко миролюбивым характером. Знаменитое изречение князя Горчакова: «*La Russie ne baude pas, elle se recueille*»*, – было более нежели ловким дипломатическим ответом: эти слова были правдивым и образным выражением действительного положения дел. Хотя русские весьма легко воспаляются и в минуты возбуждения патриотических чувств способны доходить до крайностей, тем не менее как у отдельных личностей между ними, так и у нации, взятой во всей ея совокупности, замечательно отсутствие злопамятства и мстительности. По окончании военных действий они не питали никакого чувства злобы против западных держав, за исключением одной, быть может, Австрии, которую обвиняли в предательстве и неблагодарности по отношению к России, спасшей её в 1849 г. После войны патриотизм русских стал проявляться не в мечтах об отмщении, а в желании поднять свою страну на один уровень с западными народами. Если

* «Россия не движется, она (размышляет, собирается с мыслями, сосредоточилась/сосредотачивается, погружается в раздумья и т. п.), т. е. по смыслу: Россия не отказывается от права голоса в европейских международных вопросах, но только собирается с силами для будущего: «*La Russie ne boude pas — elle se recueille*». Или: Россия не сердится, она сосредотачивается» – таков перевод на французский известной фразы Александра Михайловича Горчакова, написанной им в депеше, разосланной в конце августа 1856 года в российские посольства за границей.

у них и были какие-либо помыслы о военных делах, то они считали, что военное могущество явится само собою, как естественный и неизбежный результат более высокого уровня цивилизации и улучшенного управления.

Первым шагом к осуществлению широких планов явилось возникновение частных компаний для промышленных и коммерческих предприятий; при этом был издан закон, регулировавший акционерное дело. В двухгодичный промежуток времени возникло до сорока семи акционерных обществ, капитал которых в совокупности простирался до 338 миллионов рублей.

Чтобы вполне оценить значение этого факта, необходимо припомнить, что со времени основания первого акционерного общества в 1799 г. и по 1853 г. возникло не более двадцати шести новых компаний с капиталом, не превышавшим в общей сложности 32 миллиона рублей. Таким образом, сумма подписки на акционерные предприятия в течение двух только лет (1857–1858) превысила в одиннадцать раз тот капитал, который был употреблён на предприятия этого рода в течение целого полувека, предшествовавшего нынешнему царствованию. Относительно тех выгод, которые получаются от этого дела как для частных лиц, так и для государства питались самые преувеличенные ожидания; щедро подписываться на акционерные предприятия считалось патриотическим долгом. Литература описывала в самых ярких красках те изумительные результаты, которые удалось достигнуть в других странах при помощи кооперации, и увлекающиеся легковверные читатели проникались твёрдым убеждением, что напали на такое средство, которое даст им возможность быстро обогатиться и показать себя в то же время добрыми патриотами.

Но всё это были вопросы второстепенные, и общество с нетерпением ожидало, чтобы правительство подало сигнал к началу великого преобразовательного похода. В

первое время после того, как среди образованного класса пробудилась мысль о необходимости реформ, никто не имел ясного представления о том, с чего, собственно, должна начаться задуманная обширная работа. Дела было так много, что нелегко было решить, какое дело должно быть исполнено первым. Реформы административные, судебные, общественные, экономические, финансовые и политические казались равно настоятельными. Мало-помалу, однако, выяснилось, что прежде всего следует приступить к вопросу об отмене крепостного права. Нелепо было толковать о прогрессе, об образовании, о самоуправлении, о равенстве всех перед законом и тому подобных вещах пока целая треть населения находилась в зависимости от произвола помещиков. Пока существовало крепостное право, все разговоры о том, как преобразовать Россию согласно с новейшими выводами экономической и политической науки, звучали просто насмешкой. Мыслимо ли было введение равного для всех правосудия в стране, где восемнадцать миллионов людей стояли вне сферы действия закона? Какой промышленный или сельскохозяйственный прогресс был возможен без свободного труда? Могло ли правительство принять энергичные меры для распространения образования в народе, когда целая половина крестьянского населения стояла вне непосредственного контроля правительства? А главное, можно ли было надеяться на нравственное возрождение, пока нация не избавилась от позорного клейма крепостничества и рабства?

Всё это очень хорошо сознавалось образованными классами, но никто не отваживался поднять этот вопрос, пока не сделались известными взгляды Императора на упомянутый предмет. О том, как постепенно был поднят вопрос об отмене крепостного права, как отнеслось к нему дворянство и как он был окончательно разрешён знаменитым положением 19 февраля, я намерен рассказать в следующих главах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ КРЕПОСТНЫЕ ЛЮДИ

Сельское население в древней России. — Крестьяне в восемнадцатом столетии. — Как произошли перемены, совершившиеся в положении крестьянства. — Неверность общепринятого объяснения этого факта. — Крепостное право явилось результатом постоянно действовавших политических и экономических причин. — Происхождение прикрепления к земле. — Последствия этой меры. — Возстания крепостных крестьян. — Поворот в истории крепостного права. — Прикрепление к земле на Западе и в России. — Государственные крестьяне. — Численность и географическое распределение крепостного населения. — Повинности, которыми были обложены крепостные крестьяне. — Власть помещиков по закону и на практике. — Средства самозащиты, к которым прибегали крепостные. — Беглые. — Дворяне. — Нравственное влияние крепостного права

Прежде чем приступить к описанию самого факта освобождения крестьян, не мешает вкратце объяснить читателю, каким образом русские крестьяне подпали крепостной зависимости и что такое было крепостное право в России.

В самый ранний период русской истории сельское население состояло из трёх отдельных классов. Самую низшую иерархическую ступень занимали рабы, число которых было не особенно значительно; ряды рабов постоянно пополнялись пленниками, взятыми на войне, вольными людьми, продававшими себя в кабалу, несостоятельными должниками и преступниками, совершившими известного рода преступления. За рабами следовали вольные хлебо-

пашцы, которые не имели постоянного места жительства и кочевали по всей стране, временно поселялись то там, то здесь, смотря по тому, где они находили работу и достаточное вознаграждение. Наконец, в-третьих, особняком от двух вышеупомянутых классов и в известных отношениях выше их на общественной лестнице стояли крестьяне в собственном значении этого слова*.

Эти крестьяне в собственном смысле отличались от вольных хлебопашцев в двух отношениях: во-первых, они владели землёй на правах полной собственности или же на правах пользования, а во-вторых, они были членами сельской общины. Эти общины представляли вольные, первобытные ассоциации, которые избирали своих должностных лиц из среды глав семейств, входивших в состав их, и посылали от себя уполномоченных, заседавших в качестве судей при княжеском дворе. Некоторые из этих общин имели свою собственную землю, другие же селились на землях помещиков или на обширных монастырских владениях. В последнем случае крестьянин уплачивал определённый годичный оброк деньгами, продуктами или работой, смотря по тому, какое условие было им заключено с помещиком или с монастырём, но при этом он отнюдь не поступался своей личной свободой. Как скоро им были исполнены условия, поставленные в договоре, и сведены счёты с владельцем земли, он был волен переселиться, куда ему угодно.

Затем, если мы от этого раннего периода русской истории перенесёмся в XVIII столетие, то найдём, что положение сельского населения за истекший промежуток времени успело резко измениться. Различие между рабами, хлебо-

---

* Главным источником, которым я пользовался при изложении истории русского крестьянства в древнейший период, служило мне сочинение Беляева: «Крестьяне на Руси». Москва, 1860, – книга весьма талантливо и добросовестно написанная. В лице г. Беляева, умершего несколько времени тому назад, Россия потеряла одного из самых учёных и трудолюбивых исследователей в области истории.

пашцами и крестьянами совершенно исчезло. Все эти три категории слились в один класс, носивший название крепостных крестьян и считавшихся собственностью помещиков или государства. «... Крестьян и деловых дворовых людей мелкое шляхетство продаёт врознь, кто похочет купить как скотов, чего во всём свете не водится, а наипаче от семей, от отца или от матери дочь или сына помещик продаёт, отчего немалый вопль бывает»*. А между тем тогдашнее правительство, хотя и высказывало сожаление о существовании такого обычая, однако не принимало никаких энергичных мер для пресечения зла. Напротив, оно лишало крепостных всякой защиты со стороны законов и прямо повелело, чтобы в случае крепостной осмелится подать жалобу на своего господина, таковой жалобщик был наказываем кнутом и ссылаем на пожизненную каторгу в Нерчинские рудники (Указ 22 августа 1767 года**).

Спрашивается, каким же образом могла совершиться такая крупная перемена и чем её можно объяснить?

Если вы спросите любого образованного русского, не занимавшегося специально историческими исследованиями, о том, как возникло крепостное право на Руси, он, по всем вероятностям, ответит вам приблизительно в следующих выражениях: «В России рабство никогда не существовало (!), и даже крепостное право в западноевропейском смысле этого слова никогда не было признано законом. В старину сельское население пользовалось полной свободой, и каждый крестьянин мог менять своё место жительства в Юрьев день, то есть в ту пору года, когда оканчиваются

---

* Слова эти заимствованы мною из Императорского указа от 15 апреля 1721 г. (Полное собрание законов, № 3770).

** И этот указ был издан либеральной и гуманной Екатериной! Как согласовала она подобныя меры с тем уважением и восторженным сочувствием, которое она питала к гуманным воззрениям Бекария на уголовное законодательство, осталось необъяснённым; в своих красноречивых описаниях успехов, которые сделала цивилизация в ея владениях, она позабыла упомянуть о вышеприведённом указе.

полевая работы. Право перехода с одного места на другое было уничтожено царём Борисом Годуновым, который, надо заметить, был наполовину татарин по происхождению и вступил на престол по весьма сомнительному праву, – и в этой-то отмене свободного перехода и заключается вся сущность крепостного права в русском значении этого слова. Крестьяне никогда не были собственностью помещиков и лично всегда оставались свободными; единственное ограничение их свободы, допускавшееся законом, заключалось в том, что они не могли переменять своё место жительства без согласия помещика. Если иногда и случалось, что так называемые крепостные продавались, то это было не более как злоупотребление, никогда не оправдывавшееся законом».

Это несложное объяснение, в котором, как легко можно заметить, звучит нота патриотической гордости, принимается в России почти всеми. Но, как большинство ходячих представлений об отдалённом прошлом, оно содержит в себе странную смесь фактической истины и вымысла. Из серьёзных исследований, произведённых в последнее время, явствует, что власть помещиков над крестьянами возникла не внезапно, в силу указа, а постепенно, вследствие целого ряда постоянно действовавших экономических и политических причин, и что Борис Годунов тут был столько же виноват, сколько и многие другие государи до него и после него*.

Хотя крестьяне в древней России и пользовались правом свободного переселения, тем не менее уже в очень раннюю эпоху, задолго до Бориса Годунова, князя, помещики и сельские общины стали проявлять стремление к ограничению этой свободы. Причины такого стремления станут для нас понятны, если мы вспомним, что земля без

---

* По этому вопросу я могу в особенности рекомендовать статью г. Победоносцева в «Русском Вестнике» № 11 1858 г. и «Историческая исследования и статьи» того же автора, С.-Петербург 1876 г., а также статью Погодина в «Русской Беседе» 1858 № 4.

рук для её обработки ни на что не годится и что в России того времени население было незначительно по сравнению с количеством возделываемой или способной к возделыванию земли. Князь желал, чтобы население в его княжестве было как можно гуще, так как размеры его доходов зависели от численности населения. Помещик с своей стороны желал иметь как можно больше крестьян в своём поместье, чтобы было кому обрабатывать те участки земли, которые он оставлял для своего собственного пользования, и с кого получать за остальную землю оброк деньгами, продуктами или работой. Вольная община желала иметь достаточное число членов для того, чтобы принадлежащая им земля не пропадали без обработки, так как каждой общине приходилось ежегодно платить князю определённую подать деньгами или хлебом, и чем значительнее было число работников в общине, тем меньшая доля этой подати причиталась на каждого отдельного члена. Выражаясь языком политической экономии, князь, помещики и вольные общины играли роль покупателей на рынке труда; а так как спрос значительно превышал предложение, то при этих условиях естественно возникала сильная конкуренция. В наши дни, когда возникающие колонии или землевладельцы, имеющие поместья в каком-нибудь дальнем уголке земного шара, испытывают подобную нужду в рабочих руках, они стараются удовлетворить своей потребности посредством правильно устроенной системы эмиграции; к противозаконным, насильственным средствам, вроде, например, набегов для поимки пленников, они прибегают лишь в исключительных случаях. Но в древней России правильно организованная эмиграция была, само собою разумеется, немыслима, а потому насильственные средства составляли не исключение, а правило. Главную практическую выгодою, извлекаемую участниками безпрестанных военных походов, являлся захват пленников, которые обыкновенно обращались ими в рабство. Если,

как утверждают иные, закон и признавал правильной добычей лишь некрещённых пленников, то несомненно то, что вплоть до слияния отдельных княжеств под властью царей московских на практике мало делалось различия в этом отношении между некрещёнными иноплеменниками и православными русскими*. Подобный же приём употреблялся иногда и для приобретения свободных крестьян: наиболее могущественные землевладельцы устраивали походы с целью захвата людей и уводили крестьян, живших на землях более слабых их соседей.

При этих условиях было весьма естественно, что те, которые обладали столь ценным предметом потребления, как рабочия руки, употребляли все свои усилия, чтобы удержать этот предмет за собою. Большинство вольных общин прибегали для этого к следующему простому средству: если который-нибудь из их членов желал уйти, оне не отпускали его до тех пор, пока он не представлял за себя заместителя. Что касается помещиков, то они, насколько нам известно, никогда не ставили такого условия формально, но на практике они делали всё, зависившее от них, чтобы удержать тех крестьян, которые уже раз поселились на их землях. С этою целью они иногда просто пускали в ход открытое насилие, другие же действовали под прикрытием законных форм. Крестьянин, бравший землю от помещика, лишь в редких случаях приносил с собою необходимыя земледельческия орудия, рабочий скот и капитал, нужный для того, чтобы он мог немедленно приступить к работе и прокормиться с семейством до будущей жатвы. Ему приходилось брать все эти предметы заимобразно у помещика, и долг, в который он, таким образом, запутывался, очень легко было превратить в средство к задержанию его на месте, в случае он пожелал бы уйти.

---

* Смотри по этому вопросу Чичерина: «Опыты по истории русского права». Москва, 1858, стр. 162 и следующая, а также Лохвицкаго «О пленных по древнему русскому праву». Москва, 1855.

Нам нет надобности вдаваться в дальнейшие подробности. Частые неурожаи, эпидемии, пожары, неприятельские набеги и тому подобная бедствия нередко доводили даже состоятельных крестьян до нищенства. По всем вероятностям мужик и в те времена, так же как и теперь, проявлял лишь слишком большую готовность принимать ссуду, не думая о том, из каких источников он её возвратит. Законы о займах отличались неумолимою строгостью, а для ограждения слабейшей стороны не существовало достаточно влиятельной судебной организации. Если мы взвесим все эти обстоятельства, то нас нисколько не удивит тот факт, что значительная часть крестьян на практике находилась в крепостной зависимости задолго до того времени, когда прикрепление к земле было признано законом.

Пока страна распадалась на множество независимых княжеств, которые были отделены друг от друга воображаемыми границами, и каждый землевладелец был почти независимым владыкою в своём поместье, крестьяне находили в побегах лёгкое средство спастись от этих злоупотреблений. Они убегали к соседнему помещику, имевшему возможность защитить их от прежнего владельца и его требований, или же искали убежища в соседнем княжестве, где они, конечно, могли рассчитывать ещё на большую безопасность. Но всё это изменилось после того, как независимые княжества превратились в Московское царство. У царей явились новые причины противодействовать переселению крестьян, и они располагали для этого новыми средствами. Прежние князья просто дарили земли лицам, состоявшим у них на службе, и затем предоставляли получившему землю делать с нею всё, что ему заблагоразсудится. Цари же, напротив, предоставляли своим слугам лишь право пользования известным количеством земли, тщательно соизмеряя это количество с служебным положением награждаемого и с обязательствами, возлагавшимися на последнего. Вместе с этою переменной, очевидно, возникала новая побудитель-

ная причина, заставлявшая желать прикрепления к земле. Действительная стоимость отводимого участка зависела не столько от количества земли, сколько от количества крестьян, населённых на ней, а потому всякое переселение жителей равнялось перемещению межевых знаков, другими словами, составляло нарушение того, что было установлено царём. Предположим, например, что царь отводил боярину или какому-нибудь другому, менее важному должностному лицу поместье, на котором было поселено десять крестьянских семейств, и что впоследствии половина этих семейств переселялась на земли соседнего помещика. В таком случае получивший поместье мог по справедливости жаловаться, что он лишился половины поместья, — хотя количество земли оставалось то же, — и что он, следовательно, не имеет возможности исполнить лежащая на нём обязательства. Подобные жалобы почти никогда не высказывались крупными сановниками, так как они имели все средства привлечь крестьян на свои земли*; но мелкие помещики имели основание для подобного рода жалоб, и царь должен был устранить повод к последним. Прикрепление крестьян к земле являлось, в сущности, естественным последствием феодальной раздачи земель, которая составляла одну из существеннейших особенностей московской политической системы. Царь заставлял дворян служить себе, но не имел возможности платить им деньгами. Поэтому он был вынужден доставлять им средства к существованию каким-нибудь иным способом. Очевидно, простейшим способом выйти из этого затруднения было — дать им землю с извест-

---

* Это подтверждается письменными памятниками того времени, из которых несомненно явствует, что крупные сановники вначале враждебно относились к прикреплению крестьян к земле. Подобный же факт повторился в гораздо позднейшую эпоху в Малороссии. Долгое время после того, как крепостное право было узаконено в этой области Екатериною II, крупные землевладельцы, как, например, Румянцев, Разумовский, Безбородко, продолжали переманивать в свои поместья крестьян с земель мелких помещиков. См. статью Погодина в «Русской Беседе», 1858 г. № 4, стр. 154.

ным количеством рабочих рук, другими словами, ввести прикрепление крестьян к земле.

Относительно свободных общин царям приходилось придерживаться того же образа действий и по тем же причинам. На общинах, так же как и на дворянах, лежали известные обязательства относительно главы государства, и оне не могли исполнять эти обязательства, пока крестьяне пользовались правом свободного перехода из одной местности в другую. Общины эти были в известном смысле собственностью царя, и было вполне естественно со стороны царя сделать и для самого себя то, что он сделал для дворянства.

Вместе с этими новыми основаниями для прикрепления крестьян к земле явились, как я уже сказал, и новые средства для достижения этой цели. В прежния времена побег из одного княжества в другое не представлял ни малейшаго затруднения; но теперь все княжества были соединены под властью одного правителя и было положено основание централизованной администрации. Появились строгие законы против тех, которые покусятся переменить своё место жительства, а также против тех помещиков, которые будут укрывать подобных беглецов. Крестьянину, если только он не предпочитал стать лицом к лицу со всеми трудностями жизни в лесах сурового дальняго севера, или не решался подвергнуть себя всем опасностям скитанья в степях, некуда было уйти от тяжёлой руки московскаго государства*.

---

* **Всё вышесказанное о происхождении крепостнаго права на Руси основано на тщательном рассмотрении тех исторических свидетельств, которыя имеются налицо. Но я должен оговориться, что некоторыя положения являются скорее догадками, основанными на косвенных умозаклчениях, нежели непосредственным выводом из положительных, документально-засвидетельствованных фактов. Вообще вопрос этот представляет большия трудности для изучения и, по всем вероятиям, не будет разрешён удовлетворительно до тех пор, пока не будет опубликована большая часть так называемых писцовых книг. Безспорно, эти писцовыя книги имеют несравненно большее значение, чем многие памятники, изданные Императорским археологическим обществом.**

Косвенные последствия прикрепления крестьян к земле оказались не сразу. Крепостной крестьянин сохранял все те гражданские права, которыми он пользовался до сих пор, за исключением лишь права свободного перехода с места на место. Он по-прежнему мог ходатайствовать в судах на правах вольного человека, беспрепятственно заниматься промыслами и торговлею, заключать всякого рода договоры и снимать землю на аренду*. Самое ограничение его свободы передвижения было не так стеснительно, как оно может показаться с первого взгляда, так как крестьяне и до этого не особенно часто меняли своё местожительство, а сила обычая на первых порах удерживала помещиков от введения слишком ощутительных перемен в существовавшие договоры.

Но мало-помалу перемена, происшедшая в легальных отношениях между помещиками и крестьянами, отразилась и на действительной жизни. Правительство, вводя прикрепление крестьян к земле, было так всецело поглощено финансовой стороной этой меры, что совершенно упустило из виду дальнейшие последствия, которая принятая им политика неизбежно должна была повлечь за собою, или же добровольно закрывало глаза на эти последствия. Нетрудно было догадаться, что как скоро отношения между помещиком и крестьянином будут изъяты из сферы добровольно заключённых договоров и примут характер нерасторжимой связи, слабейшая из двух сторон, связанных таким образом законом, непременно подпадёт всецело под власть сильнейшей стороны, если только закон и администрация не окажут ей энергического покровительства. Между тем правительство не обратило внимания на этот неизбежный результат. Оно не только не позаботилось оградить крестьян от притеснений со стороны помещика, но даже не определило путём закона взаимные обязательства обеих сторон. Помещики, воспользовавшись

---

* См. Беляева, стр. 250.

этим пробелом законодательства, в скором времени начали облагать крестьян разными повинностями по своему произволу; а так как они не имели возможности принуждать крестьян законным путём к исполнению этих повинностей, то они стали постепенно вводить патриархальные способы суда и расправы, подобные тем, которые уже существовали у них для рабов, причём как принудительные средства употреблялись денежные пени и телесные наказания. Прошло ещё немного времени, и помещики пошли ещё далее и стали продавать своих крестьян отдельно от земли, на которой они были поселены. Сначала подобныя продажи являлись вопиющим злоупотреблением, не имевшим никакого оправдания в законе, так как крестьянин никогда не был признан личною собственностью помещика, но правительство своим молчанием как бы одобрило этот обычай и даже взимало при продажах этого рода пошлины, подобныя тем, которыя брались при продаже рабов. Наконец, право продавать крестьян без земли было формально признано различными царскими указами*.

Старая общинная организация продолжала существовать, и власть ея никогда не была отменена законодательным путём, но теперь община была бессильна защитить своих членов. Помещик легко мог подавить всякую попытку открытаго сопротивления; для этого ему стоило лишь продать или обратить в дворовых тех крестьян, которые осмеливались идти наперекор его воле.

Таким образом, крестьянство было низведено до положения крепостных, фактически лишённых покровительства законов и находившихся в полной зависимости от произвола помещиков; но при всём том положение крестьян, как легально, так и фактически, отличалось ещё в некоторых отношениях от положения рабов, с одной стороны, и «вольных гулящих людей», с другой стороны.

---

* Таковы, например, указ 13 октября 1675 г. и указ 25 июня 1682 г. См. Беляева, стр. 203–209.

Эти отличия были уничтожены лишь Петром Великим и его ближайшими преемниками. Для осуществления его громадных преобразований в военном и гражданском устройстве Петру нужно было увеличить ежегодные доходы государства до такой колоссальной цифры, какая и во сне не снилась его предшественникам. Вследствие этого он постоянно был озабочен отысканием новых источников обложения. Перебирая различные статьи, из которых можно было бы извлечь доход, он, между прочим, остановил своё внимание на рабах, на дворовых и на вольных хлебопашцах. Ни один из этих классов народа не платил налогов, что являлось вопиющим противоречием с основным принципом его политики, что каждый подданный должен так или иначе служить государству. В виду этого Пётр повелел произвести народную перепись и занести в одну общую графу различные классы сельского населения, – кабальных людей, дворовых, вольных хлебопашцев и крестьян. Одновременно с этим он обложил всех лиц, включённых в эту категорию, подушной податью взамен поземельной подати, которая в прежнее время уплачивалась одними крестьянами. Чтобы облегчить взыскание этой подати, он возложил на помещиков ответственность за их крепостных, а те вольные гулящие люди, которые не желали поступить в армию, обязаны были под угрозой ссылки в каторжные работы приписаться к какой-нибудь общине или в крепостные к какому-нибудь помещику.

Меры эти имели значительное влияние если и не на самое положение крестьян, каким оно являлось на практике, то, во всяком случае, на те юридические представления, которые существовали относительно этого предмета. Закон, обязав помещика уплачивать подушную подать за крепостных крестьян наравне с принадлежащими ему рабами и домашним скотом, как бы подтверждал то представление, в силу которого крепостные рассматривались как собственность помещика. Кроме того, упомянутыми

мерами вводился совершенно новый принцип, на основании которого каждый член сельского населения, не приписанный формально к земле или к помещику, должен был считаться бродягою, и с ним должно было поступлено как с таковым. Таким путём достиг своего полного осуществления принцип, требующий, чтобы каждый подданный так или иначе служил государству. В России не стало более места для вольных людей.

Сказанная перемена в положении крестьянства в связи с теми тяготами и притеснениями, с которыми она была сопряжена, естественным образом усилила побег и бродяжничество. Тысячи крепостных убегали от своих господ в степи или же старались попасть в солдаты. В предупреждение этого правительство считало нужным принимать энергичные строгие меры. Крепостным было запрещено поступать в солдаты без согласия своих господ; тех же, которые нарушали это запрещение, велено было бить «жестоко» кнутом и ссылать в каторгу*. В то же время помещикам было дано право ссылать непокорных крестьян без суда в Сибирь на поселение и даже в пожизненную каторгу**.

Если эти суровые меры и оказали какое-нибудь действие, то весьма ненадолго, так как в скором времени среди крепостных стали замечаться ещё более сильные проявления недовольства и непокорства; проявления эти угрожали дойти до всеобщего аграрного возстания и действительно породили движение, напоминающее во многих отношениях французскую жакерию или крестьянскую войну в Германии. Бросив взгляд на причины, вызвавшие это движение, мы яснее поймём сущность русского крепостного права.

Вплоть до того времени, до которого я довёл свой рассказ, крепостное право при всех вопиющих злоупотреблениях, с которыми оно было сопряжено, всё-таки

---

* Указ 2 июня 1742 года.

** Указы 17 января 1765 г. и 28 января 1766 года.

имело некоторое теоретическое оправдание. Оно, как мы видели, было лишь составною частью общей политической системы, в которой все классы населения несли обязательную службу. Крепостные служили дворянам для того, чтобы дать возможность дворянам служить царю. Но в 1762 году теория эта была совершенно ниспровергнута манифестом Петра III, отменявшим обязательность службы для дворян. По строгой справедливости, вслед за этим распоряжением должно бы было издать другое – об освобождении крестьян, так как, раз дворяне были уволены от обязанности служить государству, то они не имели никакого права требовать, чтобы крестьяне служили им. Но правительство до такой степени утратило воспоминание о первоначальном значении крепостного права, что и не подумало довести упомянутую меру до логических ее последствий. Зато крестьяне упорно держались старых представлений и нетерпеливо ожидали нового манифеста, который освободил бы их от власти помещиков. Ходили слухи, что такой манифест действительно был издан, но дворяне утаили его. Всё это возбудило среди крестьянского населения дух непокорности, и в различных частях империи вспыхнули местные возстания.

В эту-то критическую минуту Пётр III был свергнут с престола дворцовым заговором. Крестьяне, которые, конечно, ничего не знали о действительных побуждениях, руководивших заговорщиками, вообразили себе, что царь умерщвлён теми самими людьми, которые желали сохранения крепостного права. Таким образом, Пётр III становился в народном представлении мучеником, пострадавшим за дело освобождения крестьян. Когда вести о перевороте, произошедшем в Петербурге, распространились по всей России, надежды народа на освобождение ослабели, но вскоре они оживились под влиянием новых распространившихся слухов. Говорили, что царь спасся от рук заговорщиков и где-то скрывается. Уверяли, что он в

скором времени появится среди своих верных крестьян, при их содействии возвратит себе престол и накажет притеснителей. Напряжённо ждал народ его появления, наконец, разнеслась радостная весть, что он находится на Дону, что тысячи казаков стеклись под его знамёна, что он повсюду беспощадно казнит помещиков и в скором времени прибудет в свою древнюю столицу.

Хотя в действительности Пётр III лежал в могиле, в вышеприведённых слухах была грозная доля истины. На Дону действительно появился самозванец, казак, по имени Пугачёв, и принялся приводить в исполнение то, чего крестьяне ожидали от умершего Императора. Двинувшись к низовью Волги, он овладел несколькими волжскими пунктами, умертвил всех помещиков, попадавшихся ему на пути, разбил в нескольких сражениях войска, высланные против него, и угрожал проникнуть в центр империи. Можно было подумать, что снова настают давнишние смутные времена; казалось, что стране снова предстоит быть разорённой дикими шайками казаков, нахлынувшими из южных степей. Но роль, принятая на себя самозванцем, оказалась ему не под силу. Его безчеловечная жестокость оттолкнула от него многих, которые без этого последовали бы за ним; к тому же у него не хватало энергии и решимости, чтобы воспользоваться представлявшимися благоприятными обстоятельствами. Если он действительно, как утверждают, замышлял создать мужицкое царство, то он, во всяком случае, был не тот человек, какой был бы нужен для осуществления подобного замысла. После целого ряда ошибок и поражений он был взят в плен, и возстание было подавлено*.

* Во время моего пребывания среди башкир Самарской губернии в 1872 г. я слышал несколько интересных преданий об этом самозванце. Незирая на то, что со времени его смерти (1775) прошло уже около столетия, имя его, наружность и подвиги известны даже юнейшему поколению. Люди, передававшие мне рассказы о нём, оставались твёрдо убеждёнными, что он был не обманщик, а действительный царь, свергнутый с престола своей честолюбивой супругой, и что не был взят в плен, а «уехал в чужие края». На вопрос мой, жив ли он до сих пор и может ли он вернуться, они отвечали, что не знают.

Между тем Петру III наследовала супруга его, Екатерина II. Так как она вступила на престол путём дворцового переворота и по происхождению была иностранка, то она не могла приобрести популярность среди народа, а потому ей приходилось искать расположения дворянства. Будучи поставлена в такое затруднительное положение, она не имела возможности применить свои гуманные взгляды по вопросу об отмене крепостного права. Даже в течение первых пяти лет своего царствования, когда ещё не было причин опасаться крестьянских волнений, она не только не ограничила власть помещиков над крепостными, но даже, напротив, скорее усилила её. Пугачёвский бунт окончательно утвердил её в решимости следовать этой политике, и крепостничество в её царствованье достигло, можно сказать, апогея. Закон смотрел на крестьян как на составную часть недвижимого имущества их господина*, как на оборотный капитал поместья, и согласно с этим взглядом их продавали, покупали и дарили** целыми сотнями и тысячами душ, иногда с землёю, иногда и без земли, в иных случаях целыми семьями, а в других – поодиночке. Единственное ограничение, установленное законом, состояло в том, чтобы их не продавали с публичного торга, так как подобный обычай считался «неприличным для европейского государства». Во всех остальных отношениях с крепостным можно было поступать, как с частною собственностью, и этот взгляд на положение крепостного мы встречаем не только в законодательстве, но и в ходячих представлениях об этом предмете. Вошло в обычай, – и этот обычай держался до 1861 года, – определять состояние дворянина не по количеству его доходов и не по раз-

* См. указ 7 октября 1792 г.

** Как образчик того, до каких размеров доходил обычай дарить крестьян, можно привести следующий случай: граф Панин представил некоторых из своих подчинённых к наградам; но так как представление его не было уважено, то он роздал этим подчинённым до 4000 душ крестьян из своих собственных вотчин (Беляев, стр. 320).

мерам его поместья, а по числу крепостных, находившихся у него в зависимости. Вместо того чтобы сказать: этот человек получает столько-то сотен или тысяч в год дохода, или же: он имеет столько-то десятин земли, – говорили: «он имеет столько-то сотен или тысяч душ». И над этими «душами» он пользовался неограниченной властью. Крепостные не имели никаких законных средств самозащиты. Правительство опасалось, как бы, поставив их под покровительство суда или администрации, не пробудить в них духа неповиновения, а потому было предписано всех тех, которые подавали жалобы на своих помещиков, наказывать кнутом и ссылать в каторгу*. Лишь в крайних случаях, когда факты какой-нибудь чудовищной жестокости доходили до сведения самой императрицы, власти вмешивались в отношения помещиков к крепостным, и подобные случаи не оказывали никакого влияния на общий характер сказанных отношений**.

Последние годы восемнадцатого столетия являются поворотным пунктом в истории крепостного права. До этого времени власть помещиков постоянно усиливалась, и район, в котором действовало крепостное право, всё более и более распространялся. В царствование императора Павла мы встречаем первые ясные признаки реакции против господствовавшего до сих пор направления. Император этот смотрел на помещиков как на надёжнейшую

* См. указы 22 августа 1767 г. и 30 марта 1781 г.

** **Едва ли не самым ужасным из всех известных случаев этого рода было дело одной дамы, по имени Салтыковой, разбиравшееся перед судом в 1768 г. По свидетельству указа, в котором перечислены ее преступления, она в течение десяти или одиннадцати лет уморила зверскими мучениями до ста человек своих крепостных, преимущественно женского пола, а в том числе девочек одиннадцати и двенадцати лет. В народе думали, что жестокости ее обуславливались склонностью к людоедству, но судебное следствие этого не подтвердило. Подробности этого дела смотри в «Русском Архиве» за 1865 г., стр. 644–652. Жестокости, совершавшиеся в именинника любимца императора Александра I, графа Аракчеева, в начале нынешнего столетия, были неоднократно описаны и почти столь же возмутительны, как и вышеприведённые.**

свою полицию, но он желал ограничить их власть и с этой целью издал указ, которым запрещалось заставлять крепостных работать на господ более трёх дней в неделю. Со вступлением на престол императора Александра I начинается длинный ряд неосуществившихся проектов полного освобождения крестьян, а также попыток пресечь, по крайней мере, наиболее вопиющая злоупотребления. В царствование императора Николая назначалось до шести комиссий для рассмотрения этого вопроса. Но практический результат всех этих усилий был крайне незначительный. Обычай дарить земли, населённые крестьянами, был отменён; власть помещиков была слегка ограничена, некоторые из наиболее жестоких помещиков были устранены от управления своими именьями; несколько человек, признанные виновными в вопиющих зверствах, были сосланы в Сибирь*; наконец, несколько тысяч крепостных были отпущены на волю. Но вплоть до настоящего царствования не предпринималось никаких решительных, радикальных мер, и крепостным даже не было дано право формально жаловаться на своих помещиков. Дело доходило до того, что на крепостное право смотрели как на существенную часть государственной организации и как на надёжнейший оплот самодержавия. Поэтому-то с ним обращались бережно, и те права и гарантии, которые предоставлялись крестьянам различными указами, не имели никакого практического значения.

Если мы сопоставим развитие крепостного права в России и в Западной Европе, то найдём и здесь и там много общего в некоторых отношениях, но в России явление это имело некоторые свои особенности. Одно из наиболее важных особенностей, присущих истории крепостного права в

---

* Так, например, Сперанский, в бытность свою Пензенским губернатором, отдал под суд, в числе прочих, одного помещика, который засёк своего крепостного, и одну даму, которая до смерти заколола ударами перочинного ножа крепостного мальчика за то только, что он не берёт ручного ворона, порученного его уходу! См. Корфа, «Жизнь Сперанского», т. II, стр. 127.

России, обуславливалось быстрым развитием самодержавной власти. В феодальной Европе, где не было сильной центральной власти, которая могла бы сдерживать дворянство, вольные общины совершенно, или почти совершенно, исчезли. Оне либо подпали под власть дворян путём насилия, либо добровольно подчинились могущественным землевладельцам и монастырям; таким образом, все возделанные земли, за немногими лишь исключениями, превратились в дворянскую или церковную собственность. В России мы видим то же движение, но оно было остановлено властью императоров, прежде чем вся земля успела сделаться собственностью дворян. Дворяне могли обращать в крепостное состояние крестьян, живших в их поместьях, но они не могли присваивать себе вольные общины, так как подобное присвоение нарушило бы права и уменьшило бы доходы государя. Правда, вплоть до начала нынешняго столетия обширные поместья дарились вместе с поселёнными на них крестьянами лицам, пользовавшимся милостью монарха, а в царствование императора Павла (1796–1801) значительное число поместий было отписано в собственность членов императорской фамилии под названием «удельных имений»; но с другой стороны, обширные поместья, которые при Екатерине II были отобраны у монастырей, не были розданы дворянам, как то делалось во многих других странах, а были обращены в государственные имущества. Вследствие этого ко времени освобождения крестьян (1861) наибольшая половина всех земель была собственностью государства и половина сельского населения состояла из так называемых государственных крестьян.

Что касается положения государственных крестьян, то я могу охарактеризовать его в немногих словах; они были в известном смысле тоже крепостные, так как были прикреплены к земле наравне с прочими, но вообще говоря, положение их было несколько лучше положения крепостных в тесном значении этого слова. Им, правда, много прихо-

дилось терпеть от притеснений и вымогательств той особой администрации, которой они были подчинены; но у них было больше земли и они пользовались большею долей свободы, чем большинство крестьян в тех поместьях, где жили сами владельцы; кроме того, положение их было более ограждено от различных случайностей. Нередко утверждали, что чиновники ведомства государственных имуществ были хуже помещиков, так как они не были заинтересованы, подобно последним, в благосостоянии крестьян, но это мнение, основанное на разсуждениях а priori, не подтверждается фактами.

Вопрос о численном отношении между упомянутыми двумя классами крестьян и географическом их распределении представляет немало интереса. В Европейской России, взятой во всей ея совокупности, около трёх восьмых населения состояли из помещичьих крестьян*; но если мы возьмём отдельные губернии, то встретим значительныя отклонения в ту или другую сторону от этой средней пропорции. В пяти губерниях крепостные составляли менее трёх процентов, между тем как в других губерниях они составляли более семидесяти процентов населения! И эта разница не есть результат какой-нибудь случайности. В географическом распределении крепостных крестьян отражается происхождение и история крепостнаго права.

Если бы мы нарисовали карту, на которой было бы обозначено географическое распределение крепостнаго населения, то мы тотчас же увидали бы, что центром, из

* Точныя цифры населения, на основании новейших исследований, представляются в следующем виде:

Общая цифра населения.....	60 909 309
Крестьяне всех наименований.....	49 486 665
Из этого послѣдняго числа приходилось:	
На долю государственных крестьян.....	23 138 191
“ Бывших помещичьих крестьян.....	23 022 390
“ Удельных и принадлежащих к другим ведомствам.....	3 326 084
<hr/>	
Итого.....	49 486 665

которого исходило крепостное право, была Москва. Идя от этого центра в любом направлении к границам империи, мы заметим, что за немногими отклонениями от общего правила, объяснимыми местными влияниями, пропорция крепостного населения постепенно ослабевает по мере удаления губернии от Москвы. В той области, которая соответствует старому московскому царству, крепостные составляют гораздо более половины всего крестьянского населения. В местностях, лежащих на юг и на восток от этой области и постепенно присоединявшихся к России в течение семнадцатого и первой половины восемнадцатого столетия, пропорция эта колеблется между двадцатью пятью и пятидесятью процентами; наконец, в тех областях, которые были присоединены в позднейшую эпоху, она всё более и более ослабевает и доходит почти до нуля. Мы можем также заметить, что процент крепостных уменьшается по направлению к северу гораздо быстрее, нежели по направлению к югу и к востоку. Это указывает на то, что крепостное право в период своего возникновения имело чисто земледельческий характер. Местности, лежащая на юг и на восток, богаты чернозёмом и славятся своим плодородием, а потому дворяне, желавшие обзавестись поместьями, естественным образом предпочитали эти места негостеприимному северу, с его скудной почвою и суровым климатом. При более тщательном изучении предположенной мною карты* мы нашли бы и многие другие любопытные факты. Укажу, для примера, на один из таковых. Если бы крепостное право было результатом завоевания, то мы увидели бы крестьян славянского происхождения поселёнными на государственных землях, а финские и татарские племена – живущими в крепостной зависимости на землях помещиков. Между тем, в действительности, мы

---

* Подобная карта действительно была составлена г. Тройницким («Крепостное население в России», С.-Петербург, 1861), но она далеко не так наглядна, как могла бы быть.

видим как раз обратное. Почти все финны и татары были государственными крестьянами, а помещичьи крестьяне, за весьма немногими исключениями, принадлежали к славянской расе. Это объясняется тем фактом, что финские и татарские племена населяют преимущественно окраины, в которых крепостное право никогда не достигало таких размеров, как в центре империи.

Повинности, лежавшая на крепостных, были тройкаго рода; оне взимались деньгами, работой или продуктами. Что касается последней, то она имела такое второстепенное значение, что о ней будет достаточно сказать несколько слов. Она уплачивалась преимущественно яйцами, курами, баранами, грибами, лесными ягодами и холстом. Количество, в каком должны были доставляться все эти продукты, зависело от произвола помещика. Что же касается двух остальных форм обложения, то о них, как имевших более серьёзное значение, стоит упомянуть более подробно.

В тех случаях, когда помещик владел значительным количеством плодородной земли и желал хозяйничать на ней сам, он обыкновенно старался выжать из своих крепостных как можно больше работы. У такого господина крестьяне всего чаще совсем были изъятые от взноса денежных повинностей и исполняли свои обязательства относительно его тем, что летом обрабатывали его поля, а зимою перевозили его хлеб на рынок. Если же, напротив, землевладелец имел в своём распоряжении большее количество крепостного труда, чем сколько ему требовалось для обработки его полей, то он переводил излишек своих крепостных «на оброк», то есть дозволял им отлучаться и работать где им угодно под тем условием, чтобы они уплачивали ему ежегодно определённую сумму денег. Иногда помещик вовсе не обрабатывал землю за свой собственный счёт; в таком случае он сажал всех своих крепостных на оброк и обыкновенно предоставлял при этом общине пользоваться всем наличным количеством пахотной зем-

ли и лугов. В этих случаях «мир» играл ту же роль, как и фермеры в Западной Европе.

Вышеизложенные подробности дают нам основание для следующей немногосложной, но весьма важной классификации поместий во времена крепостного права: 1) поместья, в которых крестьянские повинности исключительно уплачивались работой; 2) поместья, в которых повинности уплачивались частью деньгами, а частью работой; 3) поместья, в которых крестьяне были обложены исключительно денежною повинностью.

Формы, в которых крестьяне облагались работою на помещика, представляли значительное разнообразие. На основании знаменитого указа императора Павла, крестьянина нельзя было заставлять работать на помещика более трёх дней в неделю; но закон этот соблюдался отнюдь не везде, а те помещики, которые его соблюдали, применяли его на различные лады. Весьма немногие понимали этот закон буквально и вводили у себя в имениях такой порядок, при котором крестьяне работали на них три определённые дня в неделю, например понедельник, вторник и среду; такой порядок оказывался крайне неудобным, так как он мешал правильному ходу полевых работ. Гораздо рациональнее была другая система, при которой одна половина крестьян работала в течение первых трёх дней недели, а другая – в течение остальных трёх дней. Таким образом, получалась возможность, не нарушая закона, иметь постоянно в своём распоряжении достаточное количество рабочих рук и вести работы без перерывов. Но значительное большинство помещиков, как кажется, не придерживалось никакого определённого порядка и не обращало никакого внимания на указ императора Павла, так как крестьяне были лишены законом возможности формально жаловаться на помещика. Большинство это просто сгоняло ежедневно на работы такое количество крестьян, какое требовалось. Во избежание того ущерба,

который должен был произойти от этого для крестьянских полей, обыкновенно приказывали крестьянам засеять отведённые им поля несколько позднее помещичьих, так что к тому времени, когда созревал хлеб на крестьянских полях, уборка помещичьей жатвы была уже окончена. Но такая комбинация не всегда удавалась, и в тех случаях, когда интересы помещика и крестьянина сталкивались, страдал, конечно, крестьянский интерес. В этих случаях крестьянину ничего более не оставалось, как работать понемногу на своём поле до шести часов утра и после девяти часов вечера, а чтобы был в состоянии это делать, он сберегал свои силы и старался работать как можно меньше на полях помещика в течение дня.

Не раз уже было замечено, что практические результаты того или другого учреждения зависят не столько от сущности самого учреждения, взятого отвлечённо, сколько от характера тех людей, которыми оно проводилось в жизнь. В замечании этом есть немалая доля истины, хотя неразборчивое применение его нередко влечёт за собою пагубное бездействие законодательной власти. Общая справедливость вышеупомянутой мысли сказалась и на крепостном праве. В тех случаях, когда помещик в своих отношениях к крестьянам придерживался просвещённого, разумного и человеколюбивого образа действий, крестьяне не имели особенных причин жаловаться на своё положение, и жизнь их была правильнее, чем жизнь многих людей, пользующихся полной личной свободой среди условий, предоставляющих ничем не ограниченный простор конкуренций. Когда я говорю, что положение многих свободных людей хуже того положения, которым пользовались многие из русских крепостных крестьян, я вовсе не разумею при этом какое-нибудь полудикое племя, среди которого свобода означает полное отсутствие законов и ничем не стеснённое право грабежа. Напротив, мысль моя останавливается на известном классе людей, которые имеют счастье жить под

благодетельным покровительством английских законов, и притом не в какой-нибудь дальней, глухой колонии, а в пространстве между проливом св. Георгия и Немецким морем. Как ни парадоксально покажется подобное уверение тем, которые привыкли смотреть на все формы рабства с сентиментальной точки зрения, тем не менее нельзя отрицать, что положение крепостных при таком помещике, как предположенный мною выше, было гораздо завиднее положения большинства английских сельских рабочих. Каждое семейство имело свой собственный дом с огородом, одну или несколько лошадей, одну или две коровы, несколько овец, домашнюю птицу, земледельческие орудия, участок общественной земли и всё остальное, необходимое для ведения сельского хозяйства в небольших размерах, и за всё это такое семейство было обязано уплачивать помещику таким количеством работы, которое вовсе не было особенно обременительно. Так, например, если у крестьянина было три взрослых сына, – а семьи в то время, как я уже говорил, были многочисленны, – то двое из этих сыновей могли работать на помещика, а третий имел возможность исключительно заниматься собственным хозяйством. Те случайности, которые известны под названием «божеских попущений», не грозили ему конечным разорением. Сгорит ли у него дом, скот ли падёт от эпидемии, останется ли он после ряда неурожайных годов без семян для засева полей, – во всех этих случаях он мог рассчитывать на временную помощь со стороны помещика. Он был равным образом ограждён от всяких притеснений и вымогательств со стороны чиновников, так как полиция в тех случаях, когда представлялся повод к его вмешательству, обращалась обыкновенно к помещику, являвшемуся до известной степени ответственным за своих крепостных. Таким образом, крепостной мог вести мирную и спокойную жизнь и умереть в глубокой старости, не почувствовав тягости крепостной зависимости.

Если бы все крепостные жили таким образом, мы, может быть, имели бы причины пожалеть о том, что было приступлено к освобождению крестьян. Но в действительности существовала также и обратная сторона медали, и крепостное право в большинстве случаев представляло далеко не ту картину, как только что описанная мною. К сожалению, не все помещики были людьми просвещёнными и гуманными. Между ними были и такие, которые требовали от своих крестьян непомерное количество работы и обращались с ними самым безчеловечным образом.

Этих притеснителей крепостного населения можно разделить на четыре группы. К первой группе принадлежат помещики, которые сами управляли своими имениями и притесняли крестьян просто с целью увеличить свои доходы. Затем следуют отставные офицеры, задававшиеся целью ввести порядок и дисциплину в своих владениях и употреблявшие для этого те же варварские меры, которые вплоть до последнего времени применялись в армии; господа этого рода были убеждены, что беспощадные телесные наказания являются единственным средством для излечения людей от лени, беспорядочности и других пороков. Третья группа состояла из помещиков, никогда не живших в своих имениях, тративших больше, чем им позволяли их средства, и требовавших от своего управляющего, под угрозой сдать его самого или сына его в рекруты, чтобы он высылал ему ежегодно такие суммы, которые значительно превышали доходность имения. Наконец, в-четвёртых, за последние годы существования крепостного права появились люди, покупавшие поместья в видах коммерческой спекуляции и старавшиеся выжать из этих поместий как можно больше денег в возможно короткий срок.

Из всех категорий дурных помещиков последняя была самая ужасная. Людям этого сорта дела не было до благосостояния крестьян и до того, что станется, в конце концов, с поместьем. Они рубили леса, продавали скот, брали

громадные оброки под угрозою отдать самих крестьян или детей их в солдаты, поставляли военному начальству большее число рекрут, чем какое требовалось по закону, а полученные за этих рекрут зачётныя квитанции продавали купцам или мещанам, подлежавшим военной повинности, но не желавшим отбывать её, принуждали некоторых из наиболее богатых своих крестьян откупаться на волю за громадныя деньги – словом, употребляли все законныя и незаконныя средства, чтобы сколотить как можно больше денег. При таком управлении поместье разорялось через несколько лет; но владельцы к тому времени успевали реализовать всю сумму, уплаченную ими при покупке, и ещё нажить порядочный барыш от этой операции; барыш этот они увеличивали в значительных размерах продажею известного числа крестьян на своз в другия поместья или же закладом имения в опекунский совет – правительственное учреждение, которое ссужало деньги под залог поместий, не справляясь много о том, насколько надёжно представленное обеспечение.

Говоря о средствах, которыми пользовались помещики для притеснения своих крестьян, необходимо различать законныя и противузаконныя средства. Первых было так много, что они почти ничего не оставляли желать. «Владелец, – гласил закон (Том IX, § 1045, издание 1857 г.), – может налагать на крепостных своих людей всякия работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей с тем только, чтобы они не претерпевали через сие разорения и чтобы положенное законом число дней оставляемо было на исправление собственных их работ»*. Кроме того, помещик имел право переводить крестьян во двор и мог, вместо того чтобы пользоваться их услугами для себя, отдавать их посторонним лицам в

* Я здесь нарочно привожу подлинныя статьи свода законов в виду того, что русские обыкновенно думают и уверяют других, что отдача крепостных в наймы, телесныя наказания и тому подобныя меры были не более, как злоупотреблением, не имевшим никакой опоры в законодательстве.

услужение с тем лишь ограничением, чтобы сказанные лица пользовались правами и привилегиями дворянства (§§ 1047–48). За каждый проступок, учинённый против самого помещика или его семейства или против других его крестьян и дворовых людей, помещик мог подвергнуть виновного телесному наказанию в размерах не свыше сорока ударов розгами, или пятнадцати ударов палкою (§ 1052); если он считал кого-нибудь из своих крепостных неисправным, он мог представить такого человека властям для зачисления его в рекруты или для ссылки в Сибирь на поселение (§§ 1053–55). В тех случаях неповиновения, когда домашние меры взыскания оказывались недостаточными, помещик мог обратиться для поддержания своей власти к содействию полиции и военной силы.

Таковы были легальные средства, которыми помещик мог пользоваться для притеснения своих крестьян, и всякий поймёт, что они давали могущественное оружие в руки помещика и отличались значительной растяжимостью. По закону он имел право облагать крестьян всякими работами и денежными оброками, какие сочтёт нужными, и крестьянам предписывалось во всяком случае пребывать в повиновении и покорности (§ 1027). Телесные наказания, хотя размеры их и были ограничены законом, в сущности, могли применяться помещиком в той степени, какая ему заблагоразсудится. По всем вероятиям, из крестьян никто даже и не знал, а из помещиков знали лишь весьма немногие, что закон установил ограничение для этого права. У всех помещиков было в обычае пользоваться телесными наказаниями по своему усмотрению, и за исключением случаев, обращавших на себя внимание безчеловечною жестокостью, власти никогда не вмешивались в дела этого рода. Но в глазах крестьян телесное наказание было ещё не худшим из всех несчастий. Несравненно страшнее розги или палки было для них право помещика отдавать их самих и сыновей их в солдаты. Закон предполагал, что это

крайнее средство будет применяться лишь к тем из крепостных, которые окажут упорное неповиновение; но власти принимали всякого рекрута, которого им сдавали, не давая себе труда исследовать, в чём заключалась его вина, а потому помещик мог пользоваться этим своим правом как средством для вымогания денег.

От всех этих способов вымогательства и притеснения крепостные не имели никакой защиты в законе. Закон не давал им никакой возможности противодействовать учиняемой над ними несправедливости или добиваться наказания помещика, который их притеснял и разорял. Правительство, невзирая на искреннее своё желание оградить их от чрезмерных поборов и жестокостей, редко вмешивалось в отношения, существовавшие между помещиком и его крепостными, так как оно боялось этим поколебать помещичью власть и возбудить в крестьянах дух неповиновения. Крестьянам, таким образом, не на кого было рассчитывать, кроме самих себя, и ничего более не оставалось, как обороняться самим по крайнему своему разумению. Простейшим средством для этого был бунт, но они редко прибегали к такому средству, потому что знали по опыту, что всякая такая попытка будет тотчас подавлена вооружённой силой и повлечёт за собою нещадное наказание. Гораздо более употребительными и удобными средствами самозащиты являлись пассивное сопротивление, побеги, поджоги и убийства.

У читателя легко может возникнуть предположение, что недобросовестный помещик, вооружённый тою громадною легальной и фактической властью, о которой было говорено выше, имел полную возможность вымогать из своих крестьян всё, что ему вздумается. Между тем на деле вымогательство, когда оно заходило за известные пределы, было сопряжено с значительными затруднениями. Русский крестьянин обладает такою силою выносливости и терпенья, которая сделала бы честь любому мученику; его спо-

способность к продолжительному, упорному, пассивному сопротивлению не имеет ничего подобного себе среди других классов европейского населения; эти-то свойства и служили ему весьма действительным оплотом против алчности безсовестных помещиков. Как только крестьяне замечали в своём господине жадность и склонность к вымогательству, они тотчас же принимали меры для ограждения себя. Прежде всего, они тайно распродавали весь скот, без которого могли обойтись, а также всю движимую собственность, какая у них имелась, за исключением тех немногих предметов, которые были им нужны для ежедневного обихода; небольшой капитал, который они выручали таким образом, тщательно припрятывался где-нибудь в доме или неподалёку от дома. Когда это было сделано, помещик мог грозить и наказывать сколько ему угодно, ему лишь в редких случаях удавалось добраться до спрятанного сокровища. Часто случалось, что при этих условиях крестьянин терпеливо сносил самые жестокие наказания, видел, как сыновей его сдавали в солдаты, и упорно продолжал утверждать, что у него нет денег, чтобы откупить себя и своих детей. Человек, смотрящий на дело со стороны, без сомнения посоветовал бы ему в этих случаях поступиться своими деньжонками, чтобы избавиться от притеснений. Но крестьяне разсуждали иначе. Они были убеждены, и не без основания, что, отдав помещику свои небольшие сбереженья, они лишь отсрочат беду на некоторое время и что немного погодя снова начнутся прижимки. При этом им предстояло терпеть ту же горькую участь, как и прежде, и в придачу ещё сокрушаться мыслью о том, что они без всякой пользы для себя поступились своим последним достоянием. В этих случаях крестьян обыкновенно выручала их фаталистическая вера в русское «авось». Авось, рассчитывали они, помещику и надоест преследовать их, когда он убедится, что это ни к чему не ведёт, или, может быть, случится какое-нибудь другое обстоятельство, которое избавит их от притеснителя.

Обыкновенно, однако, случалось так, что если помещик обращался с крепостными уже черезчур жестоко и несправедливо, то некоторые из них теряли терпенье и искали спасения в бегстве. Так как выход из поместий во все стороны был совершенно свободен и не было возможности учредить строгий надзор за крепостными, то бегство не представляло никаких затруднений, и беглец мог уйти за сотню вёрст прежде, чем даже заметят его отсутствие. Но в таком случае почему же не все крепостные разбегались, как скоро помещик начинал притеснять их? Было несколько причин, заставлявших крестьянина выносить многое, прежде чем он решался прибегнуть к этому средству. Во-первых, у него в большинстве случаев была семья, которую он не мог захватить с собою; таким образом, бегство равнялось пожизненному изгнанию в самой ужасной его форме. Кроме того, жизнь беглага крепостного была далеко незавидная. Он каждую минуту мог попасться в руки полиции, которая могла засадить его в тюрьму или отослать обратно к его господину. Вообще жизнь этого рода была так непривлекательна, что нередко случалось, что человек, побыв в бегах несколько месяцев, добровольно возвращался домой.

Здесь будет кстати заметить, что вообще существовало два разряда безпаспортных бродяг. С одной стороны мы имеем молодого, здорового крестьянина, который бежал от жестокостей своего господина или от рекрутчины. Бродяги этого рода обыкновенно приискивали себе новое постоянное место жительства – большею частью в южных губерниях, где чувствовался большой недостаток рабочих рук и где поэтому помещики охотно принимали всех приходивших к ним крестьян, не спрашивая у них паспортов. Ко второму разряду бродяг принадлежали те, которые деляли из бродяжничества свой обычный образ жизни. То были большею частью пожилые люди обоего пола, вдовцы и вдовы, не имевшие близких родных или же неспособные

к работе по болезни или лени. Большинство этих людей скиталось по России под видом богомольцев. В этом звании они всегда могли рассчитывать, что найдут себе пропитание, и даже имели возможность сколотить себе несколько рублей, чтобы задобрить ими в случае надобности слишком ревностного полицейского чиновника, который вздумал бы задержать их. Для жизни этого рода Россия представляла, и до сих пор представляет, совершенно особенного рода удобства. Там существует множество монастырей, где каждый приходящий может прожить три дня в уверенности, что никто не спросит у него кто он и откуда он; те же, которые согласны поработать малую толику из усердия к местному угоднику, могут прожить в монастыре и гораздо более трёх дней. Затем, в городах богатые купцы считают раздачу милостыни душеспасительным делом; наконец, существуют деревни, в которых каждого захожаго богомольца готовы принять радушно и будут кормить и поить до тех пор, пока он чего-нибудь не стащит и не совершит какого-нибудь другого проступка, слишком уже несовместного с принятым им на себя званием. Для людей, не взыскательных на пищу и не тяготившихся неизбежными неудобствами страннической жизни, этих простых средств к существованию было совершенно достаточно. Те же, которые метили выше и обладали большим запасом ловкости, нередко с успехом применяли свои таланты в мире раскольников и других сектантов.

Последним и самым отчаянным средством самозащиты, которым пользовались крепостные, были поджоги и убийства. Относительно цифры поджогов мы не имеем достоверных статистических данных. Что же касается количества аграрных убийств, то у меня были в руках по этому предмету любопытные статистические материалы, но я, к сожалению, потерял их. Я могу, однако, засвидетельствовать, что случаи этого рода были не особенно многочисленны. Это объясняется отчасти выносливостью

и долготерпением крестьян, отчасти же тем обстоятельством, что большинство помещиков вовсе уже не были такими жестокими, безчеловечными притеснителями, как обыкновенно полагают. Каждый раз, когда случалось аграрное убийство, администрация производила строжайшее следствие и виновные подвергались самым суровым наказаниям, чтобы другим не было повадно, причём не принимались во внимание поступки помещика, вызвавшие подобное преступление. Но во всех тех случаях, когда преступление не было делом чисто личной мести, втайне сочувствовали «несчастливым» и долгое время хранили о них воспоминание как о людях, пострадавших за «мир».

Говоря о крепостных, я до сих пор подразумевал лишь членов сельской общины, то есть крестьян в тесном значении этого слова. Но, кроме крестьян, были ещё дворовые, состоявшие в личном услужении у господина, и о них я должен сказать несколько слов отдельно.

Дворовые были скорее домашними рабами, чем крепостными в собственном значении этого слова. Но не будем без нужды оскорблять щепетильное самолюбие русских употреблением такого неблагозвучного термина. Мы можем называть этот класс людей «слугами», хотя при этом необходимо помнить, что они были не совсем тем, что мы привыкли подразумевать под словом «слуги». Они не получали жалованья, не имели права переходить по своему усмотрению на службу к другому господину, не пользовались почти никакими легальными правами, и господин мог наказывать их, отдавать в наймы и продавать, не нарушая этим писанного закона.

Число этих «слуг» было весьма значительно и далеко не соответствовало количеству требуемой от них работы, а потому они могли вести крайне праздную жизнь*; но при всём том крестьянин считал за большое несча-

---

* У тех помещиков, которые содержали свои оркестры, псарные дворы и т. п., число дворовых доходило нередко до нескольких сот человек.

стве быть переведённым в разряд дворовых, так как при этом он утрачивал свою часть общинной земли и ту небольшую долю независимости, которою он пользовался. Впрочем, помещики лишь в редких случаях брали во двор крестьянина, годного к работе. Комплект дворовых обыкновенно пополнялся естественным приростом населения, путём законных и незаконных рождений; иногда он увеличивался подневольным вступлением в него новых членов в лице круглых сирот, которых никто не хотел взять на своё попечение. К разряду дворовых принадлежали лакеи, горничные, повара, кучера, конюхи, садовники и значительное число стариков и старух, не имевших точно определённых обязанностей. Положение тех из дворовых, которые были женаты и имели детей, представляло нечто промежуточное между положением обыкновенной домашней прислуги и крестьянина. С одной стороны, они получали от господина определённое количество пищи в месяц и столько-то штук одежды в год, а также были обязаны жить поблизости с господским домом; но с другой стороны, у каждого из них была отдельная изба, или коморка, им давался огород и зачастую небольшой участок земли, на котором они могли сеять лён. Холостые дворовые жили во всех отношениях на положении обыкновенной домашней прислуги.

Из общего числа крепостных, принадлежавших помещикам, дворовые по последней ревизии составляли не менее $6\frac{3}{4}$ процентов (6,79*), и численность их, очевидно, быстро возрастала, так как по предшествующей ревизии их насчитывалось лишь 4,79 процента. Этот факт представляется особенно заслуживающим внимания в виду

---

* Общая цифра крепостных, принадлежавших помещикам во время освобождения крестьян, составляла 21 625 609 человек. Из этого числа приходилось на крестьян 20 158 231, дворовых 1 467 378. См. Троицкого: «Крепостное население в России», стр. 57. Разница между этими цифрами и теми, которые были приведены выше, объясняется отчасти возрастанием населения после 1859 г., отчасти же неточностью официальных данных.

того, что одновременно с этим число крепостных крестьян уменьшилось с 20 576 229 до 20 158 231.

Этим я должен закончить настоящую главу, хотя и сознаю, что мог дать лишь весьма беглый очерк того предмета, который я желал изобразить. Я пытался описать крепостное право не столько в исключительных, чудовищных его проявлениях, сколько в нормальных, обыденных его формах. Что касается чудовищных проявлений, то я имею под рукой такую богатую коллекцию материалов, которой хватило бы на целый ряд сенсационных романов, но я не привожу этих фактов, так как не думаю, чтобы уголовные летописи какой-нибудь страны могли дать правильное понятие о действительном положении дел в этой стране. Представьте себе, что какой-нибудь автор вздумал бы описывать семейную жизнь в Англии по документам бракоразводного суда! Такой приём, конечно, всеми был бы признан крайне нелепым, а между тем он немногим был бы хуже приёма того автора, который задался бы целью изобразить русское крепостное право на основании тех случаев крайнего притеснения и безчеловечной жестокости, которые, бесспорно, иногда бывали, но, столь же бесспорно, представляли не правило, а исключение. Большинство иностранцев, как мне кажется, и без того уже слишком расположено преувеличивать размеры того угнетения и тех жестокостей, которые порождались крепостным правом, так что, приводя ряд вопиющих фактов, я просто льстил бы той страсти к разным эффектным ужасам, которая настолько распространена в наши дни, что не нуждается в искусственном возбуждении.

Да не подумает, однако же, читатель, что, воздерживаясь от описания тех злоупотреблений властью, которые иногда позволяли себе помещики, я руковожусь желанием представить крепостное право лучше, чем оно было, или смягчить его злоупотребления. Немыслимо, чтобы многочисленный класс людей мог долгое время удерживать в сво-

их руках такую громадную, безконтрольную власть, не злоупотребляя ею*»; также немислимо, чтобы многочисленный класс людей мог долгое время жить под игом такой власти, не ощущая на себе нравственно и материально ея пагубного влияния. И необходимо иметь в виду, что это пагубное влияние сказывалось как на крепостных, так и на самих помещиков. Если и нельзя сказать, что крепостное право породило ту нравственную апатию и умственную сонливость, которые составляли главную черту русской провинциальной жизни, то оно, во всяком случае, много способствовало упрочению этого состояния. Словом, крепостное право было главною преградой на пути как материального, так и духовного прогресса, а потому было вполне естественно, что в эпоху такого нравственного пробуждения, как описанное мною в предыдущей главе, вопрос об освобождении крепостных тотчас же выдвинулся на первый план.

---

* Число помещиков, отрешённых от власти, или, выражаясь точнее, число поместий, отданных под опеку за злоупотребление помещичьей властью, совершённых их владельцами, простиралось в 1859 г. до 250. Так, по крайней мере, значится в одном официальном рукописном документе, который был показан мне Н. А. Милютиним.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Возбуждение вопроса. — Главный комитет. — Дворянство западных губерний. — Явственный намёк, высказанный Императором дворянству. — Восторг печати. — Помещики. — Политическая стремления. — Отсутствие оппозиции. — Правительство. — Общественное мнение. — Опасение пролетариата. — Губернские комитеты. — Редакционная комиссия. — Вопрос созревает. — Провинциальные депутаты. — Манифест. — Главные основания нового закона. — Заблуждения и разочарование крестьян. — Характеристичный анекдот. — Выкуп. — Кем было совершено освобождение крестьян

В основе русской политической организации лежит тот принцип, что всякий почин в государственных делах должен исходить от верховной власти. Поэтому желание большей части общества, чтобы было приступлено к освобождению крестьян, не могло высказываться вполне свободно до тех пор, пока не были известны намерения Государя на этот счёт. Образованные сословия с нетерпением ждали, чтобы им было дано какое-нибудь указание, и это указание недолго заставило себя ждать. В марте 1856 г., несколько дней спустя после появления манифеста, возвещавшего о заключении мира с западными державами, Император обратился к предводителям дворянства в Москве с речью, в которой объяснял им, что в опровержение некоторых распространившихся неосновательных слухов считает нужным заявить, что пока не имеет намерения отменить крепостное право. Но, говорилось да-

лее в речи, существующий способ владения крестьянами, как то небезызвестно и самим дворянам, не может далее оставаться без изменений. Император выставлял на вид предводителям дворянства, что лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться той минуты, когда оно начнёт уничтожать себя снизу. В заключение речи Его Величество приглашал предводителей обдумать те способы, которыми дело это могло быть приведено в исполнение, и передать слова Его дворянам.

Полагали, что заявление это имело целью испытать настроение дворянства и вызвать со стороны последнего добровольное предложение об отмене крепостного права. Между тем представители московской аристократии вовсе не пылали освободительным энтузиазмом, те же, которые искренно желали уничтожения крепостного права, считали данное им указание недостаточно определённым, чтобы на основании его приступить к каким-нибудь положительным действиям. Возбуждение, вызванное упомянутым эпизодом, вскоре затихло, а так как правительство на первых порах не принимало никаких дальнейших мер, то многие вообразили, что рассмотрение этого вопроса отложено на неопределённое время. Правительство, толковали в обществе, очевидно, намеревалось поднять этот вопрос, но, заметив, что помещики относятся к нему равнодушно или враждебно, отступилось от своего намерения.

Государь действительно был разочарован. Он ожидал, что его «верное московское дворянство» немедленно отзовётся на обращённый к нему призыв и что на долю древней столицы выпадет честь положить начало великому делу. Примеру Москвы, без сомнения, последовали бы и другие губернии. Теперь он пришёл к убеждению, что принципы освобождения крестьян должны быть установлены самим правительством, и с этою целью был назначен секретный комитет, в состав которого вошли главнейшие сановники государства.

Этот «Главный комитет по крестьянским делам», как он был впоследствии назван, употребил шесть месяцев на изучение истории вопроса. Предложения об отмене крепостного права отнюдь не были совершенной новостью в России. Начиная со времён Екатерины II правительство пыталось улучшить положение крепостных и неоднократно возникала мысль об общем их освобождении. Эти попытки, хотя они и не привели ни к какому практическому результату, имели, по крайней мере, ту хорошую сторону, что подвинули теоретическую разработку вопроса и дали возможность установить известные общия начала, которые по необходимости должны были послужить основанием для всякого проекта освобождения, какой будет выработан впоследствии. Главнейшим из этих начал являлось то положение, что государство ни в каком случае не должно соглашаться на такие планы освобождения, которые оторвали бы крестьянина от земли и предоставили бы ему свободу переходить с места на место, как ему вздумается; подобная мера сделала бы соби́рание податей невозможным и, кроме того, по всем вероятиям, вызвала бы страшные аграрные беспорядки. Из этого общего принципа по необходимости вытекало следующее дополнительное положение: если признавалось нужным обставить свободу перехода крестьян строгими ограничениями, то необходимо было наделить их землёю поблизости от селения, иначе они неизбежно снова подпали бы под власть помещиков и возникла бы новая и худшая форма крепостного права. Но для того, чтобы дать землю крестьянам, надо было взять её от помещиков, а подобная экспроприация многим казалась ничем не оправдываемым нарушением священных прав собственности. Именно это соображение и удержало императора Николая от принятия решительных мер относительно крепостного права, да и теперь оно играло важную роль в глазах членов комитета, которые почти все были крупными помещиками.

Невзирая на все старания великаго князя Константина, назначеннаго в комитет именно для того, чтобы ускорить ход его работ, комитет не проявлял той энергии, какая была желательна, и потому воспоследовало приказание принять какую-нибудь решительную меру. Вскоре для этого представился удобный случай.

В литовских губерниях, где дворяне были поляки по происхождению и по симпатиям, бедственное положение крестьян побудило правительство ещё при императоре Николае ограничить произвол помещиков так называемыми «инвентарями», в которых были определены взаимныя обязательства помещиков и крестьян. Между тем инвентари эти породили большое недовольство, и теперь помещики предлагали пересмотреть их. Этим-то обстоятельством правительство и решилось воспользоваться. На основании несколько натянутого предположения, что упомянутые помещики желают полного освобождения своих крестьян, был составлен Высочайший рескрипт, в котором выражалось одобрение предполагаемаго желанія и разрешалось дворянам образовать комитеты для выработки определённых проектов*. В упомянутом рескрипте слово «освобождение» тщательно обходилось, но не могло быть никакого сомнения относительно подразумеваемаго смысла этого документа, так как в дополнительных объяснениях, приложенных к нему, прямо говорилось, что крепостное право должно быть отменено не сразу, а постепенно. Четыре дня спустя после издания Назимовскаго рескрипта министр внутренних дел, согласно с полученным им повелением, разослал всем губернаторам и предводителям дворянства собственно русских губерний циркуляр, в котором извещал их, что дворяне западных губерний признали необходимым

---

* Упомянутый важный документ известен под названием «рескрипта на имя Назимова». В разговорах, которые мне случилось иметь с генералом Назимовым, я неоднократно старался, насколько позволяли мне правила вежливости, добиться от него подробных сведений об этом эпизоде, но все мои старания оставались тщетными.

освобождение крестьян и что это великодушное намерение доставило особенное удовольствие Его Величеству. К циркуляру была приложена копия с рескрипта и с основных положений, долженствовавших соблюдаться при разработке проектов; это было сделано на тот случай, если бы дворяне других губерний тоже выразили подобное желание.

Циркуляр этот произвёл громадное впечатление по всей стране. Все сразу поняли значение намёка, заключавшагося в предположении, что дворяне других губерний, *быть может*, тоже выразят желание освободить своих крестьян. Если у кого могла ещё оставаться тень сомнения на этот счёт, то эти сомнения должны были рассеяться после того, как несколько недель спустя Император публично высказал надежду, что с помощью Божьею и при содействии дворянства задуманное дело будет благополучно приведено к окончанию.

Итак, жребий был брошен, и правительство напряжённо ожидало дальнейших результатов.

Периодическая печать, которая одновременно являлась и источником, и продуктом либеральных стремлений, охвативших общество, приветствовала возникающий вопрос с безграничным восторгом. Освобождение крестьян, по словам ея органов, должно было положить начало новой и достопамятной эпохе в истории национального развития. Крепостное право описывалось в самых мрачных красках: оно было язвою, подтачивавшей организм нации, страшным бременем, равно тяготившим все классы населения, непреодолимым препятствием, мешавшим всякому материальному и духовному прогрессу, обузою, при которой свободная, энергическая деятельность становилась невозможною и которая не давала России подняться на один уровень с западными державами. Если Россия, невзирая на этот жернов, висевший у нея на шее, всё-таки успевала выходить невредимой из постигавших её бедствий, то каких великих результатов могла бы она достигнуть, став

свободною! Все отделы литературы наперерыв спешили приводить доводы в подтверждение вышеприведённых взглядов. Моралисты объявляли, что все господствующие пороки являются результатом крепостного права и что нравственный прогресс невозможен в атмосфере, пропитанной духом рабства; юристы доказывали, что произвол помещиков над крестьянами не имеет никакого твёрдого легального основания; экономисты говорили, что свободный труд является необходимым условием для процветания промышленности и торговли; мыслители в области истории настаивали на том, что немедленная отмена этого устарелого остатка варварства необходима для нормального исторического развития страны; а писатели сентиментального, слезливого типа разглагольствовали о братской любви к слабым и угнетённым. Словом, в печати установилось на время полное единодушие и высказывалось лихорадочное возбуждение, искавшее себе выхода в щедром употреблении громких фраз.

Этот восторженный тон вполне совпадал с настроением большинства дворянства. Почти все дворяне были в большей или меньшей степени заражены этим новорожденным энтузиазмом ко всему справедливому, либеральному и гуманному. Само собою разумеется, наиболее пламенными приверженцами этих стремлений являлись представители образованной молодёжи; но увлечение отнюдь не ограничивалось молодым поколением, прошедшим через университеты и всегда считавшим крепостное право пятном на добром имени нации. Немало было и седых стариков, у которых уже были внуки и которые всю жизнь свою спокойно пользовались плодами крепостного труда, а теперь отзывались о крепостном праве как об устаревшем учреждении, несогласимом с новейшими гуманными понятиями; можно было встретить людей всех возрастов, которые до этого никогда не брали книги или газеты в руки, а теперь прилежно следили за периодиче-

ской литературой и заимствовали из нея те либеральные и гуманные фразы, которыми они были переполнены.

Увлечение делом освобождения крестьян в значительной степени усиливалось существованием некоторых политических стремлений, которых хотя и не высказывались в печати, но были в то время сильно распространены в обществе. Дело в том, что, невзирая на строгости цензуры, значительная часть образованного сословия успела ознакомиться с политической литературой Франции и Германии и прониклась восторженным сочувствием к конституционным началам. Многие считали, что с введением этих начал сами собою исчезнут все тёмные стороны политической жизни и настанет эра всеобщаго благоденствия. При этом предполагалось, что применение сказанных начал произойдёт далеко не обыкновенным способом, путём компромисса между враждебными политическими партиями; нет, всё долженствовало сделаться по спокойно обдуманной программе, в которую вошли бы все новейшие выводы политической науки и которая так была бы приноровлена, чтобы все классы населения могли без принуждения способствовать общему благополучию. Необходимым подготовлением к этому золотому веку должна была, конечно, служить отмена крепостного права. Дворяне добровольно откажутся от власти над своими крепостными и взамен этого получат новые политические права.

Существовало, однако, немало дворян старой школы, которых не затронул поток новых идей и стремлений. На них возбуждение вопроса об отмене крепостного права оказало совсем иного рода действие. У них не было других источников дохода, кроме их поместий, а они не могли представить себе возможности вести сельское хозяйство в своих поместьях без крепостного труда. Если крестьянин ленился и работал небрежно даже под их строгим надзором, то что будет, когда он уйдёт из-под власти помещика? Если доходы с сельского хозяйства и при существовании

крепостного права невелики, то насколько же они уменьшатся, когда не будет дворовых рабочих? И это представлялось ещё не самой мрачной стороной дела, так как из вышеупомянутого циркуляра министра явствовало, что будет поднят ещё вопрос о земле и что значительная часть земли в каждом поместье отойдёт, по крайней мере временно, в пользование крестьян.

Тем помещикам, которые смотрели на дело с этой точки зрения, перспектива освобождения крестьян не могла, конечно, нравиться; но из этого не следует заключать, чтобы они испытывали те же чувства, какие появились бы у английских землевладельцев, если бы им угрожала подобная опасность. В Англии наследственное поместье имеет для владеющего им семейства цену, далеко превышающую его рыночную стоимость. Такое поместье считается единым, нераздельным целым, и всякое раздробление его было бы сочтено за великое семейное несчастье. В России же, напротив, поместья не имеют этого полусвященного характера и могут во всякое время быть раздроблены без всякого оскорбления для семейного чувства и для семейных преданий. Вошло даже в общее правило, когда помещик, умирая, оставляет после себя несколько человек детей и одно поместье, дробит это поместье на несколько долей, которые и распределяются между наследниками. Даже перспектива материального ущерба не имела для русских того устрашающего значения, которое она имела бы для англичан. Люди, которые не привыкли вести счёт своим расходам и мало заботятся о завтрашнем дне, вообще с меньшим неудовольствием соглашаются на денежные жертвы, — как для разумных, так и для безразсудных целей, — чем те, которые привыкли тщательно соразмерять свой образ жизни с своими средствами.

Но при всём том, какое бы умиряющее действие не оказывали эти особенности русской жизни и характера, надо сознаться, что чувство недовольства и тревоги было

очень сильно распространено. Даже для русского землевладельца не особенно приятно потерять часть своей земли или своего дохода. Никто, однако, не протестовал и не заявлял оппозиции. Те, которые враждебно относились к задуманному преобразованию, стыдились высказывать свой эгоизм и отсутствие патриотизма. К тому же они очень хорошо знали, что Император, если пожелает, может освободить крестьян и без согласия помещиков и что в таком случае сопротивление лишь навлечёт на них неудовольствие Государя, не доставив им никакой выгоды в вознаграждение. Они сознавали также, что опасность угрожает и снизу, так что, выказывая без всякой для себя пользы своё нежелание освободить крестьян, они походили бы на людей, которые вздумали бы играть с зажигательными спичками в магазине, наполненном порохом. Крестьяне уже предполагали, и в скором времени должны были узнать более положительным образом, что Император желает дать им волю, а потому, если бы в них зародилось подозрение, что помещики идут наперекор благим намерениям Царя, они могли пустить в ход насильственные средства для устранения этой оппозиции. Уже многим робким людям мерещилась возможность аграрных убийств. Кроме того, все помещики, без различия образа мыслей, были согласны в том, что уж если дело освобождения должно совершиться, то лучше пускай оно будет совершено дворянством, а не бюрократией. В случае дворяне возьмут его в свои руки, можно было бы рассчитывать на то, что интересы помещиков будут достаточно приняты во внимание; если же администрация проведёт эту меру без содействия дворян, то интересы последних будут упущены из виду и, кроме того, в дело неизбежно замешаются взяточничество и злоупотребления. На основании всех этих соображений из различных губерний стали поступать ходатайства дворян о разрешении открыть комитеты для обсуждения сказанного вопроса, и в

1858 г. почти во всех губерниях, где имелись крепостные, образовались подобные комитеты.

Таким образом, разрешение вопроса, судя по внешности, было передано в руки самих дворян, но в действительности дворяне были призваны для подачи совещательного голоса, а не для законодательной деятельности. Правительство не только установило главные основания, на которых должно было совершиться освобождение, и постоянно оказывало значительную долю влияния на ход работ, но и оставляло за собою право видоизменять или отвергать проекты, которые будут представлены комитетами.

Согласно упомянутым основаниям, крестьяне должны были быть освобождены от крепостной зависимости постепенно, так что в течение некоторого времени они оставались прикрепленными к земле и подчиненными помещику. В течение этого переходного периода они должны были выкупить денежными взносами или работой свои усадьбы и получить в своё пользование известное количество земли, достаточное для их прокормления и для выполнения их обязательств перед государством и перед помещиком. За эту землю они обязаны были уплачивать сверх суммы, вносимой ими в виде выкупа за усадьбы, известную ежегодную ренту деньгами, продуктами или работой. Относительно того, что надлежало сделать по истечении переходного периода, правительство, по-видимому, не имело окончательно определённых намерений. По всем вероятностям, оно рассчитывало, что к этому времени сами помещики и освобожденные крестьяне выработают себе тот или другой наиболее подходящий *modus vivendi* и что **понадобится лишь регулировать** эти отношения в законодательном порядке. Но коренные законодательные преобразования отличаются тем же свойством, как и вода, раз прорвавшая плотину. Вышеупомянутые основные положения, которые вначале были приняты лишь в виду ближайших требований практической необходимости, вскоре получили совсем иного рода

значение. Чтобы понять, каким образом это произошло, мы должны оглянуться на периодическую литературу.

Вплоть до того времени, когда был поднят вопрос об освобождении крестьян, стремления к реформам отличались весьма смутным характером, а потому между различными органами печати существовало замечательное единодушие. Большинство образованных классов было того мнения, что России следует перенять от Запада все те либеральные принципы и учреждения, отсутствие которых мешало этой стране подняться на один уровень с западными державами. Но вскоре среди этого единодушия появились признаки раскола мнений. Между тем как большая часть литературы продолжала по-прежнему проповедывать учение о том, что Россия должна ввести у себя всё, отзывавшееся либерализмом, стали раздаваться единичные голоса, предостерегавшие легкомысленных людей, что многое из того, что называют либеральным, в действительности оказывается устарелым и негодным, что России не следует идти слепо по пятам других наций, что она должна воспользоваться опытом последних и избегать ошибок, которые были сделаны ими. Главнейшею из этих ошибок, по мнению приверженцев упомянутого нового учения, было чрезмерное развитие индивидуализма, другими словами, принятие того принципа «laissez-faire, laissez-passer»*, который служил основой так называемой правоверной школы политической экономии. Индивидуализм и конкуренция, говорилось далее, достигли в настоящее время на Западе ненормального, чудовищного развития. Опираясь на принцип «laissez-faire», они повели, да и должны были неизбежно повести, к угнетению слабых, к тирании капитала, к обеднению масс в пользу ничтожного меньшинства и к возникновению голодного, опасного пролетариата! Далее указывалось, что вышеизложенные положения уже признаны наиболее передовыми мыслителями Франции и Германии, и выставлялось на вид,

---

* Пусть всё идет, как идет (франц.)

что если старья государства не могут сразу излечиться от этих болезней, то это ещё не причина для России прививать себе те же болезни. Ея жизнь ещё только начинается, и было бы безумием с ея стороны обрекать себя добровольно на целые века странствования по пустыне, когда открыт прямой и кратчайший путь в землю обетованную.

Чтобы дать понятие читателю о том влиянии, которое эта теория имела на умы, я должен напомнить, рискуя впасть в повторения, то, что было уже замечено мною в одной из предшествующих глав. Русские, как я уже сказал, отличаются совершенно своеобразным отношением к политическим и социальным вопросам. Так как они всё своё политическое воспитание заимствовали из книг, то они естественным образом склонны придавать теоретическим соображениям такую важность, которая, на наш взгляд, представляется преувеличенной. Каждый раз, как возникает какой-нибудь вопрос, пустой или важный, всё равно, они тотчас же пускаются на всех парусах в океан философских принципов и не столько обращают внимание на мелкие предметы, находящиеся у них под рукою, сколько на крупные цели, обрисовывающиеся на дальнем горизонте будущего. Как скоро они принимаются за какую-нибудь политическую реформу, они начинают дело непременно *ab ovo**. Так как при этом у них нет никаких традиционных начал, которые могли бы руководить ими, то они естественным образом берут себе путеводную нитью последние выводы политической философии.

Припомнив эту особенность русскаго характера, посмотрим, как она отразилась в вопросе об освобождении крестьян. Призрак пролетариата, который изображался в виде страшнаго чудовища, готоваго поглотить общество в Западной Европе и могущаго каждую минуту перемахнуть и через русскую границу, если только против этого не будут приняты энергичныя меры, овладел воображением

---

* С самого начала (лат.)

большинства и вызвал опасения среди читающей публики. В глазах более интеллигентной части этой публики самым лучшим средством предотвратить возникновение пролетариата в России было передать землю освобождаемым крестьянам и принять меры для сохранения сельской общины. «Теперь, – говорили они, – настала минута решить важный вопрос о том, должна ли Россия сделаться, подобно западным народам, жертвою этого страшного зла, или же она может навсегда оградить себя от него. В разрешении этого вопроса лежит вся будущность страны. Если крестьяне будут освобождены без земли или если общинные учреждения, дающие каждому крестьянину долю в земле и обеспечивающая это неоценённое благо также за будущими поколениями, будут теперь уничтожены, то в России быстро возникнет пролетариат и крестьянство превратится в неорганизованную массу бездомных скитальцев, подобно английским сельским рабочим. Если же, напротив, крестьянам будет дана достаточная доля земли и собственником уступленной им таким образом земли будет сделана сельская община, то опасность возникновения пролетариата будет устранена навеки и Россия этим покажет пример цивилизованному миру. Западные народы заметили свою ошибку слишком поздно; они спохватились лишь тогда, когда крестьяне были уже обезземелены, а городские рабочие классы сделались жертвою ненасытной алчности капиталистов. Напрасно теперь наиболее выдающиеся мыслители Запада возвышают свой предостерегающий и убеждающий голос; обыкновенные средства уже не в состоянии помочь злу. Россия может избежать всех этих опасностей, если только она будет действовать разумно и осторожно при разрешении этого великого вопроса. Крестьяне пока ещё сохранили за собой если не легально, то фактически владение землёю, в городах ещё не успел возникнуть пролетариат. Следовательно, нужно только отменить произвол помещиков, не лишая крестьян земли и не касаясь суще-

ствующих общинных учреждений, которые являются надёжнейшим оплотом против пауперизма».

Идеи эти нашли себе горячих приверженцев между помещиками и оказывали большое влияние на ход прений в губернских комитетах. Состав членов в этих последних обыкновенно распадался на две группы. Большинство, хотя и готово было сделать значительные уступки требованиям справедливости и практического благоразумия, старалось по возможности отстоять интересы своего сословия; меньшинство же, хотя и не было отнюдь равнодушно к интересам того сословия, к которому оно принадлежало, склонялось более в сторону отвлечённых теоретических соображений. Вначале большинство делало всё зависящее от него, чтобы обойти основные положения, установленные правительством, считая их слишком благоприятными для крестьян; но когда оказалось, что общественное мнение, представляемое печатью, идёт гораздо далее правительства, упомянутое большинство в губернских комитетах ухватило за якорь спасения за основные правительственные положения, которые, по крайней мере, обеспечивали помещикам собственность земли. Между обеими партиями, как и следовало ожидать, возник сильный антагонизм, и правительство сочло за лучшее постановить, чтобы та и другая представляли свои доводы на его усмотрение.

Упомянутый антагонизм не был того характера, какой он должен был бы иметь с английской точки зрения. В стране, управляемой представительными учреждениями, легальное положение крестьян и их отношения к землевладельцам являются вопросом величайшей политической важности и определяют в значительной степени перевес политической власти в ту или другую сторону; поэтому в такой стране вопрос этого рода весьма легко может возбудить сословное чувство и традиционную вражду между классами; можно поручиться, что, если бы подобный вопрос был представлен на обсуждение дворянства в любой

стране Западной Европы, в прениях, которыя при этом возникли бы, политический элемент играл бы главную роль. Но в России было совсем иное дело. Под скипетром русских государей, как я уже говорил выше, сословия никогда не имели случая вступить в борьбу между собою, а потому между ними и не существовало соперничества и вражды. Что же касается политической власти, то она в течение столетий находилась в руках самодержавных государей. Правда, многие из помещиков ожидали преобразований политическаго характера, но те, которые питали подобного рода ожидания, были проникнуты духом сентиментальнаго демократизма и считали, что в случае подобныя преобразования будут введены, дворяне и крестьяне будут идти рука об руку в братском согласи. Поэтому политические вопросы во время освобождения крестьян отступили на второй план, и значительное большинство помещиков сосредоточивало всё своё внимание на вопросах менее возвышеннаго свойства, касавшихся хлеба насущнаго. Они знали, что не только крепостной труд будет отменён, но и деревни вместе с землёю, на которой оне стояли, будут навсегда отрезаны от поместий, а также значительная часть пахотной земли отойдёт на неопределённое время в пользование освобождённых крестьян. В виду такой крупной практической перемены в обычном строе их жизни помещики не имели ни времени, ни охоты думать о том, на какой стороне останется перевес политическаго влияния в будущем или о других столь же отдалённых предметах, и споры главным образом вращались на количестве земли, которую следует уступить крестьянам, и о размерах вознаграждения, которое желательно за неё получить.

Так как губернские комитеты работали независимо друг от друга, то в решениях, к которым они пришли, была значительная доля разногласия. Обязанность сделать свод из всех этих различных мнений и выработать из них один общий план освобождения крестьян была возложена на

особую комиссию, составленную частью из лиц, состоявших на государственной службе, частью же из землевладельцев, по назначению Императора*. Те, которые считали, что вопрос действительно отдан на разрешение дворянства, предполагали, что комиссия ограничится приведением в порядок материалов, доставленных губернскими комитетами, и что затем закон об освобождении крестьян будет разработан собранием депутатов, избранных от дворянства. В действительности же комиссия, работавшая в Петербурге под непосредственным руководством и надзором правительства, в сущности, имела другое и гораздо более важное назначение. Совокупностью представленных проектов она пользовалась лишь как материалом, из которого брала те предложения, которые были ей нужны, и затем выработала свой собственный проект, который, по видоизменению в нём некоторых частных частей, получил Высочайшее утверждение. Таким образом, комиссия, вместо того чтобы играть роль простой канцелярии, как многие думали, стала в известном отношении творцом закона об освобождении крестьян.

Почти во всех губернских комитетах, как мы уже видели, было большинство и меньшинство, причём первое стремилось отстаивать интересы помещиков, а второе обращало более внимания на теоретические соображения и пыталось обеспечить крестьянству более значительную долю земли, общинную независимость и самоуправление. В Редакционной комиссии были те же две партии, но тут их численное отношение было иное. Здесь люди теории составляли не меньшинство, а большинство и имели за себя поддержку правительства, которое снабжало это большинство инструкциями для руководства. Из этих инструкций мы можем видеть, насколько вопрос этот подвинулся вперёд в своей разработке под влиянием теоретиче-

---

* Учреждение это известно под названием «Редакционной комиссии». Собственно были две комиссии, но обыкновенно они принимаются за одно целое.

ских соображений. Тут мы уже не находим и следа мысли о постепенности освобождения; напротив, прямо заявляется, что вслед за изданием закона власть помещика должна быть немедленно упразднена. В инструкциях заметны даже признаки очевидного намерения устранить по возможности помещика от всякого влияния на прежних его крепостных. Прежде приводившееся резкое отличие между усадебною и пахотною землёю, причём последняя должна была поступить лишь во временное пользование крестьян, равным образом исчезает и говорится только, что надлежит принять меры для предоставления крестьянам возможности скорее сделаться собственниками необходимой для них земли. Несколько месяцев спустя было решено Императором, что пользование землёю должно быть предоставлено общине навсегда и что крестьянам должны быть даны облегчения для выкупа этой земли в свою полную собственность.

Таким образом, цель правительства стала вполне ясной и определённой. Сущность задачи заключалась в том, чтобы сразу превратить крестьян, с возможно меньшим нарушением существующих экономических отношений, в мелких общинных землевладельцев – другими словами, в сословие свободных крестьян, имеющих свой дом и огород, а также участок в общинной земле. Для осуществления этого требовалось только объявить крепостного лично свободным, провести разграничительную черту между общинною землёю и остальным поместьем и определить покупную цену или ренту, которая должна была уплачиваться за эту общинную землю с включением и усадебной земли.

Новый закон составлен вполне согласно с вышеизложенными принципами. Относительно количества земли, долженствовавшей быть уступленной крестьянам, было решено оставить по возможности неприкосновенными те порядки, которые существовали в этом отношении ранее

и были выработаны жизненным опытом, – другими словами, предполагалось оставить за крестьянами ту землю, которою они пользовались до сих пор; в предупреждение случаев крайней несправедливости была установлена высшая и низшая мера наделов для каждой данной местности. Равным образом относительно повинностей было решено принять существующий размер повинностей за основу расчёта, причём, однако же, сумма их должна была видоизменяться сообразно с количеством уступленной земли. Одновременно с этим предполагалось предоставить различныя облегчения для обращения барщинной повинности в ежегодные денежные взносы и для выкупа этих повинностей крестьянами при помощи правительственного кредита.

Идея выкупа вначале вызвала тревогу между помещиками. Им уже достаточно прискорбно казалась необходимость уступить часть земли в пользование крестьян; перспектива продажи ея представлялась ещё ужаснее. Но вскоре для всех стало ясно, что выкуп земли будет операцией, выгодною для обеих сторон. Все понимали, что уступка земли крестьянам в постоянное пользование последних, в сущности, будет равняться полному отчуждению этой земли; немедленный же выкуп представлял то преимущество, что давал помещикам, большинство которых имело мало наличных денег в своём распоряжении или вовсе их не имело, возможность расплатиться с долгами, очистить свои имения от обременявших их закладных и покрыть расходы, предвидевшиеся при переходе к вольнонаёмному труду. В виду этого большинство помещиков стало открыто говорить: «Пускай только правительство даст нам достаточное денежное вознаграждение за ту землю, которая отходит от нас, и мы рады будем избавиться от всякой дальнейшей возни и хлопот».

Когда сделалось известно, что Редакционная комиссия не ограничивается простым приведением в порядок и кодифицированием собранных материалов, но и вы-

рабатывает свой собственный новый закон, представляя свои решения по мере того, как они вырабатывались, на Высочайшее утверждение, повсюду стали выказываться чувства недовольства. Дворяне поняли, что решение вопроса взято у них из рук и подготавливается немногочисленною группою чиновников и лиц, назначенных самим правительством. Впрочем, у них ещё оставалась надежда исправить то, что им не нравилось в этом способе действий. Они знали, что прежде, чем проект комиссии получит силу закона, в Петербург будут призваны депутаты от губернских комитетов для представления своих замечаний и возражений.

Действительно, в столицу были приглашены депутаты, но им не было разрешено, как они было рассчитывали, собираться для гласного обсуждения вопроса. Им просто было предложено ответить письменно на ряд вопросов, которые были розданы им в печатных экземплярах и касались более различных подробностей дела. При этом им было объявлено, что основные начала проекта уже удостоились Высочайшего утверждения, а потому не подлежат дальнейшему обсуждению. Те депутаты, которые желали представить свои замечания на некоторые частности проекта, приглашались поодиночке присутствовать на заседаниях комиссии. Но прения, в которых некоторые из членов комиссии вступали при этом с депутатами, не имели серьёзного значения для дела, и очевидно было, что Редакционная комиссия одержала верх.

После того, как Редакционная комиссия окончила свои труды, главный проект ее перешёл на рассмотрение двух высших инстанций – Комитета по крестьянским делам и Государственного Совета. В обоих этих учреждениях было заявлено Императором, что он не допустит никаких изменений в принципах проекта. От всех присутствующих Государь требовал забвения прежних несогласий и добросовестного исполнения Его повелений, – причём напоминал

им, что в России законы издаются самодержавною властью. Бросив взгляд на исторический ход этого вопроса, Государь пришёл к тому заключению, что, так как крепостное право было создано самодержавною властью, оно должно быть уничтожено ею же. 19 февраля 1861 г. закон был подписан, и этим актом более двадцати миллионов крепостных получили свободу*. Тотчас же во все места империи были разосланы экземпляры манифеста, в котором излагались главные основания новаго закона, и было повелено прочесть этот манифест во всех церквях.

Три принципа этого закона заключались в следующем:

1) Крепостные немедленно получали все гражданския права свободных сельских обывателей, и власть помещика заменялась общинным самоуправлением.

2) За сельскими общинами долженствовала по возможности быть оставлена та земля, которою оне пользовались до сих пор, и за эту землю оне обязывались уплачивать ежегодно помещику деньгами или работою.

3) Правительство посредством кредита оказывало содействие общинам по выкупу этих повинностей, или, другими словами, по приобретению в полную собственность земель, уступленных в их пользование.

Относительно дворовых постановлялось, что они должны оставаться в услужении своих господ ещё на два года, после чего они получали полную свободу, но не имели права на долю в земле.

---

* У некоторых авторов, — в том числе и у Гладстона в его статье, помещённой в ноябрьской книжке «Contemporary Review» за 1876 г., — мы читаем, что число освобождённых крестьян в России простиралось до сорока миллионов. Положение это будет верно, если считать государственных крестьян тоже за крепостных. Эти последние, как уже было объяснено мною выше, занимали среднее положение между крепостной зависимостью и свободой. Особое управление, которому они были подчинены, было отчасти упразднено Императорскими указами от 7 сентября 1856 г. и от 23 октября 1861 г. В 1866 г. они были поставлены относительно своего управления в одинаковыя условия с бывшими помещичьими крестьянами. Вообще говоря, они пользуются большим количеством земли и платят несколько меньшие оброки, чем освобождённые крепостные крестьяне в тесном значении этого слова.

Следовало ожидать, что крепостные примут с безграничной благодарностью закон, провозглашавший эти начала. Наконец-то осуществлялись давно лелеянные ими надежды. Им даровалась свобода, и не только свобода, но и значительная доля земли, – в общей сложности более половины всей пахотной земли, находившейся во владении помещиков. Между тем в действительности манифест породил среди крестьян некоторое разочарование. Чтобы понять этот странный факт, попробуем уяснить себе точку зрения крестьян.

Прежде всего, необходимо заметить, что все туманные, риторические фразы о свободе труда, о человеческом достоинстве, о национальном прогрессе и т. п., которые легко могут породить среди образованных людей известное временное увлечение, для слуха русского крестьянина решительно не имеют ничего заманчивого. Модная риторика философского либерализма так же мало понятна для него, как цветистый иносказательный язык какого-нибудь восточного писателя для практического и обстоятельного купца. Идея отвлечённой свободы и перечисление прав, лежащих вне сферы его обыденной жизни, не вызывают в нём никакого энтузиазма. К названиям и словам он питает глубокое равнодушие. Какое ему дело до того, будет ли он называться «крепостным» или «свободным сельским обывателем», если эта перемена в официальной терминологии не будет сопряжена для него с какой-нибудь непосредственной выгодой? Ему нужен дом, в котором он мог бы жить, хлеб, которым он мог бы питаться, и одежда, которою он мог бы прикрывать свою наготу, и он желает, чтобы эти необходимые жизненные потребности удовлетворялись с возможно меньшим количеством труда. Поэтому, если бы был издан такой закон, который увеличил бы его долю общинной земли или уменьшил лежащая на нём повинности, он охотно согласился бы, чтобы его в этом законе обозначали самым некрасивым наименованием,

какое только могла бы изобрести замысловатость учёных юристов. Таким образом, те сентиментальные соображения, которые оказывали такое значительное влияние на образованные классы, над умом крестьян были совершенно бессильны. Последние смотрели на дело исключительно с двух точек зрения – с точки зрения исторического права и материальной выгоды, причём как с той, так и с другой новый закон представлялся им не вполне удовлетворительным разрешением вопроса.

Что касается исторического права, то у крестьян были на этот счёт свои традиционные представления, которые совершенно расходились с письменным законодательством. На основании положительного закона общинная земля входила в состав поместья и, следовательно, принадлежала помещику; но по понятиям крестьян она принадлежала общине, и право помещика заключалось лишь в той личной власти над крестьянами, которая была дарована ему царями. Крестьяне не могли, конечно, облечь эти представления в строго легальную форму, но они нередко выражали их по своему, незатейливо и сжато, говоря своим господам: «мы ваши, а земля наша». И надо сознаться, что этот взгляд, при всей своей юридической несостоятельности, не был лишён некоторого исторического основания*. В старину дворяне владели землёю на правах феодального лена и могли быть лишены этой земли, как скоро они не исполняли своих обязательств перед государством. Обязательства эти затем были упразднены, и право феодального владения превращено в безусловное право собственности, но крестьяне держались за старое понятие с таким упорством, которое может служить любопытным обрачиком живучести представлений, глубоко вкоренившихся в народе. По их понятиям помещики были лишь временными владельцами, которым царь позволял требовать с крепостных барщину и оброки. Чем же в таком

---

* См. предшествующую главу.

случае представлялось крестьянам освобождение? Конечно, отменой барщины и оброков. Относительно того, как разрешатся отношения помещика к земле, мнения расходились. Все считали делом само собою разумеющимся, что общинная земля останется собственностью общины, но затем не вполне было ясно, что станется с остальной землёю, входившею в состав поместья. Иные полагали, что земля эта останется за помещиком, другие же думали, что помещики получат жалованье от Царя и что вся земля отойдёт к общине. Таким путём, по мнению крестьян, освобождение будет согласовано с историческим правом и с материальною выгодною крестьянства, так как предполагалось, что сказанная реформа была предпринята исключительно в интересе этого сословия.

Но вместо того оказывалось, что крестьяне должны уплачивать повинности даже за общинную землю, которую они считали своей неоспоримой собственностью. Крестьяне отказывались верить лицам, изъяснявшим им новый закон, и предполагали одно из двух: либо помещики скрывают от них или перетолковывают по-своему новый закон, либо самый закон этот есть не более как подготовительная мера, вслед за которой должно уже быть объявлено настоящее освобождение. Таким образом, среди крестьян появился дух недоверия и подозрения и распространилась уверенность, что будет издан второй закон об освобождении, по которому вся земля будет распределена между крестьянами и все оброки будут отменены.

Между тем на дворян манифест оказал совершенно обратное действие. Тот факт, что им вверялось приведение закона в исполнение, а также лестные намёки на проявленное ими великодушное самопожертвование, возбудили в них настолько энтузиазм, что они позабыли на время своё недовольство и своё нерасположение к бюрократии. Они убедились, что условия, на которых освобождались крестьяне, вовсе не были так разорительны для помещиков, как опа-

сались вначале; обращение Императора к великодушию и патриотизму помещиков побудило многих из последних с жаром взяться за то дело, которое было им поручено.

К сожалению, они не могли тотчас же приступить к этому делу. Новый закон был проведён через последние фазисы своей разработки так поспешно, что ко времени издания манифеста далеко ещё не были окончены все приготовления, необходимые для приведения его в действие. Обязанность регулировать будущия отношения между помещиками и крестьянами была возложена в каждом уезде на местных помещиков, которым было присвоено название «мировых посредников», но прошло три месяца прежде, чем явилась возможность назначить этих посредников. За этот промежуток времени не было никого, кто мог бы объяснить новый закон крестьянам и улаживать недоразумения, возникавшие между ними и помещиками; последствием этого было то, что в некоторых местах возникли столкновения и беспорядки, крестьяне воображали, что после того, как Император объявил их свободными, они более не обязаны работать на своих господ, что по прочтении манифеста всякой барщине настал конец. Напрасно помещики старались убедить их, что по отношению к работе прежния обязательства, на основании закона, должны оставаться в силе до тех пор, пока не будут заключены новые условия между помещиками и бывшими крепостными: крестьяне оставались глухи ко всем увещаниям и объяснениям и нередко все усилия уездной полиции встречали с их стороны упорное пассивное сопротивление. Во многих случаях простаго появления властей было достаточно для восстановления порядка, так как присутствие лица, состоящего на царской службе, убеждало большинство в том, что приказание работать впредь до новых распоряжений по-прежнему не есть простая выдумка помещиков. Но зачастую приходилось прибегать и к телесным наказаниям. Судя по тем многочисленным рассказам из того времени,

которые мне случалось слышать от очевидцев, я склонен даже думать, что никогда телесные наказания не употреблялись так часто, как в первые три месяца по освобождении. Иногда даже приходилось призывать войска, и в трёх случаях дело доходило до пальбы. В наиболее серьёзном из этих случаев, вызванном тем, что один молодой крестьянин, выдавая себя за пророка, уверил крестьян, что манифест об освобождении подложный, пятьдесят один человек из крестьян были убиты и семьдесят семь более или менее серьёзно ранены. Но, невзирая на эти прискорбные эпизоды, не произошло ничего такого, что даже самый отъявленный алармист мог бы назвать возстанием. Нигде не было заметно ни малейшего подобия организованного сопротивления. Даже в вышеупомянутом случае те 3000 крестьян, в которых войска стреляли, не были вооружены и рассеялись после первого же залпа. Если бы лица, распорядившиеся при этих столкновениях, проявили несколько более благоразумия, такта и терпения, дело обошлось бы и без этих трёх единичных случаев кровопролития.

Наконец, назначение мировых посредников положило конец этому междуцарствию, составлявшему переход от господства крепостного права к свободе. Первою обязанностью мировых посредников было – объяснять закон и организовать новое крестьянское самоуправление. Самая низшая инстанция, так сказать, непосредственный орган самоуправления, сельская община, была налицо, и к ней тотчас же вернулась значительная доля её прежней жизнениности, как скоро власть и вмешательство помещика были устранены. Вторую инстанцию, волость, территориальную административную единицу, в состав которой входило несколько общин, надлежало ещё создать, так как ничего подобного в поместьях дворян до этого не существовало. Но волость в течение почти четверти века существовала уже у государственных крестьян, а потому оставалось только воспроизвести уже имеющийся налицо образец.

После того как все волости в данном округе были уже организованы, на мирового посредника падала несравненно более трудная задача – уладить поземельные отношения между помещиками и сельскими общинами, так как не надо забывать, что с отдельными крестьянами помещик не имел никакого непосредственного соприкосновения. Закон постановлял, что определение будущих поземельных отношений должно по возможности быть предоставляемо добровольному соглашению между обеими сторонами; поэтому каждый помещик приглашался заключить подобную сделку с общиной или общинами, которыми он владел. На основании этого соглашения составлялась так называемая «уставная грамота», в которой определялось число крестьян мужского пола, количество земли, находившейся в их пользовании в момент заключения договора, изменения, предполагавшиеся в этом количестве на будущее время, повинности, падавшие на крестьян, и другие подробности. Если посредник находил, что заключённые условия согласны с законом и ясно поняты крестьянами, он утверждал грамоту, и сделка считалась окончательно заключённой. Если же обе стороны в течение года не могли прийти к соглашению, он составлял уставную грамоту по собственному усмотрению и предъявлял её на утверждение высших властей.

Расторжение товарищества, если можно так выразиться, между помещиком и крестьянами в иных случаях происходило очень легко, в других же было сопряжено с большими затруднениями. Во многих поместьях уставная грамота почти лишь придавала, с незначительными изменениями, законную форму существовавшим до этого отношениям, но во многих случаях оказывалось необходимым прибавить или убавить количество общинной земли по сравнению с тем, которым община пользовалась до этого времени, или же даже перенести селение в другое место. Во всех этих случаях, само собою разумеется, ин-

тересы сталкивались, возникали запутанные вопросы и у посредника всегда была на руках масса трудной работы. Кроме того, ему приходилось играть примиряющую роль в тех столкновениях, которые естественным образом возникали во время переходного периода, когда власть помещика уже была уничтожена, а новые отношения между двумя классами ещё не были установлены. Неограниченная патриархальная власть, которою до этого пользовался помещик или его управляющий, теперь перешла с некоторыми ограничениями в руки посредников, и этим последним приходилось тратить значительную часть своего времени в разъездах из одного поместья в другое с целью прекращения различных беспорядков, о которых доводилось до их сведения и часть которых, надо сказать правду, существовала лишь в воображении помещиков.

Вначале дело полюбовных соглашений подвигалось очень медленно. Помещики выказывали вообще готовность к уступкам, и некоторые из них великодушно предлагали крестьянам условия, гораздо более выгодные, чем те, которые требовались законом; но крестьяне питали неопределённые подозрения и боялись испортить своё собственное дело, подписавшись под официальным документом. Даже помещики, пользовавшиеся наибольшим уважением и воображавшие, что крестьяне питают к ним неограниченное доверие, встречали такое же подозрительное к себе отношение, как и другие, и великодушные их предложения принимались за простые ловушки. Не раз седые старики рассказывали мне, иногда даже со слезами на глазах, про то недоверие и ту неблагодарность, какие они встречали со стороны крестьян во время освобождения. Многие из крестьян были уверены, что помещики скрывают настоящий закон об освобождении, и не было недостатка в людях злонамеренных или обладавших слишком пылким воображением, которые разжигали эту уверенность рассказами о содержании этого настоящего

закона, которое будто бы было им известно. Ходили самые нелепые слухи, и целыя деревни руководились в своих действиях этими слухами. Так, например, в Московской губернии одно сельское общество послало к своему помещику депутацию сообщить ему, что так как он всегда был добрым помещиком, то «мир» оставит ему его дом и сад в пожизненное пользование. В другой местности распространился слух, что Царь ежедневно возседает в Крыму на золотом троне и принимает крестьян, которые к нему приходят; целая толпа крестьян на основании этого слуха отправилась было в Крым и шла до тех пор, пока не была остановлена военной командой.

Как обрщик тех заблуждений, в которыя впадали крестьяне в описываемое мною время, я позволю себе привести здесь один из многих характеристичных эпизодов, которые мне передавались бывшими мировыми посредниками.

В Рязанской губернии была одна сельская община, получившая некоторую известность тем упорством, с которым она отказывалась от заключения какого бы то ни было условия с своим помещиком. Мировой посредник той местности, от котораго я слышал этот рассказ, был, наконец, вынужден составить уставную грамоту без согласия крестьян. Ему хотелось, однако, чтобы крестьяне добровольно согласились на предлагаемую им сделку, и он поэтому созвал их, чтобы потолковать об этом деле. Изложив им обстоятельно ту часть закона, которая относилась к настоящему случаю, он спросил у них, какое возражение они могут привести против заключения с бывшим их господином сделки, безобидной для обеих сторон. В течение некоторого времени он не мог добиться никакого ответа; наконец, мало-помалу, спрашивая их поодиночке, он добрался до истинной причины их упорства: они, как оказалось, были твёрдо убеждены, что не только общинная земля, но и остальная земля поместья принадлежит им. Чтобы искоренить это ошибочное представление, посред-

ник пустился в рассуждения с крестьянами, и между ними произошёл следующий любопытный разговор.

Посредник. Если бы Царь отдал всю землю крестьянам, то чем же мог бы Он вознаградить помещиков, которым принадлежит земля?

Крестьянин. Царь даст помещикам жалованье по их заслугам.

Посредник. Но чтобы платить это жалованье, ему понадобилось бы гораздо больше денег, чем теперь. Откуда же взять эти деньги? Пришлось бы увеличить налоги, и вам, таким образом, всё равно пришлось бы платить.

Крестьянин. Царь может наделать денег, сколько захочет.

Посредник. Если Царь может наделать денег, сколько захочет, то зачем же с вас берут подушья каждый год?

Крестьянин. Те подати, что мы платим, идут не Царю.

Посредник. А кому же?

Крестьянин. (После некоторого колебания, с лукавой улыбкой). Известно, чиновникам.

Мало-помалу, благодаря усилиям посредников, крестьяне лучше поняли своё действительное положение, и дела начали подвигаться быстрее. Но вскоре оно встретило задержку с другой стороны. К концу первого года «либеральный» патриотический энтузиазм дворян успел поостыть. Все сентиментальные, идиллические поползновения исчезли при первом же соприкосновении с действительностью, и те, которые воображали, что свобода будет иметь благотворное немедленное действие на нравственность крестьян, вынуждены были сознаться, что обманулись в своих ожиданиях. Многие жаловались на то, что крестьяне выказывают алчность и упрямство, воруют лес, пускают свой скот на поля помещика, не исполняют обязательств, возложенных на них законом, и нарушают добровольно заключённые сделки. Одновременно с этим опасения аграрных возстаний исчезли, так что даже самые робкие между помещиками приоб-

дрились. Все эти влияния сделали то, что примирительное настроение помещиков начало ослабевать.

Таким образом, дело примирения и регулирования новых отношений оказывалось крайне затруднительным, но большинство мировых посредников стояло на высоте своей задачи, и они проявили столько безпристрастия, такта и терпения, что о них нельзя отозваться с достаточною похвалою. Им Россия в значительной степени обязана тем, что дело освобождения крестьян совершилось мирно. Если бы они принесли общее благо в жертву интересам своего сословия или же придерживались постоянно того сурового, административного, военного способа действий, который был причиною вышеупомянутых случаев кровопролития, то предсказания алармистов, по всем вероятностям, сбылись бы, и историку освобождения крестьян пришлось бы внести в свою летопись длинный ряд столкновений с трагическими развязками. По счастью, они были не столько администраторами в бюрократическом значении этого слова, сколько действительными посредниками, и руководились более духом гуманности и справедливости, чем легальным формализмом. Вместо того чтобы просто излагать закон и требовать немедленного исполнения своих решений, они всегда готовы были проводить целыя часы, убеждая, спокойно аргументируя и уговаривая помещиков отказаться от несправедливых их притязаний или стараясь развеять ошибочныя представления крестьян. Для России было невиданным зрелищем это общественное служение, исполняемое добросовестными людьми, с любовью относившимися к своему делу, не искавшими ни чинов, ни орденов и обращавшими внимание не столько на педантическое исполнение предписанных формальностей, сколько на самую сущность возложенного на них дела.

Было, правда, несколько посредников, к которым вышеприведённая характеристика неприменима. Некоторые из них не в меру поддавались влиянию тех чувств и по-

нятий, которые были созданы господством крепостного права, другие же, напротив, ударялись в противоположную крайность. Желая обезпечить будущее благосостояние крестьян и приобрести для самих себя известного рода популярность, а также поддаваясь влиянию мнимо-либеральных тенденций, посредники этого типа забывали, что их обязанность требовала от них не великодушия, а справедливости, и что они не имели права быть великодушными на чужой счёт. Всё это я очень хорошо знаю, — и мог бы даже назвать одного или двух посредников, которые совершили положительно безчестные поступки, — но я считаю, что случаи этого рода были лишь редкими исключениями. Значительное большинство исполнило свой долг добросовестно и хорошо.

Дело заключения договоров о выкупе повинностей, платимых помещику, или, другими словами, о покупке земли, уступленной в пользование крестьян, подвигалось медленно и до сих пор ещё продолжается. Сделки этого рода заключались в следующем: повинности капитализировались по шести процентов и правительство разом уплачивало помещику четыре пятых всей суммы. Остальную пятую должны были уплачивать помещику крестьяне либо разом, либо ежегодными взносами; уплата крестьянами той суммы, которая была выдана помещикам правительством, разсрочивалась на сорок девять лет. Помещики охотно шли на этого рода сделки, так как оне давали им возможность получить известную сумму наличных денег и избавляли от хлопот по собиранию оброков. Но крестьяне не выказывали особенного желания приступить к выкупной операции. Некоторые из них дожидались новой воли, те же, которые не питали подобных ожиданий, не желали приносить жертвы в настоящем ради отдалённых выгод, которыми они могли воспользоваться не ранее, как через полстолетия. В большинстве случаев помещики оказывались вынужденными отказаться целиком или ча-

стью от той пятой доли общей выкупной суммы, которая уплачивалась им непосредственно крестьянами. Многие общины отказывались от выкупа на каких бы то ни было условиях, и вследствие этого некоторые помещики требовали так называемого обязательного выкупа, при котором они принимали четыре пятых выкупной суммы, выдаваемая правительством, за полную уплату, и выкуп, таким образом, совершался без согласия крестьян. Общее число крепостных мужского пола, получивших свободу, простиралось до девяти миллионов семисот пятидесяти тысяч душ*, а из этого числа вначале 1875 г. насчитывалось лишь около семи миллионов, заключивших выкупные сделки. Из всего числа сделок этого рода, состоявшихся к означенному времени, около шестидесяти трёх процентов принадлежали к разряду обязательных выкупов.

Таким образом, крестьяне были не только освобождены, но и получили в своё пользование землю, причём им была дана возможность сделаться со временем полными общинными собственниками этой земли, и древние общинные учреждения были сохранены и получили дальнейшее развитие. В ответ на вопрос: кем было осуществлено освобождение крестьян, мы должны сказать, что главная заслуга в этом деле бесспорно принадлежит Императору. Если бы он не обладал весьма большим запасом мужества, он не поднял бы этого вопроса сам и не позволил бы поднять его другим, и без этой решимости и энергии, которую он проявил, решение вопроса было бы отложено на неопределённое время. В числе членов собственной своей фамилии Император нашёл весьма способного и энергичного помощника в великом князе Константине Николаевиче и горячее сочувствие к делу в лице великой княгини Елены Павловны, которая, родившись немецкой принцессой, всецело посвятила себя благу новой своей родины. Но не следует забывать и ту важную роль, которую играли дворяне.

---

* В эту цифру не входят дворовые, которые надела не получили.

Поведение их в этом деле было весьма характерично. Как только вопрос был поднят, значительное число помещиков восторженно принялись за работу, а как скоро стало очевидно, что освобождение крестьян неизбежно должно совершиться, все охотно поступились своими прежними правами и просили, чтобы разом развязали их отношения к крестьянам. Когда закон был издан, те же помещики добросовестно приводили его в исполнение. Наконец, мы не должны забывать, что значительная доля похвалы подobaет и крестьянам за то терпение и выносливость, которыя были проявлены ими после того, как они поняли сущность новаго закона. Таким образом, справедливо будет сказать, что освобождение крестьян было делом не одного человека, не одной какой-нибудь партии, не одного сословия, а всей нации, взятой в ея совокупности*.

---

* С делом освобождения обыкновенно связывают имена: генерала Ростовцева, министра внутренних дел Ланского, Николая Милютина, князя Черкасского, Юрия Самарина и Кошелева. Многие другие деятели, как то: И. А. Соловьёв, гг. Жуковский, Домонтович, Гирс – пользуются меньшею известностью, но тоже оказали ценныя услуги. Всем этим лицам, за исключением первых двух, которые умерли до приезда моего в Россию, я должен выразить здесь мою признательность за оказанное мне содействие. Особенно многим обязан я покойному Н. Милютину, который предоставил в моё распоряжение не только официальныя бумаги, находившыяся у него в руках, но и другие документы, более частнаго характера. С преждевременною смертью его Россия потеряла одного из величайших государственных людей, какие в ней когда-либо бывали.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

А. — ДЛЯ ПОМЕЩИКОВ

Затруднительное положение исследователя. — Упрощение задачи. — Прямое вознаграждение помещиков. — Косвенное вознаграждение. — Четыре системы сельского хозяйства при вольнонаёмном труде. — Которые из этих систем приняты в России. — Теперешнее положение поместий в северной и южной полосе. — Князь В. Васильчиков. — Типичный пример. — Южная полоса чернозёмной области. — Овцеводство и Mercanti di satrapna. — Сухость климата. — Недостаток хороших рабочих. — «Леность крестьян». — Общие выводы

Для писателя, занимающегося социально-историческими исследованиями, нет, быть может, труднее задачи, как ясное и верное изображение хаотического переходного периода, когда старья юридические и общественные отношения и прежняя бытовые формы безвозвратно унесены революционным ураганом или законодательными мерами, а новые формы жизни ещё не успели явственно определиться. Затруднение это особенно даёт себя чувствовать в тех случаях, когда процесс перехода ещё продолжается; пока остаётся неизвестным, какого рода постоянный порядок выработается, в конце концов, из этого хаотического брожения, почти невозможно отличить существенное от случайного и определить в точности относительную важность и значение наблюдаемых явлений.

Приступая к описанию результатов освобождения крестьян, я вполне сознаю все трудности этой задачи. Поземельные отношения в России ещё находятся в переходном фазисе и невозможно с полною уверенностью предсказать, какую форму они примут в конце концов. На освобождение крестьян следует смотреть как на социологический опыт, предпринятый в громадных размерах, и притом далеко ещё не оконченный. Элементы, нужные для опыта, уже сложены вместе, но естественное действие ещё не сказалось. Поэтому всё, что я могу сделать, это – описать главнейшие результаты, которые уже успели получиться в настоящее время, и дать несколько указаний относительно вероятного будущего. И даже при исполнении этой скромной задачи я должен просить читателя о снисхождении, так как материалы, которые я мог собрать, далеко не полны. Личные мои наблюдения по необходимости должны были ограничиться лишь немногими местностями, а литература, существующая по этому предмету, отличается крайнею неразработанностью и отрывочностью. Хотя в периодической печати и в других изданиях появилось немало описаний отдельных местностей, никто ещё, сколько мне известно, не сделал серьёзной попытки сгруппировать разнообразные факты и примирить противуречивыя показания свидетелей*.

---

* Единственным, быть может, исключением в этом отношении являются материалы, собранные правительственной комиссией, которая была учреждена в 1872 г. под председательством министра государственных имуществ г. Валуева. Так как мне пришлось принимать неофициальное участие в собирании материалов для этой комиссии, то я могу засвидетельствовать о трудолюбии и добросовестных стараниях по крайней мере одного из лиц (г. Чаславского), которым было поручено собирать необходимые сведения, и я не сомневаюсь, что и остальные члены столь же добросовестно исполняли своё дело; но мне кажется, что выводы, к которым пришла комиссия, далеко не дают полную и вполне верную картину современного положения сельского хозяйства в России. Тем не менее доклад комиссии содержит в себе весьма много ценного материала, и я пользуюсь случаем, чтобы выразить мою благодарность г. Валуеву, любезно снабдившему меня копией не только с доклада, но и с тех материалов, на которых он основан.

В настоящей главе я намерен рассмотреть этот вопрос с точки зрения интересов помещиков.

Когда вопрос об освобождении был поднят в начале нынешняго царствования, мнения сильно расходились относительно того, как отзовётся сказанная мера на материальном благосостоянии помещиков. Вся печать вообще, а также значительная часть публики из так называемого молодого поколения склонны были смотреть на дело оптимистически и пытались доказывать, что задуманная перемена равно благотворно отзовётся как на крестьянах, так и на помещиках. Наука, говорили они, давно решила, что свободный труд производительнее невольничьяго или крепостнаго и истина эта доказана опытом. Во всех странах Западной Европы земледельческий прогресс начинался с отменою крепостнаго состояния, и увеличение производительности являлось непосредственным результатом улучшенных способов земледелия. Так, скудная лёгкая почва Германии, Франции и Голландии была доведена до того, что стала давать больше, чем хвалёный русский чернозём. И всюду наибольшая доля выгоды от этих улучшений доставалась классу землевладельцев. Разве землевладельцы Англии, где крепостное состояние было уничтожено раньше, чем в других странах, не являются богатейшими землевладельцами всего земнаго шара? Разве в Германии собственник, владеющий несколькими сотнями моргенов земли, не бывает зачастую богаче русскаго помещика, владеющаго тысячами десятин? Этими и подобными вескими доводами печать пыталась доказать помещикам, что они, даже в собственном своём интересе, должны приступить к освобождению крестьян. Однако многие помещики недоброжелательно относились к отвлечённым положениям политической экономии и к тёмным указаниям истории, в том виде, в каком они истолковывались современно периодической печатью. Они не всегда были в состоянии опровергать остроумные доводы, приводимые людьми более увлекаю-

шагося темперамента; но они оставались при убеждении, что в будущем их ожидает далеко не такая блестящая участь, как их уверяли. Они считали, что Россия совсем особенная страна и русский народ особенный народ. Они знали, что в Англии, Франции, Германии и Голландии низшие классы отличаются трудолюбием, между тем как русский мужик известен своей ленью, и, наверное, если его предоставить самому себе, будет работать лишь ровно столько, сколько ему нужно, чтобы не умереть с голоду. Вольнонаёмный труд мог быть выгоднее крепостного труда в тех странах, где высшие классы обладают традиционными практическими познаниями и капиталом. В России же помещики не обладали ни практическими сведениями, ни наличными деньгами, необходимыми для того, чтобы производить улучшения в системе сельского хозяйства, как это доказала неудача многократных попыток за последние годы ввести простую земледельческую машины. К тому же, добавляли иные, такая система освобождения, при которой крестьяне получали землю и становились независимыми землевладельцами, нигде ещё не была испробована в таких обширных размерах.

Таким образом, существовало два диаметрально противоположные мнения о том влиянии, которое освобождение крестьян окажет на материальные интересы помещиков, и нам теперь предстоит рассмотреть, которое из этих мнений подтвердилось опытом.

Читатель, никогда не занимавшийся исследованиями этого рода, легко может подумать, что вопрос этот разрешается очень просто; стоит только пораспросить значительное число помещиков и затем сделать общий вывод из их показаний. Но в действительности задача эта оказывается гораздо более трудною. Вообще говоря, помещики не могут в точности определить, как велики их барыши или убытки, а в тех случаях, когда вам удастся получить от них определённые показания на этот счёт, на слова их не

всегда можно полагаться. Во времена крепостного права весьма немногие между помещиками имели привычку вести аккуратно хозяйственные счёты и даже зачастую не вели никаких счетов, а в тех случаях, когда они жили в своих поместьях, у них было много таких статей дохода и расхода, которых не было и возможности выразить в цифрах. В настоящее время многие помещики получают более значительный доход деньгами, чем при крепостном праве, а между тем они стали в известном смысле беднее, то есть им теперь труднее жить в изобилии и довольстве, чем прежде. Само собою разумеется, каждый помещик имеет общее представление о том, улучшилось или ухудшилось его положение по сравнению с прежним, но те неопределённые показания, которые нередко приходится слышать от тех или других лиц относительно прежних и теперешних их доходов, не имеют почти никакого научного значения. В расчёты эти входит столько соображений, не касающихся чисто аграрной стороны дела, что вытекающие из них выводы весьма мало могут помочь нам при определении экономических результатов освобождения крестьян. И при этом, надо сказать правду, показания далеко не всегда отличаются отсутствием всякой предвзятости, особенно в тех случаях, когда разговор происходит с иностранцем. Насколько я мог заметить, люди, говорящие об освобождении крестьян в эпическом или патетическом тоне, распадаются на две категории: одни желают доказать, что мера эта увенчалась полным успехом во всех отношениях и что все сословия выиграла от нея не только в нравственном, но и в материальном отношении; другие, напротив, стараются выставить помещиков вообще и самих себя в частности самоотверженными жертвами великой и необходимой патриотической реформы, мучениками дела свободы и прогресса. Я отнюдь не допускаю предположения, что эти две группы свидетелей руководятся сознательным желанием обмануть или ввести в заблуждение своего собеседника,

но осмотрительный исследователь всё-таки должен быть настороже, чтобы не придать их показаниям большую цену, чем какую они действительно имеют.

Мне кажется, что для упрощения предлежащей задачи всего лучше будет свести её к следующим двум определённым вопросам:

1) В каких размерах помещики были *прямо* вознаграждены за потерю крепостного труда и за переход значительной части их земли в пользование крестьян?

2) Что сделали помещики с оставшеюся землёю своих поместий и насколько было велико то *косвенное* вознаграждение, которое пришлось на их долю от экономических перемен, произошедших со времени освобождения и, частью, независимо от последнего?

Относительно первого из этих вопросов можно возразить, что помещики добровольно отказались от своей власти над крестьянами и не получили никакого вознаграждения за крепостной труд, которого они лишились; в подтверждение такого взгляда можно даже привести многие официальные заявления. Но при всём том, как я уже объяснял прежде, многие помещики получили, если не по форме, то по сущности, весьма значительное вознаграждение; дело в том, что законодательная власть именно в этих видах обложила значительную часть крестьян ежегодными оброками, превышавшими нормальную доходность земли, которая перешла к ним без их согласия.

Задача наша ещё более упростится, если мы проведём строгое различие между двумя обширными земледельческими полосами. Лесную полосу мы можем вовсе не принимать в расчёт, так как в ней почти не было помещиков, владевших крестьянами. Так, например, на всём пространстве обширной Архангельской губернии, а также в северной части Вологодской губернии во время освобождения крестьян оказалось лишь шесть (?) человек крепостных, да и те принадлежали господам, не владевшим поместьями.

В виду этого мы начнём с южной, или чернозёмной, земледельческой полосы и попытаемся определить, насколько было достаточно вознаграждение, полученное помещиками этой полосы за потерю крепостного труда и за обязательную уступку части их поместий освобождённым крестьянам.

В северной части сказанной области, где существовала трёхпольная система земледелия, условия сложились очень благоприятно для отмены крепостного права. Почва отличалась естественным плодородием и ещё сохраняла в значительной степени свою девственную производительность, так что она могла легко давать гораздо большее количество хлеба, чем сколько было нужно для прокормления жителей. Численность земледельческого населения была достаточна для обработки земли согласно с принятой в той местности системой земледелия, а количество земли, уступленной крестьянам для собственного их пользования, можно было признать достаточным вознаграждением за тот труд, который они были обязаны нести в пользу помещика. Поэтому каждый помещик, не придерживавшийся в прежнее время обыкновения облагать своих крестьян чрезмерными налогами, смело мог бы дать личную свободу своим крепостным и взять назад ту землю, которой они пользовались, причём, по всем вероятностям, оказалось бы, что он ровно ничего не потерял в материальном отношении. Прежние его крепостные стали бы обрабатывать его землю в качестве батраков или же взяли бы её на аренду за довольно высокую годовую плату, и доходы поместья при этих условиях, по всем вероятностям, остались бы, по меньшей мере, те же, как и при крепостном праве. И заметьте, это отнюдь не простое предположение с моей стороны. Мне известно несколько примеров, в которых люди, принадлежавшие к купеческому сословию и не имевшие поэтому права владеть крепостными, покупали поместья и занимались сельским хозяйством, получая при этом весьма

изрядные барыши. Словом, экономические условия упомянутой местности были таковы, что крепостное право в ней почти не представляло никаких выгод по сравнению с вольнонаёмным трудом, и из этого мы можем заключить, что помещики не нуждались в вознаграждении за потерю крепостного труда. Что же касается повинностей, то оне, быть может, и не представляли вполне стоимости земли, отошедшей к общинам, но разность между предполагаемой и действительной стоимостью этой земли была невелика. Если помещики этой местности и имели основание на что-нибудь жаловаться, то разве на то, что неизбежное повышение цен на землю, которое многие из них отлично предвидели, не было принято в расчёт.

В южной части означенной области, где практиковалась степная система земледелия, экономические условия слагались несколько иначе*. Население было далеко не так густо, а потому предложение труда не соответствовало существовавшему на него спросу. Ввиду этого крепостной труд в сказанных местах представлял значительную стоимость, и помещики вовсе не были вознаграждены за его утрату, так как крестьяне этой полосы получили значительное количество земли и, конечно, не желали платить за неё больше, чем она стоила.

Переходя затем к северной земледельческой полосе, мы видим, что здесь помещики, хотя и по другим причинам, ещё более нуждались в крепостном труде. Почва в этих местах была скудная и до того истощена, что не окупала затраченного на неё труда. Поэтому в помещичьих хозяйствах земледелие опиралось не на естествен-

* В одной из предшествующих глав я уже имел случай описать вкратце сущность **степной системы земледелия**. Она состоит в том, что поля засеваются без удобрения в течение трёх–шести лет и затем их оставляют лежать под паром в течение вдвое большего периода времени, для того чтобы **дать возможность почве восстановить свою прежнюю производительность**. Само собою разумеется, такая система возможна лишь в таких местах, где земля имеетесь в большом изобилии, и, в конце концов, она всё-таки должна истощать почву.

ные экономические условия, а на собственную поддержку крепостного труда. Таким образом, помещики, с утратою последняго, лишились самой ценной части своего имущества; но они были отчасти вознаграждены за эту потерю ежегодными оброками, размер которых в значительной степени превосходит нормальную ренту земли, уступленной общинам.

В центральной части этой области крепостное право не только отжило своё время, но и утратило в значительной степени свой первоначальный характер и вступило в новый фазис своего развития. В то время как учреждение это сохраняло первобытную, нормальную свою форму, если можно так выразиться, крестьяне обрабатывали землю помещика и в вознаграждение за этот труд получали известное количество земли в собственное своё пользование. При той же форме, которую крепостное право приняло позднее в центральной части северной полосы, помещик уже не пользовался земледельческим трудом своих крепостных, а предоставлял значительной части их зарабатывать себе хлеб другими занятиями под тем условием, чтобы они уплачивали ему известный ежегодный оброк взамен земледельческой работы, которой он уже более не требовал от них. Для таких помещиков освобождение крестьян без соответствующаго вознаграждения было бы, конечно, разорительно. В предупреждение этого было решено, что все крестьяне, не исключая и таких, которые жили не земледельческими промыслами, обязательно должны принять землю и уплачивать за неё оброк, превышающий её нормальную ренту.

Итак, мы видим, что в северной земледельческой полосе помещики получили некоторое вознаграждение за потерю крепостного труда и что вознаграждение это было дано им в форме ежегодных оброков, которыми закон 19 февраля обложил крестьян. Необходимо, однако, добавить, что вознаграждение это было далеко не так велико,

как оно казалось. Помещик всюду встречал большие затруднения при взимании этих оброков, а в иных случаях такое взимание оказывалось и вовсе невозможным; кроме того, он имел причины опасаться, что крестьяне воспользуются правом, предоставленным им законом по истечении первых девяти лет, и совсем освободятся от обязательных отношений, переселившись в города или в другие, более плодородные части империи. Единственный выход, который ему оставался для предотвращения этих затруднений и опасностей, состоял в том, чтобы потребовать так называемого обязательного выкупа, а это средство было сопряжено с значительными материальными жертвами. Во-первых, так как он требовал выкупа без согласия своих крестьян, то он должен был довольствоваться лишь теми четырьмя пятими выкупной суммы, которая выдавало ему правительство; во-вторых, значительная часть этих четырёх пятых выдавалась ему не наличными деньгами, а правительственными облигациями*, курс которых, вследствие громадного количества их, пущенного на денежный рынок, быстро понизился до 80 процентов номинальной их стоимости. Таким образом, вместо того чтобы получить 150 рублей с каждого из своих крепостных мужского пола, он получал номинально 120 рублей, а в действительности гораздо менее, если только он не имел возможности переждать пятнадцать лет до срока, назначенного для зачисления правительственных облигаций билетами государственного банка. И даже от этой уменьшенной суммы многим помещикам досталась лишь незначительная часть, так как государственное казначейство взяло из нея все те казённые деньги, которые лежали на поместьях, и выдало получателям лишь оказавшуюся разность.

Теперь перейдём ко второй половине занимающего нас вопроса. Что сделали помещики с тою частью своих поместий, которая осталась у них за уступкою установ-

---

* Облигации эти приносили пять процентов дохода.

ленного количества земли крестьянским общинам? Нашли ли они косвенное вознаграждение за потерю крепостного труда в тех экономических переменах, которые совершились после освобождения крестьян? Ответ на эти вопросы по необходимости познакомит нас несколько с современным экономическим положением помещиков.

Для всех помещиков освобождение крестьян было сопряжено по крайней мере с одним благодетельным результатом: оно заставило их поневоле отказаться от старого «спустя рукава» и от заведённой рутины и побудило внести соображение и расчёт в ведение своих дел. Наследственная лень и апатия, переходившая из рода в род, привычка смотреть на поместье с принадлежащими к нему крепостными как на какую-то самодействующую машину, назначение которой доставлять своему владельцу средства к существованию без всяких стараний с его стороны, глубоко вкоренившаяся привычка тратить весь свой запас наличных денег, не думая о завтрашнем дне, – всё это вместе со многими другими чертами помещичьей жизни, отсюда вытекавшими, круто было устранено и превратилось в предание прошлого. Широкий и удобный путь, по которому помещики шли до сих пор, отдавая себя на произвол силы вещей, теперь разветвлялся на множество узких, неудобных и тернистых тропинок. Каждому теперь приходилось подумать самому, которую из этих тропинок ему лучше будет избрать, а раз его выбор был сделан, приходилось пробиваться, напрягая свои силы, насколько их хватало. Мне случилось однажды спросить одного помещика о том, какое влияние освобождение крестьян оказало на сословие, к которому он принадлежит, и ответ, полученный мною от него, стоит того, чтобы привести его здесь: «В прежняя времена, – сказал мне мой собеседник, – мы счетов не вели и распивали шампанское; теперь мы ведём счёты и довольствуемся пивом». Как и все изречения, имеющие характер эпиграммы, лаконический ответ этот далеко не даёт пол-

наго понятия о действительном положении дел, но он весьма рельефно указывает на общий характер той перемены, которая бесспорно произошла. После того как крепостное право было уничтожено, оказалось положительно невозможным существовать подобно цветам в поле. Многим помещикам, прежде жившим в апатическом довольстве, пришлось задаться вопросом: «Чем я теперь буду кормиться?» Всем приходилось подумать о том, какое наиболее производительное употребление сделать из той земли, которая у них осталась. Раз произведена одна какая-нибудь перемена, она неизбежно влечёт за собою и другия. Стоит камню, который неподвижно в течение столетий лежал на склоне горы, сдвинуться и покатиться вниз, он приобретает всё новую и новую силу по мере того, как подвигается и летит с постепенно ускоряющеюся быстротою.

«Что делать мне с землёю, которая осталась в моём распоряжении?» – таков был вопрос, которым задавался каждый помещик.

Для тех, которые не жили в своих поместьях или не желали сами заниматься сельским хозяйством, простейший способ выйти из затруднения заключался в том, чтобы сдавать землю крестьянам на аренду за определённую годовую плату. Эта система представляла то преимущество, что устраняла все хлопоты и риск, но она была сопряжена с одним серьёзным неудобством: когда крестьяне снимают землю на аренду, они неизменно придерживаются так называемой хищнической системы хозяйства, то есть обрабатывают землю дурно и истощают почву, стараясь извлечь из нея как можно больше и не думая о последствиях. Поэтому, невзирая на непосредственные выгоды, с которыми сопряжена эта система, она, в конце концов, оказывается невыгодной для землевладельцев, так как в России нет такого класса людей, который соответствовал бы английским фермерам, снимающим на аренду участки земли и обрабатывающим их без истощения почвы.

Что касается тех помещиков, которые желали сами хозяйничать на своей земле, то им представлялись на выбор четыре системы земледелия:

1) Те, которые до сих пор обрабатывали свои земли посредством крепостного труда, могли, при согласии крестьян на подобную сделку, продолжать с известными ограничениями ту же систему. В таком случае крестьянское общество вместо того, чтобы уплачивать помещику денежный оброк за общинную землю, исполняло на него полевые работы, размер которых был точно определён в положении 19 февраля.

2) Второй способ состоял в том, чтобы вступить с общиной или с отдельными крестьянами в соглашение, по которому известное количество полевых работ исполнялось за определённую денежную сумму или за право пользоваться лугами или топливом в известных размерах. При этой системе крестьяне обыкновенно поставляют от себя лошадей и земледельческие орудия, и расчёт производится подесятинно.

3) Третий способ заключался в системе, известной под названием половничества и представляющей нечто вроде временной ассоциации, в которой помещик поставляет от себя землю и семена, а крестьяне исполняют все работы на своих лошадях и своими земледельческими орудиями, причём жатва делится между обеими сторонами либо поровну, либо в какой-нибудь другой, предварительно условленной пропорции.

4) Наконец, четвёртый способ заключался в найме рабочих и в ведении сельского хозяйства от себя подобно тому, как оно ведётся на фермах в Западной Европе. При этом последнем способе помещик порывал всякия отношения с своими бывшими крепостными.

Наиболее просвещённые между помещиками хорошо понимали, что изо всех этих выходов только последний даст им возможность произвести радикальные улучшения

в существующей системе земледелия, но они в то же время сознавали, что из всех выходов именно этот сопряжён для них с наибольшими затруднениями. Для того чтобы ввести такие улучшения, приходилось разом затрачивать большую сумму денег и вдобавок ещё нужно было иметь значительный капитал на текущие расходы. Вычислено, что в Англии даже в тех случаях, когда не имеется в виду вводить новую систему хозяйства, фермер, арендующий участок земли в пятьсот акров, должен затратить в течение первых полутора лет около 3000 фунтов стерлингов*. Это даёт некоторое приблизительное понятие о тех расходах, с которыми сопряжено ведение сельского хозяйства на научных началах даже при наиболее благоприятных условиях. Само собою разумеется, что в стране, подобной России, потребовались бы ещё более значительные расходы. Спрашивается, откуда же было русским сельским хозяевам в эпоху освобождения крестьян достать такой значительный капитал? Большинство их имело больше долгов, чем наличных денег. Прежняя учреждения, выдававшая ссуды под залог поместий, были закрыты, а новые учреждения для поземельного кредита ещё не успели возникнуть. Занимать деньги у частных капиталистов было разорительно, так как в то время деньги были так редки, что их нельзя было получить иначе, как за десять процентов, и это ещё считалось льготным условием. Правда, можно было совершить выкупную операцию, но эта последняя далеко не всегда давала нужную сумму, так как правительство вычитало из выкупной суммы цифру ссуд, выданных прежде под залог поместий, а остальную сумму уплачивало бумагами, значительно обезценёнными. Кроме того, представлялись и другие столь же серьёзные затруднения. Помещики вообще имели очень мало технических сведений и никогда не обладали практической опытностью в деле ведения сельского хозяйства на науч-

---

* Stephans, «The book of the farm» (Edinburgh and London, 1871), том II, стр. 443.

ных основаниях. Правда, некоторые отдельные личности между ними обладали научными познаниями, многие имели практическую сноровку в сельскохозяйственных делах, но редко можно было встретить теоретическое знание и практический опыт, соединёнными в одном лице. Даже те немногие, которые обладали необходимым капиталом, знанием и опытом, испытывали большие затруднения, так как вначале невозможно было найти умелых рабочих для полевых работ, иногда же нельзя было добыть каких бы то ни было рабочих в достаточном числе.

При этих условиях громадному большинству помещиков нечего было и думать о попытке разрешить задачу вышеуказанным радикальным способом. Многие из них вначале даже не решались испробовать второй и третий из вышеисчисленных способов, а довольствовались тем, что вели дело по-старому, при тех лишь ограничениях, которые предписывались положением 19 февраля. Вскоре, однако, практические неудобства этой системы дали себя знать. Если прибыльное ведение сельского хозяйства при этой системе было затруднительно даже в то время, когда помещик пользовался неограниченною властью над своими крестьянами, то понятно, что дело становилось неизмеримо труднее теперь, когда он был связан безконечным рядом законодательных ограничений и не имел даже никакой непосредственной возможности обезпечить исполнение того, на что он по закону имел право. В тех случаях, когда крестьяне отказывались исполнять приказания помещика, — а это случалось весьма часто, пока они не усвоили себе яснаго понятия о своих новых правах и обязанностях, — единственным средством помочь беде было обратиться к мировому посреднику, а жалоба этого рода, как бы она ни была основательна, не могла быть удовлетворена без больших хлопот и без значительной потери времени. В пору сенокоса или жатвы потеря одного дня могла принести большие убытки, а между тем именно в

эту-то пору всего чаще и случались неисправности со стороны рабочих. Им нужно было убирать собственный покос или жатву, а они знали, что за неисполнение своих обязанностей относительно бывшего своего господина им нечего опасаться особенно строгаго наказания. Таким образом, сила обстоятельств очень скоро заставила помещиков обратиться к одному из других выходов, представлявшихся им на выбор; а крестьяне, которые также очень тяготились регламентацией, установленной законом, охотно соглашались на этого рода перемену.

Переход к какому-либо из вышеназванных других способов хозяйства был, во всяком случае, затруднителен, но степень этих затруднений в различных местностях империи была неодинакова. Во всей чернозёмной полосе почва ещё настолько сохраняла своё природное плодородие, что сельское хозяйство в этих местах было прибыльно даже тогда, когда оно велось старым первобытным способом, а потому помещики могли вводить постепенно и соображаясь с собственными своими удобствами те улучшения, какия они считали нужными. Если помещик вовсе не желал заниматься хлебопашеством, соседние крестьяне охотно брали у него землю за высокую арендную плату. В северной земледельческой полосе, напротив, почва была слишком истощена, чтобы окупать расходы при первобытном способе обработки, и сельское хозяйство помещиков в этой полосе поддерживалось до освобождения крестьян лишь искусственным образом посредством крепостнаго труда. Поэтому здесь помещики не могли вести долее сельское хозяйство, если не вводили сразу в своих поместьях радикальных улучшений, рассчитанных на долгий срок; сдавая же свои земли в аренду крестьянам, они могли получить лишь незначительный доход.

Это существенное различие между двумя названными земледельческими полосами отразилось и на теперешнем положении помещиков и их имений. В северной

полосе почти все помещики бросили хозяйство и сдают свои земли по возможности в аренду соседним крестьянам. Усадьбы, в которых они прежде жили, – зачастую на очень широкую ногу, – большею частью опустели и предоставлены разрушающему действию времени, между тем как владельцы их живут в городах, приобретая средства к существованию на государственной службе или в тех многочисленных коммерческих и промышленных предприятиях, которые с такою изумительною быстротою расплодилось за последние годы. Если бы моралист сентиментального пошиба предпринял поездку по этой части страны, он нашёл бы обильный материал для назидательных размышлений о непрочности земного величия и о безумии тех, которые живут со дня на день, не заботясь о будущем. В южной полосе, напротив, почти все помещики возделывают за свой собственный счёт, по крайней мере, часть своих земель, а для остальной без труда находят арендаторов между соседними крестьянами. Некоторые из этих помещиков приняли систему полновластия, другие сдают полевые работы крестьянам за известную плату с десятины, наконец, третьим удалось устроить хозяйство с наёмными рабочими по западноевропейскому образцу. В некоторых из более густонаселённых местностей у помещиков вошло в обычай отдавать всю свою землю внаймы, и они получают с этой операции значительный доход. Русский крестьянин любит риск, сопряжённый с обработкою земли за свой собственный счёт, и предпочитает платить высокую арендную плату лишь бы не работать в качестве батрака*.

Почти все поместья, где введены усовершенствованные способы земледелия и обработка при помощи батраков, находятся в северной части чернозёмной полосы. Здесь земля плодородна, рабочие руки имеются в сравни-

---

* Это обстоятельство в значительной степени препятствовало устройству сельского хозяйства по западноевропейскому образцу.

тельном изобилии, климат умеренный и рынки для сбыта произведений находятся под рукою. С целью показать, что помещик в этой местности имеет полную возможность вводить у себя весьма существенные улучшения и увеличивать через это в значительной степени свой доход, я позволю себе привести некоторые данные, касающиеся обширного поместья князя Васильчикова, имя которого хорошо известно всем, интересующимся успехами земледелия в России. До освобождения крестьян чистый годовой доход с этого поместья колебался между 4613 и 21 659 рублями и в среднем выводе на десятилетний промежуток времени составлял 14 350 рублей. После освобождения, когда более половины земли было уступлено крестьянам, оставшая часть поместья стала давать средним числом 28 996 рублей, другими словами, более чем вдвое больше того, что давало всё поместье до освобождения. Если прибавить к этому сумму, ежегодно получаемую за ту землю, которая уступлена крестьянам (7715 рублей), то окажется, что чистый годовой доход, получаемый с имения, простирается до 36 711 рублей, то есть превышает в два с половиною раза тот доход, который получался до освобождения. Если бы я не опасался утомить читателя подробностями, я мог бы привести ещё несколько примеров поместий, в которых система земледелия значительно улучшена и доходность возросла в соответственных размерах. Но из этих примеров не следует делать слишком поспешных и общих выводов, так как они представляют собою не правило, а исключение. Во всех тех поместьях, которые я здесь подразумеваю, ещё задолго до освобождения крестьян всё было подготовлено для перехода к вольнонаёмному труду и владельцы их были люди, обладавшие замечательным умом, энергией и выдержкой, причём многие из них обладали также значительной практической опытностью*.

---

* Одним из наиболее известных помещиков этого типа является г. Кошелев, о котором я уже имел случай упоминать ранее.

Но таких людей, к сожалению, было очень мало. Прежний образ жизни дворян не благоприятствовал приобретению специальных знаний или выработке тех привычек, которых необходимы сельскому хозяину для успешного ведения его дел.

Что же касается помещиков заурядного типа в этой местности, то про них, я думаю, можно сказать, что если доходы их и не увеличились до такой степени, как в только что приведённых мною примерах, то они, во всяком случае, не особенно уменьшились после освобождения. По крайней мере, во всех тех случаях, где мне удавалось собрать достоверные данные, замечалось скорее увеличение, чем уменьшение доходов. Так, например, в Рязанской губернии я видел одно большое поместье, в котором все доходы и расходы тщательно записывались в течение длинного ряда годов. Приведя этот громоздкий и разбросанный материал в порядок, я получил следующие выводы. В течение последних восьми лет существования крепостного права средняя цифра чистого годового дохода простиралась до 8445 р., за четыре года, непосредственно следовавшие за освобождением крестьян, она упала до 5186 р., а в течение следующих затем четырёх лет возросла до 13 190 р.* Временное уменьшение доходности этого поместья в первые годы, непосредственно следовавшие за освобождением крестьян, объясняется тем временным разстройством заведённого порядка, которое было порождено реформой**. Только что приведённый при-

* В этом имении числилось около 8850 десятин земли, из которых около половины отошло к крестьянам. Число ревизских (мужских) душ простиралось до 444.

** Это временное уменьшение доходности замечалось даже в таких поместьях, владельцы которых были люди умные и энергические, задолго предвидевшие освобождение крестьян и успевшие подготовиться к этой реформе. Так, в приходо-расходной книге одного помещика, бесспорно принадлежащего к вышеупомянутой категории, я нашёл следующие данные:

1857–61 гг.	средний чистый	годовой доход	47 433	руб.
1862–66 гг.	"	"	"	25 918 "
1867–71 гг.	"	"	"	77 369 "

мер я считаю весьма типичным, так как в этом поместье не было произведено никаких перемен ни в способах культуры, ни в управлении. Тот же самый крепостной слуга, который исправлял раньше должность управляющего, остался в этой должности и после освобождения и проявлял решительное нерасположение ко всякаго рода новшествам.

Вообще говоря, как мне кажется, можно принять за правило, что помещики этой области получают теперь больше доходов, чем до освобождения; но я не возьму на себя сказать, что их материальное положение от этого улучшилось. Дороговизна жизни за это время значительно возросла, в особенности для тех помещиков, которые всегда жили в своих имениях, а управление поместьем стало делом более хлопотливым и сложным.

В южной части этой полосы положение помещиков несколько иное. Сельское население в этих местах гораздо менее густо и состоит главным образом из государственных крестьян и иностранных колонистов, у которых и своей земли достаточно и которые поэтому не имеют никакой надобности арендовать землю или становиться батраками. В крупных поместьях этой полосы не имелось ничего такого, что даже при самом пылком воображении можно было бы назвать барским домом; в то время, когда совершалось освобождение крестьян, поместья эти преимущественно имели два назначения: они либо употреблялись для разведения овец мериносов, либо сдавались в аренду сельскохозяйственным спекуляторам, так называемым посеvщикам, которые представляют нечто соответствующее классу людей, известных в некоторых частях Италии под названием «*mercanti di campagna*»; эти посеvщики собирали при возможно меньшей затрате труда три или четыре жатвы и затем оставляли землю гулять в течение восьми или десяти лет. О том, как незначителен был доход, получаемый владельцами при подобном способе обработки земли, можно судить из следующего фак-

та: когда я в 1872 г. проезжал по одной местности, где ещё практикуется система сеять пшеницу со спекулятивной целью, то нашёл, что обширные участки казённой земли, почва которых по большей части была весьма плодородна, сдавались по 25 копеек за десятину*.

За самые последние годы это положение дел значительно видоизменилось, но перемена эта лишь отчасти, и при том косвенно, может быть приписана освобождению крестьян. Высшие сорта шерсти значительно пали в цене, и овцеводство, следовательно, стало менее прибыльно. Одновременно с этим распространение сети железных дорог и развитие заграничной вывозной торговли в портовых городах Чёрного и Азовского морей сделали возделывание пшеницы и льна гораздо более выгодным, чем прежде. Таким образом, овцеводство и первобытный способ возделывания пшеницы, употреблявшийся посевицами, уступил место во многих поместьях правильному земледелию, и непосредственным результатом этого было значительное повышение цен на землю. Повышение это не достигало таких размеров, как в некоторых местностях северной части чернозёмной полосы, но его, если не ошибаюсь, всё-таки было достаточно, чтобы вознаградить помещиков за убытки, понесённые ими от освобождения крестьян. Следует, однако, заметить, что при всём том землевладельцам этой полосы, пытающимся ввести в своих поместьях правильное земледелие, приходится до сих пор бороться с громадными затруднениями, между которыми главную роль играют частые засухи и недостаток рабочих рук.

Первое из этих затруднений считается обыкновенно делом, лежащим вне власти сельского хозяина. Утверждают, что сухость климата в этих местностях происходит от недостатка лесов и что единственный способ пособить

---

* Местность, о которой здесь идёт речь, находится в юго-восточной части Самарской губернии. Мне сообщили из достоверного источника, что один из спекулянтов этой местности засеивает иногда до 6000 десятин пшеницею, но мне с трудом верится этому факту.

злу заключается в разведении деревьев в обширных размерах; правительство, как я уже упоминал, серьёзно оставалось на различных проектах, основанных на этой теории. Насколько можно заметным образом изменить климат области, обнимающей много тысяч квадратных миль, засадив с большими расходами несколько сотен или даже тысяч десятин искусственным лесом, об этом представляю судить специалистам. Замечу только с своей стороны, что существует другое, менее грандиозное, но более действительное средство, которое к тому же гораздо доступнее; оно состоит просто в более глубоком вспахании и лучшем возделывании земли. Менонитские колонисты говорили мне, что они гораздо менее терпят от засух, чем окрестные крестьяне, и я не могу объяснить это иначе, как тем фактом, что земли менонитов лучше возделаны, чем земли их соседей.

Второе из упомянутых затруднений представляется с известной точки зрения делом более серьёзным, чем сухость климата. Засухи бывают лишь по временам, между тем как недостаток рабочих служит постоянным источником разстройства дел. Так как недостаток хороших рабочих считается главным препятствием, задерживающим успехи земледелия по всей стране, то, прежде чем приступить к описанию тех специальных затруднений, с которыми приходится вести борьбу землевладельцам описываемой полосы, не мешает сделать несколько общих замечаний об этом предмете.

Жалобы землевладельцев на этот счёт раздаются в настоящее время во всех концах России и сливаются в дружный хор. Говорят, что крестьяне со времени отмены крепостного права изленились, избаловались, стали пьянствовать и с наглой недобросовестностью относятся к принятым ими на себя обязательствам, так что крайне затруднительно вести сельское хозяйство даже по старой первобытной системе, а вводить усовершенствованные

способы культуры положительно невозможно. И надо сказать правду, эти и подобные обвинения не вовсе лишены основания. Что русский крестьянин вообще старается по возможности меньше утруждать себя, что он больше обращает внимания на количество, чем на качество работы, что он часто небрежно обращается с имуществом своего хозяина, что он иногда забирает денег вперёд и не исполняет добросовестно условия договора, что большинство крестьян по временам напиваются, а многие из них при случае не прочь стянуть чужое добро, – всё это бесспорно справедливо, что бы ни говорили в опровержение этого теоретики с предвзятыми взглядами и сентиментальные поклонники мужика*. Да и странно было бы, если б дело обстояло иначе, так как явления этого рода встречаются более или менее часто во всех странах земного шара и всего чаще должны попадаться в такой стране, где на умственное и нравственное развитие народа не обращалось никакого внимания и где крепостное право уничтожено лишь в недавнее время. Но при всём этом было бы ошибкою предполагать, что вся вина в этом отношении падает на одних крестьян или что факты этого рода составляют неодолимое препятствие введению рациональной системы сельского хозяйства, основанной на свободном труде; столь же ошибочно было бы воображать себе, заодно с большинством помещиков, что затруднения этого рода могут быть в значительной степени уменьшены или даже совсем устранены большею строгостью со стороны судей или усовершенствованиями в паспортной системе.

---

* Друг у друга крестьяне, вообще говоря, не воруют, что доказывается тем фактом, что они нередко оставляют избы свои незапертыми в такое время, когда все члены семьи работают в поле; но если мужик найдёт у помещика на дворе подкову, или обрывок верёвки, или другой какой-нибудь предмет из тех, в которых он постоянно имеет надобность в домашнем своём обиходе и доставать которые ему очень затруднительно, он не прочь подобрать его и присвокупить к своему хозяйству. Его понятия о собственности по отношению к таким предметам весьма схожи с теми, которых придерживается в других странах домашняя прислуга по отношению к съестным припасам.

Сельскохозяйственная деятельность при вольнонаёмных рабочих, так же как и всякая другая отрасль человеческой деятельности, требует известной степени знания, здравого смысла, осмотрительности и такта, а эти качества не могут с успехом быть заменены никакими ухищрениями со стороны законодательства и никакою строгостью со стороны судей. Нанимая слуг в России, так же как и во всякой другой стране, необходимо тщательно выбирать людей и ставить их в такое положение, чтобы они дорожили местом и боялись потерять его; а после того, как это условие исполнено, бдительный глаз и направляющая рука хозяина должны постоянно быть наготове. Словом, со слугами нужно обходиться не как с машинами, а как с человеческими существами, которые всегда более склонны действовать согласно с ближайшими своими личными интересами, чем на основании принципов высшей нравственности. Эта-то простая истина, по-видимому, всегда плохо понимается большинством русских помещиков. Они, как кажется, воображают, что их дело лишь заключить договор и отдавать приказание, а остальное должно быть предоставлено сообразительности и безкорыстной добросовестности самих рабочих. Из расчётов ошибочной экономии они нередко оказывают предпочтение наиболее дешёвому рабочему, не справляясь о других его качествах, или пользуются денежными затруднениями крестьянина для заключения с ним таких договоров, которых он не имеет физической возможности исполнить. Так, например, весною, когда у крестьянина нет ни хлеба, ни денег для уплаты податей, они дают ему займы небольшое количество ржаной муки или небольшую сумму денег и договариваются, чтобы крестьянин отработал им этот долг летом, причём количество условленной работы далеко превышает размеры полученной им суммы. Крестьянин в этих случаях отлично сознаёт, что сделка для него крайне невыгодна, но что же ему делать? Ему нужно

прокормиться с семьёю, а тут ещё сельския власти грозят его высечь или продать его корову, если он не уплатит лежащую на нём недоимку. С отчаяния он соглашается на предлагаемые ему условия, получает ссуду и таким образом оттягивает беду на некоторое время, утешая себя тем, что авось как-нибудь кривая и вывезет. Когда настаёт пора исполнения условия, затруднения снова дают себя чувствовать ещё осязательнее, чем прежде. По условию крестьянину следовало бы работать почти целое лето на помещика, а между тем у него нет хлеба для себя и для своего семейства и ничего не припасено для предстоящей зимы. В таком положении нет ничего удивительного в том, что он старается по возможности обойти условия договора. Помещик между тем терпит от этого расстройство в своих хозяйственных расчётах и начинает кричать о необходимости более строгих законодательных мер или о введении какой-нибудь замысловатой административной комбинации, которая понуждала бы крестьян исполнять принятые ими на себя обязательства. Трудно, однако, представить себе такую законодательную или административную комбинацию, которая, помимо возвращения к старой системе крепостного труда, могла бы обеспечить практическую исполнимость подобных договоров.

Говоря это, я отнюдь не имею в виду оправдывать тех крестьян, которые поступают вышеозначенным образом; я готов допустить, что их затруднительное положение нередко является следствием собственной их непредусмотрительности. Я хочу только сказать, что помещики, которые заключают подобные договоры и затем обманываются в своих расчётах, и сами виноваты. Им следовало бы помнить, что за хорошую работу подобает и хорошее вознаграждение, и заключать лишь такие договоры, которые при данных условиях могут быть добровольно исполнены. Заключать неосмотрительные договоры и затем рассчитывать в деле их исполнения на всемогущество закона – это

такая система, которая в какой угодно стране неминуемо должна вести к банкротству. Даже в Англии, на которую нередко указывают как на образцовую, благодатную страну, где закон уважается и нарушение договоров строго наказывается, фермер, который был бы настолько безумен, что придерживался обычая выдавать плату за полевые работы за два-три года вперед, как то делают некоторые из известных мне русских помещиков, вскоре увидел бы себя вынужденным бросить сельское хозяйство и поискать себе другое поприще деятельности, более подходящее для его непрактического ума.

Утверждая, что в случаях этого рода нельзя винить одних только крестьян, я говорю не голословно, а на основании фактов, вполне подтверждающих это умозаключение. Во всех местностях России, где мне только случалось бывать, я заметил, что жалоб этого рода почти никогда не приходится слышать от деятельных, энергичных и толковых сельских хозяев, которые круглый год живут в своих поместьях; всего больше сетуют на недобросовестность крестьян такие господа, которые, по-видимому, воображают, что управление помещьем можно предоставить своим подчинённым и что сельское хозяйство походит на те спокойные места в государственной службе, где от лиц, занимающих эти места, требуется только, чтобы они показывались в торжественных случаях. Из многочисленных указаний, подтверждающих тот же факт и слышанных мною от лиц, непосредственно близко стоящих к делу, я приведу здесь лишь отзыв князя Васильчикова, имя которого мне уже случилось упоминать в предшествующих главах. Князь Васильчиков положительно утверждает, что в течение восьми лет у него ни разу не случилось повода к серьёзному недовольству рабочими и что он никогда не прибегал к содействию властей.

Так как о «неисправимой лености» русского мужика очень много говорится и пишется, то здесь не мешает

сказать несколько слов об этом предмете. Русский мужик, бесспорно, отличается большою неповоротливостью движений, он даже неповоротливее английского сельского рабочего, но не помещикам упрекать его в лени. На их упрёки он мог бы ответить весьма убедительным доводом в смысле знаменитого «et tu quoque» – и довод этот равно применим и ко всем прочим сословиям. Так, например, петербургский чиновник, пишущий филиппики против крестьянской лени, считает, что для него самого трёх или четырёхчасовое пребывание в присутственном месте – причём значительная часть времени посвящается непроизводительному занятию куренья папирос – есть совершенно достаточный дневной труд. Дело в том, что в России борьба за существование далеко не дошла до той степени напряжённости, как в других странах, и общество так сложилось, что люди могут жить, не утруждая себя слишком большими усилиями. Поэтому на путешественника, приезжающего с Запада, русские производят впечатление ленивой и апатичной расы. Но и здесь, так же как и в других местах, всё зависит от того мерила, которое вы берёте для сравнения. Если путешественник приедет в Россию с Востока, – в особенности, если он прожил некоторое время среди племён, занимающихся исключительно скотоводством, – русские покажутся ему замечательно энергическим и трудолюбивым народом. Их характер в этом отношении соответствует их географическому положению. Они занимают середину между трудолюбивым, деятельным и предприимчивым населением Западной Европы и ленивыми, недисциплинированными пастушьими племенами азиатских степей, способными лишь на спазматическая порывы. Русские много могут сделать путём кратковременного, усиленного напряжения трудовой энергии, – доказательством тому может служить крестьянин во время жатвы или петербургский чиновник в то время, когда нужно изготовить к определённом сроку законо-

дательный проект для представления правительству, – но им ещё предстоит приобрести привычку к выдержанному, ровному труду. Они способны сдвинуть мир, если бы только это можно было сделать одним взмахом руки, но им ещё не достаёт той спокойной выдержки и того несокрушимого упорства, которые характеризуют тевтонскую расу.

Возвращаясь к предмету настоящей статьи, замечу, что помещикам южной части чернозёмной полосы приходится бороться со многими особенными затруднениями. Население в этой местности, как я уже говорил, очень редкое, и недостаток рабочих рук лишь отчасти восполняется рабочими, приходящими из северных губерний на летнее время. Для пашни и посева хватает местного населения; но во время жатвы всегда оказывается необходимость прианимать пришлых жнецов, а в те годы, когда урожаем бывает хороший, заработная плата возрастает до таких размеров, что помещику иной раз приходится сетовать на эту чрезмерную щедрость природы. Мне, по крайней мере, известен один случай, когда необычайный урожай был причиною разорения многих помещиков. Это случилось в 1868 г. в Самарской губернии. Хлеба уродилось столько, что уборка его обходилась приблизительно в девять рублей с десятины, а между тем наступившие вскоре дожди испортили сжатый хлеб, и деньги, потраченные на наём жнецов, пропали, таким образом, даром. Даже в те годы, когда дело обходится без неблагоприятных исключительных случайностей, расходы на уборку хлеба поглощают почти всю прибыль с сельского хозяйства. Чтобы оградить себя от этих колебаний в ценах на рабочие руки, многие помещики раннею весною отправляют своих агентов в северные губернии с поручением подрядить рабочих на жатвенное время за более умеренную плату. Эти агенты без труда находят на базарах крестьян, которые соглашаются на их условия, или же заключают с сельскими властями договоры о найме таких крестьян, за которыми числится

недоимка; но все эти старания, в конце концов, зачастую не приносят никакого практического результата. Нанятые рабочие не приходят вовремя или же, проработав несколько дней, уходят толпами, как только прослышат, что у соседнего помещика или в ближайшем уезде предлагаются более высокие цены. Обращение к властям в этих случаях почти бесполезно, так как, прежде чем последние успеют принять какие бы то ни было меры, чтобы принудить крестьян к исполнению их обязательств, удобное время для жатвы проходит, а взыскать с виновных вознаграждение за убытки нет, конечно, никакой возможности. Те господа, которые ищут лекарства от всевозможных зол исключительно в правительственных мероприятиях, думают, что в этой беде можно было бы пособить введением более сложной паспортной системы. Но разумные и энергичные люди между помещиками стараются придумать какое-нибудь более радикальное и действительное средство. И на такое средство они, по-видимому, уже напали. Приняв систему сеять часть пшеницы несколько ранее, а остальную часть позднее, и начав вводить у себя жатвенные машины, они уже добились того, что в настоящее время находятся в меньшей зависимости от пришлых жнецов из других губерний. Между тем местное население быстро возрастает, так что, по всем вероятностям, через несколько лет недостаток рабочих рук исчезнет сам собою.

Прежде чем закончить настоящую главу, я позволю себе представить те общие выводы, к которым я пришёл по вопросу о том, какое влияние оказало освобождение крестьян на благосостояние помещиков.

Помещики северной земледельческой полосы понесли вследствие отмены крепостного права серьёзные убытки и почти все побросали земледелие как занятие невыгодное. Немногие между ними в настоящее время опять принялись за сельское хозяйство, построенное на новых более рациональных началах. Вместо того чтобы стараться обрабаты-

вать как можно больше земли, не принимая в соображение количества затрачиваемого на неё труда, они ограничиваются обработкой сравнительно небольших участков, но при этом стараются возделывать эти участки хорошо. Некоторые из них утверждают, что система эта даёт им удовлетворительные результаты, но, кажется, барыши такого хозяйничанья слишком незначительны, чтобы привлечь многих подражателей, и я считаю наиболее вероятным, что пахотная земля в этой части страны перейдёт мало-помалу в руки крестьян, которые зачастую извлекают из нея хороший доход там, где помещик может заниматься сельским хозяйством лишь в убыток себе. Процесс подобного перехода уже начался, и он, без сомнения, подвигался бы ещё быстрее, если бы покупка небольших участков могла совершаться с меньшими формальностями и расходами.

Помещики же двух южных областей, напротив, не понесли, как мне кажется, никаких материальных убытков от освобождения крестьян, если только принять в расчёт все те экономические перемены, которые произошли со времени упомянутой реформы. Многие из них, безспорно, получают в настоящее время гораздо большую цифру дохода, чем во времена крепостного права. Те из них, которым удалось ввести необходимые перемены в своём хозяйстве, находят, что обработка земли посредством вольнонаёмного труда даёт хорошие барыши на затраченный капитал; те же помещики, которые не хотят заниматься сельским хозяйством, получают значительный доход от сдачи земли в аренду крестьянам.

Но при всём том надо сознаться, что даже в этих южных губерниях многие помещики имеют некоторое основание сказать, что освобождение крестьян разорило их. Прежде они жили в своих поместьях привольно и с удобствами или же жили в городах, получая с своих поместий значительный доход; теперь же вся их поземельная собственность продана с аукциона для удовлетворения

кредиторов. Факты этого рода с первого взгляда опровергают то, что было сказано несколько выше, но в действительности здесь нет никакого противоречия. Я никогда и не думал утверждать, что освобождение крестьян спасло безразсудных помещиков от последствий собственного их безразсудства. Во всём, что я говорил выше, я исходил из того предположения, что помещики во время освобождения крестьян не были обременены долгами, превышающими их состояние, и что они после освобождения придерживались в известной степени в своих поступках советов благоразумия и осторожности. Тех помещиков, которые не подходили под эти условия, я до сих пор вовсе не принимал в расчёт, а теперь ограничусь тем, что скажу о них лишь несколько слов. Пока существовало крепостное право с создаваемыми им крайне эластичными отношениями, многие помещики жили среди атмосферы неоплатных долгов, но умудрялись поддерживать свой прежний образ жизни, подобно несостоятельному купцу, который отсрочивает момент своего банкротства перепискою векселей и другими отчаянными средствами. Для этого рода людей освобождение крестьян, подобно кризису в коммерческом мире, было днём расплаты за все прошлые грехи. В сущности, освобождение не разорило их, но оно показало, что они разорены. Приблизительно в таком же положении находятся в настоящее время те помещики, которые благодаря той или другой случайности в момент освобождения крестьян ещё не были так запутаны в долгах, но после того жили неразсчётливо и свыше своих средств. Эти помещики тоже имеют некоторое основание жаловаться на совершившуюся перемену, так при существовании прежних эластических отношений они могли бы прожить свой век, окружённые всеобщим уважением, и умереть, оставив по себе добрую память, и так-таки не ознакомились бы с существованием такого неприятного учреждения, как конкурс по делам несостоятельных должников.

Всё вышесказанное само собою приводит нас к вопросу о том нравственном влиянии, которое имело освобождение крестьян. Но в рассмотрение этого обширного и многосложного вопроса я не могу здесь вдаваться. Голословными разсуждениями и избитыми общими местами я не намерен докучать читателю, а для основательного определения вышеупомянутого влияния я должен сознаться, что не имел случая запастись достаточным материалом путём личного наблюдения. Вообще, мне кажется, ещё не настало время для рассмотрения этого вопроса с нравственной точки зрения. Впрочем, одно благотворное нравственное последствие освобождения крестьян уже успело явственно сказаться: событие это заставило помещиков «привести свой дом в порядок» под страхом лишиться этого дома. Разрушив многочисленные преграды, защищавшие их от естественных последствий непредусмотрительности и безразсудства, оно понудило их обращать более внимания на простые, элементарные принципы, которые служат основой всякого благоустроенного, цивилизованного общества.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В. — ДЛЯ КРЕСТЬЯН

Простой вопрос. — Затруднительность ответа на него. — Разбитыя иллюзии. — Пессимистические взгляды. — Мнение самих крестьян. — Причины застоя. — Тройкое объяснение и три предлагаемая панацеи. — Нравственное лекарство против зла. — Предполагаемое преобразование общинных учреждений. — Крестьянские суды. — «Стесняющее влияние, приписываемое крестьянскому миру». — Подати и платежи за землю. — Распадение крестьянских семейств. — Несколько слов о вероятном будущем

В начале предшествующей главы я указал в общих чертах, как трудно определить в точности непосредственные последствия освобождения крестьян. Приступая в настоящей главе к разъяснению того влияния, которое эта важная реформа имела на крестьян, я чувствую, что подхожу к самой трудной стороне задачи. От иностранца, который желает составить себе лишь общее понятие о предмете, нельзя ожидать, чтобы он интересовался подробностями, и даже в том случае, если бы он взял на себя труд вникнуть в эти подробности, оне едва ли разъяснили бы ему действительное положение дела. Сельская жизнь и вообще экономическая организация в России отличаются такую своеобразностью, так мало похожи на то, что мы видим в Западной Европе, что даже самая обстоятельная данная о количестве земли, владимой крестьянами, о

размерах платежей, вносимых ими за эту землю, о производительности почвы, о ценах на хлеб и тому подобных предметах не дали бы англичанину ясного представления о современном положении русского крестьянина. К тому же заурядный читатель вообще не охотник до статистических цифр и до специальных подробностей. Он требует от писателя ясного, сжатого и догматического изложения общих результатов. Улучшилось ли материальное и нравственное положение крестьян после освобождения? – таков простой вопрос, который будет предложен мне большинством читателей и на который они, конечно, будут ждать от меня категорического ответа.

Казалось бы, что человеку, который прожил несколько лет в России и посвятил большую часть своего времени изучению поземельных отношений до и после освобождения крестьян, который имел множество случаев ознакомиться с официальными статистическими данными и расспрашивать как помещиков, так и крестьян в различных частях страны, – казалось бы, говорю, что такому человеку вовсе не трудно ответить в подобающем авторитетном тоне на вышеупомянутый вопрос. А между тем, невзирая на естественность и некоторую основательность такого предположения и на то, что исполнил все исчисленные условия, я должен сознаться, что не могу высказать решительного и окончательного мнения на этот счёт. Мало того, я смею думать, что и всякий другой, если он приступит к изучению этого предмета с надлежащею тщательностью и безпристрастием и будет основывать свои доводы не на разсуждениях *a priori*, а на фактах, добытых опытом, очутится, по всем вероятностям, в таком же затруднении, как и я. Что в юридическом положении крестьян произошла громадная перемена к лучшему и что перед ними открылись такие пути к материальному и духовному преуспеянию, о которых прежде и мечтать нельзя было, – в этом не может быть ни малейшаго сомнения. Но как скоро исследователь

хочет пройти далее и определить, насколько крестьяне воспользовались к собственному благу этими новыми открывшимися путями, он чувствует, что почва ускользает у него из-под ног. Там и сям ему попадаетея отдельное село или небольшой уезд, жители котораго, несомненно, живут в значительной степени лучше, чем прежде; но с другой стороны он видит сотни селений и множество уездов, в которых хорошия и дурныя последствия до такой степени перемешаны, что нет возможности прийти к какому-нибудь общему выводу.

Чтобы разрешить этот вопрос научным путём, нужно было бы иметь ряд полных и совершенно точных статистических данных об экономическом положении крестьян до и после освобождения. К сожалению, имеющийся в настоящее время статистический материал отличается, вообще говоря, неточностью и отрывочным характером; а тот отдел его, который относится ко временам крепостнаго права*, для настоящей нашей цели почти совершенно непригоден. Таким образом, мы вынуждены довольствоваться неопределёнными показаниями, основанными на общих впечатлениях или, другими словами, свидетельством тех лиц, которыя имели случай наблюдать крестьянскую жизнь. Авторитеты этого рода весьма многочисленны, так как сюда относятся все пожилые помещики, проводившие большую часть года в деревне; но показания этого рода свидетелей, на мой взгляд, не имеют той цены, которая им обыкновенно приписывается. Чтобы объяснить это, я должен сделать небольшое отступление.

Большинство русских, принадлежащих к образованному сословию, в настоящее время испытывает на себе действие разочарования. Во время освобождения крестьян они предавались самым необузданным ожиданиям. Они веровали со всею страстностью, на какую только способны новообращённые, что Россия открыла новый путь про-

---

* Я разумею таблицы, напечатанныя Редакционной комиссией.

гресса и что, вступив на этот путь, она избегнет действия всех тех жестоких экономических законов, которые так тяжело сказываются на положении рабочих классов Западной Европы, и оградит себя на веки от тех безчисленных социальных зол, от которых страдает Западная Европа. Полагали, что Россия, обеспечив крестьянам ту землю, которою они пользовались до освобождения, и оградив развитие общинных учреждений в смысле самоуправления, положила прочное основание будущему своему благополучию. Относительно будущности помещиков ещё допускались серьёзные сомнения, но что касается будущности крестьян, то она казалась вполне обеспеченной. Думали, что крестьяне сразу станут «с головы до ног» другими людьми; новое положение их должно было «развязать им язык и разбить заколдованный круг понятий, в котором они вращались»*. Как скоро они почувствуют себя свободными, они непременно начнут стараться улучшить своё положение; земледелие усовершенствуется, земли, остающиеся теперь в залежи, начнут обрабатываться, количество скота увеличится, старые пороки, которые были порождены крепостным правом и им же поддерживались, исчезнут, новые сельские учреждения будут способствовать развитию здоровой местной общественной жизни. Словом, ожидали, что освобождение крестьян моментально вызовет полный переворот в образе жизни и в характере сельского населения и что крестьянин разом делается трезвым, трудолюбивым, образцовым земледельцем.

Ожидания эти не оправдались. Прошёл год после освобождения, прошло пять лет, десять лет, а ожидаемое превращение всё ещё не наставало. Напротив, стали замечаться кое-какие некрасивые явления, которые совсем не входили в программу ожиданий. Крестьяне стали пить больше и ра-

---

* Выражения эти заимствованы мною из неизданного письма, которое вскоре после освобождения было писано одним помещиком, воображавшим, что он уже видит признаки совершающейся перемены.

ботать меньше*, а та общественная жизнь, которую породили общинные учреждения, оказывалась совсем не такого свойства, какое было желательно. «Горлопаны» приобретали на сходках весьма вредное влияние, а во многих волостях судьбы, избираемые из среды крестьян своими односельчанами, стали усваивать себе дурную привычку продавать свои решения за водку. Естественным последствием всего этого было то, что господа, питавшие черезчур уже розовые надежды, впали теперь в чрезмерное уныние и стали представлять себе дела в гораздо худшем виде, чем они были в действительности. Это уныние продолжает сказываться и до сих пор и налагает свой мрачный оттенок на ходячие мнения о современном положении крестьянства.

С другой стороны, те, которые не разделяли преувеличенных ожиданий и не сочувствовали освобождению крестьян в той форме, в какой оно было произведено, тоже склонны были, хотя и из других побуждений, разделять этот пессимистический взгляд на положение дел. В каждом некрасивом факте они видели подтверждение своих взглядов. Они всё это заранее предвидели, предсказывали и готовы были каждому встречному доказывать безумие такой меры, как предоставление крепостным крестьянам общинной земли и общинного самоуправления. Но правительство тогда их не послушало и предпочло внимать соблазнительным проектам мечтателей-социалистов. И вот, последствия вполне оправдали их предсказания. Крестьяне воспользовались свободой и новыми, дарованными им правами во вред себе и другим! Подобного рода филиппики зачастую приходится слышать в настоящее время, и в них, разумеется, звучит особенно горькая нота в тех случаях, когда лицо, раздражающееся перед вами этими филиппиками, испытало неудачу в своих попытках вести хозяйство с помощью

---

* Я отнюдь не берусь утверждать, что крестьяне действительно стали работать меньше и пить больше, но таково было и до сих пор остаётся общераспространённое убеждение в России.

вольнонаёмного труда и понесло убытки от небрежности или недобросовестности нанятых им крестьян.

Крайние «либералы» также имеют свои причины примыкать к хору этих сетований. Они желают, чтобы законодательство произвело дальнейшие улучшения в положении крестьян, а потому стараются изобразить существующее зло в возможно мрачных красках.

Таким образом, мы видим, что большинство образованного сословия в России так настроено в настоящее время, что расположено представлять положение крестьян и самому себе, и другим в весьма неблагоприятном свете. По этой-то причине я и считаю, что общераспространённые мнения об этом предмете не имеют той цены, которая им обыкновенно приписывается.

Но почему же в таком случае, могут мне заметить, не предложить этот вопрос самим крестьянам. Они, конечно, должны быть наилучшими судьями в своём деле. Кому же и знать как не им, улучшилось или ухудшилось их положение после отмены крепостного права? Пораспросив значительное число крестьян в различных местностях страны и связав воедино отрывочные сведения, добытые таким образом, можно бы было прийти к определённом и основательному выводу.

Таково было, признаюсь, и собственное моё мнение в то время, когда я только что приступил к исследованию вопроса; но едва я попытался приложить этот метод на практике, как тотчас же убедился, что он далеко не так верен, как я воображал. Во-первых, чрезвычайно трудно добраться до того, что действительно думает крестьянин. При всём своём добродушии и кажущимся простосердечии русский мужик отличается большою осторожностью, которая легко переходит в подозрительность, а раз его подозрения возбуждены, он, как я уже имел случай упоминать в одной из предшествующих глав, весьма мало стесняется требованиями правдивости. Так как русские крестьяне не

имеют никакого понятия о безкорыстной научной любознательности, то они весьма склонны подозревать у каждого постороннего человека, расспрашивающего их о таких делах, которые до него лично не касаются, какия-нибудь затаённые, недобрые цели. В этих случаях нетрудно заметить, что они тотчас же начинают держаться настороже и намеренно придают своим ответам возможно более неопределённый характер, чтобы предполагаемый недоброжелатель как-нибудь не обошёл их. Даже в тех случаях, когда приезжий человек не возбуждает в них подозрений или успеваеет отчасти развеять эти подозрения, он не может вполне полагаться на их слова, так как они нередко из желания угодить ему отвечают именно так, как по их предположению желательно их собеседнику. В этом мне не раз приходилось убеждаться следующим способом: я предлагал наводящие на ответ вопросы и получал от одного и того же лица самые противуречивые ответы.

Но смутность и неудовлетворённость крестьянских ответов не во всех случаях объясняется подозрительностью или желанием угодить собеседнику. Главная причина этой особенности, как мне кажется, лежит в том, что он и не может дать вам никакого определённого ответа. Необразованные люди редко пускаются в обобщения, не имеющие непосредственного, практического применения, и я убеждён, что весьма немногие между русскими крестьянами задавались вопросом: а что, лучше ли мне живётся теперь, нежели во времена крепостного права? Когда вопрос этот предлагается им посторонними, они чувствуют себя озадаченными. И надо сказать правду, нелегко сопоставить актив и пассив теперешнего и прежнего положения крестьян и вывести точный баланс, — за исключением тех немногих случаев, в которых помещик позволял себе вопиющия злоупотребления своей властью. Подати и оброки в настоящее время во многих случаях оказываются более обременительными, чем барщинная повинность, лежавшая на крестьянах во време-

на крепостного права. Если в то время крестьяне и были обременены многими плохо определёнными обязательствами, как-то: доставкой господского хлеба на рынок, заготовкою дров для господского двора, поборами яиц, кур, холста и т. п., – зато они пользовались и многими, столь же плохо определёнными преимуществами. Они могли в течение известной части года пасти свой скот на господской земле; они получали топливо, а иногда и брёвна для починки своих жилищ; иногда, в тех случаях, когда скотский падёж лишал их коровы, или конокрады уводили лошадь, помещик давал им в долг или дарил новую скотину взамен пропавшей; в голодные годы они тоже могли рассчитывать на помощь помещика. Всему этому теперь настал конец. Как тяготы, так и преимущества исчезли одновременно и уступили место строго определённым, нерастяжимым и неподдающимся ни в ту, ни в другую сторону легальным отношениям. Теперь за каждое полено дров, за каждое бревно, за каждый клочок земли для пастьбы скота им приходится уплачивать рыночную цену. Даром теперь ничего нельзя получить; на каждом шагу требуют плату. Падёт ли у крестьянина корова, украдут ли у него лошадь, он уже не может идти к помещику в надежде получить от него подарок или хоть безпроцентную ссуду, а должен, если у него нет наличных денег, обратиться к деревенскому ростовщику, который, по всем вероятностям, найдёт, что двадцать или тридцать процентов самая настоящая норма роста за деньги, даваемая в ссуду. В иных случаях даже приходится крестьянину платить деньги, ничего не получая взамен, например, когда его скот заберётся на господскую землю, – а такого рода случаи повторяются безпрестанно в стране, где изгородей и заборов почти не существует. В прежние времена, когда с ним случалась подобная беда, он отделялся головомойкой или лёгкой встрёпкой, о которой вскоре позабывал, а теперь ему приходится платить за потраву штраф, размеры которого весьма чувствительны для его кармана. Взвешивая всё это, а также другия

выгоды и невыгоды настоящего своего положения, крестьянин, понятным образом, сильно затрудняется прийти к какому-нибудь общему выводу, а потому он, быть может, и говорит совершенно искренно, когда на вопрос, лучше ли ему теперь живётся, чем в прежние времена, отвечает вам, почёсывая у себя в затылке с недоумевающим видом: «Как вам сказать? И лучше, и хуже!»

Но следует ли из этого, чтобы нам ничего более не оставалось, как махнуть рукою на этот вопрос, признав его неразрешимым, и перейти к какому-нибудь другому предмету? Отнюдь нет. То обстоятельство, что ответ на этот вопрос сопряжён с такими затруднениями, само по себе весьма знаменательно и указывает на то, что если в положении крестьянства и произошли какие-нибудь улучшения, то лишь весьма незначительные. Если бы произошла какая-нибудь крупная, решительная перемена к лучшему, то факт этот, конечно, был бы тотчас же замечен и сделался бы известен целому свету, и мы не видели бы, как мы видим теперь, что именно люди, обладающие наибольшим запасом данных для суждения об этом предмете, всего тщательнее воздерживаются от высказывания какого бы то ни было мнения на этот счёт. Очевидно, того преуспевания, которого ожидали для крестьян, не оказалось налицо; если положение их и улучшилось сколько-нибудь, то так мало, что улучшение это остаётся едва заметным. В виду этого нам не мешает вникнуть в причины такого застоя. Спрашивается, почему же освобождение крестьян не принесло тех благодетельных результатов, которых с полною уверенностью ожидали даже самые умеренные люди?

Мнения по этому вопросу сильно расходятся. Одни объясняют сказанное явление деморализацией крестьян, другие – недостатками общинной организации, третьи – особенностями тех экономических условий, в которых поставлены в настоящее время крестьяне. И сторонники каждого из этих мнений предлагают своё всеисцеляю-

щее средство. Приверженцы первого взгляда настаивают на нравственном воспитании народа; та группа, которая придерживается второго взгляда, требует уничтожения общинного землевладения и значительных перемен в существующей системе крестьянского самоуправления; наконец, третья группа признаёт наиболее настоятельную необходимость в следующих мерах: значительное уменьшение лежащих на крестьянах податей и платежей за землю, радикальное преобразование финансов и введение системы переселений в обширных размерах.

Все эти три группы, как мне кажется, ошибаются не столько в том, что оне утверждают, сколько в том, что оне упускают из виду или прямо отрицают, и что здесь мы имеем дело с таким вопросом, в котором всего уместнее было бы применение основнаго принципа эклектической философии. Разсматриваемое нами в настоящей главе явление есть, на мой взгляд, результат не одной какой-нибудь причины, а нескольких разнообразных причин, и потому зло не может быть устранено одним каким-нибудь лекарством. Я позволю себе изложить вкратце те соображения, на основании которых я так думаю.

Что крестьяне в значительной степени вредят своему материальному благосостоянию пьянством и непредусмотрительностью, в этом не может быть ни малейшаго сомнения. Сравнительно цветущее состояние некоторых деревень, населённых молоканами и старообрядцами и в которых пьянство не существует, а община пользуется правом деятельнаго нравственнаго контроля над отдельными своими членами, ясно свидетельствует, что более высокий уровень нравственности обеспечил бы и большую степень материальнаго благосостояния между крестьянами вообще. Если бы православная церковь обладала столь же действительными средствами для удержания крестьян от неумереннаго употребления спиртных напитков, как и те, которыми она удерживает их от употребления мясной пищи в течение

значительной части года, и если бы она в то же время могла внушить им некоторые несложные правила нравственности столь же успешно, как она внушила им уважение к церковным обрядам, то этим она, бесспорно, оказала бы им неоценимое благодеяние. Но такого результата, по крайней мере в настоящее время, нечего и ожидать. Значительное большинство приходского духовенства состоит из людей, неспособных к исполнению подобной задачи, а те немногие священники, у которых замечаются стремления этого рода, почти никогда не успевают приобрести заметную долю влияния над своими прихожанами*. Насколько преобразования, предпринимаемые в настоящее время в духовном ведомстве, изменят положение дел к лучшему, сказать трудно, но нельзя не сознаться, что пока незаметно никаких признаков, которые оправдывали бы оптимистический взгляд на будущее. Быть может, от школьного учителя можно ожидать больше, чем от священника, но пройдёт ещё много времени прежде, чем народное образование будет иметь возможность поднять до известной степени уровень народной нравственности. Первые результаты, которыми сказывается образование в крестьянской среде, как ни странно это покажется, нередко бывают как раз обратные. Если в целом селении только один или два крестьянина умеют читать и писать, они получают через это столько возможностей наддувать своих соседей, что весьма легко поддаются соблазну и пользуются своим знанием для предосудительных целей; таким образом, случается иногда, что наиболее образованный человек в деревне является в то же время и величайшим плутом. Факт этот иногда приводится противниками народного образования как довод, говорящий в их пользу, но, в сущности, он, напротив, говорит в пользу необходимости позаботиться о возможно быстром распространении образования среди народа. Когда большинство крестьян бу-

---

* Общераспространённое мнение, что русское приходское духовенство пользуется большим влиянием в народе, совершенно неосновательно.

дут уметь читать и писать, они будут представлять менее благодарную почву, чем теперь, для эксплуатации всякого рода пройдохами, а потому и соблазны к надувательству уменьшатся в соответствующих размерах.

Но не существует ли другого, не столь медленно действующего способа улучшить настоящее положение дел? Путь, ведущий к материальному благосостоянию посредством нравственного усовершенствования, быть может, и очень верный путь, но он всё-таки ведёт к цели уже слишком большим обходом. Забота об улучшении гигиенических условий бесспорно является наилучшим средством для ограждения здоровья и для уменьшения смертности; но при всём том иногда оказывается необходимым прибегать к лекарствам и даже к помощи хирурга. Спрашивается, не имеем ли мы и тут дела с таким случаем, в котором законодательный ланцет мог бы быть употреблён с пользою? Для разрешения этого вопроса нам необходимо проверить диагноз тех, которые стоят за законодательными средствами. Поэтому мы и перейдём ко второй из трёх вышеисчисленных групп.

Те, которые для уврачевания зла предлагают более или менее важные перемены в существующих общинных учреждениях, распадаются на две категории: одни объявляют, что корень зла лежит в настоящей организации общинного управления, другие же считают, что зло коренится в самом принципе общины. Разберём оба эти мнения одно за другим.

В то время, когда обсуждался вопрос об освобождении крестьян, большинство образованного класса в России прониклось фанатическою верою в чудодейственную силу местного самоуправления, основанного на ультрадемократических началах, и закон об освобождении крестьян был выработан под влиянием этой веры. Сельские общины получили почти полную автономию, и помещики были тщательно устранены от участия в административной и

судебной деятельности волости. Таким образом возникло странное явление – обширная система крестьянского самоуправления, тщательно ограждённая от влияния других сословий, – до того тщательно, что даже помещик, имение которого находится посреди волости, не имеет никакого голоса в общинных делах. Возлагались большие надежды на результаты этого оригинального учреждения, но надежды эти не оправдались, и в настоящее время некоторые влиятельные люди объявляют, что главною причиною настоящего неудовлетворительного положения крестьян следует считать именно этот своеобразный способ управления.

Что крестьянское самоуправление находится в далеко неудовлетворительном положении, этого не может не признать всякий беспристрастный наблюдатель. Наиболее трудолюбивые и состоятельные крестьяне стараются всеми способами избежать избрания в ту или другую общественную должность и оставляют, таким образом, управление в руках наименее достойных членов общества. При обыкновенном стечении дел деятельность крестьянского управления почти ни в чём не проявляется, в тех же случаях, когда данную местность постигает какая-нибудь беда, например, пожар или скотский падеж, власти оказываются апатичными и бессильными. Нередко волостной старшина спекулирует на деньги, собранные им с крестьян для взноса податей и платежей за землю; иногда случается, что у него не хватает средств пополнить истраченные таким образом суммы, и тогда крестьянам приходится платить вторично. Волостной суд зачастую бывает доступен влиянию водки и других форм подкупа, так что во многих местностях он совершенно утратил всякий нравственный авторитет, и у крестьян вошло в поговорку, что всякий, кто идёт в судьи, «берёт грех на душу». Сельские сходы тоже стали хуже, чем они были во время крепостного права. В то время домохозяев, – которые, не надо забывать, одни пользуются правом голоса при решении дел, – было

немного, все это были люди трудолюбивые, достаточные, и они держали ленивых и безпутных членов под строгим контролем; в настоящее время, когда многия семейства разделились и почти каждый совершеннолетний крестьянин стал домохозяином, общинные дела нередко решаются крикливым большинством, и при этом можно, почти наверное, добиться какого угодно решения угостив мир, то есть поставив ему известное количество водки. Мне не раз случалось слышать от стариков крестьян разговоры на эту тему, неизбежно заканчивавшиеся замечаниями следующего рода: «Не стало теперь порядка; народ избаловался, прежде при господах было лучше».

Все эти неурядицы весьма существенны, и я отнюдь не имею в виду смягчить их, но всё же я думаю, что зло далеко не так велико, как обыкновенно полагают. Общественное мнение в значительной степени поддается влиянию филиппик, на которых не скупятся помещики, задетые за живое какой-нибудь личной неприятностью и не имеющие возможности расправиться по-прежнему. Не раз мне случалось слышать от помещиков, что теперь нет никакой возможности жить в деревне, что скоро придётся строить укрепленные замки и многие другие речи в том же роде; между тем, невзирая на то, что я подолгу жывал в деревне, мне ни разу не случалось видеть ничего такого, что оправдывало бы подобныя преувеличенные уверения. Многие требуют от крестьянского управления того, чего никакое управление в мире не в состоянии дать, а потому весьма значительная доля тех жалоб, которых наиболее в ходу, не имеет никакого реального основания. Чтобы исполнить то, чего желают означенные помещики, понадобилось бы облечь волостных старшин или кого-нибудь другого из сельских должностных лиц тою же патриархальною властью, которою пользовались некогда помещики, что равнялось бы восстановлению как раз наихудшей особенности прежнего порядка вещей.

Правда, жалобы приходится слышать не от одних помещиков; старики из крестьян тоже нередко утверждают, что теперь стало меньше порядка, чем прежде. Но подобные уверения не следует принимать слишком буквально. Старики всегда бывают склонны жалеть о прошлом, — особенно если перемены, произошедшие в новейшее время, лишили их доли той власти, которою они пользовались, — и русские крестьяне не составляют исключения из этого правила. В своей борьбе с трудностями настоящего времени они склонны забывать невзгоды и дурные черты прошлого или же, сами того не замечая, представляют их в смягчённом свете. Что те жалобы, которые иногда приходится слышать от стариков на теперешние сельские сходы, страдают преувеличением, в этом меня убеждает, помимо общих соображений, нижеследующий факт: если бы управление делами крестьянских обществ действительно находилось исключительно в руках ленивых, негодных членов общины, то переделы земли в северной земледельческой полосе, где необходимо удобрять землю, производились бы очень часто, так как при переделе ленивый крестьянин имеет вероятие получить хорошо удобренный участок в обмен на тот, почву которого он истощил. Между тем, насколько простирались мои собственные наблюдения, я убедился, — и признаюсь, немало был удивлён этим фактом, — что ничего подобного не существует. Во всех или почти во всех общинах, осмотренных мною в этой части страны, оказалось, что общаго передела земель не производилось с самой отмены крепостного права. Было бы любопытно знать, насколько личные мои наблюдения совпадают с общим положением дел в этом отношении, но, к сожалению, до сих пор не собрано ещё статистических данных по сказанному вопросу.

Если даже допустим, что крестьянское самоуправление действительно так плохо, как говорят, то из этого ещё не следует, чтобы желательным было осуществление про-

ектов тех господ, которые предлагают его уничтожить. Некоторыя частныя изменения, быть может, и не мешает ввести в него по зрелом обсуждении дела, но от крутых перемен, я в том глубоко убеждён, не будет никакой пользы. В настоящее время ещё слишком рано осуждать эти учреждения, и уже, конечно, слишком рано произносить над ними смертный приговор. Крестьяне сразу получили самоуправление по выходе из крепостного состояния, и в те пятнадцать лет, которыя прошли с тех пор, они не могли вполне освоиться с новым своим положением*. Правильно действующее самоуправление не может народиться в такой короткий срок, – говорю намеренно «народиться», так как самоуправление, собственно говоря, нельзя создать путём законодательства. Всё, что законодательство может сделать, это – устранить препятствия и создать внешния формы; дух же, который придаёт жизнь этим формам, должен исходить от самага народа и вырабатывается лишь путём долгаго опыта. Опыт последних пятнадцати лет был далеко не бесплоден для русских крестьян. Многие из них вполне ясно сознают существующия дурныя стороны своего управления и искренно желают, чтобы оне были устранены. Это уже важный шаг на пути к улучшению, так как средства исправить зло всегда находятся под рукою. Так, например, после того, как окажется, что волостной старшина не внёс в казначейство часть сумм, собранных для уплаты податей, и крестьянам вследствие этого придётся платить вторично, они, можно поручиться, в следующий раз потребуют, чтобы старшина показал им квитанции, выданныя ему из казначейства. Русский крестьянин тяжёл

---

* На это мне могут возразить, что крестьяне всегда пользовались известною долею самоуправления. Это совершенно справедливо; но в течение того долгаго периода, когда они были подчинены власти помещиков, с одной стороны, и надзору администрации – с другой, «мир» потерял зачительную долю своей самостоятельности. В помещичьих имениях он почти всегда находился под контролем помещика или его управляющаго, а у крестьян государственных – под контролем чиновников.

на подъём там, где дело идёт об отвлечённых принципах нравственности, но как скоро он убеждается, что то или другое административное злоупотребление прямо отзывается на его кармане, обычная его апатичность в значительной степени утрачивается. Поэтому мне кажется, что было бы гораздо лучше предоставить крестьян самим себе и дать им извлечь из собственного опыта те уроки, которые нельзя получить никаким иным путём.

Нередко приходится слышать, что теперешняя организация является неодолимой преградой цивилизирующему влиянию образованных классов; но довод этот не может иметь особенного веса в глазах тех людей, которые близко знакомы с закулисными подробностями русской деревенской жизни. Всякий помещик, который способен и желает оказывать цивилизирующее влияние на своих необразованных соседей, не нуждается для этого в административной власти, те же, которые не могут приобрести подобного влияния личными своими усилиями, по всем вероятностям могли бы только злоупотреблять предоставленной им властью. Помещики в течение целого ряда поколений пользовались неограниченною властью над своими крепостными, однако нельзя сказать, чтобы цивилизирующее влияние их было особенно заметно. Дело в том, что подобного рода уверения высказываются теми господами, которые находят, что недурно бы заручиться означенным влиянием, но не желают утруждать себя, чтобы приобрести его естественным и законным путём. Это один из многих образчиков той злополучной склонности, так часто встречающейся в России, возлагать все надежды на законодательные постановления и административные мероприятия, вместо того чтобы полагаться на личные усилия и на самопомощь.

Всякая крутая перемена в существующих учреждениях была бы, на мой взгляд, не только бесполезна, но и сопряжена с большими опасностями. В пояснение своей мысли я могу указать на волостные суды, которые во мно-

гих местностях являются наихудшей стороной крестьянского самоуправления.

Во времена крепостного права многие общины выбирали судей из среды своих собственных членов, но в большинстве поместий споры разрешались самим помещиком или его управляющим, и мелкие проступки уголовного свойства наказывались тою же властью. После освобождения крестьян были созданы волостные суды с судьями из крестьян по образцу тех учреждений этого рода, которые до этого существовали у крестьян государственных имуществ. Неудовлетворительное положение этих судов и способы к их исправлению являются одним из тех многочисленных «вопросов», которые с жаром обсуждаются в настоящее время. Многим реформаторам вопрос этот представляется очень простым. Слыша со всех сторон о несостоятельности и продажности этих судов и о том, что мировыми судьями, напротив, все довольны, означенные реформаторы предлагают без дальнейших околичностей уничтожить волостные суды и передать дела, подлежащие в настоящее время их ведению, мировым судьям. Такой способ разрешения вопроса, быть может, и очень прост, но зато он весьма неудовлетворителен. Волостные суды руководятся в своих решениях исключительно обычаем, перешедшим по преданию, и простым здравым смыслом, между тем как мировой судья должен судить на основании гражданских законов, которых крестьяне не знают и которые не применимы к их быту. Между мировыми судьями едва ли найдутся такие, которые были бы настолько знакомы со всеми мелочными подробностями крестьянской жизни, чтобы решать по справедливости дела, поступающая на обсуждение волостных судов; и, если бы даже мировой судья обладал достаточными сведениями в этом отношении, он не в состоянии усвоить себе нравственные и юридические понятия крестьян. Понятия эти нередко сильно расходятся с теми, которые существуют у

образованного класса. Так, например, в делах, касающихся отдельного жительство супругов, всякий образованный человек естественно предполагает, что если возникает вопрос о выдаче содержания одной стороной другой, то содержание должно выдаваться мужем жене. Крестьянин, напротив, столь же естественно предполагает, что содержание должно выдаваться женой мужу, или вернее домохозяйину, в вознаграждение за ту потерю рабочей силы, которую она, уходя, причиняет хозяйству. Можно бы указать и многия другия подобныя особенности, свойственныя юридическим понятиям крестьян.

Но, возражают реформаторы школы Петра Великаго, почему бы нам не применить к крестьянам те высшие принципы правосудия, которые выражены в писанном законодательстве и существуют в сознании образованных классов? Между тем именно в этом-то, на мой взгляд, и заключается опасность. Если бы писанный закон был круто применён к той сфере отношений, в которой до сих пор руководящим началом являлся обычай, это вызвало бы целый переворот в нравственных понятиях крестьянина и завершило бы тот процесс, которым подкапываются и ниспровергаются его понятия о добре и зле, – процесс, и без того уже достаточно подвинувшийся вперёд. Не может быть ни малейшаго сомнения в том, что нравственная распушенность и дряблость, замечающияся в низших сословиях в России, являются до известной степени результатом тех насильственных преобразований, которыя за последния два столетия так часто предпринимались в России. Список этих крутых мер и без того уже достаточно длинён, и нет надобности присовокуплять к нему ещё уничтожение волостных судов и применение писанного законодательства ко всем крестьянским делам*.

* На это мне, быть может, возразят, что волостные суды введены лишь в недавнее время. Это правда; но обычное право, на котором основываются их решения, весьма старо. Оно выражает собою концентрированный опыт длиннаго ряда поколений.

Теперь разберём мнение тех, которые утверждают, что главным препятствием к материальному преуспеянию крестьян являются не просто злоупотребления общинной администрации, а самые принципы общинных учреждений. Крепостное право, говорят сторонники этого взгляда, уничтожено лишь номинально. В прежние времена крестьянин был крепостным помещика; теперь же он стал крепостным общины. Он по-прежнему прикреплен к земле и не может отлучиться из дому даже на короткое время, не заручившись от общины формальным разрешением, за которое ему нередко приходится платить ни с чем не сообразную сумму. Если он приискал себе выгодное занятие в городе или в какой-нибудь другой местности империи, община может каждую минуту и под самым пустым предлогом вытребовать его домой; если же он не послушается его приказания, то его вернут под конвоем, как преступника. Он получает долю общественной земли, но он не имеет никакого интереса улучшать эту землю, так как он знает, что община не нынче-завтра может предпринять передел земли, и тогда труд, который он потратил на свой участок, пропадёт даром.

Я не могу вдаваться здесь в обсуждение щекотливого вопроса о преимуществах и неудобствах общинного владения вообще, но постараюсь по возможности очистить занимающий нас вопрос от той путаницы понятий, которая его затемняет. Большинство тех господ, которые пишут и толкуют об этом предмете, упускают из виду тот важный факт, что община не везде имеет один и тот же характер и значение. В чернозёмной полосе, где ежегодные платежи за землю ниже нормальной доходности земли, принадлежность к общине является преимуществом; в северной же земледельческой полосе, где повинности превосходят нормальную доходность земли, принадлежность к общине составляет, напротив, бремя. Нельзя не признать, что в северной полосе община действительно заняла место преж-

них помещиков и удерживает своих членов в состоянии, близком к крепостной зависимости; но по справедливости следует добавить, что не община в этом виновата; так как она считается ответственной за все подати и повинности, лежащая на ее членах, а размеры этих податей и повинностей превышают те выгоды, которые она в состоянии дать, то она понятным образом поставлена в необходимость силою удерживать своих членов, не справляясь о том, желают ли они сохранить за собою землю или нет. Словом, община в этой части страны превратилась в сборщика податей и вынуждена прибегать к строгим принудительным мерам, так как подати тяжелы, а она ответственна за их взнос. Таким образом, так называемая тирания общины должна быть отнесена не на счёт общины, которая тут является лишь простым орудием в руках финансовой администрации, а на счёт закона об освобождении, который косвенно обязал крестьянина этой местности выкупом за личную его свободу, придав этому выкупу форму платежей за землю, которая была отведена ему без его согласия. В чернозёмной полосе, где повинности не превышают нормальную доходность земли и где, вследствие этого, община имеет более характер добровольной ассоциации, почти не слышно жалоб на тиранию общины. Здесь каждый член, желающий отлучиться, легко может передать свой надел и лежащая на последнем повинности кому-нибудь из соседей, которые нуждаются в большем количестве земли, чем сколько у них имеется. Он может даже, если пожелает, совсем выйти из общины и приписаться в мещанское сословие того или другого города, остальные члены общины охотно возьмут на себя уплату его повинностей за ту долю земли, от которой он отказывается. Таким образом, мы видим, что значительная часть тех обвинений, которые взводятся на общину, относятся по справедливости к той системе повинностей, которая была установлена. Как бы не был обременителен и непопулярен данный налог, не-

справедливо было бы винить сборщика податей за то только, что он исполняет свою обязанность, особенно если эта обязанность была возложена на него против его воли.

Затем нам остаётся ещё разрешить трудный вопрос о том, насколько право собственности на землю, принадлежащее общине, и периодические переделы земли, обусловливаемые этим правом, стесняют свободу действий крестьянина в обработке его участка и отнимают у него всякую охоту улучшать почву этого участка. С теоретической точки зрения вопрос этот представляет большой интерес, а в будущем он, без сомнения, приобретёт и громадное практическое значение, но в настоящее время, на мой взгляд, он не имеет той важности, которую ему обыкновенно приписывают. Не подлежит сомнению, что хорошо обрабатывать значительное число узких полос земель, часть которых находится на далёком расстоянии от усадьбы, гораздо труднее, чем обрабатывать один сплошной участок, который может быть разделён и применён к тому или другому употреблению по усмотрению лица, хозяйничающего на нём. Несомненно также, что земледелец будет охотнее вводить улучшения на земле, относительно которой он уверен, что она останется в его пользовании, или что он, в случае она будет у него отнята, получит подобающее вознаграждение за затраченный труд и капитал. Всё это, вместе со многими другими соображениями этого рода, мы должны признать за бесспорные истины, но дело в том, что истины эти не имеют непосредственного практического отношения к рассматриваемому нами теперь вопросу. Мы разбираем не отвлечённый вопрос о том, не лучше ли было бы для крестьянина быть сельским хозяином, располагающим достаточным капиталом и всеми новейшими научными приспособлениями, а просто практический вопрос о том, какие препятствия мешают крестьянину в настоящее время улучшить своё положение? Постараемся же остаться в пределах нашего вопроса.

Находят, что община двояким образом оказывает задерживающее влияние на успехи земледелия: во-первых, она мешает вести хорошую обработку земли по существующим способам; во-вторых, она мешает крестьянам предпринимать улучшения почвы, рассчитанные на долгий срок, и переходить к высшим способам культуры. Сопоставим оба эти положения с указаниями опыта.

Что касается предположения, будто община мешает крестьянам перейти к тем или другим усовершенствованным способам земледелия, то оно едва ли заслуживает серьёзного опровержения. Крестьяне пока и не помышляют о переменах этого рода, а если бы они и помышляли, то у них нет для этого ни необходимого знания, ни капитала. Во многих селениях некоторые из наиболее богатых и умных крестьян прикупили участки земли, которые они обрабатывают по своему усмотрению, будучи тут вполне свободны от всех стесняющих влияний общины, а между тем, насколько я мог заметить, участки эти обрабатываются ими совершенно так же, как и принадлежащая им доля общинной земли. Если даже между этими людьми, которых мы можем вообще принять за наиболее развитых, трудолюбивых и энергичных представителей крестьянского сословия, не проявляется ещё стремления перейти к высшим формам культуры, то мы имеем полное право заключить, что остальным и в голову не приходила мысль о подобном переходе. Что же касается менее важных перемен, как, например, разведение той или другой новой породы растений, то нам известно из опыта, что «мир» никогда не ставит серьёзных препятствий этого рода нововведениям. Так, за последние годы в центральных и юго-западных губерниях значительно усилилось разведение свеклы для свеклосахарного производства; равным образом в настоящее время во многих местностях северных губерний значительные пространства земли засеваются льном, тогда как в прежнее время лён возделывался лишь для домашнего

употребления. Дело в том, что общинная система землевладения чрезвычайно растяжима и видоизменяется почти до бесконечности, лишь бы большинство членов признали такое видоизменение выгодным. Когда крестьяне начнут помышлять об улучшениях, рассчитанных на долгий срок, как, например, дренаж, искусственное орошение и т. п., то общинные учреждения окажутся для них скорее подмогою, чем препятствием, так как подобные улучшения, раз уже приступают к ним, должны быть предпринимаемы в обширных размерах, а мир является уже готовою ассоциацией. Единственное крупное улучшение, возможное в настоящее время, это обработка пространств земли, оставшихся до сих пор невозделанными, и улучшения этого рода иногда предпринимаются. Мне, по крайней мере, известен один случай, в котором сама община* при помощи наёмных рабочих подняла под пашню обширное пространство нови. Крестьянский мир не стесняет в этом отношении инициативу и отдельных лиц. Во многих общинах северных губерний одним из принципов обычного права признаётся, что если какой-нибудь член общины возделает пространство земли, остававшееся до этого необработанным, то участок этот остаётся за ним в течение известного числа лет, соответствующего количеству затраченного им труда.

Но не мешает ли общинная организация в том виде, в каком она существует, хорошей обработке земли на основании общепринятых методов?

Способ обработки, наиболее обыкновенный в России, за исключением дальнего севера и степной полосы, где земледелие отличается некоторыми особенностями, называемыми местными условиями, есть трёхпольная система в простейшей её форме. При этой системе хорошою обработкою, практически говоря, следует считать достаточное удобрение земли. Спрашивается, мешает ли крестьянам существование «мира» удобрять отведённые им поля?

---

* Село Коприно в Ярославской губернии.

Многие господа, разсуждающие об этих вещах в авторитетном тоне, воображают, по-видимому, что крестьяне вовсе не удобряют своих полей. Такое представление крайне ошибочно. Правда, в тех местностях, где богатая чернозёмная почва до сих пор сохраняет значительную часть своего первобытного плодородия, навоз употребляется как топливо или же просто бросается, так как крестьяне считают, что свозить его на поля совсем не полезно, и это их убеждение подтверждается, по крайней мере, отчасти опытом. Но в северной земледельческой полосе, где неудобренная земля не даёт почти никакого урожая, крестьяне свозят на свои поля почти всё то количество навоза, какое у них имеется. Если же поля при этом оказываются недостаточно удобренными, то это объясняется тем, что у крестьян мало скота, а потому и не хватает навоза. В промежуточной области между двумя сказанными полосами, в которой почва быстро теряет своё естественное плодородие, крестьяне продолжают бросать навоз, невзирая на то, что он мог бы принести им пользу, если бы употреблялся ими для удобрения полей; но это, очевидно, объясняется незнанием и силою рутины; существование общины не имеет никакого отношения к этому факту. Многие помещики в этой местности поступают столь же безразсудно. Как скоро крестьяне убеждаются, что унавоживание полей с избытком окупает лишний труд, затрачиваемый на это дело, они тотчас начинают удобрять и свои поля, и если это оказывается выгодным для них, то продолжают придерживаться этого обычая и на будущее время.

Но говорят, что крестьяне северных губерний держали бы больше скота и клали бы более удобрения на свои поля, если бы не опасались несправедливостей со стороны общины.

Отвечая на это возражение, я должен, прежде всего, пояснить, что, собственно, подразумевается под несправедливостью со стороны общины в данном случае. Существо-

ют две случайности, опасение которых, как предполагают, удерживает крестьянина от увеличения численности своего скота. Во-первых, часть его домашнего скота может быть продана с аукциона полицией за недоимки, числящиеся на общине, хотя бы сам он и уплатил свою долю податей и повинностей; во-вторых, община может произвести передел земель и отдать какому-нибудь другому члену тот участок или ту полосу земли, которая тщательно удобрялась прежним хозяином в течение нескольких лет.

Первая часть этих случайностей иногда бывает и должна, конечно, оказывать некоторое задерживающее влияние на тех крестьян, которые желали бы увеличить число голов своего скота; но здесь опять-таки виновата не община, а существующая финансовая система. Подобные конфискации частного имущества за долги, лежащие на сельском обществе, происходят и в Малороссии, хотя там общины в великорусском значении этого слова не существует.

Вторая случайность служит любимым оружием тех лиц, которые желают уничтожения общины; но, как мне кажется, она в гораздо меньшей степени влияет на крестьян, чем обыкновенно предполагают. Чтобы придать этому оружию полную его силу, предположим заодно с теми, которые им пользуются, – хотя такое предположение и отзывается сильной натяжкой, – что большинство крестьян лишены всякого чувства справедливости, что в крестьянской общине о добросовестности нет и помину и что большинство ее членов во всякую минуту готовы ограбить меньшинство, как скоро это представляется выгодным для них самих. Словом, откинем всякия нравственные соображения и ограничимся только фактами. Что же говорят нам эти факты? В южных губерниях, где нет надобности удобрять землю, периодические переделы земель происходят чуть не ежегодно; по мере того как вы подвигаетесь на север, вы видите, что сроки переделов удлиняются, и наконец в северной земледельческой полосе, где удобре-

ние необходимо, переделы почти неизвестны. Так, например, в Ярославской губернии общинная земля обыкновенно делится на две части: удобренная земля поблизости от селения и не удобренная земля, лежащая несколько далее. Частым переделам подвергается лишь эта последняя. Что же касается удобренной земли, то участки ее перераспределяются лишь в редкие промежутки времени, и в тех случаях, когда оказывается необходимым нарезать участок новому домохозяину, то стараются сделать это с возможно меньшим ущербом для прав прежних хозяев.

Те лица, которые видят в крестьянской общине серьёзное препятствие к осуществлению экономического прогресса в среде сельского населения, могут быть распределены на две категории, смотря по тем средствам, которые они предлагают для уврачевания зла. Одна категория считает, что самый принцип общинного владения должен быть уничтожен и что общинную землю следует раздробить на известное число участков, соответствующее наличному числу домохозяев. Другие предлагают сохранить пока общину, но регулировать ее деятельность известными законодательными постановлениями.

Оба эти предложения, на мой взгляд, ошибочны. Крутое уничтожение общинной собственности вызвало бы экономический переворот, по сравнению с которым освобождение крестьян оказалось бы ничего не значущею перестановкою, а в таком перевороте, как мне кажется на основании вышеизложенных соображений, в настоящее время нет ни малейшей надобности. Я не разделяю взглядов тех господ, которые считают, что община способна навсегда предотвратить возникновение пролетариата, и того менее могу согласиться с теми фантазёрами, которые видят в ней панацею от всевозможных социальных зол. Напротив, я думаю, что периодические переделы земель, которые в настоящее время составляют одну из самых существенных ее особенностей, со временем, по всем вероятностям, исчезнут.

Но было бы грубою ошибкою производить внезапно и насильственно то, что произойдёт постепенно вследствие естественного течения вещей. В этом деле естественными компетентными судьями являются сами крестьяне, так как они одни практически знакомы с тем, как действуют общинные учреждения; а между тем в крестьянской среде почти нет сторонников отмены общинного землевладения. Каждая община уже имеет и в настоящее время право делить землю на участки и увековечивать пользование каждым из этих участков за одним каким-нибудь семейством; между тем весьма немногие общины, за исключением тех, которые получили «сиротский надел», выказали до сих пор желание воспользоваться этим правом.

Предложение регулировать деятельность общины посредством законодательных постановлений, на мой взгляд, почти столь же несостоятельно, как и предыдущее. Само собою разумеется, придёт время, когда традиционные понятия, заправляющие в настоящее время действиями общины, окажутся недостаточными и понадобится дополнить обычное право изданием положительных законов. Но время это ещё не настало. Общинные учреждения ещё обладают такою жизненностью, что не нуждаются во внешнем руководстве. Община сама понимает свои интересы гораздо лучше, чем те, которые порываются издавать для нея законы, и она имеет полную возможность произвести сама в своей организации и своём способе действий те изменения, какия сочтёт для себя полезными. Что она для чистокровных бюрократов является бельмом на глазу, это понятно, так как она единственное учреждение на Руси, которое устояло против парализующаго действия административной опеки, — единственное учреждение, имеющее в себе самом источник самобытной, независимой жизни и не требующее для поддержания своего существования гальванизирующаго воздействия центральной власти; но странно видеть людей, которые воображают себя приверженцами самоуправ-

ления, а между тем употребляют всевозможные усилия, чтобы разрушить единственный образец действительного самоуправления, существующий на Руси. Все другие органы самоуправления в России имеют искусственный характер и скорее орнаментальное значение, и та самая власть, которая создала их, могла бы и упразднить их, не вызывая этим серьёзного нарушения существующих отношений; одна только сельская община пустила глубокие корни в преданиях, привычках и обыденных интересах народа. Повторяю, крестьяне являются наиболее компетентными судьями в этом вопросе, а они имеют основательные причины молить Бога, чтобы Он оградил их от непрошенных друзей и самозванных защитников вышеозначенного типа.

Перехожу теперь к третьей группе критиков, порывающихся быть в то же время и практическими реформаторами; группа эта состоит из людей, считающих, что главным препятствием к увеличению материального благосостояния крестьян является то экономическое положение, в которое они поставлены правительством. Те, которые придерживаются этого взгляда, находят, что наилучшим лекарством против зла было бы радикальное преобразование ныне действующей финансовой системы, а также организация переселения в более плодородные и менее густонаселённые части страны. Этот взгляд, замечу мимоходом, пользуется наибольшею популярностью, да и не мудрено, так как он представляет задачу делом крайне простым, а её разрешение – легко доступным. Кроме того, он представляет ещё одну особенность, предрасполагающую русские умы в его пользу: придерживаясь сказанного взгляда, весьма удобно свалить всю вину на правительство и ждать от правительства устранения зла.

Чтобы основательно рассмотреть вопрос о том, насколько ныне действующая финансовая система вообще и существующий способ взимания податей в частности пагубно отзываются на благосостояние крестьян, понадо-

билось бы написать целый том. Здесь я и не намерен приступать к разрешению этой задачи. Всё, что я могу сделать при том ограниченном пространстве, которым располагаю, это – представить несколько объяснений, которые, быть может, развеют немного туман, обволакивающий этот вопрос в представлении большинства.

Прямые налоги, принимая это слово в наиболее широком его значении, которые лежат на крестьянах, распадутся на две категории – налоги в собственном значении этого слова и платежи за землю. Эти два разряда платежей нередко смешиваются, – и я имею причины подозревать, что делается это намеренно, – но необходимо делать строгое отличие между ними.

Налоги в собственном значении этого слова могут быть подразделены на три категории: государственные подати, местные налоги и общинные сборы. Первый разряд налогов определяется государством, второй – земством, то есть местным выборным управлением, а третий – самой общиной. Все три разряда, взятые вместе, составляют около 9 рублей 50 копеек с души мужеского пола, так что если примем две с половиною мужских души за среднюю норму для каждого семейства, то выйдет, что средний размер прямых налогов, падающих на каждое семейство, составляет около 23 рублей 75 копеек, что для громадного большинства крестьянских семейств является тяжёлым бременем.

Что касается платежей за землю, то их, собственно говоря, нельзя назвать налогами, так как крестьянин получает за них право пользоваться известным участком земли. Но надо сознаться, что они в известном отношении имеют характер налога, так как они не были определены путём любовного договора, а были навязаны крестьянам вместе с землёю без их согласия. В некоторых частях страны, как я уже объяснял, это «навязанное» условие составляет преимущество, в других же оно является бременем. В первом случае, то есть там, где нормальная доходность земли

превышает взносимые за неё платежи, крестьянин может освободиться от платежей, отказавшись от земли; в тех же местах, где платежи превышают нормальную доходность земли, он не может освободиться от них сказанным способом, так как ни община, ни кто-либо из отдельных ея членов не примут добровольно его участок на этих условиях. Поэтому мы имеем основание принимать за налог ту часть платежей за землю, которая окажется за вычетом суммы, представляющей нормальную доходность земли. Так, например, если мы видим, что крестьянин платит за свою долю в общинной земле восемнадцать рублей, между тем как нормальная рента за этот участок не превышает десяти рублей, то мы смело можем принять остальные восемь рублей за чистейший налог.

В южной земледельческой полосе, говоря вообще, этого излишка не существует. Земля действительно приносит больше, чем взносимые за неё платежи, а потому последние и не могут считаться налогом. Если крестьянин желает освободиться от них, он без малейшаго затруднения может передать свой надел общине или кому-нибудь из отдельных членов последней. В северной же земледельческой полосе, напротив, мало попадается местностей, в которых крестьянин мог бы избавиться таким образом от лежащих на нём платежей, так как они почти всегда превышают нормальную ренту, а потому значительная часть этих платежей и должна быть признаваема за налог. Если эту часть платежей за землю присовокупить к налогам в тесном значении этого слова, то получится весьма крупная сумма, настолько крупная, что уплачивать её не под силу крестьянам, живущим одним только земледелием. До тех пор, пока приходится уплачивать ежегодно эту сумму, крестьяне не имеют возможности улучшить материальное своё положение. Мало того, положение их, очевидно, ухудшается, так как официальные статистические данные показывают уменьшение численности скота

в этих местностях, а известно, что чем меньше у крестьянина скота, тем хуже удобряются поля и тем скуднее становится урожай.

Таким образом, есть известная доля правды в словах тех, которые утверждают, что тягость податей является одною из главных препятствий на пути к преуспеянию крестьян, – особенно в северной земледельческой полосе. Но нет ли какой-нибудь другой, более общей причины, действующей одинаково во всех местностях империи? Нет ли в современном экономическом положении крестьян такой особенности, которая сильно мешает их дальнейшему преуспеянию? Я думаю, что такая причина существует, и попытаюсь объяснить её.

Во времена крепостного права крестьянские семьи, как я уже упоминал, были очень многочисленны. Они не делились, частью потому, что сами находились под влиянием патриархальных понятий, а главным образом потому, что помещики, заметив экономическую выгоду больших семейств, не позволяли им распадаться на несколько независимых хозяйств. Как скоро власть помещика была устранена, процесс распада начался и быстро стал развиваться. Каждый желал пользоваться независимостью, и в скором времени каждый способный к работе женатый крестьянин обзавёлся собственным домом. О влиянии этого факта на общинное самоуправление я уже имел случай говорить; влияние его на экономическое положение крестьян оказывается ещё более пагубным. Постройка и содержание двух–трёх домов вместо одного естественным образом влечёт за собою много лишних расходов; не надо также забывать, что многия несчастныя случайности, которым многочисленное семейство легко может противустоять, неизбежно разоряют небольшое семейство. Но всё это ещё не самая худшая сторона дела. Чтобы понять вполне вредное влияние семейных разделов, необходимо рассмотреть этот факт в связи с положением 19 февраля.

Положение это наделило крестьян землёю в таком количестве, которое было ниже действительной потребности их, а потому крестьянин, владеющий лишь тем наделом, который достался ему по закону, имеет слишком мало земли для приложения своей рабочей силы и для извлечения необходимого дохода. Если бы семьи были многочисленны, трудность эту легко было бы преодолеть. Один член семьи, вместе со своей женою и жёнами своих братьев и при помощи наёмного работника на время жатвы, легко мог бы обработать весь участок, приходящийся на долю семейства, между тем как остальные члены отправлялись бы на заработки в другое место и присылали или приносили бы домой деньги для уплаты податей и для покрытия необходимых денежных расходов. Там, где каждый способный к работе мужчина является главою независимаго хозяйства, такого рода комбинации становятся, конечно, невозможными. Каждый домохозяин должен либо оставаться дома, либо возложить обработку своего надела на жену свою. В первом случае у него остаётся много свободного времени, которое пропадает даром, если только он не имеет возможности принанять землю по соседству за умеренную цену; в последнем же случае можно почти поручиться, что урожаи будут плохие, так как женщина редко может так же хорошо возделывать землю, как мужчина, даже если у нея нет домашних обязанностей на руках. Во многих местностях необходимость принанимать землю в ближайшем соседстве от селения вынуждает крестьян платить за арендуемые ими участки такие цены, которые по справедливости могут быть приравнены к тому, что в Англии известно под названием «guck-rents»*.

О том, какие способы могут радикально излечить все исчисленные мною формы зла, я не берусь высказать опре-

---

* То есть лихвенная рента, – когда землевладелец, пользуясь нуждою обезземеленного населения, старается выжать из арендатора всё, что он может заплатить. (Прим. пер.)

делённого мнения, но думаю, что многое можно было бы сделать тщательным пересмотром финансовой системы и в особенности существующих платежей за землю. Вдобавок к этому не мешало бы организовать систему переселений в обширных размерах, что дало бы возможность переместить часть крестьян со скудной почвы северных и западных губерний на плодоносные земли восточных губерний.

Таковы те выводы, к которым я пришёл относительно теперешнего экономического положения освобождённых крестьян. Выводы эти являются результатом долгих и тщательных исследований, но я должен предостеречь читателя, чтобы он не придавал им большого значения, чем то, какое подобает личному мнению безпристрастного наблюдателя.

А теперь скажу несколько слов относительно вероятного будущего. Мне кажется, что существует меньше оснований для мрачного взгляда на будущее, чем обыкновенно полагают. В России в настоящее время совершается великий экономический переворот, и она страдает теми болезнями, которые неразлучны со всяким переходным периодом. Судя по тому смелому и, вообще говоря, успешному ходу, который она успела придать трудному делу освобождения крестьян от крепостной зависимости, мы имеем достаточно вероятный предположить, что она в своё время успешно преодолеет и те аграрные трудности, с которыми ей в настоящее время приходится бороться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

НОВЫЕ СУДЫ

Судопроизводство в прежнее время. — Недостатки и злоупотребления. — Коренная реформа. — Новая система. — Мировые судьи и съезды. — Общие суды. — Кассационный суд. — Видоизменение первоначального плана. — Как действует система? — Быстрое ее усвоение. — Судьи. — Адвокаты. — Суд присяжных. — Оправдание преступников, сознающихся в содеянном преступлении. — Крестьяне, купцы и дворяне в качестве присяжных заседателей. — Независимость и политическое значение новых судов

После крестьянского вопроса предметом, наиболее настойчиво обращавшим на себя внимание преобразователей, было судебное устройство, обретавшееся в состоянии порчи и разстройства, которое трудно описать.

В старинное время отправление правосудия в России, как и в других первобытных странах, носило вполне народный характер. Государство было ещё в младенчестве, и забота об ограждении личности, собственности и прав отдельных граждан по необходимости лежала преимущественно на самих гражданах. Основанием судопроизводства служила самопомощь, а государство только способствовало отдельным лицам отстаивать их права и отомстить тому, кто умышленно нарушал их.

С быстрым развитием самодержавной власти весь этот порядок изменился. Самодержавие старалось двигать и управлять государственною машиною своими собственными усилиями, без чужой помощи, и на всякое самостоя-

тельное действие народа взирало с ревностью и недоверием. Центральная власть, и без того поглощённая делом управления, присвоила себе, таким образом, и отправленные правосудия и тем изъела оное из-под общественного контроля. Фемида удалилась с площади и уединилась в сумрачном помещении, откуда тяжущияся стороны и посторонние слушатели были тщательно устранены, – окружила себя секретарями и писцами, которые придавали правам и требованиям тяжущихся любую форму, какую они считали пригодной, – взвешивала по собственному усмотрению доказательства, представленные ей собственными ея служителями, и выступала из своего затворничества только затем, чтобы провозгласить уже готовое решение или карать обвиняемого, признанного ею виновным.

Эта перемена, хотя, быть может, отчасти и необходимая, сопровождалась весьма дурными последствиями. Отрешённые от контроля спорящих сторон и публики, суды действовали так, как обыкновенно поступает освобождённая от всякого контроля натура человеческая. Неправосудие, вымогательство, подкуп и испорченность достигли исполинских размеров, и против этих зол правительство не придумало ничего лучшего, кроме системы запутанных формальностей и остроумных ограничений. Судебные чиновники были связаны таким множеством всевозможных затейливых предписаний, что казалось немислимым, чтобы самый несправедливый судья уклонился со стези справедливости. До мельчайших тонкостей были выработаны точные правила для исследования фактов и взвешивания доказательств; всякий клочок доказательства и всякое самонаименьшее законное основание, на коих решение опиралось, должны были быть изложены на письме; каждый акт в сложном процессе постановки решения сделан был предметом формального документа и надлежащим образом заносился в разные реестры; каждый документ и реестр должен был быть подписан и

скреплён разными чиновниками, о которых предполагалось, что они друг друга будут контролировать; каждое решение могло быть перенесено в высшую инстанцию и должно было, таким образом, вторично проделать всю эту бюрократическую махинацию. Словом, законодательство ввело крайне сложную систему формального письменного производства в том предположении, что ошибки и нечестность сделаются чрез это невозможными.

Можно с полным основанием усомниться в том, чтобы эта система судебной администрации могла где-либо дать удовлетворительные результаты. Опытом дознано, что в судах, из которых исключена здоровая атмосфера публичности, правосудие хилеет и множество сорных трав разрастается в удивительном изобилии. Вялое равнодушие, неразборчивый и неразсуждающий дух рутины и некраснеющая нечестность неизменно и незаметно проникают сквозь щели и трещины ограды, против них воздвигнутой, – и не придумано ещё средство, как закрыть герметически эти трещины и щели. Попытка заделать их путём усиления формальностей и размножения апелляционных и ревизионных инстанций только ещё более увеличивает медлительность производства и ещё более укрывает весь ход процесса от глаз непосвящённых. В то же время отсутствие свободного состязания между спорящими сторонами делает задачу судьи крайне затруднительною. Для того чтобы подобная система имела вообще успех, она должна иметь в своём распоряжении достаточное количество способных, просвещённых, основательно образованных юристов, которые стояли бы выше подкупа и иных зловредных влияний.

В России ни одно из этих условий не было исполнено. Вместо того чтобы стараться создать корпорацию хорошо подготовленных юристов, правительство всё более и более утверждалось в том направлении, чтобы назначать судей на короткие сроки посредством публичного избрания

их из числа людей, не получивших ни юридического, ни вообще какого-либо основательного образования; а между тем должность судьи была так скудно вознаграждаема и так низко стояла в общественном уважении, что трудно было противустоять искушению.

Обычай назначать судей публично избираемых был попыткой возвратить судам некоторую долю их прежнего народного характера; но она не удалась по причинам весьма понятным. В судебной организации общественные выборы полезны лишь тогда, когда заседания судов происходят публично и когда производство немногосложно; напротив того, выборная система оказывается положительно вредною при письменном и крайне запутанном делопроизводстве. Так оно и было в России. Выбранные судьи, неприготовленные к своему делу и подлежавшие через короткие промежутки новым выборам, редко успевали приобрести достаточное познание закона или судебного производства. Это были по большей части небогатые, ленивые помещики, которые довольствовались тем, что подписывали решения, изготовляемые для них состоявшими при судах чиновниками. Если судья случайно обладал некоторыми познаниями в законах, то он находил мало простора применять их, так как сам он в крайне редких случаях исследовал материалы, на основании которых то или другое решение было выработано. Вся подготовительная работа – в действительности важнейшая – была поручена низшим чиновникам под руководством секретаря суда. В уголовных делах, например, секретарь разбирал писанные показания свидетелей, – все показания записывались, – извлекал из них самые существенные, по его мнению, пункты, изъяснял и толковал их по своему собственному усмотрению, приводил статьи закона, которые, как ему казалось, имели применение к данному случаю, составлял из всего этого доклад и прочитывал его судьям. Судьи, конечно, если они не были

лично заинтересованы в деле, присоединялись к мнению секретаря. Если же они с ним не соглашались, то вся подготовительная работа должна была быть сделана сызнова ими самими, – задача, исполнить которую были в состоянии немногие судьи. Таким образом, решение зависело, в сущности, от секретаря и низших чиновников, на которых была возложена предварительная подготовка дела. Между тем ни секретарь, ни низшие чиновники не могли вообще считаться подходящими людьми для такого ответственного дела. Нет надобности излагать здесь, какая остроумная средства употреблялись ими для того, чтобы увеличить свои скудные оклады, и как они ухитрялись брать деньги с обеих сторон. Достаточно сказать, что канцелярии судов были, вообще говоря, вертепами самого неблагоприятного кляузничанья и крючкотворства*.

Эти недостатки и злоупотребления были столь вопиющи, что сделались известными даже императору Николаю и внушили ему мысль о коренном преобразовании судебной организации. С этой целью был предпринят пересмотр действующих законоположений, которые затем приведены были в систему и изданы в форме «Свода законов». Одновременно с этим были выработаны проекты упрощения производства. Дело, впрочем, двигалось медленно и находилось в довольно плачевном состоянии, когда оно вдруг получило новую жизнь благодаря преобразовательному энтузиазму, вспыхнувшему в начале настоящего царствования. В то время как вопрос об освобождении крепостных обсуждался в губернских комитетах, Государственный совет исследовал вопрос о судебной реформе «с исторической, теоретической и практической точки зрения» и пришёл к заключению, что существующий порядок подлежит полнейшему переустройству.

* В старых каталогах упоминается иногда о водевиле под знаменательным заглавием: «Неслыханное дело или честный секретарь». Я никогда не видел этого любопытного произведения, но не сомневаюсь, что оно касается особенностей старого судопроизводства.

Назначенная для обсуждения этого важного дела комиссия в длинном обвинительном акте против действующей системы исчислила не менее двадцати пяти существенных ее недостатков. Для устранения их она предложила: совершенно отделить судебное устройство от других отраслей управления; ввести полную гласность в судах, с присяжными для дел уголовных; создать мировые суды для дел незначительных и значительно упростить судопроизводство в общих судах.

Эти основные принципы были опубликованы по Высочайшему повелению 29 сентября 1862 г., – спустя полтора года после издания манифеста об освобождении крестьян, – и 20 ноября 1864 г. новые уставы, выработанные на основании этих принципов, получили Высочайшее утверждение.

Подобно многим учреждениям, возникшим на *tabula rasa*, новая система отличается простотою и симметричностью. В целом архитектура здания имеет положительно французский характер, но кое-где замечаются и следы английского влияния. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы оно было рабскою копию с какого-либо готового здания, и, хотя все отдельные части его составлены по иностранному образцу, всё здание в целом имеет и свою оригинальность.

Нижняя часть здания состоит из двух больших, независимых друг от друга отделов – мировых учреждений, с одной стороны, и общих судов, с другой. В каждом из этих отделов имеется и суд первой инстанции, и апелляционный суд. Верхнюю часть здания, покрывающую оба эти отдела, составляет Сенат как высший кассационный суд.

Различный характер двух независимых отделов виден с первого раза. Мировые суды имеют своею функцию решение небольших дел, не требующих особенного юридического образования, и улажение, по возможности посредством мировых сделок, тех незначительных столкновений и споров, какие естественно возникают в отношениях обыденной жизни; функция же общих судов состо-

ит в разбирательстве более важных дел, более или менее затрагивающих имущество или честь отдельных лиц или семейств или серьёзно угрожающих общественному спокойствию. Этим функциям соответствует и организация обоего рода судов. В мировых судах судопроизводство простое и примирительное, юрисдикция ограничена делами малозначительными, и судьи назначаются по общественному выбору, обыкновенно из местных жителей. В общих судах более господствует «блеск и величие закона». Судопроизводство более строгое и формальное, юрисдикция не ограничена по отношению к важности дела, и судьи назначаются Императором из настоящих юристов.

Подсудность мировых судов обнимает все обязательства и гражданские иски, сумма которых не превышает 500 рублей, и все уголовные дела, по которым закон назначает штраф не свыше 300 р. или тюремное заключение не свыше одного года. Если кто имеет жалобу, то он может идти к мировому судье и изложить ему своё дело устно или письменно, без всяких формальностей; и если жалоба кажется основательною, то мировой судья тут же назначает день для разбирательства дела и повесткою вызывает противную сторону. В назначенное время дело излагается публично и устно или самими сторонами, или их поверенными. Если дело гражданское, судья сначала предлагает сторонам покончить дело миром и указывает при этом, что он считал бы справедливым. Многие процессы и оканчиваются таким простым путём. Если же какая-либо сторона отказывается от мировой сделки, тогда дело разбирается по закону, и судья выдаёт формальное письменное решение с указанием мотивов. В уголовных делах размер наказания определяется с указанием статьи устава о наказаниях.

Если спорная сумма более 30 рублей или назначенное наказание превышает штраф в 15 рублей или трёхдневное заключение, то можно перенести дело на апелляцию в

мировой съезд. В этом пункте образцом служили скорее английския, чем французския учреждения. По французской системе все апелляции от мирового судьи поступают в «Tribunal d'Arrondissement», и поэтому мировые суды подчинены общим судам. По английской же системе известные дела могут быть переносимы по апелляции от мировых судьей в «Четвертные Заседания» (Quarter Sessions). Русское законодательство приняло этот последний принцип и значительно развило его. Ежемесячные заседания всех мировых судьей уезда разбирают в апелляционном порядке дела по решениям отдельных мировых судьей. Судопроизводство здесь простое и неформальное, как и у мировых судьей, только здесь в заседании присутствует товарищ прокурора, который даёт своё заключение по некоторым гражданским и по всем уголовным делам непосредственно после прений сторон, и суд принимает во внимание это заключение при постановлении своего решения.

Общие суды так же состоят из суда первой инстанции, или окружного суда, и апелляционного суда, или судебной палаты. Подсудность каждого окружного суда распространяется на несколько уездов, а подсудность судебной палаты – на несколько губерний. Но отношение апелляционного суда к суду первой инстанции в обоих отделах неодинаково. В общих судах можно апеллировать по всем гражданским делам, каков бы ни был объект спора, а уголовные дела окружные суды решают окончательно при участии присяжных заседателей. Таким образом, в уголовных делах судебная палата не есть апелляционная инстанция; но так как для всякаго окончательного предания кого-либо уголовному суду требуется её формальное согласие, то она в известной степени контролирует деятельность низших инстанций.

Так как обыкновенный читатель едва ли интересуется подробностями гражданского судопроизводства, то я замечу лишь то, что в обеих инстанциях общих судов

дела разбираются в присутствии не менее трёх судей, что заседания бывают гласные и что устные дебаты официально признанных адвокатов составляют важную часть производства. Несколько более подробно я считаю нужным поговорить об изменении уголовного судопроизводства – как о предмете менее техническом и более интересном для непосвящённых.

Существовавший до последней судебной реформы порядок уголовного судопроизводства был тайный и инквизиционный. Подсудимому предоставлялось мало средств к защите; но зато закон позаботился об установлении безконечных формальных мер предосторожности для предупреждения осуждения невинного. Практическим последствием этого порядка было то, что невинные обыкновенно многие годы томились в тюрьмах, пока власти не убеждались в их невинности, между тем как опытные преступники имели всегда возможность затянуть своё осуждение до безконечности.

Лица, которым поручено было составление проектов реформы, нашли при изучении систем судопроизводства за границей, что почти все европейския государства испытали то же самое зло, от которого страдала Россия, и что одно государство за другим пришло к убеждению, что самым действительным средством к устранению этого зла представляется замена инквизиционного порядка – составительным, при котором обвинителю и обвиняемому предоставляется соответственное поле без послаблений для ведения борьбы всеми возможными и допускаемыми законом средствами. Затем, согласно мнению знаменитейших иностранных авторитетов, признано было, что в этой новой форме судебной борьбы окончательное решение должно быть предоставлено присяжным, избираемым из числа почётнейших граждан. Таким образом, путь, на который Россия должна была вступить, оказался ясно намеченным опытом других народов, и потому решено было немед-

ленно вступить на этот путь. Обвинительная власть была строго отделена от власти судебной, с одной стороны, и от полицейской – с другой; в судопроизводство введено было устное состязание между обвинителем и защитником подсудимаго в связи с гласной поверкой доказательств и перекрёстным допросом свидетелей на суде; присяжные же стали существенным фактором в уголовном процессе.

Когда спорное дело, гражданское или уголовное, разрешено по существу мировыми судебными установлениями или общими судами, то затем обжалование состоявшегося решения уже не допускается, а предоставляется только принести жалобу на нарушение технических форм и обрядов и просить о новом рассмотрении дела. Таким образом, по принятой французской терминологии, в данном положении возможна *кассация*, но не *апелляция*. Если закон очевидно неправильно применён, если опущена или нарушена какая-либо существенная законная формальность или же если суд вышел из пределов предоставленной ему законом власти, то потерпевшая сторона может просить о новом пересмотре и перерешении дела. По французским юридическим понятиям подобная жалоба не есть апелляция. Кассационный суд не входит в рассмотрение спорного дела по существу, а разрешает только вопрос о том, соблюдены ли достаточно существенные формы и правильно ли изъяснён и применён закон. Если оказывается, что есть какое-либо основание признать решение действительным, то кассационный суд, не приступая сам к постановлению другого решения, передаёт дело для нового обсуждения другому суду. По новой русской системе Сенат есть единственная кассационная инстанция как для мировых судебных мест, так и для общих судов.

Таким образом, вся юридическая система направляется Сенатом; деятельность его совершенно руководительная. Он входит в обсуждение только того, что поступает на его рассмотрение, но он не придаёт самостоятельного

движения машине. В случае медленности, допущенной в делах одного из низших судов, или даже в случае полной бездеятельности его, Сенат может вовсе и не знать об этом и, во всяком случае, официально не может обратить на это внимание. Поэтому найдено необходимым поддерживать собственную жизненную силу низших судов, и для этой цели учреждено специальное центральное судебное управление, во главе которого стоит министр юстиции. Министр считается генерал-прокурором и имеет представителя при каждом судебном месте. Главная функция этого учреждения состоит в охране силы закона, раскрытии и восстановлении всех нарушений судебного порядка, защите интересов государства и таких лиц, которые сами не способны защищать свои дела, и в публичном обвинении преступников в уголовных делах. Кроме того, отчасти по закону, отчасти же в силу обстоятельств оно получило ещё второстепенную функцию, о которой скажу несколько слов, когда буду говорить об автономии и независимости судов.

Обозреваемое в целости и из некотораго отдаления, всё величественное судебное здание представляется вполне симметрически построенным; но ближайшее и подробнейшее исследование показывает нам, что видимая гармония отдельных частей здания поддерживается слепыми окнами, ложными дверями и тому подобными обманчивыми подделками. Мало того, есть очевидные признаки изменения плана во время самага процесса постройки здания. Несмотря на то, что оно существует всего несколько лет, стиль верхней части здания отличается от стиля нижней его части, точно в тех готических церквях, которыя созидались медленно в течение целых веков. И это обстоятельство не должно нас удивлять: в течение этого короткаго периода времени произошла значительная перемена во взглядах официального мира. Мысль о реформе зародилась во времена восторженнаго увлечения

передовыми либеральными идеями, безграничного доверия к принципам науки, слепой уверенности в силу общественного духа, общественного контроля и общественной совести, – во времена, когда полагали, что общество само из себя сделает всё необходимое для общего блага, как только оно освободится от административных пелён, в которых оно было до тех пор укутано. На многих ещё болезненно отзывался строгий режим прежнего царствования, и поэтому имели более в виду защиту прав индивидуальной личности, чем сохранение общественного порядка, и под влиянием господствовавших социалистических идей на преступников смотрели как на несчастных, как на невольных жертвы общественного неравенства и несправедливости. Многие стали понимать, что свобода очень легко может превратиться в разнузданность, что добровольная общественная энергия была растрочена главным образом в пустых словах и что известная мера иерархической дисциплины была необходима, чтобы держать в движении машину управления. Поэтому в 1864 году найдено было, что невозможно провести до крайней последовательности принятые и опубликованные в 1862 основные начала. Даже в таких частях законодательства, которые уже вступили в силу, нашли необходимым косвенным образом и незаметно сделать изменения. Для пояснения можно привести следующий пример. В 1860 году производство предварительных следствий по уголовным делам было изъято из ведения полиции и передано судебным следователям, которые были почти вполне независимы от обвинительной власти и несменяемы, разве по судебному приговору, признавшему их виновными в нарушении закона. Это преобразование вызвало сначала большую радость и значительные надежды, так как оно явилось оплотом против тирании полиции и самовластия высших чиновников. Но скоро стали очевидны недостатки этой системы. Многие следователи, чувствуя себя независимыми и зная, что они

не могут быть удалены от должности, иначе как по суду за явное беззаконие, предались лени и проводили время в бездействии*. В таких случаях всегда бывало трудно, а подчас и невозможно добиться удаления следователя, так как лень должна принять чудовищные размеры, чтобы превратиться в преступление, и министр вынужден был прибегнуть к особой мере – назначению временных судебных следователей без высочайшего утверждения, которых он может сменять по своему усмотрению.

Нам, впрочем, нет надобности останавливаться на этих теоретических недостатках. Гораздо важнее вопрос: как действуют эти учреждения при существующих местных обстоятельствах? Этот вопрос может интересовать не только русских, но и всех тех, которые занимаются социологию, потому что, поставленный в обширном смысле, он представляется вопросом о том, насколько успешно могут быть перенесены учреждения на чужую почву? Многие мыслители не без основания считают, что никакие учреждения не могут действовать хорошо, если не являются естественным продуктом исторического развития. Здесь же мы имеем случай проверить эту теорию на деле: перед нами в наличности то, что Бэкон называет *experimentum sticis*. Эта новая судебная система есть искусственное творение, созданное по выработанным иностранными юристами началам. Всё, что составители проекта говорили об исторической точке зрения, были только фразы. В действительности они совершенно и вполне уничтожили существовавшую судебную организацию. Если введение публичного и гласного судопроизводства и института присяжных было возвратом к древним учреждениям, то ведь они давно уже пришли в полное забвение у всех – кроме разве антиквариев – и никто серьёзно не думал о развитии действительно существовавшей системы. Правда, в своде законов сохранена была одна форма устного процес-

---

* Мне самому случилось наблюдать такой факт на деле.

са, но она осталась совершенно без употребления и, по-видимому, была вовсе оставлена без внимания составителями проекта новой системы*.

Питая вообще мало доверия к учреждениям, возникающим по личному усмотрению самодержавного законодателя, я полагал, что эти новые судебные установления, которые на бумаге так прекрасны, окажутся в действительности совершенно негодными. Наблюдения, однако, не оправдали моих пессимистических предположений. Напротив, я нашёл, что эти новые учреждения, – хотя они не имели ещё достаточно времени, чтобы пустить глубоко корни, и далеки от возможного даже по человеческим понятиям совершенства, – в общем действуют совершенно удовлетворительно и уже оказали стране чрезвычайную пользу. Хотя не прошло ещё и десяти лет с тех пор, как начали вводить реформы, – оне ещё и до сих пор во многих частях государства не введены, – мировые судебные установления, которые могут считаться едва ли не самою новою частью новых учреждений, принялись в таком совершенстве, как-будто они существовали с незапамятных времён. В первое время народ и даже сами судьи имели весьма слабое понятие о действительной их задаче. Многие крестьяне смотрели на мирового судью, как они в прежнее время привыкли смотреть на доброго помещика доброго патриархального времени. Они обращались к мировому судье с своими жалобами и просьбами в надежде, что он облегчит их нужды. Часто они обращались к нему с своими интимнейшими, чисто домашними и супружескими делами, в которых никакой суд не может входить, и подчас они требовали исполнения договоров, которые стояли в явном противоречии не только с писанным законом, но и с обыкновенною нравственностью**. Некоторые

---

* Я говорю здесь о так называемом «суде по форме», который введён указом Петра В. в 1723 г. Я немало удивился, когда нашёл его в своде законов.

** Мне сообщили много таких примеров, но они не могут быть приведены в

из судей впадали в заблуждение другого рода. Считая себя призванными искоренить воззрения и привычки, возникшие и выросшие на почве крепостного права, они иногда пользовались своим авторитетом, чтобы читать лекции о филантропическом либерализме, и с злорадством оскорбляли при случае самолюбие, а иногда нарушали и материальные интересы тех, которых они считали врагами доброго дела. При спорах между господами и слугами или хозяевами и рабочими мировой слуга считал своим долгом возставать против тирании капитала и часто забывал своё официальное звание судьи из-за принятого им звания добровольного социального реформатора. К счастью, эти ложные воззрения народа и заблуждения на стороне судей быстро исчезают и, вероятно, скоро станут делом давно минувших дней.

Общая судебная места тоже привились в невероятно короткое время. Вообще судьи не все отличаются юридическим образованием и слишком часто страдают от недостатка того беспристрастного спокойствия, которое мы привыкли видеть за судейским столом; но, по крайней мере, они честные, образованные люди и обыкновенно довольно хорошо знакомы с законами. Главные их недостатки объясняются тем обстоятельством, что требование на образованных юристов далеко превзошло предложение, и правительство нашлось вынужденным назначать судьями таких людей, которые при обыкновенном ходе дел и не думали бы вовсе выступить кандидатами на судебные должности. В начале 1870 года в существовавших тогда 32-х окружных судах состояло 227 членов, из которых 44 не получили никакого юридического образования*. Даже председатели судов не все кончили юридическую школу. Суды, конечно, не могут действовать вполне хорошо, пока все судебные места не будут заняты людьми, получив-

---

книге, предназначенной для большой публики.

* Эти цифры заимствованы из «Вестника Европы», июнь 1871, стр. 78.

шими хорошее специальное образование и практически знакомыми с отпращиванием судебных дел. Но это, без сомнения, со временем будет достигнуто, и можно с уверенностью предсказать, что второе поколение судей окажется лучше подготовленным, чем их предшественники.

Переходя от суда к адвокатуре, мы встречаемся с картиной не особенно утешительного свойства. Новая система не может успешно действовать без значительной корпорации способных, уважаемых и заслуживающих доверие адвокатов, а такая корпорация ещё не образовалась. В уголовных делах всякий может выступить в качестве адвоката. В делах гражданских допускаются к защите двоякого рода адвокаты: присяжные поверенные и вольнопрактикующие адвокаты. Первые – люди, окончившие юридическую школу; последние не нуждаются в аттестате об окончании курса наук в высшем учебном заведении и обязаны только выдержать экзамен, который составляет пустую формальность. В той и другой категориях имеется известное число людей, которые в полном смысле слова стоят на высоте своей задачи. Но очень многие, даже из состава официально признанной присяжной адвокатуры, не вполне знакомы с первоначальными основами судебных прений. Прежде всего им нужно усвоить себе правило о необходимости оставаться в пределах данного дела. Нередко, – в особенности в процессах, возбуждающих внимание публики, – адвокат не умеет устоять против искушения блеснуть свежеиспечённой учёностью, ссылками на французское, немецкое или английское законодательство, которые вовсе не могут служить к разъяснению подлежащего дела. Эта склонность обнаруживается в особенности между молодыми людьми, что объясняется некоторым образом настоящей системой юридического воспитания. Вместо того чтобы объяснять законы страны, профессора вдаются обыкновенно в пространные исследования и критику, с ссылками на иностранные законодательства, так

что к концу юридического курса оказывается, что многие студенты приобретают хаотическую смесь общих принципов иностранных систем и имеют весьма поверхностное знакомство с действующим русским законодательством.

С нравственной точки зрения адвокатура не представляет ничего утешительного. Я вовсе не разделяю взгляда тех, которые считают адвокатов очень дурными людьми потому, что они стараются скрыть слабые места своего дела и пускают в ход известные маневры судебной стратегии; но я думаю, что каждый адвокат должен быть воодушевлён сословной честью и достоинством и что нравственный уровень сословия должен быть поддерживаем возможно высоко. А мне кажется, что нравственная сторона адвокатуры в России находится ещё в зародышевом состоянии и что отдельные члены ея, почти без исключения, одержимы корыстолюбивым, торгашеским духом. Адвокат обыкновенно заключает с своим клиентом формальный контракт, по которому он при благоприятном исходе дела должен получить значительную сумму и умеренную в случае проигрыша дела. В уголовных делах часто условливается, что гонорар должен находиться в обратно пропорциональном отношении к строгости наказания. Подсудимый, например, после долгих переговоров обязывается уплатить 10 000 р. в случае полного оправдания; 5000 р. в случае осуждения на год тюремного заключения и 1000 р. в случае, если он будет осуждён на пятнадцатилетнюю ссылку в Сибирь, – и адвокат, конечно, заботится о том, чтобы значительная часть гонорара была ему уплачена вперёд. И это ещё не самое худшее; адвокаты не только продают свои услуги по возможности дорого, но подчас употребляют нечестные средства для возвышения цены. Одна из употребительнейших систем заключается в том, что адвокат старается нагнать страх на клиента и рисует ему предстоящую опасность в мрачном, иногда в положительно преувеличенном виде. Другое средство состоит в требовании

значительной суммы во время хода процесса для тайных целей, то есть для привлечения на свою сторону влиятельных должностных лиц. Эти оба маневра, к сожалению, слишком часто оказываются успешными. Старая вера, что процесс есть своего рода трудная игра, в которой победа остаётся за искуснейшим игроком, невзирая на право и закон, и что подкуп и влияние задних ходов крайне необходимы для успеха, слишком глубоко коренится в народных понятиях. Поэтому народ, в особенности необразованный купеческий класс, питает слепую, детскую веру во всемогущество знаменитых адвокатов. Искусно пользуясь этой верой, некоторые адвокаты успели в невероятно короткое время составить себе значительное состояние. Соглашения между адвокатом и клиентом обыкновенно сохраняются в тайне*, но если по неосторожности и выплывают наружу некрасивые вещи, то это не особенно обращает на себя внимание и возбуждает мало негодования. Общественное мнение в этом отношении так не строго, что вещи, которые в Англии привели бы к исключению из сословия и публичному позору, не особенно безчестят сословную репутацию. В последнее время, впрочем, заметны уже признаки поворота к лучшему. В Петербурге и Москве адвокаты образовали корпорацию, руководимую избранным советом, который имеет право делать выговоры, запрещать практику на определённое время и исключать. Нельзя, однако, ожидать, чтобы подобные средства имели решительный и продолжительный успех, если они не будут поддержаны общественным мнением.

Из всех последних судебных нововведений суд присяжных едва ли не самое интересное.

Введение суда присяжных в судебную организацию сначала вызвало в образованных классах большой сентиментальный восторг. Учреждение это пользовалось репу-

---

* Это тем легче может иметь место, что в России нет посредствующего класса, который соответствовал бы английским атторнеям и соллиситорам.

тацией «либерального» и одобрялось новейшими авторитетами в области уголовного права. Этого было достаточно, чтобы обеспечить за ним благоприятный приём и вызвать самые преувеличенные надежды на его благодетельное влияние. Десятилетнего опыта было более чем достаточно для того, чтобы охладить этот восторг, и теперь уже раздаются голоса, которые считают введение суда присяжных ошибкою. Многие полагают, что русский народ ещё недостаточно развит для такого учреждения, и в подкрепление этого взгляда приводят многочисленные анекдоты. Об одном составе присяжных рассказывают, что он вынес ответ: «не виновен и заслуживает снисхождения»; о другом, что, не будучи в состоянии придти к какому-либо заключению, он постановил решение по указанию жребия, вынутаго перед иконою. Кроме того, присяжные иногда оправдывают подсудимаго, несмотря на его полное и формальное признание на суде.

Я не могу решить, насколько верны эти комические рассказы; но я осмеливаюсь утверждать, что таких случаев, если даже они действительно имели место, слишком мало, чтобы на них основывать серьёзное порицание суда присяжных. Что же касается рассказов об оправдании присяжными подсудимых, признавших в совершении преступления, то это не подлежит сомнению, и потому они заслуживают серьёзного обсуждения.

Для большей части иностранцев этот факт покажется достаточно доказывающим, что русское общество не доросло ещё до этого учреждения. Но прежде чем признать верность этого вывода, стоит несколько сопоставить это явление с русским уголовным процессом как целым.

В Англии коронному суду предоставлена весьма широкая власть в назначении наказания. Поэтому присяжные могут ограничиться ответом на вопрос о факте и предоставить судье надлежащую оценку уменьшающих вину обстоятельств. В России же положение присяжных иное.

Русский уголовный закон точно определяет наказание за каждое преступление и почти не предоставляет судье никакой власти в назначении наказания. Присяжные знают, что, когда они произнесут обвинительный приговор, подсудимый непременно будет наказан по уложению о наказаниях. Но уложение о наказаниях, заимствованное по большей части из иностранных законодательств, составлено по воззрениям далеко не совпадающим с понятиями русского народа и во многих случаях назначает строгое наказание за деяния, которые в глазах русского народа не более как слабые погрешности или даже вовсе не преступны. Даже в тех случаях, в которых закон сходится с народною нравственностью, бывают многия исключения, при которых *summum jus* действительно превращается в *summa injuria*. Допустим, например, что – как это фактически и было в известном мне случае – в какой-либо деревне во время пожара старшина, раздражённый равнодушием и леностью некоторых молодых крестьян, теряет терпение и, выходя из пределов предоставленной ему законом власти, даёт волю рукам в подкрепление оставшихся без влияния увещаний. Без сомнения, этот человек совершил не особенно дурное деяние, а, по мнению крестьян, далеко не дурное; однако в случае обвинения и осуждения не миновать силы статьи закона, которая приговаривает его к многолетней ссылке. Что же в таких случаях остаётся делать присяжным! В Англии они спокойно могли бы произнести «да, виновен», предоставив судье принять во внимание смягчающая вину обстоятельства. Но в России присяжные не могут так поступать, потому что они знают, что суд должен определить подсудимому наказание по уголовному закону. Следовательно, им остаётся только один исход – оправдание, и русские присяжные – к чести их следует подтвердить – обращаются обыкновенно к этому средству. Таким образом они предупреждают несправедливость уголовного закона именно в таких слу-

чаях, когда она заслуживает полного порицания. Правда, русские присяжные иной раз слишком далеко идут в этом отношении и присваивают себе право прощения. Но такие случаи, я полагаю, весьма редки. Я знаю только один несомненный пример: подсудимый был изблечён в тяжком преступлении; но заседание суда происходило накануне большого церковного праздника и присяжные нашли, что по долгу христианства они должны простить подсудимому и вынести ему оправдательный приговор!

Естественно, что закон смотрит на подобные явления как на злоупотребления и поэтому пытается предупредить их тем, что по возможности скрывает от присяжных наказание, которое ожидает подсудимаго в случае его осуждения. С этою целью он воспрещает защитнику подсудимаго объяснять присяжным, какое наказание назначено по закону за данное преступление. Это остроумное средство не только не достигает цели, но порой имеет как раз противоположный исход. Так как присяжные не знают меры наказания и боятся, что она окажется вне всякой соразмерности с преступлением, то они иногда оправдывают преступника, котораго непременно обвинили бы, если бы знали, какое наказание его ожидает. Когда же присяжные оказываются обманутыми в своих ожиданиях – что нередко бывало – и находят, что наказание строже, чем они предполагали, то они при следующих случаях могут постараться вознаградить себя. Я, по крайней мере, знаю один такой пример. Присяжные признали подсудимаго виновным в преступлении, которое они считали очень лёгким, но которое по закону влекло за собою семь лет каторжных работ! Присяжные были до того удивлены и испуганы неожиданными последствиями своего обвинительного приговора, что они всем следующим подсудимым, невзирая на самые явные улики, выносили оправдательные вердикты.

Действительные и воображаемые недостатки настоящей системы приписываются обыкновенно перевесу кре-

стьянского элемента среди присяжных, и это предвзятое мнение кажется многим совершенно очевидным, не требующим даже проверки. Крестьяне вообще во многих отношениях невежественны и поэтому полагают, что они не в состоянии взвешивать противоречивые показания. Как ни ясно и убедительно это доказательство, я, однако, считаю его основанным на заблуждении. Мужики, конечно, не могут похвалиться образованием, но они обладают большим запасом простаго здравого смысла, и опыт доказал, – по крайней мере, многие судьи и прокуроры уверяли меня в этом, – что вообще на присяжных из крестьян скорее можно полагаться, чем на присяжных из более образованных классов. Впрочем, следует признать, что крестьяне-присяжные отличаются известными особенностями, которые весьма интересно проследить.

Во-первых, состав присяжных заседателей из крестьян приступает к делу несколько патриархально и не всегда ограничивается показаниями свидетелей и представленными во время судебного следствия доказательствами. Крестьяне-присяжные составляют свои решения, как они привыкли составлять себе понятие в делах обыденной жизни, и вполне поддаются влиянию каждого заседателя, который случайно знаком с подсудимым. Если многие заседатели знают его как дурного человека, то он имеет мало шансов на оправдание, хотя бы в цепи улик и недоставало какого-либо звена. Крестьяне не могут понять, как можно освободить явного мошенника только потому, что преступность его не вполне доказана, или потому, что какая-либо ничтожная судебная формальность недостаточно соблюдена. На самом деле их понятия об уголовном процессе вообще весьма примитивны. Образ действий, применяемый общиной к своим дурным членам, совершенно совпадает с их понятиями о благоустроенных общественных отношениях. Может же мир по своему приговору и без всякаго формального процесса

сослать непослушного члена своего в Сибирь*. Это краткий, не требующий никаких особенных формальностей процесс вполне удовлетворяет крестьян. Они решительно не понимают, почему дозволяют данному преступнику «купить» адвоката для своей защиты, и мало доступны влиянию продажного адвокатского красноречия. Насколько я могу судить по разговорам, которые мне случалось слышать в судах при разбирательстве дел, в глазах крестьян «купить адвоката» значит всё равно, что подкупить судью.

Во-вторых, крестьяне, когда они действуют в качестве присяжных заседателей, относятся весьма строго к преступлениям против собственности. К этому побуждает их простое чувство самосохранения. Они фактически совершенно беззащитны от воров и разбойников. Они живут в деревянных домах, легко доступных поджогам, их сараи могут быть взломаны ребёнком, ночью их деревни охраняются каким-нибудь стариком, который не в состоянии повсюду поспеть в одно время, а иногда совсем засыпает на своём месте; полицейские показываются редко, разве только тогда, когда преступление уже совершено. Ловкие конокрады могут разорить целая семейства, и поджигатель может из мести превратить в груды пепла целую деревню. Эти и тому подобные основания побуждают крестьянина относиться чрезвычайно строго к воровству, разбою и поджогам, и прокурор, желающий добиться обвинительного приговора в подобном процессе, старается

---

* При описании «мира» я забыл упомянуть об этом важном праве его. Со-сланные по приговорам общества крестьяне не употребляются на работы в рудниках, но поселяются как колонисты на вольных землях в отдалённой местности за Уралом. Если мир не часто пользуется этим правом, то это происходит **большею частью потому, что он не всегда обладает средствами, необходимыми на расходы, и отчасти потому, что крестьяне боятся, что виновный, узнав об их намерении, подожжёт деревню или отомстит им другим каким-либо образом.** Поджог на народном языке называется «пустить красного петуха», что соответствует старому французскому выражению «les charpentiers rouges».

образовать такой состав присяжных заседателей, в котором большинство состояло бы из крестьян.

По отношению к разнообразным формам присвоений и обманов крестьяне гораздо мягче, вероятно потому, что пограничная линия, отделяющая в торговых делах честное от безчестного, не слишком ясно даётся их пониманию. Многие, например, убеждены, что без несколько хитраго обмана торговлю успешно вести нельзя, и поэтому обман считается лёгким преступлением. Если добытое обманом имущество возвращено собственнику, то преступление считается вполне искупленным. Если волостной старшина присвоил себе мирския деньги и затем ему удалось возвратить взятую сумму прежде, чем дело дошло до общего сведения, то он обыкновенно признаётся невиновным, — а подчас его снова избирают в старшины. К преступлениям против личности, например побоям, истязаниям и проч., крестьяне тоже относятся довольно равнодушно. Этот факт объясняется легко. Изошрённая чувствительность и живое сочувствие к телесным страданиям являются результатом известного материального благосостояния и сопряжены с известной степенью нравственного и умственного развития; ни то, ни другое у русскаго мужика пока не встречается. Кто имел случай наблюдать за бытом крестьян, тот часто должен был удивляться равнодушию их к физическим страданиям, как своим собственным, так и чужим. В драках между пьяными наносятся раны, разбиваются головы, а зрители остаются совершенно безучастными. Если дело не имело особенно прискорбных последствий, то крестьяне не считают нужным довести о нём до официального сведения и, конечно, не находят, что кто-либо из драчунов должен быть сослан в Сибирь. Лёгкия раны вылечиваются сами, без особенно серьёзнаго вреда для потерпевшаго, и потому человек, нанёсший их, не может быть поставлен наравне с вором, который пустил по миру целую семью. Эти суждения могут, пожалуй, оскорбить особ с чувствительными

нервами, но в них, без сомнения, заключается известная степень истинной, безыскусственной мудрости. Цивилизованное человечество не знает ничего возмутительнее нанесения побоев жене мужем, в то время как русского мужика оно почти совершенно оставляет равнодушным. Он ещё находится под влиянием старых воззрений на супружеские права и совершенно неуважительно относится к прекрасному полу, что и выражается во многих пословицах*.

Обнаруживающиеся в этих фактах особенные нравственные воззрения представляются, очевидно, следствием внешних причин, а не каких-либо глубоких этнографических особенностей, так как они не встречаются между купцами, которые почти все крестьянского происхождения. Наоборот, купец строже относится к преступлениям против личности, чем к преступлениям против собственности. Это объясняется очень просто. Купец имеет достаточно средств к ограждению своей собственности, а если он случайно и пострадал от кражи, то он достаточно богат, чтобы легко перенести её. Напротив того, личные обиды действием и вообще преступления против личности касаются и его близко, потому что хотя он и не особенно далеко ушёл от крестьянина в умственном и нравственном развитии, но он привык к удобствам жизни, к известному материальному благосостоянию, которые совершенно естественно развивают в человеке чувствительность к физическим страданиям.

К обманам купцы точно так же относятся равнодушно, как крестьяне. Это может, пожалуй, показаться странным, потому что мошеннические проделки, без сомнения, могут со временем подорвать торговлю. Но русские купцы ещё не доросли до этих воззрений и могут указать на примеры многих чрезвычайно богатых членов своего сословия, что

---

* Подобных пословиц очень много. Например: «в десяти бабах одна душа», «у бабы не душа, а пар», «у бабы волос долог, а ум короток». В других народных пословицах женщина сравнивается с змеею.

мошеннические проделки в торговле ведут часто к великому богатству. Уже давно Самуил Бутлер сказал, что «мы осуждаем грехи, которые нас не привлекают».

Так как внешние обстоятельства мало или совсем не влияют на религиозные воззрения купцов и крестьян, то оба эти сословия равно строги к деяниям, которые считаются преступлениями против божества. Поэтому в делах об ограблении церквей, богохульстве и проч. оправдательные приговоры никогда не встречаются, если в состав присяжных не попадают образованные люди.

Присяжные заседатели из образованных классов мало руководствуются – или вовсе не руководствуются – богословскими воззрениями в своих приговорах, как и в обыкновенном своём образе мыслей. Но они иногда, к сожалению, позволяют себе увлекаться воззрениями другого рода. Иной раз, например, может случиться, что присяжный заседатель, окончивший курс в высшем учебном заведении, имеет свою особенную теорию о силе свидетельских показаний, или он глубоко проникнут мыслью, что лучше освободить десять виновных, чем осудить одного невиновного, или он подвержен сентиментальной псевдо-филантропии, или убеждён, что наказания бесполезны, потому что не исправляют виновного и не удерживают других от преступлений своим страхом, – словом, он в том или другом направлении потерял своё умственное равновесие в нравственном хаосе, переживаемом теперь Россией. В Англии, Франции или Германии подобный субъект будет иметь мало влияния на своих товарищей, потому что в этих странах весьма немного людей, которые позволили бы себе увлечься новыми извращёнными идеями, вдруг отвлечься от вкоренившихся воззрений и поддаться такому умопомрачению; но в России, где даже самая элементарная нравственная воззрения непостоянны и шатки, человеку такого образа мыслей не трудно увлечь за собою других присяжных. Много раз мне слу-

чалось слышать похвалы людей, что им удалось склонить их товарищей-присяжных заседателей к оправданию всех подсудимых не потому, что они считали их невиновными или находили их вину недостаточно доказанной, но потому, что все наказания бесполезны и безчеловечны. Имея перед собою такие факты, я не могу согласиться с мнением тех, которые находят, что в России должно быть введено английское правило о единогласном вердикте присяжных заседателей.

В заключение скажу несколько слов о независимости и политическом значении новых судов. Когда в печати первоначально возник вопрос о новой судебной реформе, многие надеялись, что новые суды будут пользоваться полною автономией, что им будет предоставлена действительная независимость и что они будут фундаментом политической свободы. Эти надежды, как и многия другия иллюзии этой редкой эпохи, не осуществились. В теории им действительно предоставлена была в значительной степени независимость. Закон постановил, что никто из судей не может быть смещён иначе, как по приговору суда, признавшему его виновным в совершении определённого преступления, и что сами судьи представляют кандидатов на все вакантные в суде должности; но эти и подобныя права имеют мало практического значения. Если министр не может удалить судью, то он может отнять у него всякую возможность дальнейшего движения по службе, повышения в чинах, получения орденов и т. п. и вообще может косвенно заставить его подать в отставку; и если судьи ещё имеют право представлять кандидатов на вакантные судебныя должности, то и министр имеет это право, и, конечно, он может всегда добиться назначения своих кандидатов. Под влиянием центростремительной силы, существующей во всех централизованных бюрократиях, прокуроры стали играть более важную роль, чем председатели судов, и независимость судей осталась почти только номинальная.

Обыкновенно принимают, что правительство, ограничив таким образом независимость и автономию судов, ужасно согрешило против духа либерализма и прогресса. Может быть, оно в известном смысле и верно, но я не думаю, чтобы следовало сожалеть об этом. Самоуправление само по себе, без сомнения, вещь превосходная и особенно нужная в России, но оно не есть чудодейственная панацея и редко приносит хорошие плоды, когда вдруг применяется к народу, который давно отвык от него. Попытки к водворению его, сделанные до сих пор в России, не были особенно поощрительны, – особенно в университетах, имеющих некоторую аналогию с судами. Всякий, кто знаком с тем, что можно бы назвать *интимною историею* университетов за последние годы, не без основания усомнится в том, усилилась ли бы благотворная деятельность местных судов от предоставления им большей независимости и автономии. Политического значения эта независимость не могла иметь никакого, пока правительство может пользоваться «административным порядком». Только когда образованные классы достигнут большей степени настоящей независимости в других сферах деятельности и когда будет создано здоровое, могущественное, всё контролирующее общественное мнение, только тогда, как мне кажется, наступит время освободить местные суды от контроля центральных учреждений.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Быстрый рост России. – Стремление земледельческих народов к расширению своих границ. – Северные леса и степь. – Колонизация. – Участие правительства в процессе расширения России. – Расширение границ на запад. – Возрастание населения России, изображённое в форме таблиц. – Ассимиляция покорённых народов. – Русский взгляд на английскую политику. – Побочные причины территориального увеличения России. – Охранительные тарифы. – Анализ склонности, проявляемой Россией к расширению своих границ, и вероятные пределы этого процесса в будущем. – Русское движение в направлении к Ост-Индии. – Завоевательное стремление в сторону Константинополя. – Религиозная, сентиментально-этнологическая и политическая побуждения. – Новейшее движение в России. – Политика русского правительства. – Заключение

Быстрый рост России является одним из самых замечательных фактов современной истории. Незначительное племя или союз племён, занимавший тысячу лет тому назад небольшое пространство земли у источников Днепра и Западной Двины, разрастается в великую нацию, владения которой простираются от Балтийского моря до Тихого океана и от Ледовитого океана до границ Турции, Персии, Афганистана и Китая. Факт такого рода заслуживает внимательного исследования, а так как процесс этот с неу-

меньшающеюся быстротою продолжается и до сего дня и, как полагают обыкновенно, угрожает интересам Англии, то такое исследование имеет для нас важное значение не с одной только научной точки зрения. В чём заключается тайная пружина, вызывающая это расширение? Имеем ли мы дело просто с варварским стремлением раздвинуть свои границы, или же факт этот имеет свои разумные основания? И как совершается этот процесс? Наступает ли вслед за присоединением слияние, или же новоприобретённые области сохраняют свой прежний характер? Представляет ли Империя, во всём своём настоящем протяжении, однородное целое, или же она остаётся агломератом разнородных частиц, соединённых между собою лишь внешнею связью централизованного управления? Если бы мы могли приискать удовлетворительные ответы на все эти вопросы, то можно было бы определить, насколько это присоединение новых владений способствует усилению или ослаблению России, и мы имели бы возможность с большею или меньшею степенью достоверности предсказать, когда и где должен остановиться этот процесс.

Если мы взглянем на историю России с экономической точки зрения, то нам бросится в глаза та главная причина, которая вызывает это расширение владений.

Земледельческий народ, употребляющий лишь первобытные способы обработки земли, всегда имеет склонность к расширению своих границ. Естественный рост населения требует постоянно возрастающего количества производимаго хлеба, а между тем первобытные способы культуры истощают почву и постоянно уменьшают её производительность. При этой степени экономического развития скромное положение Мальтуса, что запас средств к пропитанию умножается менее быстро, чем население, оказывается далеко не соответствующим действительному положению дел; тут легко может случиться, что между тем как население возрастает, средства к пропитанию

уменьшаются не только относительно, но и абсолютно. Когда народ очутится в таком критическом положении, ему предстоят два выхода: он должен либо воспрепятствовать дальнейшему росту населения, либо увеличить производство пищевых веществ. В первом случае он может узаконить обычай бросать детей, как то делалось в древней Греции, или же может ввести у себя систематическую продажу известного числа молодых женщин и детей в рабство, как то делалось вплоть до недавнего времени у черкесов, или же излишек жителей может переселиться в другие страны, как то сделали скандинавы в девятом столетии и как это происходит более мирным путём у нас (в Англии) в настоящее время. Другой выход состоит или в расширении района возделываемых земель, или же в улучшении способов культуры.

Так как русские славяне были народ земледельческий, то и для них вскоре настало вышеупомянутое затруднение; но оно не достигало у них серьёзных размеров. Самое географическое положение их указывало им на удобный выход из этого затруднения. Владения их не замыкались высокими горами и бурными морями; на юг и на восток, так сказать у самого их порога, лежала безпредельная, малонаселённая равнина с девственною почвою, которая только ждала, чтобы земледелец приложил к ней свой труд, и готова была щедро вознаградить его. Поэтому вместо того, чтобы бросать детей, продавать дочерей своих или плавать по морям пиратами, они стали просто расселяться далее по направлению к югу и востоку. Это было самым естественным и в то же время самым разумным образом действий с их стороны, так как изо всех вышеисчисленных способов возстановлять равновесие между численностью населения и средствами к пропитанию – увеличение района земель, доступных для обработки, является при тех условиях, в которых стояли русские, наиболее сподручным и действительным. Конечно,

разсуждая теоретически, улучшение способов обработки земли дало бы те же результаты, но на практике это было невозможно. Пока расширение района обработки не представляет особенных трудностей, мало существует вероятий, чтобы население обратилось к усовершенствованным способам земледелия. Высокой степенью культуры можно гордиться там, где ощущается недостаток в земле; но было бы неблагоприятно пытаться ввести её там, где под рукою имеется обилие девственной почвы.

Этот процесс расширения, вызванный чисто экономическими причинами, пошёл ещё быстрее вследствие влияний иного рода, действовавших особенно сильно в течение семнадцатого и восемнадцатого столетий. Увеличение числа чиновников, повышение налогов, беспощадная вымогательства воевод и их подчинённых, превращение крестьян и «вольных гулящих людей» в крепостных, церковные реформы и порождённое последними преследование раскольников, безпрестанные рекрутские наборы и насильственные реформы Петра – все эти и другие формы угнетения заставляли тысячи людей бежать из своего места жительства и искать приюта в тех вольных пространствах, где не было ни чиновников, ни сборщиков податей, ни помещиков. Но государство со своей армией чиновников и сборщиков податей следовало за беглецами по пятам, и тем, которые желали сохранить свою свободу, приходилось уходить ещё далее. Невзирая на все старания властей удержать население на тех местах жительства, где оно в данный момент находилось, волна колонизации подвигалась всё далее и далее.

Обширное пространство, которое разстилалось перед колонистами, состояло из двух смежных областей, которых, хотя и не были разграничены друг от друга горными хребтами или реками, тем не менее во многих отношениях существенно разнились между собой. Одна из этих областей, которая обнимает всю северную часть восточной

Европы и Азии вплоть до Камчатки, представляла обширное лесное пространство, орошаемое множеством рек и заключающее в себе много озёр и болот; другая же область, которая тянется на юг до Чёрного моря, а на восток уходит вглубь центральной Азии, большею частью состояла из того, что в России называется степью, а в Америке – луговыми пространствами (prairie).

Каждая из этих областей представляла для колонизации свои выгоды и свои неудобства. Насколько имелась в виду лёгкость получать хорошие урожаи, следовало отдать решительное предпочтение южной области. На севере почва не отличалась плодородием и была покрыта дремучими лесами, так что приходилось затрачивать много времени и труда на расчистку ея, прежде чем являлась возможность приступить к посевам. На юге же колонисту не было надобности рубить деревья и устраивать просеки. Тут сама природа позаботилась расчистить почву для колониста и снабдить её чернозёмом, плодородие которого было так изумительно, что даже целые века обработки не могли истощить его. Но в таком случае почему же русский крестьянин зачастую оказывал предпочтение лесам севера перед плодоносной степью, где почва для него была уже расчищена?

Эта кажущаяся несообразность имела свои весьма основательные причины. Мужик даже в доброе старое время не питал особенного пристрастия к труду ради самого труда; он отнюдь не был равнодушен к тем удобствам, которых представляла ему степь в сельскохозяйственном отношении. Но всё же он не мог смотреть на дело исключительно с сельскохозяйственной точки зрения. Он должен был принять во внимание не одну только флору, но и фауну обеих областей. Высшими представителями фауны в лесах севера являлись миролюбивые, работающие финские племена, которых не были расположены теснить пришельцев, и встречали их без всяких признаков враж-

дебности; в степи же жили вероломные кочевники, всегда готовые нападать на мирное земледельческое население, грабить его и уводить в неволю. При всём своём обычном безстрашии и фаталистическом взгляде на вещи, русские поселенцы всё-таки не могли совершенно упускать из виду те опасности, с которыми была сопряжена жизнь в степи; поэтому многие из них предпочитали брать на себя тяжёлый труд, которого требовало земледелие в лесной полосе. Этими различиями в характере населения обеих областей определялся и характер колонизации. Хотя колонизация северной области тоже не обошлась без кровопролития, в общем она всё-таки отличалась более мирным характером, а потому мало обращала на себя внимание современных летописцев. Колонизация же степной области потребовала содействия казаков, и история ея, как я уже имел случай упомянуть, является одной из самых кровавых страниц в европейской истории. Итак, мы видим, что процесс расширения России на север, на восток и на юг может быть рассматриваем как результат самопроизвольного движения земледельческого населения. Но я должен оговориться, что изобразил лишь одну сторону процесса, и потому изображение это страдает неполнотою. Хотя инициатива переселений бесспорно и исходила от самого народа, всё же и правительство играло важную роль в этом движении.

В прежния времена, когда Россия была собранием независимых княжеств, на князьях лежала нравственная и политическая обязанность защищать своих подданных, и эта обязанность согласовалась как нельзя лучше с собственным их желанием расширять свои владения. Когда в пятнадцатом столетии великие князья московские слили многочисленныя отдельные княжества воедино и провозгласили себя царями, то они приняли на себя эту обязанность относительно всей страны и у них стали зарождаться несравненно более обширные планы расширения

границ. В направлении к северу и северо-востоку для этого не требовалось никаких чрезвычайных усилий. Новгородское народоправство без труда овладело всей северной Россией вплоть до Уральских гор, а Сибирь была покорена небольшой горстью казаков, которые действовали даже без разрешения московского правительства, так что царю оставалось только сопричислить к своим владениям уже завоёванную страну. Но в южной области роль правительства была совершенно иная. Ему приходилось безпрестанно оборонять земледельческое население, жившее вдоль страшно растянутой границы, которая была совершенно открыта для набегов кочевых племён. В предупреждение этих набегов оказывалось необходимым держать военные кордоны, а в иных случаях и это средство было недостаточно. Кочевники нередко приходили громадными полчищами, и, чтобы противустоять этим полчищам, нужны были целыя армии; нередко даже вся военная сила страны оказывалась не в состоянии выдержать с ними борьбу. В течение тринадцатого и четырнадцатого столетий татары то и дело вторгались в русския владения, жгли деревни и города и всюду на пути своём оставляли разрушение; с лишком два столетия Россия вынуждена была платить татарским ханам тяжёлую дань.

Мало-помалу цари успели избавиться от этого тяжкаго ига. Иоанн Грозный покорил три ханства нижняго Поволжья, а именно: Казанское, Кипчакское и Астраханское, и устранил, таким образом, опасность иноземнаго завоевания. Но это ещё не обезпечивало постоянную защиту для областей, лежавших на окраине. Пограничныя кочевыя племена продолжали свои набеги, и человеческий товар для невольничьих рынков Крыма добывался из России и Польши.

Для защиты открытой границы от набегов кочевых племён существует три способа: сооружение большого вала, содержание сильных военных кордонов или же окон-

чательное покорение племён, производящих набеги. Что касается первого из этих способов, который был применён римлянами в Британии и китайцами на северо-западной границе их владений, то он требует громадных расходов и в такой стране, как Россия, представляется совершенно невозможным; второе средство было много раз испробовано, но постоянно оказывалось недостаточным; третий способ представлялся наиболее практичным и действительным. Хотя русское правительство давно уже убедилось, что завоевание пустынных и скудно населённых степных местностей составляет для него скорее бремя, чем приобретение, оно видело себя вынужденным, в видах самоохранения, продолжать этого рода завоевания.

Вследствие деятельного участия правительства в расширении границ, процесс политического расширения иногда опережал колонизацию. Так, например, после турецких войн и присоединения областей, одной вслед за другою, в царствование Екатерины II значительная часть южной России была почти совсем не заселена, и этой беде пришлось пособить организованной системой переселений. Ещё и до сих пор в азиатских провинциях встречаются громадные пространства земли, из которых иные могли бы щедро вознаградить труд поселенца.

Если мы от востока перейдём к западу, то увидим, что расширение границ в этом направлении происходило под влиянием совершенно иных условий. Страна, лежащая на запад от первоначальных славяно-русских поселений, имела скудную почву и густое население, так что она не представляла ничего заманчивого для колонистов. Кроме того, она была заселена воинственными земледельческими расами, которые не только вполне были способны защищать свои собственные владения, но и отличались сильною склонностью нападать на границы восточных своих соседей. Поэтому расширение границ России на

запад было не результатом самопроизвольного движения земледельческого населения, а делом правительства, которое подвигалось в этом направлении медленно и с трудом, действуя то путём дипломатических переговоров, то вооружённою силою. Однако и этот процесс имеет некоторое историческое оправдание.

Едва успели русские в пятнадцатом столетии освободиться от татарского ига, как их политической независимости, и даже национальному их существованию, стала угрожать новая опасность с запада. Соседи их с этой стороны были воодушевлены, так же как и они сами, тем стремлением к расширению своих границ, о котором было говорено выше, и некоторое время представлялось сомнительным, за кем, в конце концов, останутся те обширные равнины, которые в настоящее время известны под названием Российской Империи. Главными соперниками в обладании этой страной являлись цари московские и польские короли. В течение некоторого времени можно было подумать, что наибольшее вероятие успеха имеют последние. Благодаря своим тесным связям с Западной Европой, они имели возможность усвоить себе многия новыя улучшения в военном деле и уже успели овладеть долиною Днепра. Однажды им удалось при помощи вольных казаков занять всё московское царство и сын польскаго короля был избран на московский престол. Но, принявшись за осуществление своих целей слишком поспешно и слишком круто, они вызвали бурю религиознаго и патриотическаго фанатизма и были в скором времени изгнаны из своих только что завоёванных владений. Но положение России всё-таки оставалось очень ненадёжным, и наиболее дальновидные из ея властителей поняли, что для успешнаго ведения дальнейшей борьбы им необходимо ввести у себя некоторыя усовершенствования западной цивилизации, дававшия такія преимущества в руки их

противникам. В 1553 г. один английский мореплаватель, отыскивая кратчайший путь в Китай и Индию, случайно открыл архангельский порт у берегов Белого моря, и с тех пор русские цари вступили в дипломатические и торговые сношения с Англией. Но этот путь для сношений с Европой был во все времена года затруднителен и опасен, а в течение зимы совершенно недоступен, так как море замерзало. В виду этих затруднений цари пробовали выписывать себе искусных иноземных мастеров через Балтийское море, но тут им стали противодействовать рыцари тевтонского ордена, которые в то время владели восточным берегом Балтийского моря и так же, как некая современная предусмотрительная нация на западных берегах Африки, придерживались того воззрения, что не следует предоставлять варварским туземцам, населяющим глубь страны, возможность обзаводиться оружием и боевыми запасами. Все другие пути на запад равным образом вели через земли соперников, которые всегда готовы были превратиться в открытых врагов. В виду этих обстоятельств цари естественным образом желали пробиться сквозь теснившие их преграды, и завоевание восточного побережья Балтийского моря стало одною из главных целей внешней политики России.

После Польши самым опасным противником России была Швеция. Эта держава успела ещё в ранний период истории приобрести обширную область на восток от Балтийского моря; область эта включала и устья Невы, где в настоящее время построены Петербург. Швеция, кроме того, с давних пор носилась с планами дальнейших завоеваний. Так, в смутные времена, когда русская земля была занята поляками, шведы напали на московское царство с северо-запада и пребывали в твёрдой уверенности, что и на их долю перепадёт часть добычи. Попытки эксцентричного Карла XII в том же направлении всем известны, а потому о них нет надобности говорить здесь.

По сравнению с обоими этими противниками Россия была слаба во всём, что касалось военного искусства, но она имела перед ними два громадных преимущества: она обладала очень многочисленным населением и имела прочно установленное, сильное правительство, которое могло сосредоточить национальные силы для какой угодно цели. Единственное, что было нужно такому правительству для успешной борьбы, это – армия, организованная по европейскому образцу. Пётр Великий создал такую армию и пожал плоды своего усилия.

После этого политическое распадение Польши пошло быстро. Когда эта злополучная страна распалась, Россия, конечно, взяла себе львиную долю добычи. Швеция тоже вскоре утратила всякое политическое значение и мало-помалу потеряла все свои владения на восточном берегу Балтийского моря. Последнее из этих владений, великое княжество Финляндское, которое простирается от Финского залива до Ледовитого океана, было в 1809 г. уступлено России Фридрихсгамским мирным договором.

Территориальные размеры всех этих приобретений всего лучше могут быть выражены в форме таблиц. Нижеследующая таблица показывает, как шёл процесс расширения границ начиная с того времени, когда Иоанн III соединил под свою власть удельные княжества и сверг татарское иго, и вплоть до восшествия на престол Петра Великого в 1682 г.

	квадр.	геогр.
	миль	
В 1505 г. московское государство имело около	36	880
” 1533 ” ” ” ” ”	47	040
” 1584 ” ” ” ” ”	124	670
” 1598 ” ” ” ” ”	156	540
” 1676 ” ” ” ” ”	256	260
” 1682 ” ” ” ” ”	264	270

Из этого числа около 79 700 приходилось на европейские владения и около 184 000 – на азиатские владения*. Из нижеследующей таблицы мы можем видеть размеры дальнейших приобретений России.

	в Европе и на Кавказе	в Азии
	квадр. геогр. мили	
В 1725 русская империя имела около	81 750 –	192 480
” 1770 ” ” ” ” ”	83 630 –	209 410
” 1800 ” ” ” ” ”	94 750 –	209 410
” 1825 ” ” ” ” ”	104 730 –	209 410
” 1855 ” ” ” ” ”	106 360 –	244 510
” 1867 ” ” ” ” ”	106 650 –	247 950

В эту таблицу не включена область, лежащая в северо-западной части Америки и имеющая около 24 160 квадратных миль; область эта, которая была присоединена к России в 1799 г., уступлена в 1867 г. Соединённым Штатам. О размерах тех пространств земли, которые приобретены Россией за последнее время в центральной Азии, я не имею статистических данных**.

Как скоро Россия завладела какою-нибудь областью, у нея не в обычае отказываться от нея добровольно. Между тем, со времени смерти Петра Великого, ей четыре раза приходилось вновь уступать завоёванные ею владения. Персии она уступила в 1729 г. Мазандеран и Астрабад, а в 1735 г. – большую часть Кавказа. На основании Парижского договора 1856 г. она уступила устья Дуная и часть Бессарабии, а в 1867 г. продала свои американские владения Соединённым Штатам. Тут же, пожалуй, следовало бы упомянуть и о той полосе земли, которую она недавно приобрела от Китая и переуступила Бухаре.

* Так подсчитал автор (Прим. ред)

** Вышеприведённые цифры заимствованы из «Военно-статистического Сборника», составленного Обручевым. С.-Петербург, 1871.

Население России, считая с 1722 г., когда была произведена первая перепись, возросло, частью вследствие территориальных приобретений, в следующих размерах:

В 1722	в империи	было	около	14	миллионов	жителей.
” 1742	”	”	”	16	”	”
” 1762	”	”	”	19	”	”
” 1782	”	”	”	28	”	”
” 1796	”	”	”	36	”	”
” 1812	”	”	”	41	”	”
” 1815	”	”	”	45	”	”
” 1835	”	”	”	60	”	”
” 1851	”	”	”	68	”	”
” 1858	”	”	”	74	”	”

Сила растяжения, которою обладала Россия, всегда была гораздо значительнее, чем ее способность ассимилировать население присоединённых областей. Присоединив к себе Остзейския провинции, Польшу и Финляндию, она оставила им весьма значительную долю административной автономии. В настоящее время Финляндия имеет свой собственный состав должностных лиц, свою монетную систему и свои таможи; русские составляют лишь два процента ее населения. Даже в тех областях, которые не имеют своей административной автономии, население, как было уже сказано мною в предшествующих главах, крайне разнородно по своему составу. Всюду, где встречались русские и инородцы на различных ступенях экономического развития, например, там, где одна национальность занималась земледелием, а другая вела пастушеский образ жизни, слияния между этими национальностями не произошло. Там, где подобных экономических препятствий не существует, столь же действительную преградою является иногда различие вероисповеданий. Племена, у которых нет другой религии, кроме грубейших форм многобожия,

легко переходят в православие и поддаются обрусению, но магометане, католики и протестанты не становятся русскими в полном значении этого слова. Таким образом, среди русских подданных мы встречаем несколько различных национальностей, нередко живущих в близком соседстве друг от друга. Не говоря уже о многочисленных туранских племенах, можно сказать, что русский, немец, поляк, фин, грузин и армянин столь же резко разнятся друг от друга, как француз, немец, итальянец и англичанин.

За последние годы были сделаны попытки ускорить процесс слияния инородных национальностей с русской и с этой целью были упразднены различные особенности местного управления, введена общеобязательная военная повинность, русский язык объявлен официальным языком для всех частей империи, произведено несколько слабых опытов религиозной пропаганды и испробованы разные другие средства в том же роде. В настоящее время было бы слишком смело высказывать определённое мнение о том, какой конечный успех могут иметь эти средства, применение которых вызывает пока значительную долю недовольства. Тем не менее самое стремление, вызвавшее эти меры, представляет интерес, и дух, сказывающийся в них, заслуживает нашего внимания. По мнению многих, источником сказанных мероприятий является чувство патриотической вражды к иноземному и преимущественно к немецкому влиянию, то, что некоторые политики называют «протестом недавно пробудившагося народного самосознания» против привилегий, дававшихся в прежния времена всем иностранцам. Но есть незначительная горсть людей, которая приписывает этому явлению совершенно иной характер. Люди эти считают, что те идеи, которыя вошли в моду во время освобождения крестьян, должны быть немедленно применены и к окраинам России; система, основанная на принципе «laissez-faire», не должна быть долее терпима; крестьяне должны быть наделены землёю, получить об-

щинное самоуправление и быть освобождены от всякого влияния со стороны помещиков; ремесленников следует оградить от алчности и притеснений капиталистов, а неопределённые формы власти, существующие на основании традиции, должны быть заменены такою системою администрации, которая согласовалась бы с началами административной науки, преподаваемыми в университетах.

Эти администраторы-теоретики новой школы нередко противуполагают свои взгляды политике Англии. «Вы, англичане, – говорят они, – неисправимые аристократы и всё ещё не можете отделаться от устарелых феодальных принципов. Вы гордитесь тем, что вы называете равенством перед законом, но ваше хвалёное равенство таково, что ведёт к наихудшим видам неравенства и дозволяет самые вопиющие притеснения, пока притеснитель соблюдает известные легальные формы. При той неограниченной свободе конкуренции, которую вы создаёте и ограждаете всеми способами, слабейшие неизбежно ставятся ни во что и подпадают эксплуатации сильных. Аристократическое чувство и любовь к личной свободе – таковы основные начала вашей политической жизни у вас дома, вы естественным образом применяете эти начала ко всем странам, которые подпадают под вашу власть. Мы же русские – чистокровные демократы и представители новейших идей. Мы считаем, что равенство перед законом в вашем значении этого слова ещё недостаточно и что закон должен бороться против общественного неравенства. Особенно ненавистен нам феодализм во всех его формах, и мы беспощадно уничтожаем феодальные учреждения всюду, где мы их встречаем. В этом-то и заключается глубокое различие между политикой России и Англии по отношению к присоединённым областям. Англия из уважения к феодальной власти всюду выковывает заново те цепи, которые связывают сельское население. Россия же, напротив, разбивает эти цепи и приносит угнетённым крестьянам

свободу. Поэтому, если судьба когда-либо сделает Россию владычицей страны, организованной на английских началах, громадное большинство низших классов в этой стране будет приветствовать Россию как освободительницу». Это последнее замечание следует, конечно, принять как намёк по адресу администраторов наших ост-индских владений.

Мысль, что «свободная Англия» может являться притеснительницей, а «деспотическая Россия» выступает в роли провозвестницы свободы, без сомнения, многим покажется парадоксальной и нелепой; но я не решусь утверждать, что в ней нет известной доли правды. Понятия о справедливости и свободе не изъяты от действия того закона, по которому всё под луною подлежит изменению. Быть может, недалеко то время, когда традиционные представления вигов о свободе и о демократических реформах покажутся весьма странными и несоответствующими сущности дела, и даже либеральные воззрения, быть может, со временем будут считаться несколько поверхностными. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что русские крестьяне имеют основание радоваться тому, что они были освобождены русским самодержавным Императором, а не английской палатой общин; равным образом нельзя отрицать, что в некоторых из присоединённых к России областей низшие классы пользуются такими привилегиями, которых они не имели бы при английском владычестве. Наиболее серьёзные недостатки русскаго правления в покорённых областях заключаются не в политике, которой придерживается правительство, а в орудиях, которые употребляются для проведения этой политики. В России вообще, кажется, слишком много чиновников, но наиболее способные и честные из них неохотно отправляются в изгнание на окраины и без труда находят себе места в центральных губерниях. Вследствие этого управление окраин в значительной степени находится в руках людей мало способных или не пользующихся безукоризненной репутаци-

ей, и не трудно понять, почему Финляндия и Остзейския провинции противятся наплыву подобных администраторов и упорно отстаивают те остатки автономии, которыми они ещё пользуются. В этом отношении России следовало бы взять пример с Германии, которая именно в Эльзас и Лотарингию послала лучших своих чиновников.

На этом мы покончим изложение прошлого. Вывод из всего вышесказанного может, в кратких словах, быть выражен следующим образом. Если только мы верно поняли ход русской истории, главными побудительными причинами, вызывавшими расширение границ, были – самопроизвольное стремление жителей к переселению, необходимость самозащиты преимущественно от кочевых племён и высшая политическая цели, вроде, например, желания иметь доступ к морю; этому процессу расширения в значительной степени благоприятствовали особенности географического положения страны и самодержавная форма правления. Прежде чем перейти к будущему, мне следует сказать ещё несколько слов о двух добавочных причинах, содействовавших расширению русских границ, и из которых одна в настоящее время постепенно утрачивает своё значение, а другая лишь теперь начинает действовать. Я разумею безразсудную жажду территориальных приобретений ради приобретения и мысль об ограждении торговых интересов нации.

Русския, как и все другия нации, не изъяты от безразсуднаго стремления к территориальным приобретениям, не принимающаго в расчёт тех действительных выгод, которыя могут от этого получиться. Так, например, мысль об обладании Индией с ея миллионами жителей, далеко превосходящими теперешнюю численность населения всей Российской Империи, представляется крайне обаятельной иным любителям политических мечтаний, и найдётся, быть может, несколько людей, одарённых живым воображением, которые найдут, что ещё грандиознее было бы за-

воевать всю Азию. Но такие дикие мечты и дикая болтовня, которую она подчас вызывают, не заслуживают серьёзного внимания. Люди, не принимающие деятельного участия в политической жизни, всегда склонны вдаваться в политические мечтания, но они тотчас же отрезвляются, как скоро бремя ответственности возлагается на их плечи. Никто из лиц, пользующихся известною долею влияния в официальных сферах, не позволяет себе подобных диких фантазий. Все наиболее серьёзные люди между русскими начинают сознавать, что увеличение территории отнюдь не равнозначуще с национальным величием в лучшем значении этого слова и что территориальные приобретения нередко являются скорее бременем, чем преимуществом.

Что касается мысли об ограждении коммерческих интересов нации, то надо сознаться, что она имеет более серьёзное значение и, по всем вероятностям, будет крепнуть, а не ослабляться с течением времени. Россия в настоящее время стремится сделаться великой промышленной и торговой нацией, и она думает, что при помощи природных ея богатств и предприимчиваго характера ея населения ей удастся осуществить это стремление. Так как для англичанина, быть может, будет не вполне ясно, какое отношение вышесказанное может иметь к территориальному расширению, то здесь не мешает объяснить русские взгляды на этот предмет.

Великобритания в настоящее время находится в положении преуспевающего фабриканта, который одержал верх над всеми своими соперниками и вызвал между ними немалую зависть. Для оправдания этого чувства изобретена особаго рода экономическая теория. Англия, гласит эта теория, сделалась благодаря своей политике, основанной на эксплуатации, громадным вампиром, высасывающим кровь из менее развитых наций. Не имея сама причин бояться соперничества, она защищает предательские принципы свободной торговли и наводняет другия страны своими изделиями до такой степени, что туземная промышленность в

этих странах не может не быть ими подавлена. Фабриканты и купцы Манчестера и Лондона могут с гордостью повторить оригинальные стихи старинного поэта Уоллера:

Gold, though the heaviest metal, hither swims;
Ours is the harvest where the Indians mow,
We plough the deep and reap where others sow*.

Таким образом, все нации платят дань Англии. Но это не может вечно продолжаться. Ложность принципов свободной торговли открыта и изблечена, и народы нашли в благодетельной силе покровительственных тарифов средство избавиться от порабощающего влияния Англии.

Ни в одной стране не приходится так часто слышать разсуждения этого рода, как в России, и здесь они привели к не совсем логичному, но понятному выводу. Подобно тому, как некоторые ультра-либеральные политики, пока они состоят в оппозиции, систематически нападают на все стеснения свободы печати, а когда они получают правительственную власть в свои руки, столь же систематически стесняют эту свободу, точно так же и русские с жаром и в напыщенных риторических выражениях возстают против нашего торгового и промышленного превосходства, а сами между тем стараются соперничать с нами в этом отношении. Только средства, которые они употребляют для этого, резко отличаются от наших. Зная, что свобода конкуренции неизбежно повела бы к их поражению, они воздвигают всюду, где водворяется их господство, ряд торговых крепостей в виде таможен, через которые иностранным изделиям очень трудно проникнуть. Этим путём они ограждают своих вновь покорённых подданных от «бездушной эксплуатации» Манчестера и Бирмингама

---

* Золото, хотя оно и тяжчайший из металлов, плывёт к нам в руки; индеец косит поле, а сбор принадлежит нам; мы бороздим пучину и пожинаем там, где сеют другие.

и вверяют их нежной заботливости московских и петербургских фабрикантов. Оказывается, что экономическое влияние Москвы, которая продаёт свои изделия дорого, несравненно менее обременительно и пагубно для населения, чем экономическое влияние Манчестера и Бирмингама, которые продают свои изделия дёшево*.

Как бы ошибочны ни были эти взгляды, не подлежит сомнению, что Россия не скоро отменит свою протекционную систему, и нам поэтому в нашей попытке рассмотреть сущность её стремлений к расширению своих границ необходимо принять в соображение желание её оградить коммерческие свои интересы. Так как промышленность её в настоящее время недостаточна для удовлетворения собственных её потребностей, то она, конечно, не станет расширять своих владений ради того только, чтобы открыть себе новые рынки; но уже и в настоящее время, каждый раз, как ей представляются какие-либо другие поводы к расширению границ, мысль об обеспечении себе тех или других торговых преимуществ играет при этом роль добавочной побудительной причины. Примером этого может служить недавняя экспедиция в Хиву. Если бы хан добросовестно исполнял свои международные обязательства, этот поход вовсе не был бы предпринят, но после того, как поход увенчался успехом, некоторые статьи, включённые в мирный договор, показали, что соображения о торговых интересах не были чужды этому предприятию.

Мы видели, из каких побудительных причин возникает в России стремление к расширению своих пределов; попытаемся же теперь определить, каким образом каждая из этих причин будет, по всем вероятностям, действовать в

---

* Справедливость требует заметить, впрочем, что многие из русских не разделяют этого взгляда, а иные даже являются открытыми сторонниками принципов свободной торговли. В числе последних я могу назвать экономиста г. Безобразова и редактора «Московских Ведомостей» г. Каткова, которого нередко в английской печати ошибочно выставляют человеком, одушевлённым непримиримой, фанатической ненавистью к Англии.

будущем. При разрешении этого вопроса всего удобнее будет начать с простейших частей задачи и затем постепенно перейти к более сложным.

В направлении к северу и к западу история русских завоеваний может считаться законченной. К северу Россия не имеет физической возможности раздвигать далее свои пределы, пока не будут открыты новые удобообитаемые страны в полярной области; расширение ее на запад почти столь же маловероятно. Присоединением Финляндии в 1809 г. Россия достигла того предела, который может быть назван естественной ее границей на северо-западе, и трудно себе представить, чтобы она пожелала присоединить к своим владениям бесплодные скалы северной части Скандинавского полуострова. В направлении к Германии присоединения нежелательны и невозможны. Немыслимо, чтобы Россия, оставаясь в пределах благоразумия, захотела иметь на западной своей границе недовольное немецкое население, и, если бы даже в ней зародилось подобное желание, Германия достаточно сильна, чтобы отстоять свои владения.

В направлении к востоку и к юго-востоку вопрос складывается не так просто. Недавняя продажа русских владений в Америке Соединённым Штатам, по-видимому, доказывает, что Россия благоразумно решила остаться по сю сторону Берингова пролива, и хотя ей, быть может, и желательно было бы присоединить к своим владениям некоторые из островов японского архипелага, существует мало вероятий, чтобы это ей удалось. Правда, она недавно присоединила к своим владениям остров Сахалин, находящийся по соседству с Амурской областью и прежде принадлежавший Японии, но это приобретение имеет для нея значение лишь как пенитенциарная колония, и всякое дальнейшее движение в этом направлении легко могло бы быть остановлено, если бы это оказалось нужным; сила растяжения России в этом направлении парализована про-

ливом достаточно глубоким для того, чтобы по нём могли плавать броненосцы. Захватам со стороны китайской границы не так легко будет воспрепятствовать. Когда и каким способом будут произведены эти захваты, в значительной степени будет зависеть от самого китайского правительства. Россия уже обладает по соседству с китайской границей гораздо большим количеством земель, чем сколько ей может понадобиться в течение многих ещё лет, а потому ей нет никакого интереса присоединять новые земли в этой области, если только китайское правительство сумеет удержать своих подданных от грабежей и других безчинств на границе. Но может случиться, что Китай окажется не в состоянии исполнить свои полицейские обязанности по отношению к своим соседям, и в таком случае нет ничего невозможного в том, что Россия найдёт присоединение новых земель выходом менее хлопотливым и убыточным, чем содержание сильного военного кордона. Уже в настоящее время она занимает своими войсками небольшую китайскую провинцию и не может очистить её до тех пор, пока китайское правительство не пошлёт туда отряда достаточно сильного для поддержания порядка. В соображениях о выгодности присоединения новых земель главную роль играет густота населения. Там, где земли требуются для колонизации, стремление к захвату всегда бывает обратно пропорционально густоте населения в той области, которую предполагается захватить; в тех местностях, где туземное население малочисленно, почва бывает истощена и местности эти представляют более простора для переселенцев. Но там, где земля не нужна для колонизационных целей, как, например, на китайской границе, стремление к присоединению новых областей всегда находится в прямом соотношении к густоте населения данных областей. Незаселённая территория, если она не нужна для колонизации, является просто обузой, так как она требует расходов, а доходов никаких не даёт; между тем как территория с доста-

точно густым населением доставляет новых плательщиков податей и новые рынки для сбыта произведений национальной промышленности, а через это окупаются расходы на управление ею и даже иногда получается некоторый излишек. Таким образом, если бы имелись налицо точные топографические сведения и полные статистические данные, то вопрос о стремлениях России к расширению своих границ в Средней Азии мог бы почти быть сведён просто на вопрос арифметического вычисления.

Теперь мы пошли к той части задачи, которая ближе касается наших интересов, чем целость Китайской империи; я разумею движение России в направлении к Гинду-Кушу и к Афганистану. Топографические мои сведения об этой местности недостаточно обширны, чтобы я мог вдаваться в подробности вопроса, но я могу вкратце указать те общие принципы, на основании которых людям, обладающим более обстоятельными сведениями, следовало бы основывать свои расчёты.

Поступательное движение России в этом направлении обыкновенно приписывают ненасытному ея желанию поглощать всё новые и новые территории и тайным замыслам против наших ост-индских владений. Многие воображают, что стоит русскому высшему правительству сказать исполнителям его велений: «вот предел, далее которого вы не должны идти!» – и все трудности разом будут устранены. Другие, считающие, что обладают более верными сведениями об этом предмете, не допускают этой теории и приводят свою теорию, более замысловатую. Теперешнее высшее правительство в России, говорят они, чуждо завоевательных стремлений и не желает покорять Индию. В этом отношении они совершенно правы, но беда в том, что люди, придерживающиеся этого взгляда, не будучи в состоянии вполне освободиться от национальных предубеждений, прибегают к известнаго рода компромиссу. Подобно тому, как некогда злой дух, изгнанный из человека, бросился в

стадо свиней и загнал их в море, точно так же, по мнению этих господ, демон завоевательных стремлений, будучи изгнан из высших правительственных сфер, вселился в русских офицеров в Туркестане и неотвязно гонит их всё далее и далее вперёд по негостеприимной степи, которая отделяет русскую границу от английской. Сторонники этой теории готовы отдать справедливость намерениям высшаго русского правительства, но никак не хотят разстаться с своим представлением о вышеупомянутом демоне и отказываются принести этого старого и полезного знакомого в жертву на алтарь естественных причин.

Что многие из туркестанских офицеров всегда желают войны как развлечения и как средства получать повышения по службе, это весьма вероятно; что некоторые из них готовы даже превзойти в этом отношении данные им инструкции, как это сделал в знаменитом деле генерал Черняев, это факт. Но чтобы офицеры эти оказывали систематическое неповиновение своему начальству и могли понудить правительство, вопреки его желанию и интересам, к присоединению новых земель, этого предположения не может ни на одну минуту допустить человек, хорошо знающий Россию. Русское правительство, хотя оно фактически и не может считаться всесильным в частностях управления, всё-таки достаточно сильно, чтобы удержать своих офицеров от покорения новых областей, если этого не требуют важныя соображения, которые я уже описал выше.

На значительном протяжении азиатской границы постоянно приходится разрешать старый вопрос о преимуществах и неудобствах военных кордонов по сравнению с окончательным присоединением данной области. Затруднения и неудовлетворительные результаты чисто оборонительной системы были доказаны в сравнительно недавнее время на обширной равнине, лежавшей на север от Кавказа. Я останавливаюсь на этом примере потому, что имею о нём довольно обстоятельныя сведения и имел случай выслу-

шать показания обеих сторон, участвовавших в то время в борьбе. Черкесы и кабардинцы считали набеги на пограничное русское население делом не только законным, но и в высшей степени похвальным, – подобно тому как древние шотландские горцы гордились экспедициями, которых они предпринимали с целью увода скота. Для отражения этих набегов русское правительство устроило цепь казачьих станиц, которая тянулась от Азовского моря до Каспийского. Этот способ защиты оказался, однако, убыточным и недействительным. Несмотря на все предосторожности, шайки грабителей прокрадывались незаметно или же насильственно прорывались сквозь оборонительную линию и нередко успевали похищать значительное количество добычи. После многих лет подобного опыта русские пришли к заключению, что единственное действительное средство избавиться от этих набегов состоит в том, чтобы покорить эти разбойничьи племена и подчинить их строгому административному надзору. Факт этот поучителен. Если система военных поселений оказалась убыточной и недействительной даже в такой плодородной и хорошо орошенной местности, как долины Кубани и Терека, то можно себе представить, как неудобна должна быть та же система в Средней Азии, где протяжение границы гораздо значительнее, а многие местности совершенно непригодны для земледельческой колонизации. В настоящее время уже ходит слух, что в скором времени и понадобится предпринять окончательное умиротворение туркмен.

Если верно, как я склонен думать, что хищнические племена могут быть удержаны от набегов лишь в том случае, когда они знают, что могут подвергнуться нападению и наказанию на собственной своей территории и что у них нет такого убежища, куда бы они могли укрыться, то из этого следует, что нечего и останавливаться на мысли об установлении нейтральной полосы между русскими и английскими владениями, если только нельзя найти какую-нибудь

необитаемую область, которая могла бы играть ту же роль, как и великая китайская стена. Но раз эта промежуточная область обитаема, она непременно будет служить убежищем для всех разбойников и буйных людей, какие только найдутся на многия сотни миль в окружности, а ни от одной цивилизованной державы в мире нельзя требовать, чтобы она терпела подобных соседей. Если бы подобная нейтральная полоса была установлена, Россия была бы вправе сказать Англии: «Я не желаю иметь под боком у себя такое убежище для разбойников и грабителей. Одно из двух: или вы должны сами поддерживать порядок в этой местности, или же предоставьте это дело мне».

«Но, – возражают встревоженные русофобы, – где же остановится это поступательное движение России? Неужели нам потерпеть, чтобы она расширяла свои границы до тех пор, пока она не сойдется с нашими, и мы, таким образом, подвергнемся столкновениям, неизбежным между двумя нациями, которые владеют смежными территориями?» На это я отвечу, что Россия вынуждена раздвигать свои границы до тех пор, пока она не дойдёт до страны, правительство которой имело бы возможность и желание поддерживать порядок в собственных своих пределах и удерживать своих подданных от набегов на соседние владения. Так как ни одно из мелких государств Средней Азии, по-видимому, не в состоянии всегда удовлетворять этому условию, то почти не подлежит сомнению, что русская и английская границы со временем сойдутся. В каком именно пункте они сойдутся, это будет в значительной степени зависеть от нас самих. Если мы не желаем, чтобы наша соперница шла далее известной черты, мы должны сами встретить её у этой черты. Что же касается осложнений и споров, неизбежно возникающих между двумя нациями, границы которых соприкасаются, то я думаю, что неприятности этого рода случаются реже и сопряжены с меньшими опасностями, чем те, которые возникают между нациями, разделёнными

небольшим государством, которое не имеет возможности заставить уважать свой нейтралитет и существование которого поддерживается лишь взаимною завистью соперничающих держав. Германия не воюет периодически ни с Россией, ни с Голландией, хотя она отделена от той и другой лишь искусственной границей, между тем как широкая промежуточная полоса, отделяющая Францию от Австрии, никогда не мешала этим державам вступить в войны между собою. Старая теория, что мир между большими государствами может быть обеспечен существованием между ними мелких независимых государств, давно уже оказалась несостоятельной; да и будь она верна, она была бы неприемима к рассматриваемому нами случаю, так как между русскими владениями и великобританскими владениями в Ост-Индии нет ничего такого, что заслуживало бы названия независимаго государства.

Само собою разумеется, весьма возможно, что независимо от того, будут ли наши границы смежны или нет, Россия, в случае войны с Англией, предпримет диверсию в сторону Индии и этим причинит нам немало хлопот. Возможность эту, конечно, следует иметь в виду, но она не оправдывает той безразсудной паники, которая от времени до времени овладевает английским общественным мнением относительно безопасности наших ост-индских владений. В случае подобного нападения наше положение в стратегическом отношении будет представлять столько громадных преимуществ сравнительно с положением нашего противника, что если мы при таких условиях окажемся не в состоянии отразить нападение России, то это будет значить, что мы не имеем более и права удерживать Индию за собою. «Но туземное население Индии! – восклицают алармисты. – Оно поголовно возстанет против нас!» Если это мрачное предсказание действительно на чём-нибудь основано, то оно лишь служит подтверждением только что высказанной мною мысли. Если туземное

население так недоволено нами, то из этого явствует, что наше хвалёное цивилизующее влияние есть не что иное, как маска для управления, основанного на терроризме, и нам следует немедленно приступить к улучшению нашей системы администрации. На это, быть может, англо-индийские русофобы возразят, что администрация наша превосходна, но что администрация, как бы она хороша ни была, не может противодействовать вкрадчивому иноземному влиянию. Справедливость этого уверения представляется сомнительной, но если оно справедливо относительно наших ост-индских подданных, то оно должно быть в равной мере применимо и к туземному населению, живущему за нашей границей, и мы можем сказать, что это такое оружие, которым обе стороны могут пользоваться с одинаковым успехом. Мы поистине грешим подчас чрезмерною скромностью в оценке нашей военной и политической силы, и тон, в котором говорят некоторые органы нашей прессы, служит оправданием мнения, распространённого за границей, будто наше богатство подорвало нашу нравственную энергию и будто мы превратились в дряхлую нацию, утратившую всякий внутренний огонь. В действительности ничего подобного нет. Способ, которым мы подавили последнее возстание в Ост-Индии, быть может, является и не совсем удовлетворительным выражением того духа христианской любви и гуманности, носителями которого мы себя подчас воображаем, но он во всяком случае служит убедительным доказательством того, что в нас ещё сохранился богатый запас потенциальной энергии. Сохрани Бог, чтобы в нас проснулся шовинизм или чтобы мы от избытка самоуверенности стали пренебрегать разумными мерами предосторожности, необходимыми для ограждения наших национальных интересов; но нам не следует забывать, что утрата спокойной уверенности в собственных наших силах была бы почти столь же великим несчастьем и могла бы в минуту паники довести

нас до совершения ошибок и «жестокостей», которых мы потом сами же устыдились бы.

Направляясь от Гинду-Куша и Афганистана на запад, мы дойдём до области, где, по мнению иных, поступательное движение России неизбежно. Я разумею северная провинция Персии. Так как Россия уже пользуется никем не оспоримым господством на Каспийском море, то ей легко завладеть любой областью, лежащую по соседству с берегами этого моря, но до сих пор, насколько мне известно, она не имеет никаких причин расширять свои владения в эту сторону, а потому мы можем, не останавливаясь на Персии, перейти к той области, на которую в настоящее время устремлены взоры всей Европы.

Завоевательные стремления России в сторону Константинополя почти так же древни, как и русская национальность, и значительно древнее русской империи. Славяно-русы, занимавшие долину Днепра в период от девятого до тринадцатого столетия, принадлежали к тем многочисленным пограничным племенам, от нападений которых разлагающаяся Византийская империя старалась оградить себя дипломатическою ловкостью, богатыми дарами, а также тем, что выдавала родственниц своих императоров замуж за тех из беспокойных предводителей этих племён, которые соглашались принять христианство. Князь киевский, Владимир, которого русская церковь чтит как святого, принял, таким образом, христианство, и подданные его последовали его примеру. Россия в церковных делах вошла в состав Константинопольского патриаршества, и русский народ привык с особенным уважением относиться к «Царьграду», то есть к городу, где жил царь или Император византийский.

В течение всего продолжительного периода татарского владычества, когда долина Днепра находилась во власти кочевых орд, являвшихся преградой между Россией и южной Европой, русский народ с благоговением вспоминал про столицу греко-православного мира, а в

XV веке Константинополь получил в глазах русских новое значение. В это время относительное положение Москвы и Константинополя изменилось. Первый подпал под власть турок, между тем как Москва свергла иго татар – северных представителей турецкой расы. Таким образом, великий князь Московский и всея Руси стал главною опорою греко-российской церкви и в некотором смысле преемником византийских царей. Для укрепления этих прав он женился на одной из принцесс бывшего византийского императорского дома. Преемники его пошли далее в том же направлении; они приняли титул царей и придумали легенду, что родоначальник московских царей, Рюрик, происходил от Цезаря Августа*.

Всё это в глазах юриста или дипломата не составило бы ещё серьёзного права на преемство наследия византийских императоров, и ни один из русских монархов, – за исключением разве Екатерины II, которая мечтала о восстановлении византийской империи и в виду возможных в будущем случайностей заставила одного из своих внуков учиться новогреческому языку, – действительно не помышлял серьёзно о предъявлении своих прав на это мнимое наследие. Но при всём том мысль, что русские цари должны возсесть на престол в Царьграде и что храм св. Софии, осквернённый мусульманами, должен быть возвращён православным, глубоко запала в душу русскаго народа. Мысль эта и теперь ещё не совсем заглохла. Каждый раз, когда на востоке возникают серьёзные беспорядки, русские крестьяне начинают думать, что, быть может, настало время крестоваго похода для возвращения православию священнаго города на берегах Босфора и для освобождения своих братьев по вере, стонущих в турецкой неволе. Таков религиозный элемент той странной притягательной силы, которая влечёт Россию к Константинополю.

---

* Постепенное освобождение русской церкви от подчинения византийскому патриарху (см. главу XXVII) также влияло в этом направлении.

Совершенно отличным от этого религиозного элемента, хотя его нередко и смешивают с последним, является другой мотив, который я, за неимением более подходящего выражения, назову этнологически-сентиментальным. После падения империи первого Наполеона во всей Европе началась сильная реакция в пользу национальной независимости и республиканских учреждений; вскоре затем открытия, сделанные в области сравнительной филологии, заодно с некоторыми другими влияниями навели политических теоретиков на мысль об образовании больших конфедераций народов, основанных на этнологическом родстве. Думали, что существующия в Европе политические единицы сгруппируются в три категории: романскую, германскую и славянскую, причём принцип политической федерации, удовлетворяя требованиям этнологии, должен был предоставить отдельным народам достаточную долю местной автономии. Теория эта пробудила по всей Европе новыя стремления. На Западе она не могла особенно сильно овладеть умами, так как все западные народы, за исключением Италии, пользовались, по крайней мере, национальной независимостью и не испытывали угнетения от иноплеменников. Если им и приходилось терпеть тиранию, то тирания эта была не иноземного происхождения и патриотическия чувства в простейшей их форме не были затронуты. В юго-восточной Европе, напротив, результаты упомянутого движения идей были совершенно иные. Хотя масса славян и не имела понятия об умственных движениях, волновавших западные народы, но было несколько единичных личностей, которыя окунулись в поток общеевропейской мысли, и через них европейския идеи проникли и в славянския земли. Можно себе представить, какое впечатление произвели эти идеи среди народа, жившаго в течение длиннаго ряда поколений под иноземною властью, но ещё не забывшаго своей старой независимости. Поэты начали воспевать страдания славянской расы

в настоящем и прошлую ея славу, и страстные песни их находили отклик во многих сердцах. От славянской земли, переносившей в течение веков свои страдания безмолвно, поднялся к небу тихий и протяжный вопль: «Доколе, Господи, доколе!» Вопль этот был унылый, жалобный, так как в нём звучало сознание позорного рабства и память о множестве претерпленных обид, но уныние это не было безутешно и к нему примешивалось чувство надежды. Бог ещё не в конец забыл народ свой, и настанет время, когда он пошлёт избавителя. Пророчества о лучшем, более светлом будущем находили много людей, готовых им поверить. Насколько позволительно сравнивать мелкия явления с крупными, те из нас, которые настолько стары, что помнят, с каким увлечением многие хладнокровные англичане, раздражённые сравнительно ничтожными обидами, распевали: «Настанет хорошее время, друзья!» – могут себе представить, какой восторг вызывали в сердцах впечатлительных славян песни, пророчившие о дне, когда мужественное и многострадальное славянское племя возстанет и освободится от «безсовестной тирании немца, венгра и турка». От этого вопля угнетённой расы, в котором звучало воспоминание о прошлой славе и привет занимающемуся светлomu будущему, был один только шаг до представления о всеславянском государстве, столицей котораго должен был сделаться Константинополь.

Тут перед нами открывается целый мир глубоко вкоренившихся чувств и фантастических стремлений, о которых западный европеец не имеет понятия и которые, если бы даже он ознакомился с ними, едва ли возбудили бы в нём сочувствие. Но было бы странно, если бы этот энтузиазм не нашёл себе отголоска между русскими, которые одни из всех славянских народов успели осуществить эти стремления и которые особенно легко поддаются заразительному влиянию грандиозных туманных представлений. Нужно, напротив, удивляться тому, что отголосок этот был так

слаб, тем более что в случае возникновения всеславянской конфедерации гегемония естественным образом выпала бы на долю России. Вообще, славянские симпатии между русскими в обыкновенное время весьма мало заметны, но они существуют в качестве косной силы и при исключительных обстоятельствах легко прорываются наружу.

Теперь нам следует перейти к третьему элементу, который влечёт Россию в сторону Босфора, а именно, к элементу политическому. Здесь мы опять встречаемся с вопросом территориального расширения. Спрашивается, какая же разумная основа может иметь Россия для желаний раздвинуть свои границы в этом направлении?

Из главных побудительных причин к расширению границ, которые мы видели в прошлой истории России, две не имеют в настоящем случае никакого значения. Так как долина Дуная и Балканский полуостров уже имеют густое население, то область эта не может служить полем для колонизации, а равным образом России нет надобности присоединять её к своим владениям для целей самозащиты. Если она вообще желает каких-либо территориальных приобретений в этом направлении, то она руководится при этом соображениями из ряда тех, которые я назвал «высшими политическими целями».

Россия давно уже стремится стать великою морскою державою, и в виду этого она и старалась раздвинуть свои границы до берега моря. На севере и северо-западе это ей удалось, но ни Ледовитый океан, ни Балтийское море не представляют вполне удовлетворительных условий, и потому она естественным образом обратила свои взоры в сторону Средиземного моря. После многих усилий ей удалось овладеть северным и восточным берегом Чёрного моря, но этим задача её осуществилась лишь наполовину. Естественным выходом из Чёрного моря в Средиземное служат Босфор и Дарданельский пролив, а турки могут запирасть и открывать этот выход по своему произволу.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что России было бы гораздо приятнее иметь в своих собственных руках ключ к этому важному проходу. Ей во многих отношениях крайне неприятно, что турки имеют возможность, не высылая в море ни одного военного корабля, подвергнуть действительной блокаде портовые города на юге России. В этом-то, как мне кажется, и заключается единственное действительное и разумное основание, которое Россия может иметь для стремления овладеть Константинополем. Все остальные мотивы, на которые обыкновенно указывают, существуют по большей части лишь в воображении господ, толкующих о них. Мысль о перенесении столицы с берегов Невы к Золотому Рогу никогда не приходила в голову ни одному серьёзному государственному человеку. Часто повторяемое, но ничем не доказанное уверение, что Россия может поставить серьёзные препятствия на пути наших сообщений с Ост-Индией и оспаривать у нас морское первенство в Средиземном море, тоже едва ли заслуживает подробного опровержения. Обладание Дарданелами может доставить первенство лишь в Чёрном море, а не в Средиземном, а в случае войны для нас не может иметь большого значения, будет ли русский флот заперт в Чёрном море или в Севастопольской гавани; как в том, так и в другом случае он будет совершенно безвреден для нас, поскольку дело касается Средиземного моря и наших сообщений с Индией.

Остаётся ещё, конечно, велеречивый афоризм, приписываемый то Наполеону I, то другим авторитетным личностям и гласящий, что «та держава, которая будет обладать Константинополем, сделается владычицей мира». Если турки придерживаются этого взгляда, то этим объясняется отчасти их необузданное национальное самонадеянность. Во всяком случае, немало христиан, которые его придерживаются и пользуются им как неопровержимым доводом. Что до меня касается, то мне не раз приходилось

слышать разсуждения, основанные на упомянутом взгляде, но я плохо понимаю речи политиков, разсуждающих с трансцендентальной точки зрения, а, к сожалению, не нашлось никого, кто бы мог перевести мне эти мистические речи на простой английский язык. Как бы то ни было, справедлив этот взгляд или нет, мы должны его принять в соображение. Убеждение этого рода, раз оно стало общепринятым в Западной Европе, не может не оказывать известного влияния как на русских, так и на английских государственных людей.

А теперь попытаемся составить себе ясное понятие о положении, целях и способе действий России в настоящем фазисе восточного вопроса. Все три фактора, исчисленные мною выше, – религиозный, этнологически-сентиментальный и чисто политический – играли свою роль в возникнувшем движении, и каждый из них имел своих специальных представителей. Говоря вообще, можно принять, что религиозные побуждения воодушевляли простой народ, побуждения сентиментально-этнологического свойства влияли на образованные классы, а политические цели обуславливали образ действий правительства. Само собою разумеется, что распределение побудительных причин не следует понимать слишком буквально. Образованные классы не были совершенно чужды религиозных побуждений; правительство могло до известной степени поддаваться влиянию сентиментально-этнологических теорий, естественное чувство человеколюбия и сострадания к жертвам варварской жестокости глубоко волновало сердца всей нации. Но для удобства дальнейшего изложения мы можем принять вышеприведённое распределение как приблизительно верное.

Центром неофициального участия России в движении был так называемый «Славянский комитет» – благотворительное общество, состоящее из трёх отделов: Московского, С.-Петербургского и Киевского. Общепринятое

в Западной Европе представление о славянском комитете как о революционном обществе ошибочно до нелепости. Общество это разрешено правительством, заседания его происходят публично, и оно в течение целого ряда лет расходовало значительные суммы на дела благотворительности. До возстания, вспыхнувшего в Герцеговине, деятельность его состояла в выдаче пособий славянам нерусского происхождения, проживающим в России, в оказании денежного содействия делу народного образования среди южных славян, в воспитании молодых болгар в России и в доставлении денежных пожертвований, священных сосудов, священнических одежд и т. п. православным храмам в Австрии и Турции. Члены этого общества и лица его поддерживающая, – в том числе немало набожных, человеколюбивых и благонамеренных дам, – отличаются строгою приверженностью к православию и почти все более или менее воодушевлены славянофильскими чувствами. Было бы слишком рискованно утверждать, что никто из этих членов не руководился политическими или полуполитическими побуждениями, или отрицать, что они намеренно или ненамеренно разжигали среди болгар и других отраслей славянского племени те чувства недовольства и те политическая стремления, первоначальное зерно которых было брошено в них притеснениями и дурным управлением. Намеренно или ненамеренно славянский комитет возбуждал во многих славянах Турции и Австрии уверенность, что они в России имеют покровительницу, на помощь которой они могут рассчитывать в минуту опасности. Но надо отдать справедливость упомянутому комитету, что он делал всё открыто. Подробные отчёты о его заседаниях распространялись в большом количестве экземпляров по всей России и без всяких затруднений выдавались иностранцам. Так, например, секретарь московского отдела, хотя он отнюдь не имел причин предполагать, что я питаю особенное сочувствие к целям общества, любезно снабдил

меня экземпляром отчётов о деятельности общества за несколько лет. Трудно представить себе деятельность более открытого и менее революционного характера, по крайней мере, в том, что касается внутренней политики, чем деятельность славянского комитета. В России, точно, существует революционный элемент, но он не имеет никакой связи с славянским комитетом и не питает к последнему ни малейшего сочувствия. Этот революционный элемент отличается настолько «передовым» направлением, что считает патриотизм, национальность, расовые отличия и религию устарелыми предрассудками. Представители этого элемента, сумасбродные юноши, пробовавшие по временам основывать тайные общества, исповедуют крайний радикализм социалистического оттенка; в сочувствии к национализму они совсем неповинны, а к религиозным верованиям вообще и к православию в особенности они питают положительную ненависть. Новых территориальных приобретений для России они не желают, так как расширение империи в настоящее время было бы равнозначуще расширению самодержавной власти. Мысль, что люди, придерживающиеся таких взглядов, могут иметь что-нибудь общее с православным и верноподданным славянским комитетом, положительно смешна.

Когда возстание вспыхнуло в Герцеговине, митрополиты сербский и черногорский обратились к благотворителям с воззванием в пользу страждущих. Эти воззвания были напечатаны в русских газетах и читались приходским духовенством в церквях; в скором времени отовсюду стали стекаться приношения. Около марта стало очевидно, что Сербия и Черногория собираются присоединиться к инсургентам, и некоторые из русских дворян решились отправиться в Сербию в качестве волонтеров. В числе этих людей находился и генерал Черняев, составивший себе своими походами в центральной Азии репутацию храброго, способного генерала и человека честного и патриотична-

го. Он сообщил о своём намерении славянскому комитету, и последний горячо одобрил его, так как находил, что «этот подвиг самоотвержения может лишь возвысить среди славян честь русского имени, в значительной степени скомпрометированную дипломатией, и не преминет в то же время поднять нравственный уровень русского общества, увеличив его самоуважение». Последняя половина этой аргументации, которая не может не казаться практическому уму англичанина слишком уже замысловатой, как нельзя лучше характеризует русских современного поколения.

Между тем в течение зимы 1875–1876 годов иностранные консулы и дипломаты всячески старались погасить пожар возстания или, по крайней мере, помешать его дальнейшему распространению, но усилия эти не увенчались успехом. Ещё в сентябре сербская скупщина объявила князю, что не может оставаться равнодушной зрительницею страданий своих братьев по ту сторону границы. В феврале инсургенты издали манифест, которым заявляли, что желают полной независимости, и при этом выражали надежду, что Россия выступит на защиту свободы южных славян. Вскоре после того появились ещё более серьёзные признаки приближающегося кризиса. В мае были умерщвлены французский и немецкий консулы в Салониках и Абдул-Азиз был свергнут с престола. Лорд Дерби отверг берлинский меморандум, и английский флот показался в Безикской бухте. 2 июля Сербия и Черногория объявили Порте войну. Событие это, само собою разумеется, вызвало сильное волнение в России, в особенности в Москве, и славянский комитет тотчас же принял политический характер. Сначала он ограничился тем, что посылал денежные пожертвования, но затем стал снаряжать добровольцев. Борьба, таким образом, получила в глазах русских двойной интерес, и все с напряжённым вниманием стали следить за событиями. Многие люди, одарённые от природы сангвиническим темпераментом, не богатые

знанием, воображали, что генерал Черняев с сербскою армией пойдёт прямо на Константинополь; но вскоре узнали, что наступательное движение его внезапно остановлено в нескольких милях от границы. Затем было получено известие, что один русский убит. Николай Киреев, бывший гвардейский офицер, пользовавшийся известностью среди московскаго и петербургскаго общества, был смертельно ранен под Зайчаром в тот момент, когда он мужественно шёл впереди своего отряда, и тело его, как гласила молва, было самым зверским образом изувечено турками. Известие это, как и следовало ожидать, произвело глубокое впечатление на тех, которые были лично знакомы с Киреевым; но, как ни странно это покажется, впечатление, произведённое смертью Киреева на низшие классы, которые до этого никогда о нём не слыхали, было ещё сильнее. Обстоятельства его смерти были изукрашены народной фантазией и воскресили целый ряд старых воспоминаний и долго дремавших страстей. В следующих сражениях пало ещё несколько человек русских и энтузиазм всё более и более возрастал. Между тем турки сделали свою «великую ошибку». В ту минуту, когда взоры всего мира были устремлены на Мораву и на Тимок, в тылу турецкой армии раздался вопль отчаяния, и все те, у кого не замерли человеческия чувства, с содроганием остановились перед страшным зрелищем, которое представляли болгарския села в мирной долине Марицы.

Русский крестьянин крайне невежествен во всём, что касается запутанных подробностей восточнаго вопроса; он ничего не знает о страданиях турецкой райи в обыкновенное время, как то: обременительные налоги, продажность судов, запрещение звонить в колокола, недопущение в военную службу, – и если бы эти факты сделались ему известны, то они едва ли возбудили бы в нём особенное негодование. Недопущение в военную службу он счёл бы за великую льготу, а что касается более мягких форм дурного

управления, взяточничества и обременительных налогов, то его естественное отвращение от подобных вещей успело несколько притупиться под влиянием собственного опыта. Таким образом, рассказ об обыкновенных злоупотреблениях турецкой администрации не мог бы его растрогать. Но рассказы об отчаянной борьбе с неверными, о резне, о продаже в неволю и о беспощадном опустошении православных деревень полчищами диких мусульман производят на него совсем другое действие. В нём ещё не совсем угас тот старый дух, который шаг за шагом отвоёвывал степь у кочевников, и сказания о тех немногих, которые возвращались на родину с невольничьих рынков Крыма, ещё не совсем позабыты. И подобно тому, как в старину мужик хватался за топор и спешил на выручку, когда раздавался крик: «Неверные идут, наших режут!» – так и теперешний мужик готов идти на помощь, как скоро до него доносится вопль его единоверцев из-за Дуная.

Среди образованных классов нет этого, так сказать, личного, традиционного воспоминания о жестокостях татар, этой религиозной ненависти к грабителям-бусурманам*. Но у них зато имеется большой запас гуманных чувств, которые сделали то, что «болгарские ужасы» произвели и на образованные классы не меньшее впечатление, чем на народ. Как ни странно это покажется тем, которые ещё держатся старых, традиционных представлений о русском дворянине, я должен сказать, что не встречал людей, более восприимчивых к гуманным идеям, чем русские образованные сословия. Их гуманность, правда, не совсем хорошо выдерживает искус обыденной жизни и, может быть, имеет некоторую склонность улетучиваться с течением времени, но пока это чувство держится, оно бывает очень сильно и способно подвигнуть русских на значительные жертвы. К этому примешивались ещё и сен-

---

* Я употребил выражение «*грабители-бусурманы*», потому что, как я заметил, мужик не питает ненависти к *мирным* татарам.

тиментально-этнологические воззрения. Эти последние, бесспорно, имели и до сих пор имеют весьма неопределённый характер, но это не мешало им оказывать очень сильное действие. Идея, за которую люди готовы бороться и умирать, ничего не теряет от того, что она отличается некоторою туманностью.

В результате всего этого оказалось то, что несколько тысяч добровольцев, – вероятно около 4000, хотя я не имею точных сведений на этот счёт, – отправились в Сербию, а пожертвования возросли приблизительно до трёх миллионов рублей*.

Когда движение начало принимать более значительные размеры, многие стали рассуждать в следующем тоне:

«Славянский вопрос в настоящую минуту перешёл из слабых рук дипломатии в могучия руки народа и в скором времени будет разрешён удовлетворительно. Благородный энтузиазм России посрамил бездушную, отжившую Западную Европу. Мы составляем со славянами одно целое, и их освобождение составляет наше историческое призвание. Они наши братья и союзники в той великой борьбе, которую славянский мир должен предпринять с Западом. Этот антагонизм в настоящую минуту выяснился вполне, так как все западные народы сочувствуют туркам, между тем как мужественный, рыцарски-великодушный Черняев стал во главе сербской армии и многие русские приняли вместе с ним участие в борьбе. Дело славян – наше дело, и с Божьею помощью мы освободим навсегда наших угнетённых братьев от ненавистного чужеземного ига».

* Из этой суммы московским отделом комитета до 6 ноября 1876 г. было израсходовано 583 542 рубля. Главнейшие статьи расхода следующие.

На вспомоществование семействам боснийских и герцеговинских беглецов и на помощь Черногории	135 583 р.
На русских добровольцев, отправлявшихся в Сербию	140 000 "
На больных и раненых в Сербии	47 052 "
На дела благотворительности в Болгарии	38 058 "
На болгарских и боснийских беглецов в Сербии	13 000 "

Так говорили преимущественно в Москве. В Петербурге же многия чиновныя и частныя лица держались совсем иного взгляда и разсуждали так:

«Хотя мы и порицаем безусловно тиранию и дурное управление Турции и питаем искреннее сочувствие к страждущим, тем не менее мы не думаем, чтобы России следовало предпринять теперь великое дело освобождения славян. Такое громадное предприятие требует соответствующих средств и источников, которых мы, к несчастью, теперь не имеем. Наши шовинисты и квасные патриоты лучше бы сделали, если бы обратили внимание на дела более близко нас касающияся. Они хотят драться за людей, которых они называют своими братьями и о которых они между тем ничего не знают. Славянская идея ещё страдает большою туманностью, и существует много внутренних вопросов, о которых нам следовало бы раньше подумать. У нас есть свои герцеговинцы в лице мужиков, лишённых образования и обложенных чрезмерно высокими налогами. В праве ли мы взваливать им на плечи ещё большее бремя для того, чтобы благодетельствовать чужим? Если уж мы непременно хотим что-нибудь сделать, то следовало бы, по крайней мере, действовать легально. Эта отправка добровольцев в Сербию составляет нарушение международного права и может повлечь за собой серьёзные осложнения. Прежде, чем идти далее по этому пути, нам следовало бы подумать, как смешно бороться за свободу других, когда мы сами ещё не достигли свободы».

Безспорно, в этих доводах было много убедительного, но воинственная партия этого не признавала и возражала следующим образом:

«Время ли теперь изучать вопрос с философской точки зрения, когда льётся потоками кровь наших добровольцев? В ту самую минуту, когда турки угрожают опустошить Сербию и перерезать её жителей, а храбрые черногорцы, искони бывшие верными союзниками России, геройски за-

щищают свою веру и свою свободу от свирепых полчищ ислама, наши доктринёры толкуют о необходимости обстоятельнее изучить историю и литературу этих интересных народов и тогда уже решить, следует ли нам идти к ним на помощь! Сербы и черногорцы вступили в борьбу в твёрдой уверенности, что могущественная Россия окажет им поддержку, а мы, по мнению петербургских философов, должны им спокойно объявить: “Не рассчитывайте на нас, так как мы ещё не готовы. Мы ещё недостаточно вдумались в сущность славянской идеи. Проекты наших собственных финансовых реформ и другие вопросы, касающиеся нашего собственного блага, для нас важнее. Быть может, позднее, когда ваша земля будет опустошена, ваши дети замучены и убиты, а жёны и дочери ваши изнасилованы, мы и подвергнем более внимательному рассмотрению ваши права на наше сочувствие”. – Может ли великодушная Россия держать такие речи тем, кого она постоянно защищала и которые в настоящую критическую минуту обращают свои взоры к ней в надежде на немедленную помощь?»

Неорганизованная помощь, оказанная Сербии неофициально, оказалась как в военном, так и в политическом отношении недостаточной. Большинство русских добровольцев из простаго народа, движимые религиозными побуждениями, проявили героический дух настоящих крестоносцев, и некоторые из офицеров честно и мужественно исполнили свой долг; но было немало и таких, которые действовали совершенно иначе и по возможности способствовали тому, чтобы сделать имя русского предметом ненависти и презрения. С другой стороны, и сербы оказались вовсе не такими героями, как от них ожидали, и вследствие этого более храбрые русские начальники их обращались с ними зачастую не совсем деликатно. Неприязненное чувство, которое таким образом зародилось между защитниками и защищаемыми, сначала тщательно скрывалось русской печатью, но мало-помалу слухи о нём

дошли до сведения публики. Слухи эти подействовали, по крайней мере в первую минуту, отрезвляющим образом на тех, которые представляли себе всех славян не иначе, как окружёнными ореолом, изобретённым сентиментальной фантазией. Сербы сделались на некоторое время очень непопулярны, и при этих условиях «петербургские философы» могли снова возвысить свой голос и с торжествующим сознанием своей правоты держать такого рода речи:

«Добровольцы в Сербии ясно доказали, что Россия не обладает нравственными средствами, необходимыми для того, чтобы предпринять дело освобождения славян. Большинство добровольцев из образованных сословий оказались весьма незавидными личностями, людьми отпетыми, для которых поездка в Белград или в Алексинац была просто одним из весёлых эпизодов среди их беспорядочной жизни. Штаб Черняева с своей неурядицей являет нам в малых размерах то, что существует по всей России. Сербы, конечно, не решаются формально наказывать своих освободителей, но не один русский офицер пал жертвою тайной мести своих подчинённых. – Нечего сказать, пристало нам вводить свободу и порядок у других народов!»

Сопrotивление сербов было совершенно сломлено, но дальнейшее победоносное движение турок было остановлено ультиматумом русского Императора, и представители держав собрались в Константинополе. Я не имею намерения высказывать какое-либо суждение об этом высоком собрании и о последовавших затем дипломатических переговорах, но я желал бы указать, какое влияние эти факты имели на русское общественное мнение. Как в Москве, так и в Петербурге они вызвали такого рода впечатление, что Англия только к тому и стремится, чтобы унижить Россию, и что английский посол с этою целью тайно возбуждает турок к сопротивлению. В подтверждение этого указывали на тот факт, что каждая уступка России вызывала новое требование со стороны Порты. Когда некоторые из английских ми-

нистров изъявили готовность построить для России «золотые мосты», по которым она могла бы отступить, то плохо скрытая ирония этой фразы была принята за оскорбление. Англия как будто говорила России: «Ты, конечно, должна пройти под ярмом, но мы постараемся, чтобы символ поражения по возможности походил на триумфальную арку, – и мы смеяться не будем». Это намеренное оскорбление вновь разожгло воинственное настроение, и все стали громко требовать, чтобы правительство объявило войну.

Теперь мы должны остановиться на роли правительства в этих событиях. Оставим поэтому бурную среду волнующегося общества, наполненную всевозможными легко воспламеняющимися элементами, и перенесёмся в более прохладную атмосферу комнат совета, – от возбуждённых ораторов, расточающих громкие фразы о готовности жертвовать «последней копейкой и последней каплей крови», мы перейдём к спокойным государственным людям, сознающим лежащую на них ответственность, обдумывающим пути и средства и поставленным в необходимость принимать в соображение такие прозаические вещи, как бюджет, налоги, государственный кредит и дипломатические осложнения. Как бы глубоко ни были эти государственные люди проникнуты общим настроением и как бы велика ни была их готовность удовлетворить всем законным требованиям национального духа, им всё-таки приходится думать о тех возможных последствиях, которые религиозное и патриотическое увлечение ставит ни во что. Так как им приходится принимать в расчёт как актив, так и пассив баланса, то они волей-неволей принуждены останавливаться не на одних приятных, но и на неприятных графах длинного списка возможных в будущем случайностей.

В Западной Европе многие были убеждены, что Петербургский кабинет имел с самого начала ясно определённую программу и что кажущиеся отклонения от прямого пути были с его стороны просто стратегическими маневрами

или искусными обходами, делаемыми с целью обмануть иностранные державы и заручиться сочувствием народных масс. В то время много было толков о так называемом завещании Петра Великого и о той неуклонной систематичности, с которою будто бы мысль этого завещания провозилась всеми преемниками великого преобразователя. В то время все предполагали, что русское правительство совсем изъято от действия тех случайных влияний, которые иногда играют такую важную роль в иностранной политике других держав. Этот взгляд, как кажется, и до сих пор имеет ещё много приверженцев в Англии, Франции и Германии, но с ним едва ли могут согласиться те, которые серьёзно изучали историю России за последние два столетия. Не знаю, насколько правды в анекдоте, что императрица Елизавета была однажды удержана от объявления войны мухой, которая села на бумагу, только что подписанную императрицей, и сделала на ней пятно, – но анекдот этот, во всяком случае, характеристичен, и в русской истории можно найти немало примеров, подтверждающих справедливость известного изречения, что малые причины рожают иногда большие последствия. Правда, в русской иностранной политике можно заметить известную логическую последовательность, но эта последовательность не есть результат особенно твёрдаго убеждения или пророческого предвидения со стороны лиц, руководящих этой политикой. Она скорее является результатом обстоятельств и влияний, которые иногда даже не совсем правильно понимались лицами, игравшими руководящую роль, и встречали с их стороны противодействие. Поэтому многие русские видят в прошлой истории своего отечества руку Провидения. Они замечают правильное движение, совершающееся в известном направлении, а так как они видят, что в правительственных сферах движению этому не всегда оказывается поддержка, то они приходят к тому заключению, что тут участвует судьба. Я помню, как один из самых даровитых

русских государственных людей в тот момент, когда дело в Болгарии казалось совершенно проигранным, говорил мне с видом глубокого убеждения: «Я с самого начала был против войны, и вот теперь нам приходится каяться в своей опрометчивости. Но в конце концов всё уладится. Всякий, кто имел случай долгое время и вблизи наблюдать ход дел в наших правительственных сферах, не может ни на одну минуту усомниться в том, что существует Провидение, которое всем руководит и предназначило нас стать великою нацией. Русский орёл, как вам известно, имеет две головы. Это факт многозначительный. Ни одно существо, имеющее только одну шею, которую оно может сломать, не рискнуло бы сделать и половину тех ошибок, которые мы натворили. Но ничего, русский Бог велик!»

Всё это нам необходимо принять во внимание, если мы хотим как следует понять образ действий русскаго правительства во время событий, предшествовавших войне. Если бы мы вздумали придерживаться общепринятой теории, по которой народное движение было создано и руководилось официальными влияниями, то это повлекло бы за собою безконечный ряд затруднительных вопросов и противоречий. Но раз мы примем тот простой факт, что правительство, состоя из людей, подверженных тем же человеческим страстям, как и все мы, руководилось частью политическими соображениями, а частью теми влияниями окружающей нравственной атмосферы, которая и на него оказывали своё действие, то для нас ход событий тотчас же сделается ясен. Те, которые имели случай наблюдать вблизи то, что делалось в тайниках, откуда исходит политическая инициатива, знают очень хорошо, что душевные движения и случайныя обстоятельства играли немаловажную роль в тех нерешительных действиях, которые предшествовали объявлению войны. В течение нескольких месяцев политическая атмосфера в высших политических кружках была подвержена сильным колебаниям. Иногда барометр

стоял на «ясно», а немного погода вдруг падал, и являлись признаки приближающейся бури. Иногда казалось лежащим вне всякого сомнения, что России надо употребить ещё многие годы на приведение в порядок своей армии и своих финансов, прежде чем ей можно будет приступить к разрешению восточного вопроса, но с другой стороны столь же несомненным представлялся и тот довод, что с честью России несовместимо оставлять на произвол судьбы тех, которые рассчитывали на её защиту и которых она перед этим обнадёживала. При этих условиях, само собою разумеется, делались попытки приискать какой-нибудь средний путь, на котором можно было бы оказать помощь славянам, не поднимая при этом восточного вопроса. Неоднократно дипломатическая машина приводилась в действие с этою целью; но усилия дипломатов не увенчались никаким осязательным результатом и ещё более увлекали политику правительства в том направлении, которое в минуты хладнокровного раздумья казалось нежелательным. Хотя партия, стоявшая за войну, и продолжала кричать во всеуслышанье, что Россия унижает себя своими уступками и колебаниями, высшее правительство всё ещё не теряло надежды избежать войны. Оно с своей стороны имело полную возможность взвесить те соображения, из которых явствовало, что не настала ещё минута, благоприятная для поднятия восточного вопроса, уже стоившего России в прошлом столько денег и столько крови.

Дело в том, что страна только что перед этим была подвергнута целому ряду преобразований громадной важности и ещё находилась в переходном состоянии. Хотя положение финансов, в сущности, было прочное, народ всё же был обременён тяжёлыми налогами, и источники доходов не обладали той растяжимостью, которая позволяла бы без особенного напряжения перенести тягость продолжительной и дорого стоящей войны. Армия только что была преобразована на новых началах, и её боевая спо-

способность ещё не была испробована на деле. Не подлежало сомнению, что остальные державы, заинтересованные в разрешении восточного вопроса и не связанные в своей свободе действий никакими осложняющими соображениями, не останутся безучастными зрительницами, в случае если будет приступлено к осуществлению больших завоевательных планов. Даже борьба с одной Турцией отнюдь не была желательна. Хотя и можно было поручиться, что из этой борьбы Россия в конце концов выйдет победительницей, но всё же успех мог быть достигнут лишь ценою больших опасностей и больших жертв. Наиболее осмотрительные люди между военными авторитетами отлично это предвидели. Русским портовым городам южного побережья предстояла, в случае объявления войны, немедленная блокада, а крепости, оборонявшие линию Дуная, являлись грозным препятствием для наступающей армии. Знали также упомянутые авторитеты, что, если наступающая армия захочет обойти это препятствие и проникнуть в Турцию через Сербию, её сообщения с Россией будут находиться в зависимости от произвола Австрии. Если мы примем всё это во внимание, то нам не трудно будет поверить тому, что русское правительство искренно старалось удержать Сербию и Черногорию и действительно желало умиротворения Боснии и Герцеговины.

Но в таком случае, отчего оно не дало явно понять это, так чтобы не было недоразумений, и отчего оно, по крайней мере, не подавило движения в собственных своих пределах?

Иные утверждают, что сила движения была так велика, что правительство не в состоянии было одолеть его, что власть правительства ослабела в России и что оно поставлено в необходимость вести от времени до времени войны для того, чтобы отвлечь внимание своих подданных от внутренних дел. Все эти предположения глубоко ошибочны. Русское самодержавие, опирающееся на безграничную наследственную преданность к нему как дворянства,

так и простаго народа, не может вовсе быть сравниваемо с французским самодержавием эпохи Наполеона III; и никогда самодержавная власть не стояла прочнее в России, чем в настоящую минуту. Правительство, конечно, не могло бы воспрепятствовать своим подданным питать сочувствие к славянам, но оно могло бы разом закрыть все отделы славянского комитета, воспрепятствовать вербовке добровольцев и запретить народныя демонстрации.

Но при всём том, надо сознаться, что правительство было до известной степени «вынуждено» принять участие в движении. В славянском вопросе существуют две стороны: сентиментальная и чисто политическая. Стремления южных славян, как бы фантастичны они ни были, во многих отношениях способствуют усилению влияния России, и ни один русский монарх, желающий сохранить влиятельное положение для своего государства и расширить сферу этого влияния, не может оставить без внимания сказанныя стремления. А потому, как скоро между южными славянами начинается серьёзное движение, Россия, чтобы не утратить положения, занимаемого ею среди славянского мира, вынуждена бывает волей-неволей принять в движении участие. В настоящем случае она, как мне кажется, шла против своей воли. Русское правительство вначале, по-видимому, считало, что возстание в Герцеговине скоро погаснет и что все затруднения могут быть обойдены «искусным бездействием», ловкими поворотами в ту и в другую сторону и другими средствами, которыя небезызвестны и английским государственным людям. После того, как эти надежды рассеялись и «больной человек» проявил в сербской войне такую военную силу, какой от него не ожидали, русское правительство старалось поддерживать доброе согласие с великими державами. Но тут произошло Дюнишское дело, которое вынудило Россию действовать независимо. Если бы она отдала Сербию в жертву огню и мечу, то имя русского стало бы ненавистно среди всех отраслей славянского

племени. Русское правительство всё ещё желало избежать войны, и потому оно выказывало полную готовность к уступкам; но при этом оно твёрдо решилось не покидать на произвол судьбы славян, защита которых была ему вверена исторической традицией. Не раз в то время, когда я внимательно следил за политикой России по отношению к Сербии и Черногории, мне припоминался анекдот про того французского революционного вождя, который, прежде чем взойти на баррикаду, указал приятелю на толпу народа и конфиденциально шепнул ему на ухо: «Il faut bien que je les suive, puisque je suis leur chef!»*

К тем эпизодам, которые играли наиболее важную роль в переходе России к воинственной политике, относится знаменитая речь, произнесённая русским Императором в московском Кремле. После того, как Его Величество заявил, что не желает отступить от угнетённых и в случае, если Европа не пойдёт с ним вместе, будет действовать один, единственным средством избежать войны с Турцией было бы добиться от Порты некоторых существенных уступок. Но Порта упорно отказывалась от подобных уступок, и война была объявлена.

Поход начался рядом успехов. В Азии был взят Ардаган и обложен Карс. В Европе войска переправились через Дунай, не встретив серьёзного сопротивления, и древняя столица Болгарии, Тырнова, была подвергнута осаде. Не успело ещё остынуть радостное возбуждение, вызванное в публике этими успехами, как уже было получено известие, что вторая серьёзная преграда, Балканские горы, осилена и что генерал Гурко быстро идёт на Адрианополь. Уж не удастся ли взять одним смелым движением и Константинополь? При мысли о такой возможности воинственный энтузиазм публики, конечно, возрастал и партия войны торжествовала. Людям сангвинического темперамента уже казалось, что больной человек умер и что восточный во-

---

* Хотя я должен следовать за ними, я их лидер! (франц.)

прос может считаться разрешённым. В действительности же больной человек ещё не думал умирать и начинал проявлять весьма неприятные доказательства своей живучести. Победоносная армия, проникнувшая в сердце Малой Азии, была разбита при Зевине и отброшена к границе. В Европе тоже начался длинный ряд разочарований. Первая атака на Плевну была отбита с большим уроном; вторая атака была сопряжена с ещё большими потерями. Экспедиция генерала Гурко оказалась неудачной; турки резали в долине Тунджи тех болгар, которые выказали сочувствие к русским войскам. Публика узнавала из писем с театра войны, что жители северной Болгарии проявляют мало сочувствия и признательности к своим освободителям, и русские газетные корреспонденты прямо говорили, что бедные, угнетённые райи живут богаче и лучше русских крестьян.

Все эти неутешительные факты вызвали естественным образом реакцию в общественном мнении, и те, которые в течение некоторого времени вынуждены были молчать, теперь заговорили громче, чем когда-либо. «Где же, – восклицали они, – ваши победы и чем увенчались ваши заносчивые похвальбы, господа шовинисты? Что скажете вы теперь о больном человеке, которого вы хотели похоронить, не спросив его? Вы, газетные герои, поддавшиеся безумному порыву и увлёкшие за собою публику, – вы, кричавшие о войне в такую неблагоприятную для нея минуту, – довольны ли вы теперь? Загляните внутрь святой Руси, которой вы совсем не знаете; посмотрите на семьи, осиротевшие по вашей милости; слышите ли вы рыдания, раздающиеся теперь по всей стране, – и всё это ради чего? Ради того только, чтобы помочь людям, которые не нуждаются в нашей помощи и не желают ея. Болгары в несколько месяцев этой ужасной войны потерпели больше бед, чем сколько они вынесли бы в двадцать лет турецкаго владычества, между тем как мы в финансовом и экономическом отношении отодвинулись на десятки лет назад».

Около половины октября счастье снова начало благоприятствовать русским, а в течение следующих затем месяцев осуществились надежды самых завянутых оптимистов. Началось с того, что русские одержали победу в Малой Азии. Мухтар-паша был выбит из своих укрепленных позиций близ Аладжа-Дага. Карс был взят и Эрзерум обложен русскими войсками. Затем стали приходить благоприятные известия из Болгарии. 10 декабря сдался Осман-паша с своей армией, и Плевна, имя которой успело сделаться в устах народа синонимом несчастья*, была занята русскими войсками. Это послужило прологом к окончательному поражению турок. Невзирая на снег и морозы, русские войска переправились через Балканы и неудержимым потоком устремились к Мраморному морю и Босфору. Ещё прежде, чем успели заключить перемирие, авангард армии стоял уже близ Константинополя.

Эти быстрые успехи вызвали чрезвычайный энтузиазм по всей стране, но это было уже не то чувство, которое проявлялось при начале войны. Невзирая на то, что много говорилось о необходимости доставить Болгарии, Боснии и Герцеговине полную независимость и добиться гарантий, обеспечивающих уважение этой независимости со стороны Турции, всё же славянская идея отступила на задний план, или, по крайней мере, на второй план, а вперёд выдвигался вопрос следующего рода: какое вознаграждение следует нам получить за те драгоценные 100 000 человеческих жизней и те сотни миллионов рублей, которые принесены нами в жертву? «Конечно, — говорилось далее, — мы должны упрочить те результаты, ради которых была начата война, но при этом нам следует подумать и о собственных своих интересах». Мысль о том, чтобы пристыдить Европу полным безкорыстием при осуществлении

* Так, например, один русский купец, рассказывая мне про своего конкурента, попавшего в очень затруднительные денежные обстоятельства, выразился так: «Иван Егорыч, начал торговать хорошо, но теперь для него настала своя Плевна».

высокой задачи освобождения славян, – мысль, к которой дипломатия относилась с пренебрежением, но которая всё-таки лелеялась значительной частью публики, теперь была признана крайне сумасбродною, и те, которые считали, что высшее правительство находится под влиянием этой идеи, заявляли во всеуслышанье, что правительство не имеет права приносить интересы своей страны в жертву ошибочным понятиям о рыцарском благородстве. В виду того, что Россия одна, без посторонней помощи и ценою громадных жертв разбила наголову своего исконного врага, считали, что восточный вопрос, поскольку он касался Турции, должен быть разрешён основательно и вполне согласно с интересами России.

И действительно, способность сопротивления турок была сломлена совершенно, и для всех было очевидно, что султан поставлен в необходимость согласиться на всякое условие, какое только царь сочтёт нужным предписать ему. Но русские дипломаты, которые были лучше знакомы с положением дел, чем публика, знали, что дело не в одном султানে.

Во имя переговоров, которые привели к войне, им удалось изолировать Турцию, и теперь они должны были напрягать все свои усилия, чтобы и далее удержать её в том же изолированном положении. Каждая из держав, участвовавших в подписании Парижского трактата, могла потребовать, чтобы спросили её мнения и совета при заключении условий, долженствовавших определить новое положение дел, и отказ со стороны России мог повлечь за собою возобновление военных действий и распространение их на более обширный район. В виду этой опасности русские государственные люди решились быть крайне умеренными (с их точки зрения) в своих требованиях, и генерал Игнатьев взялся составить такой договор, который, хотя и подрывал вконец всю силу Оттоманской империи, по внешности мало изменял положение Турции и потому

не должен был давать остальным державам повода к вмешательству или неудовольствию.

Такова была цель, с которой был начертан и окончательно выработан Сан-Стефанский договор; но он не достиг тех результатов, которых ожидал его составитель. Невзирая на то, что для успокоения Англии вопрос о проливах был вовсе обойден молчанием, а Австрию пытались удовлетворить тем, что ей не ставили никаких преград к полному присоединению Боснии и Герцеговины, договор всё-таки поднял в Лондоне и Вене целую бурю недовольства, а в других европейских столицах вызвал тревогу. Очевидно, была сделана серьёзная ошибка, которую, однако, ещё можно было поправить. Единственными державами, которые для поддержания своих требований готовы были взяться за оружие, являлись Англия и Австрия, и потому вся опасность заключалась в союзе между ними. Поэтому для русского правительства наилучшая политика состояла в том, чтобы воспрепятствовать дружному действию этих двух держав, зарасположив одну из них в свою пользу. Попытка в этом направлении была сделана сначала в Вене, но генерал Игнатьев, не задумавшийся взять на себя это трудное поручение, нашёл графа Андраши через меру притязательным в своих требованиях и вовсе не склонным предпринять что-нибудь независимо от остальных держав. Тогда была сделана попытка сойтись с английским кабинетом, но и этот последний твёрдо стоял на своём требовании, чтобы мирный договор, во всей его совокупности, был предъявлен на рассмотрение Европы. Итак, России предстояло сделать выбор между общеевропейским конгрессом и новой войною. Она предпочла первый из этих двух выходов, и Сан-Стефанский трактат был заменён Берлинским.

В настоящее время, быть может, ещё слишком рано высказывать окончательное мнение об этом важном международном соглашении, но мы можем с полной уверенностью сказать, что он представляет лишь временное разре-

шение тех трудностей, которые в течение трёх лет держали европейскую дипломатию в таком напряжённом состоянии. Не следует упускать из виду, что, по меткому выражению Гранта Дёффа, «христианские расы, населяющие Балканский полуостров, рано или поздно перерастут как турок, так и мусульманских славян», и из славянского вопроса встаёт восточный вопрос в более широком значении этого слова. Судьбы Азии в значительной степени находятся в руках России и Англии. Хотя такое поле достаточно обширно для обеих этих держав, а общность интересов представляет надёжное и широкое основание для искреннего соглашения, всё-таки было бы ребяческим оптимизмом утверждать, что не существует никакой опасности столкновения в будущем. Но, во всяком случае, следует постоянно остерегаться, чтобы не смешать воображаемые интересы с действительными и не взяться за оружие из-за недоразумения. Пока наша ближайшая обязанность ясна. Нам следует лучше ознакомиться с Россией для того, чтобы этим путём уменьшить вероятность ненужных столкновений. В надежде сколько-нибудь содействовать достижению этой желательной цели и была написана настоящая книга.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уоллэс, выросший в стране парламентаризма, хорошо знающий и внутреннее содержание этого последнего, и внешнюю его форму, все его права, обычаи и порядки и хорошо в то же время ознакомившийся *с нашими государственными учреждениями, их строем и характером*, пытается и в России отыскать черты европейской гражданственности и демократии.

Он справедлив в своей оценке земства, с работой которого он ознакомился: «Это учреждение по своей форме чисто парламентское, то есть оно состоит из собрания выборных от населения, собирающегося не менее чем раз в год, и постоянной управы, избранной собранием из своих членов». Но, по-европейски не замечая традиций допетровской России, он упускает возможность взглянуть в историю, чтобы выявить значение подлинно русского образа как свидетельства мощного духа народной жизни, когда Россия была не абсолютистским, а земским государством!

Главным принципом в развитии гражданского самосознания и народного представительства была «соборность», не раз спасавшая «земскую Русь» и столь ярко проявившаяся в Смутное время на Руси в начале XVII в. Могучий народный организм смог вынести подобные испытания, которым, впрочем, конец далеко ещё не настал. И хотя существование народа ещё не отделилось вечной чертой от существования дворян, но возвращаться к народным и историческим началам становилось всё сложнее. Невозможность всенародного представительства была очевидна вследствие крепостного права и внесён-

ного в общество раздвоения – разделения сословных интересов, разъединения земщины. В этой связи укажем и на бесплодное стремление аристократии к обособлению себя и к ограничению в своих интересах верховной власти (неудавшаяся попытка олигархической конституции при Анне Иоанновне) и на одинаково бесплодную попытку императрицы Екатерины II привлечь всю землю к участию в законодательстве.

Обращаться вспять было уже нельзя. Оставалось идти вперёд, сохранять уважение к своей земле, признавая права своего народа на самобытную историческую жизнь, к стиранию отношений крепостничества, сближению сословий, восстановлению значения земщины в общественных делах. И здесь важны были позиция и роль русской монархии в развитии свободы духовной жизни и культуры *блюдением культурной преемственности и общественных слов**, которые являются её носителями.

Твердыней ограждения начал духовной независимости и государственно-общественной жизни было наследственное дворянство. Ценность дворянства с точки зрения общегосударственного и культурного интереса вполне могла рассматриваться при отвержении всех его эгоистических сословных притязаний. «Что такое дв.<орянство>? – писал А. С. Пушкин, – потомственное сословие народа высшее. Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. – Нужны ли они в народе, так же как напр., трудолюбие? Нужны, ибо они *la sauve garde*** трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества... Противоположное есть необходимое средство тирании, или, точнее, безчестного и развращающего деспотизма. “Аристократией прав” и “рабством народа” “кончается (погиба-

* Пушкинское выражение (В. Д.)

** Охрана, защита (фр.).

ет) дворянство»)*. Иными словами, – должны были пасть как «аристократия прав», так и «рабство народа». Чистейшим источником силы для этих процессов служила русская культура, широта русской души с её неистребимым устремлением к святости, способная обнимать собою лучшие стремления всякой культуры и вмещать их в единстве народного и христианского идеала.

Воспринятую из русской древности гармонию органического роста в наибольшей мере хранила русская деревня. Уцелевший остаток представительных учреждений составляло мирское устройство нашего сельского сословия; его следовало беречь и возвращать, распространять земское и выборное начало как исконно русскую форму местного самоуправления. Жизнь «земской Руси» и жизнь народная современная выражались в чертах, свойственных русскому характеру и русскому общественному укладу, согласных в сохранении нравственной опоры против ложных устоев формирования общества, которые обременяли развитие страны. Цивилизация попускала и разложение основ национального бытия, породила процессы распада, тлетворный мир торговцев совестью, воспринимавших человеческую жизнь от прибыли (в политике, экономике, экологии и т. п.). Борьба против этих процессов должна была привлечь всю силу государственности для сохранения и поддержки народных традиций в развитии общественного уклада.

Национальный запрос истории мог быть сформулирован так: *трудным подвигом самосознания расторгнуть оковы народного духа, вернуть русской народной жизни свободу, цельность, правильность и плодотворность органического роста!*

В практических рекомендациях, в том числе в литературе, недостатка не было. Но в жизни высокая значимость этой

---

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 19 томах. Том 12. Изд. АН СССР, 1949, С. 205-206; См.: Александр Сергеевич Пушкин. «Русский мир в лицах». М., 2006. С. 623.

задачи была упущена, что весьма ясно прослеживается хотя бы в образе проведения крестьянской реформы 1861 года. Разделение сословий ещё усилилось, например, странным явлением тщательного ограждения обширной системы крестьянского самоуправления от влияния других сословий. Сельские общины получили почти полную автономию, и помещики были устранены от участия в административной и судебной деятельности волости. **Разделяющие сословия факторы можно отнести и на действия финансовой администрации, и на счёт закона об освобождении, который косвенно обязал крестьянина выкупом за его личную свободу, придав этому выкупу форму платежей за землю, не соразмерных по земледельческим районам страны с нормальной доходностью земли.** Ту часть платежей за землю, которая оказывалась за вычетом суммы, представляющей нормальную ренту за этот участок, с полным основанием можно было принимать за дополнительный, накладываемый без желания пользователя, чистейший налог. Это особенно ощущалось в северной земледельческой полосе со скудной доходностью земли, где крестьянин не мог освободиться от обременительного платежа, отказавшись от столь обременённого участка, так как ни община, ни кто-либо из отдельных её членов не примут добровольно его участок на этих условиях. Здесь реформа, доставлявшая большие убытки и помещикам, буквально разоряла крестьян. Наконец, и может быть главное, – власть не смогла органически вписаться своей политикой в реальную жизнь деревни. В тесной связи с учреждением земских чинов стояли учреждения окружные и общинные. Они обеспечивали истинную практическую свободу, которая ежедневно и ежечасно оказывала влияние на все вещные и личностные отношения людей и ограждала их от начальственного произвола и самопревознесения. **Община оставалась единственным учреждением на Руси, которое устояло против парализующего действия административной опеки, – единственным учреждением, имеющим в себе самом источник самобытной,**

независимой жизни. Община сама понимала свои интересы гораздо лучше, чем те, которые порывались издавать для неё законы, и она имела полную возможность произвести сама в своей организации и своём способе действий те изменения, какие сочла бы для себя полезными. Однако власть не использовала в общественных интересах широкие возможности деятельности учреждений сельской общины.

Русская монархия не вступила в союз с низшими классами с использованием естественным путём и цивилизующего влияния личных усилий и самопомощи лучших представителей высших образованных классов; напротив, она слишком тесно связала свою судьбу – особенно в 80-х–90-х годах – с судьбой угасавшего дворянского класса, чем подорвала свою популярность в крестьянских массах. Исконно русские задатки единения общества остались без должного внимания в состоянии вялотекущего развития. Сословный разлом отторгает от социальных реформ большую часть народа, полагая предел успехам последующего законодательства, ибо, как пишет и сам Уоллэс, всё, что законодательство может сделать, это – устранить препятствия и создать внешние формы; дух же, который придаёт жизнь этим формам, должен исходить от самого народа и вырабатывается лишь путём долгого опыта. Понижение уровня русской культуры шло рука об руку с тем «демократическим наводнением», которое стало для всех явным фактом с шестидесятых годов – с момента проникновения в общественно-государственную жизнь «разночинцев» – представителей полуобразованных и необразованных классов. Бюрократические круги и дворянство не смогли возвыситься до осуществления насущных потребностей, уступив предпочтениям поиска *европейских политических свобод*.

Всё это видит Уоллэс и воспринимает умом и сердцем европейца, и без размышлений принимает критерием развития лишь достижение политических свобод, чем и порождает случайность своих последующих оценок. Современные ему

политические мыслители на западе едва только начинали исследовать общественные силы; одни видели краеугольный камень политической свободы в личных правах, другие – в местном самоуправлении, те и другие одинаково неосновательно. Уоллэс пишет об организации местного самоуправления, чётко определяя, что «все другие органы самоуправления в России имеют искусственный характер и скорее орнаментальное значение, и та самая власть, которая создала их, могла бы и упразднить их, не вызывая этим серьёзного нарушения существующих отношений; одна только сельская община пустила глубокие корни в преданиях, привычках и обыденных интересах народа». И после этого делает вывод, не имеющий исторического оправдания: «Если мы сравним земство с прежними попытками создать местное самоуправление, то надо согласиться, что русские сделали большие успехи в своём политическом образовании». Впрочем, и его как проницательного наблюдателя поразила «отвлечённость и противоречивость» государственных и общественных преобразований.

Вопросы православия и веры русского народа

В вопросах православия и веры русского народа пафос господина Уоллэса больше похож на пафос протестанта; ему ближе было бы поставить Церковь в зависимость от публичных процедур, кампаний и политтехнологий пастора. Хотя ближайшее рассмотрение предмета подсказывает ему, что многонациональный состав населения России требовал от духовных властей широкой веротерпимости и снисходительности к религиозным познаниям новообращённых, привыкших к языческим обрядам и заклинаниям. В русском церковном быту с самого начала естественно обращалось много внимания на внешнюю, обрядную сторону. Догматическая и этическая стороны вероучения оставались в некотором небрежении, а это и делало «слишком

обыкновенным» для простого народа стремление «смотреть на религию как на собрание обрядов, имеющих скорее чудодейственное, чем духовное значение».

Вопросы культуры

Достоинны внимания во многом верные наблюдения Уоллэса *при освещении вопросов культуры*, хотя действительность оказывается шире его мировоззренческих позиций. Когда он говорит об интеллектуальной истории нации, то понимает только высшие классы. Слабой чертой его восприятия является и то, что применительно к России под «напряжением человеческого духа нации» понимаются лишь усилия «счастливого подражания» Европе.

Внимание читателя **ограничивается сферой придворной аристократии** и тех, которых А. С. Пушкин в письмах любил называть «нашей литературной С. П. Бургской сволочью», – то есть вельмож, которые, по выражению князя Щербатова, «проживаясь, привязывались более ко двору, яко ко источнику милостей, а нижния к вельможам для той же причины»*. Не принадлежащие к придворным кругам имена Татищева, Ломоносова, Болотова исчезают из поля зрения автора, **ибо в них он никак не мог бы видеть подражателей**. Строгость исследователя не позволяет ему называть подражателями и таких вдохновенных приверженцев европейского влияния в России, как В. А. Жуковский, А. С. Пушкин (который, кстати заметить, «**всегда был склонен аристократичествовать**»), М. Ю. Лермонтов.

Накладываемая европейская калька с её «**борьбой мнений, борьбой властей, борьбой престолов**», – столь естественных для Запада, но неприменимых к русскому бытию, – приводит к искажениям в осмыслении современного Уоллэсу «золотого века русской литературы».

---

* Михаил Михайлович Щербатов. О повреждении нравов в России. Москва–Augsburg, 2001. С. 26.

В России не было характерной для Западной Европы «войны» между школами «классической и романтической». М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, А. П. Сумароков и классицизм; Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков и романтизм – были школами на почве единой русской культуры. Представители этих школ – Г. Р. Державин и А. С. Пушкин, оба совершили исполинский подвиг, представив собою своё время и свой народ. И мы можем следить за тем, как Пушкин подготавливается, органически вырастает из всего предшествующего развития. К нему ведут и Ломоносов, и Кантемир, и Сумароков, и Фонвизин, и Озеров, и Державин, и Карамзин, и Хемницер, и Крылов, и Гнедич, и, наконец, та широкая волна подлинной народной поэзии, которая, вместе со знаменитым сборником народных песен Чулкова и Новикова*, проникает в русскую образованность и органически в ней претворяется. Сторонники «романтической школы» с уважением относились к «приверженцам традиционных правил эстетики». Ведь не назовём же мы литературной «бранью» натужное противостояние группе «молодых архаистов» или тем более молодое, дерзкое и озорное действие «Арзамаса» против литературных староверов-любителей «Беседы». Не могло быть и «борьбы» романтиков против гоголевского реализма. Универсальная всеобъемлемость русской культуры – это своего рода художественная вселенная, целостность самой живой жизни в единстве её борений, где каждому живому искреннему движению духа и мысли, идеи и чувства дано обрести своё полноправное слово.

«В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует)», – писал А. С. Пушкин**. Борьба идёт в

* Имеется в виду «Собрание разных песен», напечатанное в 4-х частях в 1770–1774 гг. См.: П. Б. Струве. *Растущий и живой Пушкин. Александр Сергеевич Пушкин. «Русский мир в лицах»*. М., 2006. С. 555–556.

** Пушкин. *Письма, Том III, 1831–1833*. Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. АCADEMIA, 1935. С. 359.

ином русле – за свободу поэтического вдохновения, свободное развитие поэтической мысли, ясное разграничение цензурного контроля от эстетической и моральной опеки, на фоне тех подражателей, которых Пушкин помольеровски называл *Les précieuses ridicules* нашей словесности – людьми, толкующими вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и всё это слогом камердинера Профессора *Тредьяковского**.

При «младенчествующем» состоянии русского языка литературой занималось весьма малое число любителей, которые видели в ней приятное, благородное упражнение. С ходом времени литература становится «отраслью промышленности, покровительствуемой законами в виде Цензурного Устава. ... Литература оживилась и приняла обыкновенное своё направление, то есть *торговое*. Возросла зависимость от благосклонности читающей публики, критики и политики монополистов книжной торговли»**. Но и при этом не теряется главная черта русской литературы – поиск и оценка подлинного поэтического вдохновения мериллом высокой художественности, заданным на десятилетия вперёд. «В нём не вижу я ни капли творчества, а много искусства»***, – вот пушкинское мерило этой борьбы.

Борьба мнений в литературной среде была, и была порою жёсткой. Становлению серьёзной критики, за исключением нескольких отдельных статей, исполненных светлых мыслей и остроумия, долгое время предшествовали лишь разборы «Вестника Европы» да приговоры «Северной Пече-

---

* Применённый А. С. Пушкиным мольеровский образ: *Les précieuses ridicules* нашей словесности – комедия Ж. Б. Мольера «Смешные жеманницы». Эти женщины пытались придать языку более утончённый и приторный характер под предлогом сообщить ему больше правильности и вежливости. (Прим. ред.)

** Пушкин. Письма, Том III, 1831–1833. Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. ACADEMIA, 1935. С. 75, 491.

*** Отзыв А. С. Пушкина на некоторые поэтические опыты М. Д. Деларю: из письма П. А. Плетнёву [12–14-го апреля 1831 г. Москва].

лы». Политиканство в суждениях публики, гражданские распри и людское суесловие с их коммерческим направлением и порою площадной бранью иногда тревожили умы, но чаще брезгливо отвергались в восходящей, животворной среде образованных и творческих людей. Борьба велась не за место под солнцем или первенствование тех или иных властителей дум, не за самоутверждение творческих индивидуальностей, хотя русская литература чуть не сплошь порождалась подлинно могучими индивидуальностями. Не удивить мир, но мысль разрешить – вот её внутренний двигатель. Не всякий способен был глубоко чувствовать и понимать сочинения своих великих современников. По замечанию Н. В. Гоголя, большая часть этих сочинений «... и при том самых лучших, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние, нужен вкус выше того, который может понимать одни слишком резкие и крупные черты»*. Эти сочинения были пробным камнем, на котором испытывался вкус и эстетическое чувство разбирающего их критика. Но выдающиеся представители творческой среды поднимались над критикой толпы, определяя собой природу, душу, язык и характер русской литературы, в основе которого уже укоренялось чувство национального самосознания. Чем выше поднимался их гений, чем зрелее становилась их муза, тем менее сочувствия находили они в окружающей среде, но «какая сила гражданского чувства и ясность политического разума» проявились в их в творчестве? В Жуковском и Пушкине эта сила «тогда получила уже голос и пустилась в политику». «Каково же? – писал С. П. Шевырѐв по поводу пушкинских сочинений: послания “Клеветникам России” и “Бородинской годовщины”. – Первый голос политики у нас выражается стихами. Это стран-

* См.: Гоголь Н. В. Собр. соч. в 9-ти т. Сост. и коммент. В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. Т. 7. М., «Русская книга», 1994. С. 264; Впервые опубликовано в сб.: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Ч. 1–2. СПб., 1835.

но. В России, каких чудес не совершается»*. При этом нужно понимать, что «не в политическом строе жизни Пушкин полагал своё призвание как русского общественного деятеля. К нравственной свободе, к духовному совершенству тяготел дух Пушкина... Есть сила более устойчивая, чем правовой порядок, сила могучая и вековая, которая создается лишь нравственным влиянием личности... Таковы: Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстые, Гончаров и даже те, которые силились волноваться политикой и как бы против собственной воли рассуждали о добродетели и о вечной истине. Таковы были: Некрасов, Тургенев и даже Герцен»**. Что же касается внешнего административного строя жизни, то правовой порядок, который туманил головы многих его современников, был чужд пушкинских стремлений. «Монархия – сословное государство – свобода – консерватизм» выступают у него как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу «демократия – радикализм (якобинство) – цезаристский деспотизм». По мнению Пушкина, где нет независимых сословий, там господствует равенство и развращающий деспотизм***.

Таков ли был век литературы западной?

Осознанным путём развития русской литературы были не отказ от европейского просвещения и не подражание, а встречное движение с Европой. «... Сблизить нашу литературу с заграничною», – так формулировал И. В. Киреевский

---

* М. Н. Катков. Кого чувствует Россия в лице А. С. Пушкина (По поводу открытия памятника). С. П. Шевырёв из письма С. А. Соболевскому (16 /28/ октября 1831). См.: Александр Сергеевич Пушкин. «Русский мир в лицах». М., 2006. С. 311, 401.

** См.: Епископ Антоний (Храповицкий). Слово пред панихидой о Пушкине. Сказано за литургией в Церкви Казанского университета 26 мая 1899 г. Речи о Пушкине. 1880–1960-е годы. Сост., подг. текстов и коммент. В. С. Непомнящего и М. Д. Филина; послесл. В. С. Непомнящего. М., «Текст», 1999. С. 97–109. Впервые опубликовано: «Православный Собеседник». Казань, 1899, № 6. С. 783–801.

*** Франк С. Л. Этюды о Пушкине. См.: Александр Сергеевич Пушкин. «Русский мир в лицах». М., 2006. С. 626.

цель своего журнала «Европеец», при этом указывая: «не с политической, но с мыслящей Европой»*. В этом движении рождалась **великая литература, открытая всему миру и завоевавшая мир**. Питаемая животворящими соками русской души, она **умела в лучших своих образцах избегать аффектации** стиля, стилистических ухищрений, вычурности и изысканности неологизмов, **слишком большого злоупотребления мелочами** – словом, всего того, что так характерно классической литературе Запада.

К сожалению, **приводя примеры из русской литературы**, Уоллэс прошёл мимо «золотого века» этого движения. Но можно ли судить его за то, что не раскрыл её природы, ведь он был только современником расцветающей перед ним эпохи её **национального Возрождения**; **сам ещё только постигая и русский язык, и русскую письменную традицию**. Да, были уже оценки Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, В. Ф. Одоевского, П. В. Анненкова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, А. А. Григорьева, **была и критика В. Г. Белинского**, но даже всплеск оценок пушкинской традиции к 100-летию рождения великого поэта был ещё впереди; не говоря уже о восхитивших мир единствах отталкивания-притяжения, таких как Пушкин – Толстой и Достоевский, Гоголь – Аксаков, Лермонтов – Кольцов, Тютчев – Некрасов, Чернышевский – Тургенев, Гончаров – Лесков, Салтыков-Щедрин – Островский, Чехов – Горький, Блок – Есенин**. Их постижение уходит вдаль, к потомкам!

«Россия – не Европа, но это удивительная и вполне самобытная страна», – таково живое сердцем выявленное главное впечатление Уоллэса от его путешествий. Но **осознать разумом самобытность культурно-исторического типа российского общества ему оказалось не по силам**. **Культур-**

* Пушкин. Письма, Том III, 1831–1833. Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. ACADEMIA, 1935. С. 435, 507.

** Ю. И. Селезнёв. *Партия народа. См.: Александр Сергеевич Пушкин. «Русский мир в лицах»*. М., 2006. С. 649–650.

ное развитие российского общества рассматривается Уоллэсом как производное от влияния Европы, как отношения «цивилизации» к «варварству». С этих позиций его понимание остаются недоступными многие из затрагиваемых им серьёзных вопросов.

1. Так, например, философская теория славянофилов, противоборствующая сухому и тщедушному рационализму Запада, никак не может быть понята только как распространившаяся из Европы «реакция против космополитизма и романтический энтузиазм к национальности».

2. Или созвучное западному либерализму объяснение Уоллэсом «национального унижения» России в Крымской войне: «Чем же иным, – утверждает автор, – можно было объяснить это, как не коренную несостоятельностью той системы, которая долгое время проводилась с таким непреклонным упорством?» Эта европейская идеологема в годы после Крымской войны была с жаром подхвачена либеральными кругами и в печати и становится средством мощнейшего психологического воздействия на широкие слои российского общества. Но она же становится и провозвестником кризиса идеологии российского либерализма, когда требование «слома общей политической системы» превращается в тривиальную составляющую на все времена, для каждого из всех его последующих проектов. В тех случаях, когда провозглашаемая в действиях либералов указанная европейская идеологема разрывает их связь с национальными интересами общества, либералы прибегают к политической и иной мимикрии, имитируя «общественное мнение» на фоне самых общих принципов: например, демократических требований личной независимости или свободы культурного и духовного творчества. Этим маскируются лишь интересы их собственного паразитического существования «над» обществом. Свободомыслие и либерализм – разнородные социокультурные явления. Слово и мысль в родной среде всегда остаются свободными. Психологии русского

народа отвечает открытое противостояние чужеродности; «кукиш в кармане» не держали, а в вольнолюбии своём стояли твёрдо, за вольнодумство шли и на костёр. Отечественное свободомыслие не создаёт замкнутых структур, подобных либерализму. Содержание требований либералов радикально расходится с национальной ценностной системой «восточного» православного правосознания, – например, **российского консерватизма – с его принципом уважения к духовной жизни человека, неприкосновенности и святости домашнего очага, из которого вырастает и общее требование прочного правопорядка.** В общекультурном плане российскими либералами усваивается западный тип, устремлённый к прогрессу, – **успехам цивилизации как сферы материальной, как-то: сытость, богатство, слава и успех, индивидуальная и иная свобода; в то время как восточный стремится к культуре – как области духовного.** «Западное христианство ориентировано на человека, так сказать, **натурального, каков он есть сейчас; православное – на человека, каков он должен быть, то есть как он замышлен Богом, иначе говоря – на соотносимый с Христом идеал человека.** Отсюда разница в иерархии ценностей. В плане нравственно-гражданском вершина этой иерархии на Западе – *права человека*, категория внешняя по отношению к личности; в восточном же христианстве на этом высшем месте – *обязанности человека*, ценность внутренняя, обеспечиваемая самой личностью – прежде всего в исполнении заповедей*». Либерализм являет собой некое единство на особой многослойной почве; это не дань одной только политике или верованиям западного христианства, но онтология социального поведения субъекта, легче и скорее привившегося на Западе. Европейская идеологема «слома общей политической системы» для либерала означает решительный и полный разрыв с прошлым, тогда как для консерватора – утверж-

* В Непомнящий. Удерживающий теперь. См.: Александр Сергеевич Пушкин. «Русский мир в лицах». М., 2006. С. 685.

дение образа усечением порока. Либеральная идеология не всегда открыто поощряется в национальной среде. Зато она всегда **сродни реалистическим интернациональным западническим идеологиям**, в среде которых в это же время, в жёсткой борьбе стремительно идущей унификации, элитами мундано-доминативных групп **начинает формироваться субстанция для иных гражданско-политических традиций – мондиализма**. Либерализм в ряде своих проявлений легко становится для них вполне легальным и даже модным прикрытием. Бесславно умирает блуждающая по России со времён западных буржуазных революций модель идеологии «либералистов»*. «Новая модель» идеологии либералов, одобренная существующим в России революционным элементом, выступает проводником очередной формируемой политической субъективности, используя выработанные в тех же штабах технологии отрицания, вплоть до сегодняшней монетаристской западнической идеологии либералов**. Уоллэс в его время, конечно же, не мог этого предвидеть, в бытность его в России не удалось спровоцировать «слома общей политической системы», но история страны ещё десятилетиями хранила и укоризненное, и ироническое отношение к несовместимому с русской культурой *европеизму* в действиях российских «прогрессистов». «Слом...» произошёл в XX веке, страна прошла грань развала. Новое «национальное унижение», казалось, на пороге, когда в противодействие западническому сатанизму в российском обществе сама история подняла народ к власти и промышленительно направила исполинскую мощь этого народного подъёма, **предопределяя России её собственный цивилизационный путь к возрождению суворовских побед!**

3. По-европейски легковесное и пренебрежительное отношение к историческим традициям России сквозит

---

* Выражение Н. М. Карамзина.

** Самых модных из них в обществе сегодня часто называют «либерастами» (В. Д.).

и в главе о судах: «Если введение публичного и гласного судопроизводства и института присяжных было возвратом к древним учреждениям, то ведь они давно уже пришли в полное забвение у всех – кроме разве антиквариев, – и никто серьёзно не думал о развитии действительно существовавшей системы» – этот тезис автора, как нам кажется, мог бы подлежать добротной проверке юристами.

4. Неприменимо к России, по-европейски, звучит и смысловая **связка автора о том, что «сила растяжения, которую обладала Россия, всегда была гораздо значительнее, чем ея способность ассимилировать население присоединённых областей».** Процессы этнической ассимиляции рассматриваются самим же автором в более глубокой связи с историческими особенностями **русской колонизации в соответствующих разделах его книги.**

Россия и Западная Европа тесно взаимодействовали на протяжении веков ещё допетровской истории. Культурная тяга России к Европе была естественной и осуществлялась постепенно. Русскость хранила от всецелого поглощения европеизмом. Победой «всей землёй» в кровавой смуте начала XVII в., выходом России из разрухи, разрешением внешнеполитических отношений с Польшей, Швецией и Турцией **русский алгоритм этого взаимодействия был определён уже довольно чётко.** Петром этот русский алгоритм был по-русски решительно, хотя и вдруг, насильственно, разрубая многие традиции, остававшиеся естественным продуктом исторического развития, **одним махом, предъявлен Европе, которая вынуждена была считаться с ним как минимум ещё сто лет.** В последующем, со времён царствования Александра I, особенно в первую его половину, наступающий широковещательный европеизм, со всеми его ярко выраженными флюидами разного рода радикализма, в том числе политического, **буквально навязывался эпигонами Петра Великого в официальной деятельности правительств.** В лаврах памяти тонула *пушкинская русскость,*

влияние европеизма усиливалось. Но в описываемое автором время оно осаждалось на сформировавшейся собственной благодатной почве единой Русской Культуры, которую питал *«всяк сущий в ней язык»*. В этой культуре созревало зерно самосознания великого народа. В речи о Пушкине Ф. М. Достоевский провозгласил это на всю Россию: **«Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя всё ещё не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов»***. Понять и раскрыть богоданный смысл этой культуры Уоллэсу, к сожалению, не удалось.

Но автор как серьёзный исследователь смог увидеть главное и очевидное – растущее противостояние внутри российского общества: **«народ, можно сказать, разделился надвое»**. **«Пётр успел наложить европейскую цивилизацию на дворян, – пишет Уоллэс, – но до народа она не достигла. Таким образом, народ, можно сказать, разделился надвое, и с каждым поколением это разделение обозначалось резче. Между тем как массы упорно цеплялись за свои обычаи и верования, освящённые временем, – дворяне смотрели на предметы народного благоговения как на остатки варварского прошлого, которого должна стыдиться нация цивилизованная»**. Деятельность Петра получает в рассказе Уоллэса меткую характеристику – **«..умственное движение, начатое Петром, имело характер чисто практический. Он сам с головы до ног был утилитарист и ясно понимал, что его народу недоставало не богословского или философского просвещения, но познаний чисто практических, применимых к потребностям ежедневной жизни. Он не имел**

---

* Впервые напечатано: «Московские Ведомости», 1880, № 162, 13 июня; См. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. Л., «Наука», 1984. С. 145.

нужды ни в богословах, ни в философах, но в сухопутных морских офицерах, администраторах, ремесленниках, рудокопах, мануфактуристах, торговцах, и с этой целью он ввёл светское, техническое воспитание. Для молодого поколения были основаны первоначальные школы; для учеников более взрослых были переведены на русский язык лучшие иностранные сочинения по фортификации, архитектуре, металлургии, инженерному искусству и пр. Учёные и искусные ремесленники были вызваны из-за границы; молодые русские были посланы в чужие края, чтобы научиться иностранным языкам и полезным искусствам. Одним словом, Пётр сделал всё, что, по его мнению, могло поднять русских до того уровня материального благосостояния, какого достигли более передовые народы».

И всё же в оценке Петра Уоллэс уступает своему великому русскому современнику Ф. М. Достоевскому, который выразил более глубокие мысли о петровской реформе: «Что означала для нас реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Пётр первоначально только в этом смысле и начал производить её, то есть в смысле утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Пётр, несомненно, повиновался некоторому затаённому чутью, которое влекло его, в его деле к целям будущим, несомненно, огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а, несомненно, уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, — ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно»*. Эта высшая цель потом временами те-

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. Л., «Наука», 1984. С. 147.

рялась и упускалась эпигонами Петра Великого в официальной деятельности правительств.

Уоллэс как исследователь

Западноевропейские образцы – основа цивилизационной самоидентификации автора, и он не всегда убедителен в своём сравнительном анализе российского материала. Но он и не агент, какой был бы нужен для осуществления чужого влияния. Его мировоззренческие позиции в истории Запада фундированы примерно с той же «глубиной», что и в российской: чего стоит, например, его фраза «...в XV и XVI столетиях народы Запада пробудились от своей духовной летаргии и двинулись вперёд по пути умственного и материального прогресса». И это в противовес широте взгляда его великого современника, французского историка и политического деятеля Гизо на *европейское просвещение*, который «... обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя всё отдалённое, всё постороннее *случайное*, доводит его до нас **сквозь тёмные, кровавые, мятежные** и, наконец, <?> **рассветающие века**»*.

Но чаще всего читатель видит перед собой текст не просто путешественника, а путешественника-исследователя, который обосновывает собственные позиции материалами, извлечёнными из первоисточников, или подтверждает свои выводы углублённым знанием изученных им научных публикаций. АВТОР СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ: «Главным источником, которым я пользовался при изложении истории русского крестьянства в древнейший период, служило мне сочинение Беляева: “Крестьяне на Руси”. Москва, 1860, – книга весьма талантливо и добросовестно написанная. В лице г. Беляева, умершего несколько времени тому назад, Россия потеряла одного из самых учёных и трудолюбивых

---

* А. С. Пушкин. «О втором томе “Истории русского народа”» Полевого. Пушкин. Полн. собр. соч., в 16 т. М.–Л., изд. АН СССР, 1937–1949. Т. XI. С. 127.

изследователей в области истории»*. ИЛИ: «Слова эти заимствованы мною из Императорского указа от 15 апреля 1721 г. (Полное собрание законов, № 3770)... По этому вопросу я могу в особенности рекомендовать статью г. Победоносцева в “Русском Вестнике” № 11 1858 г. и “Исторический исследования и статьи” того же автора, С.-Петербург 1876 г., а также статью Погодина в “Русской Беседе” 1858 № 4... Смотри по этому вопросу Чичерина: “Опыты по истории русского права”. Москва, 1858, стр. 162 и следующая, а также Лохвицкого “О пленных по древнему русскому праву”. Москва, 1855» и т. д.

Уже в предисловии к книге Уоллэс, скромно оценивая результаты своего труда, упоминает и об оказанной ему в России неоценимой помощи тех, с кем успел он познакомиться и подружиться: «Если моя книга не лишена некоторых заслуг, то оне должны быть приписаны главным образом содействию, щедро оказанному мне многими русскими». Читатель рассмотрит упоминаемый круг людей, которым автор считает себя особенно обязанным. Некоторые из них путешествовали с ним, сопровождая в поездке по губерниям. Другие помогали в добывании материалов и оказывали ему любезную предупредительность во всех отношениях; консультировали его, предоставляя автору свои обширные познания о русском крестьянстве, помогая в изучении вопросов об освобождении крестьян; наконец, содействовали в его стремлении лично познакомиться с лучшими практическими людьми на разных поприщах. Со своей стороны признаем, что путешественник умел выбирать достойных консультантов и сопутников.

В. С. Долгов

---

* Кстати, и не только в этой связи, но и в целом, можем отметить, что главы о крестьянстве в книге Уоллэса написаны с особой любовью, исполнены в высшей степени добротой, и их можно назвать наилучшими, глава тридцать вторая, построенная в виде полемики с оппонентами, – *chef-d'œuvre* (В. Д.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Глава I. Путешествие по России. – Железные дороги. – Вмешательство государства. – Водяные сообщения. – Русский «Grand tour». – Волга. – Казань. – Жигулёвския горы. – Финны и Татары. – Дон. – Трудности пароходства. – Неудобства. – Гостиницы. – Замечательные нравы. – Грунтовые дороги. – Мосты. – Подача писем. – Дорожные принадлежности. – Путешествие зимою. – Отморозжение. – Неприятныя приключения. – Сцена на почтовой станции.....7

Глава II. В северных лесах. – Взгляд на Россию с высоты птичьего полёта. – Северные леса. – Цель моего путешествия. – Переговоры. – Дорога. – Село. – Крестьянский дом. – Паровая бани. – Странный обычай. – Приезд.....35

Глава III. Добровольная ссылка. – Ивановка. – История села. – Управляющий именем. – Славянский и тевтонский характер. – Взгляд немца на освобождение крестьян. – Мировые суды. – Новая школа моралистов. – Русский язык. – Способность русских к языкам. – Мой учитель. – Куча новых известий.....45

Глава IV. Деревенский священник. – Фамилии священников. – Белое и чёрное духовенство. – Почему народ не уважает деревенских священников. – История

блага духовенства. – Деревенский священник и протестантский пастор. – В каком отношении религиозен русский народ. – Духовенство и народное образование. – Преобразования в духовенстве 60

Глава V. Врачебная консультация. – Неожиданная болезнь. – Деревенский врач. – Сибирская язва. – Мои уроки. – Русские историки. – Русский подражатель Диккенса. – Бывший крепостной слуга. – Медицина и знахарство. – Остатки идолопоклонства. – Суеверие крестьян. – Глупые слухи. – Таинственное посещение Святой Варвары. – Холера на пароходе. – Госпитали. – Дома для умалишённых. – Между сумасшедшими 78

Глава VI. Крестьянская семья старого типа. – Иван Петров. – Его прошедшее. – Артели. – Устройство крестьянского хозяйства. – Перевес хозяйственных соображений над родственными. – Крестьянские браки. – Преимущества жизни большими семьями. – Недобства такой системы. – Разделение семей и последствия его 96

Глава VII. Крестьянин северных губерний. – Общинная земля. – Система земледелия. – Храмовые праздники. – Пост. – Зимняя занятая. – Ежегодная отлучка. – Домашняя промышленность. – Влияние капитала и крупная предприятия. – Государственные крестьяне. – Дворовые и крепостные. – Обязанности крепостных. – История цивилизации Бокля. – Шаляций народ. – Далёкий север 110

Глава VIII. Мир или сельская община. – Социальное и политическое значение мира. – Параллель между миром и семьёй. – Теория общинной системы. – Практические отступления от теории. – Сельская сходка. – Члены-женщины. – Выборы. – Раздел общинной земли 135

Глава IX. Как сохранилась община и что она представляет для будущего. – Широкая реформы в начале нынешнего царствования. – Протест против принци-

na laissez faire. – Боязнь пролетариата. – Сравнение между русским и английским законодательством. – Пылкие ожидания. – Дурные последствия общинной системы. – Будущность общины. – Пролетариат в городах. – Временность настоящего положения вещей 157

Глава X. Финские и татарские деревни. – Финское племя. – Финские деревни. – Различные степени обрусения. – Финские женщины. – Религия финнов. – Способ «заклинания» духа. – Странное смешение христианства с идолопоклонством. – Обращение финнов. – Татарская деревня. – Понятие русского мужика о магометанстве. – Взгляд магометан на христианство. – Пропаганда. – Русский колонист. – Переселение народов в далёком прошлом 171

Глава XI. Города и торговое сословие. – Новгород. – Общий характер русских городов. – Общество в русских городах. – Почему городской элемент в России так незначителен. – История русских городских учреждений. – Безуспешные попытки создать среднее сословие. – Купцы, мещане и ремесленники. – Городская дума. – Богатый купец. – Его дом. – Его склонность к тщеславию. – Его понятие об аристократизме. – Ордена. – Невежество и нечестность торгового сословия. – Признаки перемены 189

Глава XII. Господин Великий Новгород. – Восточная половина города. – Кремль. – Старая легенда. – Вооружённые Руссы. – Норманны. – Народная воля в Новгороде. – Князь и народное собрание. – Распри и междоусобия. – Торговая республика, завоёванная Московскими царями. – Иван Грозный. – Настоящее положение города. – Провинциальное общество. – Картежная игра. – Толстые журналы. – «Вечная тишина.. 211

Глава XIII. Правительство и чиновники. – Чиновники в Новгороде, за исключением вице-губернатора, содействуют мне в моих занятиях. – Новая админи-

страция, созданная Петром Великим, и развитие ее при его наследниках. – Взгляд славянофила на правительство. – Краткое описание правительственной системы. – Чиновники. – Официальные титулы и их действительное значение. – Что сделало правительство для России в прошедшем. – Недостатки. – Бюрократические средства. – Сложный формализм делопроизводства. – Жандармерия. – Мои личные отношения к этой области управления; арест и освобождение. – Сильное и здоровое общественное мнение как единственное средство против дурного управления. – Применение этого принципа в России в последнее время 224

Глава XIV. Новое местное самоуправление. – *Благоприятная возможность изучать земство. – Русская самооценка. – Парламентская форма земства. – Уездное собрание. – Дворяне и бывшие крепостные. – Губернское собрание. – Главные члены. – Характер различных земств. – Начало и цель учреждения. – Необыкновенные ожидания. – Что земство сделало? – Почему в нем нет жизни? – Британский и русский методы создавать учреждения. – Характеристичный случай. – Будущность учреждения.....246*

Глава XV. Помещики старой школы. – *Русское гостеприимство. – Помещичий дом. – Описание его владельца. – Его жизнь. – Прошлое и настоящее. – Зимние вечера. – Книги. – Сношение с внешним миром. – Крымская кампания и освобождение крестьян. – Помещик пьяница и кутила. – Старый генерал и его жена. – Имянины. – Легендарное чудовище. – Судья в отставке. – Ловкий писец. – Общественная снисходительность. – Причины деморализации.....262*

Глава XVI. Помещики новой школы. – *Русский petit-maitre. – Его дом и обстановка. – Неудачные попытки улучшить земледелие и жизнь крепостных. – Сравнение. – Либеральный чиновник. – Его идея о прогрес-*

се. – Мировой судья. – Его мнение о русской литературе, чиновниках и петиметрах. – Его предполагаемый и действительный характер. – Крайний радикал. – Безпорядки в университете. – Административная высылка. – Способность России к политическим и социальным преобразованиям. – Свитский сановник у себя в деревне 287

Глава XVII. Дворянство. – *Дворянство в древния времена. – Татарское иго. – Московское царство. – Местничество. – Реформы Петра Великаго. – Дворянство усваивает себе европейския понятия. – Отмена обязательной службы. – Влияние Екатерины II. – Русское дворянство по сравнению с французским и с английской аристократией. – Русские титулы. – Вероятное будущее русскаго дворянства 309*

Глава XVIII. Сословия. – *Существуют ли сословия или касты в России? – Резко обозначенные общественные типы. – Сословия, признаваемые законодательством и официальной статистикой. – Происхождение и постепенное образование этих сословий. – Особенности исторического развития России. – Политическая жизнь и политическая партии 330*

Глава XIX. Среди еретиков. – *Волга. – Самара. – Молокане. – Мой способ изследования. – Александров-Гай. – Неожиданный богословский спор. – Учение и церковная организация молокан. – Надзор за нравственностью и взаимная помощь. – История секты. – Лжепророк. – Утилитарное христианство. – Классификация фантастичных сект. – Политика правительства по отношению к сектам. – Два рода ереси. – Вероятное будущее еретичных сект. – Вопрос о политической их благонадёжности 337*

Глава XX. Раскольники. – *Раскольники не должны быть смешиваемы с еретическими сектами. – Черезмерное значение, придаваемое обрядам. – Великий раскол семнадцатого столетия. – Появление анти-*

христа. – Политика Петра Великого и Екатерины II. – Способы, употребляемые раскольниками для ограждения себя от религиозных преследований. – Внутреннее развитие раскола. – Раскол в среде самих раскольников. – Старообрядцы. – Безпоповцы. – Охлаждение фанатического энтузиазма и образование новых сект. – Политика правительства относительно раскольников за последнее время. – Численность и политическое значение раскола.....358

Глава XXI. Степная племена. – Причины, побудившие меня к этому путешествию. – Наружный вид деревень. – Характеристичное приключение. – Крестьянская лживость. – Объяснение этого явления. – Я просыпаюсь в Азии. – Башкирский аул. – *Diner à la Tartare*. – Кумыс. – Башкирский трубадур. – Честный Мехмед-Зиан. – Настоящее экономическое положение башкирцев бросает свет на одну известную философскую теорию. – Почему пастушеское племя переходит к земледелию. – Настоящая степь. – Киргизы. – Письмо от Чингис-Хана. – Калмыки. – Ногайцы. – Борьба между кочевыми ордами и колонистами-земледельцами.....383

Глава XXII. Татарское иго. – Завоевание. – Чингис-Хан и его народ. – Возникновение и быстрое распадение Монгольской империи. – Золотая Орда. – Действительный характер татарского ига. – Религиозная терпимость. – Татарская система правления. – Великие князья. – Князья Московские. – Влияние татарского ига. – Его практическое значение.....405

Глава XXIII. Казаки. – Татарские набеги. – Невольничьи рынки в Крыму. – Военный кордон и вольные казаки. – «За порогами». – Запорожская Сечь в сравнении с Спартой и средневековыми рыцарскими орденами. – Казаки Донские, Волжские и Уральские. – Пограничные войны. – Теперешние казаки. – Землевладение у Донских казаков. – Переход от пастушеского быта к земледель-

ческому. – «Универсальный закон» социального развития. – Общинная и частная собственность. – Розги как орудие выживания 416

Глава XXIV. Иностранцы поселенцы в степи. – Степь. – Разнообразие племён, наречий и религий. – Немецкие колонисты. – В какой степени русские подражательный народ. – Менониты. – Климат и лесоводство. – Болгарские поселенцы. – Греки, говорящие по-татарски. – Евреи-земледельцы. – Обрусение. – Черкесский шотландец. – Численность иностранного элемента. – Его общественное и политическое значение 435

Глава XXV. Петербург и европейское влияние. – Петербург и Берлин. – Большие дома. – Полиция. – Достопримечательности. – Пётр Великий. – Его цели и его политика. – Немецкое управление. – Народная реакция. – Французское влияние. – Умственное бесплодие. – Влияние сантиментальной школы. – Враждебность к иностранным влияниям. – Новый период литературных заимствований. – Тайные общества. – Катастрофа. – Век Николая I. – Страшная война на Парнасе. – Упадок романтизма и трансцендентализма. – Гоголь. – Революционное движение 1848 года. – Новая реакция. – Заключение 451

Глава XXVI. Москва и славянофилы. – Редкости Москвы. – Канун Пасхи в Кремле. – Оригинальный быт. – Анекдот об императоре Николае. – Московские улицы. – Новые перемены в характере города. – Обыкновенное понятие о славянофилах. – Моё мнение, основанное на личном знакомстве. – Образ мыслей славянофилов за сто лет тому назад. – Начало и развитие славянофильского учения. – Его чисто московский характер. – Панславистский элемент. – Славянофилы и освобождение крестьян. – Московские Ведомости 480

Глава XXVII. Церковь и государство. – Петербург и Москва. – Россия вне области средневекового папского

права. – Влияние греческой церкви. – Русская церковная история. – Отношения между церковью и государством. – Восточное православие и русская национальная церковь. – Синод. – Ропот духовенства. – Местная церковная администрация. – Чёрное духовенство и монастыри. – Характер восточной церкви отражается в истории религиозного искусства. – Практические результаты. – План воссоединения церквей 500

Глава XXVIII. Крымская война и ее последствия. – Большая Нижегородская ярмарка. – Крым. – Севастополь. – Император Николай и его система. – Люди стремящиеся и апатически довольные. – Национальное унижение. – Всеобщее недовольство. – Смерть Николая. – Восшествие на престол Александра II. – Новый дух. – Воодушевление к реформам. – Перемена в периодической печати. – Колокол. – Консерваторы. – Чиновники. – Акционерные общества. – Первые определённые предложения. – Выступление крестьянского вопроса..... 517

Глава XXIX. Крепостные люди. – Сельское население в древней России. – Крестьяне в восемнадцатом столетии. – Как произошли перемены, совершившиеся в положении крестьянства. – Неверность общепринятого объяснения этого факта. – Крепостное право явилось результатом постоянно действовавших политических и экономических причин. – Происхождение прикрепления к земле. – Последствия этой меры. – Возстания крепостных крестьян. – Поворот в истории крепостного права. – Прикрепление к земле на Западе и в России. – Государственные крестьяне. – Численность и географическое распределение крепостного населения. – Повинности, которыми были обложены крепостные крестьяне. – Власть помещиков по закону и на практике. – Средства самозащиты, к которым прибегали крепостные. – Беглые. – Дворовые. – Нравственное влияние крепостного права 542

Глава XXX. Освобождение крестьян. – Возбуждение вопроса. – Главный комитет. – Дворянство западных губерний. – Явственный намёк, высказанный Императором дворянству. – Восторг печати. – Помещики. – Политическая стремления. – Отсутствие оппозиции. – Правительство. – Общественное мнение. – Опасение пролетариата. – Губернские комитеты. – Редакционная комиссия. – Вопрос созревает. – Провинциальные депутаты. – Манифест. – Главные основания нового закона. – Заблуждения и разочарование крестьян. – Характеристичный анекдот. – Выкуп. – Кем было совершено освобождение крестьян.....578

Глава XXXI. Последствия освобождения. А. – Для помещиков. – Затруднительное положение изследователя. – Упрощение задачи. – Прямое вознаграждение помещиков. – Косвенное вознаграждение. – Четыре системы сельского хозяйства при вольнонаёмном труде. – Которые из этих систем приняты в России. – Теперешнее положение поместий в северной и южной полосе. – Князь В. Васильчиков. – Типичный пример. – Южная полоса чернозёмной области. – Овцеводство и *Mercanti di campagna*. – Сухость климата. – Недостаток хороших рабочих. – «Леность крестьян». – Общие выводы 611

Глава XXXII. Последствия освобождения. В. – Для крестьян. Простой вопрос. – Затруднительность ответа на него. – Разбитыя иллюзии. – Пессимистические взгляды. – Мнение самих крестьян. – Причины застоя. – Троякое объяснение и три предлагаемая панацеи. – Нравственное лекарство против зла. – Предполагаемое преобразование общинных учреждений. – Крестьянские суды. – «Стесняющее влияние, приписываемое крестьянскому миру». – Подати и платежи за землю. – Распадение крестьянских семейств. – Несколько слов о вероятном будущем 643

Глава XXXIII. Новые суды. Судопроизводство в
прежнее время. – Недостатки и злоупотребления. – Ко-
ренная реформа. – Новая система. – Мировые судьи и
сезды. – Общие суды. – Кассационный суд. – Видоизме-
нение первоначального плана. – Как действует систе-
ма? – Быстрое ея усвоение. – Судьи. – Адвокаты. – Суд
присяжных. – Оправдание преступников, сознающихся в
содеянном преступлении. – Крестьяне, купцы и дворяне
в качестве присяжных заседателей. – Независимость и
политическое значение новых судов.....677

**Глава XXXIV. Расширение границ и восточный во-
прос.** Быстрый рост России. – Стремление земледель-
ческих народов к расширению своих границ. – Северные
леса и степь. – Колонизация. – Участие правительства
в процессе расширения России. – Расширение границ на
запад. – Возрастание населения России, изображённое
в форме таблиц. – Ассимиляция покорённых народов. –
Русский взгляд на английскую политику. – Побочныя
причины территориального увеличения России. – Охра-
нительные тарифы. – Анализ склонности, проявляемой
Россией к расширению своих границ, и вероятные пре-
делы этого процесса в будущем. – Русское движение
в направлении к Ост-Индии. – Завоевательное стрем-
ление в сторону Константинополя. – Религиозная,
сентиментально-этнологическая и политическая по-
буждения. – Новейшее движение в России. – Политика
русского правительства. – Заключение.....705

**ПОСЛЕСЛОВИЕ. Мировоззренческие позиции Мэ-
кензи Уоллэса в книге «Россия».** – Вопросы право-
славия и веры русского народа. – Вопросы культуры. –
Уоллэс как исследователь.....761

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (подготовлено 19 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 170 томов).

Редактор В. С. Долгов
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 18.02.2016 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 36,1 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.

Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кожелов А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.;
т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной Рос-
сии, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.;
т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Бо-
жия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судь-
бы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русско-
го, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверях, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.

Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

- Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Мионов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верую разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.
Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.
Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.
Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.
Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодик, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.

- Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
- Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.
- Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.
- В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
- Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
- Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
- Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
- Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)